

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

СБОРНИК МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ

LV

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ:

Вещи, история коллекций, тексты

Санкт-Петербург
«Наука»
2009

УДК 069.8(470.23-25)
ББК 63.5л6
В78

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редакционная коллегия

*Ю.К. Чистов, Е.А. Резван, Е.А. Михайлова, Ю.Е. Березкин,
Ю.Ю. Карпов, В.Ф. Выдрин, А.К. Байбурин*

Рецензенты:

д-р ист. наук Е.В. Ревуненкова,
д. филол. наук А.А. Бурыкин

Ответственный редактор

д-р ист. наук М.Ф. Альбедиль

В78 **Восточная Азия: Вещи, история коллекций, тексты.** СПб.: Наука,
2009. 413 с. + CD. (Сборник МАЭ. Т. LV).

ISBN 978-5-02-025593-7

Настоящее издание посвящено памяти Александра Михайловича Решетова (1932–2009), многие годы бессменно возглавлявшего отдел Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ РАН.

Сборник составлен из работ сотрудников отдела и продолжает традицию публикаций, посвященных фондам крупнейшего российского музея. В него вошли статьи, рассматривающие как отдельные предметы из собраний Китая, Японии, Таиланда, Кореи, так и целые коллекции.

Статьи богато иллюстрированы уникальными фотографиями из хранилищ МАЭ РАН; также к сборнику прилагается CD-диск, на котором эти фотографии даны в цвете.

Все материалы публикуются впервые и представляют несомненный интерес как для специалистов в области музееведения, этнографии и материальной культуры народов Востока, так и для широкого круга читателей.

УДК 069:39
ББК 63.5л6

ISBN 978-5-02-025593-7

© МАЭ РАН, 2009

© Редакционно-издательское
оформление. Издательство
«Наука», 2009

Содержание

Предисловие	5
<i>Е.В. Иванова, Е.В. Ревуненкова. А.М. Решетов (1932–2009)</i>	7
Библиография работ А.М. Решетова	16

ВЕЩИ

<i>Е.В. Иванова. Тайская женская одежда в коллекциях МАЭ РАН</i>	55
<i>А.Ю. Сеницын. Картины на фарфоровых пластинах (коллекция № 2932)</i> из японского собрания МАЭ РАН в контексте японской традиции изображения знаменитых воинов и героев прошлого	68
<i>П.В. Рудь. Китайские настольные экраны из Особой кладовой</i> Музея антропологии и этнографии	106
<i>А.М. Соколов. Японские гарды цуба в айнских коллекциях</i> Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН	121
<i>Н.В. Майкова. Японские сандалии варадзи и варадзори</i> в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого . . .	136

ИСТОРИЯ КОЛЛЕКЦИЙ

<i>Е.В. Иванова. Хроника поступления буддийских коллекций</i> в МАЭ РАН	145
<i>В.Н. Кисляков. Материалы к описанию экспонатов МАЭ РАН</i> по религиозным воззрениям китайцев. Сведения о собирателях	211
<i>Д.В. Иванов. Буддийские коллекции Кунсткамеры XVIII века</i>	254
<i>Д.А. Самсонов. История формирования и характеристика корейского</i> иллюстративного фонда Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого	277
<i>А.Ю. Сеницын. Коллекция № 13 из японского собрания МАЭ РАН,</i> ее особенности и история формирования	303

ТЕКСТЫ

И.А. Алимов. Сборник Чжу Юя (1075?—после 1119)

«Из бесед в Пинчжоу» — важный источник сведений

о сунском Китае353

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наш сборник посвящен памяти Александра Михайловича Решетова (1932–2009), старейшего сотрудника Музея антропологии и этнографии РАН, востоковеда, китаиста, специалиста-этнографа самого широкого профиля, бессленно руководившего отделом Восточной и Юго-Восточной Азии (в былые годы — отдела Зарубежной Азии) в течение многих лет, живым примером вдохновлявшего сотрудников отдела к кропотливой научной работе. Ярким свидетельством масштабности научной деятельности А.М. Решетова служит полная библиография его трудов, публикуемая в настоящем томе.

Традиция выпуска сборников МАЭ как отдельного специального издания восходит к 1900 г., когда на заседании Историко-филологического отделения Императорской Академии наук было принято решение об учреждении подобного издания, первый выпуск которого увидел свет в том же году. С тех пор прошло много лет, и хотя в периодичности этого издания случались существенные перерывы, оно, тем не менее, выходило регулярно, выполняя роль основного печатного органа музея. С 1964 г. сборники МАЭ стали тематическими (этногеографическими): «Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов» (1965), «Культура народов Зарубежной Азии» (1973), «Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ» (1987), и др. Опубликованные в сборниках МАЭ труды сотрудников музея обширны и многообразны, эти сборники — зримая черта научной преемственности этнографической науки в Санкт-Петербурге.

Отдел Восточной и Юго-Восточной Азии с давних пор принимает участие в подобных тематических сборниках. Громадные коллекции МАЭ по странам и народам Дальнего Востока — вот что всегда составляло основу наших публикаций; стремление ввести наиболее значимые экспонаты в активный научный оборот, изучить их и показать миру всегда представлялось нам особенно важным и ценным. Хранящиеся в фондах МАЭ уникальные и удивительные свидетельства традиционной материальной и духовной культуры народов Дальневосточного региона являются сутью и целью наших научных интересов, и в этом смысле отдел Восточной и Юго-Восточной Азии так же следует традициям, как и изучаемые его сотрудниками народы.

Не стал исключением и настоящий сборник — «Восточная Азия: вещи, история коллекций, тексты», представляющий собой своеобразный срез научных изысканий отдела: как видно из названия, значительная его часть посвящена именно вещам и коллекциям. Тайская одежда и японские картины на фарфоровых пластинах, китайские настольные экраны и буддийские коллекции Кунсткамеры, история вещей и их собирателей — именно об этом пойдет речь в настоящем издании. Многие из экспонатов десятки лет находились в забвении и ранее не публиковались. В результате многолетней работы с архивной и музейной документацией, каталогами, реестрами, старыми этикетками и другими документами сотрудникам отдела Восточной и Юго-Восточной Азии удалось восстановить историю собирания ряда коллекций, их состав, осуществить атрибуцию предметов. В поле зрения исследователей попала и такая редкая тема, как история собирания фотоматериала, в частности корейского иллюстративного фонда. Хотя история его бытования не выходит за рамки XIX в., он, несомненно, представляет большой научный интерес. Одна из статей посвящена коллекциям и собирателям культовых предметов по народам Китая и охватывает десятки коллекций, систематизированных и описанных, включая сводные данные и списки собирателей. Полноту картины довершает комментированный научный перевод китайского памятника XII в., содержащего уникальные сведения о различных аспектах жизни традиционного китайского общества того далекого времени.

И.А. Алимов, А.М. Соколов

Е.В. Иванова, Е.В. Ревуненкова
А.М. Решетов (1932–2009)

29 мая 2009 г. оборвалась жизнь Александра Михайловича Решетова.

Два года назад, когда ему исполнилось 75 лет, в честь этого события МАЭ, который в течение полувека был единственным местом его трудовой деятельности после окончания университета, издал книгу «Проблемы общей и региональной этнографии». Она вместила статьи — «юбилейные приношения» — лишь небольшой части тех ученых, для которых научное творчество Александра Михайловича, его неповторимая личность значили очень много, и весть о его кончине была для них горька и неожиданна¹.

Уже к тому времени А.М. — этот неутомимый путешественник, объездивший нашу необъятную страну вдоль и поперек, испытывавший потребность не только по книгам знакомиться с ее народами, но своими глазами их увидеть и своими ушами услышать, пообщаться с изучающими их этнографами, из-за болезни ног уже давно не выходил из дома, с трудом передвигаясь по узкой «тропинке» среди окружавших его гор книг. Радужный хозяин, он принимал в своей однокомнатной квартире на пр. Мориса Тореза гостей, рвавшихся поздравить его и изъяснить ему свои чувства, небольшими группами.

Он жил один, но не был одинок и беспомощен. Двери его дома всегда были распахнуты перед друзьями, учениками, писавшими под его руководством диссертации, перед молодыми и почтенного возраста коллегами, которые интересовались его мнением по различным научным проблемам, нуждались в его совете, ценили феноменальную широту его познаний, его мудрость.

¹ В предисловии к этой книге мы писали: «1 августа 2007 г. Александру Михайловичу Решетову исполняется 75 лет. Ученые самых разных областей гуманитарного знания — этнографы и востоковеды, историки и филологи — объединились с исключительным подъемом и представили к этой дате свои статьи в сборнике, посвященном ученому большого дарования, личности незаурядной, очень многогранной, яркой, обладающей широким научным диапазоном и могучим темпераментом. Очень многие ученые откликнулись на предложение принять участие в юбилейном издании, так что составителям пришлось ограничить их число и оставить только те статьи, которые в той или иной степени находятся в русле идей и направлений, свойственных научному творчеству самого юбиляра» [Иванова, Ревуненкова 2007].

И никогда не умолкал телефон, позволявший Александру Михайловичу в его затворничестве поддерживать постоянную связь с коллегами в МАЭ, с отечественными и зарубежными учеными, с друзьями.

Александр Михайлович родился 1 августа 1932 г. в рабочем поселке Глубокий в 200 км от Ростова-на-Дону². Отец его Михаил Иванович Решетов водил поезда по Юго-Восточной железной дороге, был удостоен звания почетного железнодорожника СССР, этой же профессией овладели два его старших сына — Иван и Николай, а дочь Валентина служила на этой же дороге. Мать — Матрена Фоминична — растила четверых детей, под ее строгим контролем все члены семьи от мала до велика участвовали в огородных работах и уходе за домашним скотом. Личная вовлеченность Александра Михайловича с детских лет в деревенский труд позволила ему в дальнейшем в бытность этнографом прекрасно разбираться в тонкостях народной материальной культуры.

В старших классах Александр Михайлович увлекался историей дипломатии, много читал, был правой рукой школьного библиотекаря. Первым «проглатывал» все новые поступления. Закончив школу с серебряной медалью, в 1951 г. поехал в Москву поступать в МГИМО, но опоздал — в том году прием закончился раньше обычного, 20 июля. А.М. Решетову пришлось расстаться с мечтой о карьере дипломата и отправиться в Ленинград. Судьба сберегла его для востоковедения и этнографии.

А.М. Решетов поступил на Восточный факультет на отделение истории Китая на кафедру истории стран Дальнего Востока, которой заведовал Г.В. Ефимов. Этого историка наряду с Н.В. Кюннером, И.П. Петрушевским, Л.А. Березным и Е.Я. Люстерник он глубоко читал как своих Учителей.

Три члена когорты историков Китая, закончившие на год раньше А.М. Решетова ту же кафедру (Е.И. Кычанов, В.И. Ларичев, В.С. Кузнецов), до конца дней А.М. сохраняли с ним научные и дружеские связи, их научные подношения к его юбилею читатель найдет в сборнике в его честь.

В 1956 г. по окончании университета А.М. Решетов поступает в аспирантуру Института этнографии, обучение в которой было прервано стажировкой в КНР. А.М. Решетов едет в Китай с мыслью о своем будущем этнографа и на протяжении четырехлетнего пребывания в этой стране знакомится с ее древней культурой, осваивает китайский разговорный язык, пристально всматривается в состояние китайского общества (начиналась культурная революция), пытается глазами этнографа увидеть народную жизнь, интересуется этническим многообразием населения, знакомится с китайской этнографической наукой и ее видными представителями: Линь Яохуа, Чэнь Юнлином, Су Кэцином, Юй Даоцюанем и др. Именно в Китае состоялась счастливая, пожалуй, судьбоносная встреча с Н.Н. Чебоксаровым и К.М. Сергеевым (с Н.М. Дудинской А.М. Решетов уже был знаком). Здесь же завязались дружеские отношения с В.Ф. Гусаровым, Б.Н. Мельниченко, Н.А. Мазуром, Э.С. Стуловой, с московскими китаистами М.Л. Титаренко, М.В. Крюковым, А.А. Москалевым, с радостью откликнувшимися спустя полвека на юбилей «друга юности».

² Спустя много лет он посвятит своей «малой родине» доклад на Среднеазиатско-Кавказских чтениях (см. Библиографию за 1997 г.) — «Поселок Глубокий Ростовской области. Эскизы к историко-этнографической характеристике [Решетов 1997].

В декабре 1960 г. А.М. Решетов возвращается в Ленинградскую часть ИЭАН СССР (ныне — МАЭ РАН), с которым связана с тех пор вся его дальнейшая жизнь и деятельность. Здесь он прошел путь от младшего до ведущего научного сотрудника, стал автором более 500 научных работ, приобрел широкую известность в научных кругах.

Свою научную деятельность А.М. Решетов начал как этнограф-китаист. Прекрасно владея китайским языком, он являл собой образ настоящего этнографа, соответствующего требованиям, предъявляемым классиками отечественной этнографии к исследователю, собирающемуся изучать какой-либо народ. Для этого было необходимо прежде всего знать язык этого народа. За годы советской власти эта традиция была почти утрачена и по-настоящему не восстановлена до сих пор. Как этнограф-китаист, А.М. Решетов в этом смысле представляет собой редкий пример сохранения непреходящих по своей ценности традиций российской этнографии. Знание языка способствовало его становлению как китаиста в широком понимании: его работы посвящены не только этнографии, этнической истории, вопросам социальной организации, но и проблемам истории и филологии преимущественно малых народов Китая. А если говорить более точно, то для трудов А.М. Решетова в области китайской этнографии характерен комплексный подход, поэтому они в равной мере интересны как для историков, так и для филологов, что не раз подтверждалось реакцией на его выступления на многочисленных востоковедных конференциях и откликами в печати, переводами его работ на китайский язык.

А.М. Решетов внес значительный вклад в написание томов в серии «Народы мира», посвященных Восточной и Юго-Восточной Азии.

Постепенно молодой ученый начинает расширять свое исследовательское поле, включая в сферу научных интересов этнографическое изучение других стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Отдельные сюжеты и проблемы, поставленные на китайском материале, перекликаются в трудах А.М. Решетова со сходными этнографическими сюжетами соседних или находящихся под влиянием китайской культуры стран — Монголии, Тибета, Юго-Восточной Азии.

Уже на раннем этапе своего научного становления А.М. Решетов почувствовал вкус к теоретическим проблемам этнографии (проблемам родства и семейно-брачных отношений, хозяйственно-культурных типов, этноса, этнопсихологии, методам этнографического исследования и др.). Во многом интерес к проблемам общей этнографии у молодого ученого стимулировали активно развивавшиеся в 1960-х годах острые дискуссии и обсуждения по вышеуказанным проблемам в окружавшей его научной среде, печати, личном общении с выдающимися учеными, стремившимися к творческому развитию науки, называемой в то время советской этнографией. Среди ряда крупных ученых, под воздействием которых А.М. Решетов проходил этнографическую школу, прежде всего следует назвать Николая Николаевича Чебоксарова. Несмотря на то что один жил в Москве, а другой в Ленинграде, они были очень тесно связаны не только научными, но и личными, дружескими узами. Н.Н. Чебоксаров, исключительно эрудированный, широко образованный ученый-антрополог в западном понимании этого слова, во многом пробудил и сформировал исследовательские интересы молодого ученого. А.М. Решетову было присуще крайне благодарное и уважительное отношение к старшим кол-

легам. Многих из них он воспринимал как своих учителей. К Чебоксарову Александр Михайлович испытывал особенно теплое, трепетное чувство. Он отдал ему дань огромного уважения в большой статье [Решетов 2004], а мы — коллеги и друзья А.М. Решетова — слышали от него столько рассказов о Н.Н. Чебоксарове, что создалось впечатление, как будто сами долго с ним общались и очень хорошо знаем этого в высшей степени серьезного ученого и в то же время трогательного, смешного человека, в сущности, большого ребенка, человека, пережившего большую трагедию, но умевшего ценить жизнь и наслаждаться ее лучшими проявлениями. Под руководством Н.Н. Чебоксарова А.М. Решетов написал кандидатскую диссертацию на тему «Буи. Историко-этнографический очерк» и успешно защитил ее в Москве в 1967 г.

В 1970 г. А.М. Решетов создал в Лен. части Института этнографии группу общей этнографии и в течение нескольких лет руководил ею на общественных началах — до создания в Институте одноименной структурной группы. Доклады, сделанные на заседаниях этой группы, составили два сборника: «Охотники. Собиратели. Рыболовы» (1972) и «Ранние земледельцы» (1980).

С конца 1970-х годов внимание исследователя наряду с теорией этнографии начинает привлекать и ее история, прежде всего история российской этнографии в лице конкретных ее представителей. Именно с этого времени можно вести отсчет основанному им направлению, которое он успешно развивал и совершенствовал. За прошедшие годы вышло множество его статей об ученых, внесших огромный вклад в российскую этнографию, но часто забытых, хотя последующие поколения пользуются результатами трудов предшественников, даже не подозревая о масштабе личности последних. А.М. Решетов серией своих статей об этнографах, директорах и работниках Музея антропологии и этнографии (Д.К. Зеленине, Н.В. Кюнере, Л.И. Шренке, В.В. Радлове, Е.Ф. Карском и др.), об ученых-эмигрантах (С.М. Широкогорове, С.Г. Елисееве, В.А. Рязановском и др.) уничтожил многие белые пятна в истории отечественной этнографии, а в ряде случаев восстановил и открыл для нас имена и роль исследователей, которые на долгие годы были вычеркнуты из памяти поколений.

А.М. ставил задачу (и умело решал ее) — найти ценные для этнографической науки материалы в творчестве представителей смежных гуманитарных наук (см. в Библиографии его статьи о выдающихся востоковедах — В.М. Алексееве, Б.Я. Владимирцеве, Н.А. Невском, археологах — С.И. Руденко, М.П. Грязнове и др.), Н.К. Рерихе, Святителя Иннокентия и многих-многих других ярких личностей.

Именно А.М. Решетов впервые обратился к исследованию научного творчества ученых, подвергшихся репрессиям. Позже это направление, названное репрессированной этнографией, было подхвачено и развито более предприимчивыми деятелями науки. Ради восстановления справедливости и научной истины он годами работал в специальных архивах, изучал документы, дела невинно осужденных ученых (Н.М. Маторина, Б.А. Куфтина, Б.Н. Вишневского, К. Герда, М.Б. Шатилова, Т.А. Крюковой и др.), их труды, освещал их огромную роль в развитии отечественной этнографии. Своим буквально подвижническим трудом в этой области А.М. Решетов заслужил огромную благодарность не только от ученых — своих современников, но и от ныне живущих родственников репрессированных этнографов. А это дорогого стоит.

В историографическом аспекте следует рассматривать и многочисленные статьи-некрологи, написанные А.М. Решетовым. Он всегда внимательно следил за работами своих коллег, независимо от их возраста, специализации и титулов, а при утере их откликнулся прочувствованными некрологами, менее всего напоминавшими формальные статьи в этом жанре. В них всегда даются убедительные, исторически важные характеристики. Более того, он отмечал в наших изданиях и юбилейные даты, и уход из жизни и тех уже бывших коллег, которые на нашей памяти уехали из России. Широкий научный кругозор позволял ему оценить роль того или иного ученого в этнографии, вклад в развитие науки. И главное, он всегда чувствовал себя обязанным отдать последний долг коллегам и оставить последующим поколениям память о предшественниках, их открытиях и достижениях, запечатлеть черты их личности. В таких случаях его собственные дела откладывались ради того, чтобы выразить высокое уважение к памяти коллеги и сделать все возможное, чтобы не затерялся его след в науке.

А.М. Решетов являлся в наши дни, несомненно, лучшим в России знатком истории отечественной этнографии и творческих биографий ее представителей. Он входил в состав авторских коллективов многих российских энциклопедий (Советской исторической энциклопедии, БСЭ, БРЭ, «Народы и религии мира», «Югория», «Северная энциклопедия», «Башкирская энциклопедия», «Воронежская историко-культурная энциклопедия»).

А.М. Решетов задумал создание Биобиблиографического словаря российских этнографов и антропологов XX в., обратился в 2004 г. со страниц «Этнографического обозрения» с призывом содействовать ему в этом начинании и сам многие годы работал над этим масштабным проектом. (К сожалению, работа эта осталась в рукописи, и одна из учениц А.М. Решетова китаист Е. Петрова разбирает сейчас эту часть большого архива ученого.)

К А.М. Решетову постоянно обращались за библиографическими справками со всех концов России, ближнего и дальнего зарубежья. Его труды в этой области были заслуженно оценены и зарубежными этнографами. Так, в монументальном словаре «International Dictionary of Anthropologists» (Gen. ed. Ch. Winters. N. Y.; L., 1991. 823 p.) благодаря А.М. Решетову было введено в мировую этнографию много имен российских ученых, статьи о которых им же и были написаны.

А его рассказы из истории российской этнографии в неформальной обстановке, сочетавшие высокую научность и юмор, навсегда врезались в память заинтересованных слушателей и остались живой иллюстрацией прошлого отечественной науки.

В богатырской фигуре А.М. Решетова, которой под стать и его мощный интеллект, соединились, казалось бы, несовместимые качества ученого. Он самозабвенно работал с книгами в библиотеках, с материалами архивов, был предан музейному делу и его «бухгалтерской» документации, любил кабинетную тишину. И в то же время он не мог жить и работать без живой стихии полевых исследований, постоянного ощущения жизненного потока и почти ежегодно по несколько месяцев проводил в экспедициях. Не считая многолетнего пребывания в Китае, он бывал в этнографических экспедициях у калмыков, ненцев, селькупов, объездил Приморский край и Сахалин, Монголию, неоднократно — всю Среднюю Азию и Казахстан. Один из авторов данного тек-

ста — Е.В. Ревуненкова — ездила вместе с ним в Среднюю Азию изучать уйгуров, таджиков и узбеков и была свидетелем того, как быстро и естественно он вживался в любую среду обитания. Он сразу воспринимался как аксакал, без труда располагал к себе людей, с первых минут завораживал их своими рассказами. Выразительно, умно, логично, с юмором он мог говорить на любые темы, поддержать любой разговор. И через короткое время окружающие буквально раскрывали перед ним свои сердца. Как истинный этнограф, он жил жизнью того народа, который изучал. И в полевых условиях оставался тем же безусловным лидером, как и в научной среде, впрочем, как и везде, где бы ни находился. Особенно интересно было наблюдать, как в условиях экспедиции при обсуждении добытых в течение дня материалов в ходе импровизированных бесед у А.М. Решетова тут же рождались мысли, ассоциации, сопоставления из известных ему сведений по истории и теории этнографии, вещей, коллекций. Это была, в сущности, настоящая неформальная этнографическая школа.

У А.М. Решетова очень рано появились и собственные ученики. Он заботливо выращивал их. Ему был присущ особый дар наставничества, умение пробудить интерес к тому, что интересно ему самому, и одновременно он увлекался теми же проблемами, сюжетами, предметами, которые интересовали его учеников. Многие ученики А.М. Решетова давно стали кандидатами и докторами наук. Сам он не защитил докторскую диссертацию — было жаль тратить время на связанные с этой процедурой формальности.

Но в науке тоже есть гамбургский счет, и все мы знаем, что по своим многочисленным талантам, которыми природа щедро его одарила, по обширным знаниям в области конкретной и теоретической этнографии, по высоте творческого полета и широте научного кругозора он представляет тип истинного ученого самого высокого класса, намного выше уровня обычного доктора наук. К нему обращались по самым разным проблемам этнографии, его мнением дорожили ученые, которые формально занимают более высокое положение в науке. Не случайно в юбилейном сборнике приняли участие академики, директора академических институтов, многочисленные доктора наук.

Бурный научный темперамент сочетался у А.М. Решетова с не менее бурным общественным темпераментом. Это был человек огромной социальной активности, всегда стремившийся быть в центре событий. В советское время люди такого склада во многом для реализации своих научных, организаторских и административных способностей вступали в ряды КПСС. А.М. Решетов был активным членом КПСС, не раз избирался в руководящие местные органы этой организации, был секретарем местной партийной организации. Позже, уже в иной обстановке, он никогда не старался скрыть этого факта своей биографии, не каялся, не заявлял о перемене своих взглядов и не стал называть себя демократом, а продолжал спокойно и достойно заниматься своей разнообразной научной деятельностью, как это делал всегда. А занятие репрессированной этнографией, восстановление имен исследователей, загубленных режимом, мы считаем достойной реакцией на преступления этого режима.

Пример А.М. Решетова говорит о том, что и в самых неблагоприятных для развития свободной мысли условиях можно отстаивать свое мнение и оставаться порядочным человеком. В 1960-х годах в МАЭ (тогда Институте этнографии, который был Ленинградской частью Московского института) проходи-

ла очень острая дискуссия по коренным проблемам социальной организации. Дискуссия развернулась между сторонниками сохранения «чистоты» марксизма (считавшегося единственно верным в то время учением) и реформаторами (их тогда называли ревизионистами), которые исповедовали провозглашенный самими марксистами принцип развития, но на основе новых научных фактов стремились по-новому взглянуть на проблемы социальной организации первобытного общества. Реформаторами были в основном молодые ученые, их оппонентами — маститые ученые, обладавшие к тому же, выражаясь современным языком, административным ресурсом (главным из последних был видный ученый и руководитель Ленчасти института доктор исторических наук и заслуженный деятель науки Леонид Павлович Потапов, с которым позднее у Александра Михайловича сложились прекрасные отношения). А.М. Решетов, будучи молодым сотрудником, еще не защитившим кандидатскую диссертацию, активно включился в дискуссию и благодаря логике своей аргументации и совершенно исключительным организаторским способностям смог переломить весьма опасную для многих участников ситуацию и в буквальном смысле слова спасти так называемых ревизионистов от мер административного воздействия, т.е. увольнения. Они остались работать в науке, успешно развивали ее в дальнейшем, став учеными с мировым именем. Один из них, австраловед Владимир Рафаилович Кабо (переехавший в конце жизни в Австралию и скончавшийся там почти одновременно с Александром Михайловичем) незамедлительно откликнулся на предложение участвовать в сборнике в честь А.М. Решетова. Современными молодыми учеными эта ситуация может восприниматься с иронией. Она действительно абсурдна, если оценивать ее с современной точки зрения.

Но ученые, еще помнящие научную атмосферу 1960-х годов — при этом далеко не худшую в истории науки — хорошо понимают, какая серьезная угроза нависала над научной карьерой, а в конечном счете и жизнью реформаторов за малейшее отступление от буквы доктрины, считавшейся тогда единственно правильной.

Огромный организаторский талант А.М. Решетова особенно активно реализовался в годы, когда он семь лет был ученым секретарем Ленчасти Института этнографии и 30 лет — ученым секретарем диссертационного совета. Именно в эти годы происходили защиты диссертаций многих «засидевшихся» к тому времени без научной степени, но вполне сложившихся ученых на всем пространстве бывшего СССР, а потом России — от восточных до западных, от северных до южных границ. Без преувеличения можно утверждать, что большинство кандидатов и докторов в МАЭ стали таковыми при содействии А.М. Решетова. И авторы этой статьи относятся к их числу.

Многие годы Александр Михайлович был членом Президиума Ассоциации этнографов и антропологов России. Участвовал в работе многих международных конгрессов. На шести конгрессах антропологов и этнографов России возглавлял секцию по истории науки. Входил в редколлегия сборников МАЭ (был ответственным редактором многих из них), «Курьера Петровской Кунсткамеры». А с 1992 г. был членом редколлегии «Этнографического обозрения».

Много лет А.М. Решетов был руководителем отдела Восточной и Юго-Восточной Азии, менявшего названия и состав сотрудников, был основателем и бессменным организатором Кюнеровских чтений. Перестав из-за болезни появ-

ляться в Музее, он продолжал по-прежнему интересоваться всем, что в нем происходит: и движением научной мысли, и музейными делами, и судьбами сотрудников. Теряя физические силы, он сохранял силу интеллекта и духа. Все, кто общался с ним, кто был верен ему и кому он доверял, по-прежнему находились под воздействием и обаянием этой не похожей ни на кого личности.

А.М. Решетов воспитывался в патриархальной семье в рабочем поселке и с детства впитал в себя крепкие моральные устои, нравственные ценности и этику поведения южнорусской провинции. Но в семье он не мог получить того огромного багажа знаний по культуре и искусству, который делал его таким интересным собеседником. В эстетическом смысле он воспитал себя сам. Став студентом Ленинградского университета, он жадно впитывал и усваивал дух и культурные ценности Ленинграда-Петербурга. Искусство стало такой же необходимой потребностью его жизни, как и наука. Многие годы он почти каждый вечер бывал либо в театре, либо в филармонии. С ранней юности он был увлечен балетом, стал знатоком этого искусства, буквально жил им и знал историю и современную ситуацию в балете не хуже, чем историю этнографии. Почти 50 лет он был близким другом, собственно говоря, своим человеком в доме великих танцовщиков современности — Натальи Михайловны Дудинской и Константина Михайловича Сергеева, которые очень ценили его мнение о той или иной постановке и всегда прислушивались к нему как балетному критику. Он был свято предан своим друзьям-танцовщикам и после их кончины, много сил и энергии затратил для увековечения их памяти, стал инициатором просветительских лекций об искусстве выдающихся российских танцовщиков в Российской Национальной библиотеке.

Много лет проработав с Александром Михайловичем в нашем учреждении, не раз побывав с ним в экспедициях и в разных поездках, наблюдая за ним в самых разных ситуациях и имея с ним далеко не всегда гладкие и ровные отношения, считаем А.М. Решетова человеком выдающимся. Ему была присуща огромная потребность в научном творчестве и искусстве. Он получал наслаждение от того и другого и в каждой из этих областей достиг уровня высокого профессионализма. С ним всегда было интересно. В любом обществе А.М. Решетов становился центром притяжения. Он восхищал своим особым ощущением полноты бытия, вкусом к жизни, был жаден к знаниям, музыке, балету, но равнодушен к так называемым материальным благам, обходясь самыми элементарными. Единственным богатством его несложного домашнего быта были книги, которые вытесняли своего хозяина, оставив ему ничтожное жизненное пространство, и множество растений, за которыми он заботливо ухаживал, и они в благодарность цвели круглый год. В разных ситуациях, в обсуждении насущных научно-организационных вопросов он выражал свое мнение прямо, конкретно, порой остро полемично, а не плел невнятную сумятицу и не говорил так, чтобы ничего не сказать, потому что так жить спокойнее. Стремление к спокойной жизни не было его стихией.

Сознание того, что личность такого огромного научного кругозора и творческого диапазона живет и плодотворно трудится среди нас, что, набрав номер его телефона, к нему можно обратиться по многим проблемам этнографии, давало заряд особой жизненной энергии, которая помогала нам достойно и целенаправленно заниматься своим делом в науке.

Грустно сознавать, что мы больше не услышим голоса Александра Михайловича, не сможем навестить его. Своим разносторонним научным творчеством А.М. Решетов принадлежит уже истории отечественной этнографии и, несомненно, является ее гордостью.

Библиография

Решетов А.М. Николай Николаевич Чебоксаров: Портрет ученого в контексте времени // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004. С. 358–396.

Иванова Е.В., Ревуненкова Е.В. Предисловие // Проблемы общей и региональной этнографии (К 75-летию А.М. Решетова): Сборник статей. СПб., 2007. С. 3

Решетов А.М. Поселок Глубокий Ростовской области. Эскизы к историко-этнографической характеристике // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 1994–1995 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1997. С. 112–115.

Библиография работ А.М. Решетова

1960

<Рец. на кн.> Юань Цзяхуа и др. Общие сведения о диалектах ханьского языка // Проблемы востоковедения. 1960. № 6. С. 193–194. Соавт. А.А. Торопов.

1963

Историко-библиографические работы Н.В. Кюнера по Тибету // Межвузовская научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки (22–25 января 1963 г.). Л., 1963. С. 35–37.

1964

К вопросу об этно-лингвистической классификации тайских народов // Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии. Л., 1964. С. 12–14.

Матрилинейная организация у наси (мосо) // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

<Доклад опубликован в Японии> Reshetov A.M. Matrilineal organisation of the Ma-shi (Moso) / Transl. by Saito Tatsujiro // Studies in archaic cultures of China. 1965. P. 65–72.

Монголия (МНР) // Восточная Азия: Краткий путеводитель по экспозиции. М.; Л.: Наука, 1964. С. 15–19.

Новая коллекция по папуасам Западного Ириана в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР // Советская этнография. 1964. № 1. С. 157–164. Соавт. Ю.В. Маретин.

Новые антропологические материалы из Тибета (находки в Линьчжи) // Вопросы антропологии. 1964. Вып. 18. С. 150–155.

1965

Буи // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 446–456.

Бэнлун // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 597–600.

Вьетнамцы КНР // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 587–588. Соавт. С.А. Арутюнов.

Дулун // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 527–530. Соавт. Ю.И. Журавлев.

Дун // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 463–466.

Историко-библиографические работы Н.В. Кюнера по Тибету // Доклады по этнографии / Всесоюзное географическое общество. Вып. 1(4). Л., 1965. С. 93–99.

Исторический очерк. Народы КНР // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 133–165. Соавт. Р.Ф. Итс, М.В. Крюков, Н.Н. Чебоксаров.

Китайские источники для изучения систем управления районами малых народов Китая (XIII–XIX вв.) // Филология и история стран Зарубежной Азии и Африки: Тезисы докл. научной конференции Восточного факультета. 1964/1965 учебный год. Л., 1965. С. 76–79.

- Лису // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 557–563.
- Куцун // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 565.
- Лоба // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 530–531.
- Маонань // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 471–473.
- Музыка. Народы КНР // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 410–416. С использованием материалов Н.Н. Шиманской.
- Мулао // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 469–471.
- Тибето-бирманские народы (введение) // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 502–503. Соавт. Р.Ф. Итс.
- Новая выставка «Народы Монгольской Народной Республики» в Музее антропологии и этнографии АН СССР // Советская этнография. 1965. № 3. С. 162–167.
- Ну // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 525–527. Соавт. Ю.И. Журавлев.
- О значении терминов саньмяо и боюэ // Конференция молодых научных работников и аспирантов. Тезисы докладов / ИНА АН СССР. М., 1965. С. 88–89.
- Основные черты тибетского общества в первой половине XX в. // Филология и история стран Зарубежной Азии и Африки: Тезисы научной конференции Восточного факультета. 1964/1965 учебный год. Л., 1965. С. 79–81.
- Пуми // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 524–525.
- Социально-экономические отношения у буи в первой половине XX в. // Вестник ЛГУ. Л., 1965. № 20. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. С. 64–72.
- III конференция по историографии и источниковедению стран Азии и Африки // Народы Азии и Африки. 1965. № 5. С. 231–234. Соавт. Ю.В. Петченко и др.
- Физкультура и спорт. Наука и просвещение Китая // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 345.
- Хани // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 552–557.
- Чжуань-дунские (тайские) народы (введение) // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 434–435. Соавт. Р.Ф. Итс.
- Шуй // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 466–469.

1966

- Наси // Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т. IX. С. 989.
- Некоренное население Индонезии // Народы Юго-Восточной Азии. М., 1966. С. 612–616.
- Некоренное население Филиппин // Народы Юго-Восточной Азии. М., 1966. С. 681–682.
- Одежда тайских народов // Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов: Сборник МАЭ. М.; Л., 1966. Т. XXIII. С. 60–85.
- Религиозный синкретизм у народов Юго-Западного Китая // Филология и история стран Зарубежной Азии и Африки: Тезисы докладов научной конференции Восточного факультета. 1965/1966 учебный год. Л., 1966. С. 89–90.

1967

- Буи: Историко-этнографический очерк: Автореф. дисс. ... к. и. н. Л., 1967.
- К вопросу об этнической принадлежности насельников культуры Шичжайшань // Этническая история и современное национальное развитие народов мира: Тез. докл. на конференции молодых научных сотрудников и аспирантов (февраль 1967 г.). М., 1967. С. 89–91.
- Нунг // Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т. X. С. 378. [Без подписи].
- Община у лису в первой половине XX в. // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л., 1967. С. 49–63.
- Проблема национального размежевания в КНР // Тезисы докладов научной конференции, посвященной итогам работы Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 г. Л., 1967. С. 46–48.
- III Всесоюзная конференция по истории, культуре и филологии Древнего Востока // Советская этнография. 1967. № 2. С. 156–166.
- Юго-Восточная Азия как историко-этнографическая область // Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии. Июнь 1967. Л., 1967. С. 34–36.

1968

Вторая ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР // Советская этнография. 1968. № 6. С. 133–136.

Дулун и ну // Доклады Географического общества СССР. Л., 1968. Вып. 5. С. 128–143.

Народное творчество буи // Доклады Географического общества СССР. Л., 1968. Вып. 5. С. 144–150.

Основные вопросы древнейшей истории юга Восточной Азии // Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1968. С. 250–281.

Этнографические аспекты проблем социальной роли эмиграции в работах К. Маркса и Ф. Энгельса // Тезисы докладов годичной научной сессии / ЛО ИЭ АН СССР. Л., 1968. С. 20–22.

1969

Влияние государства на этнические процессы // Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии. Л., 1969. С. 51–52.

Некоторые вопросы изучения систем родства // Тезисы докладов годичной научной сессии / ЛО Института этнографии АН СССР. Л., 1969. С. 28–32.

Развитие археологических и антропологических исследований (Ленинград, 18–25 апреля 1969 г.) // Вестник АН СССР. 1969. № 8. Соавт. Е.В. Иванова.

Сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1968 года // Советская этнография. 1969. № 5. С. 119–126.

Тибетская коллекция МАЭ (материальная культура) // Культура народов Зарубежной Азии и Океании: Сборник МАЭ. Л., 1969. Т. XXV. С. 114–135.

Третья ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР // Советская этнография. 1969. № 6. С. 131–134.

1970

В.И. Ленин о национальном развитии стран Востока // Советская этнография. 1970. № 1. С. 83–98. Соавт. Н.Н. Чебоксаров.

Ленинская теория самоопределения наций и проблема создания многонациональных государств // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1969 г. Л., 1970. С. 7–13.

Об использовании данных фольклора для изучения ранних форм семейно-брачных отношений // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970. С. 237–255.

Симпозиум «История и традиции отечественного востоковедения на Дальнем Востоке» // Советская этнография. 1970. № 3. С. 172–173.

Arbeitstagung für Auswertung der Archäologischen und Ethnographischen Feldforschungen des Jahres 1968 // Demos. 1970. № 3. S. 95–90. Соавт. Elena Ivanova.

1971

Антропонимические трансформации в инонациональной среде // Этнография имен. М., 1971. С. 59–65.

К вопросу о влиянии административно-территориального деления на этнические процессы в КНР // Ленинские принципы самоопределения наций и извращение их маоистами. М., 1971. С. 117–125.

К проблеме этнической адаптации китайцев Малайзии // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. Л., 1971. С. 96–99. Соавт. Ю.М. Осипов.

Население Сингапура // Советская этнография. 1971. № 2. С. 87–98.

О сборнике «Проблемы истории докапиталистических обществ» // Народы Азии и Африки. 1971. № 4. С. 80–81.

Поездка к дунганам // Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М., 1971. С. 173–177. Соавт. М.В. Крюков.

Хуэйзу экын либянди жычан фу. (Ценный труд о дунганах) // Шыйуади чи (Знамя октября). 1971. 12 октября.

Хуэйзу экын либянди жычан фу. (Ценный труд о дунганах) // Коммунист (на киргизском языке). 1972. № 1. С. 61–62.

Четвертая ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР // Советская этнография. 1971. № 3. С. 132–135.

The ethnic adaptation of the Chinese in Oceania // Countries and peoples of the Pacific basin. М., 1971. Р. 147–152.

<Член редколлегии> Краткое содержание докладов научной годичной сессии Института этнографии АН СССР. 1970. Л., 1971.

1972

В.К. Арсеньев как этнограф // Советская этнография. 1972. № 4. С. 74–87. Соавт. Б.П. Полевой.

Введение // Охотники, собиратели, рыболовы (Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе). Л., 1972. С. 3–10.

К вопросу о влиянии религии на этническое развитие стран Юго-Восточной Азии // IV научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии: Тез. докл. Л., 1972. С. 80–83.

Китайцы в Океании // Страны и народы Востока. Вып. XIII. Страны и народы Тихоокеанского бассейна. М., 1972. Кн. 2. С. 296–307.

Некоторые наблюдения над системами родства // Охотники, собиратели, рыболовы (Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе). Л., 1972. С. 228–235.

О полиандрии и полигамии у тибетцев (в связи с проблемой их общественного строя) // Центральная Азия и Тибет: Материалы к конференции. Новосибирск, 1972. С. 68–72.

Об этническом своеобразии хуэй и уровне их этнической консолидации // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 137–149.

<Ред.> Охотники, собиратели, рыболовы (Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе). Л., 1972.

<Рец. на кн.> Сушанло М.Я. Дунгане (историко-этнографический очерк) // Советская этнография. 1972. № 3. С. 181–182. Соавт. Н.Н. Чебоксаров.

Симпозиум «Географическое общество СССР и этнография» // Известия ВГО. 1972. Т. 104. Вып. 3. С. 240–241. Соавт. Т.В. Станюкович.

1973

Антропология и этнография о происхождении китайцев // Расы и народы. М., 1973. Вып. III. С. 89–114. Соавт. Н.Н. Чебоксаров.

Изменения в терминологии родства у современных зарубежных китайцев // Основные проблемы африканистики. М., 1973. С. 85–87.

Об уровне консолидации китайского (ханьского) этноса в конце XIX — первой четверти XX веков // Четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1973. Т. III. С. 391–398.

Современные этнические процессы у дунган // Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 г.: Тезисы докладов и сообщений по этнографии. Ташкент, 1973. С. 78–79.

Тибетская коллекция МАЭ (духовная культура) // Культура народов Зарубежной Азии: Сборник МАЭ. Л., 1973. Т. XXIX. С. 227–250.

Тибетцы // Советская историческая энциклопедия. М., 1973. Т. 14. С. 211–212.

<Рец. на кн.> Традиционная культура народов Передней и Средней Азии // Народы Азии и Африки. 1973. № 4. С. 186–188. Соавт. Т.А. Жданко.

Тун // Советская историческая энциклопедия. М., 1973. Т. 14. С. 503. [Без подписи]

Тунцзя // Советская историческая энциклопедия. М., 1973. Т. 14. С. 600. [Без подписи].

L'anthropologie et l'ethnographie sur l'origine des Chinois // Sciences sociales, Moscou. 1973. № 2 (12). Р. 122–141. Соавт. Н.Н. Чебоксаров. [То же на английском, испанском, бенгали и японском языках.]

<Член редколлегии> Основные проблемы африканистики. Этнография, история, филология. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Д.А. Ольдерогге. М., 1973.

1974

<Рец. на кн.> Т. Ганюшкина, Р. Разумовская, И. Шаврина. Музей антропологии и этнографии // Советская этнография. 1974. № 3. С. 178–179.

Два симпозиума по проблемам ранних этапов этнической истории народов Восточной Азии // Советская этнография. 1974. № 6. С. 139–145.

Копательные орудия у древних китайцев // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. 1972–1973. Л., 1974. С. 118–119.

Коротко об экспедициях (работа уйгуро-дунганского отряда) // Советская этнография. 1974. № 6. С. 145–146.

Наси // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. М., 1974. Т. 17. С. 297. [Без подписи].

О соотношении традиционной и современной культуры дунган // Новое в этнографических и антропологических исследованиях: Итоги полевых исследований Института этнографии в 1972 г. М., 1974. Ч. 1. С. 116–120.

О «цепочке имен» у народов мира // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1972–1973. Л., 1974. С. 148–151.

Сингапур // Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974. С. 232–252.

Цян // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М., 1974. С. 794. [Без подписи].

<Ред.> Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. 1972–1973. Л., 1974. Соред. Б.Н. Путилов, Л.М. Сабурова, К.В. Чистов.

<Ред.> Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974. Соавт. Н.Н. Чебоксаров, Я.В. Чеснов.

1975

К вопросу о социально-экономических отношениях у тибетцев в первой половине XX в. // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 198–215. Соавт. А.Г. Яковлев.

К истории формирования медицинских знаний у человека (к постановке вопроса) // Этнографические аспекты изучения народной медицины: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Л., 1975. С. 18–20.

К проблеме реконструкции маргинальных ареалов в Китае // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тезисы третьей конференции на тему «Методика лингво- и этногеографических исследований. Маргинальные и центральные ареалы». Л., 1975. С. 91–92.

<Рец. на кн.> Маски народов Сибири // Советская этнография. 1975. № 4. С. 172–173.

<Рец. на кн.> Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований на материале Татарской АССР // Расы и народы. М., 1975. Вып. V. С. 329–330.

<Ред.> Расы и народы. Вып. V. М., 1975.

<Ред.> Социальная история народов Азии. М., 1975. Соред. Ч.М. Таксами.

<Ред., чл. редколлегии> Этнографические аспекты изучения народной медицины: Тез. докл. Всесоюзной научной конференции. Л., 1975. Соред. К.Ф. Блинова, Ю.В. Бромлей.

<Член редколлегии> Из культурного наследия народов Америки и Африки: Сборник МАЭ. Л., 1975. Т. 31.

1976

Тибетцы // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. М., 1976. Т. 25.

Шэ // Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М., 1976. С. 376. [Без подписи].

<Рец. на кн.> Claudine Lombard-Salmon. Un exemple d'acculturation chinoise: La Province du Gui zhou au XVIII-me siecle. Publications de L'Ecole Francaise d'Extreme Orient. Vol. LXXXIV // Расы и народы. Вып. VI. М., 1976. С. 300–302.

1977

<Рец. на кн.> Исхаков Г.М. Этнографическое изучение уйгуров Восточного Туркестана русскими путешественниками второй половины XIX века // Народы Азии и Африки. 1977. № 4. С. 240–242. Соавт. С.Р. Аврутин.

Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1977. № 1. С. 147–148.

Музей антропологии и этнографии в Ленинграде // Шыйуади чи. 1977. 23 августа (на дунганском языке). Соавт. С.Р. Аврутин.

Музей антропологии и этнографии в Ленинграде // Коммунизм туги. 1977. 3 сентября (на уйгурском языке). Соавт. С.Р. Аврутин.

Одежда малых народов Китая // Одежда народов Зарубежной Азии: Сборник МАЭ. Л., 1977. Т. XXXII. С. 248–269.

Основные проблемы изучения общества охотников, рыболовов, собирателей // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1974–1976. Л., 1977. С. 19–24.

Роль Русского географического общества и Музея антропологии и этнографии в этнографических исследованиях В.К. Арсеньева // Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Л., 1977. Вып. VII. С. 106–125. Соавт. Б.П. Полевой.

Традиционный китайский Новый Год (на материалах XIX — начала XX вв.) // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 97–103.

<Рец. на кн.> Н.О. Турсунов. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX в. (историко-этнографические очерки) // Советская этнография. 1977. № 5. С. 174–175. Соавт. С.Р. Аврутин.

Туззя // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. т. 26. М., 1977. С. 395. [Без подписи].

<Ред., чл. редколлегии> Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. 1974–1976. Л., 1977. Соред. Л.М. Сабурова, Б.Н. Путилов, К.В. Чистов.

<Ред.> Мухлинов А.И. Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. М., 1977. Соред. Н.Н. Чебоксаров.

<Ред.> Одежда народов Зарубежной Азии: Сборник МАЭ. Л., 1977. Т. XXXII. Соред. Р.Ф. Итс.

<Ред.> Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Л., 1977. Вып. VII. Соред. Т.В. Станюкович.

<Чл. редколлегии> Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л.: «Наука», 1977.

<Чл. редколлегии> Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX вв.): Сборник МАЭ. Л., 1977. Т. 33.

1978

Влияние внешних контактов на антропонию дунган // Ономастика Средней Азии. М., 1978. С. 162–164. Соавт. А.Н. Седловская.

Земледелие уйгуров Туркмении в конце XIX — начале XX вв. (по материалам экспедиции 1974 г.) // Вопросы этносоциальной и культурной истории народов Средней Азии и Кавказа: Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л., 1978. С. 6–7.

Н.В. Кюнёр — выдающийся русский и советский востоковед // Известия Сибирского отделения АН СССР. Новосибирск, 1978. Серия общественных наук. № 1 (286). Вып. 1. С. 103–108.

Памяти Е.П. Орловой // Известия Сибирского отделения АН СССР. Новосибирск, 1978. Серия общественных наук. № 1 (286). Вып. 1. С. 163–164. Соавт. Н.И. Гаген-Торн.

Формирование и развитие дунганского литературного языка // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Краткие сообщения. Л.: Наука, 1978. С. 23–25.

The MAE Collections pertaining to the peoples of Asia outside the USSR // General Problems of Anthropology and Ethnography of the Soviet Asia. Papers by Soviet Researchers. X International Congress of Anthropological and Ethnographical Sciences. Delhi. India. December 10–21 1978. М., 1978. Р. 228–239. Соавт. R.A. Ksenofontova, V.N. Kislyakov, J.V. Suslova.

Processes of Ethnic Consolidation in Soviet central Asia and Kazakhstan // General Problems of Anthropology and Ethnography of the Soviet Asia. Papers by Soviet Researchers. X International Congress of Anthropological and Ethnographical Sciences. Delhi. India. December 10–21 1978. М., 1978. Р. 54–66.

<Член редколлегии> Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Краткие сообщения. Л.: Наука, 1978.

<Ред.> Ономастика Средней Азии. М., 1978. Соред. В.А. Никонов.

1979

Взаимосвязи природной среды, хозяйства и социальной организации у народов Юго-Восточной Азии // XIV Тихоокеанский научный конгресс. СССР, Хабаровск, август 1979 г. Комитет Л. Социальные и гуманитарные науки. Секции III и IV. Тезисы докладов. М., 1979. Т. II. С. 98–100. Соавт. С.А. Маретина, А.М. Мухлинов.

Жилище не китайских народов Южного и Юго-Западного Китая // Типы традиционно-го сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979. С. 156–185.

Исторические судьбы малых народов Приамурья и Сахалина // XIV Тихоокеанский научный конгресс. СССР, Хабаровск, август 1979 г. Комитет Л. Социальные и гуманитарные науки. Секции III и IV. Тезисы докладов. Т. II. М., 1979. С. 37–38. Соавт. Ч.М. Таксами.

Памяти Е.Д. Прокофьевой // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1979. № 11. Серия общественных наук. Вып. 3. С. 188–189.

<Рец. на кн.> Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук) // Demos. 1979. № 3. С. 175–176.

Этнический состав тюркских народов Китая (к проблеме их этнической истории) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. Областной конференции. Омск: Изд-во Омского университета, 1979. С. 157–160.

<Ред.> Серебрякова М.Н. Семья и семейная обрядность в турецкой деревне. М., 1979.

Interrelations between the natural environment, economy and social organisation among the peoples of Southeast Asia // XIV Pacific Science Congress. USSR, Khabarovsk. August 1979. Committee L. Section LIII and LIV. Abstracts of papers. Vol. II. М., 1979. P. 104–106. Соавт. S.A. Maretina, A.M. Mukhlinov.

The historical destinies of the small peoples of the Amur river and Sakhalin // XIV Pacific Science Congress. USSR, Khabarovsk. August 1979. Committee L. Section LIII and LIV. Abstracts of papers. Vol. II. М., 1979. P. 44–46. Соавт. Ch.M. Taksami.

1980

<Рец. на кн.:> Дунганские народные сказки и предания // Народы Азии и Африки. 1980. № 6. С. 202–206.

История изучения народов Китая в МАЭ // Краткое содержание докладов сессии Института этнографии АН СССР, посвященное 100-летию создания первого академического этнографо-антропологического центра. Л., 1980. С. 8–9.

История формирования коллекций и изучения народов зарубежной Азии в МАЭ // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. К 100-летию образования первого академического этнографического центра: Сборник МАЭ. Л., 1980. Т. XXXV. С. 98–107.

К 100-летию создания этнографического и антропологического центра в Академии наук // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. К 100-летию образования первого академического этнографического центра: Сборник МАЭ. Л., 1980. Т. XXXV. С. 6–9. Соавт. Т.В. Станюкович.

Китайские коллекции Петербургской Кунсткамеры в собрании МАЭ // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. К 100-летию образования первого академического этнографического центра: Сборник МАЭ. Л., 1980. Т. XXXV. С. 114–134.

Научная конференция «Актуальные проблемы советского уйгуроведения» // Советская этнография. 1980. № 6. С. 143–147.

Некоторые традиционные социальные институты у советских уйгуров и дунган // Всесоюзная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований. 1978–1979. Уфа, 1980. С. 48–50.

Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев // Ранние земледельцы: Этнографические очерки. Л., 1980. С. 34–42.

От редактора // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. К 100-летию образования первого академического этнографического центра: Сборник МАЭ. Л., 1980. Т. XXXV. С. 3–5.

Современные этнические процессы у советских уйгуров // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980. С. 74–93. Соавт. Г.М. Исхаков, А.Н. Седловская.

100-летие этнографо-антропологического центра в Академии наук // Краткое содержание докладов сессии Института этнографии АН СССР, посвященное 100-летию создания первого академического этнографо-антропологического центра. Л., 1980. С. 3–4. Соавт. Т.В. Станюкович.

Этноконсолидационные процессы в советской Средней Азии и Казахстане // Этнографические аспекты изучения современности. Л., 1980. С. 74–84.

<Ред.> Краткое содержание докладов сессии Института этнографии АН СССР, посвященное 100-летию создания первого академического этнографо-антропологического центра. Л., 1980. Соред. В.П. Курылев, Б.Н. Путилов, Л.М. Сабурова.

<Ред.> Ксенофонтова Р.А. Японское традиционное гончарство XIX — первой половины XX в. М., 1980. Соред. С.А. Арутюнов.

<Ред.> Ранние земледельцы. Этнографические очерки. Л., 1980. Соред. Н.А. Бутинов.

<Ред.> Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. К 100-летию образования первого академического этнографического центра: Сборник МАЭ. Л., 1980. Т. XXXV.

1981

Дракон в культурной традиции китайцев // Материальная культура и мифология: Сборник МАЭ. Т. XXXVII. Л., 1981. С. 81–92.

Коллекции по монгольскому каму в собраниях Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого // Конференция «Искусство и культура Монголии и Центральной Азии»: Тез. докл. М., 1981. С. 81–83.

Некоторые соображения о переводе и значении термина «нация» в китайском языке // Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл. М., 1981. Ч. II. С. 163–170.

О южных границах распространения североазиатских монголоидов в древности // Советская этнография. 1981. № 6. С. 78–88. Соавт. И.И. Гохман.

Роль государства в развитии этнических процессов // Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире»: Тез. докл. и сообщений. Элиста, 1981. С. 166–167.

Экология и хозяйственно-социальная жизнь селькупов в конце XIX — начале XX вв. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 163–166.

1982

<Рец. на кн.> Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник // Советская этнография. 1982. № 5. С. 139–142.

<Рец. на кн.> Марунова И.Б. Древний театр кхмеров // Народы Азии и Африки. 1982. № 3. С. 192–195.

Произведения русских художников XVIII — начала XX вв. как источник для изучения культуры и быта населения Петербурга (к постановке вопроса) // Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. Л., 1982. С. 171–189.

Социально-экономические отношения у дулун в первой половине XX в. // Страны и народы Востока. М., 1982. Вып. XXIII. Дальний Восток (история, этнография, культура). С. 190–199.

Структура этноса, этническая структура и этнические процессы (на примере стран зарубежной Азии) // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980–1981 гг., посвященная 60-летию СССР: Тез. докл. Нальчик, 1982. С. 249–251.

III Всесоюзная тюркологическая конференция // Советская тюркология. 1982. № 1. С. 147–152.

Этнический состав населения КНР // Проблемы Дальнего Востока. 1982. № 3. С. 111–115.

Этнографические и исторические параллели к объяснению истоков и характера «дани» у китайцев // Тринадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл. М., 1982. Ч. 2. С. 3–10.

1983

Достижения советских ученых в историко-этнографическом изучении уйгуров // Актуальные проблемы советского уйгуроведения. Алма-Ата, 1983. С. 34–42. Соавт. Г.М. Исхаков, С.Г. Кляшторный, Т.Р. Рахимов.

Исторические судьбы народов Приамурья и Сахалина // Историческая этнография. Традиции и современность: Межвузовский сборник Проблемы археологии и этнографии / ЛГУ. Л., 1983. Вып. II. С. 31–39. Соавт. Ч.М. Таксами.

Калмыки в Средней Азии // Вопросы этносоциальной и культурной истории Средней Азии и Кавказа: Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л., 1983. С. 5–6.

Китайское население в этносоциальной структуре Науру // Краткое содержание докладов научной сессии, посвященной основным итогам работы в десятой пятилетке. Л., 1983. С. 33–34.

Татары в Средней Азии // Вопросы этносоциальной и культурной истории Средней Азии и Кавказа: Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л., 1983. С. 11.

Формирование и развитие дунганского языка // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983. С. 67–76.

Этнический состав населения Северо-Западного Китая: Препринт. Новосибирск, 1983.

Этнография в кругу научных интересов В.М. Алексеева // Традиционная культура Китая. М., 1983. С. 81–91.

Этнопсихология и смежные науки // Советская этнография. 1983. № 4. С. 68–75.

<Ред.> Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983.

<Ред.> Цыбикжапов В.Б. Религия и атеисты на селе. Улан-Удэ, 1983.

<Ред.> Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: ГРВЛ, 1983. Соред. Ю.В. ИONOва, И.С. Кон.

<Ред.> Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М.: ГРВЛ, 1983. Соред. И.С. Кон, М.Н. Серебрякова.

The Role of Traditional Social Institutions in Modern Life (a Case Study of Asian Peoples) // Studies in Ethnology and Anthropology. Papers presented by Soviet participants. Part II. (XI International Congress of anthropological and ethnological sciences. Vancouver-Quebec, August 1983). М., 1983. P. 94–103.

1984

Академик Б.Я. Владимирцов как этнограф // Всесоюзная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Б.Я. Владимирцова. М., 1984. С. 6–8.

Встреча с фольклором Японии // Советский балет. 1984. № 6. С. 38.

Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1984. № 3. С. 161–162.

Литература и фольклор малых народов Китая на китайском языке // Теоретические проблемы изучения литератур народов Дальнего Востока: Тезисы XI научной конференции. М., 1984. Ч. II. С. 161–162.

Малае-полинезийские народы Китая // Программа XV научной конференции по изучению Австралии и Океании. М., 1984. С. 35–36.

О формировании в МНР монгольского народа как новой исторической общности людей // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982–1983 годов: Тез. докл. Черновцы, 1984. Ч. 2. С. 407–408.

Первый советско-монгольский этнографический симпозиум // Советская этнография. 1984. № 3. С. 153–157. Соавт. С. Бадамхатан.

Современные этнические процессы в СССР и задачи научно-пропагандистской деятельности музеев // Тезисы докладов научно-практической многосторонней конференции «Музей и этнографические проблемы современности». I секция. Л., 1984. С. 5–7.

<Рец. на кн.> Шинло Л.Т. Социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быте дунган // Расы и народы. М., 1984. Вып. 14. С. 264–266.

<Рец. на кн.> Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема) // Народы Азии и Африки. 1984. № 1. С. 198–201. Соавт. Д.Г. Савинов.

1985

<Рец. на кн.> Л.Ф. Артюх. Народне харчування українців та росіян північно-східних районів України // Советская этнография. 1985. № 3. С. 152–154. Соавт. Л.С. Лаврентьева.

О времени формирования современного китайского (ханьского) этноса // Годичная научная сессия Института этнографии АН СССР: Краткое содержание докладов. Л., 1985. С. 72–74.

Об отношении к женщине в до- и послеродовой период // Хелеури (сборник). Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси, 1985. Т. XXII. С. 200–209.

Об этнических процессах в северо-западном Китае // XVI научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл. М., 1985. Ч. 2. С. 106–112.

Обсуждение статьи М.М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования хранения и изменения традиций» // Советская этнография. 1985. №2. С. 67–71.

Обсуждение статей М.Н. Шмелевой и С.И. Вайнштейна по проблемам полевых исследований // Советская этнография. 1985. № 6. С. 56–60.

Опыт анализа одного ненецкого предания // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 121–124.

Основные задачи и первые итоги совместных советско-монгольских этнографических исследований // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 210–214.

Основные направления современного развития тувинского этноса // Вопросы советской тюркологии: Тезисы докладов и сообщений III Всесоюзной тюркологической конференции. Ашхабад, 1985. С. 299–301.

Уйгурская выставка в Алма-Ате // Советская этнография. 1985. № 6. С. 142–146. Соавт. Р.У. Каримова.

<Рец. на кн.> Хутуев Х.И. Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии // Советская этнография. 1985. № 5. С. 151–153. Соавт. В.К. Гарданов.

Этническая картография в КНР // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тезисы пятой конференции на тему «Проблемы атласной картографии». Уфа, 1985. С. 150–151.

<Ред.> Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тезисы V конференции на тему «Проблемы атласной картографии». Уфа, 1985.

1986

<Рец. на кн.> Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции национально-русского двуязычия // Расы и народы. М., 1985. Вып. 15. С. 246–248.

Евреи-мусульмане в Средней Азии // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л., 1986. С. 8–9.

К проблеме исторического соотношения типов этнических общностей (на примере монголоязычных народов) // Субэтноты в СССР: Сборник научных трудов. Л., 1986. С. 70–83.

Китайцы // Системы личных имен у народов мира. М., 1986. С. 164–170. Соавт. М.В. Крюков.

Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1986. № 1. С. 135–136.

Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1986. №4. С. 156.

Народность эйну в Китае: проблемы истории и языковой ситуации // XVII научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. М., 1986. Ч. II. С. 56–60.

О китайской литературе на диалектах // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1986. Ч. II. С. 327–332.

О соотношении типов этнических общностей и социально-экономических формаций // Советская этнография. 1986. № 5. С. 55–59.

V Конференция по ареальным исследованиям в языкознании и этнографии // Вопросы языкознания. 1986. № 3. С. 148–150. Соавт. Н.Л. Сухачев.

Резьба по дереву у уйгуров // Промыслы и ремесла народов СССР. Л., 1986. С. 166–169. Соавт. Р.У. Каримова.

Советско-монгольская историко-культурная экспедиция // Общественные науки. 1986. № 4. С. 203–208. Соавт. Р.С. Васильевский, В.В. Волков.

Современные этнокультурные процессы у народов Восточной Монголии // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984–1985 годов: Тез. докл. Йошкар-Ола, 1986. С. 271–272.

Хамниганы — проблемы этно-культурного развития // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тезисы докладов XXIX сессии Постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). М., 1986. С. 59–61.

Цзао-ван — китайский бог очага // Мифы, культы, обряды народов Зарубежной Азии. М., 1986. С. 230–249.

Этнографические исследования в Монголии в 1985 г. // Известия СО АН СССР. Новосибирск, 1986. Серия истории, филологии и философии. № 14. Вып. 3. С. 63–66.

Якуты в Маньчжурии // IV Всесоюзная школа молодых востоковедов. М., 1986. Т. I. История, источниковедение, историография. С. 101–104. Соавт. Л.Б. Ермолов.

<Чл. редколлегии> Системы личных имен у народов мира. М., 1986.

1987

Аустронезийские народы Китая: проблемы этногенеза и современного развития // XVIII научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. М., 1987. Ч. II. С. 107–110.

Буддийские коллекции в этнографических музеях Ленинграда // Тезисы Всесоюзной буддологической конференции. М., 1987. С. 132–134.

Изучение этнографии и антропологии монголов // Советское монголоведение (1917–1987). М.: ГРВЛ, 1987. С. 96–108.

<Рец. на кн.> История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX в. // Народы Азии и Африки. 1987. № 3. С. 198–202. Соавт. Я.А. Шер.

Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1987. № 4. С. 149–150.

Монгольский цам по коллекциям МАЭ // Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ: Сборник МАЭ. Л., 1987. Т. XLI. С. 121–136.

О совершенствовании методов этнографической науки // Советская этнография. 1987. № 5. С. 61–66.

Предисловие // Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ: Сборник МАЭ. Л., 1987. Т. XLI. С. 3–7.

V Всесоюзная конференция «Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Проблемы атласной картографии» // Вопросы ареальной лингвистики и этнографии. Уфа, 1987. С. 129–136. Соавт. Л.Ф. Артюх.

Роль этнографических музеев в сохранении и пропаганде этнокультурных традиций // Проблемы развития культуры народов и изучения культуры по музейным коллекциям: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. «Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний», посвященная 70-летию Великого Октября. Омск, 1987. С. 51–53.

Среднеазиатско-казахстанская историко-этнографическая общность: традиции и современность // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л., 1987. С. 3.

Фотографии в собраниях этнографического музея // Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников. Л., 1987. С. 69–74.

Центральная Азия как историко-этнографическая область // V Международный конгресс монголоведов. Доклады советской делегации. III. Археология, культура, этнография, филология. М.: ГРВЛ, 1987. С. 127–136.

Этнические процессы в социалистических странах // Проблемы общей этнографии и музеефикации: Краткое содержание докладов научной сессии «Советская этнография за 70 лет: проблемы, направления, перспективы». Л., 1987. С. 19–20.

Этнографическое картографирование в МНР // Вопросы ареальной лингвистики и этнографии. Уфа, 1987. С. 69–76.

<Чл. редколлегии> Вопросы ареальной лингвистики и этнографии. Уфа, 1987.

<Ред.> Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ: Сборник МАЭ. Л., 1987. Т. XLI.

1988

Введение // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М.: ГРВЛ, 1988. С. 3–4.

Дунгане // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 159.

Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1988. № 6. С. 166–167.

Ли // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 253–254.

Лоба // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 258–259.

Мэньба // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 317.

Народы Передней Азии и их этикет // Этикет у народов Передней Азии. М., 1988. С. 3–11.

О духе дома у дунган // Краткое содержание Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л., 1988. С. 37–38.

О языке хуэй и дунганском языке // Актуальные вопросы китайского языкознания: Материалы IV Всесоюзной конференции. М., 1988. С. 19–22.

Ойраты в Китае: языковая ситуация // XIX научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. М., 1988. Ч. II. С. 165–167.

Пуми // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 374.

Салары // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 390.

Тай // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 429.

Уйгуры // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 471.

Формирование и развитие этнических групп (к проблеме изучения динамики этнических процессов на зарубежном Востоке) // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке: Тез. докл. и сообщений III Всесоюз. конф. востоковедов. М., 1988. Т. II. С. 153–155.

Хуэй // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 497–498.

Цзино // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 500.

Цзяжун // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 500.

Шуй // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 524.

Шэ // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 524.

Этнический состав населения Баянхульгийского аймака МНР (по материалам экспедиции 1987 г.) // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986–1987 гг.: Тез. докл. Сухуми, 1988. С. 261–262.

Этнический состав тюркских народов МНР (по материалам полевых исследований 1982–1987 гг.) // Тюркология—88: Тез. докл. и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции. Фрунзе, 1988. С. 52–54.

Этнографические исследования в Монголии // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1988. Серия истории, филологии и философии. № 3 (453). Вып. 1. С. 21–22.

Юйгу // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 532–533.

<Ред.> Этикет у народов Передней Азии. М., 1988. Соред. А.К. Байбурун.

<Ред.> Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М.: ГРВЛ, 1988. Соред. И.С. Кон.

1989

А.Д. Симуков: его жизнь и научная деятельность // Владимирцовские чтения: Тез. докл. и сообщений II Всесоюз. конф. монголоведов. М., 1989. С. 48–51.

Дунганская коллекция МАЭ // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа: Сборник МАЭ. Л., 1989. Т. XLIII. С. 153–169.

Кыргызы в Китае // XX научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. М., 1989. Ч. II. С. 108–111.

Н.М. Маторин — педагог, организатор науки, исследователь // Полевые исследования ГМЭ народов СССР. 1985–1987 гг.: Тез. докл. науч. сессии. Л., 1989. С. 23–25.

Сергей Михайлович Широкогоров. Его жизнь и труды (к 100-летию со дня рождения) // Полевые исследования ГМЭ народов СССР. 1985–1987 гг.: Тез. докл. науч. сессии. Л., 1989. С. 25–27.

Уйгуры в Таджикистане // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989. С. 194–202.

Этнос и его подразделения (к проблеме гетерогенности этноса) // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Уфа, 1989. С. 72–77.

Ethnology and modern Time // 4th Academic Conference of Chinese Ethnological Society. Proceeding. Beijing, 1989. P. 19–20.

1990

Актуальность изучения дорегионального сознания людей // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990. С. 91–93.

Изучение этнического состава населения страны в Китайской Народной Республике // Всесоюзная конференция по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988–1989 гг.: Тез. докл. Алма-Ата, 1990. Ч. I. С. 107–109.

О взаимосвязи национальной политики и межнациональных отношений в СССР // Межнациональные отношения и национальная политика в СССР: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. «Национальные и социально-культурные процессы в СССР». Омск, 1990. С. 146–148.

О пропаганде народных традиций в современности // Традиционное мировоззрение и культура народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. и матер. докл. и сообщений Всесоюз. науч. конф. Улан-Удэ, 1990. С. 18–21.

Об изучении роли процесса конвергенции в формировании и развитии китайского этноса // Актуальные вопросы китайского языкознания: Материалы V Всесоюзной конференции. М., 1990. С. 168–172.

Советская этнография в Китае // Советская этнография. 1990. № 4. С. 76–93. Соавт. Хэ Гоань.

Обряды детства и воспитание детей в традиционной культуре уйгуров // Маловские чтения (Материалы конференции). Алма-Ата, 1990. С. 131–135.

Тувинцы и алтайские урянхайцы в Китае: проблемы истории этноса и языковой ситуации // Общество и государство в Китае: Тез. докл. XXI науч. конф. М., 1990. Ч. II. С. 176–180.

Этнография как прикладная наука // Традиции в многонациональном обществе: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. Минск, 1990. С. 162–164.

«Шар Дамдинсүрэн» // Зовлолт холбоот улс (Советский союз). 1990. № 5. С. 54–55 (на монгольском языке — об А.Д. Симукове).

<Ред.> Рахимов Р.Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. Л., 1990.

1991

Китайские детские игры // Мир детства в традиционной культуре народов СССР. Л., 1991. Ч. II. С. 67–74.

О содержании понятия «чжунхуа миньцзу» // XXII науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. М., 1991. Ч. 2. С. 217–221.

Основные проблемы этнографии халха // Советская этнография. 1991. № 5. С. 138–145. Соавт. А.В. Попов.

Памяти Рудольфа Фердинандовича Итса // Восток. 1991. № 5. С. 218–219. Соавт. Е.В. Иванова.

Рудольф Фердинандович Итс // Советская этнография. 1991. № 4. С. 185–187.

Советская этнография в Китае (Сулянь миньцзусюе цзай чжунго) // Миньцзу ишун. 1991. № 4. С. 72–80. Соавт. Хэ Гоань. Переводчик Ван Пэйин [перевод статьи из журнала «Советская этнография». 1990. № 4].

International Dictionary of Anthropologists / General Editor Christopher Winters. New York; London, 1991 [Афанасьев А.Н. С. 3–4; Анучин Д.Н. С. 8; Аверкиева Ю.П. С. 14; Азадовский М.К. С. 15; Бардавелидзе В.В. С. 27; Бичурин Н.Я. С. 57–58; Богатырев П.Г. С. 70; Бунак В.В. С. 85; Бутинов Н.А. С. 93–94; Чебоксаров Н.Н. С. 108–109; Чичеров В.И. С. 110; Чистов К.В. С. 113–114; Читая Г.С. С. 114–115; Дебец Г.Ф. С. 146–147; Долгих Б.О. С. 151;

Харузин А.Н. С. 346; Харузин М.Н. С. 345; Харузин Н.Н. С. 346; Харузина В.Н. С. 346; Хлебников К.Т. С. 346–347; Кисляков Н.А. С. 349–350; Кюннер Н.В. С. 350–351; Куфтин Б.А. С. 369; Лангдорф Г.И. С. 380; Лебедева Н.И. С. 390; Левин М.Г. С. 401–402; Линь Яохуа С. 410(769); Лисициан С.С. С. 417–418; Лисициан С.Д. С. 417; Максимов А.Н. С. 440–441; Маргулан А.Х. С. 456–457; Маторин Н.М. С. 460; Миклухо-Маклай Н.Н. С. 476–477; Моро Х.А. С. 480–481; Окладников А.П. С. 518; Потапов Л.П. С. 546–547; Потехин И. И. 547; Пропп В.Я. С. 551–552; Путилов Б.Н. С. 554–555; Радлов В.В. С. 566–567; Широкого-ров С.М. С. 639; Соколов Б.М. С. 649; Терентьева Л.Н. С. 689; Токарев С.А. С. 702; Толстов С.П. С. 702–703; Васильев В.И. С. 723; Василевич Г.М. С. 723–724; Владимирцов Б.Я. С. 731–732; Волков Ф.К. С. 753; Воробьев П.И. С. 734; У Вэньцзао С. 769; Зеленин Д.К. С. 776–777; Жданко Т.А. С. 777–778. Золотарев А.М.; Золотарев Д.А.].

1992

Андрей Дмитриевич Симуков: Основные этапы жизни и направления научной деятельности // VI Международный конгресс монголоведов. Доклады Российской делегации. II. Филология, Культура. Религия. М., 1992. С. 228–235.

В.В. Петров как представитель классического востоковедения // Точность — поэзия науки. Памяти Виктора Васильевича Петрова. Л., 1992. С. 261–272.

Гетерогенность как перманентное состояние этноса (этнос и его подразделения) // Этнос и его подразделения. М., 1992. Ч. I. Этнические и этнографические группы. С. 125–140.

Ираноязычные народы КНР // Вклад иранских народов в развитие мировой цивилизации: история и современность: Тез. докл. и сообщений. Душанбе, 1992. С. 19–20.

Кто есть сегодня наш информатор // К новым подходам в отечественной этнографии: Резюме докладов и выступлений. Грозный, 1992. С. 17–18.

О прикладном значении исследований А.А. Попова // Сибирские чтения. СПб., 1992. С. 12–14.

Михаил Константинович Кудрявцев (1911–1992) // Этнографическое обозрение. 1992. № 6. С. 152–155.

Памяти Г.С. Садвакасова // Восток. 1992. № 4. С. 199–200.

Памяти Павла Иосифовича Борисковского // Восток. 1992. № 4. С. 198–199.

Первые китайские коллекции этнографического отдела Русского музея и их собиратели // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.): Сборник научных трудов. Л., 1992. С. 217–224.

Современные результаты этнических процессов в Восточном Туркестане [глава XIII] // Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 406–426. Соавт. Л.А. Чвырь.

Современные этнокультурные процессы на Тайване // Маклаевские чтения 1992 г.: Краткое содержание докладов. СПб., 1992. С. 41–46.

Урянхайцы Прихубсугуля // Материалы полевых этнографических исследований 1988–1989 гг. СПб., 1992. С. 129–139.

1993

Галина Николаевна Грачева // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 165–166. Соавт. Е.В. Ревуненкова, Е.В. Иванова, Т.К. Шафрановская.

Жуи — китайский благопожелательный символ // Этносемиотика ритуальных предметов. СПб., 1993. С. 175–189.

Значение трудов членов Российской духовной миссии в Пекине для этнографии // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 106–118.

Н.А. Невский как этнограф // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 115–123.

Об этническом составе народов группы мяо-яо в современном Китае // XXIV научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы докладов. М., 1993. Ч. 1. С. 135–138.

Письма П.Г. Богатырева Д.К. Зеленину // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1993. Вып. 2–3. С. 330–346.

Письма П.Г. Богатырева Д.К. Зеленину / Подготовка к публикации, предисловие и комментарий А.М. Решетова // Этнографическое обозрение. 1993. № 5. С. 126–132.

Письмо Н.А. Невского к Л.Я. Штернбергу от 4 июля 1927 г. // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 124–127.

Письмо Н.А. Невского к Л.Я. Штернбергу от 4 июля 1927 г. // Петербургское востоковедение. 1996. Вып. 8. С. 379–384.

Проблемы этнографии древних юз в современной науке // Этносы и этнические процессы. М., 1993. С. 37–47.

Этнонимы: проблемы формирования и эволюции // Научная конференция «Этническая история народов России (X–XX вв.)»: Краткое содержание докладов. СПб., 1993. С. 10–12.

Этнография в Сингапуре // Этнографическая наука в странах Азии. Южная и Юго-Восточная Азия. М., 1993. С. 163–177. Соавт. А.А. Свиридов.

Этнография в странах Южной и Юго-Восточной Азии (изучение формирования и развития науки) // Этнографическая наука в странах Азии. Южная и Юго-Восточная Азия. М., 1993. С. 3–26.

<Ред.> Этнографическая наука в странах Азии. Южная и Юго-Восточная Азия. М., 1993. Соред. М.В. Крюков.

Re-se-top A.M. A.J. Mu-kho-li-nop-nha dan toc hoc, nha Viet Nam hoc Ho Viet dan tien // Dan toc hoc [Этнография]. 1993. № 1 (77). Ha Noi. С. 59–62. (А.М. Мухлинов — первый советский этнограф-вьетнамист. Перевод Ле Ши Зяо, доц.).

1994

<Подготовка к печати, послесловие, примечания> Васильев Б.А., Щуцкий Ю.К. Ритм и параллелизм в китайском языке / Подготовка текста к печати, послесловие и примечания А.М. Решетова // Петербургское востоковедение. 1994. Вып. 6. С. 554–578 (текст — С. 554–573; Вместо послесловия — С. 573–577; Примечания — С. 577–578).

Выставка оригами. Японское искусство складывания из бумаги [Буклет]. СПб., 1994. Соавт. С.Ю. Афонькин.

Дунгане // Народы России: Большая Российская энциклопедия. М., 1994. С. 150–151.

Исследования А.А. Иностранцева и перспективы комплексного изучения народов // Вопросы геологии и археологии: Тез. докл. междунаrod. симпозиума. СПб., 1994. С. 61–63.

Кафедра этнографии на восточном факультете (1944–1949) // Филология и история стран Азии и Африки: Тезисы научной конференции, посвященной 50-летию воссоздания восточного факультета СПбГУ. СПб., 1994. С. 57–59.

Китайцы // Народы России: Большая Российская энциклопедия. М., 1994. С. 193–196.

Китайцы на Фиджи // Народы бассейна Тихого океана. Общество, история, культура: Маклаевские чтения 1993–1994 гг. СПб., 1994. С. 92–98.

Материалы по этнографии народов Поволжья в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН // Этнологические исследования в Башкортостане. Уфа, 1994. С. 75–84.

Николай Александрович Бутинов: К 80-летию со дня рождения и 50-летию работы в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого // Народы бассейна Тихого океана. Общество, история, культура: Маклаевские чтения 1993–1994 гг. СПб., 1994. С. 7–17. Соавт. Е.В. Ревуненкова.

Николай Михайлович Маторин (опыт портрета ученого в контексте времени) // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 132–159.

Об изучении архива К.Т. Хлебникова в 50-е годы XX века (по письмам Б.Н. Вишневого Д.К. Зеленину) // Открытие Америки продолжается. СПб., 1994. Вып. 2. С. 277–284.

Об одной древней форме брака // Народы бассейна Тихого океана. Общество, история, культура: Маклаевские чтения 1993–1994 гг. СПб., 1994. С. 77–86.

Памяти Эльвиры Степановны Стуловой // Восток. 1994. № 6. С. 213–214.

Памяти Эльвиры Степановны Стуловой // Петербургское востоковедение. 1994. Вып. 5. С. 570–573.

Профессор Линь Яо-хуа (к 85-летию со дня рождения и к 60-летию научно-педагогической деятельности) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1994. Вып. 5–6. С. 472–478.

Репрессированная этнография: люди и судьбы. Ч. 1 // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1994. Вып. 4. С. 185–221.

Репрессированная этнография: люди и судьбы. Ч. 2 // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1994. Вып. 5–6. С. 342–368.

Уйгуры // Народы России: Большая Российская энциклопедия. М., 1994. С. 356–357.

<Ред.> Народы бассейна Тихого океана. Общество, история, культура: Маклаевские чтения. 1993–1994 гг. СПб., 1994. Сост. Е.В. Ревуненкова.

<Ред.> Шангина И.И. Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга. История и проблемы комплектования. 1967–1930 гг. СПб., 1994.

In Memoriam G.N. Gracheva // Shaman. 1994. Vol. 2. № 1. P. 79–85.

Леседофу А.Ми. Сюехай ао ю (Путешествия по морю знаний) / Пер. Ван Чжэньчжун // Синьцзян хуйцзу вэньсюе (литература народности хуэй Синьцзяна). 1994. № 6. С. 49–51.

1995

А.И. Мухлинов — первый отечественный этнограф-вьетнамист // Культура народов Океании и Юго-Восточной Азии: Сборник МАЭ. СПб., 1995. Т. XLVI. С. 33–41.

Академик Б.Я. Владимирцов как этнограф // Владимирцовские чтения III: Доклады и тезисы Всерос. науч. кон. М., 1995. С. 91–100.

Антонина Константиновна Писарчик // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 174–175. Соавт. О.Л. Данскер, З.А. Широкова.

Василий Васильевич Радлов // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 1. С. 75–82.

Василий Владимирович Бартольд // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 2–3. С. 37–53.

Владимир Рафаилович Кабо (к 70-летию со дня рождения) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1995. Вып. 7. С. 238–243.

Записка академика В.В. Бартольда по вопросу об исторических взаимоотношениях турецких и иранских народностей Средней Азии (приложение к статье А.М. Решетова) // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 2–3. С. 53–55.

Записка, представленная в академическую комиссию для рассмотрения вопроса об образовании Государственного музея антропологии, этнографии и археологии академиком В.В. Радловым [Публикация] // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 1. С. 75–82.

Императорские коллекции в собрании Российского этнографического музея «Цари — народам, народы — царям». М.; СПб., 1995. Соавт. О.В. Горова, В.А. Дмитриев, Т.Г. Емельяненко, Е.Н. Котова, А.В. Ратникова, И.Н. Соснина, М.В. Федорова, Е.Г. Царева.

К 75-летию Кирилла Васильевича Чистова // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 2–3. С. 368–373. Соавт. Е.А. Окладникова.

Костюм маньчжурского шамана в коллекции МАЭ // Шаманизм и ранние религиозные представления: К 90-летию доктора исторических наук, профессора Л.П. Потапова: Этнографические исследования по шаманству и иным ранним верованиям и практикам. М., 1995. Т. 1. С. 99–107.

Николай Михайлович Могилянский: Факты биографии // Кюнеровские чтения. 1993–1994 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1995. С. 58–59. Соавт. Н. Валашкова.

О значении деятельности В.П. Зубова для этнографии // Кюнеровские чтения. 1993–1994 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1995. С. 96–99.

О Н.В. Кюнере и Кюнеровских чтениях // Кюнеровские чтения. 1993–1994 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1995. С. 3–5.

Об употреблении вокативных терминов родства в повседневном быту русских (по воспоминаниям и наблюдениям) // Алгебра родства. СПб., 1995. Вып. 1. С. 217–230.

Отдание долга. Ч. 1. Памяти сотрудников Института этнографии, погибших в блокадном Ленинграде // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 40–62.

Отдание долга. Ч. II. Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР — воинов Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 3–20; № 4. С. 3–24.

Отдание долга. Ч. III. Институт этнографии АН СССР во время Великой Отечественной войны (некоторые вопросы истории) // Этнографическое обозрение. 1995. № 6. С. 3—17.

Павел Иванович Воробьев: Судьба человека и ученого: К 100-летию со дня рождения // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsinki, 1995. Т. 86. Р. 167—185.

Поездка к селькупам летом 1962 г. (страницы воспоминаний 30 лет спустя) // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». Барнаул, 1995. С. 195—206.

Предисловие // Культура народов Океании и Юго-Восточной Азии: Сборник МАЭ. СПб., 1995. Т. XLVI. С. 3—4.

Старейшина этнографического цеха: К 90-летию со дня рождения Л.П. Потапова // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 2—3. С. 384—389.

Формирование и исследование фондов МАЭ по Юго-Восточной Азии // Культура народов Океании и Юго-Восточной Азии: Сборник МАЭ. СПб., 1995. Т. XLVI. С. 5—32. Соавт. Е.В. Иванова.

Этнография в Антропологическом обществе при ВМА // Актуальные вопросы антропологии. СПб., 1995. С. 31—32.

Юбилейное заседание в Санкт-Петербурге (к 150-летию со дня рождения Д.Н. Анучина) // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 153—156.

Японцы в Китае // Кюнеровские чтения. 1993—1994 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1995. С. 77—81.

<Ред.> Культура народов Океании и Юго-Восточной Азии: Сборник МАЭ. СПб., 1995. Т. XLVI. Соред. Н.А. Бутинов.

<Ред.> Кюнеровские чтения. 1993—1994 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1995. El Teatro de los Lamas // Arte de la Nacion Buriata. Palma de Mallorca, 1995. S. 59—66.

1996

Виктор Владимирович Матвеев [Некролог] // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С. 171—173. Соавт. К.П. Калиновская, В.А. Попов.

Виноградов Николай. Игра в «гороши» (комментарий к одному месту комедии «Бригадир» Фонвизина) / Подготовка текста к печати А.М. Решетова. // Живая старина. 1996. № 4. С. 33.

Вместо послесловия // Карпеев Э.П., Шафрановская Т.К. Кунсткамера. СПб., 1996. С. 179—187.

Дракон в китайской культурной и политической традиции // Символы и атрибуты власти. Генезис, семантика. Функции. СПб., 1996. С. 142—163.

Евфимий Федорович Карский // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1996. № 4—5. С. 24—47.

К интерпретации обычая возвращения новобрачной домой (на примере брачных отношений народов Китая) // XXVII научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. М., 1996. С. 118—121.

Н.А. Невский как этнограф // Петербургское востоковедение. 1996. Вып. 8. С. 366—379.

О некоторых аспектах сравнительно-исторического изучения пищи из муки у тюркских народов // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений. СПб., 1993. С. 33—34.

Н.Н. Миклухо-Маклай о китайцах в странах южных морей // Выдающийся путешественник и гуманист: Материалы к международ. науч. конф. СПб., 1996. С. 35—38.

О Николае Николаевиче Виноградове и его статье «Игра в гороши» // Живая старина. 1996. № 4. С. 32.

Отдание долга. Ч. III. Институт этнографии АН СССР во время Великой Отечественной войны (некоторые вопросы истории) (окончание) // Этнографическое обозрение, 1996, № 1. С. 3—14.

Проблема интеграции этнографических и археологических исследований в свете истории науки // Интеграция археологических и этнографических исследований: Матер. IV Всерос. науч. семинара. Новосибирск; Омск, 1996. Ч. 1. С. 85—89.

Современные этнокультурные процессы в Сингапуре // Сингапур — перекресток малайского мира. М., 1996. С. 16—22.

Шалва Денисович Инал-апа [некролог] // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 166–169. Соавт. Ю.Д. Анчабадзе.
<Ред.> Иванова Е.В. Очерки культуры тайцев Таиланда. М., 1996.

1997

А.А. Семенов как этнограф и музейевед // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 1994–1995 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1997. С. 110–112.

Жизнь и судьба ученого. Памяти профессора А.И. Иванова // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XIX — начале XX века: Тез. докл. VIII Международ. науч. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» М., 1997. Ч. 2. С. 183–187.

Из архива Е.Ф. Карского // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1997. Вып. 6–7. С. 88–110.

К оценке деятельности Ф.К. Волкова // Традиции отечественной палеоэтнологии: Тез. докл. Международ. конф. СПб., 1997. С. 16–19.

Капица О.И. Автобиография / Подготовка текста и публикация, примечания А.М. Решетова // Живая старина. 1997. № 4 (16). С. 36–37.

Коллекции В.С. Адрианова в МАЭ // Развитие культуры в каменном веке: Краткое содержание докладов на Международ. конф., посвященной 100-летию отдела археологии МАЭ. СПб., 1997. С. 166–167.

Леопольд Иванович Шренк (к 170-летию со дня рождения) // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1997. Вып. 6–7. С. 72–87.

Музей антропологии и этнографии РАН в последней четверти XIX — первой четверти XX века: Проблемы создания и реорганизации // Кунсткамера: вчера, сегодня, завтра. СПб., 1997. Т. 1. С. 9–44.

Новая выставка в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого // ЯЛИК. 1997. № 22. Октябрь. С. 10. Соавт. А.Ю. Синицын.

Поселок Глубокий Ростовской области. Эскизы к историко-этнографической характеристике // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 1994–1995 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1997. С. 112–115. Соавт. И.М. Решетов, В.М. Ткачева.

Проблемы этнографического изучения российского зарубежья // II Международ. конгресс этнографов и антропологов: Резюме докладов и сообщений. Уфа, 1997. Ч. 1. С. 32–33.

Работала не награды ради. Памяти Лидии Эдуардовны Каруновской // Этнография, история, культура стран Южных морей: Маклаевские чтения 1995–1997 г. СПб., 1997. С. 233–244.

Расселение и классификация тунгусо-маньчжурских народов (состояние и проблемы изучения) // Культура народов Сибири: Материалы III Сибирских чтений. СПб., 1997. С. 47–56.

Русский этнограф из Харбина (К 110-летию рождения и 25-летию кончины И.Г. Баранова) // XIX научная конференция по историографии и источниковедению стран Азии и Африки: Тезисы докладов. СПб., 1997. С. 116–119.

С.М. Широкогоров — сотрудник МАЭ // Развитие культуры в каменном веке: Краткое содержание докладов на Международ. конф., посвященной 100-летию отдела археологии МАЭ. СПб., 1997. С. 30–32.

«Синкретизм» в современной научной терминологии и народной традиции // Религиозный синкретизм: проблемы теоретического и исторического исследования: Материалы IV Санкт-Петербургских религиозно-научных чтений. СПб., 1997. С. 7–8.

Слово об Ольге Иеронимовне Капице // Живая старина. 1997. № 4(16). С. 34–36.

Ф.А. Фиельструп — исследователь Южной Америки // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С. 189–194. Соавт. А.Д. Дриздо.

Читая собрание сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая. К вопросу об одежде у папуасов и ее происхождении // Этнография, история, культура стран Южных морей: Маклаевские чтения 1995–1997 г. СПб., 1997. С. 70–90.

1998

Библиография основных трудов Ц.Ж. Жамцарано // Orient. 1998. Вып. 2–3. Исследователи Центральной Азии в судьбах России. С. 90–92.

В.А. Чатопада — индийский революционер и советский этнограф. К 60-летию со дня гибели // Кюнеровские чтения 1995–1997 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 148–151.

Владимир Николаевич Басилов (Памяти коллеги и друга) // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 1996–1997 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 5–6.

Вместо предисловия / Д.К. Зеленин. Отзыв о диссертации В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» // Кюнеровские чтения 1995–1997 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 141–142.

Вспоминая Александра Даниловича Грача // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Матер. Всерос. науч. конф. СПб., 1998. С. 54–56.

Д.А. Клеменц и Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук // Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца). СПб.: Лань, 1998. С. 59–94.

«За пологом весеннего дворца». Культура любви в традициях народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Временная выставка и симпозиум // Этнографическое обозрение. 1998. № 6. С. 125–131.

Из истории отечественного этнографического зарубежья: Владимир Алексеевич Иванов (1886–1970) // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 1996–1997 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 143–144.

Китайцы (хань) в свете теории этноса // XXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. М., 1998. Ч. II. С. 265–270.

Китайцы-мусульмане в Китае и в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: Материалы докладов российских участников Северо-Западной международной (финско-российской) научной сессии. СПб., 1998. С. 116–118.

<Подготовка текста к печати> Лавров Л.И. Биографические записки // Археология и этнография Северного Кавказа: Сборник научных трудов Кубанского гос. университета. Краснодар, 1998. С. 105–116.

Мон-кхмерские народы Китая // Кюнеровские чтения 1995–1997 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 37–43.

Мэри Низамовна Серебрякова // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 164–167.

Аган — С. 68; Буи — С. 112; Дулун — С. 164–165; Дун — С. 165; Дунгане — С. 165–166; Дунсян — С. 166; Дзан — С. 166; Китайцы — С. 242–247; Ли — С. 289; Лоба — С. 293–294; Маньчжуры — С. 326–327; Маонань — С. 327; Монголы КНР — С. 352; Мулао — С. 358; Мэньба — С. 361; Мяо — С. 361–362; Наси — С. 367; Пуми — С. 429; Салары — С. 464; Сибо — С. 481; Таи — С. 510; Тибетцы — С. 527–529; Уйгуры — С. 567–568; Хуэй — С. 605; Хэчжэ — С. 606; Цзинь — С. 609; Цзяжун — С. 609–610; Цян — С. 612; Чжуан — С. 624; Шуй — С. 648; Шэ — С. 648; Эйну — С. 651–652; Даосизм — С. 709–711; Конфуцианство — С. 753–755 // Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1998.

Наука и политика в судьбе Ц.Ж. Жамцарано // Orient. 1998. Вып. 2–3. Исследователи Центральной Азии в судьбах России. С. 5–55.

О коллекциях отдела Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ РАН по теме «Культура любви у народов Восточной и Юго-Восточной Азии» // Кюнеровские чтения 1995–1997 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 163–165.

О переписке Ц.Ж. Жамцарано с С.Ф. Ольденбургом и Б.Я. Владимирцовым // Orient. 1998. Вып. 2–3. Исследователи Центральной Азии в судьбах России. С. 56–60.

Памяти Берты Яковлевны Волчок. К 75-летию со дня рождения // Кюнеровские чтения 1995–1997 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 154–159.

Памяти туркменского ученого Н.Н. Иомудского (Карашхан-оглы) // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 1996–1997 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 141–143.

Письма Ц.Ж. Жамцарано к Б.Я. Владимирцову // Orient. 1998. Вып. 2–3. Исследователи Центральной Азии в судьбах России. С. 84–89.

Письма Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу // Orient. 1998. Вып. 2–3. Исследователи Центральной Азии в судьбах России. С. 60–84.

Предисловие // Кюнеровские чтения 1995–1997 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 3–4.

Руденко Сергей Иванович // Профессора Томского университета: Биографический словарь. Томск, 1998. Т. 2. С. 377–381.

С.И. Руденко — антрополог, этнограф, археолог // С.И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 5–25.

Слово о Леониде Ивановиче Лаврове (1909–1982) // Археология и этнография Северного Кавказа: Сборник научных трудов Кубанского гос. университета. Краснодар, 1998. С. 105–116.

Этнография в кругу научных интересов А.П. Окладникова // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 152–165.

<Отв. ред.> Абдулвахидов Р.М. Скотоводческое занятие таджиков Кулябской области в конце XIX–XX вв. Душанбе, 1998 (на титуле 1997).

<Ред.> Кюнеровские чтения 1995–1997 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1998.

1999

<Рец. на кн.> А.И. Богданов. Описание Санкт-Петербурга. 1749–1751 // Этнографическое обозрение. 1999. № 1. С. 162–165.

Борис Сергеевич Жуков как представитель анучинской школы // Интеграция археологических и этнографических исследований. М.; Омск, 1999. С. 63–66.

В.В. Радлов — директор Музея антропологии и этнографии Императорской академии наук // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 137–155.

Вместо предисловия / Д.К. Зеленин. Пережитки древних воззрений о демонических птицах у народов Кавказа // Этнографическое обозрение. 1999. № 2. С. 69–70.

Вместо предисловия // Синицын А.Ю. Оружие и боевое снаряжение японских самураев: Каталог коллекций МАЭ. СПб., 1999. С. 5–6.

Вступительная статья / Н.М. Маторин. Письмо к доктору Андрэ Вараньяку // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1999. Вып. 8–9. С. 201–202.

<Подготовка текста к печати> Зеленин Д.К. Пережитки древних воззрений о демонических птицах у народов Кавказа // Этнографическое обозрение. 1999. № 2. С. 70–81.

Историческая вариативность половозрастной структуры и системы родства // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 1999. Вып. 4. С. 104–121.

К столетию со дня рождения А.Н. Калдыкиной // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1999. Вып. 8–9. С. 278–279.

Китайский (ханьский) этнос во времени и ареально-культурном измерении // Этнос. Ландшафт. Культура: Матер. конф. Посвящается Льву Николаевичу Гумилеву. СПб., 1999. С. 242–250.

<Подготовка текста к печати> Лавров Л.И. Канун революции и гражданская война на Кубани: Биографические записки // Из культурного наследия славянского населения Кубани (Материалы к лекционным курсам и практическим занятиям по дисциплинам «Фольклор и этнография казачества», «Фольклор и этнография восточных славян»). Краснодар, 1999. С. 124–160.

<Подготовка текста к печати, примечания> Маторин Н.М. Письмо к доктору Андрэ Вараньяку // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1999. Вып. 8–9. С. 203–213.

Н.А. Абрамов — известный исследователь Западной Сибири // Словцовские чтения—99: Тез. докл. и сообщений науч.-практ. конф. Тюмень, 1999. С. 258–261.

Николай Николаевич Козьмин: Основные направления научной деятельности // Репрессированные этнографы. М., 1999. С. 81–100.

О временной экспозиции «За пологом весеннего дворца, или Культура любви в традициях народов Восточной Азии» // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1999. Вып. 8–9. С. 218–226.

О письме Святителя Иннокентия в контексте истории создания первого университета в Сибири // Журнал Московской Патриархии. 1999. № 9. С. 78–80.

Памяти И.С. Вдовина // Этнографическое обозрение. 1999. № 3. С. 124–149. Соавт. Ч.М. Таксами.

Памяти Л.М. Сабуровой // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 186–189.

<Подготовка текста к публикации, примечания> Письмо Святителя Иннокентия (Вениаминова) министру народного просвещения Российской империи А.С. Норову 22 января 1857 г. // Журнал Московской Патриархии. 1999. № 9. С. 76–77.

Профессор И.Н. Винников как этнограф // Материалы научной конференции Восточного факультета, посвященной 275-летию Санкт-Петербургского университета. СПб., 1999. С. 217–220.

Русский профессор университета Цинхуа (жизнь и научная деятельность И.И. Гапановича) // Китай на пути модернизации и реформ: Тез. докл. X Международ. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 1999. Ч. 2. КНР — 50 лет. С. 96–99.

Сергей Михайлович Широкогоров как исследователь шаманизма // Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам: Матер. международ. Конгресса «Шаманизм и иные традиционные верования и практики». М., 1999. Т. 5. Ч. 1. С. 23–30. Соавт. Е.В. Ревуненкова.

Символы счастья, символы дружбы // Все музеи Санкт-Петербурга и Ленинградской области. 1999. № 6. Октябрь. С. 3.

Слово о Леониде Ивановиче Лаврове // Из культурного наследия славянского населения Кубани (Материалы к лекционным курсам и практическим занятиям по дисциплинам «Фольклор и этнография казачества», «Фольклор и этнография восточных славян»). Краснодар, 1999. С. 113–123.

Советские студенты и аспиранты в КНР // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования Китайской Народной Республики. СПб., 1999. С. 61–66.

Трагико-комический случай из жизни С.Н. Замятнина (К вопросу об аресте С.Н. Замятнина) // Локальные различия в каменном веке: Тез. докл. на Международ. конф. СПб., 1999. С. 45–47.

Труды российских ученых-эмигрантов XX в. как часть истории отечественной этнографии // III Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. М., 1999. С. 46.

Ценный источник для изучения маньчжурского шаманизма в собраниях МАЭ // «Избранники духов». «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм. Памяти В.Н. Баилова. М., 1999. С. 98–114.

Юбилейная выставка в МАЭ // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования Китайской Народной Республики. СПб., 1999. С. 66–68.

<Рец. на кн.> Leonid Pavlovič Potapovs. Materialien zur Kulturgeschichte der Uzbeken aus den Jahren 1928–1930 // Turcologica. Bd. 25 // Этнографическое обозрение. 1999. № 2. С. 152–156.

<Ред.> Сеницын А.Ю. Оружие и боевое снаряжение японских самураев: Каталог коллекций МАЭ. СПб., 1999.

<Ред.> Этикет у народов Юго-Восточной Азии (Ethnographica Petropolitana, II). СПб., 1999. Соредакт. Е.В. Иванова.

2000

Б.А. Куфтин — выдающийся советский этноархеолог // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск, 2000. С. 45–47.

<Подготовка текста> Пилсудский Б. Письма Льву Яковлевичу Штернбергу (1903 г.) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2000. № 4. С. 64–65.

<Подготовка текста> Пилсудский Б. Письмо Д.А. Клеменцу (конец июля 1908 г.) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2000. № 4. С. 71.

<Подготовка текста> Пилсудский Б. Письмо Карлу Генриховичу Залеману (1909 г.) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2000. № 4. С. 74.

<Подготовка текста> Пилсудский Б. Письма Льву Яковлевичу Штернбергу (1905 г.) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2000. № 4. С. 67–68.

В.А. Рязановский — российский востоковед-правовед: жизнь и деятельность в эмиграции // Китай в XXI веке: Поиски, вызовы и перспективы: Тез. докл. XI Международ. науч.

конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 2000. Ч. II. С. 128–132.

В.В. Голубев — выдающийся исследователь культуры народов Юго-Восточной и Южной Азии // Нусантара. Юго-Восточная Азия: Сборник материалов 1998/99 и 1999/2000 акад. гг. СПб., 2000. С. 69–76.

Вклад Н.К. Рериха в этнографию (к 125-летию со дня рождения) // 285 лет Петербургской Кунсткамеры: Сборник МАЭ. СПб., 2000. Т. XLVIII. С. 252–262.

Вместо предисловия. Об авторе книги Николае Александровиче Бутинове — ученом и борце за свои идеи // Бутинов Н.А. Народы Папуа-Новой Гвинеи (От племенного строя к независимому государству) (Ethnographica Petropolitana, VI). СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000. С. 5–13.

Возрожденные предметы из японских коллекций // ЯЛИК. 2000. № 40. Июнь. С. 1. Соавт. А.Ю. Сеницын.

Выставка «Славный путь. 50 лет Китайской Народной Республики» // Этнографическое обозрение. 2000. № 5. С. 179–180. Соавт. А.Ю. Сеницын.

<Подготовка текста и редакция справочного аппарата> Гаген-Торн Н.И. Обрядовые полотенца у народностей Поволжья // Этнографическое обозрение. 2000. № 6. С. 103–117.

Два письма Б. Пилсудского Л.Я. Штернбергу (1903 г.) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2000. № 4. С. 62–63.

Два письма Б. Пилсудского Л.Я. Штернбергу (1905 г.) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2000. № 4. С. 66.

К 100-летию Н.И. Гаген-Торн // Этнографическое обозрение. 2000. № 6. С. 101–103.

«Китайский благовестник» в свете истории отечественной синологии // Международная научная конференция «Восточная Азия — Санкт-Петербург — Европа: межцивилизационные контакты и перспективы экономического сотрудничества»: Тезисы и доклады. СПб., 2000. С. 354–356.

Монгольские народы КНР: современная этническая ситуация // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы международной научной конференции. Археология. Этнология. Улан-Удэ, 2000. Т. I. С. 318–322.

Н.В. Кюнер — выдающийся отечественный монголовед // Владимирцовские чтения IV: Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции. М., 2000. С. 95–99.

О «наказании» икон // Христианский мир: религия, культура, этнос: Матер. науч. конф. СПб., 2000. С. 316–319.

О некоторых аспектах российско-китайских межцивилизационных контактов в Маньчжурии в первой половине XX века (к постановке вопроса) // Международная научная конференция «Восточная Азия — Санкт-Петербург — Европа: межцивилизационные контакты и перспективы экономического сотрудничества»: Тезисы и доклады. СПб., 2000. С. 281–286.

О письме Б. Пилсудского Д.А. Клеменцу // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2000. № 4. С. 69–70.

О письме Б. Пилсудского К.Г. Залеману // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2000. № 4. С. 72–73.

Памяти М.Ф. Чигринского // Известия РГО. СПб., 2000. Т. 132. Вып. 1. С. 94.

<Рец. на кн.> Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь // Этнографическое обозрение. 2000. № 1. С. 165–167.

С.К. Патканов как статистик и этнограф-сибиревед // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы IV Сибирских чтений 12–14 октября 1998 г. СПб., 2000. С. 22–26.

<Предисловие, публикация и примечания> Смирнов В.И. Архангельские туесы // Живая старина. 2000. № 4. С. 46–48.

С.М. Широкогоров и археология // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск, 2000. С. 18–21.

С.М. Широкогоров как исследователь шаманизма // World ethnonational studies. Peking, 2000. № 3. Р. 62–66. (На кит. яз. Перевод Жэнь Гоин.) Соавт. Е.В. Ревуненкова.

Серия «Русские в Австралии» как источник для изучения русской общины в Китае // XX научная конференция по историографии и источниковедению стран Азии и Африки 6–7 апреля 1999 г.: Тез. докл. СПб., 2000. С. 130–132.

Советский археолог и этнограф Василий Степанович Адрианов: жизнь, прерванная на взлете // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. Вып. I. С. 238–247.

Страницы жизни Т.А. Крюковой // Личность и творчество. К 95-летию Т.А. Крюковой. СПб., 2000. С. 10–32.

Творческая мысль работает всегда: проблема ранних форм социальной организации в дискуссиях 1930-х годов // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика. СПб., 2000. С. 8–16.

III Международная конференция, посвященная изучению научного наследия Б. Пилсудского // Этнографическое обозрение. 2000. № 6. С. 128–134.

Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 1: Вербов Г.Д. — С. 150–151; Диаспора — С. 282; Зенько А.П. — С. 349; Институт народов Севера — С. 375–376 (Соавт. О.Н. Еманова); Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН — С. 377; Иванов С.В. — С. 358. Т. II: Кулемзин В.М. — С. 94; Лепехин И.И. — С. 120; Лукина Н.В. — С. 154; Митусова Р.П. — С. 202; Новицкий Г.И. [без подписи] — С. 263; Паллас П.С. — С. 336; Патканов С.К. — С. 344; Прокофьева Е.Д. — С. 421–422. Т. III: Российский этнографический музей — С. 42–43; Русское Географическое общество — С. 50–51; Соколова З.П. — С. 133; Советская этнография — С. 129; Старцев Г.А. — С. 150–151; Федорова Е.Г. — С. 285; Шатилов М.Б. — С. 325; Шухов И.Н. — С. 335; Этнографическое обозрение — С. 356–358; Этнография — С. 358; Этнография полевая — С. 358; Этнология — С. 358; Ядринцев Н.М. — С. 372, 374.

<Рец. на кн.> Яков Яковлевич Рогинский: человек и ученый // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 169–172.

<ред.> Бутинов Н.А. Народы Папуа-Новой Гвинеи (От племенного строя к независимому государству) (Ethnographica Petropolitana, VI). СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000.

2001

А.А. Сталь-Гольштейн — выдающийся российский востоковед // Китай, Россия, страны АТР и перспективы межкультурных отношений в XXI веке: Тез. докл. XII Международный науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Ч. 2, М., 2001. С. 165–169.

Акад. С.Ф. Ольденбург — ответственный редактор журнала «Этнография» (к 75-летию журнала) // IV Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. М., 2001. С. 43.

Александр Александрович Миллер — выдающийся археолог, этнограф и музейвед // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. научных трудов. Нальчик; Омск, 2001. С. 8–16.

Алексей Алексеевич Бобринский — российский этнограф и искусствовед // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 1998–1999 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 164–166.

<Рец. на кн.> Профессора Томского университета: Биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917; Вып. 2. 1917–1945; Профессора российского гос. педагогического университета им. А.И. Герцена в XX веке: Биографический справочник // ЯЛИК. 2001. № 44. Февраль. С. 8–9.

Вклад ленинградских ученых в этнографическое изучение народов Поволжья // Проблемы культурогенеза народов Волжско-Уральского региона: Матер. межрегион. науч. конф. Уфа, 2001. С. 167–169.

Вспоминая Чигринского // Кюнеровские чтения (1998–2000): Краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 157–164. Соавт. Е.В. Ревуненкова, Е.В. Иванова.

Вьетнамские новогодние пироги бань тинг и бань зай // Австралия, Океания, Юго-Восточная Азия. Народы, культура, история: Маклаевские чтения (1998–2000). СПб., 2001. С. 169–173. Соавт. Н.В. Григорьева, Чан Динь Нью.

Д.А. Клеменц и его связи с польскими этнографами // Bronislaw Pilsudski and Futabatei Shimei — an excellent Charter in the History of Polish-Japanese Relations / 3 JBPC proceedings.

Linguistic and Oriental Studies from Poznan. Monograph Supplement, 7, Poznan, 2001. P. 401–411.

Д.Н. Анучин о святителе Николае Японском // Православие на Дальнем Востоке. СПб., 2001. Вып. 3. С. 169–180.

Журналу российских этнографов 75 лет (некоторые вопросы истории) // Этнографическое обозрение. 2001. № 4. С. 27–37.

К.Ф. Голстунский: жизнь и деятельность выдающегося монголоведа // Mongolica V. Посвящается К.Ф. Голстунскому. СПб., 2001. С. 6–14.

Л.И. Лавров: штрихи к портрету (к 90-летию со дня рождения) // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 1998–1999 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 3–4. Соавт. Ю.Ю. Карпов.

Место этнографии в сфере интересов и деятельности И.Е. Вениаминова — святителя Иннокентия // Православие на Дальнем Востоке. СПб., 2001. Вып. 3. С. 9–34.

Михаил Филиппович Гаврилов как этнограф // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 1998–1999 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 166–168.

Научные связи Харбина с российскими учеными (первая треть XX в.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. Вып. 4. Этнические контакты. С. 243–250.

Некоторые аспекты сексуальных знаний и культуры народов Тихоокеанского региона (по материалам Н.Н. Миклухо-Маклая) // Австралия, Океания, Юго-Восточная Азия. Народы, культура, история: Маклаевские чтения (1998–2000). СПб., 2001. С. 69–73.

Некоторые соображения к вопросу о происхождении одежды // Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии: Тез. докл. междунар. науч. конф. (в рамках конкурса «Адмиралтейская игла»). Санкт-Петербург, 1–4 июля 2001 г. СПб., 2001. С. 73–74.

О В.А. Рязановском и его письмах В.М. Алексееву // Восточный архив. М., 2001. № 6–7. С. 3–65.

О Кюнеровских чтениях // Кюнеровские чтения (1998–2000): Краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 3–4.

О Маклаевских чтениях // Австралия, Океания, Юго-Восточная Азия. Народы, культура, история: Маклаевские чтения (1998–2000). СПб., 2001. С. 3–4.

О наказании икон и скульптур божеств (историко-этнографические параллели) // Исторический ежегодник. Омск, 2001. Специальный выпуск. С. 30–35.

О письме Б. Пилсудского академику В.В. Радлову // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2001. № 5. С. 59–60.

О письме епископа Иннокентия В.М. Алексееву // Китайский благовестник. 2001. № 1. С. 154–157.

О С.М. Широкогорове и его «Кратком отчете о деятельности в 1917–1919 гг.» // Широкогоров С.М. Избранные работы и материалы. Этнографические исследования. Владивосток, 2001. Кн. 1. Избранное. С. 75–80.

О составлении «Биобиблиографического словаря российских этнографов и антропологов. XX век» // IV Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. М., 2001. С. 43. Соавт. В.Н. Кисляков.

Об употреблении терминов «этнография» и «этнология» в трудах Н.Н. Миклухо-Маклая // Австралия, Океания, Юго-Восточная Азия. Народы, культура, история: Маклаевские чтения (1998–2000). СПб., 2001. С. 119–123.

Основные этапы жизни и деятельности профессора Н.В. Кюнера // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 108–123.

Памяти Аркадия Ермаковича Пахутова // Кюнеровские чтения (1998–2000): Краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 170–172. Соавт. А.Н. Седловская.

Памяти Б.Е. Чистовой // Кюнеровские чтения (1998–2000): Краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 164–166.

Памяти Владимира Федоровича Гусарова // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 190–191. Соавт. Е.А. Серебряков, М.Л. Титаренко.

Петербургский период жизни и деятельности С.М. Широкогорова // Широкогоров С.М. Избранные работы и материалы. Этнографические исследования. Владивосток, 2001. Кн. 1. Избранное. С. 6–32.

Письма В.А. Рязановского В.М. Алексееву / Подготовка текста и примечания А.М. Решетова // Восточный архив. 2001. № 6–7. С. 65–73.

Письма С.М. Широкогорова к В.М. Алексееву // Широкогоровские чтения. Проблемы антропологии и этнографии: Матер. науч. кон. Владивосток, 2001. С. 22–24.

Регина Александровна Ксенофонтова // Этнографическое обозрение, 2001. № 1. С. 170–172.

Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. I.: Адлер Б.Ф. — С. 19–20; Бартольд В.В. — С. 58; Кверфельдт Э.К. — С. 262; Луппол И.К. — С. 342; Могилянкой Н.М. — С. 366. Т. II: Окладников А.П. — С. 47; Станюкович Т.В. — С. 208; Тахо-Годи А.А. — С. 228–229; Шнейерсон Н.А. — С. 343.

С.М. Абрамзон — исследователь центральноазиатских киргизов // Этнографическое обозрение. 2001. № 1. С. 142–148.

Художественное паломничество в Океании (к 70-летию Н.Н. Мишутушкина) // Австралия, Океания, Юго-Восточная Азия. Народы, культура, история: Маклаевские чтения (1998–2000). СПб., 2001. С. 41–45.

Штрихи к биографии Н.И. Кохановского // Кюнеровские чтения (1998–2000): Краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 166–169.

<Подготовка текста к печати и комментарии> Широкогоров С.М. Краткий отчет о деятельности младшего сверхштатного антрополога // Широкогоров С.М. Избранные работы и материалы. Этнографические исследования. Владивосток, 2001. Кн. 1. Избранное. С. 80–93.

<Подготовка текста и публикация> Епископ Иннокентий (Фигуровский). Письмо В.М. Алексееву // Китайский благовестник. 2001. № 1. С. 153.

<Подготовка текста, публикация и примечания> Пилсудский Б.О. Письмо В.В. Радлову, господину председателю Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2001. № 5. С. 61–63.

<Рец. на кн.> Аниканов М.В., Степанов В.В., Сусоколов А.А. Титульные этносы Российской Федерации: Аналитический справочник // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 152–155. Соавт.: А.А. Бурыкин.

<Рец. на кн.> Дубов И.В. Залесский край. Эпоха раннего средневековья. Избранные труды // Этнографическое обозрение. 2001. № 1. С. 161–164.

Korespondencja Kazimierza Moszynskiego z Dymitrem Konstattynowiczem Zieleninem. Z materialow Archivum Rosyjskiej Akademii Nauk w Sankt-Peterburgu // Lud. 2001. Т. 85. S. 277–298. Соавт. Zbigniew Jasiewicz.

<Сост. и ред.> Широкогоров С.М. Избранные работы и материалы. Этнографические исследования. Владивосток, 2001. Кн. 1. Избранное.

<Ред.> Австралия, Океания, Юго-Восточная Азия. Народы, культура, история: Маклаевские чтения (1998–2000). СПб., 2001.

<Ред.> Кюнеровские чтения (1998–2000): Краткое содержание докладов. СПб., 2001.

2002

А.А. Половцов — дипломат, этнограф, музеевед // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 2000–2001 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 2002. С. 147–150.

Академик В.В. Радлов — востоковед и музеевед (основные этапы деятельности) // Радловские чтения—2002: Матер. годич. науч. сессии МАЭ РАН. СПб., 2002. С. 95–101.

Александр Михайлович Покровский (1893–1944): возвращение из небытия // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2002. Вып. 2. С. 223–229.

Александр Семенович Форштейн (1904–1968). Страницы биографии репрессированного ученого // II Диковские чтения: Матер. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Дальстроя. Магадан, 2002. С. 275–279.

Б.Ф. Адлер о преподавании этнографии в средней школе // Этнология и образование: проблемы интеграции академической науки и высшей школы: Матер. науч.-практ. конф. Владивосток, 2002. С. 44–49.

Выдающийся востоковед-энциклопедист (к 125-летию со дня рождения Н.В. Кюнера) // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6. С. 163–169.

Выходят словари (<рец. на кн.> Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь) // Россия и АТР. 2002. № 1. С. 159–168.

Г.М. Корсаков как кетолог // XXIII Дульзоновские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур: Материалы Международной конференции. 25–27 июня 2002 г. Томск. Томск, 2002. Ч. I. С. 217–222.

Заметки к истории формирования знаний человека // История и культура Востока Азии: Матер. междунаро. науч. конф. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г. К 70-летию В.Е. Ларичева. Новосибирск, 2002. Т. 1. С. 35–38.

И.С. Поляков — ученый-энциклопедист // Вестник сахалинского музея. № 9. Южно-Сахалинск, 2002. С. 178–193.

Изучение этнографии Вьетнама в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) Российской академии наук // Сборник тезисов Международной конференции Евровьет V. Современный Вьетнам: особенности переходного периода. 28–30 мая 2002 г., Санкт-Петербург. СПб., 2002. С. 47–49.

Иннокентий Степанович Вдовин — этнограф, языковед, автор учебников по чукотскому языку (к 95-летию со дня рождения) // Этнология и образование: проблемы интеграции академической науки и высшей школы: Матер. науч.-практ. конф. Владивосток, 2002. С. 53–57. Соавт.: А.А. Бuryкин.

К вопросу о соотношении этнической и конфессиональной общностей // Этническое единство и специфика культур: Матер. I Санкт-Петербургских этнографич. чтений. СПб., 2002. С. 16–19.

К 100-летию со дня рождения В.Г. Трисман // Этнографическое обозрение. 2002. № 3. С. 126–127. Соавт.: Б.П. Полевой.

К 60-летию основания калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН (<рец. на кн.: > Ученые Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН / Сост. П.Э. Алексеева, Е.Н. Бадмаева, М.Б. Баилсханова, В.Ш. Санжиева) // ЯЛИК. 2002. № 50. С. 16.

Кафедра этнографии в структуре филфака (1938–1944 гг.): Матер. XXXI Всерос. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. Секция истории филологического факультета. СПб., 2002. Вып. 10. С. 35–40.

Коллекции Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН — национальное достояние (основные проблемы их изучения) // Наука и техника: вопросы истории и теории: Тезисы XXIII годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. СПб., 2002. Вып. XVIII. С. 22–23.

М.П. Грязнов как антрополог и этнограф // Степи Евразии в древности и средневековье: К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 2002. С. 69–71.

Монгольские народы КНР: к проблеме этнического состава и современных этнокультурных процессов // Материальные и духовные основы калмыцкой государственности в составе России (к 360-летию со дня рождения хана Аюки): Матер. междунаро. науч. конф. Элиста, 2002. С. 152–157.

Народы Крайнего Севера и Дальнего Востока России в трудах исследователей. М.: Северные просторы, 2002. Кн. 1–2. Соавт.: А.А. Бuryкин. Кн. 1. Стадухин М.В. — С. 11; Идес Избрант — С. 31; Новицкий Г.И. — С. 40; Зуев В.Ф. — С. 102; Иславин В.А. — С. 174; Дьячков А.Е. — С. 264; Носилов К.Д. — С. 353; Патканов С.К. — С. 394; Штернберг Л.Я. — С. 406; Харузин Н.Н. — С. 481; Анучин В.И. — С. 505. Кн. 2: Аврорин В.А. — С. 8; Анисимов А.Ф. — С. 23; Антропова В.В. — С. 35; Василевич Г.М. — С. 71; Вдовин И.С. — С. 83–84; Грачева Г.Н. — С. 95; Иванов С.В. — С. 204; Крейнович Е.А. — С. 235; Леонтьев В.В. — С. 248; Ляпунова Р.Г. — С. 261; Меновщиков Г.А. — С. 284; Сем Ю.А. — С. 404.

Н.К. Рерих как этнограф // Рериховское наследие: Труды I международ. науч.-практ. конф. «Рериховское наследие». Музей-институт семьи Рерихов в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга. СПб.: Изд СПбГУ, 2002. С. 447–465.

Н.Н. Могилянский — выдающийся российский этнограф и музейевед // Музей. Традиции. Этничность: Матер. междунаро. науч. конф., посвященной 100-летию Российского этнографического музея. СПб.; Кишинев, 2002. С. 147–151.

Наказание без преступления: из биографии Л.Н. Гумилева 1930–1956 гг. // Гумилев Л.Н. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. СПб., 2002. Т. I. С. 23–27.

О Леониде Павловиче Потапове // Этнографическое обозрение. 2002. № 2. С. 125–131. Соавт.: В.П. Дьяконова.

Памяти Николая Александровича Бутинова // Этнографическое обозрение. 2002. № 2. С. 118–124.

«Память о встрече нас согрела, нам не забыть этих дней» <рец. на кн.> Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета послевоенных лет (1948–1952) // ЯЛИК. 2002. № 50. С. 17–18.

<Рец.> Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь // Новый часовой. 2002. № 13–14. С. 448–457. Соавт.: А.А. Бурыкин.

1500 ведущих лингвистов мира (<рец. на кн.> Юдакин А.П. Ведущие языковеды мира: Энциклопедия) // ЯЛИК. 2002. № 51. С. 20–21.

Этнограф и музейед Николай Андреевич Кисляков (к 100-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. 2002. № 5. С. 108–120. Соавт. В.Н. Кисляков.

Этнография в кругу научных интересов Ахмета Заки Валиди Тогана // Факты и версии: Историко-культурологический альманах: Исследование и материалы. СПб., 2002. Кн. II. Русское зарубежье: политика, экономика, культура. С. 70–79.

Этнография в кругу научных интересов академика Б.Я. Владимирцова // Altaica VII. М., 2002. С. 122–136.

<Рец. на кн.> Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы: Словарь-справочник // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 168–172. Соавт. А.А. Бурыкин.

<Рец. на кн.> Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX — 20-е гг. XX в.) // Этнографическое обозрение. 2002. № 2. С. 140–144. Соавт.: В.Н. Кисляков.

<Рец. на кн.> Донгшонская культура во Вьетнаме (на вьетнамск. яз.); Фам Минь Хюен. Донгшонская культура: единство и многообразие (на вьетнамск. яз.) // Этнографическое обозрение. 2002. № 5. С. 156–161. Соавт. В.Р. Атнашев.

<Рец. на кн.> История и археология Дальнего Востока: К 70-летию Э.В. Шавкунова // Этнографическое обозрение. 2002. № 5. С. 161–165. Соавт. А.А. Бурыкин.

<Рец. на кн.> Ученые-североведы: Сборник биобиблиографических очерков / Сост. Н.М. Артемьев; Ученые Калмыцкого Института гуманитарных исследований / Сост. П.Э. Алексеева, Е.Н. Бадмаева, М.Б. Баислханова, В.М. Санжиева // Этнографическое обозрение. 2002. № 5. С. 166–169. Соавт. А.А. Бурыкин.

<Ред.> Иванова Е.В. Одежда и украшения народов Юго-Восточной Азии. Опыт сравнительно-типологического исследования. СПб., 2002.

<Ред.> Широкогоров С.М. Избранные работы и материалы: Этнографические исследования. Владивосток, 2002. Кн. 2. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Соред. А.М. Кузнецов.

2003

А.Н. Генко как этнограф (к 100-летию со дня рождения) // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 2003. Вып. 13. С. 318–332.

Биобиблиографический словарь отечественных этнографов и антропологов. XX век: Каким ему быть? // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 151–154.

Борис Алексеевич Куфтин: этапы жизненного пути // Репрессированные этнографы. М.: ГРВЛ, 2003. Вып. 2. С. 227–268. Соавт. С.С. Алымов.

В.А. Мошков как ученый (к 150-летию со дня рождения) // Rocznik Orientalistyczny. Warszawa, 2003. T. LV. Z. 1. S. 5–10.

Владимир Александрович Казакевич: Жизнь и деятельность ученого-монголоведа // Altaica VIII. М.: ИВ РАН, 2003. С. 152–178.

Востоковед и организатор науки П.И. Воробьев // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 3. С. 127–134.

Востоковедение на филфаке в 1937–1944 гг. // Материалы XXXII Международ. филолог. конф. Секция истории филологического факультета. СПб., 2003. Вып. 5. С. 30–38.

Вся жизни в поиске. С.В. Иванов // Знаменитые универсанты: очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб., 2003. Т. II. С. 401–421.

Галина Ивановна Дзенискевич (1933–2002) // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 167–169.

Институт антропологии и этнографии — Институт этнографии АН СССР // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 24–42.

Интеграция наук в научной деятельности акад. С.А. Теплоухова // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник науч. трудов. Омск, 2003. С. 17–21.

КИПС-ИПИН и их роль в отечественной этнографии // V Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. М., 2003. С. 90.

Л.Я. Штернберг и С.М. Широкогоров: Кем они были друг для друга (по материалам переписки 1912–1924 гг.) // Народы и культуры Дальнего Востока: Взгляд из XXI века: Доклады междунаро. науч. конф., посвященной 140-летию со дня рождения Л.Я. Штернберга. Южно-Сахалинск, 2003. С. 57–64.

Малоизвестные страницы из жизни и научной деятельности Нины Ивановны Гаген-Торн // Словцовские чтения—2003: Матер. XV Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2003. С. 124–126.

Мифологический зверь цилинь в китайской культурной традиции // Мифология и религия в системе культуры этноса: Матер. II Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2003. С. 153–155.

Н.Н. Поппе (1897–1991): Две части одной жизни // Немцы в России. Три века научного сотрудничества. СПб., 2003. С. 482–498.

Новые находки писем Б. Пилсудского в Санкт-Петербургских архивах (1998–1999 гг.) // Linguistic and Oriental Studies from Poznan. Poznan, 2003. Vol. 5. S. 243–247.

О китайской литературе в Сингапуре и Малайзии // Филология стран Нусантары (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Восточный Тимор): Международ. науч. сессия: Матер. докладов. СПб., 2003. С. 83–86.

О письмах В.А. Мошкова к академику В.В. Радлову [вступительная статья] // Rocznik Orientalistyczny. Warszawa, 2003. T. LV. Z. 1. S. 10–11.

О прошлом — для будущего (<рец. на кн.> Богшрахинский аймак и богшрахинцы: Краткие исторические очерки / Автор-сост. П.Э. Алексеева) // ЯЛИК. 2003. № 54. С. 15. Соавт. А.А. Бурькин.

О прошлом — для будущего (<рец. на кн.> Богшрахинский аймак и богшрахинцы: Краткие исторические очерки / Автор-сост. П.Э. Алексеева) // Вестник КИГИ РАН: Сборник научных трудов. Элиста, 2003. Вып. 18. С. 298–300. Соавт. А.А. Бурькин.

О С.М. Широкогорове и его «Кратком отчете о деятельности в 1917–1919 гг.» // Восточный архив. 2003. № 10. С. 3–4.

О Ю.В. Бромлее, о прошлых годах и о нас, грешных // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы. М., 2003. С. 290–303.

<Сост., подготовка к публикации и комментарии> Пилсудский Б. Письма Льву Яковлевичу Штернбергу (1903 и 1905 гг.), Василию Васильевичу Радлову (1905 г.), Дмитрию Александровичу Клеменцу (1908 г.), Карлу Германовичу Залеману (1909 г.) // Linguistic and Oriental Studies from Poznan. Poznan, 2003. Vol. 5. S. 249–259.

<Подготовка к печати, предисловие и примечания> Письма В.А. Казакевича к В.Л. Ковтвичу (1925–1936 годы) // Mongolica VI. СПб., 2003. С. 96–113.

<Составление, подготовка текста к публикации и комментарии> Письма В.А. Мошкова к академику В.В. Радлову // Rocznik Orientalistyczny. Warszawa, 2003. T. LV. Z. 1. S. 11–44.

Русский свадебный ритуал (<рец.> Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал) // ЯЛИК. 2003. № 54. С. 14–15.

<Рец.> Дацышен В.Г. История изучения китайского языка в Российской империи // ЯЛИК. 2003. № 5. С. 15–16.

<Рец.> «Восемнадцать степных законов»: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. Монгольский текст. Транслитерация монгольского текста / Перевод, комментарии и исследование А.Д. Насилова // ЯЛИК. 2003. № 55. С. 16–17.

<Рец.> Насилов А.Д. «Восемнадцать степных законов»: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. // Mongolica VI. СПб., 2003. С. 153.

Плата за убеждения: история жизни и деятельности П.Г. Галузо // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 2002–2003 гг.: Тез. докл. СПб., 2003. С. 139–140.

Проф. Б.В. Лунин: Основные этапы жизни и научной деятельности // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 2002–2003 гг.: Тез. докл. СПб., 2003. С. 140–141.

Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 100–119. Соавт. Е.В. Ревуненкова.

С.М. Широкогоров: китайский период жизни и деятельности (1922–1939 гг.) // Зарубежная Россия 1917–1939. СПб., 2003. Кн. 2. С. 183–189.

Тернистый путь к этнографии и музею: Страницы жизни Т.А. Крюковой // Репрессированные этнографы. М.: ГРВЛ, 2003. Вып. 2. С. 269–300.

Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы. М.: ГРВЛ, 2003. Вып. 2. С. 147–192.

Хамниганы в Китае // Монголоведение в новом тысячелетии (к 170-летию организации первой кафедры монгольского языка в России): Матер. междунар. науч. конф. Элиста, 2003. С. 180–182.

Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области: Формирование и перспективы развития концепции // Российская наука о человеке. Вчера, сегодня, завтра: Матер. Междунар. науч. конф. СПб., 2003. Вып. 1. С. 161–168, 298–299.

<Подготовка текста к печати и комментарии> Широкогоров С.М. В Российскую академию наук сверхштатного младшего антрополога Сергея Михайловича Широкогорова Краткий отчет о деятельности в 1917–1919 гг. сверхшт [атного] младш [его] антрополога Музея антропол[огии] и этнографии С.М. Широкогорова // Восточный архив. 2003. № 10. С. 5–11.

Sergey Teploukhov: Periods and Research Activity // European Association of Archaeologists, 9th annual Meeting. St. Petersburg, 2003. P. 43.

Korespondencja między Adamem Fischerem a Dymitrem Konstantynowiczem Zieleninem. Z materiałów Archiwum naukowego polskiego towarzystwa ludoznawczego we Wrocławiu i Archiwum Rosyjskiej Akademii nauk w Sankt Petersburgu. (Переписка между Адамом Фишером и Дмитрием Константиновичем Зелениным. По материалам Архива Польского этнографического общества во Вроцлаве и Архива Российской академии наук в Санкт-Петербурге) / Вступительная статья З. Ясевича и А.М. Решетова // Etnografia Polska. 2003. T. XLVII. Z. 1–2. S. 31–47.

2004

Андрей Дмитриевич Руднев (1878–1958): Жизнь и деятельность на родине и в эмиграции // Altaica IX. М., 2004. С. 133–159.

Биолог из семьи Рерихов: Владимир Константинович Рерих (1882–1951) // Зарубежная Россия. 1917–1945. СПб., 2004. Кн. 3. С. 180–188.

Борис Михайлович Житков как этнограф // XVI Словоцковские чтения: Материалы XVI Всерос. науч.-практ. краевед. конф. Тюмень, 2004. Ч. I. С. 169–172.

Бруно Фридрихович Адлер: основные этапы жизни и деятельности ученого // Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Этнографические исследования: Сборник научных докладов и сообщений. Казань, 2004. Ч. III. С. 27–33.

В.А. Мошков — военный и ученый // Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Этнографические исследования: Сборник научных докладов и сообщений. Казань, 2004. Ч. III. С. 39–45.

Вклад протоиерея В.И. Вербицкого в изучение этнографии и языков алтайцев // Православие на Дальнем Востоке. СПб., 2004. Вып. 4. С. 164–183.

Выдающийся востоковед С.Г. Елисеев (1889–1975): Жизнь и деятельность на родине и в эмиграции // Зарубежная Россия. 1917–1945. СПб., 2004. Кн. 3. С. 188–197.

Дмитрий Константинович Зеленин: классик русской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004. С. 137–183.

Исследователь Монголии Владимир Александрович Казакевич (1896–1937) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 2004. Вып. XXI. С. 105–127. Соавт. В.В. Матин.

Календарь памятных дат в этнографии и антропологии на 2004 г. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 171–173.

Ксения Борисовна Кепинг (1937–2002) как исследователь Российской духовной миссии в Китае // Православие на Дальнем Востоке. СПб., 2004. Вып. 4. С. 72–91.

Культовые памятники Ямала (<рец. на кн.> Лар Л.А. Культовые памятники Ямала. Хэ-бидя я') // ЯЛИК. 2004, ноябрь. № 61. С. 12–13. Соавт.: А.А. Бурыкин.

Николай Александрович Бутинов (1914–2000) // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб., 2004. С. 8–19. Соавт. Е.В. Реву-ненкова.

О терминологии, связанной с половозрастным делением животных // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб., 2003. С. 224–239.

Предисловие // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб., 2004. С. 5–7.

<Подготовка текста к печати, сверка и дополнительные примечания> Кюннер Н.В. Корейцы в Дальневосточном крае // Этнографическое обозрение. 2004. № 4. С. 80–96.

<Подготовка текста к печати и примечания> Никульшин Н.П. Этнографическая экспедиция к сымским звенкам летом 1940 г. (Предварительный отчет) // Материалы полевых этнографических исследований. СПб., 2004. Вып. 5. С. 127–135.

<Рец.> Неизвестный В.Я. Пропп / Предисл., сост. А.Н. Мартыновой. Подготовка текста, коммент. А.Н. Мартыновой, Н.А. Прозоровой // ЯЛИК. 2004. № 59. С. 19–21.

Николай Николаевич Чебоксаров: Портрет ученого в контексте времени // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004. С. 358–396.

О календаре памятных дат в этнографии и антропологии на 2004 г. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 170–171.

О Н.П. Никульшине (1908–1941) (к 90-летию со дня рождения) // Материалы полевых этнографических исследований. СПб., 2004. Вып. 5. С. 120–127.

Подарок Далай-ламы XIII (об одной статуэтке Будды из коллекций МАЭ) // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 2004. Вып. 10–11. С. 130–136.

Предисловие // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 2004. Вып. 10–11. С. 3–4.

Репрессированная ленинградская антропология (к постановке вопроса) // Палеоантропология. Этническая антропология. Этногенез. К 75-летию Ильи Иосифовича Гохмана. СПб., 2004. С. 201–219.

<Рец.> Крадин Н.П. Харбин — русская Атлантида // ЯЛИК. 2004. № 60. С. 23–24.

О статье Н.В. Кюннера «Корейцы в Дальневосточном крае» // Этнографическое обозрение. 2004. № 4. С. 78–79.

Переписка В.Л. Котвича и Л.Я. Штернберга (1924–1925 гг.) / Подготовка текста писем к печати В.М. Латышева и А.М. Решетова, коммент. А.М. Решетова // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2004. № 8. С. 20–33.

Письма как этнографический источник // Этнографический источник: Матер. III Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2004. С. 60–66.

Раиса Викторовна Каменецкая: К 70-летию со дня рождения // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 2004. Вып. 10–11. С. 186–190.

<Рец.> Дмитрий Алексеевич Ольдерогге в письмах и воспоминаниях // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 2004. Вып. 10–11. С. 197–200.

Российские этнографы и антропологи-эмигранты: времена, люди и судьбы // Радловские чтения—2004: Тезисы докладов. СПб., 2004. С. 65–72.

Рудольф Фердинандович Итс (1928–1990): Человек, ученый, педагог // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Серия 2. История. Вып. 1–2. С. 107–116.

Северная энциклопедия. М., 2004. Анисимов А.Ф. — С. 36, Антропова В.В. — С. 37, Анучин В.И. — С. 38, Бранд А. — С. 107, Грачева Г.Н. — С. 214, Иванов С.В. — С. 310, Идес Избрант — С. 314–315, Иславин В.А. — С. 326, Крейнович Е.А. — С. 447, Леонтьев В.В. — С. 502, Ляпунова Р.Г. — С. 522, Меновщиков Г.А. — С. 557, Новицкий Г.И. — С. 658, Носилов К.Д. — С. 664, Сем Ю.А. — С. 887, Харузин Н.Н. — С. 1034. Соавт. А.А. Бурыкин. 40 лет в строю. Памяти Г.И. Дзенискевич // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 2004. Вып. 10–11. С. 201–204. Соавт.: Е.В. Иванова, Т.К. Шафрановская.

Список работ профессора Андрея Дмитриевича Руднева // Altaica IX. М., 2004. С. 159–164.

Традиции анучинской школы в научном творчестве М.Г. Левина // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. Алматы; Омск, 2004. С. 11–13.

У В.П. Дьяконовой — юбилей // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 2004. Вып. 10–11. С. 181–185.

Этнография в занятиях И.В. Дубова // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сборник статей памяти проф. И.В. Дубова. СПб., 2004. С. 18–24.

In memoriam. Абрам Давидович Дридзо (15 августа 1925 г. — 5 августа 2003 г.) // Этнографическое обозрение. 2004. № 4. С. 169–172.

Korespondencja Wladyslawa Kotwicza i Lwa Szternberga (1924–1925 г.) / Подготовка текста к печати В.М. Латышева и А.М. Решетова, комментарии А.М. Решетова // Przegląd Wschodni. Warszawa, 2004. T. IX. Z. 1 (33). S. 185–193.

Leonid Pavlovich Potapov (1905–2000) // Shaman. 2004. Vol. 12, spring/autumn, N 1/2. P. 167–170.

A List of L.P. Potapov's works on Shamanism // Shaman. 2004. Vol. 12, spring/autumn, N 1/2. P. 170–176.

<Ред.> Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб., 2004. (Ethnographica Petropolitana, XII).

2005

Абрамзон С.М. // Большая Российская энциклопедия. М., 2005. С. 31.

Авижанская Софья Александровна // Башкирская энциклопедия. Уфа, 2005. Т. I. С. 38.

Агван Доржиев и российские востоковеды (к постановке вопроса) // Буддийская традиция: История и современность: Матер. конф. СПб., 2005. С. 18–24.

Андреев М.С. // Большая Российская энциклопедия. М., 2005. С. 726.

Антропологии и этнографии музеев // Большая Российская энциклопедия. М., 2005. Т. 2. С. 86.

Аристов Николай Александрович // Башкирская энциклопедия. Уфа, 2005. Т. I. С. 181.

Б.М. Житков как этнограф // Земля Тюменская: Ежегодник ТОКМ–2004. Тюмень, 2005. Вып. 18. С. 192–197.

Бай // Большая Российская энциклопедия. М., 2005. Т. 2. С. 655.

Баоань // Большая Российская энциклопедия. М., 2005. Т. 3. С. 19–20.

Бежкович Афанасий Семенович // Башкирская энциклопедия. Уфа, 2005. Т. I. С. 404.

Богатырев Петр Григорьевич // Большая российская энциклопедия. М., 2005. Т. 3. С. 638.

Богданов Владимир Владимирович // Большая российская энциклопедия. М., 2005. Т. 3. С. 650–651.

Богораз Владимир Германович // Большая российская энциклопедия. М., 2005. Т. 3. С. 638.

В.Н. Чернецов: ленинградский период жизни и деятельности (1925–1940 гг.) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Матер. XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2005. С. 33–36.

Владимир Федорович Минорский как этнограф // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 2004–2005. СПб., 2005. С. 143–145.

Воспоминания последней из могикан (<рец.> Митусова Л.С. О прожитом и судьбах близких: Воспоминания / Отв. ред. акад. Б.С. Соколов) // ЯЛИК. 2005. № 65. С. 12–14.

Вспомним, чтобы не забывали. Ленинградские этнографы в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Лингвистика в годы войны: Люди, судьбы, свершения: Матер. Всерос. конф., посвященной 60-летию победы в Великой отечественной войне. СПб., 2005. С. 85–133.

Г.П. Сердюченко — основатель серии «Языки зарубежного Востока и Африки» (к 100-летию со дня рождения ученого) // Исследователь монгольских языков (к юбилею Б.Х. Тодаевой). Элиста, 2005. С. 181–193.

Из истории отечественной антропологии (Г.И. Петров) // Марийский археологический сборник. Йошкар-Ола, 2005. № 15. С. 246–254.

Издание нового труда Ю.Н. Рериха (<рец.> Рерих Ю.Н. История Средней Азии: В 3 т. Т. I) // ЯЛИК. 2005. № 65. С. 11–12.

Институт этнографии АН СССР в годы блокады (к 60-летию великой победы) // VI Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. СПб., 2005. С. 439.

Календарь памятных дат в этнографии и антропологии на 2005 г. // Этнографическое обозрение. 2005. № 3. С. 159.

Культура во в Китае: От шаманских танцев к народному театру // Предметный мир религий: Матер. XII Санкт-Петербургских религиозоведческих чтений. СПб., 2005. С. 112–115.

Культура во в Китае: Проблемы происхождения и эволюции // Радловские чтения—2005: Тез. докл. СПб., 2005. С. 52–56.

М.Б. Шатилов (1882–1937 гг.): Жизнь и судьба ученого // Словцовские чтения—2005: Матер. XVII Всерос. науч.-практ. краевед. конф. Тюмень, 2005. С. 95–98.

Кюнер Н.В. Памяти Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа) (1777–1853 гг.). Значение Иакинфа Бичурина в истории русского китаеведения / Подготовка текста к печати и примечания А.М. Решетова // Кюнеровские чтения. 2001–2004: Краткое содержание докладов. СПб., 2005. С. 7–16.

Музыка в блокадном городе (<рец.> Музыка в дни блокады / Авт.-сост. А.Н. Крюков) // ЯЛИК. 2005. № 62. С. 839.

Неизвестная страничка из жизни Д.К. Зеленина (об участии Д.К. Зеленина в конкурсе в Казанском университете) // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 130–136.

О нашей малой родине // Новая Россия на пути к единству человечества: Тезисы II Международ.науч.-практ. конф. «Рериховское наследие». СПб.; Вышний Волочек, 2005. Т. II. С. 369–374.

О русских в Китае (к постановке вопроса) // Кюнеровские чтения. 2001–2004: Краткое содержание докладов. СПб., 2005. С. 194–200.

О письме Вениамина, Митрополита Петроградского и Гдовского в Российскую Академию наук // Кюнеровские чтения. 2001–2004: Краткое содержание докладов. СПб., 2005. С. 185–188.

О статье А.Д. Руднева «Состояние письменности и литературы у ойратских племен Северо-Западной Монголии» // Altaica X. 2005. С. 173–176.

Ответы на вопросы редакции журнала «Антропологический форум» // Антропологический форум: VI Конгресс этнографов и антропологов России. СПб., 2005. Спец. вып. С. 93–97.

Reshetov A.M. The current State of Ethnography and Anthropology in Russia // Forum for Anthropology and Culture. 2005. № 2. P. 463–467.

<Рец.> Васильева Г.П. История этнографического изучения туркменского народа в отечественной науке. Конец XVIII–XX века: Очерки // Этнографическое обозрение. 2005. № 3. С. 149–153. Соавт. В.Н. Кисляков.

<Подготовка текста к печати и комментарии> Руднев А.Д. Состояние письменности и литературы у ойратских племен Северо-Западной Монголии // Altaica X. 2005. С. 176–185.

<Подготовка текста к печати, публикация и комментарии> Крейнович Е.А. Жалоба в порядке прокурорского надзора // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск. 2005. № 9. С. 287–329.

<Рец.> Ethnographica Africana. Памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогге / Отв. ред. Н.Б. Кочакова; Дмитрий Алексеевич Ольдерогге в письмах и воспоминаниях / Отв. ред. С.Б. Чернецов // Восток. 2005. № 3. С. 172–176.

<Подгот. текста письма к печати и коммент.> Свм. Вениамин. Письмо в Российскую Академию наук // Кюнеровские чтения. 2001–2004: Краткое содержание докладов. СПб., 2005. С. 188–189.

Североведение на филологическом факультете // XXXIV Международная филологическая конференция. Вып. 3. Секция истории филологического факультета. СПб., 2005. С. 38–44.

Советские этнографы и лингвисты в Китае во второй половине 1950-х гг. (опыт научно-го сотрудничества) // Российско-китайские научные связи: Проблемы становления и развития. СПб., 2005. С. 117–124.

Этномузыковед В.К. Стешенко-Куфтина: Факты биографии и научной деятельности // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 2004–2005. СПб., 2005. С. 145–146. Соавт. Л. Пиралишвили.

«Это было недавно, это было давно...» (Воспоминания выпускника 1956 г.) // Воспоминания выпускников восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета послевоенных лет. СПб., 2005. С. 287–295.

«Я прошу Вас о своей реабилитации». Ерухим Абрамович Крейнович (1906–1985 гг.) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2005. № 9. С. 275–286.

<Отв. ред.> Кюнеровские чтения. 2001–2004: Краткое содержание докладов. СПб., 2005.

<Член редколлегии> Воспоминания выпускников восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета послевоенных лет. СПб., 2005.

About the Fate of a Present from Dalai-lama to the Academician S.F. Oldenburg // Manuscripta Orientalia: International Journal for Oriental Manuscript Research. 2005, Vol. 11. № 2. P. 65–69.

2006

Адлер Бруно Вильгельм Карл Адольф (Бруно Фридрихович) // Воронежская историко-культурная энциклопедия: Биографии / Гл. ред. О.Г. Ласунский. Воронеж, 2006. С. 10. Соавт.: А.Н. Акиншин.

Буи // Большая Российская энциклопедия. М., 2006. Т. 4. С. 314–315.

Бутинов Н.А. // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 4. С. 413.

Василевич Г.М. // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 4. С. 623.

Вербицкий В.И. // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 150.

Винников И.Н. // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 342.

Виноградов Г.С. // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 350.

Вишневский Б.Н. // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 418.

Вознесенский И.Г. // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 577.

Волков Ф.К. // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 633.

Воробьев П.И. // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 707.

Генко А.Н. // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 6. С. 563.

Георги И.И. // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 6. С. 630.

Г.М. Корсаков как кетолог // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2006. С. 103–108.

Казакевич (урожд. Яковлева) Зоя Васильевна // Воронежская историко-культурная энциклопедия: Биографии / Гл. ред. О.Г. Ласунский. Воронеж, 2006. С. 175. Соавт.: А.Н. Акиншин.

<Подготовка текста к публикации, частично комментарии> Корсаков Г.М. Кеты Подкаменной Тунгуски // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2006. С. 109–130.

Китайцы в Санкт-Петербурге (фрагменты истории) // Санкт-Петербург — Китай. Три века контактов. СПб., 2006. С. 9–24.

<Вступление> Кюннер Н.В. Н.Я. Бичурин и изучение истории Центральной Азии (по материалам его «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена») // Письменные памятники Востока. М., 2006. № 1(4). С. 263–264.

<Публикация, примечания> Кюннер Н.В. Н.Я. Бичурин и изучение истории Центральной Азии (по материалам его «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена») // Письменные памятники Востока. М., 2006. № 1(4). С. 264–272.

<Рец. на кн.> Лар Л.А. Культовые памятники Ямала. Хэбидя я. Тюмень, 2003 // Вестник угроведения. 2006. № 2. С. 147–152. Соавт. А.А. Бурыкин.

М.Б. Шатилов (1882–1937): Жизнь и судьба ученого // Музей и современные технологии: Матер. Всерос. науч. конф. Томск, 2006. С. 261–269.

Мария Сидоровна Бутинова (к 85-летию со дня рождения) // Историко-культурные связи народов Тихоокеанского бассейна: Маклаевские чтения. 2002–2006 гг. СПб., 2006. С. 12–23. Соавт. Е.В. Ревуненкова, Е.В. Иванова.

О культе черепахи в Китае // Радловские чтения. 2006. СПб., 2006. С. 184–189.

Паломничество в Китае как общекультурное явление: Истоки, развитие, варианты // Феномен паломничества в религиях мира: священная цель. Священный путь, священные реликвии: Матер. XIII Санкт-Петербургских религиозно-научных чтений. СПб., 2006. С. 130–132.

Петр Петрович Шмидт как тунгусо-маньчжуровед // *Tunguso-Sibirica*. Bd. 20. Tumen jalafun jecen aku Manchu Studies in Honour of Giovanni Stary. Wiesbaden, 2006. P. 219–224.

Профессор Вера Ивановна Цинциус на Восточном факультете // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы: Тез. докл. Междунар. науч. конф. СПб., 2006. С. 66–67. Соавт. А.А. Бурякин.

Североведение в жизни и деятельности Арефа Ивановича Минеева // Североведческие науки в перспективе XXI в.: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. «Североведческие исследования». Вып. 3. СПб., 2006. С. 67–71.

Слово о Раиле Гумеровиче Кузееве // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения: Сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2006. С. 5–8.

Т.К. Шафрановская (к 80-летию со дня рождения) // Историко-культурные связи народов Тихоокеанского бассейна: Маклаевские чтения. 2002–2006 гг. СПб., 2006. С. 23–34. Соавт. Е.В. Ревуненкова, Е.В. Иванова.

Этническая история народов Якутии [рецензия на кн. Гоголев А.И. Этническая история народов Якутии (до начала XX века). Якутск: Изд-во ЯГУ, 2004. 104 с.] // ЯЛИК. 2006, ноябрь. № 69–70. С. 15–17. Соавт. А.А. Бурякин.

Этнография в кругу научных интересов профессоров и преподавателей факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета (1855–1919 г.) // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы: Тез. докл. Междунар. науч. конф. СПб., 2006. С. 65–66.

Этнография в кругу научных интересов С.П. и М.В. Швецовых // Словцовские чтения–2006. Тюмень, 2006. С. 141–143.

<Рецензия> Гуревич Ф.Д. Летописи Новгорода (Старажытнарусск Наваградок). СПб.; Наваградак, 2003 // <http://journal.iea.ras.ru/online> (См. об этом: Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 188).

2007

Д.И.Тихонов — востоковед и организатор науки (к 100-летию со дня рождения) // XXIV научная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки. 10–12 апреля 2007: Тезисы докладов. СПб., 2007. С. 132–133.

С.П. Толстов и Д.К. Зеленин: к истории их спора об участии финнов в образовании великорусской народности // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. СПб., 2007. С. 269–274.

П.Д. Степанов — этнограф, археолог, музейвед // VII Конгресс этнографов и антропологов: Доклады и сообщения. Саранск, 9–14 июля 2007 г. Саранск, 2007. С. 66–67.

Татьяна Александровна Крюкова (1904/1905–1978) (к 100-летию со дня рождения) // Проблемы этнографии, истории и культуры марийского народа. Археология и этнография марийского народа. Вып. 29. Йошкар-Ола, 2007. С. 8–24.

Дауры // Большая российская энциклопедия. М., 2007. Т. 8. С. 350.

Поэт и этнограф Кузубай Герд (1898–1937): этапы короткой жизни // Финно-угроведение. 2007. № 1. С. 93–100.

Ростислав Васильевич Кинжалов (1920–2006) // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 188–191.

Дун // Большая российская энциклопедия, М., 2007. Т. 8. С. 407.

Дунсян // Большая российская энциклопедия, М., 2007. Т. 9. С. 416.

Дунгане // Большая российская энциклопедия, М., 2007. Т. 9. С. 411–412.

Жамцарано Цыбен Жамцаранович // Большая российская энциклопедия, М., 2007. Т. 9. С. 730.

Жданко Татьяна Александровна // Большая российская энциклопедия, М., 2007. Т. 9. С. 740–741.

О лечебных и эстетических функциях традиционной пищи // Питание в культуре этносов: Материалы Шестых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2007. С. 18–22.

Сибиревед Н.Ф. Прыткова: жизнь и научная деятельность // Словцовские чтения — 2007: Материалы докладов и сообщений XIX Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. Тюмень, 2007. С. 185–189.

Музейная деятельность в научных занятиях А.Н. Самойловича // Лавровский сборник — 2006–2007 гг. СПб., 2007. С. 265–271. Соавт. С.В. Дмитриев.

А.С. Бежкович — этнограф и музеевед // Лавровский сборник — 2006–2007 гг. СПб., 2007. С. 271–275.

Поэт и этнограф Кузубай Герд (1898–1937): этапы короткой жизни // Ленинградский мартиролог, 1937–1938: книга памяти жертв политических репрессий. Январь 1938 г. СПб., 2007. Т. 7. С. 544–551.

Политика в судьбе М.Б. Шатилова // Ленинградский мартиролог, 1937–1938: книга памяти жертв политических репрессий. Январь 1938 г. СПб., 2007. Т. 7. С. 688–693.

Н.Л. Кошевский и С.М. Широкогоров: дружба и сотрудничество в китайской эмиграции // Этнографическое обозрение. 2007. № 6. С. 5–13.

Walentyń Aleksandrowicz Moszkow (1852–?) Rosyjski wojskowy, etnograf i folklorista amator // Etnografie i ludoznawcy polscy. Sylwetki szcize biograficzne. Т. II. Wrocław-Krakow, 2007. S. 219–221.

<Рец.> М.М. Прокофьев. Японские ученые — исследователи Южного Сахалина и Курильских островов (конец XIX — первая половина XX вв.): Биобиблиографические очерки. Кн. 1. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2006. 144 с.; 136 илл. // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 2007. № 11. С. 469–476.

Календарь памятных дат в этнографии и антропологии на 2007 г. // <http://iea.ras.ru/online>.

2008

«Всю жизнь я занимался научными работами». Выдающийся российский и латвийский ученый П.П. Шмидт (1869–1938) // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР (III Широкогоровские чтения). Владивосток, 2008. С. 141–163.

Галерея Петра I в МАЭ: история создания и закрытия // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 году. СПб., 2008. С. 463–468.

Гусев Виктор Евгеньевич // Новая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 5. Ч. 1. С. 375.

Доланы в Китае (историко-этнографический очерк) // Кюнеровский сборник: Материалы восточноазиатских и юго-восточноазиатских исследований. Вып. 5. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. 2005–2006. СПб., 2008. С. 183–189.

Зеленин Дмитрий Константинович // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 10. С. 365.

Золотарев Александр Михайлович // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 10. С. 326–327.

Золотарев Давид Алексеевич // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 10. С. 327.

Иванов Сергей Васильевич // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 10. С. 647.

Иохельсон Владимир Ильич // Большая российская энциклопедия. Т. 11. М., 2008. С. 585.

К вопросу о значении исследований С.Е. Яхонтова для этнографии // Кюнеровский сборник: Материалы восточноазиатских и юго-восточноазиатских исследований. Вып. 5. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. 2005–2006. СПб., 2008. С. 20–28.

К истории изучения корейского этикета (по материалам записок русских путешественников в Корею кон. XIX — нач. XX вв.) // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР (III Широкогоровские чтения). Владивосток, 2008. С. 261–262. Соавт. Д.А. Самсонов.

Китайская община в Малайзии (некоторые аспекты исторического развития) // Индонезийцы и их соседи. Festschrift Е.В. Ревуненковой и А.К. Оглоблину: Маклаевский сборник. Вып. 1. СПб., 2008. С. 386–399.

Н.Л. Кощевский и С.М. Широкогоров: дружба и сотрудничество в китайской эмиграции // Этнографическое обозрение. 2007. № 6. С. 5–13. Соавт. Н.П. Крадин.

Н.В. Кюннер — наш современник (К 130-летию со дня рождения) // Кюннеровский сборник: Материалы восточноазиатских и юго-восточноазиатских исследований. Вып. 5. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. 2005–2006. СПб., 2008. С. 7–14.

О круге знакомств С.М. Широкогорова в Пекине: художник и скульптор Николай Лонгинович Кощевский // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР (III Широкогоровские чтения). Владивосток, 2008. С. 103–108. Соавт. Н.П. Крадин.

Одежда и жилище тюркских народов Китая (по материалам экспедиционных наблюдений Э.Р. Тенишева) // Жилище и одежда как феномен этнической структуры: Материалы Седьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2008. С. 291–294.

Рудольф Фердинандович Итс как синолог // Историческая этнография.: Сборник статей, посвященный 80-летию со дня рождения профессора Рудольфа Фердинандовича Итса. Вып. 3. Малые этнические и этнографические группы СПб., 2008. С. 29–43.

Татары в Китае // Кюннеровский сборник: Материалы восточноазиатских и юго-восточноазиатских исследований. Вып. 5. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. 2005–2006. СПб., 2008. С. 176–182.

Целебно-защитные и эстетические функции одежды (некоторые соображения по поводу) // Жилище и одежда как феномен этнической структуры: Материалы Седьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2008. С. 155–164.

Н.Н. Чебоксаров как синолог (к столетию со дня рождения) // 30 лет реформ в КНР: опыт, проблемы, уроки: Тез. докл. XVII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 22–24 октября 2008 г.). М., 2008. Ч. 2. С. 114–118.

<Рец.> Борджанова Т.Г. Обрядовая поэзия калмыков. Система жанров, поэтика. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2007. 590 с. // ЯЛИК. № 74. 2008. С. 15–16. Соавт. А.А. Бурыкин.

<Отв. ред.> Кюннеровский сборник: Материалы восточноазиатских и юго-восточноазиатских исследований. Вып. 5. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. 2005–2006. СПб., 2008. 224 с.

2009

О пробном браке у народов Южного Китая // Международная конференция «Историографическое и историографическое обозрение стран Азии и Африки. Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций. 22–24 апреля 2009»: Тез. докл. СПб., 2009. С. 227–228.

Фэнхуан (феникс) в культурной традиции китайцев // Радловский сборник: Научные исследования и культурные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2009. С. 287–291.

2010

Решетов А.М. Марина Мансуровна Хасанова (21.01.1948 — 18.12.2006) // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 181–186.

Решетов А.М., Бурыкин А.А. Н.Я. Бичурин о китайско-русских языковых контактах и русско-китайском «пиджине» // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб., 2010. С. 182–186.

Статьи о балете

Сказ о тульском левше // Ленинградская правда. 1976. 2 июня.

Спектакли «Эстонии» // Ленинградская правда. 1978. 18 июля.

Балет Китая // Ленинградская правда. 1986. 1 ноября.

Творческий вечер балерины [о Г. Комлевой] // Советская культура. 1987. 23 июля.

Утверждая радость жизни [о Ф.И. Балабиной] // Ленинградская правда. 1990. 10 июля.

Чудо, рожденное талантом [о гастрольях японского балета и пекинской оперы] // Санкт-Петербургские ведомости. 1992. 20 октября.

Счастливая звезда на балетном небосклоне [о М. Кулик] // Санкт-Петербургские ведомости. 1992. 4 ноября.

Увы, в последний раз [о бенефисе С. Ефремовой] // Санкт-Петербургские ведомости. 1992. 19 декабря.

Маргарита Кулик и Владимир Ким: Звезды петербургского балета: Буклет. СПб., 1993.

Его блистательный танец [о С.С. Каплане] // Санкт-Петербургские ведомости. 1996. 26 февраля.

Мироздание Федора Лопухова // Санкт-Петербургские ведомости. 1996. 30 октября.

Вместо послесловия // Наталия Дудинская. Жизнь в искусстве: Воспоминания, статьи. СПб., 1999. С. 384–385.

Пресс-досье // Наталия Дудинская. Жизнь в искусстве: Воспоминания, статьи. СПб., 1999. Соавт. В.В. Прохорова.

Размышляя о творчестве Н.М. Дудинской // Наталия Дудинская. Жизнь в искусстве: Воспоминания, статьи. СПб., 1999. С. 218–238.

Балерина, опередившая время // Ballet Art. 2002. № 1(3). Р. 8.

<Рец.> Габриэлла Комлева. Танец — счастье и боль...: Записки петербургской балерины // ЯЛИК. 2004. № 61. С. 14–15.

Составление и подготовка к публикации А.А. Бурыкина

ВЕЩИ

Е.В. Иванова

Тайская женская одежда в коллекциях МАЭ РАН

Этнолингвистическая общность «тайские народы» — это совокупность из нескольких десятков крупных и малочисленных этносов, говорящих на языках, относящихся к одной языковой семье, расселенных в странах материковой Юго-Восточной Азии и в Южном Китае, имеющих каждый свою этническую историю и свой круг общения с иноязычными соседями, наложившие отпечаток на их традиционную культуру.

Юго-Восточная Азия и прилегающие к ней южные районы Восточной Азии фактически составляют единую историко-этнографическую область с этнически родственными пестрым населением, находящимся на разных уровнях развития, с разнообразными по используемым материалам, составу, покрою видами одежды, открывающими возможность исследования возникновения текстиля и развития форм одежды. Здесь встречаются примитивные станки на разных стадиях эволюции. У некоторых народов ткачество отсутствует (тайских этносов среди них нет). История ткачества связана со знанием и добыванием сырья для пряжи. И древнейшая его форма — до начала культивирования хлопка — базируется на растительных волокнах деревьев, листьев, конопли, крапивы и т.д. Ткачество из хлопка было занесено в ЮВА (как и в Китай), возможно, из Индии. Параллельно с ткачеством, возможно, предвзято его, но затем существующим по соседству, в островной части ЮВА процветает искусство изготовления одежды из луба.

Текстиль ЮВА долгое время не был объектом научного изучения, его художественные достоинства не привлекали должного внимания. Он был плохо и мало изучен. Положение изменилось во второй половине XX в., когда ЮВА была признана одним из крупнейших центров мирового ткачества.

Однако в плане исследования традиционного текстиля островной части ЮВА повезло значительно больше, чем ее материковой части — Индокитайскому полуострову, о традиционной одежде которого нам (за редким исключением) дано по-прежнему судить по описаниям — часто ярким и точным, но далеко не полным — западных авторов, посетивших страны Индокитаю в разное время, и по скудным сведениям, содержащимся в работах этнографов минувшего столетия.

К сожалению, этнографы не успели провести серьезное изучение ткачества и изготовления одежды у тайских народов Индокитайского полуострова и Китая и даже с необходимой точностью зафиксировать их традиционное состояние до начала XX в., когда бурные исторические события спровоцировали заметные перемены в этой стороне культуры тайских народов, с течением времени приобретшие необратимый характер и масштабность. Эти перемены разнообразны — все возрастающее использование покупных («чужеземных») тканей, исчезновение некоторых параметров традиционного костюма или их конструктивного, цветового и пр. решения, замена образовавшихся лакун «нейтральными» элементами.

Специалист по текстилю ЮВА в Музее текстиля в Вашингтоне М. Гиттингер сетует по поводу того, что в результате «собирательской горячки», вызванной взрывом интереса к текстилю этого региона, коллекционерами были скуплены у населения образцы старинной одежды, не производимой больше в наши дни, так что исследователям приходится довольствоваться созерцанием только современной текстильной продукцией [Gittinger 1996].

Состоявшиеся в последние десятилетия XX в. полевые исследования тайского текстиля во Вьетнаме и Лаосе, в деревнях тай дам (черных тай) и тай денг (красных тай) [Gittinger, Chungyampin, Satyalard 1995–1996] и у южных тай во Вьетнаме [Howard, Howard 2001], показали, что стремительными темпами идущее вытеснение домашнего ткачества фабричными тканями привело к тому, что черные, белые и красные тай Лаоса, еще 2–3 десятилетия назад удерживавшие этническое своеобразие в одежде, к концу XX в. на 95 % лишились его [Gittinger, Chungyampin, Satyalard 1995–1996]. Вместе с тем названные исследователи выявили своего рода оазисы традиционного ткачества и изготовления одежды в Лаосе у тай дам, во Вьетнаме у белых тай (провинция Тханьхоа) и у тай мыонг (провинция Хоабинь), где сохранность традиций оценили цифрой 80 %.

Информация, собранная в этих «заповедниках», раскрыла новые аспекты включенности текстиля в культурный контекст тайских этносов, подтвердила значительное место, отведенное ему в ритуальной сфере.

Для этнографов изучение текстиля представляет необычайный интерес ввиду важной роли, которую он играет в традиционном мировоззрении тайских народов, являясь метафорой созидательных возможностей женщины, дарующей жизнь. При обмене дарами во время свадебной церемонии дары со стороны невесты включают текстиль, символизирующий животворящее начало, то, что присуще внутренней жизни общества, а подарки со стороны жениха — это предметы из металла и импортные ткани, символизирующие то, что приходит извне. У тай денг невеста приносит в дом жениха в качестве приданого детали ткацкого станка, а раму делает ее муж. В колыбель к новорожденному независимо от пола у тай Таиланда кладут семена хлопка и риса, а девочке — нить с иглой. Особую роль у них играет «священная нить» — ею перевязывают запястья жениха и невесты при церемонии бракосочетания. Красной нитью обвязывают запястья детей во время похорон — для защиты от злых духов. По нити, связывающей запястье мальчика с алтарем со статуей Будды во время выбривания тонзуры, полагают, передается священная энергия Будды.

Некоторым из сотканых вещей приписывается роль моста между этим и иным миром. По традиции черных тай ткань, именуемая *phaa ruu*, размером

1,60×60 см с основой из хлопка и шелком в утке, обрамленная по периметру 2—3 нашитыми полосами из других тканей, сопровождает представителя их этноса от рождения до смерти — ею укрывают ребенка в колыбели, ее же вешают на стене для магической защиты, а также кладут под умершего и на гроб, в качестве «пропуска на небо». Принято приносить много кусков ткани на похороны, так как считается, что умерший заберет их на небеса для своей матери.

У путай Северо-Восточного Таиланда невестка дарит свекрови шарф, который будет и ее саваном [Gittinger 1996: 99]. У тхай Вьетнама, наоборот, свекровь дарит невестке юбку, в которую невестка должна будет облачиться на похоронах свекрови. Акт дарения буддийскому храму собственноручно сотканного флага, по представлениям лы, приносит буддийскую заслугу, которую даритель транслирует своим умершим родителям. Обнаружено правило (отсутствующее у народов островной ЮВА), ограничивающее местонахождение орнамента, создаваемого с помощью иката в утке, только тканями для поясной одежды и тканями для погребения, исключаяющее использование этой техники для изготовления тканей, идущих на наплечную одежду, для подушек, а также для даров в буддийский храм. За этим стоит идея «нечистоты» в ритуальном плане ног, вследствие чего и нижняя одежда женщин представляет опасность для мужчин (для их потенции).

Все убывающая степень сохранности традиционного начала в тайском ткачестве и незначительный объем полевых исследований, направленных на изучение сохранившихся фрагментов текстильных традиций и традиционной одежды тайских этносов, делают особенно актуальным обращение к коллекциям тайской одежды, хранящимся в этнографических музеях.

М. Гиттингер опубликовала прекрасные образцы текстиля лаосцев Лаоса из собрания вашингтонского Музея текстиля [Gittinger 1996], но их оказалось всего три! На этом фоне коллекция Петербургской Кунсткамеры выглядит более внушительно.

Гордостью МАЭ РАН является коллекция одежды народов Индокитая (№ 732), присланная по заказу Ганса Мейера (немецкого ученого, члена Попечительского совета МАЭ в начале XX в.) из Французского Индокитая в Петербург на состоявшуюся в 1902 г. Международную выставку одежды и в 1903 г. подаренная им нашему музею. В этой коллекции имеются предметы одежды тайских народов Лаоса и Вьетнама. Коллекция № 1041 с образцами тайской одежды была привезена в 1906 г. из Сиам Н.И. Воробьевым, специально командированным в страны Востока директором МАЭ В.В. Радловым для пополнения этнографических фондов музея. Бросается в глаза гораздо большее разнообразие (и количество) предметов одежды (в т.ч. тайской) в коллекции № 732 по сравнению с коллекцией № 1041, что вполне понятно, т.к. заказ Г. Мейера выполняли лица, причастные к колониальной власти, очевидно, консультировавшиеся с востоковедами, хорошо осведомленными в этническом разнообразии Французского Индокитая. Н.И. Воробьев, привезший лучшую из имеющихся в МАЭ коллекцию из Сиам (я имею в виду коллекцию целиком, а не одни образцы текстиля), был все-таки иностранцем-одиночкой, и за короткое пребывание в полиэтнической стране обратил внимание только на юбки — фактически лаосские, и даже панунги, бывшие одеждой и женщин, и мужчин-сиамцев («главного» этноса страны) в те годы, ускользнули из поля его зрения. (Отметим попутно, что предметы тайской одежды из упомянутых

коллекций № 732 и № 1041 были частично опубликованы в работах А.И. Мухлинова [1977] и Е.В. Ивановой [1977], но описания их страдали неполнотой, в частности, не содержали детальной характеристики тканей, которая в данной статье является заслугой Е.Г. Царевой — вдохновительницы исследования текстиля в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого.)

Остальные коллекции, содержащие предметы тайской (в т.ч. женской) одежды, поступили в музей много позже — во второй половине XX в. Это дары отечественных востоковедов и этнографов — исследователей языков и культур народов Индокитайского полуострова и Китая — и деятелей культуры дружественных восточных стран.

К сожалению, из многих групп, на которые распадается общность «тайские народы», в фондах МАЭ представлены предметы одежды (преимущественно женской) лишь немногих из них — сиамцев, лао, лы, юан, и тхай ныа (расселенных в Таиланде и Лаосе), а также буи и дун (Южный Китай).

Из всего ассортимента женской поясной одежды, представленной у тайских народов — несшитые штаны (панунг), несшитая юбка (из прямоугольного куска ткани или юбка-гофре на завязках), сшитая цилиндрическая юбка и штаны — в нашем собрании имеются только юбки. Из разновидностей женской одежды для верхней части тела — шарфы, куртки/кофты, халаты, платья — представлены первые три. Это две распахнутые на подкладке кофты и два халата на подкладке этноса лы, а также одна кофта с запахом направо народности буи, декорированная кроме узорного тканья и вышивки батиком, а также несколько шарфов, носимых сиамскими и лаосскими женщинами вместо кофты (или вместе с кофтой), а представительницами других тайских этносов — поверх кофт.

Начнем с рассмотрения образцов традиционной женской одежды тайских этносов, обитающих на территории Индокитайского полуострова.

КОЛЛЕКЦИЯ № 732

ЮБКИ

№ 732-9/3-1 Юбка женская цилиндрическая композитная. Состоит из трех горизонтально сшитых частей: а) пояса из шелкового полотнища прямого переплетения с вертикальными желтыми и зелеными полосами на бордовом фоне, окантованными белыми и желтыми нитками (через несколько ниток основы, с измененным шагом), б) центрального шелкового полотнища прямого простого переплетения, зеленого, в желтую и черные горизонтальные полосы, с «пестринками» (методом иката) между черными полосами и в) подола из черного хлопка домашнего ткачества (CD, рис. 1).

Высота пояса — 14 см, центральной части — 79,5 см, подола — 3,7 см.
Лао. Лаос.

№ 732-9/3-2 Юбка цилиндрическая, с двумя боковыми швами, композитная — из двух горизонтально сшитых частей: а) пояса из синего хлопка шириной 26 см, б) центрального полотнища с основой из красного хлопка простого прямого переплетения с узором образующим утком с горизонтальными полоса-

ми семи цветов и светло-желтыми пятнышками (икат) — 66 см (детали — нитки разной толщины). Низ (подол) обрезан. Размеры — 86×63(×2).

Лао. Лаос.

№ 732-10/6-2 Юбка женская цилиндрическая, из шелка и хлопка, простое переплетение, композитная, с одним боковым швом. Состоит из трех горизонтально сшитых частей: а) пояса с вертикальными полосами — широкими и редкими, 17 см, б) центральной части с узоромобразующим утком, с вертикальными разноцветными полосами — 78,5 см и в) подола из черного хлопка — 4 см. Сшивные нитки — шелковые. Верх пришит малиновыми и желтыми непрямыми нитками. Ширина полотнища — 69 см.

Тхай ныа, пров. Вьентьян, Лаос.

Полное подобие пояса у юбки № 732-10/6-2 и № 732-9/3-1 говорит о кочевании тканей или готовых юбок от народа к народу (либо об ошибке при восстановлении текста описи коллекции № 732).

№ 732-10/6-3 Юбка женская цилиндрическая композитная, с одним боковым швом, состоит из трех горизонтально сшитых частей: а) пояса из полосы ткани высотой 16 см с редкими желтыми и зелеными вертикальными полосами на бордовом фоне, обрамленными по краям белыми и желтыми нитками (снова — полная аналогия с № 732-9/3-1), б) центрального полотнища (85 см) из шелка простого прямого переплетения с узоромобразующим утком, с вертикальными черными, зелеными, золотистыми полосами и в) подола высотой 4 см из черной ткани. Ширина полотнища — 70 см.

Тхай ныа. Лаос.

№ 732-10/6-4 Юбка женская цилиндрическая. Ширина полотнища — 67 см. Уточный икат. Узоробразующая основа и дополнительные узоробразующие основа и уток. Узор расположен чередующимися продольными и поперечными полосами. Основа — шелк. Очень слабый Z1, очень тонкий. Икат синий, и цвета слоновой кости.

Тхай ныа. Пров. Вьентьян. Лаос.

№ 732-12/3-1 Юбка цилиндрическая из шелка и хлопка, композитная. Состоит из трех частей: а) пояса — 28,5 см — из кумача, б) центрального полотнища — 68 см — из шелка с золотной нитью простого прямого переплетения, с основной фиолетовой слабопряденой и узоробразующим утком с горизонтальными узорными полосами девяти цветов с золотными нитями, с меняющимся шагом и полосами, выполненными в килимной технике (узоры в виде стрелочек с «птичьими головками»), в) к подолу пришита сложенная вдвое (шириной 16,5 см) композитная полоса зеленого китайского шелка, на которую нашиты пять полос ткани, выкроенной по косой, черного, красного, желтого, бежевого и фиолетового цветов. Соединительные швы ручной работы. Между черной и красной полосами нашиты блестки. Ширина полотнища — 67 см. Длина юбки — 117 см. Юбка парадная, сделана, вероятно, во второй половине XIX в. и к моменту отправки в Санкт-Петербург на выставку была обновлена (пришит новый пояс) (CD, рис. 2).

Лао. Лаос.

№ 732-15/4-1 Юбка цилиндрическая композитная из шелка. Состоит из трех частей: а) пояса шириной 29 см из темно-синего (окрашенного индиго) хлопка домашнего изготовления, б) центральной части, сшитой из двух полотнищ, с основой красного цвета (ее не видно), с узоробразующими утками, с непрямым шелком в утке. Узор — узкие полосы семи цветов, простое прямое переплетение, дополнительные узоробразующие утки дают орнамент в виде зигзага, ромбиков в прямоугольниках (с изнанки они соединены друг с другом способом зацепа), в) подола из хлопка бордового цвета (домашнего прядения нити и ткачества) — 12 см. Размер юбки — 105×63(×2) см.

Лы. Лаос. Конец XIX в.

№ 732-15/4-2 Юбка композитная из трех горизонтально сшитых частей (CD, рис. 3):

а) продольное полотнище шириной 22 см. Основа — хлопок красного цвета Z1. Уток — простое прямое переплетение — красная хлопчатобумажная нить, Z2, розовая Z4, Z6. Металлическая (серебряная) нить по шелковой основной, Z2S, зеленый шелк Z2, светло-желтый слабо Z1. Дополнительные утки — парчевая часть — желтый Z4, Z3, фиолетовый, белый, Z6, Z4, розовый, Z3, Z4, голубой Z6.

Узор расположен поперек основы — простые прямые полосы красного цвета (х/б), чередующиеся с многорядными сине-зелеными (металлическая нить), между которыми в центре полоса в технике накладных утков (парчевое) с узором в виде цепочки ромбов, зигзага и простой полосы;

б) продольное полотнище, ширина — 72 см, с полосатым уточным узором поперек основы — чередующиеся полосы с металлической нитью с полукорзинным переплетением (под двумя основами — над двумя основами и т.д.), простого прямого переплетения, темно-синего и красного цветов. Икат (на синем фоне чередующиеся малиновые ромбики и ромбики с малиновым контуром и желто-зеленой серединой). Основа — шелк фиолетово-синего цвета, тонкая, S1(&). Уток — нить Z по оранжевому шелку Z. Красный шелк, светло-сиреневый, темно-зеленый — непряные. Соединительный шов — закрытый, типа бельевого, прямой иглой и затем назад, темно-зелеными шелковыми нитками;

в) продольная полоса, отрезная, шириной 5,3 см. Узоробразующая основа — металлическая, Z2, Z5, черный хлопок, Z1, красный хлопок, Z2. Сиреневый шелк, непряный. Синий шелк, Z(&)2. Плотность — около 27 см. Плотность утка — 21 см. Переплетение — прямое, металлическая нить — Z1 — через пять нитей утка, Z5 — через пять нитей утка. Все боковые кромки — простой поворот, с перекидом от цвета к цвету в узких полосах.

№ 732-15/4-3 Юбка цилиндрическая композитная. Состоит из трех горизонтально сшитых частей: а) пояса шириной 11 см из кумача, б) центральной части (70 см) с основой из красного шелка и узоробразующим утком, узор в виде горизонтальных полос, дополнительные узоробразующие утки создают фиолетовые полосы в технике саржи с ромбами и крестами в них, в) к подолу пришита полоса черной хлопчатобумажной (привозной) ткани, тонкой, накрахмаленной, шириной 16 см. Шов бельевой, традиционный (потайной). Юбка, возможно, новая, неношенная. Размеры — 97×66 (×2).

Лы. Лаос. Конец XIX в.

№ 732-17 Юбка цилиндрическая с одним боковым швом, композитная. Состоит из двух кусков сшитой горизонтально синей плотной ткани: а) на поясе две бежевые тканые полосы, б) пестрый узор на центральном полотнище создан шелковыми нитями сильной крутки — желтыми, цвета верблюжьей шерсти, темно-синей — в технике простого переплетения и в технике измененного шага. За счет разной толщины нитки (в основе и в утке) создается эффект монолитности в полосе. Размер юбки — 141×62 (×2).

Юан. Лаос.

№ 732-9/3-3 Шарф женский. Размер 62×272 см.

Ручное ткачество, узор расположен полосами, выполненными в разной технике — простое прямое, икат, парчовое. Основа — шелк цвета кармин, очень слабое прядение Z1, плотность — 14–16 концов/см. Уток — шелк, еще более слабое прядение, Z1, белый цвет — 0. Ручное прядение, нити разной толщины и силы крутки. Плотность — 20–50 прогонов/см, черный — 20, белый — 50, синий фон — 24, красный фон — 26 и пр. В икатной части — 32–35 прогонов/см. Парчовая часть — 14 утков узоробразующих и 14 структурообразующих.

Цвета — кармин, само, желтый, зеленый, белый, черный. Икат — темно-синий и голубой, синий, темно-зеленый, желтый, белый.

Лао. Лаос.

КОФТЫ

№ 732-13/4-1 Кофта распахная из трех полотнищ синей ткани машинного ткачества на подкладке из светло-абрикосовой ткани полотняного переплетения кустарного производства. Ширина спинки — 35 см. Рукава вшиты в стан. Длина от плечевого шва до конца — 39 см. К полам (шириной 17,5 см) пришиты клинья. Воротник-шалька из шелковой полупарчи длиной 88 см (по краю пол не доходит до подола), шириной 8 см. На воротник нашита полоска из шелковой полупарчи с металлическими нитями. Нити выложены в узор и нашиты «в прикреп». Блестки круглые. Длина кофты — 56 см.

Лы. Лаос.

№ 732-13/4-2 Кофта распахная, без застежек, из черной узорчатой хлопчатобумажной ткани саржевого переплетения на красной подкладке из хлопка (покупного) простого прямого переплетения. На вороте-шальке в центре — красная полоса из ткани прямого редкого переплетения (типа тонкого рыхлого сукна), на ней нашитые бляшки, возможно, из низкопробного серебра. Рукава длинные, втачные. В боковые швы вшиты по два клина, над ними — декоративная полоса (как и на полах). Ширина полотнища — 60 см. Длина кофты — 48 см, ширина ворота — 5 см, длина — 36 см.

Лы. Лаос.

№ 732-13/4-3 Халат распахной, без пуговиц, туникообразного покроя, синий, на белой подкладке из хлопковой ткани, лощеной путем битья камнем для уплощения нити (лощенные — и синяя, и белая ткань). Спинка из двух по-

лотнищ шириной 28 см, сшитых вертикально. Полы длиной 80 см короче спинки (длиной 88 см). На боках шлицы. Полы одинаковые, не запахивающиеся. Рукава пришиты к стану (два куса ткани — от плеча длиной 28 и 12 см). На воротнике-стойке высотой 7 см, переходящем в короткую шальку, нашита красная ткань с геометрическим орнаментом, выполненным вышивкой гладью в настил в виде квадратов, окантованных зелеными нитками. Белая вышивка гладью «в прикреп». Зеленая — шелком, двойным петлевым швом.

Лы. Лаос.

№ 732-13/4-4 Халат из хлопка, окрашенного индиго. Простое прямое переплетение. Основа — тонкий пряженный хлопок Z1. Уток — толстая непряденая нить. Покрой туникообразный, запах на правую сторону, рукава длинные. Спинка из двух полотнищ шириной 30 см, сшитых вертикально (шов — в центре спинки). К спинке для расширения пол подшиты треугольные клинья. Две передние полы обрезаны. К левой пришит трапецевидный кусок ткани с нашитой по краю отделочной полоской. Запах — до правого шва. В боковые швы вшиты клинья. Швы бельевые. Рукава вшиты. На месте соединения стана и рукава нашита красная полоска (саржа) на белом фоне (оберэг (?). На манжетах — двойная ткань с нашитыми огромными стежками на «подкладку» четырьмя полосами из ткани простого прямого переплетения — белой, красной, белой и голубой. Ворот-стойка, двухслойный, с вышивкой крестом (шелковыми и хлопчатобумажными нитками) и полосками ткани по краю.

Длина халата — 93 см, ширина подола сзади — 90 см, длина пол от ворота — 55 см, длина ворота — 27 см.

Лы. Лаос.

КОЛЛЕКЦИЯ № 1041

В этой коллекции имеются четыре цилиндрические сшитые юбки (с одним боковым швом), привезенные из Сиам Н.В. Воробьевым в 1906 г. Они имеют такой же, как и описанные выше юбки, принцип построения — к центральной части — прямоугольному полотнищу — пришиваются пояс и подол.

№ 1041-93 Юбка цилиндрическая композитная. Состоит из трех частей: а) пояса из красной ткани, б) центрального полотнища — желтого с синими вертикальными полосами и в) подола из широкой полосы ткани парчового переплетения. Размер юбки — 149×87,5 см

Лао. Северо-Восточный Таиланд.

№ 1041-94 Юбка цилиндрическая с одним боковым швом из трех частей: а) пояса из ткани с разноцветными вертикальными полосами, б) центрального полотнища из шелка с узкими разноцветными полосами и золотной нитью (62 см) и в) полосой черной ткани рыхлого плетения (2,5 см), пришитой к подолу. Размеры — 72×70 (×2).

Лао. Северо-Восточный Таиланд.

№ 1041-95 Юбка цилиндрическая композитная с одним боковым швом. Состоит из а) пояса из полосы белого (покупного) хлопка 16,5 см и полосы

черного хлопка 7,5 см, б) центрального полотнища из ткани с горизонтальными полосами — желтой, коричневой, фиолетовой, светло-зеленой, апельсиновой и в) черной полосы (15 см), пришитой к подолу. Размеры — 66×45(×2).

Лао. Северо-Восточный Таиланд.

№ 1041-92 Юбка из красной ткани, на подоле — полоса ткани с геометрическим орнаментом. Пояс отсутствует.

В коллекции № 1041 имеются шарфы, которые служили одеждой для верхней части тела — наплечной, носимой или вокруг груди, или через плечо, — лаосским и тайским (сиамкам) женщинам.

№ 1041-96 Шарф из желтой ткани с полосами из квадратов, с розовыми и зелеными поперечными полосами на концах и с бахромой.

№ 1041-97 Шарф из хлопчатобумажной ткани цвета слоновой кости, с желтыми, розовыми и черными полосами и с орнаментом на концах и бахромой. Длина — 168 см, ширина — 55 см

Лао.

№ 1041-98 Шарф из ткани с полосами разной ширины, с геометрическим орнаментом в трех полосах на концах шарфа перед «заключительной» красной полосой.

Лао.

Среди новых поступлений в МАЭ — коллекции № 6686, 6800, 7221, 7094, содержащие текстильные изделия из Лаоса.

№ 6686-23 Шарф из шелка красного цвета с узкими полосами на концах. Полосы в простом прямом переплетении и с дополнительным узором образующим утком. Край подогнут и подшит. Размер 142×18 см.

Лао. Лаос. XX в.

№ 6800-39 Юбка из темно-фиолетового хлопка с тканым узором из красно-желтых ромбов, заполненных внутри зелеными ромбовидными украшениями. На подоле — полоса с тремя разноцветными горизонтальными полосками, между которыми — восьмиконечные звезды в квадратах. На кромке подола — малиновый кантик.

№ 7094-8 — полоса черной хлопчатобумажной ткани с геометрическим узором, 152×17,5 см, предназначение которой — быть подолом юбки. Лаосские женщины, ткущие ткань для юбки, покупают готовые подолы, которые по старинному обычаю полагается пришивать к низу юбки.

№ 7221-1 Шарф из ткани, покрытой сплошным геометрическим орнаментом из ромбов и треугольников, вытканых черными и бордовыми нитками и вышитыми толстой пряжей — белой, бежевой и синей. На конце — неорнаментированная полоса.

Образцы одежды тайских женщин — представительниц этносов буи и дун, живущих в южных провинциях Китая, в собрании МАЭ ограничиваются следующими тремя предметами.

№ 6399-1 Кофта туникообразная из черного подваленного хлопка плотного переплетения (от плеча — полотнище шириной 29 см) и пришитыми темно-синими манжетами (10 см). Спинка из двух вертикально сшитых полотнищ (шириной 29 см каждое). Левая пола запахивается на правую сторону, к ней пришит клин. Ворот в виде прямой полосы, спускающейся спереди на полы. На спинке нашита полоска в форме полуовала с вышитыми разноцветными нитками квадратами. На подоле сзади — шелковая композитная полоса (шириной 7 см) из нескольких полосок. Края пол не подшиваются, т.к. их закрывает передник, являющийся непременным компонентом женского повседневного костюма. На рукавах нашиты по 3 полосы синей ткани с белым рисунком (батик) шириной 9,5, 10 и 5 см. На бортах и вороте — аппликации в виде полос ткани (на подкладке), декорированных в разной технике — узорного тканья, вышивки, батика.

Длина спинки — 51 см. Ширина подола на спинке — 56 см, на полах — 28 и 41 см.

Буи. Юго-Западный Китай.

(Орнамент из батика у буи — тот же, что у тай Вьетнама и на бронзовых барабанах Донгшона.)

№ 6399-2 Юбка длинная, на узком поясе, переходящем в завязки. Сшита из 10 полотнищ шириной 39 см черной ткани полотняного переплетения. Украшена батиком (орнамент из двух горизонтальных полосах — спирали и четырехугольные фигуры) и обработана в технике гофре. В центре юбки (она завязывается сзади) складок нет, гладкая ткань заложена в бантовую складку (из экономии — на эту часть юбки приходится передник). По всей длине подола с изнаночной стороны нашита полоса синей ткани шириной 29 см.

Ширина юбки в подоле — 402 см, в поясе — 76 см. Длина юбки — 83 см.

Буи. Юго-Западный Китай.

№ 6397-1 Юбка из фиолетово-синего хлопка простого прямого переплетения, распашная, на узком черном корсаже, с завязками сзади. Сшита из 12 полотнищ шириной 36 см. Выполнена в технике гофре с дополнительной обработкой гофрированного полотнища клеевой (смоляной) промазкой (CD, рис. 4).

Длина юбки — 43 см, ширина подола — 410 см, ширина корсажа — 94,5 см.

Дун. Пров. Гуйчжоу, дер. Наньчжайцунь. КНР.

Обзор однотипных по конструкции юбок в коллекциях № 732 и № 1041, носимых представительницами нескольких тайских этносов, живущих на Индокитайском полуострове, позволяет сделать такие наблюдения.

Рассмотренные выше юбки едины в своей конструкции — как правило, они подобны цилиндру с одним или двумя вертикальными боковыми швами и имеют трехчленное строение — пояс, центральное полотнище и подол (иногда

да один из членов «триады» отсутствует). Эти части делаются из разных тканей и сшиваются горизонтально.

Иногда пояс, реже подол и основное полотнище, также состоит из сшитых горизонтальных частей. По данным Ховардов [Howard, Howard 2006: 48], белые тай верхние две полосы трехчастных поясов женских юбок ткали каждую отдельно на специальных узких станках, с добавочной основой, а затем их сшивали и пришивали к третьей части (но сейчас ткут одним полотнищем).

Мы не можем прокомментировать, чем объясняется членение юбки (и отдельных ее частей) на горизонтальные ряды и почему они делаются из разных тканей или имеют разный орнамент. Ткани, из которых сделаны центральные части юбок, а иногда и пояс, и подол, имеют разноцветные тканые полосы — преимущественно горизонтальные. (Известно, что в средние века из Индии в страны Индокитая экспортировались различные ткани, в т.ч. с декоративными ткаными полосами [Howard, Howard 2006: 94], наряду с набивными тканями, выполненными по вкусу заказчиков — например, на тканях для сиамцев фигурировали любимые персонажи тайского декоративного искусства — божества, гаруды, Брахма — в цветочном узоре. Однако вряд ли есть основания приписывать пристрастие тайских ткачих к горизонтальным полосам индийскому влиянию.)

В случае, когда и пояс, и подол сделаны из одноцветных (но разных) тканей, бывает трудно отличить верх юбки от низа (что и произошло в моей статье [Иванова 1977], где юбка из коллекции № 1041 сфотографирована вниз «головой»...) На юбках из коллекций № 732 и № 1041 оказались пояса из одинаковой ткани, хотя первая юбка принадлежит представительнице этноса, живущего в Лаосе и Вьетнаме, а вторая — жительнице Сиама. Это обстоятельство наглядно свидетельствует о «блуждании» тканей (а может быть, и юбок!) и ношении их не только женщинами, их ткущими. И в наши дни торговцы скупают юбки у таймыангских ткачих (во Вьетнаме) с поясом из белого хлопка, с замечательным тканым орнаментом в виде зверей и цветов и везут их на рынки Чиангмая и Бангкока в Таиланде.

В свете такого «обмена юбками» затруднительно дать однозначный ответ на вопрос, почему две юбки из коллекции № 732, принадлежащие, согласно описи этой коллекции, разным этносам, одинаковы. (Можно было бы предположить ошибку при восстановлении утраченного в 70-е гг. прошлого века первоначального текста описи этой коллекции, если бы заведомо было бы исключено такое «совпадение» нарядов женщин разной этнической принадлежности.)

В еще большей мере, чем целиком юбки, «расползаются» по тайскому миру орнаментированные подолы. Как показали полевые исследования, полы со сложным орнаментом и сейчас продолжают пришивать к своим юбкам тайские женщины Индокитайского полуострова, но, избегая трудной работы по их созданию, предпочитают покупать те, что делают в глухих деревнях таймыангские старухи.

Именно подолы, с традиционным орнаментом (или вариациями на его темы) становятся символами тайской этничности («общетайской», а не отдельного этноса внутри этой общности). Такие подолы являются семейной ценностью, их передают по наследству. Для тканья, судя по юбкам в наших коллекциях, характерны сочетание хлопка и шелка, использование неспряденных

нитей, слабопряденых нитей и нитей сильной крутки, создание орнамента за счет узоробразующей основы, уточного иката, дополнительной узоробразующей основы и утка, килимной техники, полосатость, многоцветье (иногда на фоне пристрастия к какому-то одному, «любимому», цвету), сочетание в одной юбке тканей ручного и машинного ткачества (покупных).

Этнографа не может не волновать вопрос — имеется ли этническая специфика в одежде отдельных тайских этносов Индокитая? Дать ответ на него не так-то просто.

Показательно расхождение во взглядах на эту проблему одного и того же исследователя — Гиттингер. В работе 1996 г. [Gittinger 1996: 94] она писала, что цилиндрические юбки и шарфы (вместо кофт и наряду с кофтами) были «первыми знаками этнической принадлежности представительниц многих тайских этносов Индокитая». А в статье 1995–1996 гг., написанной в соавторстве с лаосцами [Gittinger, Chungyampin, Satyalard 1995–1996], читаем: «Стиль юбок у всех тай — не очень позднее явление, он одинаков у двух, а то и трех этносов. Иностранные ученые заблуждаются, считая юбки этническим признаком». Гиттингер задается вопросом: «Происходило ли прежде заимствование юбок одной группы тайских этносов другими?». И сама же на него отвечает: «На этот вопрос никогда не будет ответа...» [Gittinger 1996: 110]. Мне представляется, что история женской одежды тай Таиланда дает иной ответ на этот sacramентальный вопрос — сиамки, носившие до конца XIX в., как и мужчины, панунги (несшитую одежду из прямоугольного куска ткани, обматываемого вокруг талии и пропускаемого между ног), перешли на одежду представительниц лаосского этноса — цилиндрические юбки из полосатой ткани. Именно их и приобрел в 1906 г. для МАЭ Н.И. Воробьев.

В научной литературе едва ли не общепризнанным фактом считается связь между этнонимами «черные тай», «белые тай» и «красные тай» с цветом их одежды, но более глубокое проникновение в специфику культуры и самосознания этих этносов заставляет усомниться в правомочности их разделения и рассмотрения цвета их одежды как этнодифференцирующего знака. Такой точки зрения придерживаются М. Гиттингер и ее соавторы [Gittinger, Chungyampin, Satyalard 1995–1996], отрицающие наличие культурных границ между этими «этнотами», появившимися, по их мнению, по воле этнографов.

Большая группа реальных тайских этносов, расселенных на Индокитайском полуострове, имеет один и тот же конструктивный тип традиционной женской одежды — композитные цилиндрические юбки из полосатой ткани, но с различным тканым орнаментом. (Говоря об однородности поясной одежды этих этносов, заметим своеобразие обычаев женщин лы, носящих одновременно две юбки — длинную нижнюю и короткую верхнюю. Поясной одеждой ряда тайских этносов — нунг и нянг на Индокитайском полуострове, а также чжуан (наряду с юбкой), маонань и мулао в Китае — являются штаны).

К этой группе где-то в начале XX в. присоединились и сиамки, чьей традиционной одеждой до этого был панунг (такие «несшитые штаны» до недавнего времени носили тай Сишуанбаньна в Китае). Переход сиамских женщин на одежду ближайших соседей — юбку пасин, по-видимому, не учитывает М. Гиттингер [Gittinger 1996: 110], решительно отрицающая наличие ответа на вопрос о возможности заимствования юбок одной группы тайских народов другими.

Однако в истории формирования одежды тайских этносов действительно остается много темных мест.

Сравнение женской поясной одежды таиязычных буи и дун, живущих в южном Китае, и тайских этносов Индокитайского полуострова, даже на имеющемся в нашем распоряжении случайном материале показывает принципиальные расхождения в конструкции юбок (широкие юбки-гофре у одних и облегающие фигуру цилиндрические юбки у других).

При всей фрагментарности коллекция тайской женской одежды, хранящаяся в МАЭ РАН, дает представление об особенностях тайского домашнего ткачества, разнообразии орнамента на тканях и других способах украшения одежды, типах поясной и наплечной одежды и служит наглядной демонстрацией сходства и различий в культуре отдельных тайских этносов.

Благодаря «технологическому» анализу тканей, из которых сделана рассмотренная в статье тайская женская одежда, проведенному Еленой Георгиевной Царевой (за что автор выражает ей свою благодарность), в научный оборот вводится информация, необходимая для дальнейшего углубленного исследования приемов ткачества у отдельных представителей группы таиязычных народов и определения их места в контексте истории домашнего ткачества народов Юго-Восточной и Восточной Азии и в глобальном контексте.

Библиография

Иванова Е.В. Одежда народов Таиланда // Сб. МАЭ. Л., 1977. Т. XXXII. С. 150–168.

Мухлинов А.И. Одежда народов Вьетнама и Лаоса // Сб. МАЭ. Л., 1977. Т. XXXII. С. 80–110.

Gittinger M. South-East Asian Textilewares at the Textile Museum // Arts of Asia. 1996. Vol. 26. N 1.

Gittinger M., Chungyampin K.A., Satiyalard Ch. Textile and Textile Customs of Tai Dam, Tai Daeng and their neighbours in Northern Laos // The Textile Museum Journal. 1995–1996. Vol. 25. P. 93–112.

Howard M.C., Howard K.B. Textiles of the Southern Thai of Viet Nam // The Textile Museum Journal. 2001. Vol. 38–39. P. 43–67.

Подписи к иллюстрациям на CD

Рис. 1. Юбка. Лао. Лаос. МАЭ. Колл. № 732-12-3-1

Рис. 2. Юбка. Лао. Лаос. МАЭ. Колл. № 732-12-3-1

Рис. 3. Юбка. Лы. Лаос. МАЭ. Колл. № 732-15-4-2

Рис. 4. Юбка. Дун. КНР. МАЭ. Колл. № 6397-1

А.Ю. Сеницын

**Картины на фарфоровых пластинах
(коллекция № 2932) из японского собрания МАЭ
РАН в контексте японской традиции изображения
знаменитых воинов и героев прошлого**

В японском собрании МАЭ РАН среди разнообразных образцов традиционных японских керамических и фарфоровых изделий есть небольшая, состоящая из 18 предметов коллекция фарфоровых декоративных изразцов (№ 2932-18–29, 39–44). Эта коллекция примечательна тем, что все составляющие ее предметы отражают сюжеты, связанные с самурайской (воинской) традицией. Коллекция поступила в МАЭ в 1924 г. от Музейного фонда [Книга описей: 68].

Государственный музейный фонд, функционировавший в 1921–1927 гг., располагал коллекций, насчитывавшей более 250 тыс. предметов, конфискованных из частных собраний, бывших великокняжеских дворцов, церковных ценностей и т. д. в результате деятельности Комиссии по охране, учету и регистрации памятников, учрежденной Декретом Совета народных комиссаров от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» [Богуславский 1987: 87–93; Равикович 1968: 97–145; Прищепова 1995: 217–223]. Среди этих коллекций было и значительное число японских предметов. В 1924–1928 гг. в МАЭ было зарегистрировано несколько поступлений от Музейного фонда, в том числе коллекция № 2932, почти целиком состоявшая из предметов, так или иначе связанных с самурайской тематикой: *косираэ* 拵之 (декоративная оправа самурайских мечей) и ее отдельные детали (в основном *мэнуки* 目貫, мелкие металлические декоративные фигурки, украшавшие рукояти мечей), а также указанные выше изразцы, представлявшие собой своеобразные картины на глазурованных фарфоровых пластинах, выполненные надглазурными пигментными красителями. К сожалению, никаких сопроводительных документов, проливающих свет на историю собирания этой коллекции и ее собирателей, к описи коллекции не прилагается.

Эти изразцы, относящиеся к периоду Мэйдзи (1868–1912), были определены Р.А. Ксенофонтовой как «характерная продукция мастерских Сэто-Овари»; роспись же, выполненная надглазурными пигментными красителями, сделана в Йокогаме [Ксенофонтова 1973: 115], о чем свидетельствует подпись, выполненная красным пигментом на обратной стороне: *Нихон, Йокогама, Ямасита цукуру* 日本横濱山下造 («Произведено в Ямасита, Йокогама, Япония»). На двух пластинах — № 18 и 29 — присутствует также и подпись художника, делавшего роспись: на пластине № 18 — *Ро:эн, Токио* 勞延東京; на пластине № 29 — *Ро:эн га, Токио* 勞延画東京 (Рисунок [художника] Ро:эн из Токио). На пластине № 2932-18 имеется также красная печать: 松本 *Мацумото*; на пластине № 2932-29 — печать 手黒 *Сю:коку* (?). Следует отметить, что надписи сделаны устаревшими иероглифами, выполненными в весьма специфической рукописной манере, а потому трудночитаемы. На оборотной стороне этих пластин сохранились наклейки с адресом лавки в Йокогама, где продавались эти изделия. Кроме того, на некоторых пластинах даны номера, отличные от инвентарных номеров МАЭ; по-видимому, это номера Музейного фонда.

Представленные в собрании МАЭ картины на фарфоровых пластинах являются собой часть серии, которую условно можно назвать «Прославленные воины и герои старой Японии». Подобные серии картин (на шелке или бумаге), гравюр укиё-э и декоративных изображений на фарфоровых изделиях характерны для самого конца периода Эдо (1600–1868) и особенно для эпохи Мэйдзи (1868–1912).

Изделия, очевидно, были предназначены для продажи иностранцам и представляют собой разновидность японской авторской сувенирной продукции. Следует отметить очень высокий художественный уровень изделий: фарфоровый черепок качественный, белый, плотный. Роспись выполнена в традиционной для живописи в стиле укиё-э манере: уверенная линия, продуманная композиция; некая театральность поз и жестов, что придает сценам динамику и напряжение; хорошо прописаны мелкие детали, включая выражения лиц героев, их жесты, выразительно изогнутые пальцы рук и ног и напряженные мускулы; четко показан декор и детали костюмов, доспехов и оружия (за редким исключением, большинство изображений могут служить иллюстрациями по традиционному японскому боевому костюму и оружию).

Подобные «сувениры» (к которым также относились разнообразные фарфоровые изделия, фигурки нэцке 根付 и окимоно 置物, гравюры укиё-э 浮世絵, художественное оружие и т.д.) имели и своеобразную «идеологическую» подоплеку, пропагандируя на Западе японскую культурную традицию: покупая их, европейский коллекционер начинал изучать то, что М.В. Успенский охарактеризовал как «странный и непонятный мир, таящийся за изображениями божеств, благопожелательных символов, людей, животных, птиц, рыб..., который привлекал экзотичностью непонятных образов, их острой, экспрессивной, порой гротескной трактовкой» [Успенский 1986: 3, 4].

Об осознанном желании японских мастеров объяснить европейским коллекционерам смысл своих произведений, показать их связь с японской историей и культурной традицией (т.е. придать им статус своеобразных этнографических памятников) свидетельствуют, в частности, бумажные наклейки, сохранившиеся на обратной стороне большинства пластин с экспликациями на не очень правильном английском языке, проясняющими смысл изображения.

Всего, как уже говорилось, в коллекции МАЭ насчитывается 18 фарфоровых пластин. Семнадцать пластин этой серии имеют одинаковый размер (22×22×1,2 см), одна (№ 2932-44) несколько меньше и тоньше (18,5×15×0,7 см) и явно относится к другой серии, отличаясь не только размерами, но и художественными особенностями: изображение помещено в декоративный картуш с традиционным орнаментом (драконы, волны, облака); обильно используется золотой пигмент, почти не встречающийся на других пластинах.

Вся коллекция представляет собой значительный интерес, ибо составляющие ее изделия являются прекрасными и довольно редкими образцами декоративно-прикладного искусства Японии конца XIX — начала XX в., выполнены на высоком художественном уровне и могут служить этнографическим источником по самурайской традиции и отчасти — по демонологическим представлениям японцев.

Следует отметить, что изображенные на этих изразцах персонажи в большинстве своем восходят к реально существовавшим самураям, чьи деяния зафиксированы в соответствующих письменных памятниках. Однако исторические прототипы очень быстро превратились в легендарных и даже фольклорных героев, чьи образы и подвиги в значительной степени являются плодом народного и/или литературного мифотворчества. Почти все эти историко-мифологические персонажи изначально были описаны в произведениях средневековой японской литературы, относящихся к жанру исторической повести *рэкиси моногатари* 歴史物語 или военных хроник *гунки моно* 軍着物, таких как *Кондзюку-моногатари* 今昔物語, *Сёмонки* 将門記, *Хэйкэ-моногатари* 平家物語, *Гэмпэй сэйсуки* 源平盛衰記, *Гикэйки* 義経記, *Бэнкэй-моногатари* 弁慶物語, *Адзума кагами* 東鑑, *Тайхэйки* 太平記, *Нобунага ки* 信長記, *Тайко:ки* 太閤記 и др. Эти произведения, называемые в силу сложившейся традиции «историческими хрониками», на самом деле отнюдь не ставят своей целью исторически точное описание рассматриваемых событий. Они скорее относятся к жанру исторического эпоса, и образы их героев выстраиваются в соответствии с законами этого жанра. Например, при описании самих героев, их вооружения и достижений, батальных сцен изначально использовались компиляции из многих самостоятельных устных рассказов, исполнявшихся рассказчиками *катарибэ* 語り部 и слепыми сказителями *бива-хо:си* 琵琶法師 под аккомпанемент лютни *бива* 琵琶 [Горегляд 2001: 226, 250]. Эти исполнители, желая придать своим пьесам большую выразительность и эмоциональную напряженность, соответствующим образом трансформировали образы своих героев, придавая им колорит и гротеск, порою в ущерб историчности.

Сюжетные линии или отдельные эпизоды хроник-*моногатари*, в свою очередь, стали основой для театрализованных действий в жанре *ко:вака* 幸若 и анонимных полуфантастических повестей *отоги-дзо:си* 御伽草子, затем попали в пьесы театра Но; несколько позже (в период Эдо) — в пьесы Дзёрури и Кабуки. Многие сюжеты и героические персонажи исторических хроник были использованы и творчески переработаны художниками (особенно художниками школы Кано:), изображавшими батальные сцены на ширмах *бё:бу* 屏風, свитках вертикального (*какэмоно* 掛け物) и горизонтального (*эмаки* 絵巻) формата. Таким образом, популярные самурайские сюжеты становились объектом авторской переработки: к «канонической» истории героя добавлялись новые романтические коллизии, любовные и батальные сцены, вводились сказочные,

мифические персонажи и демонические персонажи. Некоторым героям давались новые имена, прозвища и титулы; их деяния и окружение переносились в совершенно иную историческую обстановку, благодаря чему возникал совершенно новый персонаж-«двойник», имеющий довольно мало связи с исходным образом.

Более того, фольклорно-легендарный образ часто полностью затмевал и вытеснял реально существовавший прототип; ему придавались функции и черты мифического героя; он претерпевал «сакрализацию» и становился объектом культового поклонения, т.е. фактически причислялся к сонму *ками*.

Еще большую трансформацию они претерпевали, став основой для серий гравюр *укиё-э* в жанре *муся-э* 武者絵 (изображения воинов) или *якуся-э* 役者絵 (изображения актеров в роли — в нашем случае в роли воинов). Такие серии создавали многие известные художники — Кацукава Сюнсё: 勝川春章 и Кацукава Сюнъэй: 勝川春英, Кацусика Хокусай 勝鹿北斎, мастера школы Утагава 歌川 — Куниёси 国芳, Кунисада 国貞, Куниясу 国安, Тоёнобу 豊信, Ёситоси 芳年 и др. При этом часто использовался такой художественный прием, как *митатэ* 見立 — «уподобление», т.е. некоторое изменение имен и отклонение от «исходных» образов героев, что придавало произведению в целом новые грани, коннотации и акценты, а заодно и позволяло избежать разного рода проблем, например связанных с различного рода административными запретами [Успенский 1993: 270].

К их числу относится и введенный правительством (*Токугава бакуфу* 徳川幕府) запрет на изображение сёгунов и членов семьи Токугава, а также — событий, героев и баталлий начиная со второй половины XVI в. [Успенский 1997: 57]. Исключение делалось только для избранных элитных художников (таких, как, например, Кано: Танъю: 狩野探幽 (1601–1674), принадлежавших к гильдии *гоё:эси* 御用絵師 — официальных художников, работавших непосредственно на семью Токугава [Japan 1993: 42]. Остальным же художникам, желавшим обратиться в своем творчестве к событиям запрещенной для изображения эпохи, приходилось использовать разного рода уловки, чтобы «закамуфлировать» смысл своих работ, но так, чтобы, с одной стороны, цензоры не смогли обнаружить формального нарушения запрета, но, с другой стороны, чтобы авторский замысел был предельно ясен для понимающих современников. Например, мастер гравюры *укиё-э* Утагава Куниёси в своей знаменитой серии *Тайхэйки эйю:дэн* 太平記英雄伝 «Жизнеописание прославленных героев из “Сказания о Великом мире”», посвященной якобы событиям XIV в., отраженным в хрониках *Тайхэйки* 太平記 [Сказание 1984], на самом деле изобразил героев самурайских войн конца XVI в., несколько изменив их имена [Успенский 1997: 57]. Так, в произведениях традиционной японской гравюры появилась целая армия призрачных героев-двойников, что привело к аморфности изображаемых персонажей, запутанности сюжета (возникали разнообразные «боковые» сюжетные линии) и простору для авторского вымысла.

В годы Мэйдзи (1868–1912) и Тайсё (1912–1926) все эти герои стали изображаться на произведениях традиционного декоративно-прикладного искусства, предназначенного не столько для внутреннего пользования, сколько на продажу иностранцам. В художественной практике сложился некий почти канонический образ того или иного героя самурайских легенд. Художники ведущих мастерских (таких художников сейчас назвали бы дизайнерами) создавали

стандартизованные декоративные изображения популярных сюжетов. Эти образцы, часто объединявшиеся в специальные книги *эхон* 絵本, использовались мастерами как эталоны для декорирования разнообразных изделий, в том числе для художественного фарфора и керамики. Одновременно те же самые образы вдохновляли и резчиков нэцке, и создателей статуэток-*окимоно* 置物, и мастеров-оружейников, декорировавших оправу самурайских мечей. Каждый из них вносил свою лепту в формирование популярных представлений, сложившихся вокруг того или иного персонажа. Примечательно, что порою создавались целые серии, объединявшие подвиги десятков и сотен прославленных самураев, ставя в один ряд как реальных героев, так и полулегендарных и откровенно вымышленных. Таким образом создавался самурайский миф, массированно, на множестве популярных сюжетов «пропагандировавший» самурайские духовные (в том числе моральные) ценности и придававший им общенациональную (а теперь и мировую) значимость.

Кстати, самурайское мифотворчество развивалось и в XX в. и продолжается по сей день: было выпущено множество книжек-манга, где изображались как прославленные герои-самураи, так и новые вымышленные образы, созданные, однако, на основе сложившейся традиции; выпускаются целые серии мультфильмов-анимэ (например, пресловутая серия «Samurai X»), где уживаются как вполне исторические, так и легендарные и откровенно фантастические герои и сюжеты (например, в одном из таких анимэ изображен самурай в полном вооружении, который на современном танке ведет бой с летающими фуриями — русскими ведьмами легкого поведения). В результате таких длительных трансформаций образы многих исторических героев, «переместясь» с исторических свитков в литературно-театральную сферу и произведения художественного и декоративно-прикладного искусства, стали объектами не исторического, а этнографического, культурологического и искусствоведческого изучения.

Ниже будут рассмотрены сюжеты всех 18 изображений упомянутой выше коллекции. Следует при этом отметить еще одно обстоятельство: настоящие изображения во многом перекликаются с популярными сериями упомянутых выше гравюр укиё-э — например, в том, что изображаемый сюжет вполне конкретен (т.е. если изображается битва, то это не абстрактная битва, а вполне конкретное сражение; если изображен самурай, то это тоже вполне конкретный герой). Но есть одно существенное отличие: в гравюрах обычно присутствует довольно много текстовой информации. Как правило, автор прямым текстом разъясняет сюжет и цитирует соответствующее литературное произведение (или дает его краткий пересказ), из которого этот сюжет был почерпнут; каждый персонаж называется по имени и титулу или рангу. Нередко текстовая часть занимает значительную часть изображения. В случае же с картинами на фарфоровых изделиях подобные тексты по понятным причинам отсутствуют. Это вызывает дополнительную сложность в атрибуции. Популярные сюжеты, встречающиеся довольно часто, можно точно идентифицировать благодаря тому, что они стабильно повторяются в различных сериях у различных авторов в различных видах изобразительного искусства. Однако менее популярные сюжеты, встречающиеся в японском искусстве гораздо реже, можно интерпретировать по вторичным признакам: например, если изображается битва, то определить ее можно по значимым предметам (характерным самурайским гер-

бам изображенных героев, по знаменам, по характерным деталям туалета или одежды, по прическе и т.д.). Однако при отсутствии таких деталей определить авторский замысел уже не представляется возможным; сцена теряет конкретику и приобретает столь нелюбимый японскими мастерами «общий» характер.

В целом, сюжеты представленных в коллекции № 2932 изображений на фарфоре можно отнести к следующим группам:

1. Сюжеты, выстраивающиеся вокруг истории противостояния войны домов Тайра и Минамото и установления сёгуната Камакура, т.е. события и герои второй половины XII в. (пластины № 2932-18, 19, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 43).

2. Сюжеты, связанные с эпохой крушения сёгуната Камакура (первая половина XIV в.), описываемые в хрониках Тайхэйки (пластины № 2932-41, 42).

3. Сюжеты феодальных войн XVI в. времен Сэнгоку дзидай и Адзути-Момояма (пластины № 2932-21, 25, 39); они почерпнуты из таких военных хроник (*гункимоногатари* 軍記物語), как *Тайко:ки* 太閤記 («Записки о Тайко: (Тоётоми Хидэёси)»), *Ода синки* 織田眞記 («Достоверные хроники дома Ода»), *Нобунага ки* 信長記 («Записки об Ода Нобунага»), *Тэнсё:ки* 天正記 («Записки о годах Тэнсё: (1573–1591)»), *Корэто:тайдзики* 惟任退治記 («Записки об уничтожении Корэто: (Акэти Мицухидэ)»), *Сибата тайдзики* 柴田退治記 («Записки об уничтожении Сибата Кацуиэ») и др. Этой же теме посвящены такие серии гравюр, как упоминавшиеся *Тайхэйки эйю:дэн* 太平記英雄伝 Утагава Кунисёси, *Эхон Тайко:ки* 絵本太閤記 («Иллюстрированные записки о Тайко:») Окада Гёкудзан 岡田玉山; *Синсэн Тайко:ки* 新撰太閤記 («Новое издание Записок о Тайко:») Утагава Тоёнобу.

4. Сюжеты, относящиеся к ранним легендам (до середины XI в.), в том числе вошедшим в сборники *Нихон сёки* 日本書記, *Кондзяку-моногатари* 今昔物語, *Сёмонки* 将門記 и др. (пластины № 2932-20, 29, 40, 44).

Пластина № 2932-18. Минамото Тамэтомо на о.О:сима.¹ Наклейка с пояснительным текстом утрачена.

Минамото Хатиро: Тамэтомо 源八郎為朝 (1139–1177), один из вождей воинского дома Минамото и активный участник смуты «годов Хо:гэн 保元», был сыном Минамото Тамэёси 源為義 (1096–1156) и правнуком великого Хатимана Таро: Ёсииэ 八万太郎義家. Еще в 13-летнем возрасте он прославился как талантливый, решительный военачальник, силач и непревзойденный лучник, «равных ему не было ни в глубокой древности, ни в эпоху конца Закона быть не может» [Горегляд 1999: 124]. Ростом был почти в восемь сяку (около 2,5 м), а обликом напоминал «Тэнгу с гор Акао и Такаго» [Там же]. В 1156 г. род Минамото был вовлечен в кровавую «смуту годов Хо:гэн», имевшей место после смерти экс-императора Тоба 鳥羽, когда в борьбе за власть обострился конфликт между двумя придворными группировками, одна из которых (во главе с Левым министром Фудзивара Ёринага 藤原頼長 (1120–1156) поддерживала нового экс-императора Сутоку (1119–1164); другая, возглавляемая регентом Фудзивара Тадамити 藤原忠通 (1097–1164), — «действующего» императора Госиракава 後白河 (1127–1192). Род Минамото, как и соперничавший с ним род Тайра, были расколоты этим конфликтом: глава рода Минамото Тамэёси 源為義 и восемь его сыновей (всего у него было 23 сына), включая Тамэтомо,

¹ Поскольку пластины не имеют конкретных названий, они будут обозначены описательными названиями.

Рис. 1. Пластина с изображением Минамото Тамэтомо на о. О:сима.
МАЭ. Колл. № 2932-18

Рис. 2. Оборот пластины с изображением Минамото Тамэтомо.
МАЭ. Колл. № 2932-18

выступили на стороне Сутоку 崇徳. Старший же сын Тамэёси и его наследник, Ёситомо 義朝, выступил на стороне враждебной партии, действуя против отца и братьев в союзе с Тайра Киёмори 平清盛 (1118–1181).

На военном совете накануне решительного сражения юный Тамэтомо предложил своим соратникам решительный и смелый план атаки, отвергнутый, однако, Фудзивара Ёринага. Инициатива была упущена; Сутоку, Ёринага и их сторонники были разгромлены и жестоко наказаны. Экс-император был отправлен в ссылку в провинцию Сануки на севере о. Сикоку, где вскоре скончался, всеми забытый. Фудзивара Ёринага был убит, Минамото Тамэёси и почти все его дети были захвачены самураями старшего сына Ёситомо и обезглавлены. Минамото Тамэтомо после разгрома сумел скрыться; некоторое время он скрывался, однако был узнан в общественной бане по могучему телосложению и захвачен живым. Несмотря на то что и во время военных действий и во время поимки он нанес противникам жестокий урон (в бане он голыми руками вырвал столб и убил и покалечил множество нападавших), его решили помиловать как величайшего воина. Казнь была заменена ссылкой на дальний остров О:сима (о-ва Идзу, провинция Идзу); при этом ему искалечили руки, вырвав локтевые жилы, чтобы он более не мог стрелять из лука. Однако вопреки травме Тамэтомо стал стрелять еще лучше, ибо руки стали более гибкими, и он мог использовать стрелы большей длины. На о. О:сима Тамэтомо захватил власть, потом собрал своих вассалов и захватил еще пять соседних островов. Двор, контролировавшийся в то время родом Тайра, объявил Тамэтомо мятежником; в 1177 г. против него отправили корабли с воинами; Тамэтомо прекрасным выстрелом пробил борт головному кораблю, и тот затонул вместе с воеводой (правителем области Идзу по имени Кано: Мотимицу) и еще тремя сотнями воинов. После этого Тамэтомо с соратниками сел на корабль и уплыл на о. Танэгасима, а оттуда — на Рюкюские о-ва, где его след потерялся [Мендрин 1999: 156–157]. По другим данным, в том же 1177 г. Тамэтомо вспорол себе живот, что якобы стало одним из первых случаев сэппуку [Japan 1993: 964].

Деяния Тамэтомо описаны в таких произведениях, как «Хо:гэн Хэйдзи моногатари», «Адзума кагами», сочинении Рай Дзё: «Нихон гайси» и др. Ему посвящено также много устных преданий. Однако более всего подвиги Тамэтомо известны по изданному в 1807–1811 гг. литературному произведению «Тинсэцу юми харидзуки» 椿説弓張月 («Чудесный рассказ об ушербном месяце») популярнейшего писателя эпохи Эдо — Бакин 馬琴 (Такидзава Кёкутэй Бакин, 1767–1848). Это произведение вдохновило многих мастеров укиё-э на создание гравюр, посвященных подвигам Тамэтомо. Наиболее известным изображением сюжета о том, как Тамэтомо одной стрелой потопил корабль, считается триптих Утагава Куниёси «Тамэтомо-но юми-но икиои-но дзу» 為朝之弓之勢之図 («Изображение мощи лука Тамэтомо») [Robinson 1961: 180], представленный в собрании МАЭ РАН, № 1215-5b. Именно этот сюжет созвучен изображению на пластине 2932-18.

Подвиги Тамэтомо составили серию «Тамэтомо хомарэ-но дзю:кэцу» 為朝譽之十決 — «Десять прославленных деяний Тамэтомо»; к этой теме неоднократно обращался и сам Куниёси, и его ученики [Успенский 1997: 181].

На пластине изображен момент, когда Тамэтомо после удачного выстрела смотрит на тонущий корабль, оставшийся за рамками изображения. В руке его

Рис 3. Утагава Куниёси. Триптих «Тамэтомо-но юми-но икиои-но дзу» («Изображение мощи лука Тамэтомо»). Гравюра укиё-э. МАЭ. Колл. № 1215-5b

зжат могучий лук, на поясе — длинный меч тати 太刀 в красных ножнах; рядом — коленопреклоненный вассал.

Пластины № 2932-19 и 2932-22 посвящены деяниям легендарного воителя Минамото Ёсицунэ.

Минамото Ёсицунэ 源義経 (1159—1189) является реальным историческим персонажем, представителем одиннадцатого поколения потомков 56-го императора Сэйва 成和 (правление 856—876 гг.), активным участником войны Гэмпэй 1180—1185 гг. и одним из главных «виновников» крушения военного дома Тайра и прихода к власти рода Минамото.

Отец Ёсицунэ — упоминавшийся выше Ёситомо, глава рода Минамото, — вместе со старшими сыновьями и большинством вассалов был уничтожен в 1160 г. во время катастрофичных для дома Минамото событий так называемой «смуты годов Хэйдзи». Младших сыновей Ёситомо, в том числе Ёсицунэ, пощадил глава враждебной партии Тайра Киёмори, взявший в наложницы красавицу Токива Годзэн 常磐御前, вдову Ёситомо, мать Ёсицунэ. Сам же Ёсицунэ (детское имя Усивака-мару 牛若丸) был отправлен в послушники в храм Курамадэра.

Достигнув 15-летнего возраста, он сбежал из храма и стал путешествовать по стране, заводя знакомства с оставшимися вассалами отца и совершая разнообразные подвиги. В 1180 г. началась так называемая «война Гэмпэй» (*Гэмпэй-но со:ран* 源平騒乱). Когда Минамото Ёритомо 源頼朝, старший брат Ёсицунэ, выступил против Тайра, Ёсицунэ уже был вождем собственной самурайской дружины. Он присоединился к своему брату и был назначен им командующим войск дома Минамото. В 1184 г. Ёсицунэ разгромил своего кузена Минамото Кисо Ёсианака 源木會義仲 и захватил столицу, затем одержал блестящие победы над Тайра в битвах при Итинотани и Ясима и наконец, 25 апреля 1185 г. уничтожил войска Тайра в морской битве при Дан-но Ура. После этого он неожиданно попал в опалу, и Ёритомо, принявший титул сёгуна, приказал его схватить и казнить.

До 1189 г. Ёсицунэ скрывался в разных районах Хонсю, в том числе у своего давнего покровителя Фудзивара Хидэхиро 藤原秀衡, владельца края О:сю, т.е. всего севера о. Хонсю. Однако после смерти Хидэхиро его сын Ясухиро 泰衡 по требованию Камакурского правителя (т.е. Ёритомо) напал на резиденцию Ёсицунэ (крепостцу Коромогава), и тот был вынужден убить жену и детей и вспороть себе живот. Его голова была доставлена в ящике с сакэ в Камакура для осмотра, но прибыла с необъяснимым опозданием и при этом была так изуродована, что достоверно опознать ее было фактически невозможно.

Это дало повод для возникновения многочисленных и весьма фантастичных версий о тайном спасении Ёсицунэ — якобы он бежал сначала на о. Эдзо (Хоккайдо), затем на Курильские острова (Тисима), где некоторое время властвовал над айновскими племенами. Оттуда перебрался на континент, где впоследствии объявился как Чингисхан. Согласно другой, не менее фантастичной версии, Ёсицунэ стал основателем маньчжурской династии Цинь [Позднеев 1909: 40–44].

Судьба Ёсицунэ и его деяния на военном поприще нашли отражение в нескольких десятках хроник и литературно-исторических сочинений XIII–XIX вв. В первую очередь это такие исторические хроники, как Хэйкэ моногатари («Сказание о доме Тайра», XIII в.), Гикэйки 義経記 («Сказание о Ёсицунэ», XIII в.), Адзума кагами 東鑑 («Зерцало восточной Японии», XIII в.), Гэмтэй сэйсуики (дзёсуики) 源平盛衰記 («Подъем и падение домов Тайра и Минамото», XV в.), а также ряд исторических сочинений эпохи Эдо, например, написанный историком XVIII в. Рай Дзё: 頼襄 фундаментальный труд Нихон гайси (頼襄子成。日本外視), опубликованный в 1908 г. на русском языке в переводе В.М. Мендрин; Дзэн-тайхэйки 前太平記 (Хроники, предшествующие эпохе Тайхэй); Ёсицунэ кунко:ки 義経勲功記, Камакура дзикки 鎌倉實記 и др.

Параллельно с этими произведениями, претендующими на некоторую долю историчности, возникало множество народных легенд о подвигах Ёсицунэ и его вассалов. Эти легенды, известные как Ёсицунэ дэнсэцу 義経伝説, оформились к XIV в. в виде серии анонимных рассказов отоги-дзо:си お伽草子 (Например, Ондзо:си симаватари 御曹司島渡り — «Путешествие Ондзоси на остров демонов»). Параллельно связанные с подвигами Ёсицунэ сюжеты стали основой для пьес театра Но (так называемые Хо:ган (Ханган)-моно 判官物 (пьесы о Ёсицунэ), представляющие собой самую большую подкатегорию в репертуаре пьес Но), например, Курама тэнгу 鞍馬天狗, Атака 安宅, Бэнкэй хаси 弁慶橋, Эбоси ори 烏帽子折, Тогаси 富樫 и др. [Моррис 2001: 306; Позднеев 1909: 35].

Новый пласт историй о Ёсицунэ, акцентированных прежде всего на любовных похождениях, лирических переживаниях героев и фантастических мотивах, был связан с развитием в эпоху Эдо (1600–1868) традиции театров Дзё:рури-Бунраку и Кабуки. Так, выдающийся драматург Тикамацу Мондзаэмон написал около двух десятков пьес, связанных с именем Ёсицунэ. И, наконец, деяния Ёсицунэ стали любимым сюжетом традиционной японской живописи и гравюры укиё-э. Если в «высокой» живописи отражались, как правило, воинские подвиги Ёсицунэ, иллюстрируя произведения жанра гунки-моногатари, то в гравюре, основывавшейся прежде всего на эстетике и реалиях театра Кабуки, фокус внимания при этом был перенесен на экстравагантные поступки персонажа, его любовные похождения и связанные с ним фантастические истории.

Пластина № 2932-22 изображает один из таких фантастических моментов, объясняемый текстом на наклейке: *«Усивакамару получает трактат по искусству военной тактики от бога с горы Курама, провинция Ямасиро»* (CD, рис. 4-1).

Мотив поиска и изучения секретного трактата проходит красной нитью через все предания о Ёсицунэ. Версий о том, что представляет собой этот трактат, довольно много. Согласно версии *Гикэйки* 義経記 («Сказание о Ёсицунэ»), гунки-моногатари эпохи Камакура (1185–1333), имеется ввиду древний китайский трактат «Лю-тао», якобы составленный в глубокой древности неким «старцем Ваном». Долгое время трактат хранился в личных библиотеках китайских императоров как величайшая драгоценность, а потом попал в Японию [Мендрин 1999: 345]. Этот трактат давал любому, кто его читал, познание всех секретов военной стратегии, умение летать, а также военную удачу и успех. Прочитавшие его герои прославились на всю Поднебесную: так, Чжан Лян (один из героев «Троецарствия») летал на бамбуковой палке из Магадхи в стра-

Рис. 4. Пластина с изображением Усивакамару, который получает трактат по искусству военной тактики от бога с горы Курама, провинция Ямасиро.
МАЭ. Колл. № 2932-22

ну киданей; полководец Фань Гуай (? — 189 г. до н.э.) получил такую силу, что в гневе собственными усами пробивал доспехи; японский полководец VIII в. Саканоуэ-но Тамурамаро 坂之上田村麻呂 истребил самых свирепых разбойников и разгромил северных вараваров; самурайский вождь X в. Тайра Масакато 平将門 обрел такую мощь, что объявил себя «новым императором» и едва не уничтожил правящую династию. Сам же Ёсицунэ благодаря приобретенному умению летать одолевает могучего монаха Бэнкэя, а в битве при Данноура спасается от страшного Тайра Норицунэ 平則常, перепрыгнув от него через восемь кораблей.

Этот трактат иногда пытаются отождествить с реально существовавшим древнекитайским трактатом «Лю-тао» (яп. *Рокуто*: или *Рикутто*: 六韜) [Сказание 1984: 36] — «Шесть военных стратегий», приписываемым полководцу *Цзян Тайгун* (姜太公), якобы жившему на рубеже династий Шан и Чжоу (около 1500 г. до н.э.) и известному также как *Люй Шан* или *Тайгун Ван* (яп. *Тайко:бо*: 太公望) (слово *тайко:бо*: также означает «страстный рыболов» [Большой японско-русский словарь 1970: 228], ибо этот персонаж изображался с удочкой без крючка, на которую рыба ловилась сама, что наводит на мысль о его связи с Эбису, одним из семи богов счастья и удачи).

Однако следует обратить внимание, что в других произведениях о Ёсицунэ этот «трактат» называется иначе: *Тора-но макимоно* 虎巻き物 («Свиток тигра»), *Санряку-маки* 三略巻き (свиток в 3-х частях), *Дайнити-нёрай-но хо: макимоно* 大日如来之法巻物 (свиток «Закон Будды Дайнити») или вообще не имеет названия. Его хранителями выступают разные персонажи — монашествующий маг Киити Хогэн, преуспевший в «Пути темного и светлого начал» (*Оммё:до*: 陰陽道, т.е. даосизм); восьмилетний вождь демонов о. Хоккайдо:; восьминогий правитель демонов; и, наконец, Верховный тэнгу по имени Содзё:бо:, божество горы Курама [Щеголева 1998: 174]. *Тэнгу* (天狗 — буквально «небесная собака», хотя с собаками тэнгу ничего общего не имеют) относятся к традиционным японским фольклорным персонажам, лесным демонам, хранителям гор и лесных чаш. Традиционно демонам тэнгу (помимо прочих разнообразных магических свойств) приписывались инициативские функции: считалось, что они похищают мальчиков и обучают их секретным боевым искусствам. Изображенный здесь Великий тэнгу (*дайтэнгу* 大天狗) имеет облик фаллического бога Сарута-но хико, мужа богини Ама-но Удзумэ; он имеет характерные атрибуты монаха- *ямабуси* 山伏 (*сю:гэнся* 修験者, адепт секты *сю:гэндо*: 修験道): костюм *судзукакэ* 鈴掛 («колоколом висющий»), маленькую черную шапку *токин* 頭巾, меховой коврик *хисики* 火敷 [Japan 1993: 154, 1724]. Кроме того, следует отметить характерные атрибуты *ямабуси-тэнгу* 山伏天狗 (тэнгу иногда изображаются антропоморфными существами, как *ямабуси-тэнгу*; а иногда — зооморфными, например, как *карасу-тэнгу* 鴉天狗 (тэнгу-ворон с клювом и когтистыми лапами) — длинный фаллоидный нос и волшебный веер из перьев). Перед *дайтэнгу* изображен коленопреклоненный Усивакамару с развернутым свитком в руках, он почтительно выслушивает наставления своего учителя; на заднем плане — дымящаяся на трехногом поставце курильница; за деревьями — полная луна. Этот сюжет относится к отоги-дзо:си *Курама тэнгу*, повествующем о тайном ночном обучении Ёсицунэ (Усивакамару) у дайтэнгу Содзё:бо:, божестве горы Курама, на которой и находился монастырь Курамадэру, в который был отдан на воспитание юный самурай.

Пластина № 2932-19. Бэнкэй и Усивакамару на мосту Годзё:дзи. Текст на наклейке: «Бэнкэй. Он был монахом храма Хизэй. Каждую ночь он приходил на мост Годзёдзи в Киото и резал всех, чтобы испытать свое искусство меча. Поэтому люди испытывали страх и трепет и не решались после захода солнца появляться вблизи моста. Усивакамару услышал об этом и однажды ночью пошел на мост, чтобы сразиться с ним [с Бэнкэем]. Между ними начался бой. Но Бэнкэй не смог одолеть Усивакамару и в конце концов признал себя его слугой» (CD, рис. 5-1).

Бэнкэй 弁慶 — персонаж скорее легендарный, чем исторический. Он входил в число ближайших соратников Ёсцунэ и упоминается в тех же произведениях, что и Ёсцунэ. Согласно Гикэйки, Бэнкэй был сыном преподобного Бэнсё:, настоятеля главного храма Кумано (Кумано Хонгу 熊野本社), который вел свой род от верховного советника До:рю:, считавшего себя дальним потомком божества Амацукоянэ (из свиты самого Ниниги-но микото, посланного Аматаэрасу-но оомиками управлять Японией) и дочери дайнагона Ниэ [Сказа-

Рис. 5. Пластина с изображением Бэнкэя и Усивакамару на мосту Годзё:дзи.
МАЭ. Колл. № 2932-19

ние о Ёсицунэ 1984: 51]. В утробе матери он провел не девять, а восемнадцать месяцев; все опасались, что родится черт — *они* 鬼. И действительно, облик его был устрашающим. Его хотели убить сразу по рождению, но его спасла тетка. Она дала ему детское имя Онивакамару 鬼若丸 — «Чертенок», и отдала на воспитание в монастырь на горе Хиэйдзан 比叡山 (имеется ввиду храм Энрякудзи 延暦寺, центр могущественной секты Тэндай 天台). Онивакамару был очень способным учеником, но при этом отличался буйным нравом в сочетании с нечеловеческой силой. Он третировал других монахов и в конце концов был изгнан. Тогда он сам посвятил себя в монахи, взял себе светское имя Сайто:—но Мусасибо: 斎藤之武蔵寶, а монашеское — Бэнкэй 弁慶. Покинув гору Хиэй, Бэнкэй странствовал по стране как смиренный монах, однако оставлял после себя дурную славу и пепелища храмов. Наконец, пришел в столицу, где ему вздумалось собрать коллекции из тысячи прекрасных мечей, которые он ночью отбирал у прохожих самураев. Ему удалось собрать 999 мечей, не хватало только одного. Однажды ночью в переулке Хорикава 堀川 у храма Тэндзин 天神 Бэнкэй услышал звук флейты — это играл Ёсицунэ. Юноша был опоясан прекрасным мечом с золотой отделкой, и Бэнкэй попытался отнять этот меч, но потерпел унижительное поражение: Ёсицунэ, обучавшийся у Дайтэнгу, владел тайными приемами фехтования, к тому же умел совершать прыжки, немыслимые для человека. Бэнкэй сражался с Ёсицунэ еще дважды: у ворот храма Киёмидзудэра 清水寺 и на мосту Годзё:дзи 五条時, где Бэнкэй признал себя побежденным и слугой Ёсицунэ («слуга-вассал» *кэрай* 家来 — буквально «в дом приходящий» [Большой японо-русский словарь 1970: 553]).

На рассматриваемой пластине эти три схватки объединены в одну, следуя традиции многочисленных гравюр укиё-э, посвященных этому сюжету. Ёсицунэ изображен с флейтой, облаченным в женские одежды (под ними был скрыт панцирь) с головным платком *кадзуки* 被き, прикрывающим лицо; обут в женские гэта — Ёсицунэ был вынужден скрываться от властей, поэтому изменил внешность. На поясе у него — меч *сиридзая-но тати* 尻鞘の太刀 — меч с ножнами, отделанными тигриным мехом. Такие мечи носили крупные военачальники эпохи Муромати (1333–1568) — Адзути-Момояма (1568–1600); для конца XII в. они не были характерны, так что художник допустил историческую неточность. Бэнкэй облачен в светло-зеленый доспех *о:ёроу* 大鎧 (изображенный довольно условно); поверх — шелковая накидка, на голове — монашеский клобук *като:цуцуми* 裹頭包み; на ногах — сандалии *варадзи* 草鞋; на поясе — длинный меч-тати в ярко-красных ножнах (такие ножны в театре Кабуки соответствовали стилю *арагато* 荒事, т.е. персонажам с подчеркнуто воинственным и даже буйным характером), в руке зажата алебарда *нагината* 薙刀 с мощным клинком. За спиной Бэнкэя — целый арсенал самого разного традиционного японского оружия, по-видимому, отобранного у прохожих: окованная железными шипами палица *канэсайбо*: 鉄碎棒, боевой серп *кусари-гама* 鎖鎌; секира *масакари* 鉞, молот *о:цути* 大槌; рогатина *сасумата* 刺叉; копье *дзю:мондзи-яри* 十文字槍 и даже пила *нокогири* 鋸.

Пластины № 2932-23 и № 2932-27 также посвящены похождениям Бэнкэя (Онивака-мару). Они изображают сцену сражения героя с чудовищным карпом. Это эпизод из *Бэнкэй моногатари* 弁慶物語, сборника легенд о похождениях Бэнкэя эпохи Муромати. Этот пласт легенд можно рассматривать как вторичный по отношению к упоминавшимся выше произведениям, посвя-

щенным войне Гэмпэй и ее героям, тем не менее давшим сюжетную основу для многих пьес Но, Кабуки и гравюр укиё-э. Не очень разборчивая англоязычная подпись на наклейке на пластине 2932-23 гласит: «Онивакамару. В возрасте 12 лет... (неразборчиво) прыгнул в воду и убил зловредного карпа, который ранил и держал в страхе многих людей». На пластине 2932-27 наклейка с текстом не сохранилась (CD, рис. 6-1, 7-1).

Рис. 6. Пластина с изображением сцены сражения Онивака-мару с гигантским карпом. МАЭ. Колл. № 2932-23

Рис. 7. Пластина с изображением сцены сражения Онивака-мару с гигантским карпом. МАЭ. Колл. № 2932-27

Пластина № 2932-26. Сато: Таданобу отбивается от врагов доской для шашек го

Сато: Таданобу 佐藤忠信 (1161—1186), один из героев *Адзума Кагами*, *Гикэйки* и *Хэйкэ моногатари*, был самураем высокого ранга, вассал Фудзивара Ясухира, владетеля края О:сю: (двух северных провинций — Дэва и Муцу) вместе со старшим братом Цугунобу 次信 (1158—1185) в 1180 г. был направлен в отряд Минамото Ёсицунэ в качестве телохранителя. Оба брата проявили чудеса воинской храбрости, участвовали во всех кампаниях, предпринятых Ёсицунэ, и не раз спасали его жизнь. В феврале 1185 г. в битве при Ясима Цугунобу прикрыл Ёсицунэ своим телом от вражеских стрел и скончался на руках своего господина. Когда Ёсицунэ попал в опалу, Таданобу бесстрашно прикрывал отступление его дружины в горах Ёсино, защищал госпожу Сидзука Годзэн 静御前 (возлюбленную Ёсицунэ) от разбойных монахов и наблюдал за действиями врагов в столице. В конце 1185 г. он был предан своей возлюбленной, дамой Кая, чей дом он иногда навещал. Пока Таданобу скрывался от людей Минамото Ёритомо, Кая завела роман с высокопоставленным воеводой Кадзивара Кагэтоки, тем самым, что оклеветал Ёсицунэ перед Камакурским правителем. Кадзивара отправил своих людей схватить героя; сам же, пораженный коварством и склонностью к измене дамы Кая, порвал с ней. Таданобу, обложенный в ее доме, отчаянно отбивался драгоценным мечом, подаренным Ёсицунэ. Когда же понял, что спастись не удастся, покончил с собой: зажал острие меча в зубах и спрыгнул с крыши дома.

Таданобу стал любимым героем многих пьес Кабуки. С легкой руки Тикамацу Мондзаэмона 近松門左衛門, великого драматурга эпохи Эдо, к его подвигам добавился эпизод, когда он был застигнут врагами во время приема ванны

Рис. 8. Пластина с изображением Сато: Таданобу, отбивающегося от врагов доской для шашек го. МАЭ. Колл. № 2932-26

офуру и, безоружный, отбивался доской *гобан* 碁盤 для облавных шашек *го* 碁 (эта доска, изготовленная из прочного и тяжелого дерева *кая* (Тогеуа *pusifega*), была серьезным орудием в руках сильного воина). Так что Таданобу через несколько веков после смерти получил прозвище *Гобан* 碁盤 — «шахматная доска». Впервые имя *Гобан Таданобу* 碁盤忠信 появилось в пьесе *Ёсино Сидзука Гобан Таданобу*, написанной Тикамацу в 1698 г. для кукольного театра. Затем этот сюжет попал и в его пьесу *Кокусэнья кассэн* 国妊爺合戦, известную как «Битвы Коксинга», 1715; *Гобан Таданобу* 碁盤忠信, 1723; *Хосикабуто Гобан Таданобу* 星兜碁盤忠信 («Шлем Гобан Таданобу»), 1728; *Сэндай Сога Гэндзи-но исидзуэ* 千代曾我源氏之礎 («Тысяча поколений братьев Сога — Основание дома Минамото»), 1885 и др. Этот же сюжет стал основой для многочисленных серий гравюр укиё-э.

На этой пластине Таданобу изображен с распущенными волосами, в небрежно накинутом кимоно, ибо только что вышел из *офуру* お風呂; отчетливо видны декоративные дизайны на кимоно — гербы в виде *курума* 車 (колесо) и цветы дыни, вписанные в круг, а также волны и поток. Таданобу замер в боевой позе, придавив ногой тяжелую доску для игры в *го*, под которой зажаты три вражеских самурая, изображенные в головных повязках *хатимаки* 鉢巻, вооруженными *содэ-гарами* 袖搦み и *сасумата* 刺叉, типичным оружием городской стражи эпохи Эдо. На полу — разбросанные фигуры *го* (одинаковой формы, отличающиеся только начертанными на них знаками) (CD, рис.8-1).

Пластина № 2932-43. Самурай Хасэбэ Нобуцура спасает любимую флейту принца Мотихито (CD, рис. 9-1).

Надпись на наклейке: «Хасэбэ Нобуцура. Он спас флейту от врагов по приказу императора Го-Дайго». Автор надписи ошибся, ибо этот сюжет относится не

Рис. 9. Пластина с изображением самурая Хасэбэ Нобуцура, спасающего любимую флейту принца Мотихито. МАЭ. Колл. № 2932-43

к событиям времен императора Го-Дайго 後醍醐 (первая половина XIV в.), а к событиям войны Гэмпэй, а именно — к 1180 г., когда принц Мотихито 以仁, второй сын экс-императора Го-Сиракава 後白河, которому могущественный Тайра Киёмори 平清盛, попирая сложившийся порядок престолонаследия, дважды не позволял занять императорский трон, выступил против Тайра в союзе с Минамото Ёримаса 源頼政. В том же 1180 г. принц Мотихито был убит. На пластине изображен эпизод из «Повести о доме Тайра», свиток IV, главка «Нобуцура», где рассказывается о бегстве принца из дворца Такакура 高倉殿. Тайра Киёмори узнал о его участии в заговоре и приказал окружить дворец и схватить принца. Принц был застигнут врасплох, когда безмятежно любовался полной луной. Но состоявший при нем самурай Хасэбэ Нобуцура 長谷部信貫 передел его в женское платье, и принц беспрепятственно покинул дворец. Но при этом забыл свою любимую флейту «Веточка», и Нобуцура догнал принца и вернул ему его сокровище. Сам же вернулся во дворец, чтобы отвлечь воинов Тайра от принца. Хроники так описывают его наряд: «В тот день на нем был бледно-голубой кафтан, под кафтаном — светло-зеленый панцирь, а у пояса висел большой церемониальный (*т.е. не боевой, со слабым клинком*) меч» [Повесть о доме Тайра 2000: 188–189].

Когда враги атаковали дворец, Нобуцура оказал отчаянное сопротивление и сразил нападение свыше десятка воинов Тайра. «Нобуцура развязал шнуры кафтана, сбросил одежду с плеч и, хотя меч у него был всего лишь церемониальный, он заранее хорошенько наточил лезвие и теперь пошел рубить направо и налево. Его враги сражались настоящими боевыми мечами и длинными алебардами, но под ударами Нобуцура скатились с помоста... как листья под порывом бури...» [Там же]. Однако его церемониальный меч сломался, а сам он был жестоко ранен. Попытался вынуть из-за пояса боевой нож, чтобы вспороть живот, но тот выпал в пылу битвы, и Нобуцура был захвачен живым и предстал перед Киёмори. Однако захватившие его вассалы Тайра с таким восхищением рассказывали об отваге Нобуцура, что Киёмори его пощадил, а впоследствии сёгун Минамото Ёритомо назначил правителем земли Ното. Этот сюжет неоднократно вдохновлял мастеров укиё-э. Например, весьма популярна гравюра Утагава Ёситоси *Такакура-но цуки Хасэбэ Нобуцура* 高倉之月長谷部信貫 — «Хасэбэ Нобуцура [любуется] луной во дворце Такакура».

Пластина № 2932-28. Самурай Госё:-но Горо:мару захватывает в плен юного Сога-но Горо: Токимунэ (CD, рис. 10-1)

Этот сюжет заимствован из *Сога моногатари* 曾我物語, литературного памятника XIV в. *Сога моногатари* — это история кровной мести братьев Сога (*Сога кё:дай* 曾我兄弟). Их отец, самурай Кодзу Сабуро: Сукэясу 河津三郎祐安 в 1176 г. был убит по приказу своего кузена Кудо: Сукэцунэ 工藤祐経, чтобы захватить наследство его отца, Ито: Сукэтика 伊藤祐近. Сам же Сукэтика тоже был отнюдь не безгрешен, ибо ранее в борьбе за все те же семейные владения отравил отца своего будущего убийцы. У убитого Сукэясу (сына Сукэтика) остались двое малолетних сыновей, пятилетний Дзиро: Сукэнари 二郎祐成 и трехлетний Сога-но Горо: Токимунэ 曾我之五郎時宗. Их мать закликает их отомстить за кровь отца. Братья долго вынашивали план мести и наконец в 1193 г. его осуществили. Кудо: Сукэцунэ к этому времени весьма возвысился и стал приближенным сёгуна Минамото Ёритомо. В 18-й день 5-го месяца 1193 г. Кудо: Сукэцунэ устроил большую охоту у подножия г. Фудзи. Братья

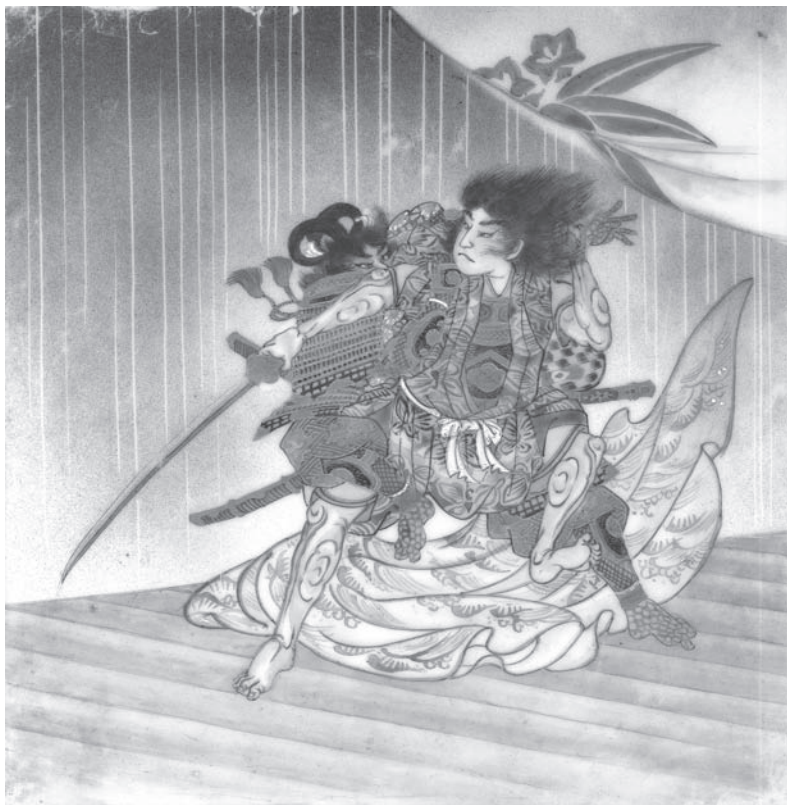

Рис. 10. Пластина с изображением самурая Госё:-но Горо:мару, захватывающего в плен юного Сога-но Горо: Токимунэ. МАЭ. Колл. № 2932-28

Сога, воспользовавшись моментом, напали на своего врага и убили во время пиршества. Челядинцы Кудо: Сукэцунэ стали преследовать братьев, и 15-летний Дзю:ро: был убит самураем Нитта-но Сиро: Тадацунэ 新田之四郎忠綱, а 13-летний Горо: Токимунэ — пленен одним из телохранителей Кудо: Сукэцунэ, известным силачом Госё:-но Горо:мару 御所之五郎丸. Плененный Токимунэ был доставлен на суд сёгуна; Минамото Ёритомо, восхищенный отвагой братьев и их преданностью памяти отца, хотел пощадить Токимунэ, однако сын убитого им Кудо: Сукэцунэ настоял на смертной казни. Токимунэ был обезглавлен. Месть братьев Сога была воспринята и воспета как героический и самоотверженный поступок: юноши повели себя именно так, как и подобает настоящим самураям: ценой собственной жизни выполнили долг чести (*гири* 義理) по отношению к своему отцу и своему имени.

Существует несколько версий *Сога моногатари*. Наиболее ранняя версия, написанная на книжном языке *камбун*, относится к первой половине XIV в. [Горегляд 2001: 249]. К началу XV в. эта история стала основой для баллад *ко: вакамай* 幸若舞, исполнявшихся сказителями, и для пьес театра Но 能. Постепенно история мести обрастала разного рода дополнениями приключенческого и романтического характера, цитатами из китайской классической литературы, дидактическими пассажами буддийского и неоконфуцианского характера. В период Эдо на тему «Сога моногатари» в разное время было написано и поставлено несколько пьес для театров Дзё:рури 浄瑠璃 и Кабуки 歌舞伎.

Рис. 11. Пластина с изображением самурая Нитта-но Сиро: Тадацунэ и божества горы Фудзи. МАЭ. Колл. № 2932-24

К наиболее известным из них относятся «Сога-но таймэн» 曾我の対面 («Братья Сога перед лицом врага»); «Янонэ» 矢の根 («Наконечник стрелы»), «Кариба-но адаути» 狩場の仇討 («Мсть на охоте»), «Кусадзури-бики» 草摺曳 (*кусадзури* 草摺 — «юбка» доспеха, *хики* 曳 — держать, тянуть; имеется ввиду Сога Токимунэ и самурай Кобаяси Асаина, тянущие доспех за *кусадзури*). Сюжеты из Сога моногатари и других произведений на тему походов братьев Сога стали очень популярны в гравюрах укиё-э (жанры *якуся-э* 役者絵 и *муся-э* 武者絵); к ним обращались многие ведущие художники, такие как Кацукава Сюнсё: 勝川春章, Кацукава Сюнэй 勝川春英, То:сю:сай Сяраку 東洲斎写楽, Утагава Тоёкуни 歌川豊国, Утагава Кунисада 歌川国貞 и др.

Пластина 2932-24. Самурай Нитта-но Сиро: Тадацунэ и божество горы Фудзи. На обратной стороне — наклейка с англоязычным текстом: «*Нитта-но Сиро Тадацунэ. Он вошел в расселину в горе Фудзи по приказу генерала Ёритомо и встретил там божество. Богиня сказала: “Когда ты выйдешь наружу, не говори никому, что я живу здесь. Если ты послушаешься меня, я подарю тебе счастливую, спокойную и долгую жизнь. Если же пренебрежешь моими словами, то я сокращу твои годы”.* Но он доложил обо всем своему господину. Через четыре года он скончался, ибо на него обрушились несчастья, вызванные тем, что он не внял ее (божества) словам» (CD, рис. 11-1).

С подвигами Нитта Сиро: Тадацунэ 新田四郎忠常, одного из упомянутых выше персонажей *Сога моногатари*, связаны еще два популярных сюжета.

В 1193 г., во время охоты на горе Фудзи, на его господина Минамото Ёритомо, основателя сёгуната Камакура, напал гигантский вепрь. Это был не просто вепрь, а злобный *ками*, обладавший магической силой. Однако это не испугало Тадацунэ. Он ловко прыгнул страшному зверю на спину и, пока тот мчался сквозь лесную чащу, наносил удары своим ножом. Вепрь был сражен, но олицетворяемое им божество наложило на Тадацунэ проклятие. Сёгун сначала возвысил бесстрашного самурая, но вскоре Тадацунэ был ввергнут в опалу и отправлен в изгнание. Изображение Тадацунэ, сидящего задом наперед на бешеном вепре, стало популярным мотивом в традиционном японском искусстве. В коллекции № 2932 представлены две парные бронзовые фигурки *мэнуки*, иллюстрирующие этот сюжет.

Что касается изображения на пластине № 2932-24, то оно представляет сюжет о том, как во время все той же охоты на г. Фудзи Нитта Тадацунэ со своими товарищами набрел на пещеру, где им явилось божество Фудзи (известная как «Божественная дева, вдохновляющая цвести двери» *Конохана-но Сакуяхимэ-но микото* 木花之裂くや姫之尊) в виде окруженной сиянием призрачной девы, восседающей на драконе. Все самураи, кроме Тадацунэ, от ужаса потеряли сознание. Тадацунэ же поднял пылающий факел и бесстрашно подошел к призраку. Божество похвалило Тадацунэ за храбрость и сокрылось. На пластине № 2932-24 изображен Тадацунэ с факелом в руках; на нем — светло-голубой доспех и парчовый костюм *хитатарэ* 直垂, на голове — заломленная шапка *эбо:си* 馬帽子, на руках — перчатки *югакэ* 弓懸; к поясу подвязаны *сирисики* 尻敷 — две подстилки из оленьих шкур на шелковой подкладке.

Этому же сюжету посвящена и хранящаяся в МАЭ гравюра-триптих № 2915-5с работы Утагава Куниёси.

Пластина № 2932-41. Полководец Нитта Ёсисада жертвует свой меч морским драконам. Отражает сюжет, относящийся к событиям «смуты Гэнко:» (Гэнко:но хэн 元弘の変) 1331–1333 гг., приведших к падению сёгуната Камакура. Император Го-Дайго (Го-Дайго тэнно: 後醍醐天皇) выступил против диктата дома Хо:дзё: 北条, узурпировавшего власть. В 1333 г. два родственных военных дома, Асикага и Нитта (оба — ответвления дома Минамото), перешли на сторону Го-Дайго. Такаудзи, глава дома Асикага, ввел свои войска в Киото. Полководец Нитта Ёсисада 新田義貞 повел своих самураев на Камакура, резиденцию регентов (*сиккэн* 執権) дома Хо:дзё:. По дороге на Камакура войска Нитта надо было пройти узкий участок вдоль моря. Этот участок был трудно-преодолимым, к тому же простреливался врагами; огромные потери были неизбежны. Тогда Ёсисада взмолился морским владыкам-драконам и пожертвовал им свой драгоценный меч. Согласно хроникам Тайхэйки, драконы вняли его мольбе и отвели море. Самураи клана Нитта беспрепятственно прошли узкое место и атаковали Камакура. Застигнутые врасплох, вожди дома Хо:дзё: вспороли себе животы. Император Го-Дайго вернулся в Киото и на краткий срок (1333–1336) сумел восстановить прямое императорское правление (так называемая «реставрация Кэмму» — *Кэмму-но тю:ко:* 建武中興).

Текст на наклейке (на весьма невнятном английском языке) так поясняет изображенный момент: «Главкомандующий Ёсисада. Он преподносит богу свой золотой меч и обращается с мольбой о скорейшем отводе прилива, чтобы можно было бы провести войско. Чудесным образом прилив был отведен, и он смог провести свое войско и одержать победы. (Место возле Камакура)» (CD, рис. 12-1).

Рис. 12. Пластина с изображением полководца Нитта Ёсисада, жертвующего свой меч морским драконам. МАЭ. Колл. № 2932-41

В хрониках *Тайхэйки* этот эпизод описан следующим образом: «В ночь двадцать первого дня Ёсисада с двадцатью тысячами храбрецов прошел через Катасэ и Косигоэ и вышел к Гокуракудзи-дзака, и в свете заходящей луны увидел вражеский лагерь. К северу он узрел крутую тропу, которая шла через высокие горы, нависая над проходом; там же были врата, далее — ряды щитов, за которыми укрылись пятьдесят или шестьдесят тысяч [вражеских] воинов. Путь с юга шел через мыс Инамура, через узкий пляж, до самой кромки волн усеянный множеством разнообразных препятствий. Более того, на расстоянии пяти-шести сотен дзё от берега выстроились ряды вражеских кораблей, готовых выпустить тучу стрел со своих башен [во фланг идущего берегом войска].

Ёсисада тогда подумал: «Вполне естественно, что пытавшиеся пробиться в этом месте [наши войска] были разбиты и отброшены». Он спешил, снял шлем, распростерся на земле и взмолился морю, всей своей душой воззвав к драконам.

«Довелось мне слышать, что Солнечная богиня из Исэ скрывает свой истинный лик в блистательном сиянии Будды Дайнити, и что она являлась в этот мир в облике божественного дракона, владыки голубого океана. Теперь наш император, ее потомок, вынужден скитаться по волнам западных морей, преследуемый мятежниками. И вот я, взяв в руки боевую секиру, явился к вражескому стану, преисполненный решимости выполнить свой долг — защитить императора, покарать мятежников и умиротворить народ. Пусть восемь драконов, владык внутренних и внешних морей, оценят мою верность, пусть они отгонят воды морские на тысячу ри от берега и дадут проход моему войску!»

Рис. 13. Фарфоровая тарелка (мастерские Кутани, мастер Танигути)
с изображением полководца Нитта Ёсисада, жертвующего меч драконам.
МАЭ. Колл. № 2645-100

Так взмолился он и бросил свой золотом отделанный меч далеко в море. Могло ли стать, чтобы драконы не вняли ему? Той же ночью на заходе луны волны вдруг отхлынули от мыса Инамура на две тысячи дзё, и впервые взору предстал плоский песчаный пляж. А тысячи кораблей с изготовившимися к бою стрелками были унесены отливом далеко в море. Как странно все это было! Воистину, ничего подобного ранее не случилось!» [The Taiheiki 1959: 289–291].

Этот сюжет можно встретить и в декоративном оформлении фарфоровой тарелки № 2645-100 (мастерские Кутани, мастер Танигути).

Сюжет декора **пластины № 2932-42** Самурай Оки-но Дзиро:дзаэмон Хироари 興之二郎左衛門弘有(?) убивает птицу-демона также почерпнут из хроник Тайхэйки (CD, рис. 14-1).

Сюжет этот не столь популярен, как описанные выше; текст наклейки на обратной стороне пластины не дает верного объяснения: «*Хаги-но Дзиродзайе-мон. Он убил демона-птицу, заставлявшую страдать императора, перед воротами Нантэн (дворец в Киото) по приказу императора*». Равным образом и изображенная на пластине птица не соответствует приведенному в хрониках описанию. Согласно этому описанию, птица была убита не алебардой *нагината*, как изображено на пластине, а метко выпущенной стрелой.

Описанию этого сюжета посвящена главка «Хироари убивает странную птицу» в 12-м свитке Тайхэйки: «*В седьмой месяц третьего года Гэнко: (июль*

Рис. 14. Пластина с изображением самурая Оки-но Дзиро:дзаэмон Хироари, убивающего птицу-демона. МАЭ. Колл. № 2932-42

1334 г.) двор сменил название эры на Кэмму. В этот год случился мор, и число тех, кто заболел и умер, множилось день ото дня. Более того, начиная с осени над дворцом Сисиндэн стала появляться странная птица; она кричала: “Доколе?! Доколе?!”, и голос ее эхом отзывался в облаках и пугал спящих людей. Все, кто слышал этот голос, ненавидели и страшились его.

Придворные, посоветовавшись, решили так: “Во времена давно минувшие, в дни Яо, над Поднебесной взошли сразу десять солнц. По приказанию Яо стрелок по имени И сбил наземь девять из них. В нашей стране во времена стародавние, когда на трон взошел император Хорикава-ин, его беспокоил некий призрак. Но Ёсиизэ, правитель страны Муцу, встал у входа в зал и, по высочайшему приказу, трижды натянул тетиву своего лука и тем самым успокоил призрак. Позже, когда на престол взошел император Коноэ-ин, по его приказу Минамото-но Ёри-маса, министр третьего ранга, застрелил птицу, называемую нуэ 鵺, что летала в облаках и пугала императора своими криками. Так что история знает подобные случаи, и пусть кто-нибудь из воинов Гэндзи застрелит эту птицу!”

Но хотя такое решение было объявлено, никто не сказал: “Я сделаю это!”, ибо каждый опасался в глубине своей души, что в случае неудачи будет опозорен на всю свою жизнь.

“Ну что ж, — сказал тогда император (имеется ввиду император Го-Дай-го), — давайте тогда выберем достойного из числа старших воинов охраны императорского дворца”.

Тогда некто вышел вперед и сказал: “Оки-но Дзиро:дзаэмон Хироари вполне достоин; он служит господину регенту Нидзё:”.

“Пусть его призовут немедленно!” — ответил император.

И послали за Хироари.

Хироари нашли возле Колокольного зала павильона Сэйрё:дэн. Он не стал отказываться от порученного дела, но принял его с почтением. При этом подумал: “Если птица так мала, как клещ в глазу комара, или же если она парит слишком высоко, то моя стрела не убьет ее. Но если птицу разглядит глаз человека и если стрелою ее можно достать, то, похоже, вряд ли я потерплю неудачу”. Он принял лук и колчан со стрелами, что принес ему слуга, сам же укрылся в тени внешней галереи, чтобы незаметно наблюдать за странной птицей.

Была семнадцатая ночь восьмого месяца, воздух был чист и прозрачен, а сияние луны отменно ярким. Однако прямо над дворцом висело черное облако, откуда и исходили непрекращающиеся крики птицы. Похоже, она изрыгала изо рта своего пламя, ибо, когда раздавались ее крики, небо озарялось яркими сполохами, которые, казалось, пронзают своим сиянием августейшие покои.

Когда Хироари определил место, где находится птица, он взял в руки свой лук, лизнул тетиву, чтобы увлажнить ее, положил стрелу со свистящим наконечником и навел стрелу на цель. В Южный покой явился сам император, чтобы посмотреть на происходящее; на лестнице, рукав к рукаву, столпились придворные: господин регент, великие министры Левой и Правой стороны, старший и средний государственные советники, министры и советники министров восьми министерств, семь цензоров и множество воинов разных домов. И все гражданские и военные чины следили, сжав кулаки и затаив дыхание.

Хироари же повернулся лицом к птице, готовый спустить тетиву. Однако будто какая-то мысль посетила его, и он вдруг снял со стрелы раздвоенное острие и отбросил его прочь. Затем снова вложил эту стрелу, длиной достигавшую двенадцати ладоней и двух пальцев, и натянул тетиву что есть силы. И так застыл, ожидая крика птицы.

Птица же, вопреки своему обыкновению, ринулась вниз, и крик ее раздался в двухстах сяку над дворцом Сисиндэн. Хироари внимательно прислушался, и его лук с мощным звуком выпустил стрелу. Стрела запела, и эхо разнеслось над дворцом Сисиндэн, когда она нашла в облаке свою цель. И вскоре нечто тяжелое, словно большущий камень, рухнуло с неба, ударилось о карнизы павильона Дзидзюдэн и свалилось наземь у бамбуковых зарослей. И разом все люди на лестнице и ниже воскликнули: “Ах, он убил ее, он убил ее!” И эти восторженные голоса ни на миг не замолкали в течение целого часа.

Император приказал людям из дворцовой охраны поднять повыше сосновые факелы, чтобы можно было как следует разглядеть убитую птицу. И увидел, что голова ее похожа на человеческую, а тело напоминает змеиное. Длинный клюв изогнут и имеет зубы, похожие на зубья пилы. На ногах — две огромные шпоры, острые, как два меча. Когда крылья были вытянуты на всю свою длину, то оказалось, что с одного конца до другого в них не менее шестнадцати сяку.

Император спросил: “Почему Хироари, прежде чем стрелять, снял со стрелы раздвоенный наконечник?”

Хироари почтительно отвечал: “Птица кричала прямо над дворцом, поэтому я и решил снять наконечник: было бы некрасиво, если бы стрела, упав вниз, воткнулась в крышу августейших покоев”.

Эти слова Хироари вызвали большое одобрение Его Величества. Той же ночью Хироари был удостоен пятого ранга, а на следующий день — двумя обширными поместьями в провинции Имба. Воистину, славное имя этого стрелка сохранится на времена вечные!» [Taiheiki 1959: 371—373].

Следующие три пластины посвящены сюжетам, восходящим к хроникам *Тэнсё:ки*, *Нобунагаки* и *Тайко:ки*.

Пластина № 2932-39. Полководец Акэти Саманосукэ Мицухару 明智左馬之助光晴 переплывает озеро Бива. «*Акэти Самоносукэ. Он был мастером верховой езды. После поражения в битве при Ямадзаки он бежал в замок Сасаяма (?) в провинции Оми. Он верхом пересек озеро Бива и благополучно достиг замка*» (CD, рис.15-1).

Акэти Мицухара был младшим двоюродным братом князя Акэти Мицухидэ 明智光秀, известного также как Корэто: Хю:га-но ками 惟任日向之上. Мицухидэ принадлежал к числу наиболее высокопоставленных вассалов могущественного Ода Нобунага; он был равен по положению Тоётоми Хидэёси, Токугава Иэясу и Сибата Кацуиэ. Однако Ода Нобунага, не любивший Мицухидэ, постоянно ущемлял его интересы и подвергал публичным унижениям. Эти оскорбления были настолько серьезными, что весь род Акэти был поставлен на грань потери фамильной чести, и самурайский кодекс требовал отомстить кровью за публичный позор. Мицухидэ вместе со своими вассалами решили

Рис. 15. Пластина с изображением полководца Акэти Саманосукэ Мицухару, переплывающего озеро Бива. МАЭ. Колл. № 2932-39

при первой же возможности выступить против Нобунага. Мицухару долго отговаривал кузена от этого плана, предвидя неминуемый разгром своего клана, но в конце концов присоединился к заговорщикам.

В июне 1582 г. (шестой месяц десятого года эры Тэнсё: 天正) представился удобный момент: господин Ода Нобунага перед походом на юг против могущественного клана Мори удалился на отдых в храм Хоннодзи в Киото с малочисленной свитой. На рассвете второго дня шестого месяца (21 июля 1582 г.) в Киото неожиданно ворвались дружины клана Акэти и атаковали храм Хоннодзи. Этот инцидент подучил название *Хонно:дзи-но хэн* 本能寺之変. Не имея ни малейшего шанса на спасение, Нобунага покончил с собой. Чтобы развить успех, Мицухидэ выступил против спешившего с юга войска князя Тоётоми Хидэёси, а Мицухару напал на недавно построенный величественный замок Адзути, резиденцию Ода Нобунага, захватил его и сжег. Против Акэти выступил Тоётоми Хидэёси во главе большого войска и в союзе с рядом поддержавших его князей. 2 июля 1582 г. имела место жестокая битва при Ямадзаки. Несмотря на яростное сопротивление, клан Акэти был разгромлен. Мицухидэ во время отступления был убит разбойными крестьянами. Мицухару со своей дружиной сражался при Утидэгахаме, прикрывал фланг, обороняясь от атакующих отрядов князя Хори Хидэмаса 堀秀政 (1553—1590), намного превосходящих численно. Когда дошли сведения о поражении и гибели Мицухидэ, главы клана, Мицухару в одиночку пробился сквозь ряды врагов, переправился на коне через залив озера Бива и достиг Сакамото, фамильного замка рода Акэти. Согласно самурайской традиции, он умертвил членов семьи своего старшего брата. Замок был осажден войском Хори Хидэмаса; положение было безнадежным, и Мицухару вспорол себе живот со своими ближайшими сподвижниками. Но перед этим он совершил поступок, вошедший в легенды: он вступил в переговоры с Хидэмаса на предмет судьбы хранившихся в замке драгоценных мечей и прочих предметов, представлявших культурную ценность национального масштаба. Опасаясь, что эти предметы погибнут при штурме, Мицухару попросил противника приостановить боевые действия, чтобы вынести их из замка. Тот согласился, и драгоценности, завернутые в несколько слоев парчи, были на веревке спущены с башни и торжественно переданы Хори Хидэмаса для дальнейшей передачи новому правителю Японии — Тоётоми Хидэёси. Хидэмаса прослезился и сказал: «Ах, до чего же добродетельный человек этот Мицухару!» После этого защитники замка устроил прощальный пир, по окончании которого покончили с собой. Тоётоми Хидэёси получил драгоценные предметы и также почтил память Мицухару добрым словом [Robinson 1982: 144].

Пластина № 2932-21 Мэндзю Иэтэру 毛受家照 защищает знамя полководца Сибата Кацуиэ 柴田 勝家. Наклейка с пояснительным текстом утрачена (CD, рис. 16-1).

Изображенные здесь события относятся к коллизиям периода Адзути-Мояма, а именно — к 11-му году Тэнсё: 天正 (1583 г.), к битве при Сидзугатакэ (июнь 1583 г.). В этой битве столкнулись в борьбе за наследие погибшего годом ранее Ода Нобунага два его лучших полководца — стремительно поднявшийся к вершинам власти Тоётоми Хидэёси и благородный князь Сибата Кацуиэ. Оба полководца были отмечены выдающимися военными талантами, однако удача была на стороне Хидэёси, ибо один из главных вассалов Сибата отказал-

Рис. 16. Пластина с изображением Мэндзю Иэтэру, защищающего знамя полководца Сибата Кацуиэ. МАЭ. Колл. № 2932-21

ся выполнить приказ об отступлении и был разгромлен превосходящими силами Хидэёси. Войска Сибата были вынуждены встретить противника в очень невыгодной позиции и в результате потерпели сокрушительное поражение. В последний момент Сибата Кацуиэ благодаря своему вассалу Мэндзю Иэтэру сумел с остатками своих отрядов покинуть поле битвы и запереться в своем замке Китаносё: 北野城 (ныне г. Фукуи), где дал прощальный пир, а потом покончил с собой. Вместе с ним свела счеты с жизнью и его супруга, госпожа Оити, младшая сестра Ода Нобунага. Но ее дочери были спасены из горящего замка, и одна из них стала госпожой Ёдогими, супругой самого Тоётоми Хидэёси.

Что касается Мэндзю Иэтэру, то он был командиром отряда оруженосцев при Сибата Кацуиэ. Когда битва была безнадежно проиграна, а князю угрожало окружение, Мэндзю чуть ли не силой забрал у него стяг клана Сибата в виде золотого *гохэи* 御幣 (гохэи — аксессуар синтоистского ритуала; представляет собой древко с привязанным пучком бумажных или матерчатых лент белого цвета, реже — золотого, серебряного или пятицветное. Гохэи служат для привлечения *ками*, а также для очищения окружающего пространства) и стал изображать самого Кацуиэ. Противник поддался на эту уловку и стал преследовать отряд Мэндзю, приняв его за Сибата Кацуиэ. Мэндзю дал себя окружить и принял неравный бой, в котором геройски пал, одолев немало лучших самураев Хидэёси. Вместе с Мэндзю Иэтэру пали и его два брата, Масанобу

и Ёсикацу. Их головы были доставлены для опознания самому Хидэёси, который сразу понял, что это не сам Сибата, а его верные вассалы, пожертвовавшие собой ради господина. По легенде, Хидэёси приказал воздать погибшим должные почести, а их головы вернуть семье Мэндзю, которой он стал покровительствовать. Этот сюжет стал очень популярным в литературе о самураях. Так, например, история гибели Мэндзю Иэтэру подробно описывается в историческом романе известного японского писателя Ёсикава Эйдзи «Тайко», посвященном деятельности объединителя Японии полководца Тоётоми Хидэёси (на русском языке: «Честь самурая». М., 2000).

Подвиг Мэндзю Иэтэру был не только яркой демонстрацией самурайской верности долгу (*гири* 義理) перед господином, личной отваги, но и примером использования одной из тридцати шести дальневосточных «военных хитростей» — стратагемой «пожертвовать сливой, чтобы спасти персик» [Малявин 2000: 1–73].

Сюжет о последней битве Мэндзю Иэтэру лег в основу многих гравюр укиё-э, например, один из листов *Тайхэйки эйю:дэн* Утагава Куниёси.

Пластина № 2932-25. Сакаи Саэмон-но kami Тадацугу 酒井左衛門之上忠次 в битве при Микатагахара 三方が原. Текст на наклейке: «*Сакаи Саймон. В битве на лугу Миката в провинции Микава он спас своего господина Токугава Иэясу, когда войско было в беспорядке. Задумав план [спасения], он бил в барабан, и вско-*

Рис. 17. Пластина с изображением Сакаи Саэмон-но kami Тадацугу в битве при Микатагахара. МАЭ. Колл. № 2932-25

ре враг был сокрушен» (CD, рис. 17-1). С обратной стороны пластины также сохранилась этикетка с инвентарным номером (Музейного фонда?) № 197 I.

Сакаи Тадацугу (1527–1596) был одним из старших вассалов Токугава Иэясу 徳川家康 (будущего сёгуна, основателя династии сёгунов Токугава) и одним из лучших его военачальников. Именно Сакаи Тадацугу традиция приписывает идею отмежеваться от дома Имагава и примкнуть к Ода Нобунага. Иэясу последовал этому совету и стал вассалом дома Ода, что способствовало выживанию клана Токугава (Мацудайра) в разгар войн эпохи Сэнгоку дзидай последующему его возвышению. В 1573 г. войско Иэясу, усиленное отрядами, присланными Ода Нобунага, атаковало вторгшееся в провинцию Микава войско блистательного полководца Такэда Сингэна 武田信玄. Битва состоялась на равнине Микатагахара. Иэясу атаковал из засады аррьергард противника, однако Сингэн успешно контратаковал и смял войско Иэясу, которое понесло большие потери и бежало. Отряд Сакаи Тадацугу атаковал камнеметчиков Такэда на правом фланге, но попал под массированный ружейный огонь, а затем был атакован кавалерией. Несмотря на значительные потери и бегство отрядов Ода, Сакаи Тадацугу держался с честью. Стойкость его дружины позволила Иэясу избежать окружения и отступить с остатками войска в замок Хамамацу. Полководцы клана Такэда решили не штурмовать замок, опасаясь ловушки, и это спасло Токугава Иэясу. На пластине № 2932-25 изображен критический момент в битве при Микатагахара, когда Сакаи Тадацугу бьет в барабан *тайко*:, удерживая деморализованное войско Токугава от бегства. На полотнище виден герб рода Токугава — *мицу аои-но мару* 三葵の丸 — трилистник мальвы в круге.

Токугава Иэясу оценил стойкость своего полководца и возвысил его. В победоносной битве при Нагасино в 1575 г. Тадацугу снова отличился, возглавив дерзкую ночную атаку против крепости Тобигасу, что способствовало победе над кланом Такэда. В 1583 г. во время кампании Комаки-Нагакута, когда дом Токугава вступил в конфликт с набиравшим силу Тоётоми Хидэёси, будущим верховным правителем Японии, Сакаи Тадацугу опять сыграл одну из ключевых ролей в войске Токугава. В 1590 г. в Киото сопровождал Токугава Хидэтада, сына Иэясу, когда тот был почетным заложником у Тоётоми Хидэёси. Когда клан Токугава возвысился, Сакаи Тадацугу стал влиятельным даймё с годовым доходом свыше пятидесяти тысяч коку риса. В дальнейшем дом Сакаи играл видную роль в Токугава бакуфу; один из потомков Тадацугу, Сакаи Тадакиё (1624–1681), при четвертом сёгуне Токугава Иэцуна занял пост *тайро*: 大老, став на некоторое время вторым человеком в государстве [Japan 1993: 1298].

Сюжеты следующих пластин относятся к старым японским легендам.

Пластина № 2932-20. Тайра Корэмоти и женщина-демон. Текст на наклейке гласит: «*Тайра Корэмоти. Он [повстречался] с красивой женщиной, которая вдруг показала свою естественную дьявольскую природу. Поэтому он испугался и сорвал с нее одежды. Она сбросила одежду и улетела вместе с ветром...*» (CD, рис. 18-1).

Это изображение иллюстрирует популярный сюжет из Кондзяку-моногатари, относящийся к X в.: хэйанский аристократ Тайра Корэмоти 平是以 по приказу императорского двора был направлен к горе Тогакуси, где усмирил нападавшего на людей демона в женском облике. Этот сюжет стал основой

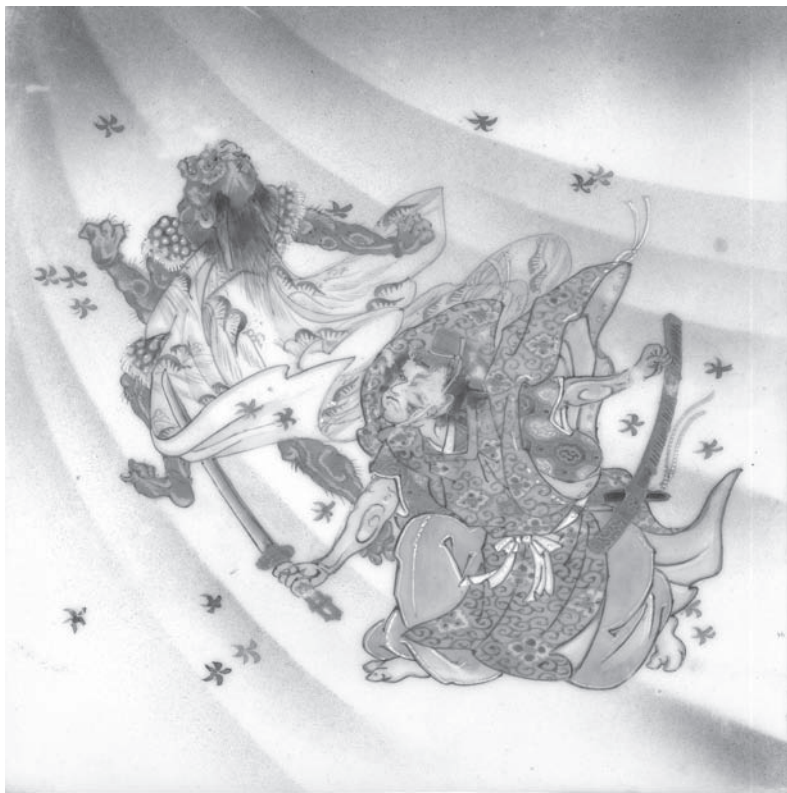

Рис. 18. Пластина с изображением Тайра Корэмоти и женщины-демона.
МАЭ. Колл. № 2932-20

пьесы театра Но «*Момидзигари*» («Любование осенними кленами»), а позже — одноименной пьесы Кабуки. В театральном варианте сюжет был несколько романтизирован: Тайра Корэмоти на горе Тогакуси 戸隠山 любит алыми осенними кленами и вдруг встречает прекрасную молодую женщину, которая угощает его сакэ и вступает с ним в любовную связь. Утомленный ее ласками, Корэмоти засыпает в блаженной истоме, и вдруг во сне ему является божество горы и предупреждает об опасности. Корэмоти просыпается и видит, что красавица превратилась в рогатого демона и готовится его пожрать. Он обнажает меч и хватается демоницу за край роскошных одеяний. Однако та сбрасывает одежды и уносится в небо вместе с ветром [Clark 1992: 94].

Пластина № 2932-29. Это изображение представляется возможным интерпретировать как Фудзивара Хидэсато и божество озера Бива (CD, рис. 19-1). Наклейка с текстом утрачена, что затрудняет точную идентификацию замысла автора.

Фудзивара Хидэсато 藤原秀郷, известный так же как Тавара То:да 俵当田 (?), был знаменитым государственным деятелем и военачальником X в. (эпоха Хэйан), служившим при дворе императора Судзаку 朱雀 (пр. 930–946). Занимал высокие государственные посты, но более всего прославился тем, что в 940 г. разгромил мятежника Тайра Масакадо 平将門, объявившего себя *син-ко*: 新皇 — «новым императором». Мятежу Масакадо и его разгрому посвящены хроники *Сё:монки* 将門記 («Записи о Масакадо»), составленные в XI в.

Рис. 19. Пластина с изображением Фудзивара Хидэсато и божества озера Бива.
МАЭ. Колл. № 2932-29

Традиция приписывает Фудзивара Хидэсато и ряд сказочных подвигов, наиболее известным из которых считается уничтожение гигантской сороконожки *мукадэ* 百足 с горы Миками 三上. Согласно этой легенде, на мосту Каракиси 唐橋 через реку Сэтагава 瀬田川 у впадения той в озеро Бива 琵琶 Хидэсато встретил огромного дракона, перекинувшегося через мост. Хидэсато не испугался и перешел через мост, дракон же обратился в прекрасную женщину-божество с короной на голове. Это было *рю:о*: 竜王 — божество-дракон озера Бива. Божество обратилось с просьбой защитить ее саму, ее семейство и подводный Драконий дворец *Рю:гу:дзё*: 竜宮錠 от гигантской сороконожки, навещающей ужас на обитателей дворца. Хидэсато согласился, и тотчас его подхватили воды озера, и он очутился чертогах подводного дворца. Придворные его всячески ублажали, но вдруг раздался страшный грохот: с горы спустилась устрашающего вида сороконожка и принялась разрушать дворец, грозя гибелью всем, кто находился внутри. Хидэсато тогда взял свой лук и стрелы — всего у него было три стрелы. Первые две точно угодили в голову чудовища, но отскочили от толстого панциря. Тогда Хидэсато смочил наконечник последней стрелы собственной слюной — и на этот раз стрела убила чудовище. В благодарность за это божество озера подарила ему три волшебных подарка: мешок, в котором никогда не заканчивался рис; рулон парчи, не имеющий конца, и горшок для варки риса, не нуждающийся в дровах. Кроме того, был передан огромный колокол для храма Миидэра (этот колокол потом из храма утащил

на спине упоминавшийся выше буйный монах Бэнкэй). С этого времени Фудзивара Хидэсато стал богатым, и его прозвали *Тавара То:да* — «мешок, куда помещается рис с целого поля».

Этот сюжет использовался многими мастерами укиё-э (например, известна работа Утагава Куниёси «Дворец дракона: Тавара То:да Хидэсато получает три драгоценных подарка» (*Рю:гу:дзё: Тавара То:да Хидэсато-ни сансю:-но тосэн-ва окуру*) [Robinson 1982: 144].

На этой пластине изображены стоящий среди волн Фудзивара Хидэсато (на первом плане) и божество озера в облике женщины с короной на голове (на заднем плане). Хидэсато на веере держит три раковины, символизирующие, по-видимому, три волшебных подарка. По стилю, композиции и характеру изображения персонажей эта картина на фарфоре перекликается с довольно редкой гравюрой 1830-х годов известного мастера укиё-э Утагава Кунисада, посвященной этому же сюжету.

Пластина № 2932-40. Сцена разоблачения лисы-оборотня Тамамо-но Маэ (CD, рис. 20-1).

Этот сюжет, восходящий к одной из старинных японских легенд, вошедших в *Кондзяку-моногатари*, стал основой для пьесы театра Но *Сэссё:сэки* 殺生石 («Камень смерти») и пьесы театров Кабуки и Дзё:рури *Тамамо-но Маэ асахи-но тамото* 玉藻の前朝日の袂 (буквально: «Утреннее солнце в рукаве кимоно Тамамо-но МАЭ») [Shuzaburo Hironaga 1976: 369—373]. Существует не-

Рис. 20. Пластина с изображением сцены разоблачения лисы-оборотня Тамамо-но Маэ. МАЭ. Колл. № 2932-40

сколько версий этой легенды. В целом, сюжет сводится к следующему: девятихвостая бело-золотая лиса-оборотень по имени Тамамо-но Маэ 玉藻の前 обитала в долине Насуногахара 那須野原, что на севере области Канто:, в провинции Симоцукэ (современная префектура Тотиги). Согласно легенде, возраст этого существа составлял тысячу лет. В Японии существовали представления (очевидно, китайского происхождения), что тысячелетняя лиса может превратиться в красавицу, столетняя мышь — в ведьму, а старая кошка — в оборотня с раздвоенным хвостом.

Тамамо-но Маэ была адептом тантрической йоги, и ей были открыты многие магические способности, например необычайное долголетие, умение летать по воздуху и принимать любое обличье. Первоначально она жила в Индии, затем перебралась в Китай, а оттуда — в Японию. И везде становилась любимой наложницей императоров и насылала на них порчу.

В Японии она проникла в императорский дворец, убила даму Хацухана 初花, служившую императору Тоба (1103–1156), и приняла ее облик. Император оценил красоту, ум и любовное искусство юной дамы и сделал ее своей любимой наложницей. Однако от ее губительных чар император тяжело занедужил и едва не отправился в мир иной. Придворный астролог-оммё:дзи 陰陽師 (знаток *Оммё:до*: 陰陽, «Пути темного и светлого начал», т.е. японского даосизма), знаменитый Абэ-но Сэймэй Ясунари 安倍の盛名康成, сумел разоблачить оборотня. Во время даосской церемонии *Тайсан фукун-но сай* 泰山府君の祭 (буквально: «церемония императора Тайшаня», одного из важнейших китайских даосских божеств) он прилюдно показал ее истинный облик в отражении бронзового зеркала. Как и в других странах Восточной Азии, в Японии бытовали представления о волшебных свойствах древних бронзовых зеркал, в частности, изгонять и уничтожать демонов и прочую нечисть [Мендрин 1999: 344–354; Мещеряков, Грачев 2003: 77–79; Киддер 2003: 242–246].

Увидев свое истинное отражение в зеркале, разоблаченная лиса взмыла в воздух и улетела прочь. Еще некоторое время ей удавалось дурачить людей, изображая то куртизанку, то знатную даму, то явление божества грома (*Райдзин* 雷神). Однако в долине Насу летящую лису настигли посланные на ее поимку самураи, которых возглавляли два знаменитых лучника — Миура Кураносукэ 三浦倉之助 и Кадзуса-но сукэ 上総之助. В их стрелы бог грома (оскорбленный лисой) вложил силу молнии, и они поразили оборотня. Лиса упала наземь; Абэ Ясунари переместил ее дух в скалу, ставшую для оборотня вечной тюрьмой. Однако дух лисы не смирился и продолжал злодействовать, даже будучи плененным, превратив скалу, своё узилище, в *сэссё:сэки* 殺生石 — в Камень смерти, убивавший всех живых существ, к нему приближавшихся [Leiter 1997: 640].

Через триста лет около страшного камня оказался дзэнский монах Гэнно: 源翁. Монах сразу понял, что в камне заключен дух древней лисы. Гэнно: вступил с ним в контакт, и дух пообещал навеки успокоиться, если монах освободит его из камня. Гэнно: совершил экзорцистский ритуал, затем ударил своим посохом *хоссу* 払子 в камень и вызволил оттуда дух лисы. Преклонившись перед монахом, дух обрел покой и исчез на веки вечные.

Тысячелетнюю лису Тамамо-но Маэ японская традиция относит к разряду так называемых *дакини-тэн* 荼吉尼天 — «ояпонившихся» сверхъестественных существ индийского происхождения, обычно (но не обязательно) злокознен-

ных, имеющих зооморфные (как правило, лисьи) черты и относящихся к периферии синкретического синто-буддийского пантеона. Культ *дакини-тэн* получил довольно широкое распространение в Японии. В г. Тиба имеется даже синтоистское святилище, посвященное этому культу.

Имя Тамамо-но Маэ в период Эдо было синоним красивых, но непостоянных женщин, склонных к измене и обману.

Пластина № 2932-44. Император-воин совершает обряд куними (CD, рис. 21-1). Наклейка с пояснительным текстом утрачена.

Изображение на этой пластине, как уже отмечалось, по стилю отличается от прочих и, по-видимому, относится к другой серии. Изображение помещено в декоративный картуш, сам по себе являющийся самостоятельным произведением орнаментального искусства. Узор сложный, совмещает несколько мотивов: сверху — мотив *унрю*: 雲龍 — «драконы в облаках»; облака — трехцветные, парящие в них два дракона изображены золотым пигментом; с боков — мотив *торан* — «вздымающиеся волны»; внизу — *нами* 波, «волны».

На пластине изображены два воина в архаичных доспехах. Очевидно, автор пытался изобразить архаичные доспехи-*кэйко*: 挂甲, использовавшиеся в эпо-

Рис. 21. Пластина с изображением императора-воина, совершающего обряд куними. МАЭ. Колл. № 2932-44

ху Кофун (III—VI вв.) и Асука (592—710). Доспехи изображены весьма схематично, однако благодаря им очевидно, что изображаемый сюжет относится ко временам так называемых «легендарных» императоров, т.е. изображенный сюжет восходит, скорее всего, к *Кодзики* или *Нихон сёки*. Стиль одевания воинов также соответствуют указанной эпохе: на ногах они носят кожаные сапоги *кава-но асакуцу* 革の浅沓, шаровары *хакама* 袴 подвязаны под коленом шнуром *аюи* 脚結. Один из воинов, вооруженный мечом *цуруги* 劍(劔) и луком (также архаичной конструкции), коленопреклонен. Вытянутой вперед рукой указывает на расстилающуюся вниз долину с домами и море. Другой воин, вооруженный копьем *хоко* 戈 и мечом *цуруги*, явно является господином. На нем — ожерелье из яшмовых подвесок *магатама* 勾玉 — символ синтоистского жреца, а также одна из императорских регалий (*ясагани-но магатама* 八坂瓊勾玉 или *синдзи* 神璽). Можно предположить, что ожерелье указывает на то, что его обладатель имеет статус «императора», правителя страны Ямато.

По-видимому, здесь изображен ритуал *куними* 国見, «осмотр страны»: восходящий на трон император поднимался на ту или иную гору, имевшую статус священной, и с нее осматривал свои владения. В Японии есть много почитаемых гор, в название которых входит слово *куними* — например, горы Кунимитакэ, Кунимияма и Кунимидакэ в южной части о. Кю:сю:. Считалось, что взгляд императора обладает особой силой — взглядом он очерчивал сакральные границы своей страны, подчинял ее своей воле и защищал от всевозможных бедствий. Эта сила — часть «солярной энергии», что была передана императорам Ямато их прародительницей, солнечной богиней Аматаэрасу-но оомиками 天照大神; взгляд императора с вершины горы поэтому уподоблялся лучу восходящего солнца, озаряющего землю. В ранних письменных памятниках, таких как *Кодзики*, *Нихон сёки* и *Манъёсю*, есть немало упоминаний о ритуалах *куними*, проводившихся тем или иным императором. Так, в *Кодзики* упоминается император Одзин, «осматривавший» долину Кадзуно с одного из холмов в местности Удзи; в *Манъё:сю:* представлена песня, сложенная императором Дзёмэй (593—641) во время ритуала *куними* на г. Амэ-но Кагуяма.

Следует обратить внимание и на следующее обстоятельство. Как уже говорилось, эти картины на фарфоровых пластинах были созданы в период Мэйдзи. В результате событий *Мэйдзи исин* 明治維新 в 1868 г. был сокрушен режим сёгунов дома Токугава, правивших страной с 1600 г., и впервые со времен «реставрации Кэмму» (*Кэмму-но тю:ко:* 建武之中興) 1333—1336 гг. император стал не только царствовать, но и править. И хотя Япония в период Мэйдзи встала на путь стремительного обновления и модернизации, восстановление прямого императорского правления было воспринято как возвращение на путь легендарных императоров Ямато. Усилиями мэйдзийской политической элиты была сконструирована новая мифолого-идеологическая модель, известная как «государственный синтоизм». В ее основе лежал очень идеологизированный культ императора и императорской власти, акцентировавший ее сакральные аспекты, особенно непосредственную связь с высшими синтоистскими боже-ствами, включая постулат о происхождении линии императоров от солнечной богини Аматаэрасу. Ранние мифологические своды *Кодзики* и *Нихон сёки* позиционировались как идеологические документы государственной значимости [Мещеряков, Грачев 2003: 30]. Император Мэйдзи Муцухито воспринимался как преемник легендарных государей древней Японии и уподоблялся им. Вос-

певание подвигов древних героев и правителей страны Ямато (что было равнозначно возвеличиванию мэйдзийской элиты) стало политической задачей японского искусства той эпохи; этим целям служит и рассматриваемая картина на фарфоровой пластине.

Может быть, не случайно, что изображенный здесь древний правитель страны Ямато чертами лица весьма напоминает императора Мэйдзи Муцухито...

Библиография

Богуславский Г.А. Из истории советского законодательства об охране памятников: Декрет от 5 октября 1918 г. // Правоведение. 1987. № 5. С. 87–93.

Большой японо-русский словарь / под ред. Н.И. Конрада. Л., 1970.

Горегляд В.Н. Начало «самурайского эпоса» // Хо:гэн моногатари. Сказание о годах Хо:гэн / пер. со старояп., пред. и комм. В.Н. Горегляда. СПб., 1999.

Горегляд В.Н. Японская литература VIII–XVI вв. Начало и развитие традиций. СПб., 2001.

Ермакова Л.М. Взгляд и зрение в древнеяпонской словесности // Сад одного цветка. М., 1991.

Киддер Дж. Э. Япония до буддизма. Острова, заселенные богами. М., 2003

Ксенофонтова Р.А. Коллекция японской керамики и фарфора второй половины XIX — первой трети XX столетий в МАЭ // Культура народов Зарубежной Азии. Сб. МАЭ. Л., 1973. Т. 29.

Малявин В.В. Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты достижения успеха. М., 2000.

Мендрин В.М. История сёгуната в Японии (Нихон гайси). Владивосток, 1910; М.; СПб., 1999. Т. 1–2.

Мещеряков А.Н., Грачев М.В. История древней Японии. СПб., 2003.

Моррис Айван. Благородство поражения. М., 2001.

Огита Ансэй. О кошке-оборотне // Тысяча журавлей. Антология классической японской литературы VIII–XIX вв.

Повесть о доме Тайра. / пер. со старояп., предисл. и коммент. И. Львовой. М., 2000.

Позднеев Д.М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений с Азиатским континентом и Россией. Йокогама, 1909. Т. 1–2.

Прищепова В.А. Страницы истории Государственного музейного фонда // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1995. Вып. 7. С. 217–223.

Равикович Д.А. Организация музейного дела в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1968. Вып. 4.

Сказание о Ёсицунэ / пер. со старояп. А. Стругацкого. М., 1984.

Успенский М.В. Гравюра школы Осака середины XIX в. // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1993. Вып. 2–3. С. 270.

Успенский М.В. Нэцке. Л., 1986.

Успенский М.В. Куниёси и его время. Японская гравюра XIX века школы Утагава: каталог выставки. СПб., 1997.

Шеголева А.В. Скрамное обаяние тэнгу // Кюнеровские чтения: тез. докл. 1995–1997. СПб., 1998.

Clark T. Ukiyo-e Paintings in the British Museum. Washington, 1992.

Japan. An Illustrated Encyclopedia. Tokyo, 1993.

Leiter S. New Kabuki Encyclopedia. A Revised Adaptation of Kabuki jiten. Westport, 1997.

Robinson B.W. Kuniyoshi. L., 1961. P. 180.

Robinson B.W. Kuniyoshi. The Warrior Prints. N.Y., 1982.

Shuzaburo Hironaga. The Bunraku Handbook. Tokyo, 1976.

The Taiheiki. A Chronicle of Medieval Japan. N.Y., 1959.

Книга описей по отделу культурных стран Азии (ныне — отдел ВЮБА). Т. 1.

Подписи к иллюстрациям на CD

Рис. 1. Пластина с изображением Минамото Тамэтомо на о. О:сима. МАЭ. Колл. № 2932-18.

Рис. 2. Оборот пластины с изображением Минамото Тамэтомо. МАЭ. Колл. № 2932-18.

Рис. 3. Утагава Куниёси. Триптих «Тамэтомо-но юми-но икиои-но дзу» («Изображение мощи лука Тамэтомо»). Гравюра укиё-э. МАЭ. Колл. № 1215-5b.

Рис. 4. Пластина с изображением Усивакамару, который получает трактат по искусству военной тактики от бога с горы Курама, провинция Ямасиро. МАЭ. Колл. № 2932-22.

Рис. 4-1. Оборот пластины. МАЭ. Колл. № 2932-22.

Рис. 5. Пластина с изображением Бэнкэя и Усивакамару на мосту Годзё:дзи. МАЭ. Колл. № 2932-19.

Рис. 5-1. Оборот пластины. МАЭ. Колл. № 2932-19.

Рис. 6. Пластина с изображением сцены сражения Онивака-мару с гигантским карпом. МАЭ. Колл. № 2932-23.

Рис. 6-1. Оборот пластины. МАЭ. Колл. № 2932-23.

Рис. 7. Пластина с изображением сцены сражения Онивака-мару с гигантским карпом. МАЭ. Колл. № 2932-27.

Рис. 7-1. Оборот пластины. МАЭ. Колл. № 2932-27.

Рис. 8. Пластина с изображением Сато: Таданобу, отбивающегося от врагов доской для шашек го. МАЭ. Колл. № 2932-26.

Рис. 8-1. Оборот пластины. МАЭ. Колл. № 2932-26.

Рис. 9. Пластина с изображением самурая Хасэбэ Нобуцура, спасающего любимую флейту принца Мотихито. МАЭ. Колл. № 2932-43.

Рис. 9-1. Оборот пластины. МАЭ. Колл. № 2932-43.

Рис. 10. Пластина с изображением самурая Госё:но Горо:мару, захватывающего в плен юного Сога-но Горо: Токимунэ. МАЭ. Колл. № 2932-28.

Рис. 10-1. Оборот пластины. МАЭ. Колл. № 2932-28.

Рис. 11. Пластина с изображением самурая Нитта-но Сиро: Тадацунэ и божества горы Фудзи. МАЭ. Колл. № 2932-24.

Рис. 11-1. Оборот пластины. МАЭ. Колл. № 2932-24.

Рис. 12. Пластина с изображением полководца Нитта Ёсисада, жертвующего свой меч морским драконам. МАЭ. Колл. № 2932-41.

Рис. 12-1. Оборот пластины. МАЭ. Колл. № 2932-41.

Рис. 13. Фарфоровая тарелка (мастерские Кутани, мастер Танигути) с изображением полководца Нитта Ёсисада, жертвующего меч драконам. МАЭ. Колл. № 2645-100.

Рис. 14. Пластина с изображением самурая Оки-но Дзиро:дзаэмон Хироари, убивающего птицу-демона. МАЭ. Колл. № 2932-42.

Рис. 14-1. Оборот пластины. МАЭ. Колл. № 2932-42.

Рис. 15. Пластина с изображением полководца Акэти Саманосукэ Мицухару, переплывающего озеро Бива. МАЭ. Колл. № 2932-39.

Рис. 15-1. Оборот пластины. МАЭ. Колл. № 2932-39.

Рис. 16. Пластина с изображением Мэндзю Иэтэру, защищающего знамя полководца Сибата Кацуиэ. МАЭ. Колл. № 2932-21.

Рис. 16-1. Оборот пластины. МАЭ. Колл. № 2932-21.

Рис. 17. Пластина с изображением Сакаи Сээмон-но ками Тадацугу в битве при Мика-тагахара. МАЭ. Колл. № 2932-25.

Рис. 17-1. Оборот пластины. МАЭ. Колл. № 2932-25.

Рис. 18. Пластина с изображением Тайра Корэмоти и женщины-демона. МАЭ. Колл. № 2932-20.

Рис. 18-1. Оборот пластины. МАЭ. Колл. № 2932-20.

Рис. 19. Пластина с изображением Фудзивара Хидэсато и божества озера Бива. МАЭ. Колл. № 2932-29.

Рис. 19-1. Оборот пластины. МАЭ. Колл. № 2932-29.

Рис. 20. Пластина с изображением сцены разоблачения лисы-оборотня Тамамо-но Маэ. МАЭ. Колл. № 2932-40.

Рис. 20-1. Оборот пластины. МАЭ. Колл. № 2932-40.

Рис. 21. Пластина с изображением императора-воина, совершающего обряд куними. МАЭ. Колл. № 2932-44.

Рис. 21-1. Оборот пластины. МАЭ. Колл. № 2932-44.

П.В. Рудь

Китайские настольные экраны из Особой кладовой Музея антропологии и этнографии

В Особой кладовой Музея антропологии и этнографии хранится одиннадцать настольных экранов слоновой кости. Каждый предмет представляет собой небольшую резную подставку и крепящуюся на ней дощечку прямоугольной формы с выгравированным изображением, с одной стороны, и с иероглифическим текстом — с другой. Все предметы примерно одинакового размера, резьба и орнамент выполнены в единой художественной манере. Подобные экраны ставились на столах и защищали пламя свечи от дуновений ветра (рис. 1).

Среди материалов к описи коллекции № 673 были обнаружены описания двух экранов, выполненных, судя по подписи, китаистом Степаном Васильевичем Липовцевым (ум. в 1841 г.). «Из дощечек сего рода, — пишет С.В. Липовцев, — составляются небольшие ширмы, поставляемые на широких китайских диванах, на которых они днем сидят, а ночью спят». Степан Липовцев отправился в Китай в составе 8-й духовной миссии в качестве ученика в 1794 г., после возвращения на родину в 1808 г. был назначен переводчиком с маньчжурского и китайского языков Азиатского департамента и оставался в этой должности до самой смерти. Скорее всего описания предметов были составлены С.В. Липовцевым, когда он вместе П.И. Каменским привлекался на службу в Академию наук для составления каталога китайских и японских книг¹.

Изучение изображений и надписей на настольных экранах без труда позволяет нам атрибутировать запечатленные на них фигуры: это персонажи китайского классического романа «Речные заводи», написанного Ши Най-анем (施耐庵, 1296—1370) в XIV в. Роман повествует об истории восстания, вспыхнувшего в Китае в конце династии Северная Сун (960—1127) и о формировании лагеря повстанцев на горе Ляншаньбо, а также о приключениях собрав-

¹ О С.В. Липовцеве подробнее см.: [История отечественного востоковедения... 1990: 270—271; Скачков 1977: 132—134].

Рис. 1. Настольный экран. Китай (МАЭ. Колл. № 673-148/11)

шихся там благородных разбойников². Наряду с другими классическими произведениями, такими как «Троецарствие» (XIV в.), «Путешествие на запад» (XVI в.) и «Сон в красном тереме» (XVIII в.), роман «Речные заводы» оказал значительное влияние на различные формы художественной культуры Китая. На волне популярности романа в период Мин изображения отдельных персонажей и сюжетных сцен из «Речных заводов» стали появляться на изделиях из фарфора и на шелке, на декоративных панно, веерах, шкатулках и календарях, и резные экраны из собрания МАЭ являются еще одним подтверждением того, как такую незатейливую бытовую вещь китайским мастерам удавалось превратить в настоящее произведение искусства.

Резьба выполнена по гравюрам минского художника Чэнь Хун-шоу (陳洪授, 1598–1652). Чэнь Хун-шоу родился в 25-ый год правления минского императора Шэнь-цзуна (神宗, 1563–1619, на троне 1573–1619) в провинции Чжэцзян, получил хорошее образование и с малых лет проявлял талант к искусствам. В надежде посвятить жизнь государственной службе в двадцать лет Чэнь Хун-шоу сдает государственные экзамены и получает низшую ученую степень «сюцай». За свою жизнь художник дважды побывал в Пекине с целью сдачи столичных экзаменов, но оба раза потерпел неудачу. Однако в столице минской империи ему удалось обратить на себя внимание императора Сы-цзуна (思宗, 1611–1644, на троне 1628–1644), и будущий мастер был зачислен в главное учебное заведение страны — Академию Гоцзыцзянь [Хуан Юн-цюань 1958: 2–15]. Последнее десятилетие жизни Чэнь Хун-шоу пришлось на смутное время, когда китайская династия Мин была низвержена маньчжурами, и власть в стране перешла в руки захватчиков, основавших последнюю в истории Китая императорскую династию Цин (1644–1911). Будучи натурой творческой, Чэнь Хун-шоу очень сильно переживал падение минской династии, поэтому многие произведения художника возвращают зрителя во времена расцвета страны, рассказывают о былых героях Поднебесной.

Имя Чэнь Хун-шоу как художника тесно связано с расцветом гравюры в период минской династии. Секрет его популярности кроется в художественной манере: кисти присущи четкость и простота линий, что сделало работы художника идеальным оригиналом для вырезания гравюр. За свою жизнь Чэнь Хун-шоу нарисовал по меньшей мере три разных по форме исполнения варианта изображений героев Ляншаньбо. Самый известный — «литературные» карты — «шуйху ецзы» (水滸葉子), на создание которых у художника ушло около четырех месяцев и где каждое изображение снабжено стихотворной надписью, рассказывающей о характере, умениях и судьбе героя. Современный китайский исследователь Хуан Юн-цюань пишет о том, что мастер выполнил гравюры для оказания материальной помощи одной бедной семье из восьми человек [Там же: 40–41]. Обычно игра в «литературные» карты проходила следующим образом: стихотворные строки задают рифму, а игроки должны придумать свои стихи, упомянув выпавшего им литературного героя. Кто не смог придумать четверостишие или сделал это неудачно — проиграл и выпивает чарку вина, а затем игра продолжается.

² До нашего времени дошло также множество редакций-продолжений этого сочинения, наиболее популярной из них является версия известного филолога и комментатора минского периода (1368–1644) Цзинь Шэн-таня (金聖嘆, 1608–1661). См.: [Кравцова 2004: 455–456].

У хранящихся в МАЭ настольных экранов примечательная музейная судьба. Согласно новой описи, составленной в 1978–1979 гг., вещи, в числе которых были и экраны, поступили в музей в период с 1827 по 1837 г. из Азиатского музея. Впоследствии переданные из Азиатского музея китайские предметы были оформлены в две коллекции (№ 671 и № 673), и это, пожалуй, наиболее сложные и в то же время интересные коллекции китайского собрания музея.

Китайские вещи начали поступать в Кунсткамеру с первых лет ее существования — предметы, доставленные в Петербург Л.В. Измайловым (1685–1738) и Д.Г. Мессершмидтом (1685–1735), а также кабинет Якова Брюса (1670–1735), который собиратель завещал Кунсткамере. Пожар, вспыхнувший в музее 5 декабря 1747 г., нанес огромный урон этнографическим коллекциям и в первую очередь китайским. Для того чтобы оценить реальные размеры бедствия, сотрудникам музея было поручено составить списки утраченных и попорченных вещей. Такой перечень, составленный ассессором и унтер-библиотекарем Иваном Таубертом (1717–1771), был передан в канцелярию Академии наук в 1748 г. [ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 2247].

Задание по восполнению китайских коллекций было дано лекарю Францу Луке Елачичу (даты жизни неизвестны), который направлялся в Пекин с торговым караваном. Ф.Л. Елачич получил строгие указания относительно поездки и вещей необходимых музею. В архиве Академии наук в Санкт-Петербурге хранится «Дело об отправлении академического лекаря Франца Луки Елачича в Китайское царство», в котором подобрана вся документация относительно этого события, а на листах 137–147 приведен нумерованный список «привезенных книг и вещей» [Там же. Оп. 2. № 808. Л. 137–147], всего 273 наименования. Три года раньше в Кунсткамеру было передано собрание вице-губернатора Иркутска Лоренца Ланга (1690-е — 1752) [Там же. Оп. 1. № 2243. Л. 26 об. — 27 об.]. Л. Ланг побывал в Китае шесть раз, исполняя дипломатические миссии и решая вопросы, касающиеся русско-китайской торговли и пограничных споров между государствами, он несколько лет прожил в Пекине в качестве торгового агента, а также покупал диковинные предметы для Петергофского дворца. В 90-х годах XVIII в. коллекция музея была пополнена еще одним собранием так называемой «Малой Кунсткамеры» Петра III из Ораниенбаума. Примерный список этих вещей также можно найти среди архивных документов Академии наук [ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1826, № 2. Л. 183–188].

Азиатский музей, откуда поступили костяные экраны, был основан в 1818 г. в процессе разделения Кунсткамеры на специализированные учреждения. Сюда были переданы все предметы, относящиеся к азиатскому региону. Фонды Азиатского музея активно пополнялись новыми собраниями. В 1836 г. «Уставом и штатом императорской Санктпетербургской Академии наук» был окончательно закреплён статус семи Академических музеев [Станюкович 1953: 222], и тогда часть коллекций была передана в Этнографический музей, на базе которого в 1879 г. образовался Музей антропологии и этнографии Академии наук. Таким образом, по причине многократных передач и реорганизаций вычленив из общей массы предметов коллекций № 671 и № 673 отдельные собрания, поступавшие в музей в течение столь длительного периода времени, крайне сложно, а порой и невозможно вообще. Работа в этой области ведется уже более полувека. Благодаря архивным материалам, музейным спискам и

сохранившимся номерам на экспонатах сотрудникам МАЭ удалось выделить целый ряд предметов, которые относятся к разным собраниям конца XVIII в.³

Помимо архивных материалов, которые представлены выше упомянутыми делами и списками, огромное значение для научно-исследовательской работы имеют сами предметы и сохранившиеся на них этикетки с номерами. На описываемых экранах сохранилось несколько типов этикеток, и каждая относится к разным периодам жизни музея, для полного отождествления которых необходимо расположить этикетки по времени их создания и сопоставить номера с найденными в архиве списками и каталогами. В результате такой работы были получены следующие результаты.

Начать хотелось бы с современных номеров, о которых в настоящее время мы располагаем самой полной информацией, это номера 673-148/11. Они были присвоены костяным экранам в начале XX в., когда создавались музейные описи. В то время номера наносились на поверхность музейных предметов красной краской — в нашем случае на подставки экранов (см. CD, рис. 14); при последующей перерегистрации были дописаны номера и на самих экранах, уже черной тушью, а в сохранившиеся к перерегистрации номера на подставках были внесены необходимые исправления — присвоены номера каждой подставке и пластине в отдельности (1a, 1b, 2a, 2b, 3a, 3b...). Однако же на трех экранах, переданных на экспонирование в Летний дворец Петра I, такие номера, написанные черной тушью, отсутствуют, что объясняется передачей этих экранов вместе с подставками во дворец в 1950-х годах, тогда как последняя опись была составлена в 1978—1979 гг. и в это время данные экраны считались утерянными.

На пластинах трех из одиннадцати экранов были обнаружены три однотипные этикетки, представляющие собой прямоугольные куски бумаги, ориентированные по вертикали, с двузначными номерами 65 (673-148/11-1a; 673-148/11-5a) и 69 (673-148/11-4a). В процессе осмотра экрана № 673-148/11-4a оказалось, что под этикеткой с номером 69 имеется еще одна, предположительно с номером 65. Работы по снятию номера, проведенные заведующей лабораторией реставрации и консервации МАЭ О.В. Жмур, подтвердили эту догадку. «Этикетку 69» (рис. 2) можно соотнести с описью Азиатского музея, в котором под номером 69 статьи IX значатся «11 дощечек из слоновой кости на резных педестальцах с фигурами и китайскими литерами» [МАЭ РАН. Опись коллекции № 673. Опись Азиатского музея. Л. 15]. Такого описания вполне достаточно, чтобы понять, что речь идет именно об этих экранах. Среди материалов описи сохранились также этикетки Азиатского музея, расположенные в порядке номеров описи коллекции № 673 с соответствующими пометками. Здесь указан номер Азиатского музея IX.69. и порядковый номер коллекции 673 — 148/11. На пяти из одиннадцати экранов имеется также рукописный номер Азиатского музея 69 и буква латинского алфавита, указывающая на комплектность экранов (рис. 3). Вероятно, эти номера были подписаны С. Липовцевым, так как номера на пластинах, включая наличие и последовательность латинских букв, совпадают с составленным им описанием нескольких экранов, найденным в материалах к описи.

³ См. работы: [Ксенофонтова, Решетов 1980: 114—134; Мыльников, Радзюн, Суслова 2000: 34—51].

Рис. 2. Фрагмент пластины от настольного экрана с номерной этикеткой «69»

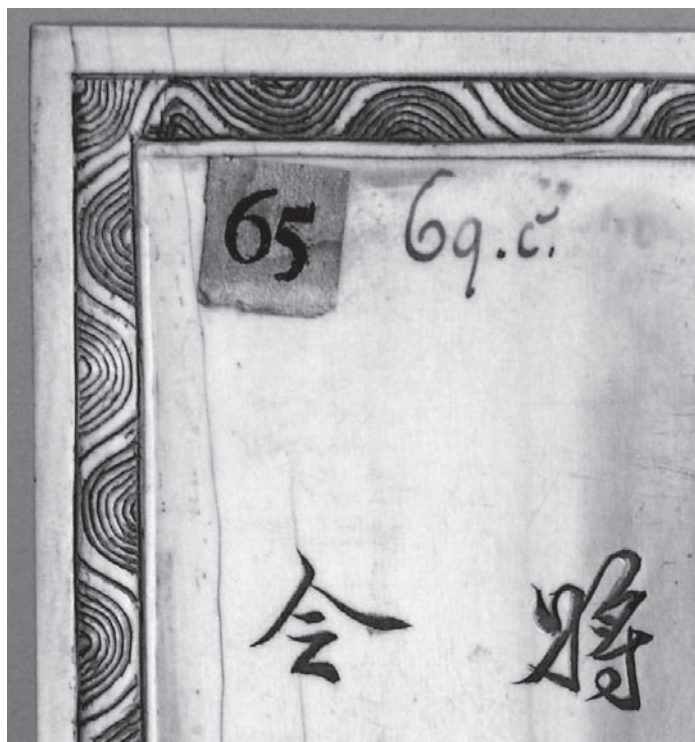

Рис. 3. Фрагмент пластины от настольного экрана с номерной этикеткой «65»
и рукописным номером «69с»

Если с номером 69 особых проблем не было, так как бумажные этикетки Азиатского музея сохранились на многих предметах коллекции, то «этикетка 65» (рис. 3) некоторое время оставалась загадкой. Тот факт, что «69» была наклеена поверх «65», решает вопрос первичности, и можно сделать вывод, что изначально все экраны имели номер 65, и номер этот не относится к описи Азиатского музея. Обращение к архивным материалам, а именно — к общемузейным спискам предметов второй половины XVIII в., с точки зрения идентификации этикетки с номером 65 выявило следующий документ: «Каталог находящимся в Императорской Кунсткамере всяким художественным и редким вещам вновь ревизованной в 1768 году». Сверху над годом 1768 имеется подпись: «нрзб. от 1792», далее мелким почерком: «ревизованной июня дня 1770 году нижеподписавшимся», и подпись: «Семен Котельников». Предметы в данном каталоге располагаются по рубрикам, почти полностью совпадающим со статьями каталога Азиатского музея, расхождение в нумерации начинается с номера 33 и составляет четыре позиции. Причиной этому послужила разница в пересчете отдельных предметов и групп предметов, поэтому «12 дощечек из слоновой кости на резных педестальцах с фигурами и китайскими литерами» расположились в данном каталоге под номером 65, а не под номером 69. Приведенная выше надпись на титульном листе и пометки в основном тексте каталога позволяют сделать вывод, что он неоднократно использовался для сверки наличия предметов, хранящихся в Кунсткамере, а значит, возможно, что предметы располагаются в нем под музейными номерами. Таким образом, «этикетка 65» совпадает с данными вышеупомянутого каталога и является музейным номером предмета.

Единственным отличием описи и каталога при полном совпадении описания является количество предметов: в каталоге значится уже не одиннадцать, а двенадцать экранов. В коллекцию Кунсткамеры действительно поступили двенадцать экранов, о чем свидетельствует и наличие двенадцатой подставки в особой кладовой. К сожалению, пластина с изображением была утрачена еще до начала XX в., и опись Азиатского музея служит тому подтверждением. Конечно, хотелось бы убедиться в данном предположении, сравнив сохранившиеся номера на других предметах коллекции, но сделать этого пока не удалось.

Что касается собирателя и истории собирания экспонатов, то прояснить эту ситуацию позволяет еще один тип номера, который можно обнаружить на многих предметах коллекции. Применительно к интересующим нас экранам это небольшая прямоугольная бумажная этикетка с рукописным номером № 266 (рис. 4). Ко времени составления каталога 1768 г. в составе Кунсткамеры уже находились вещи Л. Ланга и вещи, привезенные лекарем Ф.Л. Елачиным. Сюда не вошла коллекция Петра III из Ораниенбаума, переданная в музей в 1792 г. по указу Екатерины II, поэтому дальнейшая наша работа осуществлялась над материалами по собраниям Л. Ланга и Ф.Л. Елачица.

Сначала в архиве удалось обнаружить нумерованный список предметов, в котором перечислены «Инструменты и художественные вещи в императорской Кунсткамере в башне и на галерее в третьем апартаменте расположенные». В конце книги сказано, что вещи были приняты у помощника Осипа Петрова студентом Осипом Сумароковым в 1767 г. [ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 2243. Л. 41]. Особый интерес здесь представляют списки вещей, поступивших в Кунсткамеру после 1748 г., перечисленные на восьми листах. Сюда во-

Рис. 4. Фрагмент пластины от настольного экрана с номерной этикеткой «№ 266»

шли монгольские и калмыкские вещи, купленные у профессора Миллера (1705—1783), предметы, переданные наследником вице-губернатора Иркутска Л. Ланга в 1754 г., а также реестр вещей и книг, которые появились в Кунсткамере после возвращения Ф.Л. Елачица из Пекина. В результате анализа текста в списке предметов, привезенных академическим лекарем, было обнаружено «12 дощечек из слоновой кости на резных педестальцах с фигурами и литерами». Данный документ указывает на собирателя, но он ничего не может рассказать о номере, сохранившемся на предмете. Интересен еще один перечень вещей, содержащийся в «Деле об отправлении лекаря Елачица в Китайское царство». В статье «Вещи из мягкого разноцветного Китайского камня» под пунктом 266 можно обнаружить «Двенадцать дощечек из слоновой кости на резных педестальцах с фигурами и литерами» [Там же. Оп. 1. № 808. Л. 146 об.].

Подобные номера сохранились еще на нескольких вещах коллекции № 673. Например, предмет 673-241 — по новой описи за этим номером значится фигурка, которая изображает «китайского бога долголетия Шоу-синя», сидящего на низкой скамье. На дне вещи имеется номер указанного типа — № 237. В списке вещей Елачица ему соответствует следующее описание: «Идол на черной кровати сидящий» [Там же. Л. 145 об.]. Или, например, номер 673-107, который, согласно описи, представляет собой каменную чашку черного цвета округлой формы с двумя ручками. На нем сохранились две старых этикетки и одна из них относится к последнему типу — № 263. Под этим номером в списке вещей Елачица значится «Чашечка с двумя рукоятками из черной яшмы прозрачная гладкая» [Там же. Л. 146 об.]. Описание это весьма относительное, но его дополняет тот факт, что принадлежность этих предметов к списку ве-

щей, привезенных Ф.Л. Елачиным, уже была определена ранее Р.А. Ксенофоновой (1923–2000) и А.М. Решетовым (1932–2009), которые работали над коллекциями, поступившими из Азиатского музея. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что это не простое совпадение: сохранившиеся на предметах номера являются отсылкой именно к реестру вещей, привезенных лекарем Францем Лукой Елачиным из Пекина.

Интересно, что до пожара в Петербургской Кунсткамере уже имелись подобные предметы. Наше внимание с самого начала привлекли рисунки старых коллекций Музея из академического архива, среди которых имеются изображения двух экранов. М.Л. Меньшикова в комментариях к изданию «“Нарисованный музей” Петербургской Академии наук 1725–1760 гг.» пишет, что экраны относились к кабинету редкостей Якова Брюса. В реестре вещей Брюса действительно имеется несколько наименований, которые можно отнести к интересующим нас предметам. Это «тынок китайский резной, что ставятся на столах, выдвижной в трех штуках, тынок китайский резной в одинаких шести штуках», вдобавок «к ним фигуры на листах китайских»; кроме того, в разделе «картины и шелдереи» можно обнаружить «две стенки костяные прорезные с китайской подписью». Всего получается одиннадцать предметов. Однако если внимательно посмотреть на рисунки из «Нарисованного музея», то экраны на них несколько отличаются от имеющихся в коллекции МАЭ. В одном из каталогов архива РАН среди погибших во время пожара 1747 г. вещей, упоминаются «две дощечки, употребляемые при свете, чтобы глаза не портились, на боках со сквозными фигурами». Более того, копии рисунков этих экранов были выполнены для каталога, данного Ф.Л. Елачичу при отправлении его в Китай. Получается, что экраны из кабинета Я. Брюса погибли во время пожара, а лекарь Елачич, следуя указанию Академии наук привезти подобные предметы для восполнения утраченных коллекций, купил двенадцать настольных экранов с изображением персонажей романа «Речные заводы».

Так как внешний вид экранов, их декоративное оформление и размеры приблизительно одинаковы, в описании мы делаем упор на изображение и иероглифическую надпись, на то, как представлен тот или иной персонаж в романе и совпадает ли это с мнением художника Чэнь Хун-шоу.

Каждая подставка представляет собой две стойки на фигурных ножках, соединенных переключиной. Сверху стойки венчают сидящие небесные львы, они повернуты лицом друг к другу, и каждый лев одной лапой опирается на жемчужину. По бокам стойки украшают прорезные декоративные элементы в виде фениксов. Переключина также украшена резной пластиной с прорезным орнаментом: на ней изображены два коня, опирающиеся с разных сторон на гору. К пластине-переключине под острым углом прикреплены еще два элемента с прорезным растительным орнаментом. Стойки сделаны таким образом, чтобы в прорези можно было вставить пластину с изображением (рис. 5).

Пластина представляет собой цельный кусок слоновой кости. С одной стороны в центре пластины выгравирован персонаж, с другой — иероглифическая надпись. По периметру пластины имеется рамка в виде волны темно-зеленого цвета со стороны изображения и стилизованного растительного орнамента, тонированного в красно-коричневый цвет, со стороны иероглифики (CD, рис.6, 6-1).

На экране под номером 673-148/11-1 а, б изображен полководец Хуань Чжо. Облаченный в военные доспехи, он стоит лицом к зрителю, поверх наки-

нут плащ, на поясе висит меч. Роман повествует о нем как о человеке, обладающем невероятной храбростью, прекрасно владеющем оружием — плетками, о чем говорит и его прозвище «Хуань Чжо С двумя плетками» [Ши Най-ань 1992, 2: 347–348]. Надпись на обратной стороне экрана гласит:

Полководец Хуань Чжо.
Как и дед его когда-то,
Верно служит государству.

双鞭呼延灼
将门之子
执鞭令史

Номера: этикетка с номером 65 на иероглифической стороне пластины, рукописный номер Азиатского музея «69.с.» (там же), а также номера 673-148/11 и 673-148/11-1b (один поверх другого) на торце подставки (см. CD, рис. 6, 6-1).

Следующий предмет (673-148/11-2 а, b) рассказывает нам еще об одном герое лагеря Ляншаньбо — доблестном Со Чао. «Вспыльчивый и всегда готовый взорваться, как порох, брошенный в огонь, он отстаивал честь своей родины в сражениях и был в первых рядах бойцов. Этими качествами он заслужил прозвище “Неудержимый” (цит. по: [Ши Най-ань 1992, 1: 187]).

Рис. 5. Общий вид подставки настольного экрана (МАЭ. Колл. № 673-148/11)

Художник изобразил Со Чао в профиль, с гордо поднятой головой: на нем пластинчатые военные доспехи, на голове убор с украшением в виде топора и головы невиданного существа.

Стремящийся вперед Со Чао.
Войско императорское возглавляет,
Кару небесную исполнять повелевает.

急先鋒索超
仗斧鉞
將天罰

Номера: на торце подставки имеется номер 673-148/11-2b (CD, рис. 7, 7-1).

На экране под номером 673-148/11-3 а, b, одном из описанных С. Липовцевым, изображен полководец Дун Пин в военных доспехах, на поясе висит меч. Дун Пин в задумчивости смотрит в раскрытую книгу, которую держит на руке. Возможно, таким образом художник хотел рассказать о мудрости и храбрости героя — тех качествах, которыми его наделяет и автор романа. Интересен художественный перевод текста на обратной стороне экрана, выполненный С. Липовцевым.

«Лишь только размахнется (?);
то крепкий город распадется и камни разлетят-
ся врозь» [МАЭ РАН. Опись коллекции № 673.
К описи Азиатского музея. Л. 44, 42—42 об.].

双枪將董平
一笑傾城
風流萬戶侯董平

Номера: № 266 на иероглифической стороне пластины, рукописный номер Азиатского музея «69.в.» (там же), 673-148/11 и 673-148/11-3b (один поверх другого) на торце подставки, 673-148/11-3а на пластине со стороны иероглифики (CD, рис. 8, 8-1).

Следующий персонаж — Лэй Хэн по прозвищу «Крылатый тигр» (673-148/11-4 а, b). На пластине изображен немолодой мужчина вполборота, одетый в длинный халат с меховой поясной накидкой, в руке держит длинную палку. Изображение на экране очень отличается от того, что мы видим в романе, где рассказывается о человеке ростом в семь с половиной чи⁴, с небольшой бородой. Он отличался недюжинной силой и мог перепрыгнуть поток до трех чжанов⁵ [Ши Най-ань 1992, 1: 193]. И надпись на другой стороне экрана, скорее, соответствует повествованию произведения.

Крылатый тигр Лэй Хэн.
Отважен и в бою свиреп.
Лишь мать, отец окажутся в беде,
Опорой будут верные друзья.

差翅虎雷橫
好勇鬥狠
以危父母
賴茲良友

Номера: № 266 на иероглифической стороне пластины, «этикетка 65» под «этикеткой 69» со стороны изображения, рукописный номер Азиатского музея «69.д.» (иероглифическая сторона), 673-148/11 и 673-148/11-4b (один поверх другого) на торце подставки, 673-148/11-4а на пластине со стороны иероглифики (CD, рис. 9, 9-1).

⁴ Чи — мера длины равная примерно тридцати сантиметрам.

⁵ Один чжан — мера длины равная примерно трем метрам.

673-148/11-5 а, b. С одной стороны пластины мы видим бородатого мужчину в простом одеянии, с вилами, на которые насажена туша убитого животного. Это охотник Се Чжэнь по прозвищу «Двуглавая змея». Согласно роману, у него был старший брат по имени Се Бао по прозвищу Двухвостый скорпион, вместе они были признаны лучшими охотниками во всей округе [Ши Най-ань 1992, 2: 250–251]. На другой стороне подпись, которая, следует отметить, относится к судьбе обоих братьев.

Двуглавая змея Се Чжэнь.
Шел рука об руку с братом по жизни,
Правому делу служили, но погубили их.

兩頭蛇解珍
赴義而斃
提攜厥弟

Номера: «этикетка 65» со стороны изображения, 673-148/11 и 673-148/11-5b (один поверх другого) на торце подставки, 673-148/11-5а на пластине со стороны иероглифики (CD, рис. 10, 10-1).

673-148/11-6 а, b. Изображен Красавец-бородач Чжу Тун с ребенком. Текст на обратной стороне гласит:

Красавец-бородач Чжу Тун.
Сыновнему долгу себя посвятил,
Но в опалу попал и безвинно клеймен.

美髯朱仝
許身是孝子
黥面不爲耻

Чжу Тун происходил из богатой семьи, поэтому художник изобразил его в чиновничьем одеянии. На шее у героя сидит мальчик — сын начальника уезда, за ним приглядывал Чжу Тун, находясь в ссылке.

Номера: 673-148/11 и 673-148/11-6b (один поверх другого) на торце подставки, 673-148/11-6а на пластине со стороны иероглифики (CD, рис. 11, 11-1).

673-148/11-7ab. На экране мы видим один из женских персонажей романа — Ху Сань-нян, она изображена в женском платье, с богатыми украшениями, что абсолютно не подходит под описание из романа, где героиня предстает перед нами в образе грозной воительницы по прозвищу «Зеленая в один чжан длиной» [Там же: 242–248]. Но надпись на обратной стороне вновь расставляет все на свои места:

Зеленая-в-один-чжан Ху Сань-нян.
Мчится на лошади белой в юбке красной.
Одна, женщина-воин, войска героев стоящая.

一丈青扈三娘
挑花馬上石榴裙錦
撒英雄娘子軍

Номера: 673-148/11 и 673-148/11-7b (один поверх другого) на торце подставки, 673-148/11-7а на пластине со стороны иероглифики (CD, рис. 12, 12-1).

673-148/11-8 а, b. Монах Лу Чжи-шэнь, опирающийся на массивный посох. На обратной стороне подпись:

Татуированный монах Лу Чжи-шэнь.
В драке хорош почтенный монах,
Тьму человек убьет он за раз.

花和尚魯智深
老僧好殺
晝夜一百八

С.В. Липовцев пишет, что «вторая строка означает заглавие статьи романа, в котором описываются подвиги сего монаха, сделавшегося мятежником, а по-сему сказано в заглавии: старый монах дышит убийством (подчеркнуто С. Липовцевым)» [МАЭ РАН. Опись коллекции 673. К описи Азиатского музея. Л. 42]. Налицо отрицательное отношение ученого к данному персонажу, тем не менее в стихотворных строках (да и в самом романе) авторы относятся с почтением к способностям героя.

Номера: рукописный номер Азиатского музея «69.а.» на иероглифической стороне пластины, 673-148/11 и 673-148/11-8b (один поверх другого) на торце подставки, 673-148/11-8а на пластине со стороны иероглифики (CD, рис. 13, 13-1).

Пластина от экрана под номером 673-148/11-9а утрачена, в коллекции имеется только подставка с номером 673-148/11-9b (CD, рис. 14).

Номера оставшихся трех экранов определить не удалось, так как на подставках указан только общий номер предмета коллекции — № 673-148/11.

Линь Чун Барсоголовый изображен в гражданском платье с богатыми узорами. Он запечатлен оборачивающимся назад и выхватывающим меч из ножен. Роман рассказывает о нем как о доблестном наставнике по фехтованию восьмидесяти тысяч войска. Во владении мечом в Поднебесной ему не было равных, но обстоятельства заставили его прийти в лагерь разбойников на гору Ляншаньбо.

Линь Чун Барсоголовый.
Тело красота не сохранит,
Самое совершенное орудие
не сделает мастером.

豹子頭林冲
美色不可以保身
利器不可以示人

Номера: № 266 на иероглифической стороне пластины, рукописный номер Азиатского музея «69.е.» (там же), 673-148/11 на торце подставки (CD, рис. 15, 15-1).

Ши Цзинь изображен в момент прыжка, спиной к зрителю. Верхняя часть его туловища оголена, тело покрывают татуировки в виде драконов, поэтому в народе его прозвали Ши Цзинь Девятидраконовый. С детства проявляя большой интерес к боевым искусствам, он прекрасно овладел боевой секирой, молотом, луком, самострелом, пищалью, плетью, нагайкой, цепями, клинком, секирой, большим и малым боевыми топорами, трезубцем, щитом, палицей, пикой и боевыми граблями [Ши Най-ань 1992, 1: 34]. На обратной стороне пластины написано:

Ши Цзинь Девятидраконовый.
Казнить хотели многих благодетелей,
Но я один таланты в них узрел.

九紋龍史進
眾人皆欲殺
吾意獨憐才

Номера: рукописный номер Азиатского музея «69.f.» на пластине со стороны иероглифики, 673-148/11 на торце подставки (CD, рис. 16, 16-1).

На последнем экране изображен военачальник Ян Чжи по прозвищу «Черномордый зверь» в полном доспехе с луком на поясе. Этот герой олицетворяет

собой верность государству и императорской власти. Будучи потомком трех поколений военачальников, долгое время он сопротивлялся судьбе и пытался найти себе место на службе в столице, но в конце концов присоединился к лагерю Ляншаньбо.

Черномордый зверь Ян Чжи
Своим желаниям не поддался,
Он перенял характер от отца.

青面兽楊志
玩好不入
安用世及

Номера: № 673-148/11 на торце подставки (CD, рис. 17, 17-1).

Настольные экраны из Особой кладовой МАЭ — старейшие предметы в китайском собрании музея. Приобретенные в Пекине в период цинской династии (1644–1911), они раскрывают нам страницы и других периодов китайской истории. Так, изображения на пластинах рассказывают о временах династии Северная Сун (960–1127), а тексты являют собой образцы поэтического творчества минского периода (1368–1644). В статье осуществлена попытка собрать как можно больше информации об интересующих нас экранах, атрибутировать изображения и перевести надписи. В результате проделанной работы был установлен также собиратель описанных предметов и идентифицированы сохранившиеся на них номера, но осталось и немало вопросов, дать ответы на которые поможет дальнейшее изучение предметов коллекций № 673 и № 671.

Библиография

Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.

Беляев О. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800.

История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990.

Корсун С.А. Музейные этикетки и проблемы атрибуции предметов из старинных коллекций МАЭ // Культура и быт Австронезийских народов. (Сборник МАЭ. Т. LIII). СПб., 2005. С. 104–130.

Кравцова М.Е. Хрестоматия по литературе Китая. СПб., 2004.

Ксенофонтова Р.А., Решетов А.М. Китайские коллекции Петербургской Кунсткамеры в собрании МАЭ // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. (Сборник МАЭ. Т. XXXV). Л., 1980. С. 114–134.

Материалы по истории Императорской Академии наук. СПб., 1885–1895. Т. I–VII.

Меньшикова М.Л. Я.В. Брюс и его китайские коллекции // Петровское время в лицах / Государственный Эрмитаж. СПб., 2000.

Мыльников А.С., Радзюн А.Б., Суслова И.В. Ораниенбаумская Кунсткамера Петра III: К проблеме реконструкции инкорпорированных музейных собраний // 285 лет Петербургской Кунсткамеры. (Сборник МАЭ. Т. XLVIII). СПб., 2000. С. 34–51.

«Нарисованный музей» Петербургской Академии наук 1725–1760: В 2 т. СПб., 2003–2004.

Санкт-Петербург — Китай. Три века контактов. СПб., 2006.

Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.

Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953.

Шафрановская Т.К. Из истории китайских коллекций Кунсткамеры (Поездка Ф.-Л. Елачича в Китай в 1753–1756 гг.) // Культура народов Зарубежной Азии и Океании. (Сборник МАЭ. Т. XXV). Л., 1969. С. 5–28.

Ши Най-ань. Речные заводы / Пер. А.П. Рогачева: В 2 т. М., 1992.

Хуан Юн-цюань. Чэнь Хун-шоу. ([Художник] Чэнь Хун-шоу). Шанхай, 1958 (на китайском яз.).

Архивные документы

МАЭ РАН. Опись коллекции № 673. Опись Азиатского музея.

МАЭ РАН. Опись коллекции № 673. К описи Азиатского Музея. Отд. IX с. 5. Китайские вещи № 69.

ПФА РАН. Ф.2. Оп. 1-1826. № 2. Всемилоостивейше пожалованныя Академии наук из Ораниенбаумского дворца Кунсткамерныя вещи.

ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 2247. Ведомость о книгах и вещах, которые в Библиотеке и Кунсткамере сгорели, утратились и повреждены, включая Минеральный и раковинный кабинеты.

ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 2, № 808. Дело об отправлении лекаря Элачица в Китайское царство по резолюции АН.

ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 2243. Инструменты и художественные вещи в императорской Кунсткамере в башне и на галерее в третьем апартаменте расположенныя.

ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 2245. Каталог находящимся в императорской Кунсткамере всяким художественным вещам.

Подписи к иллюстрациям на CD

Рис. 6, 6-1. Настольный экран. Китай. МАЭ. Колл. № 673-148/11-1a, 2b.

Рис. 7, 7-1. Настольный экран. Китай. МАЭ. Колл. 673-148/11-1b, 2a.

Рис. 8, 8-1. Настольный экран. Китай. МАЭ. Колл. 673-148/11-3 a, b.

Рис. 9, 9-1. Настольный экран. Китай. МАЭ. Колл. 673-148/11-4 a, b.

Рис. 10, 10-1. Настольный экран. Китай. МАЭ. Колл. 673-148/11-5 a, b.

Рис. 11, 11-1. Настольный экран. Китай. МАЭ. Колл. 673-148/11-6 a, b.

Рис. 12, 12-1. Настольный экран. Китай. МАЭ. Колл. 673-148/11-7 a, b.

Рис. 13, 13-1. Настольный экран. Китай. МАЭ. Колл. 673-148/11-8 a, b.

Рис. 14. Подставка под пластину. Китай. МАЭ. Колл. 673-148/11-9b.

Рис. 15, 15-1. Настольный экран. Китай. МАЭ. Колл. 673-148/11.

Рис. 16, 16-1. Настольный экран. Китай. МАЭ. Колл. 673-148/11.

Рис. 17, 17-1. Настольный экран. Китай. МАЭ. Колл. 673-148/11.

А.М. Соколов

Японские гарды цуба в айнских коллекциях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН

Гарды мечей *цуба* появились на японском холодном оружии приблизительно в VI–VIII вв. как упор, предохранявший руки во время удара от соскальзывания на свой же клинок, а отчасти и как средство защиты от оружия противника. Кроме всего прочего гарда служила важным балансирующим элементом меча. Преобладающим материалом для изготовления гард был металл, реже — дерево или кожа. Размеры в среднем составляли 6–8 см (диаметр) и 4–5 мм (толщина). Основной техникой отделки были ковка и шлифовка. Поверхность гарды в центральной части имела отверстие для хвостовика клинка — *накаго-ана*, с небольшим полем вокруг — *сэнпадаи*. Когда стали появляться подписные *цуба*, то свои фамилии и место производства мастера наносили именно на *сэнпадаи*. Слева и справа от *сэнпадаи* могли размещаться отверстия для стилетов *кодзука-хицу-ана* и *когай-хицу-ана*. На ранних по времени гардах они либо вообще не делались, либо делались одинаковыми по форме — в виде полуовала. Затем стали появляться *хицу-ана* иных форм, и к концу периода Муромати (1333–1573 гг.) сложилась их окончательная форма — *кодзука-хицу-ана* — в виде полуовала, и *когай-хицу-ана* — в виде фигурного выреза (половина четырехлистника) [Искусство японских 1987: 16; Синицын 1999: 42; Скраливецкий 2006: 21]. Одно из отверстий могло отсутствовать или закрываться специальной «заглушкой». Как правило, два отверстия делались на гардах мечей *тати* (носились лезвием вниз на специальной перевязи), а одно отверстие — на гардах мечей *катана* или *вакидзаси* (затыкались за пояс лезвием вверх), которые получили распространение среди самураев в XIV в.

Старинные гарды японских мечей, применявшиеся в период Асука (538–710 гг.), изготавливались из меди или железа и имели яйцевидную форму, заостренную со стороны лезвия клинка. Поверхность таких гард украшалась трапезиевидными отверстиями и инкрустировалась драгоценными металлами [Баженов 2001: 20]. В эпоху Нара (710–794 гг.) распространение получили фигурные гарды *ситоги*, использовавшиеся в основном на парадных мечах, а позднее —

в эпоху Хэйан (794—1185 гг.) — и другие разновидности, не только железные, но и кожаные. Именно в эпоху Хэйан произошло становление традиционного японского меча с изогнутым однолезвийным клинком и оправой [Баженов 2001: 40]. С XVI в. детали оправы стали изготавливаться из медных сплавов.

Наиболее распространенной формой гард мечей были круглая (*мару-гата*), овальная (*нага-мару-гата*), четырехугольная (*каку-гата*), гарда в форме хризантемы (*кикука-гата*), крестообразная гарда с округлыми краями, имитирующая поперечный разрез дыни (*мокко*), а также гарда в форме цветка мальвы (*аои-гата*). Особую категорию составляли гарды кинжалов *танто*, носившихся в паре с мечами *тати*. От обычных гард они отличались меньшим размером — 4–5 см.

Первоначально оружие самураев ценилось прежде всего за качество клинка, декору же придавалось второстепенное значение. Поэтому с конца эпохи Хэйан, а также в эпоху Камакура (1185—1333 гг.) было изготовлено множество простых железных гард, без подписей. По мере того как происходило становление городов и укрепление позиций самурайства, стали возникать крупные ремесленные мастерские по производству оружия и оправы. Приблизительно с XIV в. искусство отделки гард выделилось в отдельную отрасль. Начиная со второй половины XV в. роль его значительно возросла, достигнув своего пика в эпоху Эдо (1603—1867 гг.) [Николаева 1972: 35]. Лишь с конца XVI в. некоторые гарды стали подписываться мастерами-изготовителями.

Развитие форм *цуба* и трансформация орнамента, наносившегося на них, происходили от простого к сложному. Вначале орнамент, выполнявший лишь вспомогательную функцию, состоял из простейшего ажурного узора. Он изготавливался в низком рельефе и мог дополняться несложной инкрустацией. Основным материалом при этом, как отмечалось выше, было железо. С XVI в. начали широко применяться различные методы обработки поверхности: перфорация и резьба — *сукаси*, инкрустация золотом или другими металлами с последующей полировкой поверхности — *хондзоган*, штриховка поверхности с втиранием в нее золота или серебра — *нуномэдзоган*, сочетание ажурного узора с рельефным изображением, выполнявшимся нередко отдельно и затем вставлявшимся в специальные гнезда — *такадзоган*, инкрустация короткими фрагментами проволоки, укрепленной спайкой и отполированной — *гомокудзоган*, гравировка в виде регулярно-высеченного узора — *исимэ*, обработка поверхности мелкой зернью — *нанако*, обработка резьбой в высоком рельефе — *такабори*, видовая резьба — *никуаибори*. Получил распространение декор из сочетания различных сплавов: сплав золота и серебра — *аокин*, сплав меди и золота — *сякудо*, сплав меди и серебра — *сибуси*, сплав меди, свинца, олова, серебра — *сибуити*. Гарда стала принимать причудливые геометрические формы. Наряду с этим и сюжетная сторона декора значительно расширилась, постепенно он начал занимать доминирующее положение [Николаева 1972: 36; Самарин 2004: 15]. В качестве сюжета за основу брались какие-либо природные мотивы (птицы, цветы), а также исторические и легендарные истории, в том числе из китайского фольклора. Следует отметить, что эволюция орнаментации во многом зависела от других видов искусства, в том числе живописи и каллиграфии [Николаева 1972: 35]. Резчики по металлу учились у живописцев передавать различные оттенки линии, благодаря чему контур изображения на *цуба* получался живой и особенно изысканный.

Во второй половине XV в. в Киото начал свою деятельность Юдзо Гото (1435—1512 гг.), ставший родоначальником целой династии мастеров, специализировавшихся на украшении мечей. В своих работах Гото и его преемники активно использовали сплав *сякудо*, золотые рельефные изображения на зерненном фоне [Японская цуба: таинство сюжета <http://www.antiq.info>]. Приблизительно в XVII в. здесь же развернула деятельность другая известная школа — Сёами, основателем которой считается Масанори. Излюбленными методами последователей Сёами стали инкрустация золотом и великолепная резьба. В начале периода Эдо мастера Сёами расселились в разных концах Японии, что послужило причиной возникновения большого количества региональных стилей и школ [Хорев 2003: 198; Gunsauls 1923: 57].

Помимо Киото ведущим центром по изготовлению *цуба* была провинция Овари. До настоящего времени сохранилось большое количество безымянных великолепных гард, носящих название *овари-сукаси* (прорезные гарды из Овари). Наиболее выдающимся мастером провинции Овари, чье имя сохранило время, стал Мётин Нобуизэ (1486—1564 гг.). Он часто использовал технику гравировки *кэбори*, в качестве декора наносил на гарды даже короткие поэмы, воспевавшие самурайские идеалы [Kanzan 1983: 153]. К концу XVI — первой половине XVII в. относится деятельность еще одного выдающегося мастера по изготовлению фурнитуры мечей — Умэтада Миёдзи (1558—1631 гг.). Представители фамилии Умэтада задолго до этого занимались изготовлением мечей и уже к X в. успели получить всеобщее признание. Впоследствии школа Умэтада стала известной и производством гард. Умэтада приписывается разработка метода декора *нуномэдзоган* (тонкая штриховка металла с последующим втиранием в нее золота или серебра) [Синицын 1999: 50]. В середине XVII в. в Этидзэн была открыта школа Кинаи, вероятно, как ветвь известной школы Мётин. Основателем школы считается Исикава Кинаи. Мастера школы Кинаи, главным образом пять ее представителей, получили такую известность, что украшали даже клинки Ясуцугу — личного кузнеца Токугава Иэясу [Баженов 2001: 188; Gunsauls 1923: 83].

С прекращением междоусобных войн, которые окончательно завершились уже в начале XVII в. при первых сёгунах из рода Токугава, в жизни представителей военного сословия произошли значительные изменения. Множество князей потеряли былое могущество, а также надежду вернуть его силой оружия.

Переход к мирной жизни привел к тому, что в XVII—XVIII вв. меч среди самураев начал утрачивать значение боевого вооружения и постепенно становился украшением, дополнением к парадному одеянию. Поэтому особенно пристальное внимание оружейники сосредоточили на декоре меча, в первую очередь гардах *цуба*. На гардах появляются сложные рельефные изображения (пейзажи, божества, легендарные герои и пр.), более разнообразными стали техники обработки и декорирования поверхности изделия [Николаева 1972: 36; Gunsauls 1923: 86]. Оружейники и мастера по обработке металла (в том числе представители школы Гото) начали выпускать множество красивой и элегантной гарнитуры мечей, соревнуясь между собой в искусстве филигранной отделки изделия с использованием дорогих металлов. В то же время, чтобы удовлетворить спрос низших слоев общества, ремесленники принялись копировать произведения великих мастеров и выпускать реплики, нередко хорошего качества, в большом количестве.

Особенно много гард-имитаций, в частности мастеров эпохи XVI в., появилось в XVIII–XIX вв. Подделывались и подписи, и сама манера исполнения, поэтому зачастую отличить подделку от оригинала крайне сложно [Синицын 1999: 43].

В XVIII–XIX вв. большую известность в Японии получила школа провинции Ямато (Нара), основанная еще в начале XVII в. одним из представителей школы Гото¹. Изначально мастера Ямато прославились производством мечей, но затем они переключились на фурнитуру² [Баженов 2001: 234; Gunsaulus 1923: 87]. В XVII в. производством *цуба* в Нара занимались Тоситэру, затем Тосимунэ, Тосихару, Тосинага. В начале XVIII в. последователи Тосинага развернули деятельность в Эдо, получив известность далеко за пределами своей области [Gunsaulus 1923: 87].

В силу финансовых затруднений, все более остро проявлявшихся в Японии в начале XIX в., бакуфу издает серию указов против роскоши, запрещавших, в частности, использовать на предметах вооружения большое количество орнамента из чистого золота. Многие из тех, для кого, в силу личных амбиций, подобное ограничение было неприемлемо, стали покрывать золотой орнамент черным лаком. Тем не менее в период с 1830 по 1840 гг. все же наметилась тенденция отказа от роскошного декора и возврата к простоте.

Со второй половины XIX в. после открытия японских портов для европейцев начался вывоз японского художественного оружия в Европу. Множество мечей, а также клинков и деталей монтировки хлынули за пределы Японии. Оружейники принялись изготавливать вооружения исключительно на продажу, что повлекло за собой снижение качества их работ, несмотря на то что ассортимент материалов и техник несколько расширился (появились детали монтировки из слоновой кости, применялась техника перегородчатой эмали). Когда была основана регулярная армия (1871 г.), вооружение для которой производилось машинным способом, ювелирное искусство оформления фурнитуры мечей окончательно пришло в упадок [Искусство японских оружейников 1987: 17]. Окончательно династия Гото (17 поколений) и другие потомственные носители традиций прекратили существование после императорского указа, согласно которому ношение мечей было запрещено (1876 г.) [Николаева 1972: 36].

К айнам, издавна населявшим северные области Японии, включая Тохоку на Хонсю и Хоккайдо, а также Сахалин, Курильские острова и юг Камчатки, ввоз гард *цуба* начал поступать на стадии активизации торговых отношений с «южными соседями» — в XIII–XV вв. Скорее всего изначально они доставлялись вместе с мечами, но позднее приобрели такую важную роль, что стали цениться сами по себе и приобретаться как отдельный элемент украшения или предмет культа. Поскольку оправа японских мечей была разборной, айны без особого труда могли самостоятельно снимать с них гарды и использовать их по своему усмотрению [Самарин 2004: 11]. На айнском языке гарды назывались *эмусь-сэппа* (слово *эмусь* означало меч), либо просто *сэппа* (в японском языке

¹ Ямато (современная префектура Нара) — провинция в районе Кинки (о-в Хонсю), образованная в VI в. на том месте, где в III–IV вв. появилась одноименная страна Ямато. До XVII в. провинцией владели крупные феодалы, затем она перешла под прямой контроль Токугава.

² Уже в XII в. в Ямато функционировали пять школ оружейников *ямато-го-ха*, включавшие Сэндзюин, Тайма, Тэгай, Сиккакэ и Хосё.

сэппа означает небольшие плоские металлические детали овальной формы с отверстием для хвостовика, служившие в качестве прокладки между цуба и другими деталями оправы).

Следует отметить, что в айнской культуре широкое распространение получили мечи «собственного изготовления». Клинки и гарды у таких изделий, как правило, были японского производства, а рукояти и ножны — собственного. У культовых мечей и клинки могли изготавливаться айнами, но не из металла, а из дерева. Мечи японского производства, а также самодельные сборные изделия очень ценились айнами и рассматривались как важный показатель высокого статуса среди соплеменников.

Сначала клинковое оружие айны использовали в междоусобных войнах и ожесточенных стычках с внешним врагом (с японцами — на юге, и нивхами или ороками — на севере). Однако постепенно мечи превратились для них исключительно в культовый предмет, а также маркер богатства и власти. Такая трансформация, по всей видимости, происходила под влиянием со стороны японцев, не желавших отдавать айнам боевое оружие и способствовавших распространению среди них изделий низкого качества.

Сами гарды айны, а также нивхи, могли изготавливать кустарным способом, о чем свидетельствуют находки форм для литья на Хонсю в Аомори (Намиока) и Хатинохэ [Самарин 2004: 6]. Для производства гард применялись различные подручные материалы. Например, в Лаборатории археологических исследований Сахалинского государственного университета хранится гарда, изготовленная айнами Сахалина из бронзового зеркала (Там же: 31).

АЙНСКИЕ ГАРДЫ ЯПОНСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В ФОНДАХ МАЭ

Собрание айнских гард *цуба* МАЭ насчитывает 14 предметов. Они включены в состав коллекций № 839, № 1052 и № 4974. Коллекция № 839 поступила в музей в 1904 г. от В.Л. Серошевского и Б.О. Пилсудского, проводивших исследования на Хоккайдо (в айнских поселениях Сираой, Сару, Пиратори) в 1903 г. Коллекция № 1052 была собрана И.С. Поляковым на Сахалине в 1880-х годах. Отличительной особенностью этой коллекции является то, что в ней присутствует большое количество японских предметов из айнских погребений. К ним относятся деревянные лаковые и металлические изделия, в том числе и гарды. Собиратели коллекции № 4974 — участники Амуро-Сахалинской антрополого-этнографической экспедиции М.Г. Левин и И.П. Лавров. Предметы были приобретены на Сахалине в 1947 г. и переданы в Музей в 1948 г. Следует отметить, что подробное описание и история бытования большинства находок отсутствует.

Некоторые гарды смонтированы на клинках мечей (№№ 839-56а, 135а; № 1052-53а, 54а, 55а), некоторые — без клинков (№№ 1052-56; 107; 109; 146; 149; 151; 152). Есть экспонат, который закреплен на культовом предмете *инау* (№ 839-230а), и еще один — с тесьмой, которая в прошлом служила шейным украшением *тамасай* (№ 4974-126). Приведем основные характеристики каждого экспоната.

Цуба № 839-56a железная, кованая, округлой формы *мару-гата*, с отверстиями *кодзука-хицу-ана* и *когай-хицу-ана*. Орнамент растительный, в виде листьев мальвы, прорезной, позитивный (*ё-сукаси*), включает гравировку и инкрустацию желтым металлом. Размер (длина, ширина, высота) 6,9×7,1×0,5 см.

Гарда смонтирована на клинке с плоской поверхностью типа *хирадзукури*. Рукоять и ножны деревянные, айнского производства. Такие элементы монтировки, как *хабаки* и *сэппа*, отсутствуют. Согласно описи, экспонат представляет собой «охотничий нож в деревянных ножнах с японским эфесом».

Цуба № 839-135 a железная, кованая, округлой формы *мару-гата*, без отверстий *хицу-ана*. По краям отверстия *накаго-ана* имеются медные вставки *сэкиганэ*, традиционно использовавшиеся японскими оружейниками для того, чтобы более прочно крепить гарды к мечам. Орнамент негативный (*кагэ-сукаси*), простой, имеется приподнятый ободок, выполненный методом проковки. Диаметр 8,5 см, толщина 0,5 см.

Гарда смонтирована на клинке с рукоятью айнского производства. Согласно описи «старая японская сабля с португеей».

Цуба № 839-230a медная, литая, в форме мальвы *аой-гата*, с двумя отверстиями *кодзука-хицу-ана* и *когай-хицу-ана*. Имеется накладной ободок *фукурин*, состоящий из нескольких секций. Поверхность гарды украшена чеканкой пуансон в виде чередующихся рядов мелких кружков и звездочек, напоминающих цветы хризантемы. На лицевой стороне — два герба *мицудомоэ* (три запятые, направленные в левую сторону)³. Размер 9×9,2×1,6 см.

Цуба № 1052-53a медная, литая, в форме мальвы *аой-гата*, без *хицу-ана*. Поверхность орнаментирована чеканкой пуансон в виде мелких звездочек, напоминающих цветы сакуры. По бокам от *накаго-ана* (с лицевой и тыльной стороны гарды) прослеживаются следы округлой формы, происхождение которых не установлено. Диаметр 7,5 см, толщина 0,5 см.

Цуба № 1052-54a медная, литая, в форме хризантемы *кикука-гата*, с отверстием *кодзука-хицу-ана* и серебряным ободком *фукурин*. Диаметр 6,9 см, толщина 0,4 см.

Цуба № 1052-55a медная, литая, в форме хризантемы *кикука-гата*, без отверстий *хицу-ана*, с серебряным ободком *фукурин*. Диаметр 7,4 см, толщина 0,4 см.

К трем перечисленным выше гардам прилагаются сильно корродированные клинки. На одном из них сохранились фрагменты деревянной рукояти и медная накладка японского производства с гербом *мицудомоэ*.

Цуба № 1052-56 медная, литая, в форме хризантемы *кикука-гата*, без отверстий *хицу-ана*. Диаметр 9,3 см, толщина 0,4 см.

Цуба № 1052-107 медная, литая, круглая *мару-гата*, с двумя отверстиями *когай-хицу-ана* и ободком *фукурин* из меди красноватого оттенка. Поверхность выпуклая, обработанная методом шлифовки. Диаметр 8,3 см, толщина 0,5 см.

Довольно грубая работа и отсутствие следов от монтировки меча указывают на то, что гарда была изготовлена специально для айнов и использовалась отдельно как предмет культа.

³ Когда запятые направлены по часовой стрелке, то называются *миги-домоэ*, а когда в обратную сторону — *хидари-домоэ*. Японцы изображения запятых часто использовали в качестве гербов, магических символов, а также украшений.

Цуба № 1052-109 медная, литая, в форме хризантемы *кикука-гата*, с двумя отверстиями *когай-хицу-ана*. Диаметр 7,5 см, толщина 0,4 см.

Цуба № 1052-146 медная, литая, в форме *мокко-гата*, без отверстий *хицу-ана*. Поверхность украшена рельефным орнаментом из цветов павлонии, покрытым тонким слоем белого металла, в одном месте сохранилось скопление мелких точек. Имеется серебряный ободок *фукурин*. Диаметр 6,5 см, толщина 0,4–0,6 см.

Цуба № 1052-149 железная, кованая, овальная *нага-мару-гата*, с отверстием *кодзука-хицу-ана*. Поверхность обработана чеканкой (косая насечка) и шлифовкой. Сохранились следы какого-то окисла. Размер 5,9×6,4×0,5 см.

Работа грубая, следов от монтировки меча нет. Вероятно, гарда изготовлена «по заказу» как предмет культа.

Цуба № 1052-151 медная, литая, круглая *мару-гата*, с отверстиями *кодзука-хицу-ана* и *когай-хицу-ана*. Орнамент ажурный позитивный (*ё-сукаси*), в виде изображения мифических персонажей Эбису (справа от отверстия *накаго-хицу*) и Дайкоку (слева от *накаго-хицу*). Поверхность обработана методом чеканки и шлифовки. На *сэппадай* с обратной стороны имеются подпись мастера и название места производства: «大和住 家次 (Ямато дзю: Иэцугу) — Иэцугу из провинции Ямато». Диаметр 8,3 см, толщина 0,6 см.

Цуба № 1052-152 железная, кованая, круглая *мару-гата*, без отверстий *хицу-ана*. Орнамент позитивный (*ё-сукаси*), в виде трех центростремительных запятых *мицудомоз*. Обе поверхности сильно корродированны, хорошо сохранился серебряный ободок *фукурин* (в описи ошибочно указано, что ободок медный). Диаметр 7 см, толщина 0,5 см.

Цуба № 4974-126 железная, кованая, круглая с ажурным краем *кикука-гата*, с отверстиями *кодзука-хицу-ана* и *когай-хицу-ана*. Поверхность перфорирована тремя диаметрально расположенными рядами отверстий неправильной формы. Диаметр 8 см, толщина 0,5 см.

На гарде сохранился фрагмент материи, при помощи которой предмет вешался в качестве украшения на шею человека. Опись подтверждает, что это нагрудное украшение (женское).

Из всех перечисленных выше предметов особый интерес представляют гарда с растительным орнаментом в виде листьев мальвы № 839-56 а, б, гарда с силуэтным орнаментом № 839-135, гарда с орнаментом *мицудомоз* № 105-152, две ажурные гарды с серебряными ободками №№ 1052-54а, 55а, подписная гарда с изображением Эбису и Дайкоку (№ 1052-107), а также гарда в виде стилизованного изображения хризантемы № 4974-126.

Гарда № 839-56а обращает на себя внимание хорошей проработкой поверхности, типичной для работ японских оружейников высокого класса, а также наличием инкрустации желтым металлом (рис. 1). Это свидетельствует о том, что изначально *цуба* предназначалась для самурайского клинка и лишь впоследствии по неизвестной причине попала к айнам. При изучении гард из различных музейных и частных коллекций удалось выяснить, что существует множество похожих железных изделий с подписью «越前住 紀内作 (Этидзэн дзю: Кинаи саку) — Кинаи из провинции Этидзэн», диаметром от 7 до 7,5 см, датирующихся периодом XVIII–XIX вв. [Iron Daisho tsuba <http://www.geocities.com/Japanese Works of Art> 1996: 137 / \$ 300 to \$ 600 Japanese tsuba <http://www>.

japanese-kinko-tsuba.com / Samurai weapons and armor <http://www.aamdocents.org> / Tsuba III: Echizen Kinai <http://www.users.on.net> / Tsuba gallery <http://www.shibuiswords.com>]. Именно для мастеров Кинаи была типична манера исполнения гард с таким орнаментом и техникой обработки поверхности.

Известно, что гарды Кинаи неоднократно копировались различными мастерами, воспроизводившими не только форму и орнамент, но и инкрустацию золотом [Gunsauls 1923: 83]. Скорее всего экспонат № 839-56 а, б из коллекций МАЭ РАН можно рассматривать как одну из таких имитаций, выполненную во второй половине периода Эдо (середина XVIII — середина XIX в.). В пользу такого предположения может свидетельствовать отсутствие на гарде подписи.

Цуба № 839-135а — великолепный образец гард стиля *кацуси* (рис. 2). Этот стиль сложился в Японии предположительно в XIV в. и просуществовал вплоть до XIX в., получив распространение по всей стране. Отличительной чертой гард *кацуси* является простой прорезной силуэтный орнамент и прокованный ободок. Поскольку аналогичные элементы издавна применялись при изготовлении доспехов, возникло мнение, что изначально производство *кацуси* зародилось в мастерских, специализировавшихся на боевом снаряжении самураев [Хорев 2003: 203]. Ранние *кацуси цуба*, изготовлявшиеся до середины периода Муромати (1336—1573 гг.), были большого размера — 9—10,5 см. Затем размер уменьшился до 8 см [Nihon-to <http://www.nihontokanjipages.com>]. К сожалению, подписи, как правило, не делались, что значительно затрудняет атрибуцию.

Наличие медных вставок в отверстиях *накаго-ана* свидетельствует о том, что гарда неоднократно использовалась самураями и попала к айнам по прошествии значительного времени. Небольшие размеры позволяют предположить, что она была создана в период Эдо (XVII — середина XIX в.).

Рис. 1. Гарда круглая *мару-гата*. МАЭ. Колл. № 839-56а

Рис. 2. Гарда круглая *мару-гата*. МАЭ. Колл. № 839-135а

Две медные гарды в форме хризантемы *кикука-гата* №№ 1052-54а, 55а отличаются, с одной стороны, простотой формы, с другой — наличием серебряных ободков *фукурин* (рис. 3, 4). Подписи на гардах отсутствуют, история бытования неизвестна. Тем не менее в частных коллекциях имеются аналогичные по форме и оправе гарды, датирующиеся XV–XVI вв. Известно также, что *цуба* формы *кикука-гата* получили среди самураев широкое распространение в эпоху Муромати (1336–1573 гг.) [Bushi-no isho 1999: 29, 104, 114; Japanese Swords 1992: 50]. Таким образом, верхние границы появления экспонатов МАЭ приносятся на это время.

Из-за плохой сохранности *цуба* № 1052-152 подробные сведения об ее орнаменте и технике производства установить невозможно. Отсутствие подписи

Рис. 3. Гарда в форме хризантемы *кикука-гата*. МАЭ. Колл. № 1052-54а

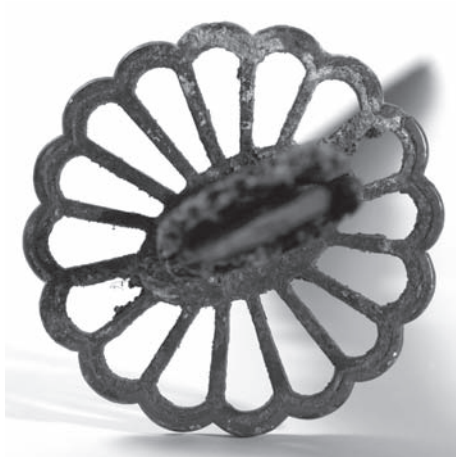

Рис. 4. Гарда в форме хризантемы *кикука-гата*. МАЭ. Колл. № 1052-55а

Рис. 5. Гарда круглая *мару-гата*. МАЭ. Колл. № 1052-152

также делает невозможным установить и источник происхождения данного изделия (рис. 5).

Наличие прорезного орнамента позволяет датировать гарду не ранее XVI в. При сравнении с аналогами из музейных и частных коллекций удалось выяснить, что такие гарды создавались с XVI в. различными мастерскими. Хороший пример — образец *фусими-ёсиро* из собраний Музея Чикаго (Chicago Field Museum)⁴ [Gunsaulus 1923: Pl X, Fig. 1]. По внешнему виду она напоминает айнскую гарду № 1052-152. Изготовлена из того же материала (железа), содержит орнамент в виде лозы с листвой и плодами тыквы, выполненный методом инкрустации медью⁵ [Ibid.: 53]. Известны и другие похожие по форме *цуба*. Одна из них из частной коллекции: железная, круглая, без отверстий *хицу-ана*, без подписи, атрибутирована как *ко-сёами* эпохи Муромати (XV–XVI вв.) [Bushino isho 1999: 68, 122]. Другая *цуба*, из Токийского национального музея, несколько отличается по стилю исполнения: железная, круглая, с отверстиями *кодзука-хицу* и *когай-хицу*, на поверхности поля, выполненного в виде абстрактных фигур, напоминающих запятые, нанесен орнамент *хидари-миудомоэ*. Имеется подпись Нобуиэ. Период Момояма (XVI в.) [Ibid.: 64, 121]. Есть также железная гарда *миудомоэ* без *хицу-ана*, с инкрустацией медью, школы *кё-сукаси*, из собрания Музея Метрополитэн (Нью-Йорк). Она была изготовлена в Киото во второй половине XV — первой половине XVII в. [Ashian antiques tsuba <http://mindlessness.info>].

⁴ Термином *фусими-ёсиро* принято называть все железные гарды, декорированные медью в технике низкого или высокого рельефа, изготовлявшиеся в Фусими (провинция Ямасиро), приблизительно с XVI в. Название «ёсиро» происходит от мастера Коикэ Ёсиро (иногда помечал свои работы именем Наомаса с титулом *идзуми-но kami*), который, очевидно, придумал такой стиль декора [Gunsaulus 1923: 53]. Выдающимися мастерами в Фусими считались Канэиэ, чьи работы отличались особым изяществом, а также Цутия Ясутика [Kanzan 1983: 157].

⁵ Это излюбленный мотив Тоётоми Хидэёси, который в XVI в. построил в Фусими замок и обосновался там.

Можно предположить, что гарда № 1052-152 в айских коллекциях МАЭ, наряду с предметами №№ 1052-54а, 55а, одна из наиболее старых. Условно ее можно датировать первой половиной периода Эдо (начало XVII — середина XVIII в.).

Цуба № 1052-151 обращает на себя внимание подписью «大和住 家次 (Ямато дзю: Иэцугу)». Среди айских гард подписные изделия — большая редкость (рис. 6, 7).

Рис. 6. Гарда круглая *мару-гата*. Лицевая сторона. МАЭ. Колл. № 1052-151

Рис. 7. Гарда круглая *мару-гата*. Обратная сторона. МАЭ. Колл. № 1052-151

О школе Ямато (Нара) речь шла выше. Она была основана в начале XVII в. и за время своего существования, вплоть до XIX в., прославилась по всей Японии. Сохранилось множество красивых гард, изготовленных мастерами провинции Ямато, однако предмет из собраний МАЭ стилистически отличается от них. Удалось выяснить, что в период Эдо подобные изделия серийно производились путем отливки, при этом не только в Нара, но и в других районах Японии. В Нара литьем таких гард занимались члены семьи Иэцугу. Они всегда подписывались на обратной стороне [То:со: кодо:гу 1990: 371]. Именно эта особенность прослеживается на предмете № 1052-151. Впрочем, и на гардах других мастеров встречаются подписи на оборотной стороне. Хороший пример — гарда Масаёси из Ямасиро, подписанная «山城住 正吉 (Ямасиро дзю: Масаёси)». Данное изделие и по форме, и по декору, и по стилю исполнения почти полностью аналогично № 1052-151.

На *цуба* № 1052-151 помещено изображение Эбису⁶ и Дайкоку. Примечательно, что в VIII–XVII вв. словом *эбису* или *эдзо* японцы называли протоайнские племена, проживавшие на территории Северо-востока Хонсю и на Хоккайдо, а в более позднее время нередко отождествляли их с айнами. Вполне вероятно, что японцы продали айнам гарду меча с изображением божества Эбису намеренно. Тем не менее очевидных свидетельств этому нет.

На одном из сайтов-распродаж удалось выявить гарду, аналогичную № 1052-151, с подписью на обратной стороне «大和住 家次作 (Ямато дзю: Иэцугу саку)». Подпись отличается тем, что после фамилии мастера Иэцугу поставлен иероглиф *саку* — «делать, изготавливать». Согласно комментариям, *цуба* изготовлена из сплава *сякудо* (медь с примесью золота), ее диаметр около 8 см, украшена изображением божества Хотэй⁷ и Эбису. Датируется предмет периодом Эдо (1603–1867 гг.) [Japanese sword Musashi <http://www.js-musashi.com>].

Аналогичные гарды встречаются на страницах каталогов аукционов. Одна из них железная, круглая, с отверстиями *хицу-ана*, изображением Сёки⁸ и демона Оми. Подпись располагается с обратной стороны и читается как *Кинаи*.

⁶ Эбису — один из семи богов счастья. Согласно японской иконографии его часто изображали в высокой шапке, с большой рыбой *тай* подмышкой и с удочкой в руках. Священная рыба *тай* — символ удачи и духовных достижений. Иногда Эбису выступал покровителем рыбаков, иногда вместе с Дайкоку — божеством хорошего урожая. Видимо, поэтому Эбису и Дайкоку нередко устанавливались японцами на алтарях деревенских жилищ. Дайкоку, считавшийся наравне с Эбису божеством счастья, а также богатства, как правило, изображался в шапке *тори-эбоси*, с молотком, крысой и мешком волшебного риса (иногда под ногой) — символом богатства и достатка. В некоторых случаях Дайкоку рассматривался японцами как покровитель домашнего очага.

⁷ Хотэй — божество счастья, довольства и удачи.

⁸ Сё:ки — один из заметных персонажей в японском искусстве, прототип заимствованного из китайского фольклора укротителя демонов Чжункуя. Согласно легенде, Чжункуй помог во сне избавиться от демона императору Сюань-цзуну (712–756). Император узнал, что еще в правление Гао-цзу (618–627) Чжункуй был несправедливо лишен ученой степени, совершив в знак протеста самоубийство на ступенях дворца. Сюань-цзун воздал почести духу Чжункуя, после чего тот стал помогать изгонять демонов [Gunsaulus 1923: 89; Скраивецкий 2006: 170]. В Японии Чжункуй (Сё:ки) приобрел особенную известность в период Токугава — он стал восприниматься «как глава всех покровителей демонов известных японцам» [Скраивецкий 2006: 170]. В Китае Чжункуй изображался как старик в лохмотьях, в сопровождении летучей мыши (символа удачи), тогда как в Японии — как старик в китайском халате, головном уборе чиновника, в высоких сапогах и с обоюдоострым мечом. Считается, что он сам часто становится жертвой демонов, за которыми охотится и которые прячутся в недостижимых для него местах (например, в ветвях высокого дерева, или же под мостом) [Gunsaulus 1923: 89].

Рис. 8. Гарда круглая *кикука-гата*. МАЭ. Колл. № 4974-126

Датируется изделие концом XIX в. [Astika auction 1995: 380]. Похожая *цуба* хранится в Государственном музее искусств народов Востока (ГМИНВ) (№ 4211-I) [Каневская 1990: 38; Николаева 1972: 84]. Она выполнена из железа, украшена изображением батальной сцены с участием Сёки и Они. Тем не менее в отличие от всех остальных аналогичных изделий композиция с обеих сторон воспринимается как лицевая, при этом выражения лиц на разных сторонах немного отличаются друг от друга⁹. Согласно надписи — «武州住家次作 (Бусю дзю: Иэцугу саку)», *цуба* была изготовлена мастером Иэцугу в провинции Бусю. Датируется она концом XVIII — началом XIX в.

Становится понятным, что гарды типа экспоната № 1052-151 производились в эпоху Эдо в большом количестве и, видимо, не представляли высокохудожественной ценности. Гарду из МАЭ можно условно датировать временем второй половины Эдо (середина XVIII — середина XIX в.) и отнести к числу продукции мастеров-литейщиков Иэцугу из Нара.

Округлая железная гарда в виде стилизованного изображения хризантемы № 4974-126 представляет собой изделие, которое по форме и стилю исполнения наиболее близко к произведениям мастерских Киото *кё-сукаси* (рис. 8).

⁹ Подробное описание гарды было предоставлено старшим научным сотрудником Государственного музея Востока В.А. Друзь.

Сохранилось большое количество похожих железных гард диаметром от 7,8 до 8,5 см, несколько отличающихся друг от друга рисунком, но в целом относящихся к одной группе [Bushino isho: 1999: 58; Iron tsuba <http://www.nihonto.us>; Japanese Swords 1992: 22; Japanese Works of Art 1998: 56; Kyo Sukashi Tsuba <http://www.samuraiart.com>].

Стиль *кё-сукаси* (*хэйандзё-сукаси*) зародился в Киото предположительно в XV–XVI вв. Отличительной особенностью данного стиля являлось то, что значительная часть металла на гардах удалялась, благодаря чему получался ажурный узор. Своим изяществом и красотой гарды настолько пришлись по вкусу самураям, что к XIX в. они в большом количестве изготавливались далеко за пределами древней столицы Японии (Киото) [Японская цуба: таинство сюжета <http://www.antiq.info>; Gunsauls 1923: 55].

Большинство сохранившихся до настоящего времени изделий *кё-сукаси* без подписи. Многие из них датируются эпохой Момояма (1573–1603 гг.). Есть и такие, которые приписываются мастерам киотской школы Сёами [Japanese Swords 1992: 22]. Сейчас невозможно точно установить время создания экспоната № 4974-126. Тем не менее есть все основания датировать его серединой периода Эдо и отнести к разряду первоклассных работ мастерских Киото.

Библиография

- Баженов А.Г. История японского меча. СПб., 2001.
 Искусство японских оружейников. Л., 1987.
 Каневская Н.А. Искусство Японии. М., 1990.
 Николаева Н.С. Декоративное искусство Японии. М., 1972.
 Самарин И.А. Гарды: Каталог коллекций музеев Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 2004.
 Синицын А.Ю. Оружие и боевое снаряжение японских самураев. СПб., 1999.
 Скраливецкий Е.Б. Цуба. Легенды на металле. СПб., 2006.
 Хорев В.Н. Японский меч. Десять веков совершенства. Ростов н/Д, 2003.
 Astika auction (Dorotheum) am 19 Juni 1995.
 Bushino isho: sukashi tsuba. Kofun kara Edo made (творческие замыслы буси — прорезные цуба. Кофун-Эдо). Sano, 1999.
 Gunsauls H.C. Japanese sword-mounts in the collections of Field museum. Chicago, 1923.
 Japanese Swords and Sword Fittings from the Collection of Dr. Walter A. Compton (Part II) // Christie, Manson & Woods. New York, Thursday, October 22, 1992.
 Japanese Works of Art. Japanese Prints, Screens, Armour, Sword, Tsuba, Lacquer, Ceramics, Netsuke, Inro and Metalwork including a Collection of Koami // Christie, Manson & Woods. London, Monday 17 June 1996.
 Japanese Works of Art. The Raymond and Frances Bushell Collection of Japanese Sword Fittings // Christie, Manson & Woods. New York, Wednesday 28 October 1998.
 Kanzan Sato. The Japanese sword. A comprehensive guide. Tokyo; New-York; London, 1983.
 To:so: kodo:gu meiji taikei (Очерк иероглифических надписей на реквизитах меча). To:kyo:, 1990.

Интернет-ресурсы

- Японская цуба: таинство сюжета (http://www.antiq.info/magazine_all_issues/7172.html)
 Ashian antiques tsuba (<http://mindlessness.info/us/asian-antiques/tsuba>)
 Iron Daisho tsuba (<http://www.geocities.com/alchemyst/tsuba/tsubadai.htm>)
 Iron tsuba (<http://www.nihonto.us/tsuba.htm>)
 Japanese sword Musashi (<http://www.js-musashi.com/shop.cgi?pk=i&sn=12>)
 Kyo Sukashi Tsuba (http://www.samuraiart.com/kyo_sukashi_tsuba%20web.htm)
 Nihon-to (<http://www.nihontokanjipages.com/personal/collection/katchushi.html>)
 \$ 300 to \$ 600 Japanese tsuba (<http://www.japanese-kinko-tsuba.com/100to500usd.html>)

Японские гарды пуба в айнских коллекциях Музея антропологии...

Samurai weapons and armor (<http://www.aamdocents.org/AAM/Japan/SamuraiWeaponsArmor.htm>)

Tsuba III: Echizen Kinai (<http://www.users.on.net/~coxm/9.%20tsuba%20iii.html>)

Tsuba gallery (<http://www.shibuiswords.com/tsuba.htm>)

Н.В. Майкова

**Японские сандалии *варадзи* и *варадзори*
в собрании Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого**

Варадзи (дословно «соломенные сандалии») — один из видов традиционной японской обуви, сандалии из соломы, пеньки, лубяных волокон и других материалов растительного происхождения. С ними сходны по технике изготовления и материалу, но отличается в способе носки *варадзори* (дословно «соломенная обувь»). Также существует множество типов закрытой, преимущественно зимней, обуви и обуви для ненастной погоды, созданной на основе этих двух видов, однако в МАЭ РАН их число крайне незначительно.

В научных работах посвященных японскому быту и костюму исследователи, как правило, обращают внимание на дорогую парадную обувь зажиточных горожан, самурайского сословия и аристократии и ограничиваются лишь упоминаниями о повседневной самодельной обуви. В настоящей работе автор предполагает выявить наиболее характерные особенности этого типа обуви на основании изучения коллекционных предметов МАЭ РАН.

Варадзи и *варадзори* широко использовались в быту представителями низших слоев населения. Состоятельные люди могли позволить себе носить обувь из кожи, дорогих тканей и лака, но крестьяне, разнорабочие в городах, слуги, монахи, воины, обычные путешественники ходили босиком, носили грубую деревянную обувь-*гэта* либо самодельную плетеную обувь, материал для которой всегда был под рукой, а размеры — в достаточной степени унифицированы [Hanley 1999: 73]. *Варадзи* и *варадзори* недолговечны, изношенные сандалии часто шли на корм скоту или перерабатывались в удобрения для полей, поэтому до наших дней дошло не так много образцов этой обуви. Однако есть косвенные свидетельства раннего появления и повсеместного распространения этого типа обуви. Плетеные сандалии упоминаются в фольклоре, известных литературных произведениях, старинных в поэтических антологиях [Кабанов 1985: 78], на старых гравюрах и на фотографиях начала XX в. простолюдины, путешественники и обычные воины часто показаны обутыми в *варадзи* [Успенский 1997]. Примечательно, что «пара соломенных сандалий с ве-

ревочной подошвой», поступившая в 1903 г. от Дмитрия Дмитриевича Филиппова, морского офицера, в коллекцию № 708, была представлена именно как часть «костюма самурая».

В крестьянских семьях сандалии не покупали, а плели самостоятельно. В основном для таких занятий отводился период с ноября по апрель, когда происходило снижение сельскохозяйственной активности [Гришелева 1986: 99], но хозяйка дома и ее помощницы в течение года по мере необходимости пополняли запас.

Одну пару сандалий носили около 3–5 дней, поэтому, отправляясь в дальний путь, брали с собой еще несколько пар в дорогу. Соломенная обувь, как мы уже говорили, недолговечна, но этот недостаток компенсируется простотой изготовления и доступностью материала, в роли которого выступали рисовая и прочая солома, пенька, листья растений, кора и луб деревьев, обрывки ткани.

Сегодня в МАЭ РАН наиболее ранние образцы представлены в коллекции № 143 (пятнадцать пар, среди них и детские, и взрослые), полученной в дар в 1883 г. от ученого хранителя Зоологического музея Ивана Семеновича Полякова и собранной, очевидно, в ходе путешествия последнего по Японии в 1881 г.

В ряде коллекций (№ 708, 3817, 4395, 5048 и пр.) встречаются единичные образцы *варадзи* или *варадзори*.

Несколько интересных и типичных образцов *варадзори* представлено в коллекции № 4386, поступившей в 1931 г. от Адмиралтейского музея города Ленинграда (три пары сандалий, из них одни детские). В коллекции № 5944, поступившей в 1950 г. от Государственного музея восточных культур, четырнадцать пар соломенных сандалий *варадзи* и *варадзори* и три пары плетеной обуви для лошадей, выполненных по той же технологии. Предметы датированы XIX — началом XX в. В коллекции № 4091, полученной в 1930 г. от Военно-Морского училища им. М.В. Фрунзе, есть три пары *варадзори*, две с тканевым *ханао* и одна — с соломенным. В 1953 г. в музей поступила большая коллекция № 6135 по быту и костюму японцев из Южно-Сахалинского областного краеведческого музея, в которой помимо большого количества деревянной летней и зимней обуви представлены два образца мужских *варадзори*. Это особенно важно, поскольку в большинстве случаев в документах к коллекциям отсутствует указание на половую принадлежность владельца предмета. Обувь в коллекции № 6425, поступившей от Государственного музея восточных культур в 1959 г. (предметы закуплены советским торгпредставительством в Японии в 1957 г.), представлена шестью парами однотипных *варадзори* на толстой подошве, одинаковой длины и ширины (длина 24 см, ширина 9,5 см, шнур *ханао* крепится на расстоянии 7 см от задника сандалии).

Подавляющее большинство имеющейся в МАЭ РАН плетеной обуви составляют новые неношеные сандалии. Возможно, они были закуплены сразу после изготовления или даже сделаны на заказ (например, обувь из коллекции № 3817, 6425 и др.). Повреждения коллекционных предметов незначительны и вызваны чрезмерным пересыханием материала. Исключение составляет пара № 5944-178 а, б, у которой утрачен задник и часть пяточного банта *каёси*. Хорошая сохранность и наличие всех деталей предметов позволяют четко проследить основные структурные особенности строения плетеной обуви этого периода.

Таким образом, японская традиционная соломенная обувь *варадзори* и *варадзори* представлена в собрании музея достаточно широко. Большая ее часть датируется по времени собирания и поступления в музей концом XIX — первой половиной XX в. Количество изученных образцов позволяет выявить ряд закономерностей, связанных с изготовлением и способом ношения данных видов обуви в этот период.

Сначала обратимся к рассмотрению *варадзори*. Этот вид обуви наиболее широко представлен в собрании МАЭ РАН. Сандалии состоят из двух элементов, сплетенных из растительных волокон: подошвы и ремешка *ханао*. Подошва плетется на четырех толстых шнурах основы, вокруг которой оплетается уток из соломенных жгутов, отдельных стеблей и полосок из листьев растений, лоскутов ткани. Носочная петля в осмотренных образцах формируется из жгута-основы сандалии. Ремешок *ханао*, проходя через носочную петлю на высокой ножке между большим и вторым пальцами ноги, проходит сквозь отверстия по краям изделия, справа и слева от стопы, и либо крепится с обратной стороны подошвы (чаще сандалии с обтянутым тканью *ханао*), либо вплетается в подошву во время плетения изделия (для сандалий с соломенным *ханао*). Отверстия для ремешка отстоят от задника сандалии в среднем на 6–8 см, чаще всего на 7 см.

Форма обуви — вытянутый овал. *Варадзори* в большинстве случаев короче стопы, и пятка человека в сандалиях «висит». В традиционных *варадзори* не было различия на правую и левую сандалии, однако во второй половине XX в. эти различия постепенно формируются [Арутюнов 1961: 82]. В коллекции МАЭ РАН есть образец такого типа *варадзори* — № 5944-53 а, б: в зависимости от смещения носочной петли к краю подошвы сандалия 5944-53а предназначена для надевания на правую ногу, а 5944-53б — на левую.

Размеры *варадзори* в собраниях МАЭ РАН в среднем составляют от 21 до 26 см, детские *варадзори* в среднем длиной в 14–15 см (№ 4386-9 а, б). Ширина подошвы 7–8,5 см, толщина колеблется от пяти миллиметров до полутора сантиметров.

Только в простых и сделанных на скорую руку *варадзори* соломенный *ханао* ничем не оборачивается. У большинства рассмотренных образцов обуви *ханао* (№ 4386-9, 4386-10; № 5944-17, 5944-53 и др.) заключен в своеобразный футляр из различных, более комфортных телу материалов: хлопчатобумажной ткани, бархата, кожи. Петля для *ханао* также часто оборачивается тканью или оплетается бумагой различных цветов (рис. 1). Обычно в *варадзори* петля для *ханао* отстоит от носка сандалии на 1–3 см.

Интересно, что нитки, с помощью которых сшит футляр, редко совпадают по тону с тканью, а иногда и контрастируют с ней. Например, розово-кирпичная ткань футляра и светло-голубая соединительная нить (№ 4386-8 а, б). Пока неизвестно, намеренно ли это сделано или просто использовалась та нить, которая в этот момент была под рукой. Все футляры сшиты швом «через край». В кожаных футлярах цвет нити, как правило, совпадает с цветом кожи. *Ханао*-футляры достаточно толстые, от полутора до трех сантиметров в диаметре, при средней толщине подошвы в полтора сантиметра (здесь мы не рассматриваем достаточно частые случаи монтировки плетеных сандалий на деревянные колодки, высота которых равна или превышает 8 см).

Рис. 1. Детские соломенные сандалии *варадзори*. МАЭ. Колл. № 4386-9 а, б (см. на CD рис. 1, 1-1)

К *варадзори* для придания прочности и увеличения срока службы часто подшивали подметку из кожи. Зачастую пяточная часть дополнительно усиливалась металлической накладкой (№ 4386-10 а, б). Также вместо кожаной подметки часто пришивали соломенный или пеньковый жгут, сплетенный «косичкой» и сложенный в четыре раза на подошве с обратной стороны. В пяточной части *варадзори* на такой жгут часто надевался кусочек кожи (№ 5944-76 а, б, см. на CD рис. 2, 2-1).

Сложно выявить различия между мужским и женским вариантами сандалии, поскольку унифицированная конструкция данной обуви позволяла надевать ее любому члену семьи независимо от пола и возраста. Однако благодаря прямым указаниям на принадлежность сандалий к мужскому или женскому костюмам в сопроводительных документах к коллекциям можно выявить некоторые закономерности. Мужские сандалии больше по размеру и массивнее женских, основное внимание уделяется прочности и долговечности изделия, ремешки *ханао*, как правило, неярких цветов, коричневых и синих оттенков (№ 6135-56 а, б).

Детские *варадзори* (№ 4386-9 а, б) отличаются от взрослых только размерами.

В отличие от *варадзори* элементов, составляющих сандалию-*варадзи*, больше:

На подошве помимо носочной петли симметрично сделаны боковые петли *ти*, пяточный бант *каёси* и ремешок *о* (рис. 2). Общая длина обуви соответствует размеру стопы. Стандартная форма *варадзи* — «вытянутый овал», чуть расширяющийся к носочной части (№ 5944-125 а, б) или «песочные часы» (№ 5944-93 а, б). Петля для ремешка «о» у рассмотренных образцов находится на самом краю носка и, так же как в *варадзори*, приподнята над поверхностью

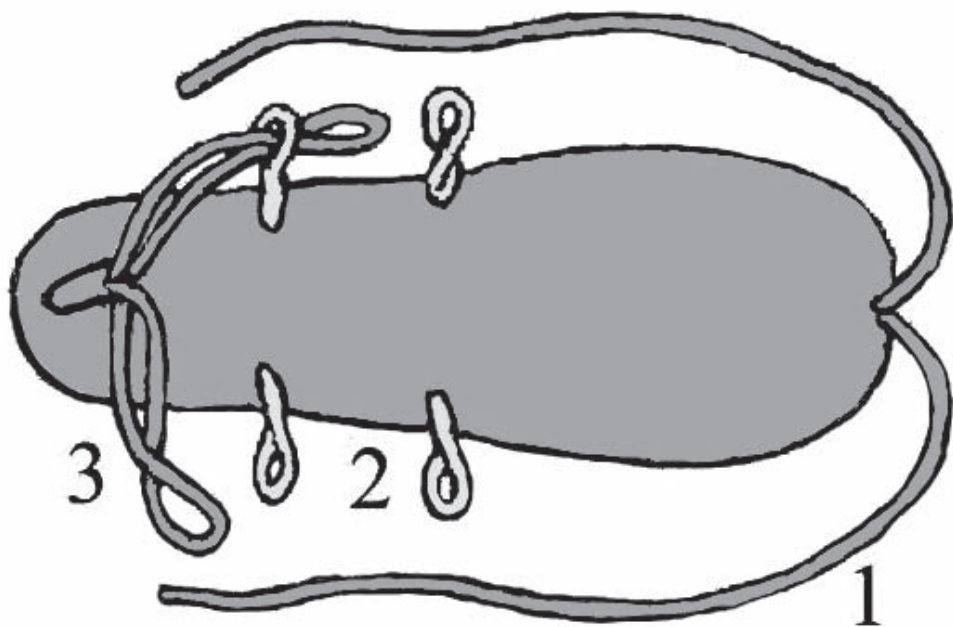

Рис. 2. Схема *варадзи-ёцудзи* (МАЭ, без номера). 1 — ремешок *о*, 2 — боковые петли *ти*, 3 — пяточный бант *каёси*

сандалии. *Ти* выполнены не из жгута-основы, а из уточного жгута. Задник сандалии обычно приподнят.

Ремешок *о* не крепится жестко к подошве, а проходит через все петли и обвязывается вокруг лодыжки. Концы пяточного банта у всех изученных *варадзи* вставлены в ближайшие к *каёси* боковые петли и уже в них в свою очередь продевается ремешок *о*.

Варадзи с двумя парами боковых петель называются *ёцудзи*, с тремя парами — *муцудзи*. Первый вариант более простой и распространенный, второй — менее популярный, но обеспечивает лучшее крепление сандалии к ноге. В коллекциях МАЭ РАН вариант *муцудзи* не обнаружен.

Размеры *варадзи* в среднем составляют от 22 до 27 см. Ширина подошвы у сандалий овальной формы 7–8,5 см.

Рассмотрим размеры *варадзи* в форме песочных часов на примере № 5944-93 а, б

5944-93 а

Длина общая — 22 см,

Ширина подметки у носка — 7,2 см, перемычки — 4,7 см, пятки — 6,9 см.

Расстояние от носочной петли до первых боковых петель *ти* — 11,3 см, между первыми и вторыми рядами боковых петель — 4,5 см.

Толщина шнура *о* — 0,5 см, к концу шнур утончается. Общая длина шнура 82 см.

5944-93 б

Длина общая — 21,5 см,

Ширина подметки у носка — 7,4 см, перемычки — 5 см, пятки — 7,3 см.

Расстояние от носочной петли до первых боковых петель — 11,5 см, между первыми и вторыми рядами боковых петель — 4,5 см.

Толщина шнура — 0,6 см, к концу шнур утончается. Общая длина шнура 83 см.

Как мы видим, незначительные колебания в размерах возможны даже в пределах одной пары обуви.

Ремешки и петли в *варадзи* в подавляющем большинстве случаев сплетены из обычной соломы. Исключение составляет пара № 5944-122 а, б, в которой носочные петли обернуты хлопчатобумажной тканью, и № 5944-125 а, б, где ремешок *о* и носочная петля обернуты тонкой бумагой белого цвета. Очевидно, обмотка тканью или бумагой, так же как и в случае с *варадзори*, предназначена смягчить жесткость соломенного жгута при надевании сандалии на голую ногу. На многих гравюрах *варадзи* надевают на носки-*таби*, в этом случае в дополнительном смягчении нет необходимости. Возможно, этим объясняется небольшое количество *варадзи* с обернутыми тканью ремешками в музейных коллекциях.

Особый интерес вызывает пара № 5944-178 а, б (см. на CD рис. 3, 3-1), представляющая собой нетипичный образец *варадзи* с асимметрично расположенным первым рядом боковых петель *ти*. Собственно, здесь не одиночные петли, а группа высоких петель. Материал — соломенные крученые веревки зеленоватого оттенка. Носочная петля несколько раз обернута уточным шнуром и полосой хлопчатобумажной ткани синего цвета.

Сдвоенный шнур *о* проходит сперва сквозь пять высоких петель *ти*, расположенных рядом с носочной петлей, потом — сквозь пять аналогичных *ти*, расположенных с противоположной стороны сандалии, затем идет по той же стороне до следующего ряда уже симметрично расположенных *ти*, где продеваются в *каёси* (к сожалению, пяточный бант практически полностью утрачен на обеих сандалиях, у № 5944-178 а сохранился лишь небольшой остаток *каёси*, закрепленный в боковой петле на левой стороне подошвы).

Привлекает внимание также большой размер (27 см) сандалии. На данный момент это единственный образец *варадзи* подобного типа в МАЭ РАН. Необычное строение и способ крепления ремешка требуют дополнительного изучения. Автору известна только одна аналогичная пара сандалий, находящаяся в коллекции Национального музея этнологии в г. Осака (Япония).

Преобладание в собрании музея *варадзори* свидетельствует об их большем распространении. Несомненно, в повседневной жизни, когда людям приходилось снимать и надевать обувь по несколько раз в день, *варадзори* были гораздо удобнее, чем жестко крепящиеся к ноге *варадзи*. Однако *варадзи* лучше подходили для долгих пеших переходов. Не случайно в жанровых гравюрах городские жители изображены в легко снимаемых *дзори* и *гэта*, а те, кто по роду своих занятий вынужден постоянно передвигаться: носильщики, рикши, почтальоны, гонцы, бродячие торговцы, — обуты в *варадзи*.

В настоящей статье автор сделал попытку обрисовать наиболее характерные признаки традиционной японской плетеной обуви *варадзи* и *варадзори*, выявил основные элементы (подошва, различные виды ремешков) и способы крепления данных видов обуви. В плетеных сандалиях простейшего типа можно выделить две разновидности: *варадзи* и *варадзори*, каждая из которых также делится на блоки в зависимости от вида ремешка и его крепления к подошве.

Существуют *варадзори* с соломенными ремешками и *варадзори* с ханао-футлярами. И те, и другие могут быть усилены дополнительными накладками на обратную сторону подошвы, но чаще всего усиливались сандалии с ханао-футлярами, которые по практическим соображениям служили дольше и требовали больших затрат труда при изготовлении. *Варадзи* делятся на подвиды в зависимости от количества петель. Образцов с усиленной подошвой в коллекции МАЭ РАН не обнаружено. Очевидно, если такой обычай и существовал, он не был достаточно распространен.

Рассмотренный материал лишь верхушка айсберга. Известно, что по обуви можно было многое узнать о социальном статусе и роде занятий ее владельца. Например, монахи завязывали *варадзи* иначе, чем самураи. Соломенные сандалии также используются при отправлении религиозных культов. Их подносят в дар богам, в ряде местностей существуют специальные празднества, в ходе которых специально изготовленные гигантские *варадзи* подносят различным божествам-покровителям. Эти и другие вопросы являются темой для отдельного исследования.

Библиография

- Арутюнов С.А. Этнографическая поездка в Японию // Советская этнография. 1961. № 3.
- Гришелева Л.Д. Формирование японской национальной культуры. М., 1986.
- Кабанов А.М. Человек и природа в поэзии Годзан Бунгаку // Человек и мир в японской культуре. М., 1985.
- Успенский М.В. Куниеси и его время. Японская гравюра XIX в. Школа Утагава: Каталог выставки. СПб., 1997.
- Hanley S.B. Everyday thing in premodern Japan. Berkeley; Los Angeles; London, 1999.

Подписи к иллюстрациям на CD

- Рис. 1. Детские соломенные сандалии *варадзори*. МАЭ. Колл. № 4386-9 а, б.
- Рис. 1-1. Детские соломенные сандалии *варадзори*. Подошва. МАЭ. Колл. № 4386-09 а, б.
- Рис. 2. Соломенные сандалии *варадзори*. МАЭ. Колл. № 5944-76 а, б.
- Рис. 2-1. Соломенные сандалии *варадзори*. Подошва. МАЭ. Колл. № 5944-76 а, б.
- Рис. 3. Соломенные сандалии *варадзи*. МАЭ. Колл. № 5944-178 а, б.
- Рис. 3-1. Соломенные сандалии *варадзи*. Подошва. МАЭ. Колл. № 5944-178 а, б.

ИСТОРИЯ КОЛЛЕКЦИЙ

Е.В. Иванова

Хроника поступления буддийских коллекций в МАЭ РАН

В 1919 г., выступая перед посетителями открытой в Русском музее первой буддийской выставки, выдающийся российский буддолог С.Ф. Ольденбург сказал: «В России с давних уже пор интересовались буддизмом и начали с ним знакомиться более чем 200 лет назад. Первые буддийские предметы попали в музей, устроенный Петром Великим под названием Кунсткамера, и поныне сохраняются в Академии наук. С тех пор русские ученые много занимались буддизмом и, изучая Азию, с которой Россия крепко связана вековыми отношениями, совершали поездки в буддийские страны и привозили оттуда немало предметов для русских музеев» [Ольденбург 1919].

В наши дни в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамере) нет специального отдела, посвященного буддизму. Однако судя по путеводителям по музею конца XIX и первой четверти XX вв., он был. Так, в Путеводителе 1891 г. [Руссов 1891] есть раздел «Принадлежности буддийской веры»; в Путеводителе 1909 г. [Путеводитель 1909] — раздел «Буддийский мир», написанный С.Ф. Ольденбургом; в Путеводителе 1925 г. раздел, посвященный буддийским коллекциям Кунсткамеры, написал А. Иванов [Путеводитель 1925]. Сегодня предметы из буддийских коллекций «рассеяны» по экспозициям в залах Китая, Монголии, Японии, стран Индокитайского полуострова и др. Они составляют незначительную часть ценных, но практически не исследованных и не опубликованных буддийских коллекций, хранимых в фондах музея.

Видимая часть «буддийского айсберга» не позволяет, к сожалению, увидеть коллекции МАЭ по буддизму народов России — бурят и калмыков — в силу ориентации музея на демонстрацию традиционной культуры народов стран зарубежной Азии (а также Австралии и Океании, Африки и Америки).

Из-за отсутствия полноценных каталогов буддийских коллекций трудно сказать, как соотносится МАЭ с другими музеями Петербурга (Эрмитажем, РЭМом, Музеем истории религии и др.), Москвы, России, мира по богатству произведений буддийского искусства — культовой скульптуры, живописи,

принадлежностей буддийского культа. Но очевидно, что статус первого российского музея и его 295-летняя история в недрах Академии наук обеспечивают МАЭ уникальное место в истории отечественной буддологии рядом с центром средоточия и исследований письменных памятников — священных буддийских текстов в Петербурге — Институтом восточных рукописей РАН (еще недавно — Институтом востоковедения).

В настоящей статье предпринята попытка показать процесс накопления буддийских коллекций в фондах МАЭ по основным источникам их поступления — из Китая, Тибета, Монголии, Японии, Индии и стран Юго-Восточной Азии и из районов расселения бурят и калмыков в России, а также привести сведения о собирателях этих коллекций (если такая информация доступна).

Кунсткамера как первый музей России, созданный Петром Великим в 1714 г. и в 1728 г. обосновавшийся в специально для него выстроенном здании на берегу Невы, изначально могла располагать изображениями буддийских божеств из царских сокровищниц (попавших туда благодаря дарам монгольских ханов и китайских императоров, привезенных российскими посольствами в XVI–XVII вв.) [Викторова 1980: 108].

Кроме того, геополитические интересы разрастающейся в восточном направлении Российской империи особенно настоятельно требовали понимания нравов и обычаев, мировоззрения народов соседних азиатских стран, с которыми поддерживались многовековые культурные, торговые связи, завязывались дипломатические отношения. Включение в состав России в XVII–XVIII вв. монголоязычных бурят и калмыков, исповедующих буддизм, начавших строительство на российской территории буддийских храмов, их языковое родство с монголами, единая вера с ними, а также с тибетцами и китайцами, их глубокая духовная связь с главой северного буддизма Далай-ламой обостряли интерес к буддийской религии и ее приверженцам со стороны российского общества и государства, стимулировали усиленное внимание к ним со стороны зарождавшейся отечественной науки.

Как отмечает Ермакова, «буддология в России зарождалась как аспект прикладного востоковедения, призванного всемерно способствовать разработке и практическому осуществлению имперской политики в Центральной Азии. Первоначально основной предмет буддологии исчерпывался изучением религиозной жизни национальных окраин России, традиционных способов управления буддийскими общинами и т. д.» [Ермакова 1998: 3]. Исследователь отмечает: несмотря на то что не ставилась цель поголовной насильственной христианизации и русификации инородческого населения ввиду непосредственной близости к российским границам «буддийского мира», тем не менее деятели Русской Православной Церкви для успеха своей миссионерской работы среди иноверцев считали необходимым знание буддийской догматики, культовых практик различных школ и направлений буддизма. По мнению Ермаковой, их изыскания в этой области в известной мере предшествовали исследованиям светских ученых [Там же: 106].

С 1733 г. Петербургская Академия наук начала планомерно проводить экспедиции с целью изучения природы и населения на громадных просторах стра-

ны. Собранные участниками этих экспедиций материалы стекались в Кунсткамеру. Так был заложен фундамент этнографических собраний музея. Возникла традиция безвозмездной передачи в музей частными лицами различных культурных ценностей. Огромную роль в побуждении граждан к этому сыграла рассылка в 1734 г. по губернским канцеляриям инструкции, составленной выдающимся историком В.Н. Татищевым, по сбору сведений по истории, географии, этнографии народов России. На Кунсткамеру «работала» Канцелярия конфискации, изымавшая имущество опальных государственных деятелей и передававшая в МАЭ интересные для него вещи — «раритеты», произведения восточного искусства и пр.

По свидетельству Ф.К. Руссова, в 1741 г., за исключением немногих вещей из Бухары, Персии, Индии и Японии, основная масса поступлений из Азии была из Китая [Руссов 1891: 15].

Случившийся в 1747 г. в здании Кунсткамеры пожар полностью уничтожил этнографические коллекции (включая «идолов»). Накопление этнографического собрания пришлось начинать с нуля.

Начало ламаистскому собранию было положено сборами выдающегося историка Г.Ф. Миллера в 1748 г.

Яркой личностью в отечественной науке, внесшей громадный вклад в этнографическое изучение народов России, был современник Миллера П.С. Паллас. Объездивший Россию, написавший труд «Путешествия по разным областям Российского государства», он обогатил Кунсткамеру коллекциями по многим народам. До недавнего времени в МАЭ числилась одна буддийская коллекция Палласа — с одеждой и головным убором лам (ей был присвоен № 741), что не соответствовало истинному размаху его собирательской деятельности.

Известно, что в 1770 г. он приобрел у яицких казаков коллекцию «монгольских и калмыцких бурханов» с целью «помочь разобраться ученым людям к объяснению митологических древностей и религии Далай Ламы» (Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 326, л. 339) (цит. по: [Станюкович 1964: 30]). О покупке в 1770 г. «мунгальских и калмыцких идолов» (82 статуэтки) упоминает в своем каталоге О.П. Беляев (Каталог путеводитель, 1773, переиздан в 1800 г., в этом издании — с. 151). Руссов [1900: 17] назвал ее первой буддийской коллекцией Кунсткамеры. Однако со временем следы этого обширного собрания (как и упомянутой выше коллекции Миллера) затерялись, и оно «всплывает» уже в наши дни благодаря усилиям Д.В. Иванова [Иванов 2008].

В 1818 г. на базе коллекций Кунсткамеры был создан Восточный кабинет, вскоре приобретший статус Азиатского музея (с 1930 г. — это Институт востоковедения АН СССР). Ему были переданы все коллекции по Востоку. После того как в 1836 г. обрел права самостоятельного учреждения и Этнографический музей АН — со своим бюджетом, штатом и фондами — уже в 1837 г. Азиатский музей вернул ему этнографические коллекции, в том числе коллекцию предметов буддийского культа. Датированная в связи с этим 1837 г. (без сведений о собирателе), она была в начале XX в. по новой системе, введенной при В.В. Радлове, зарегистрирована под № 719 (вместе с предметами, переданными в музей еще в XVIII в. Г.Ф. Миллером). По мнению проводшего тщательное «расследование» Д. Иванова, собирателем основной части (70 предметов) этой

коллекции и был П.С. Паллас, но к ней было присовокуплено собрание Г.Ф. Миллера.

Интересующие нас восточные коллекции» музея, по данным на 1848 г., содержали 1197 единиц хранения, что составляло более трети всего этнографического фонда, насчитывавшего 3101 предмет (Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 29, л. 5 — цит. по: [Станюкович 1964: 45]). Среди этих предметов должны были быть буддийские статуэтки, иконы и иные принадлежности буддийского культа, переданные в музей Г.Ф. Миллером и П.С. Палласом, Ладыженским и Шиллингом фон Канштадтом (№ 710).

По свидетельству Руссова, в музее было много культовых фигур, картин, монашеских одеяний и пр.

Большую роль в расширении сведений о культуре азиатских народов, исповедующих буддизм, и в пополнении фондов МАЭ принадлежностями буддийского культа сыграло Географическое общество, организовавшее несколько экспедиции в Восточную Азию.

В связи с присоединением к России в 1867 г. Западного Туркестана и постоянным соперничеством с Великобританией за влияние в странах Азии, стала особенно актуальной задача изучения соседних с Россией Центрально- и Восточноазиатских земель. Под эгидой Главного Штаба и РГО (созданного в 1845 г.) были проведены масштабные экспедиции в Монголию, Китай, Тибет. Н.М. Пржевальский и его ученики и последователи М.В. Певцов, В.И. Роборовский, П.К. Козлов, Г.Н. Потанин, Г.Г. Грум-Гржимайло внесли громадный вклад в исследование Центральной и Восточной Азии, ее природы, населения, древних памятников культуры, в том числе буддийских.

В документах, сопутствовавших поступлениям новых коллекций в МАЭ из РГО, не всегда отмечено, кто был собирателем коллекций, переданных сначала в Географическое Общество, а по истечении какого-то времени отданных в МАЭ, и нельзя исключать того, что это были и названные выше великие путешественники.

Очень активно проявили себя на ниве собирательства интересующего нас круга предметов отдельные граждане — члены различных отделений РГО, энтузиасты-краеведы — Осокин, Лушников, Птицын и др., маститые ученые и студенты, дипломаты (Я.П. Шишмарев, Н.Н. Кротков и др.), чиновники, военные. Образованные люди разных сословий и профессий откликнулись на призыв к собирательству, и безвозмездно переданные ими в музей вещи обогатили буддийский фонд старейшего российского музея.

Фонды Этнографического музея, в 1897 г. слившегося с Антропологическим музеем в Музей антропологии и этнографии, несмотря на скромный бюджет, не позволявший больших расходов на приобретение новых коллекций, неуклонно росли за счет дарения.

Пополнение музея во многом зависело от активности и дипломатических талантов директора, а в этих качествах нельзя отказать крупному ученому и мудрому руководителю МАЭ Л.И. Шренку, руководившему музеем с 1879 по 1894 гг. Благодаря его усилиям в музей поступили дары, которыми осыпали цесаревича Николая Александровича во время его знаменитого путешествия на Восток (коллекция № 313), коллекции князя Э.Э. Ухтомского, барона О.Р. Штапельберга, академика Г. Гельмерсена, Д.А. Клеменца и многих других.

При следующем директоре музея — выдающемся ученом В.В. Радлове (1837—1918) (при котором была введена новая, поныне действующая система нумерации коллекций) — сложился коллектив высококвалифицированных сотрудников — этнографов и востоковедов, штатных и нештатных, обеспечивавших активное пополнение фондов МАЭ и корректное его описание при регистрации новых поступлений (Ольденбург, Руднев, Иванов, Клеменц, Штернберг, Воробьев, Адлер, Барадийн).

Для повышения престижности сотрудничества с МАЭ в 1898 г. был учрежден институт «члена-корреспондента МАЭ» — в этом статусе состояли Кириллов, Жамцарано, Голубев, имена которых заняли почетное место среди собирателей буддийских коллекций, хранящихся в МАЭ. Кроме того, «музей организовал ряд этнографических и археологических экспедиций, к участию в которых привлекал местных специалистов и краеведов-любителей, включая их в состав экспедиций или выдавая «открытые листы» на право производства раскопок, сбор полевого и вещественного материала. Выдавались и средства на приобретение коллекций» [Станюкович 1964: 64]. Среди воспользовавшихся этими правами энтузиастов были упомянутые выше Кириллов и Ж.Ц. Жамцарано.

В первые десятилетия XX в. в Санкт-Петербурге сложилась сильная буддологическая школа во главе с Ф.И. Щербатским. Активную роль в поднятии на мировой уровень отечественной буддологии сыграл академик С.Ф. Ольденбург (1863—1934 гг.). Неутомимый исследователь, организатор двух Туркестанских экспедиций, передавший вывезенные из Китайского Туркестана произведения буддийского искусства в МАЭ, отдавший в наш музей преподнесенные ему на Востоке буддийские вещи, в т. ч. подаренную Далай-ламой XIII статуэтку Майтреи — Будды будущего (колл. № 1425), курировавший буддийский отдел в Этнографическом музее и официально не выделенный такой же отдел в МАЭ, многие годы возглавлявший Азиатский музей, Непременный Секретарь АН, С.Ф. Ольденбург был не просто наделенным большой властью деятелем Академии наук России, он был душой, дирижером большого коллектива российских востоковедов и этнографов, посвятивших себя изучению памятников буддийского искусства, всемерно способствовавших приращению буддийских коллекций в музеях России.

В 1900 г. музей стал издавать Сборник МАЭ, и в первых же его выпусках появляются статьи С.Ф. Ольденбурга об иконографии буддийских изображений, А.Д. Руднева — о технике создания буддийских икон.

С.Ф. Ольденбург начал издавать Библиотеку Буддике, где в пятом томе им был издан свод из 300 бурханов. Расцвет петербургской школы буддологии не обошел стороной МАЭ, что ясно прослеживается по истории накопления буддийских коллекций в этот период, длившийся с начала XX в. до 1930-х годов.

В 1906 г. В.В. Радловым были изысканы средства для отправки в командировку в ряд стран Азии с целью приобретения коллекций сотрудника музея Н.И. Воробьева. Привезенное им из Сиам (в составе большой коллекции предметов культа и быта № 1041) собрание изображений Будды ценно тем, что относится к искусству южного буддизма — хинаяны, в то время как основная масса буддийских коллекций музея происходит из стран, в которых распространены северный буддизм — махаяна.

Н.И. Воробьев опубликовал это собрание в Сборнике МАЭ [Воробьев 1912] с предисловием, написанным С.Ф. Ольденбургом.

В 1903 г. при МИД был создан Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, в состав которого от Академии наук вошли видные ученые (председатель — В.В. Радлов, товарищ председателя — С.Ф. Ольденбург). На средства комитета (в дальнейшем — РКИСВА) в первые же годы его существования состоялось несколько важных поездок — в Монголию (А.Д. Руднев), в Восточный Туркестан (М.М. Березовский, а также С.Е. Малов), в Тибет (Б.Б. Барадийн). «Вещевые» коллекции, собранные этими учеными во время командировок, поступали в МАЭ.

М.М. Березовский, побывавший в 1905—1906 гг. в Кучарском оазисе, привез из развалин храмов V—VII вв. в Кумтуре в окрестностях Кучи росписи на ткани, фрагменты деревянных статуй и резных барельефов с изображениями бодхисаттв, известковые матрицы для изготовления статуй из глины по частям (см.: [Воробьева-Десятовская 2008: 119]).

Во время Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлов открыл в песках пустыни Гоби мертвый город Хара-Хото — один из городов тангутского государства Западное Ся (982—1227). Найденные в раскопанном знаменитом субургане книги и рукописи на тангутском, китайском и др. языках, в основном буддийские сочинения, попали в Азиатский музей, а произведения искусства, выбранные из массы находившихся в субургане статуй — двухголовый Будда и Будда в короне из глины и соломы (XIV в.), иконы с изображениями Будды, Амитабхи, бодхисаттв на холсте, полотне и шелке — поступили в наш музей (Самосюк 2008: 317).

По инициативе РКИСВА состоялись две экспедиции в Восточный Туркестан под руководством С.Ф. Ольденбурга. В ходе первой РТЭ в 1909—1910 гг. были обследованы древние наземные и пещерные буддийские храмы Турфана и Карашара, произведены археологические раскопки в Шикшине. Были сняты и доставлены в МАЭ фрагменты росписи стен и потолков храмов, глиняные головы Будды и бодхисаттвы (конца VI в.) и фрагменты фигур Будды из глины (VI—VII вв.), деревянные статуи стоящего Будды (IX—X вв.), сидящий Будда (V в.) и бодхисаттва Майтрея (VI — нач. VII в.) из лесса. К сборам первой РТЭ в Турфане добавилось также поступившее в МАЭ собрание погребальных фигурок из дерева и лесса (X—XI вв.) Н.Н. Кроткова [Попова 2008: 174].

Вторая российская туркестанская экспедиция в 1913—1914 гг. исследовала полуразрушенный буддийский монастырь Пещеры Тысячи Будд (IV—XVI вв.) близ г. Дуньхуан в китайской провинции Ганьсу. В этом месте, по словам Щербатского, «на сравнительно небольшом пространстве сосредоточен настоящий естественный музей по истории китайского искусства за несколько столетий» (цит. по: [Ермакова 1998: 206]). Члены экспедиции собрали богатейший материал, привезенный в Петербург, он включал переданную в Азиатский музей коллекцию китайских, в основном буддийских, рукописей VI—X вв. (составившую дуньхуанский фонд ИВР РАН) и произведения искусства, поступившие в МАЭ — скульптуру из лесса и соломы, иконы на шелке и холсте, фрагменты стенной росписи [Попова 2008: 253—255].

В 1913 г. в Париже в музее «Cernuschi» состоялась буддийская выставка, на которую от российской АН был командирован В.В. Голубев, представивший по окончании выставки отчет [Голубев 1913: 377—382], свидетельствовавший

о том, что на этой выставке были слабо представлены Китай, Тибет, Япония, а Средняя Азия полностью отсутствовала. Не исключено, что это мероприятие навело мысль о проведении подобной выставки в России [Ермакова 1998: 164]. Материала для этого накопилось достаточно.

Уже после революции в 1919 г. в Петербурге в стенах Русского музея по инициативе российских буддологов во главе с С.Ф. Ольденбургом состоялась Первая буддийская выставка. Она базировалась на собраниях этнографического отдела Русского музея, МАЭ и Эрмитажа и ярко демонстрировала наличие богатых буддийских коллекций в петербургских музеях, познакомила с ними и научную общественность, и «широкую публику». Просветительский характер этого события подчеркивало чтение лекций о буддизме выдающимися востоковедами — С.Ф. Ольденбургом, Б.Я. Владимирцовым, Ф.И. Щербатским, О.О. Розенбергом, В.М. Алексеевым.

Организаторы выставки стремились охватить весь «буддийский мир», насколько это позволяли коллекции музеев-учредителей. Наибольшее количество экспонатов из Зарубежной Азии происходило из Тибета, Монголии и Китая, что С.Ф. Ольденбург объяснял близостью этих стран к России и помощью российских граждан-буддистов бурят в накоплении в российских музеях буддийских коллекций.

Выставленные в стенах Русского музея на экспозиции, посвященной Восточному Туркестану, предметы из коллекций М.М. Березовского, П.К. Козлова и двух Туркестанских экспедиций (наряду с другими коллекциями по буддизму Монголии, Бурятии, Сиам, Индонезии и пр.) фигурировали как поступившие из собрания Музея антропологии и этнографии.

Однако в 1930–1931 и 1934 гг. по решению авторитетной академической комиссии во главе с С.Ф. Ольденбургом все коллекции по Китайскому Туркестану, находившиеся в фондах МАЭ (10 тысяч предметов!), были переданы в Государственный Эрмитаж.

Состоявшейся в 1930 г. передаче туркестанских коллекций в Эрмитаж предшествовала дискуссия о целесообразности этого акта. За передачу были Ольденбург и Бартольд, против — Л.Я. Штернберг. С.Ф. Ольденбург и В.В. Бартольд считали, что «эти коллекции не могут остаться в МАЭ, т.к. этнографический элемент в них минимален». Штернберг возражал: «Турфанские коллекции остались в Берлине в этнографическом музее, равно как и буддизм, а не переданы в новый, как то следовало бы, если встать на точку зрения, противоположную защищаемой». На это Ольденбург заметил: «Берлинский музей пока Кунсткамере и примером служить не может», — а Бартольд добавил: «МАЭ не музей мировой культуры» (протокол этого заседания хранится в папке «Турфан» в отделе учета и хранения МАЭ).

Ныне о былых «богатствах» МАЭ, изъятых в пользу другого музея, можно судить по каталогу выставки «Пещеры Тысячи Будд», состоявшейся в 2009 г. в Эрмитаже — в нем при каждой иллюстрации экспоната выставки указано его происхождение, и для большинства предметов это МАЭ.

Эрмитажная выставка 2009 г., навевающая ностальгические воспоминания о перевернутой странице истории МАЭ, претендует на название Второй буддийской выставки в Петербурге и приурочена к 190-летию Азиатского музея (после 1930 г. Института востоковедения АН СССР, а ныне — Института Восточных рукописей РАН). Она объединила все коллекции, прибывшие из

Восточного Туркестана в Петербург в результате работы экспедиций Березовского, Козлова и двух Туркестанских экспедиций Ольденбурга, и создала впечатляющую картину открытого и глубоко изученного русскими учеными богатства буддийской культуры и искусства, более тысячи лет процветавших, а затем угасших в этом регионе Азии.

В советский период после такого многообещающего начала, как проведение первой буддийской выставки, постепенно складываются обстоятельства, затормозившие, а затем и оборвавшие тот подъем буддологии, о котором говорилось выше. Атмосфера антирелигиозной пропаганды, вменявшей в обязанность музеям, акцент не на традиционной культуре, а на строительстве коммунизма (в СССР) или национально-освободительной борьбе (в странах Зарубежной Азии и др.), гонения на духовенство, и православное, и буддийское, как государственная политика, не благоприятствовали нормальной научной, музейной, в т. ч. собирательской, деятельности в сфере религии. Научные исследования в области буддологии практически прекратились. Многие ученые были репрессированы, знакомые имена А.И. Иванова, Б.Б. Барадийна, А. Доржиева и др. попали в изданную в 2003 г. энциклопедию «Люди и судьбы», освещающую прерванное репрессиями творчество и часто трагическое окончание жизненного пути многих отечественных востоковедов.

Однако сложилась парадоксальная ситуация — в связи с закрытием многих буддийских храмов в Бурятии дальновидное «начальство» распорядилось передать в МАЭ ритуальные буддийские принадлежности из одного такого храма — Агинского дацана. Выполнение этого задания было возложено на сотрудника музея Г.А. Гловацкого, который в 1940 г. и осуществил план перемещения храмовых вещей в наш музей. Это собрание, именуемое в описи «из бывшего буддийского монастыря», получило № 4698. В нем было около 700 предметов.

В 1947 г. его описал Л.Н. Гумилев — пухлая папка многостраничного текста, написанного рукой ученого, хранится в отделе учета и хранения МАЭ и является свидетелем этого события в истории нашего музея и нашей страны. В годы перестройки это собрание было возвращено в Агинский дацан, но настоятель дацана позволил часть предметов вернуть в музей (ныне это коллекция № 7166). Л.Н. Гумилев написал книгу «Старобурятская живопись», основанную на изучении искусства иконописи, в частности по этой богатой коллекции [Гумилев 1975].

Кроме перемещения культовых предметов из Агинского дацана в наш музей, были предприняты поездки сотрудников музея в другие дацаны Бурятии с целью сбора произведений разнообразных ремесел, изготовлявшихся в мастерских при храмах. Так появились коллекции № 4098 и № 4176-82.

Пополнение буддийского собрания музея на протяжении советского периода в значительной мере происходило за счет «перераспределения» ранее собранных коллекций, находившихся в различных местах: в Эрмитаже, Азиатском музее, Географическом Обществе и многочисленных небольших музеях, для которых культовые буддийские предметы были признаны «непрофильными». Часто упоминаются в описях коллекций в графе «собиратель» Музейный фонд и Экспертная комиссия, вершившие судьбы не только находившихся в других музеях «старых» вещей, но и тех новых «национализированных» ценностей, которые были экспроприированы у бывших их владельцев — аристократов, коллекционеров и пр. лиц.

Большим событием для МАЭ было поступление в 1950 г. больших коллекций из московского Музея восточных культур, ГМЭ (№ 5942 и др.).

С началом перестройки отношение к религии изменилось, наступил и ренессанс буддизма в России — обрели свое прежнее место и статус культовые предметы Агинского дацана, вернулся к истинному своему предназначению буддийский храм в Петербурге, началось возрождение буддологии, стали появляться переводы классических буддийских трудов, исследования по буддийскому искусству и буддийской иконографии, словарь «Буддизм». В Петербурге создано издательство «Нартанг», появился журнал «Буддизм в России» (главный редактор Андрей Терентьев), оживилась музейная работа (выставки отечественные и участие в зарубежных буддийских выставках).

За 295 лет своего существования МАЭ накопил большое и ценное собрание произведений буддийского искусства — скульптуры, живописи и ритуальных предметов, созданных в разных районах «буддийского мира» мастерами разной этнической принадлежности в разные времена в разных стилях из разных материалов.

СПИСОК ВСЕХ КОЛЛЕКЦИЙ С ПРЕДМЕТАМИ БУДДИЙСКОГО КУЛЬТА

№ коллек- ции	Время поступ- ления	Место сбора	Собиратель	Приме- чания
8	1885	Непал	Шиллинг фон Канш- тадт П.Л.	
10	1865	Монголия	Азиатский Департамент МИД	
32	1895	Забайкалье	Бередников Я.И.	
63а	1885	Монголы, буряты	Г-жа Титова	
120	1887	Монголия	Регель А.	
158	1888	о. Ява (Боробудур)	Э.де Стюрлер	
173	1889	Япония	Линдестрем В.В.	
178	1890	Монголия	Гельмерсен Г.П.	
187	1890	Забайкалье, буряты	Ухтомский Э.Э.	
200	1891	Монголия	Гарнак Г.	
205	1885	Урга	Шишмаров Я.П.	
213	1865	Япония	Штакельберг О.Р. (через РГО)	
220	1893	Забайкалье, буряты	Птицын В.В.	
226	1893	Индия	Минаев И.П.	
296 (новый №5684)	1894	Сибирь, буряты, монголы	Дудин С.М.	
313	1893	Забайкалье, буряты	Николай П	
325	1897	Халха и Западная Монголия	Клеменц Д.А.	

№ коллек- ции	Время поступ- ления	Место сбора	Собиратель	Приме- чания
327	1897	Монголия	Осокин Г.М.	
335	1887	Алтай, Минусин- ский округ, тувинцы	Адрианов А.В. Ядринцев Н.М.	
351	1891	Забайкальская обл., буряты, тангуты	Небольсин П.И. Бадмаев	
390	1897	Забайкалье, Монголия	Осокин Г.М.	
424	1898	Забайкалье, хорин- ские буряты	Осокин Г.М.	
451	1898	Монголия, Халха	Радлов В.В.	
455	1899	Восточный Туркестан	Алфераки С.Н.	
456	1894	Монголия	Клеменц Д.А.	
460	1899	Монголия	Осокин Г.М.	
470	1890	Китай	Посъет К.Н.	
509	1899	Монголия, Забайка-лье	Осокин Г.М.	
510	1900	Забайкалье	Осокин Г.М.	
521	1899	Иркутская область, буряты	Ядринцев Н.М.	
542	1900	Монголия	Лушников А.А.	
576	1900	Семипалатинский уезд	Императорский Эрмитаж	
582	1900	Пекин	Студент Келлер К.	
589	1900	Монголия	Осокин Г.М.	
591	1900	Монголия	Лушников А.А.	
601	1901	Пекин	Бородовский Л.И.	
673	1827-37	Китай	Азиатский музей	
675	1856	Китай	Шренк Л.И.	
683	1831	Китай	Ладыженский М.В.	
710	1841	Китай, Монголия	Шиллинг фон Канш- тадт П.Л.	
713	186 7	Китай	Императорский Эрмитаж	
715	1887	Монголия	Имп. Эрмитаж	
716	1887	Монголия	Имп. Эрмитаж	
716a	1838	о. Ява	Овермеер-Фишер И.Ф.	
719	1837	Монголия и калмыки	Азиатский музей	Паллас, Миллер, Иериг
720	1902	Монголия	Руднев А.Д.	
727	1903	Монголия	Ольденбург С.Ф.	

№ коллек- ции	Время поступ- ления	Место сбора	Собиратель	Приме- чания
739	1903	Забайкалье	ИРГО	
740	1903	Монголия	Неизвестен	
741		Монголия	Паллас П.С.	
746	1903	Япония	Неизвестен	
747	1903	Монголия	Успенский Г.	
748	1867	Тибет	Шлагинтвейн	
761	1903	Пекин	Шмидт П.П.	
763	1903	Астраханская губер- ния, калмыки, Забайкальская область, буряты	Руднев А.Д.	
769	1903	Урга	Шулыгин Н.Н.	
782	1903	Урга	Руднев А.Д.	
794	1903	Китай	Кириллов Н.В.	
797	1903	Забайкалье	Барадийн Б.Б.	
801	1904	Китай	Холодовский Н.И.	
807	1904	Астраханская губер- ния, калмыки	Елачич М.А.	
817	1903	Восточный Турке- стан, Калмыцкие степи	Ольденбург С.Ф.	
827	1904	Япония	Ольденбург С.Ф.	
838	1904	Япония	Ольденбург С.Ф.	
841	1904	Монголия	Руднев А.Д.	
843	1904	Монголия	Руднев А.Д.	
853	1904	Тибет	Доржиев А.	
890	1904	Китай	Горбатовский К.З.	
906	1865	Монголия	ИРГО (Абра-мов)	
911	1905	Урга	Шангин В.А.	
933	1905	Тибет	Казнаков А.Н.	
943	1905	Астраханская губер- ния, калмыки	РКИСВА	
978	1905	Восточная Монголия	Шангин В.А.	
980	1906	Япония	Григорьев А.В.	
985	1906	Астраханская губер- ния, калмыки	Студент Муром- ский Ф.В. (от РКИСВА)	
988	1906	Астраханская губер- ния, калмыки	Джунгорцев	
1003	1906	Монголия	Александр Е.И.	
1014	1906	Монголия	Александр Е.И.	
1041	1906	Сиам	Воробьев Н.И.	

№ коллек- ции	Время поступ- ления	Место сбора	Собиратель	Приме- чания
1049	1906	Япония	Мерклин А.	
1057	1905	Забайкалье, буряты	Барадийн Б.Б.	
1091	1907	Китай	Козлов П.К.	
1108	1907	Иркутская губер- ния, буряты	Жамцарано Ц.Ж.	
1116	1907	Япония, Китай	Александр Е.И.	
1157	1907	Астраханская губер- ния, калмыки	Кандиба Н.И.	
1182	1907	Астраханская губер- ния, калмыки	Гелюн Найманов	
1193	1907	Китай	Таренецкая С.А.	
1194	1907	Китай	Таренецкая С.А.	
1204	1907	Китай	Якобсон	
1205	1908	Тибет	Барадийн Б.Б.	
1206	1908	Иркутская губер- ния, буряты	ИРГО	
1210	1908	Япония	Бородовская К.Л.	
1216	1908	Забайкальская об- ласть, буряты	ИРГО	
1222	1908	тангуты	ИРГО (Козлов П.К.?)	
1223	1907	Сиам	Таренецкая С.А.	
1224	1907	Индия	Таренецкая С.А.	
1228	1908	Монголия	ИРГО	
1230	1908	Китай	Жакович В.М.	
1269	1908	Китай, Маньчжурия	Рядовой роты дворцо- вых гренадеров	
1328	1907	Монголия	ИРГО	
1395	1908?	Китай	Черник Г.П.	
1396	1908	Урга	Дудин С.М.	
1425	1909	Тибет	Ольденбург С.Ф. (подарок Далай-ламы XIII)	
1426	1909	Тибет	Ольденбург С.Ф.	
1427	1909	Монголия	Жамцарано Ц.Ж.	
1433	1909	Сибирь, буряты	Руднев А.Д.	
1489	1909	Тибет	Радлов В.В.	
1505	1909	Иркутская губер- ния, буряты	Радушкевич	
1569	1909?	Тибет		
1743	1910	Тибет	Козлов П.К. (от гегена Чойбсенского монас- тыря)	

№ коллек- ции	Время поступ- ления	Место сбора	Собиратель	Приме- чания
1785	1910?	Пекин	Иванов А.И.	
1820	1911	Китай	Из прежних коллекций музея	
1821	1911	Тибет	Григорьев А.В.(от Козлова П.К.)	
1826	1907	Сибирь, буряты	Васильев В.Н.	
1869	1911	Монголия	Хамбо лама Зарбаин	
1875	1911	Китай, желтые уйгуры	С.Е.Малов (РКИСВА)	
1907	1911	Япония, Китай	Краснов А.Н.	
1911	1911	Китай	Чжу У	
1951	1912	Иркутская область, буряты	Вампилин Б.	
1953	1912	Забайкальская об- ласть, буряты	Клюкина Н.А.	
1954	1912	Иркутская область	Литвиницкая	
1972	1912	Монголия, Тибет	Казнаков А.Н.	
2054	1912	Южный Китай	Алексеев В.М.	
2072	1912	Япония	Иванов А.И.	
2084	1913	Япония	Рончевский А.Д.	
2092	1913	Забайкальская область	От сибирской экскур- сии	
2256	1913	Индия	Гейман С.В.	
2261	1913	Монголия	Пиунковский	
2262	1913	Монголия	Бурдуков А.В.	
2263		Япония	Бихнер Е.А.	
2268	1914	Монголия	Бурдуков А.В.	
2369		Китай	Козлов П.К.	
2370		Китай	Модзалеvский Б.Л.	
2375		Буряты	Гейман С.В.	
2449	1914	Забайкалье, буряты	Першин Д.	
2470	1915	Япония	Иванов А.И.	
2502	1915	Пекин	Боровский П.П.	
2503	1915	Монголия	Картыков А.Н.	
2511	1915	Монголия	Неизвестен	
2544	1916	Калькутта	Иванов В.А.	
2563	1916	Тибет	ИРГО	
2585	1916	Сингапур	Руднев Д.Д.	
2611	1916	Тибет	Барадийн Б.Б.	
2641		Негативы фотогр. буддийской скульп- туры	Дудин С.М.	

№ коллек- ции	Время поступ- ления	Место сбора	Собиратель	Приме- чания
2659	1917	Индия	Каменская А.А.	
2671	1916	Тибет		
2681	1918	Монголия, дербеты	Бурдуков А.В.	
2686	1918	Сиам	Сурин К.Н.	
2689	1918	Индия	Пржиленецкий В.П.	
2694	1918	Китай, Восточный Туркестан	Кротков Н.Н.	
2705	1919	Бангкок	Из дворца вел. кн. Бориса Владимиро- вича	
2712	1919	Китай	Неизвестен	
2722	1919	Китай	Иванов А.И.	
2748	1919	Китай	Тевяшев Е.Е.	
2756	1920	Китай	От федерации иностр. совдепов (на хране- ние)	
2757	1920	Китай	Пантелеев Л.Ф.	
2758	1920	Япония	Пантелеев Л.Ф.	
2760	1920	Индия	От политотдела Петротрудартели	
2771	1920	Китай	От экспертной комис- сии	
2774	1920	Китай	Тевяшев Е.Е.	
2789		Китай	От экспертной комис- сии	
2845	1922	Китай	Сталь фон Гольстейн А.А.	
2880	1923	Вост. Туркестан (негативы)		
2934	1920	Монголия	Неизвестен	
2950	1924	Китай	От Музейного фонда	
2951	1924	Китай	От Музейного фонда	
2954	1924	Монголия	Тевяшев Е.Е.	
2962	1924	Монголия	От Пушкинского Дома	
2964	1924	Китай	Маркович Н.	
2967	1924	Монголия	Модзалевский Б.Л.	
3005		Монголия	Ольденбург С.Ф.	
3066	1924	Шри Ланка	Мерварты А.М. и Л.А.	
3179	1924	Шри Ланка	Мерварты А.М. и Л.А.	
3202	1925	Около Пекина	Кержин М.	
3229	1925	Монголия	Ольденбург С.Ф.	

№ коллек-ции	Время поступ-ления	Место сбора	Собиратель	Приме-чания
3242	1925	Бурятия	Суворин Г.А.	Фотогр. по буддизму
3251(-229)	1925	Китай	Ухтомский Э.Э.	
3252	1925	Китай	Ухтомский Э.Э.	
3253	1926	Китай	Ухтомский Э.Э.	
3255	1926	Китай	Ухтомский Э.Э.	
3260	1926	Китай	Ухтомский Э.Э.	
3429	1927	Китай	Тевяшев Е.Е.	
3445	1927	Китай	Страховская Т.И.	
3496	1927	Япония	Пестинский	
3538	1927	Китай	Из прежних поступле-ний музея	
3561	1927	Китай, Япония	Ухтомский Э.Э.	
3698	1928	Монголия	От Музейного фонда	
3807	1928	Китай, Маньчжурия	Фе Е.А.	
3833	1929	Китай	От Музея ГПУ	
3916	1929	Япония	Глускина А.Е.	
3917	1929	Монголия	Из коллекции барона Ангальта Ф.Е.	
3918	1929	Монголия	Бекман А.Ф.	
3931	1929	Монголия	Квашнин-Самарин П.Н.	
3947	1929	Монголия, Китай	Из прежних поступле-ний музея	
3948	1929	Монголия	Сталь фон Гольстейн А.А.	
3960	1929	Монголия	Неизвестен	
4098	1929	Бурят-Монгольская АССР	Амстердамская Л.А.	
4099,4176-4182	1930	Бурят-Монгольская АССР	Б.М. Археграфоэтно-графическая экспе-диция АН СССР	
4229	1930		Неизвестен	
4240	1930	Китай	Кирсанова К.П.	
4241	1931	Китай	Мясников А.С.	
4273	1931	Тибет	Из прежних поступле-ний	
4573	1932	Япония	От этнографич. отдела Русского музея	
4698	1940	Бурят-Монгольский Нац. округ, Агин-ский дацан	Гловацкий Г.А.	
4804		Индия		

№ коллек- ции	Время поступ- ления	Место сбора	Собиратель	Приме- чания
5049	1933	Бурят-Монголия	Военно-морская акаде- мия	
5188	1934	Монголия	Букинич Д.Д.	
5303	1935	Монголия	Букинич Д.Д.	
5308	1935	Тибет	Шнейдер В.П.	
5317	1935	Монголия	Бельский С.А.	
5318	1935	Монголия	От физич. каб. ЛГУ	
5350	1935	Монголия	Овсянникова	
5528	1937	Калмыцкая область, калмыки	Наумов Д.	
5529	1935	Тибет	Баторов С.А.	
5573	1937	Китай, Восточный Туркестан	Из старых поступлений музея	
5593	1938	Монголия	Тевяшев Е.Е.	
5607	1938		Недлер	
5748	1937	Тибет	Из старых поступлений музея	
5820	1946	Маньчжурия, южные монголы	Павчинский Р.Э.	
5846	1946	Китай	Максимова М.К.	
5942	1950	Тибет	От ГМЭ	
5950	1950		От ГМВК	
5959	1950	Тибет	От ГМВК	
5964	1950	Монголия	От ГМВК	
5979	1953	Тибет	Из ГМЭ (передача)	
5990-7	1940	Япония	От ГМЭ	
6072		Корея	Гос. Приморский обл. музей (Владивосток)	
6123	1951	КНР	ВГО	
6308	1952	Буряты/китайцы	ИВАН	
6431	1959	Япония	От ГМВК	
6667	1967-68	Китай/Япония	Петрова В.Н., Чевыка- лова З.М.	
6744		Шри Ланка		
6747	1976	МНР	Несколько дарителей	
6752-45	1970	Тибет	Из коллекции П.К.Козлова	
6815	1979	Бирма	Из Эрмитажа	
6833		Шри Ланка		
6888	1983	Япония	Басилов В.Н.	
6949	1987	Вьетнам		
6960	1988	Индия, Шри Ланка		

№ коллек- ции	Время поступ- ления	Место сбора	Собиратель	Приме- чания
6981	1990	Камбоджа		
7049	1994	Непал		
7129	1998- 1999	Таиланд	Чатри Хема-панда	
7163	1989- 1999	Китай	Несколько дарителей	
7166	2000	Читинская область	Настоятель Агинского дацана	
7176	2000	Таиланд	Иванова Е.В.	
7310	2006	Таиланд	Ларионова Л.В.	

КОЛЛЕКЦИИ ПО КИТАЮ

КИТАЙ на ЭКСПОЗИЦИИ

Шкаф 28 Резьба по камню

5990-7 Фигура, изображающая будду Майтрею

5956-79 фигурка буддийского монаха, китайцы, первая половина XX в.

Шкаф 22 Буддизм

710-8 молитвенный барабан

710-46/29 икона буддийская, холст, дерево, коленкор, бумага, краска, рисо-
сование, золочение

1193-38 модель кумирни бронзовая на подставке

1193-40 мандала, XIX в.

2054-17/2 хоругви, мишура, блестки, ткань, вышивка

2789-10 бронзовая фигура будды Майтрейи

3251-229 буддийская икона

5606-1 колокол

11-49 бусы, XIX в.

75-9 четки парадные, маньчжуры, XX в., семена

710-13/8 буддийские драгоценности (7 пр.), металл

71-16/2 буддийская драгоценность

713-7 бронзовая статуэтка Будды Шакьямуни

713-10 бронзовая статуэтка Будды Амитабхи

713-11 бронзовая ст. бодхисаттвы

713-31 колокольчик

1193-3 а, б бронз. Авалокитешвара на подставке XIX в.

2712-10 бронз. Кубера — бог богатства

2845-9 бронз. многорукая Гуаньинь

3561-5 бронз. фигура ламы

4229-2 бронз. фигура архата
667-37 а, б курильница с крышкой
3947-2 а, б бронз. курильница с крышкой
1739-2 костюм буддийского монаха

К числу самых ранних по времени сбора предметов буддийского культа, происходящих, согласно музейной документации, из Китая, относятся собрания под №№ 683, 710, 675 (более поздние по времени поступления в музей коллекции имеют более «ранний» номер вследствие того, что они опередили коллекции, поступившие много раньше, по времени регистрации).

1831 г.

№ 683 — подаренные полковником Михаилом Васильевичем Ладыженским, приставом 11-й Русской духовной миссии в Китае, бронзовые статуэтки Будды и архатов и свитки с изображениями буддийских божеств [Кисляков 2005: 52–55].

1841 г.

№ 710 — большая коллекция предметов буддийского культа подарена Этнографическому музею женой собирателя Павла Людвиговича Шиллинга фон Канштадта, чиновника МИД, проявлявшего глубокий интерес к культуре Востока. Данная коллекция (Д. Иванов оспаривает ее китайское происхождение, см.: [Иванов 2005]) — весьма представительное собранием буддийских ритуальных предметов, в нее входят бронзовые статуэтки бурханов, буддийские драгоценности, ваджра, колокольчик, жертвенные чашечки, субурган, молитвенный барабан, иконы (часть предметов находится на экспозиции в зале «Китай», шкаф 22). Имеется предположение о причастности к комплектованию данной коллекции крупного ученого-синолога В.П. Васильева [Станюкович 1964: 56] (рис. 1).

1856 г.

№ 675 — коллекция поступила от Леопольда Ивановича Шренка, совершившего в 1853–1856 гг. длительное путешествие в Китай в «целях антропологических и этнографических исследований». В этой коллекции имеются глиняная статуэтка Будды и бронзовый Арьяболо.

1867 г.

Из Эрмитажа поступила коллекция, получившая позднее № 713.; предметы из этой коллекции — бронзовые статуэтки Будды Шакьямуни, Амитабхи, бодхисаттвы и ритуальный колокольчик выставлены в шкафу 22 («Буддизм») в зале Китая в МАЭ.

1899 г.

Два собрания предметов буддийского культа из Китая, судя по Журналу поступлений в МАЭ, поступили в 1899 г. Первое (колл. № 455) состоит из двух статуэток бодхисаттв, переданных музеем географом Сергеем Николаевичем Алфераки, обнаружившим их «в гроте вблизи тракта из Караше в Кульджу за р. Малый Юлдухз», на южном склоне Тянь-Шаня в Карашарском округе в Ки-

Рис. 1. ЦОНКАПА. МАЭ. Колл. № 710-58/3-2

тайском Туркестане. (Такая точность в указании местонахождения предметов, переданных в музей, является редким исключением на фоне преобладания неопределенности: гораздо чаще, к сожалению, не только отсутствует уточнение места в стране, из которой происходит предмет, но даже не всегда ясно из документации, из какой именно страны он привезен — из Китая или Японии, или из Китая или Монголии, или из Монголии или Бурятии и т.д.)

Второе (колл. № 470) состоит из предметов, приобретенных адмиралом Константином Николаевичем Посыетом в Гонконге, среди которых «икона буддийского божества Тары» (по мнению Д. Иванова, это произведение художника-калмыка [Иванов 2008; Кисляков 2005: 75–82; Прищепова 2000: 16, 36–37]).

1900 г.

Музей купил у студента Восточного Института (Владивосток) Келлера 19 предметов буддийского культа, которые студент Келлер, согласно объяснению в описи коллекции № 582, будучи в Пекине во время боксерского восстания в том же 1900 г., «раскопал после пожара». Это литые и штампованные статуэтки Будды, Амитабхи, Майтреи, барельеф с изображением четырехликого шестирукого божества, молитвы для вложения в статуэтки.

1901 г.

От Л.И. Березовского поступили две маски цама из Пекина (колл. № 601).

1903 г.

Профессор Восточного Института (Владивосток) П. Шмидт подарил музею купленные в Пекине в храме Сунь Чжу-сы буддийские иконы (№ 761).

От Н.В. Кириллова поступила коллекция (№ 794), собранная в Китае, Японии, Маньчжурии, в которой наряду с предметами синтоистского и даосского культов представлены 15 предметов буддийского культа, в т. ч. 4 иконы танка (О Кириллове и об иконе № 794-4 см.: [Иванов 2005]).

От Н.И. Холодовского получен гонг (колл. № 801).

1904 г.

Исключительный интерес как произведение древнекитайского искусства представляет статуэтка бодхисаттвы Гуаньинь, переданная в музей К.З. Горбатовским (колл. № 890). На статуэтке имеется китайская надпись, свидетельствующая о том, что она была создана во времена династии Вэй. Перевел ее П.С. Попов (перевод приложен к описи) (рис. 2, 2.1, 2.2).

1907 г.

В коллекции от путешественника П.К. Козлова № 1091 имеется камень с тибетской надписью «Ом мани падмэ хум».

У вдовы Таренецкого куплены две коллекции — № 1193 и № 1194. В первой коллекции — бронзовые статуэтки Будды, Манджушри, десятиликого Авалокитешвары, Амитабхи, Цзонхавы, Яматаки, Субурган. Глиняные статуэтки Ямантаки и архата. Киот с дакини. Вторая коллекция — из Японии, Маньчжурии и Китая.

У инженера Якобсона куплена колл. № 1204 — бронзовый Ямантаки, субурган, музыкальные инструменты, используемые в буддийском ритуале.

1908 г.

От В.М. Жаковича поступает коллекция «амулетов с буддийской символикой» (№ 1230).

Рядовой роты дворцовых гренадеров передает музею бронзового Будду из Пекина (колл. № 1269).

1909 г.

Полковник Г.П. Черник передал музею коллекцию предметов быта и культа из Маньчжурии, в которой имеется бронзовая статуэтка Будды (№ 1395).

Рис. 2. Бодхисаттва Гуаньинь.
МАЭ. Колл. № 890-1. Вид спереди

Рис. 2.1. Бодхисаттва Гуаньинь.
МАЭ. Колл. № 890-1. Вид сзади

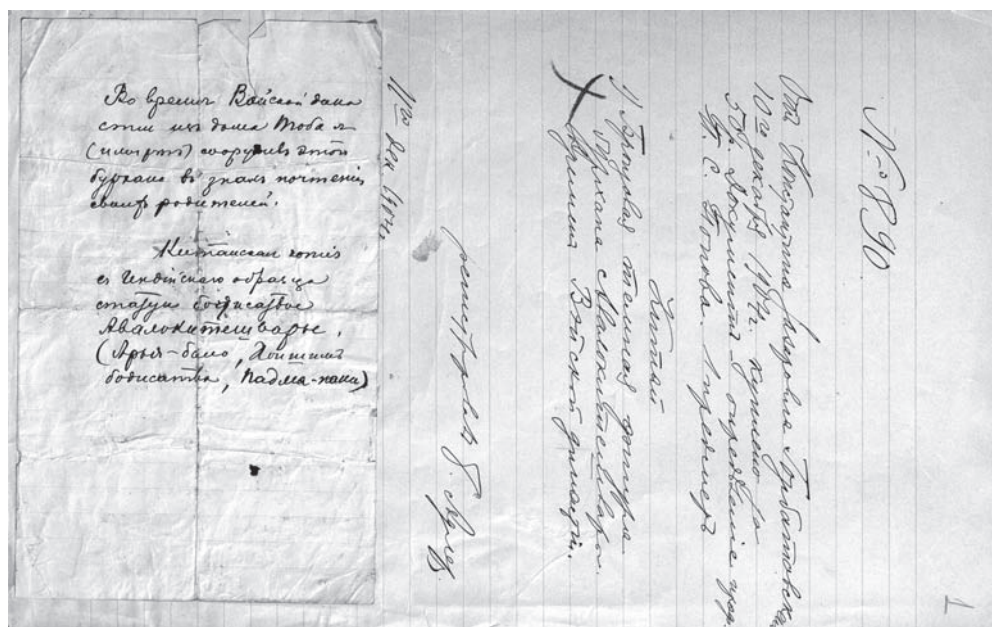

Рис. 2.2. Перевод китайской надписи на фигуре Гуаньинь.

«Во время Вэйской династии из дома Тоба я (имярек) соорудил этого бурхана в знак почтения своих родителей. Китайская копия с индийского образца статуи бодисатвы Авлокитешвары (Арья-боло, Хоншим, бодисатва Падмапани)»

Рис. 3. Богиня Цзысуннян. МАЭ. Колл. № 1785-1

1910 г.

А.И. Иванов приобрел в Пекине для МАЭ коллекцию (№ 1785), в составе которой бронзовое изображение богини Цзысуннян (рис. 3) и ваджра, а также фарфоровая Гуаньинь.

В 1922 г. на рынке в Пекине А. Иванов купил за 250 р. бронзового Амитаюса (колл. № 2722).

1911 г.

Из «прежних коллекций музея» регистрируется под № 1820 собрание предметов быта и культа китайцев, в котором находится бронзовая ваджра.

С.Е. Малов, совершивший поездку по поручению Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии, привез коллекцию по быту и культу желтых уйгуров (№ 1875). Буддийская составляющая этого собрания — молитвенное колесо, ритуальный барабан, деревянная доска с тибетским текстом.

Ботаник А.Н. Краснов привез из Китая и Японии коллекцию (№ 1907), в китайской части которой — деревянные статуэтки Майтреи, Авалокитешвары, богини чадородия и др.

В коллекции предметов буддийского и даосского культов, собранной в Пекине и подаренной китайцем Чжу У (№ 1911), имеется бронзовая статуэтка бодхисаттвы.

1912 г.

В.М. Алексеев, командированный в Китай РКИСВА, собрал большую коллекцию по быту и культу китайцев (№ 2054), в составе которой имеются буддийские иконы, изображения Будды и бодхисаттв, тексты буддийских молитв, заклиний, сутра Гуаньинь (исполняющая роль талисмана).

Б.Л. Модзалевский передал МАЭ свою коллекцию буддийских икон с изображениями докшитов (№ 2370).

1915 г.

В музей поступает коллекция деревянных статуэток Будды, бодхисаттвы, архата и молящегося (№ 2502). Собиратель — студент П.П. Боровский, место сбора — Пекин.

1916 г.

А.Д. Руднев передал в МАЭ божество в киоте (№ 2585).

1918 г.

Н.Н. Кротков приобрел для МАЭ в Восточном Туркестане буддийскую коллекцию из 14 предметов (металлические статуэтки Будды, Авалокитешвары, Амитаюса, Зеленой и Белой Тары, Майтреи, дакини, великих лам и др.) (№ 2694) (рис. 4).

Рис. 4. Бодхисаттва Авалокитешвара. МАЭ. Колл. № 2694-2

1919 г.

Е.Е. Тевяшев продал музею за 1000 р. бронзовые статуэтки Будды и Манджуши (№ 2748). В 1924 г. продал за 45 р. коллекцию № 2945 с бронзовыми бурханами Будды, Амитабхи, Черного Манджуши, Падмапани (Монголия (?), Китай (?). В 1927 г. музей приобрел у него за 40 р. бронзовую Гуаньинь (№ 3429).

А.И. Иванов зарегистрировал под № 2712 купленную музеем у неизвестного собирателя коллекцию из предметов культа (5) и быта (8). В ней 3 курительницы, бронзовый Манджуши «старинной работы» и Намсарай-Кувера.

1920 г.

От федерации иностранных студентов «сданы на хранение» в музей изображения Гуаньинь (5 статуэток), божеств (2), архатов (2) и культовый предмет (1) (колл. № 2756).

«Хранение» растянулось до сего дня.

В коллекции № 2757, собранной и подаренной музею Л.Ф. Пантелеевым, в числе прочих вещей имеются бронзовые фигурки Будды, Амитаюса, ламы, ваджра, а также фарфоровая Гуаньинь.

От Экспертной комиссии МАЭ получил две коллекции — № 2771 (со статуэтками бодхисаттв и курительницами) и № 2774 с одной статуэткой Гуаньинь из камня. В 1931 г. комиссия направила в МАЭ коллекцию № 2789, содержащую бронзовые статуэтки Шакьямуни, Амитаюса, Майтреи (2), Даршаваджры, толстобрюхого Милофо, бронзовую курительницу, колокольчик.

1922 г.

От Сталь фон Гольштейна поступила коллекция № 2845 со штампованными и литыми бронзовыми статуэтками Будды с двумя адорантами, Белой и Зеленой Тары, Манджуши на льве, Гуаньинь с двумя руками и тысячерукой, молящегося и деревянного архата [Иванов 2005].

1924 г.

От неизвестного собирателя — коллекция № 2934 (фактически поступила в МАЭ в 1920 г.) — с бурханами, иконами, четками, ладанкой (Китай (?), Монголия (?).

От Музейного фонда в МАЭ поступила коллекция изображений Будды из камня, Амитабхи и трехликого божества на льве из бронзы, с терракотовым барельефом и подсвечником в виде ступы (№ 2951). Под № 8 в этой коллекции — фигурка Амитаюса, атрибутированная по китайской надписи как скульптура минского времени особого художественного достоинства и оригинального стиля [Иванов 2009] (рис. 5).

У собирателя Н. Марковича куплены иконы и бурхан (колл. № 2964).

1926 г.

От Э.Э. Ухтомского поступила коллекция № 3251 (именуемая в журнале поступлений «из прежних поступлений») — с буддийскими иконами (Вайрочана и лама).

В МАЭ поступает («в порядке обмена» — неизвестно, на что) бронзовая Гуаньинь (подательница детей — Сунцзы Гуаньинь), вывезенная М. Кержи-

Рис. 5. Амитаюс. МАЭ. Колл. № 2951-8

ным, по его признанию, из китайского храма в окрестностях Пекина во время боксерского восстания (колл. № 3202).

По завещанию Э.Э. Ухтомского академик Бартольд передал в музей буддийские и даосские иконы, хранившиеся в его квартире (часть из них пострадала от наводнения 1924 г.). Это колл. № 3255. В 1927 г. в МАЭ попали «принадлежности буддийского алтаря» из собрания Э.Э. Ухтомского (Китай и Япония) — с бронзовыми Гуаньинь, Манджушри, Амитаюсом, оловянными божествами, каменными архатами (колл. № 3561).

Буддийские иконы-свитки «из прежних коллекций МАЭ» (собиратель неизвестен) в количестве 50 штук зарегистрированы в 1926 г. как коллекция № 3260.

1927 г.

У Т.И. Страховской МАЭ приобрел за 50 р. коллекцию даосских божеств, в которую включена фарфоровая Гуаньинь (№ 3445).

Из прежних поступлений из Музейного фонда зарегистрирована коллекция предметов из Китая и Японии, содержащая бронзовые статуэтки Амитаюса, Гуаньинь, Зеленой Тары, курильницу и ваджру, а также изображение Путаю из мыльного камня (колл. № 3538) [Иванов 2005].

1928 г.

У собирателя, Е.А. Фе музей купил коллекцию, в которую входят бронзовый Манджушри и буддийская икона (№ 3807). Место приобретения — Маньчжурия. Музей ГПУ передал нашему музею ваджру (№ 3833).

1930 г.

Буддийское собрание МАЭ пополняется шестью фигурами архатов (колл. № 4240), купленными у К.П. Кирсанова, и бронзовым Буддой, купленным у А.С. Мясникова (колл. № 4241).

1932 г.

Адмиралтейский музей расстался с моделью пагоды в пользу МАЭ, где она получила № 4570.

Из старых поступлений, связанных с деятельностью Туркестанской экспедиции, выделена в коллекцию № 5573 глиняная буддийская статуя. Регистратор Казакевич так комментирует ее: «Весь стиль статуи сохраняет глубокую связь с гандхарским искусством. Статуя должна быть отнесена к Турфанским (возможно, из развалин в Шикшине) коллекциям Ольденбурга».

1938 г.

Е.М. Недлер подарила музею образок Будды, ладанку и резные фигурки (колл. № 5607).

1940 г.

Гос. Музей этнографии передал нашему музею коллекцию, в которую входит облачение ламы, меч закликательный из медных монет, амулеты, фигура из терракоты толстяка с четками и ваджрой.

1946 г.

У собирателя Р.Э. Павчинского куплена коллекция образцов современной ламайской иконографии южных монголов Маньчжурии (№ 5820).

У М.К. Максимовой куплены «четки душистые» (колл. № 5846).

1950 г.

Из ГМВК (в порядке передачи) поступила серия коллекций, в т. ч. по Китаю, с предметами буддийского культа.

В коллекции изделий из камня и керамики (№ 5949) — две статуэтки богини милосердия и несколько фигурок других буддийских божеств из камня.

В коллекции № 5950 («изделия из дерева») — скульптуры Будды и других божеств.

В коллекции № 5964 («Китайские картины и свитки») имеются изображения Гуаньинь и буддийских драгоценностей.

Из Института Востоковедения передана коллекция (№ 6042) из 31 предмета, включающая бронзовых Гуаньинь, Амитабху, Зеленую Тару, архатов (и бронзовые сосуды XV–XVIII вв.).

Музей принял от Географического общества коллекцию (№ 6123), собиравшейся которой названы «русские путешественники по Дальнему Востоку». В коллекции — глиняная Белая Тара, медный Ямантаки, курительные свечи.

ИВАН передал коллекцию по буддийскому культу бурят и китайцев (№ 6308), содержащую бронзовые статуэтки Будды, Белой и Зеленой Тары, Ушнишавиджайи, Ямантаки, Махакалы, архата, а также киот с Тарой, субурганы, четки и гонг.

1989–1999 гг.

Сборная (от нескольких собирателей) коллекция № 7163, в ней (от Р.Ф. Итса) — фарфоровый Майтрея, бронзовая Белая Тара и цаца.

ТИБЕТ

1867 г.

Первая коллекция предметов буддийского культа из Тибета (№ 748) поступила в МАЭ в 1867 г. от Шлагентвейна — 9 икон с изображениями на бумаге Будд, лам, субурганов, масок мистерии цам.

1904 г.

А. Доржиев через С.Ф. Ольденбурга передал в МАЭ флаги, вывешиваемые в буддийском монастыре, свечи, календарь (колл. № 853).

1905 г.

А.Н. Казнаков, соратник Козлова по путешествию по Монголии и Тибету, подарил музею тибетскую икону (колл. № 933). От этого же собирателя в музее хранится коллекция № 1972 (пост. в 1911 г.).

1907 г.

П.К. Козлов передал в МАЭ камни с обо с тибетскими заклинаниями «ом мани» (колл. № 1091) [Итс 1961].

1908 г.

Тангутские молитвы (от П.К. Козлова) составили коллекцию № 1222.

Б.Б. Барадийн передал в музей дорожную сумку монаха и барабаны из человеческих черепов (колл. № 1295).

1909 г.

С.Ф. Ольденбург преподнес музею бронзовую фигурку Будды будущего Майтрейи, подаренную Далай-ламой [Решетов 2005] (колл. № 1425), а также икону и фигурки двух бурханов — Ваджрапани и Ваджрасаттвы (колл. № 1426) (рис. 6).

В том же году тибетская коллекция пополнилась еще одним бурханом, подаренным В.В. Радловым (колл. № 1489) (рис. 7).

1910 г.

Через великого путешественника П.К. Козлова в тибетскую коллекцию МАЭ попадает лист дерева бодхи, на котором красной краской изображен Будда с патрой, в рамке (колл. № 1743). Это один из двух подарков гэгэна Чойбсенского монастыря. К описи этой коллекции приложен документ — выписка из Протокола заседания историко-филологического отделения АН, подписан-

Рис. 6. Бодхисаттва Ваджрапани. МАЭ. Колл. №1426-2

Рис. 7. Бодхисаттва Авлакитешвара. МАЭ. Колл. № 1489-1

ный Непременным Секретарем академиком С.Ф. Ольденбургом, направленная в Музей антропологии и этнографии, из которой становится известной судьба второго дара тибетского ламы [Итс 1961].

1911 г.

В колл. № 1907, уже фигурировавшей при перечислении поступлений в МАЭ по Китаю, имеются и тибетские буддийские ритуальные предметы — гау, барабаны из дерева и из человеческого черепа, кости-ударники, молитвенная мельница и др.

1912 г.

Коллекция № 1972. См. 1905 г. — А.Н. Казнаков.

1916 г.

В музей поступила от ИРГО коллекция, получившая № 2563, в ней наряду с предметами быта имеется одежда лам. Комментируя ценность этого собрания (в целом), сотрудники музея Н.В. Кюннер и Зевина отметили в записке, приложенной к описи, роль видного буддийского ученого Хамбо Агван Ловсан Доржиева в посылке в Россию редких предметов тибетской культуры.

Коллекция № 2611 с «божествами на листах» (т.е. с иконами) привезена из Тибета Б.Б. Барадийным.

1931 г.

В этом году, как следует из описи, были «обнаружены» 54 иконы «из прежних поступлений музея». Они стали коллекцией № 4273.

1935 г.

У гр. Шнейдер за 75 р. музей купил трех бронзовых бодхисаттв. В появлении этой коллекции (№ 5308) участвовал (вероятно, советом) Семенов-Тянь-Шанский.

1937 г.

Музей приобрел за 550 р. у Самбу Аюшевича Баторова одеяние ламы (колл. № 5529).

В этом же году тибетская коллекция пополнилась доской для штампования изделий (из теста) «из прежних поступлений музея» (колл. № 5748).

1950 г.

В этом году произошло знаменательное событие — передача многочисленных коллекций из московского Государственного музея восточных культур.

Среди новых поступлений МАЭ из этого источника — громадная буддийская коллекция № 5942 (640 предметов) буддийской скульптуры и разнообразных ритуальных предметов, значительная часть которой была результатом задержания «ценного груза», принадлежавшего неизвестному лицу (немцу) на московской таможне в 1914 г. Остальные предметы происходят из отечественных коллекций, ими дополнили задержанную коллекцию и передали ее в московский музей народоведения (ставший затем Музеем народов СССР), а затем в Музей культуры народов Востока (Москва).

Готовится каталог этой ценной коллекции.

Другая коллекция, также переданная из ГМВК в МАЭ в том же 1950 г., № 5959, содержит четки, амулеты, иконы, хадаки, молитвы.

Рис. 8. Будда Амогхасиддхи. МАЭ. Колл. №5942-203

Рис. 9. Капалахеваджра. МАЭ. Колл. № 5942-226

1953 г.

ГМЭ передал нашему музею собрание с тибетскими буддийскими иконами, мечом из медных монет, хадаком, облачением лам (колл. № 5979).

Из КНР в дар МАЭ поступила коллекция по китайцам и тибетцам (№ 6123), содержащая глиняные ламские божества, медное божество плодородия, курительные свечи.

МОНГОЛИЯ

1837 г.

Первым по времени поступления в Этнографический музей собранием предметов буддийского культа монголов и калмыков была коллекция, в 1902 г. зарегистрированная Адлером под № 719 с добавлением еще одного собрания буддийских статуэток, но все предметы этой коллекции до последнего времени считались собранными неизвестными лицами. Внимательное изучение старых списков Азиатского музея, всего состава коллекции, сверка бирок на статуэтках с описаниями в книге П.С. Палласа названий тех бронзовых статуэток, которые приобрел этот ученый, позволило Д. Иванову [2007] сделать вывод о том, что в этой коллекции находятся палласовские приобретения, отданные в музей, но не зарегистрированные сразу по поступлении, в результате чего с течением времени была утрачена информация о месте сбора этих вещей и об имени их собирателя. Обнаружение на некоторых фигурках бирок с именем Миллера (на № 719-85 и № 719-86) помогло молодому исследователю напасть на след предметов из другого «пропавшего» собрания (при проведенной при В.В. Радлове регистрации коллекция Миллера не упоминается, а П.С. Палласу «оставлена» из «буддийских» только коллекция № 741 [Руссов 1900] (рис. 10).

Рис. 10. Лама. МАЭ. Колл. № 719-2

1841 г.

По мнению Д. Иванова [2005], есть основания считать, что коллекция № 710, значащаяся в музейной документации как происходящая из Китая, относится к Монголии.

1855 г.

Первая по номеру коллекция из Монголии с принадлежностями буддийского культа — № 32 (в т. ч. с бурханом из горного хрусталя и четками) — собрана академиком Я.И. Бередниковым и была подарена Этнографическому музею АН после его смерти в 1855 г. [Викторова 1987].

1865 г.

Музей получил коллекцию, собранную в Монголии и Забайкалье, от Титовой (№ 63).

1881 г.

Доктор И.-А.Э. Регель, совершавший многократные поездки в разные районы Средней и Восточной Азии, собрал и подарил МАЭ несколько этнографических коллекций, среди которых коллекция по монгольскому буддизму № 120.

1887 г.

Из Эрмитажа получена в дар коллекция халатов лам и ритуальных музыкальных инструментов (раковин) — № 715.

Еще одна коллекция из Эрмитажа (№ 716) содержит бронзовые статуэтки Будды, бодхисаттв, бурханов из дерева, доски для печатания молитв, 8 буддийских драгоценностей, четки.

1888 г.

Через Л. Шренка МАЭ получил в дар иконописные мандалы (2) — «из наследства академика Г.П. Гельмерсена» (колл. № 178).

1890 г.

Г. Гарнак подарил бронзовых бурханов и иконы, привезенные им из путешествия по Восточной Монголии (колл. № 200) [Викторова 1987].

Русский консул в Урге, востоковед по образованию генерал Я.П. Шишмарев передал музею два деревянных бурхана (Хламо на коне и добрый дух на коне) (колл. № 205) [Там же].

1894 г.

С.М. Дудин передал в музей коллекцию зарисовок орнаментов бурят и монголов, получившую № 296, но в настоящее время числящуюся под № 5684.

1897 г.

Д.А. Клеменц по поручению Имп. АН собрал в Западной Монголии для нашего музея субурган, барельефы с бурханами, жертвенные чашечки (колл. № 325). Изображение бурхана, выбитое на каменной плите, найденное Клеменцем во время экспедиции в Монголию 1894 г., обрело в МАЭ статус коллекции № 456.

В этом же году в МАЭ поступили две коллекции, приобретенные Потомственным Почетным гражданином г. Кяхты Георгием Михайловичем Осокиным — одним из самых щедрых дарителей в истории МАЭ. Первая — из 50 деревянных фигур персонажей мистерии цам (колл. № 327) из Монголии, вторая — предметы культа из Монголии и Забайкалья (№ 390) [Там же].

Сибирский писатель Николай Михайлович Ядринцев привез из Монгольского Алтая предметы быта и культа (колл. № 335).

1898 г.

В МАЭ появляется коллекция № 451 — медальоны с бодхисаттвами и глиняный субурган, найденные в Монголии, Халха, возле монастыря Эрденицзу В.В. Радловым.

1899 г.

Г.М. Осокин дарит музею хадаки из Монголии (колл. № 460) и весьма представительное собрание принадлежностей религиозного быта ламаитов — бурят и монголов из Монголии и Забайкальской области (колл. № 509) — колокольчик, ваджра, барабан, жезлы, модель субургана, курильница, четки и др.

1900 г.

Этот год ознаменовался для МАЭ поступлением масок исполнителей мистерии цам из Монголии, подаренных Г.М. Осокиным (№ 589) и его земляком, так же Почетным гражданином г. Кяхты А.А. Лушниковым, имя которого впервые появляется в «Журнале поступлений МАЭ» (колл. № 542 и 591). Три маски цам находятся на экспозиции «Монголия» (рис. 11, 12).

О масках из этих коллекций см.: [Решетов 1987: 121–136].

Рис. 11. Маска мистерии цам.
МАЭ. Колл. № 542-1

Рис. 12. Маска мистерии цам.
МАЭ. Колл. № 591-1

1901 г.

Это год регистрации коллекций № 710, 715, 716, 719 (фактически, как говорилось выше, поступивших в музей значительно раньше).

Икона № 710-48 — на монгольской экспозиции (шкаф 11); 8 бурханов из колл. № 719, мандала и икона — в шкафу 11, два бурхана из этой же коллекции — в шкафу 12.

О вещах из этих коллекций см.: [Викторова 1987: 102–120; Жуковская 1987; Иванов 2005, 2007].

1902 г.

Дмитрий Андреевич Руднев подарил музею набор принадлежностей иконописи, бронзовых и глиняных бурханов (колл. № 720). Подробное описание техники иконописи — в его статье [Руднев 1905].

1903 г.

С.Ф. Ольденбург подарил монгольскую икону (колл. № 727).

В «Журнале поступлений» отмечено поступление в дар большой коллекции, отнесенной к разряду «ламаизм» (собиратель неизвестен) — с иконами, бурханами, доской для печати, одеждой лам, ритуальными предметами (колл. № 740). Икона, мандала, четки — на монгольской экспозиции в шкафу 11.

В этом же году зарегистрирована под № 741 коллекция одежды лам, собранная в XVIII в. академиком П.С. Палласом и, по-видимому, с тех пор хранившаяся в Кунсткамере. Шапка ламы (№ 710-5) — на экспозиции [Викторова 1987].

Коллекцию ритуальных музыкальных инструментов № 747 подарил музею Успенский (консул (?)).

В этой же коллекции — чаша из человеческого черепа — капала (на экспозиции).

Житель Урги М.Н. Шулыгин [Руднев, Кисляков 1996] подарил, согласно описи, «буддийские молитвы на ткани» и «цветное изображение цама» (колл. № 769) [Решетов 1987: 132–134].

А.Д. Руднев, командированный в Монголию РКИСВА, привез четыре коллекции, из них самая значительная — № 782 из Урги — иконы и бурханы (Будда Оточи, Падмасамбхава (рис. 13), Амитабха, Намсарай, Кубера, Ханьлу). Остальные три по времени регистрации относятся к 1904 г. — колл. № 827 — хадак, № 841 — глиняный бурхан Будды Оточи, № 843 — цветок, украшение буддийского алтаря (о Рудневе см.: [Кисляков 2005: 69–75]).

1905 г.

Это год регистрации коллекции глиняных субурганов (№ 906), фактически поступивших в музей от ИРГО в 1865 г.

Студент В.А. Шангин подарил две коллекции образцов монгольской иконописи (№ 911 и № 978) из Внутренней Монголии.

1906 г.

Антиквар Е.И. Александер подарил халат ламы (колл. № 1003) и «ватный костюм ламы» (колл. № 1014). В следующем 1907 г. с разрешения академического начальства, испрошенного В.В. Радловым, состоялся обмен музейных

Рис. 13. Падмасамхава. Колл. МАЭ. № 782-3

вещей, не представлявших собственно этнографической ценности, но интересовавших Е.И. Александера, на два докшита (колл. № 1118).

Азиатский музей подарил нашему музею икону с изображением Будды Оточи (из собрания Таренецкого) (колл. № 1023).

1907 г.

Императорское Географическое общество передало МАЭ музыкальные инструменты (колл. № 1228), а в следующем — 1908 г. — иконы (колл. № 1328).

1908 г.

С.М. Дудин привез из Урги в дар музею доски для оттискивания орнамента на печенье и деревянные клише-трафареты восьми буддийских драгоценностей, с которых краской делаются отпечатки на бумаге или ткани (колл. № 1396) [Жуковская 1987].

1909 г.

В «Журнале поступлений» появляется имя Ц.Ж. Жамцарано, приносящего в дар чаши из черепа — капалы (№ 1427), а в 1911 г. через С.Ф. Ольденбурга передавшего для музея две иконы — из Забайкалья и Монголии (№ 1870).

От Д.А. Клеменца коллекция № 1569 — священная книга на черных, покрытых лаком пластинах с текстом (на тибетском языке) минеральными красками.

1911 г.

В музей поступает собрание из 54 монгольских буддийских икон от Хамбо ламы Зарбаина (колл. № 1869).

1912 г.

А.Н. Казнаков дарит головной убор ламы, доску для печатания изображений на тесте — из обихода тибетских и монгольских ламаистов (колл. № 1972). К описи коллекции приложено письмо собирателя В.В. Радлову.

1913 г.

У студента Пиунковского за 25 р. куплен бронзовый бурхан Хаягривы, зарегистрированный в 1984 г. под № 2261 (по мнению Д. Иванова, это Ваджрапани [Иванов 2005]).

Монголист Алексей Васильевич Бурдуков подарил музею вышитые и рисованные иконы, а в 1914 г. (через Владимирцова) — собрание из бурханов, икон, цаца и гау (№ 2268), в 1918 г. (через Котвича) — коллекцию предметов быта и культа дербетов, в т. ч. киот и колесо учения (№ 2681).

1915 г.

Полковник А.Н. Картыков подарил музею коллекцию предметов культа и быта, приобретенную в Кобдосском округе — с хадаками, иконами, печатными листами с тибетскими текстами (№ 2503).

Собиратель коллекции № 2511 с иконами (изображение Авалокитешвары на холсте и мандала на бумаге) неизвестен.

1924 г.

Коллекция неизвестного собирателя № 2934 включает бурхана, иконы, ладанку, тексты молитв.

Музейный фонд передал коллекцию (№ 2951), включающую высеченных из мрамора и камня Будд, бронзового Амитаюса и трехликое божество на льве, а также подсвечники из терракоты. Место сбора (Китай (?), Монголия (?)) и собиратель неизвестны.

Количество бурханов в монгольской буддийской коллекции возросло благодаря покупке пяти бронзовых статуэток у Е.Е. Тевяшева (за 45 р.) (колл. № 2954) и 17-ти подаренным Пушкинским домом статуэткам (колл. № 2962) (бронзовые Будда, Черный Манджушри, Падмапани, бодхисаттва, Ами-табха).

Б.Л. Модзалевский через АН передал музею 3 иконы (№ 2967).

С.Ф. Ольденбург подарил бронзовых бурханов Белой Тары (рис. 14) и Ваджрапани (колл. № 3005), а в следующем 1925 г. — 23 иконы (№ 3229).

1928 г.

Музейный фонд направляет в МАЭ бронзовую фигуру Лхамо (колл. № 3698).

1929 г.

Ангальт («бывший барон», как сказано в описи) дарит бронзового бурхана ламы из своей коллекции (в МАЭ — № 3917).

Рис. 14. Белая Тара. Колл. МАЭ. № 3005-1

А.Ф. Бекман продает за 40 р. коллекцию бронзовых бурханов (Белая и Зеленая Тара, Амитаюс, бодхисаттвы, лама) (№ 3918) (один бурхан — на экспозиции).

У Квашнина-Самарина за 10 р. куплены две иконы на холсте (№ 3931).

В этом году была зарегистрирована под № 3948 коллекция Сталь фон Гольстейна (поступившая в 1918 г). В ней бронзовые и чугунные бурханы Тары, Милофо, бодхисаттвы [Иванов 2005].

У неизвестного собирателя куплены бронзовые бурханы Амитабхи и Будды (китайской работы, как сказано в описи, сделанной Монзелером) (колл. № 3960).

1934 г.

Д.Д. Букинич привез из Монголии набор подношений бурханам (четки, чашечки, ладанки, курительные свечи, флаги) из окрестностей Урги и вещи с обо и из часовни у монастыря Гандан (№ 5188).

1935 г.

Д.Д. Букинич собрал в Улан-Баторе громадную коллекцию предметов культа и быта (№ 5303) — ритуальные принадлежности, барабаны, амулеты, чашечки, цаца, бурханы, свертки молитв, вкладываемые внутрь статуй [Решетов 1987].

С.А. Бельский подарил музею два медных бурхана, четки, металлические чашечки (№ 5317).

Из ЛГУ поступил в дар Будда будущего — Майтрея — из глины в киоте и цаца (№ 5318).

От Овсянниковой музей принял в дар две статуэтки многоруких докшитов в яб-юм (№ 5350).

1938 г.

Музей купил у Е.Е. Тевяшева за 135 р. бронзового Цзонхаву (№ 5593).

1946 г.

От Р.Э. Павчинского принята коллекция образцов современной ламайской иконографии, собранная у южных монголов Маньчжурии (№ 5820).

1966—1971 гг.

В эти годы «сложилась» коллекция № 6689 (из предметов от разных собирателей, среди которых предметы буддийского культа подарили музею в разные годы Н.Н. Рукавишников (начало XX в.) и Н.В. Кочешков (маска цам из фарфора).

1976 г.

Создана «сводная коллекция» (№ 6747), в которой имеются предметы буддийского культа, переданные в музей несколькими собирателями.

В этом же году поступила статуэтка Будды из коллекции П.К. Козлова, получившая номер 6752-45 (хранится в спецхране) (рис. 15).

Рис. 15. Будда. Колл. МАЭ. № 6752-45

БУРЯТЫ

1842 г.

От Азиатского Департамента — домашний алтарь бурят.

1887 г.

Н.М. Ядринцев прислал в музей буддийскую драгоценность (рыба), найденную им в Иркутской губернии. Зарегистрирована как коллекция № 521.

1889 г.

Э.Э. Ухтомский подарил музею коллекцию предметов буддийского культа бурят Забайкалья — иконы, металлические бурханы (Будда Шакьямуни, Яман-таки, Аюши, Оточи, Цзонхава, Майдари, Манджушри, Кувера, Арьяболо, Цаган-дара-эхэ, Ушнишавиджайя), 7 буддийских драгоценностей, ритуальные предметы (ваджра, колокольчик, молитвенный барабан и др.), фотографии монастыря и монахов, книги (колл. № 187).

1890 г.

Часть собрания Г. Гарнака (колл. № 200, см. раздел «Монголия») — металлические бурханы, иконы, фотографии — относится к бурятам.

1891 г.

В этом году поступает в МАЭ первая из собранных Г.М. Осокиным этнографических коллекций (№ 390), содержащая буддийские ритуальные предметы (субурган, ваджра, чашечки), используемые бурятами, с уточнением места их происхождения — «Монголия. Забайкалье» (указывающим на идентичность таких предметов у бурят и монголов).

Второй дар Осокина (колл. № 424) в этом же году — коллекция образцов литейного производства хоринских бурят (бурхан, чашечка, хурдэ, буддийские драгоценности, форма для отливки).

Через Географическое общество в МАЭ поступает в дар коллекция культовых предметов бурят и тангутов Забайкальской области, собранная П.И. Небольсиным и Бадмаевым (бронзовый бурхан, чашечки) — № 351.

1893 г.

Активный деятель Вост.-Сиб. отделения РГО В.В. Птицын подарил коллекцию, зарегистрированную в МАЭ под № 220 (с отнесением к разряду «ламаизм»), содержащую бронзовые бурханы Будды, Цзонхавы, докшита, цаца, ритуальные предметы (чайник, колокольчик и др.) буддистов-бурят Забайкальской обл.

1893 год ознаменовался поступлением в МАЭ большой буддийской коллекции (№ 313), состоявшей из даров, полученных цесаревичем Николаем Александровичем в изъявление верноподданнических чувств от бурятских лам во время его путешествия на Восток.

1899–1900 гг.

Г.М. Осокин дарит музею две коллекции — № 509 — ритуальные принадлежности из Монголии и Забайкальской области и № 510 — бронзовые стату-

этки Будды Шакьямуни, Амитабхи, Амитаюса, Майтреи, ламы, цацы из Забайкальской области.

Императорский Эрмитаж подарил медного бурхана из Семипалатинского уезда (№ 576).

1903 г.

Б.Б. Барадийн дарит музею буддийскую икону из Забайкальской области (№ 797).

Спустя два года, в 1905 г., в «Журнале поступлений» регистрируется как коллекция № 1057 «от бурята Барадийна — вольнослушателя Санкт-Петербургского университета из поездки от РКИСВА — печатный образ на белом коленкоре, изображает перерожденцев Таранаты, 16+1=17 портретов».

1906 г.

Выдающийся представитель бурятского народа Цыбен Жамцаранович Жамцарано передает в музей коллекцию предметов быта и культа (№ 1108), собранную во время командировки от РКИСВА в Балаганский уезд Иркутской губернии, где живут аларские буряты. В коллекции представлены иконы, молитвенные мельницы хурдэ, онгоны.

В 1911 г. музей принимает от Жамцарано коллекцию предметов буддийского культа из Забайкалья и Монголии (№ 1870).

1907 г.

А.Д. Руднев дарит музею этнографическую коллекцию, собранную в Забайкальской области, в которой фигурирует деревянная статуэтка Намсарая (№ 1433).

Коллекция по бурятскому ламаизму (собиратель В.Н. Васильев) с акварельными изображениями Будд, иконами на ткани, сутрой, завернутой в платок, заклинаниями на тибетском языке, также завернутыми в платок, получила № 1826 (32 предмета).

1908 г.

Радушкевич дополняет коллекции предметов, относящихся к буддийскому культу бурят, листиком с тибетским торни (текстом, читаемым над покойником) из Иркутска (колл. № 1505).

От РГО в дар поступила коллекция акварельных рисунков из Забайкальской обл. (буряты). Собиратель и автор не указаны. Сюжеты рисунков — монах с барабаном и колокольчиком, лама с книгой, план дацана, хамбо-лама при отправлении богослужения, Намсарай (последний — на бумаге).

1912 г.

Одна за другой поступают коллекции — от Б. Вампилина (№ 1951, по бурятам Иркутской губ.), Литвиницкой (№ 1954) и Н.А. Клюкиной (№ 1953 — по бурятам Забайкальской области).

Дарит музею свою коллекцию с указанием места сбора «Монголия и Тибет» спутник П.К. Козлова по путешествию по Монголии и Тибету директор Кавказского музея и Тифлисской Публичной библиотеки Александр Николаевич Казнаков, сопровождая ее письмом директору МАЭ В.В. Радлову (хра-

няется в описи колл. № 1972), в котором сообщает, что посылаемые предметы (головные уборы ламы, доска для штампования из теста ритуальных изображений) описаны в его части книги «Монголия и Кам».

1913 г.

Цацы (5 штук) из Забайкальской области, близ озера Еравное, были найдены «сибирской экскурсией» и переданы в дар МАЭ (колл. № 2092).

1914 г.

Предметы с жертвенника в Саянских горах, в Тункинском уезде Иркутской области (трезубец, кинжалы, дощечка с тибетскими письменами), собиратель С.В. Гейман, приняты в МАЭ как коллекция № 2375.

Д. Першин подарил иконы (ламские божества, акварель на бумаге), которые были, согласно описи (колл. № 2449), «взяты из пещеры на острове Ольхан на Байкале».

1925 г.

Студент Гришкевич, выполняя волю Г.А. Суворина, согласно его завещанию, передал в МАЭ «фотографии по буддизму Бурятии» (колл. № 3242).

1929 г.

Сотрудница МАЭ Л.А. Амстердамская, командированная в Бурят-Монгольскую АССР, покупает коллекцию (№ 4098), состоящую из набора кистей и трафаретов для писания икон, формы для создания статуэток из глины и оттискивания орнамента, а также доски для печатания (54 предмета).

1930 г.

В результате работы в Бурят-Монгольской АССР Археографо-этнографической экспедиции АН в МАЭ появляются 7 коллекций с предметами, характеризующими многие стороны деятельности бурятских лам Агинского дацана — изготовление лекарств (колл. № 4476, собиратель Монзелер), ремесленные инструменты, которыми пользуются при изготовлении круглой скульптуры и ритуальных предметов, и «результаты» их работы (№ 4177), инструменты для резьбы из кости (№ 4178), инструменты лам-сапожников (№ 4179), инструменты и образцы работ художников (16 стадий последовательного рисования буддийских икон на одном полотнище), граверов, слесарей, литейщиков, ювелиров (№ 4181). В седьмой коллекции (№ 4182) — иконы, глиняный Цзонхава, престол.

1940 г.

По распоряжению Верховного Совета СССР состоялась экспедиция АН СССР по сбору коллекций «бывших буддийских монастырей» БМА ССР и Читинской области. В Агинский дацан был командирован сотрудник МАЭ Г.А. Гловацкий, который привез из этого дацана для хранения в музее 720 предметов — скульптуру, живопись, ритуальные предметы. В 1947 г. Л.Н. Гумилев описывает эту коллекцию (№ 4698) и пишет книгу «Старобурятская живопись» (1975).

Н.Л. Жуковская опубликовала мандалу из коллекции № 4698 (№ 177) [Жуковская 1973: 78].

1952 г.

Из ИВАН в МАЭ передана коллекция № 6308 с предметами буддийского культа китайцев и бурят. В ней представлена бронзовая скульптура (изображения Будды, Белой и Зеленой Тары, Ушнишавиджайи, Махакала, Ваджрабхайравы, Ямантаки, архата, субурган, четки, гонг, киот, горельеф). Как китайские вещи в описи представлены предметы под № 6308-35 и № 6308-36.

2000 г.

Коллекция № 4698 возвращена в Агинский дацан, но часть предметов настоятель дацана передал МАЭ — они сведены в коллекцию № 7166 (к которой добавлен один предмет, подаренный Яковлевой) — всего 81 предмет. В отделе Сибири МАЭ РАН остались слайды самых интересных предметов, возвращенных в Агинский дацан.

КАЛМЫКИ

В сборнике «Кюнеровские чтения» (2001–2004) [2005: 61–69] опубликована статья В.Н. Кислякова «Калмыцкие коллекции МАЭ РАН».

Коллекция предметов буддийского культа монголов и калмыков — № 719, собранная в XVIII в., самая первая буддийская коллекция МАЭ. По официальным данным («Журналу поступлений»), она была передана в Этнографический музей из Азиатского музея в 1837 г. Как уже говорилось, благодаря исследованию Д. Иванова, она «обрела» собирателей, прежде всего П.С. Палласа, а также Миллера и Йеринга, и время сбора — 1748 и 1770 гг. [Иванов 2005].

1903 г.

А.Д. Руднев подарил музею коллекцию из четырех предметов по быту и культу бурят и калмыков, собранную им в Астраханской губернии и Забайкальской области (колл. № 763). Это костюм калмыцкого ламы (нижний и верхний халаты, кушак, чулки, туфли, шапка). Из Забайкалья — бурятский рисунок Гусиноозерского дацана (и сцена борьбы с тигром).

С.Ф. Ольденбург передал в музей два предмета буддийского культа, происходящих, согласно описи коллекции (№ 817), из Восточного Туркестана, Калмыцкой степи. Это слон, вырезанный из кости и гальваноскопический слепок буддийского амулета.

1904 г.

М.А. Елачич подарил калмыцкую икону с изображением Арьяболо, из Астрахани (колл. № 807) [Иванов 2005].

1905 г.

От РКИСВА в музей поступили две калмыцкие иконы на полотне из Астраханской губернии (колл. № 943).

От студента Восточного факультета СПб Университета Ф.В. Муромского, командированного РКИСВА к астраханским калмыкам, поступила коллекция № 985, в которой имеется статуэтка Белой Тары (как сказано в описи, «китайской работы»).

1906 г.

В музей поступил «рукописный образ Зеленой Тары на полотне калмыцкой работы» из Астраханской области от г-на Джунгорцева (колл. № 988).

1907 г.

У Н.И. Кандиба куплена коллекция предметов культа (среди них ваджра, тангка) и быта калмыков из Астраханской губернии (за 50 р.) — № 1157 [Иванов 2005].

1914 г.

Через А.Д. Руднева передан альбом с фотографиями (в т.ч. с религиозными изображениями) — № 2364. Собиратель неизвестен.

1937 г.

От Т.А. Бурдуковой поступил лавшиг (облачение гелюна) — коллекция № 5450.

Д. Наумов через академика В.М. Алексеева передал в МАЭ иконы из Калмыцкой области (колл. № 5528). Алексеев сопровождал коллекцию следующим комментарием: «6 образов тибетского письма (тибетско-монгольского стиля). Наумову передал иконы саратовский художник, а тому их вручил профессор Х».

Д.В. Иванов в статье «Калмыцкие иконы в коллекциях МАЭ (Кунсткамера) РАН: характерные особенности иконографии и монтировки» [2008: 51–52] отметил специфику калмыцкой буддийской живописи по сравнению с монгольскими и тибетскими иконами.

ЯПОНИЯ

Экспозиция

Шкаф 39 Религия и культ

№ 213-11 киот с фигурой Будды

№ 746-9 колокольчик

№ 880-71а ваджра

Щит 40

№ 746-3, 7, 11, 6 курильницы

1887 г.

№ 173 — кап. В.В. Линдстрем — домашний алтарь, картины

1892 г.

№ 213 — барон О.Р. Штакельберг через ИРГО — 18 японских божеств, включая буддийские.

1903 г.

№ 746 — неизвестный собиратель. Божество в киоте, колокольчик, курильница.

1904 г.

№ 838 — С.Ф. Ольденбург передал поднос с изображением архатов.

1906 г.

№ 980 — А.В. Григорьев — образки.

№ 1049 — А. Мерклин (из Хабаровска) — Будда бронзовый, бурхан медный (покупка).

1907 г.

№ 1194 — Таренецкая. Предметы из Маньчжурии и Японии — деревянный Будда, шестирукая Каннон, деревянный Бишамона (Вайшравана), Манджушри, четырехликий Бодхисаттва, Амиабха, боги из глины, глиняные архаты в киоте др. божества.

1908 г.

№ 1210 — К.Л. Бородавская. Дерев. фиг. (и пр. быта): 1—3 — Каннон, божество в киоте, буддийские святые.

1911 г.

№ 1907 — Музей удельного ведомства, собиратель А.Н. Краснов (сбор 1889—1890 гг.) — киот с божествами, очень хорошей работы бронзовый Будда, бронзовая Канон.

1912 г.

№ 2072 — А. Иванов собрал коллекцию (110 предметов) по буддизму и синто — Каннон, бодхисаттва, вотивное приношение, глиняные фигуры буддийских стражей храма, амулеты (покупка).

1913 г.

№ 2084 — А.Д. Рончевский — коллекция деревянных и бронзовых бурханов (Каннон, Будда, Амиабха, киот с Буддой).

№ 2263 — Е.А. Бихнер — фарфоровый архат.

1915 г.

№ 2470 — А.И. Иванов — изделие из сахара в бумажной коробке из японского буддийского монастыря.

1920 г.

№ 2758 — Л.Ф. Пантелеев — деревянные и бронзовые изображения (Уш-нишавиджайя, Каннон, архат, боги изобилия и др.).

1927 г.

№ 3496 — Пестинский — бронзовый Будда.

1927 г.

№ 3561 — из коллекции Э.Э. Ухтомского — бронзовые и каменные буддийские статуэтки (Китай, Япония).

1929 г.

№ 3916 — А.Е. Глускина. амулет шелководов — буддийский святой из папье-маше, Дарума (в виде Ваньки-Встаньки).

1932 г.

№ 4573 — Русский музей, этнографический отдел, передача (бронзовые фигуры — Каннон, Дарума, буддийские стражи храма и картины).

1959 г.

№ 6431 — от ГМВК бодхисаттва с чашей (№ 156, 157, 158).

1983 г.

№ 6888 — В.Н. Басилов — две вотивные фигурки (девочка и кукла с петельками для подвешивания) из буддийского храма Раикюдзи в г. Такахакиси.

КОРЕЯ

1937 г.

№ 6072 — от Владивостокского Гос. Приморского областного музея — передача: № 65 — статуя буддийского святого из нефрита с подставкой; № 66 — бронзовая статуэтка сидящей фигуры; № 67 — статуэтка из гипса буддийского святого. Четки стеклянные. Опубликовано в каталоге, изданном в Республике Корея.

ИНДИЯ

Шкаф № 34 «Религии Индии. Буддизм»

387	№ 6960-1	Зонт буддийских монахов. Сингалы, маратхи, раджастанцы. Вторая половина XX в. Лист пальмы, металл, ковка. Ширина 79 см, высота 94 см
388	№ 7049-12	Флаг буддийский. Непальцы. Конец XX в. Марля (зеленого цвета), роспись, шитье. Ширина 46 см, длина 49 см
389	№ 6960-8 а, б, в	Чаша для сбора подаяний. Сингалы, маратхи, раджастанцы. Конец XX в. Металл, ковка, роспись. Окружность 68,5 см, ширина 18,5 см, высота 10,5 см
390	№ 4804-110	Четки. Индийцы. Плоды дерева рудракша. Длина 94 см
391	№ 7049-11	Флаг буддийский. Непальцы. Конец XX в. Марля (желтого цвета), роспись, шитье. Длина 48 см, ширина 50 см
392	№ 226-21	Колокольчик. Индийцы. Металл, литье. Диаметр 9 см, высота 18 см

393	№ 6960-2 а, б, в, г	Образец буддийской рукописи. Сингалы, маратхи, раджастанцы. Середина XX в. Лист пальмы. Длина 37,5 см, ширина 4,5 см
394	№ 6744-1	Одежда буддийского монаха. Сингалы. XX в. Хлопок, ткачество

Локус № 2. «Веера»

395	№ 6960-7	Веер буддийского монаха. Сингалы, маратхи, раджастанцы. Вторая половина XX в. Лист пальмы, дерево, плетение. Ширина 38,5 см, высота 51 см
396	№ 1964-5	Веер. Начало XX в. Лист пальмы, дерево

Локус № 7. «Светильники»

397	№ 6833-45	Светильник-плошка. Сингалы. Конец XX в. Глина, лепка. Длина 7,5 см, ширина 6,5 см, высота 2,3 см
398	№ 6833-44	Светильник-плошка. Сингалы. Конец XX в. Глина, лепка. Длина 7,5 см, ширина 6,5 см, высота 2 см

В лекции, сопровождавшей первую буддийскую выставку, С.Ф. Ольденбург говорил о том, что на этой выставке «меньше всего предметов из Индии, потому что по законам этой страны вывоз предметов старины и искусства в другие страны очень затруднен».

1842 г.

Коллекция № 10 — первая опись отдела Южной Азии — в ней один предмет — непальская монашеская шапка [Краснодембская 1983: 79].

1893 г.

№ 226 — поступила в МАЭ от И.П. Минаева; 274 предмета, преимущественно культовых — персонажи буддийского и ламаистского пантеона, предметы для богослужения (колокольчики, четки, барабаны, гонги). Как пишет Н.Г. Краснодембская, «настоящее богатство составляет собрание мелкой буддийской пластики. Интересны мраморные статуэтки будд и других буддийских божеств. В коллекции имеется целый набор своеобразных священных предметов — образа из глины, меди и серебра, печать-штамп с изображением Будды, глиняный медальон с изображением «следа Будды», миниатюрные (от 3 до 7 см высотой) модели буддийских ступ <...> Особый раздел коллекции составляют два образца традиционной индийской резьбы по камню — детали каменной архитектуры — массивный обломок камня с многочисленными одинаковыми изображениями Будды, расположенными в 4 горизонтальных ряда, представляющие собой основание буддийской ступы, относящейся к раннему средневековью, и фрагмент мраморного рельефа с лотосовым орнаментом. Он относится к Амараватинской культуре II–IV вв. н.э.» [Краснодембская 1983: 78–79; Волчок 1964: 254–259] (рис. 16).

Рис. 16. Колокольчик. Колл. МАЭ. №226-1

1907 г.

№ 1224 (от Таренецкой) — изображения Будды и Ганеши. Индия (покупка)
Регистрировавший коллекцию Н.И. Воробьев так отозвался о статуэтке Будды: «Каменная статуэтка грубой работы Будды в позе созерцания».

1911 г.

№ 1907 — от Музея удельных ведомств (смешанная коллекция — Китай, Япония, Тибет, Индия). Индийская часть — № 182–265, № 256–257 — бронзовый Будда, № 261 — многорукий Авалокитешвара, № 270 — колокольчик.

1913 г.

№ 2256 — собиратель С.В. Гейман — предметы культа.

1916 г.

№ 2544 — Калькутта, предметы быта/культа. Дар собирателя В.А. Иванова.

1917 г.

№ 2659 — Индия. Предметы культа и быта — от председателя Российского Теософического общества А.А. Каменской. Музей АН выдал ей открытый лист

17 сентября 1916 г. за № 2221 — поручения музея она выполнила (предметы храмового культа).

№ 2689 — В.П. Пржиленецкий. Индия (Мерварты (?), покупка предметов культа за 1000 р. Деревянный Будда, металлический Будда + 16 брахм. богов.

1920 г.

№ 2760 — от политотдела Петротрудартели — предметы культа и быта. Индия. № 4 и 5 — бронзовый Будда, № 6 — Ганеша (передача).

1924 г.

№ 2978 — коллекция предметов культа (собиратели — Мерварты).

1924 г.

№ 64 — Мерварты — фотографии скульптур в Центральном. музее в Лагоре (командировка).

№ 3066 (28 пр.) — Мерварты. Индия, Цейлон, время поступления — 1924 г. (сбор 1914–1919 гг.). Литографии на сюжеты из жизни Будды.

№ 3130 (Мерваты) — Шри Ланка — картины на дереве.

№ 3179 (Мерварты) — Индия, Шри Ланка — бронзовый Будда, ступа (рис. 17).

Приведем слова Н.Г. Краснодембской: «Несколько коллекций содержат предметы сингальского буддизма — одежду буддийского монаха, изображения Будды, дарохранительницу, картины ланкийских мастеров, иллюстрирующие жизнь Будды и истории его перерождений, деревянную резную панель с изображениями на буддийские темы, украшавшие храмы» [Краснодембская 1983: 78–79].

Рис. 17. Будда в окружении стражей сторон света. МАЭ. Колл. № 3179-1

СИАМ, ВЬЕТНАМ, КАМБОДЖА

Экспозиция «Сиамские Будды из коллекции Воробьева № 1041»

1906 г.

Поступает коллекция № 1041, собранная в Сиаме сотрудником МАЭ Н.И. Воробьевым. В ней более 40 предметов буддийского культа (буддийская скульптура). Собиратель посвятил ей статью в Сборнике МАЭ за 1912 г. (рис. 18).

1907 г.

Коллекция № 1223 куплена у г-жи Таренской. Содержит статуэтку бронзового Будды в нирване из Сиам. Регистировал ее Н.И. Воробьев.

1918 г.

№ 2686 — прекрасная статуя бронзового Будды (находится на экспозиции, предположительно создана в XIV или XV в. в Северном Сиаме). Куплена у Сурина (рис. 19).

Рис. 18. Будда. МАЭ. Колл. № 1041-1

Рис. 19. Будда. Колл. МАЭ. № 2686-1

1919 г.

№ 2705-1 — бронзовый Будда, привезенный из Бангкока князем Борисом Владимировичем и после революции изъятый из его дворца, передан в наш музей через Детскосельскую контору.

1988 г.

№ 6949-9 — Майтрея (в коллекции, подаренной гражданами города Хошимин).

1990 г.

№ 6981-25 — статуэтка Будды из Камбоджи (дар А.М. Решетова).

1998 г.

№ 7129 — Чатри Хемапандха. Таиланд — одежда буддийского монаха (дар буддийского монаха).

2000 г.

№ 7176 — Е.В. Иванова — статуэтка Будды из камня (№ 7176-1). Куплена в Таиланде в магазине на о. Пукет.

2006 г.

№ 7310 — Л.В. Ларионова подарила музею бронзового Будду из Таиланда.

Вьетнам

№ 6949-9- Будда Майтрея из сандалового дерева (на экспозиции).

БИРМА

На экспозиции

№ 6815-40 — мраморный Будда

В фондах

Вотивные таблички № 6815-29 (рис. 20) и № 6815-30 (VI—VII вв.), № 6815-31—39 — II в.; № 6815-40 — Будда, мрамор, позолота. XX в. Мандалай.

ЯВА

Из лекции Ольденбурга в 1918 г.: «Буддизм распространился из Индии на юг, на острова, из которых самый большой — Ява — заключает в себе замечательную буддийскую святыню Боробудур, громадную чайтью, или ступу, т.е. памятное сооружение, подымающееся рядом террас и покрытое изваяниями. Все они находятся на месте на Яве, но мы имеем здесь в Европе и в частности в Петербурге слепки с некоторых из них в музее Академии наук, которые не

Рис. 20. Будда. Вотивная табличка. МАЭ. Колл. № 6815-29

Рис. 21. Слесток с барельефа на храме Боробудур. МАЭ. Колл. № 158-16

могли быть сняты со стен и потому не находятся на выставке, их должны хоть отчасти заменить некоторые фотографии нашего русского путешественника Голубева. О яванском буддийском искусстве скажут еще и небольшие изящные бронзовые статуэтки, принадлежащие музею Академии наук».

1885 г.

Коллекция № 158 от д-ра Э. де Стюрлера — предметы культа (45), № 158-14 — голова Будды из трахита, № 12 и № 13 — Будда (?) Слестки с барельефов Боробудура — №№ 158-16—21 (рис. 21).

1841 г.

№ 710 — в этой колл. № 45 — голова Будды — из Индонезии.

1838 г.

№ 716 — Овермеер Фишер — собиратель, подарил колокольчик и статуэтку Будды на лотосе (3). (Следует иметь в виду, что это вторая коллекция под № 716, первая — по Монголии.)

СПИСОК СОБИРАТЕЛЕЙ С НОМЕРАМИ ИХ КОЛЛЕКЦИЙ

АЛЕКСАНДЕР Е.И. (1003, 1014, 1116)
 АЛЕКСЕЕВ В.М. (2054)
 АЛФЕРАКИ С.Н. (455)
 АМСТЕРДАМСКАЯ Л.А. (3947, 4098)
 АНГАЛЬТ, бывший барон (3917)
 БАДМАЕВ (351)
 БАРАДИЙН Б.Б. (797, 1057, 1425, 2611)
 БАСИЛОВ В.Н. (6888)
 БЕКМАН А.Ф. (3918)
 БЕЛЬСКИЙ С.А. (5317)
 БЕРЕДНИКОВ Я.И. (32)
 БЕРЕЗОВСКИЙ М.М. (2458)
 БИХНЕР Е.А. (2263)
 БОРОВСКИЙ П.П. (2502)
 БОРОДОВСКИЙ Л.И. (601)
 БОРОДОВСКАЯ К.Л. (1210)
 БУКИНИЧ Д.Д. (5188, 5303)
 БУРДУКОВ А.В. (2262, 2681 (через Котвича Владислав Людвиговича, чл.-корр. АН СССР), 2268 (через Владимирцева)
 ВАМПИЛИН Б. (1951)
 ВАСИЛЬЕВ В.Н. (1826)
 ВОРОБЬЕВ Н.И. (1042)
 ГАРНАК Г. (200)
 ГЕЙМАН С.В. (2254)
 ГЕЛЬМЕРСЕН Г.П. (178)
 ГЕМБОЛЬТ Е.В. (2365 — коллекция утрачена)
 ГЛУСКИНА А.Е. (3916)
 ГОРБАТОВСКИЙ К.З. (890)
 ГРИГОРЬЕВ А.В. (980)
 ДЖУНГОРЦЕВ (988)
 ДОРЖИЕВ А.Д. (853, 2563)
 ДУДИН С.М. (295, 1396, 5684)
 ДЬЯКОВ А.А. (1410) — посредник в передаче от ИРГО
 ЕЛАЧИЧ М.А. (807)
 ЖАКОВИЧ В.М. (1230)
 ЖАМЦАРАНО Ц.Ж. (1108, 1427)
 ЗЕНИНА Л.В. (6247)

ИВАНОВ А.И. (1785, 2032, 2072, 2470, 2469)
КАЗНАКОВ А.Н. (933, 1972)
КАНДИБА Н.И. (1157)
КАМЕНСКАЯ А.А. (2659)
КАРТЫКОВ А.Н. (2503)
КВАШНИН-САМАРИН (3931)
КЕРЖИН М. (3202)
КЕЛЛЕР К. (582)
КИРИЛЛОВА К.П. (794)
КИРСАНОВ К.П. (4240)
КЛЕМЕНЦ Д.А. (325, 456)
КЛЮКИНА Н.А. (1953)
КОЗЛОВ П.К. (1091, 1743, 2369, 6752-45 — Особая кладовая)
КРАСНОВ А.Н. (1907)
КРОТКОВ Н.Н., рос. консул в Урумчи и Кульдже (2694)
ЛАДЫЖЕНСКИЙ М.В. (713)
ЛАРИОНОВА Л.В. (7310)
ЛИНДЕСТРЕМ В.В. (173)
ЛИТВИНИЦКАЯ (1954)
ЛУШНИКОВ А.А. (542, 591)
МАКСИМОВА М.К. (5846)
МАЛОВ С.Е. (1875, 2337)
МАРКОВИЧ Н. (2694)
МЕРВАРТЫ А.М. и Л.А. (2995)
МЕРКЛИН А. (1049)
МИКЕШИН Б.М. (1872)
МОДЗАЛЕВСКИЙ Б.Л. (2370, 2967)
МОНЗЕЛЕР (2934)
МЯСНИКОВ А.С. (4241)
НАУМОВ Д. (5528)
НЕБОЛЬСИН П.И. (351)
НЕДЛЕР Е.М. (5607)
ОВЕРМЕЕР-ФИШЕР (716)
ОВСЯННИКОВА (5350)
ОЛЬДЕНБУРГ С.Ф. (727, 817, 838, 1425, 1426, 3005, 3229, 5573)
ОСОКИН Г.М. (327, 390, 424, 460, 509, 510, 591)
ПАВЧИНСКИЙ Р.Э. (5820)
ПАЛЛАС П.С. (741, 719)
ПАНТЕЛЕЕВ Л.Ф. (2757, 2758)
ПЕРШИН Д. (2449)
ПЕСТИНСКИЙ (3496) художник
ПЕТРИ Б.Э. (2098, 2583)
ПИУНКОВСКИЙ (2261) студент
ПОСЬЕТ К.Н., адмирал (470)
ПРЖИЛЕНЦКАЯ В.К. (2689)
ПТИЦЫН В.В. (220)
РАДЛОВ В.В. (451)
РАДУШКЕВИЧ (1505)

РЕГЕЛЬ И.-А.Э. (120)
 РОМАНОВ Н.А. (313)
 РОНЧЕВСКИЙ А.Д. (2084)
 РУДНЕВ А.Д. (720, 763, 782, 800, 827, 841, 843, 1433, 2585)
 Рядовой роты дворцовых гренадеров (1269)
 СТАЛЬ фон ГОЛЬСТЕЙН (2845, 2846, 3947, 3948)
 СТРАХОВСКАЯ Т.И. (3445)
 СУВОРИН Г.А. (3242)
 СУРИН К.Н. (2686)
 ТАРЕНЕЦКИЙ А.И. (1023)
 ТАРЕНЕЦКАЯ С.А. (1193, 1194, 1223, 1224)
 ТЕВЯШЕВ Е. Е. (2748, 2954, 2961, 3429, 5593)
 УСПЕНСКИЙ Г. (747)
 УХТОМСКИЙ Э.Э. (187, 3561, 3252 (?))
 ФЕ Е.А. (3807)
 ХАМБО ЛАМА ЗАРБАИН (1869)
 ХОЛОДОВСКИЙ Н.И. (801)
 ЧЕРНИК Г.П. (1395)
 ЧЖУ У (1911)
 ШАНГИН В.А. (911)
 ШИЛЛИНГ фон КАНШТАДТ П.Л. (8, 710)
 ШИШМАРЕВ Я.П. (205)
 ШЛАГЕНТВЕЙН (748)
 ШМИДТ П.П. (761)
 ШНЕЙДЕР В.П. (4276, 5308)
 ШРЕНК Л.И. (675)
 ШТАКЕЛЬБЕРГ О.Р. (213)
 ШУЛЫГИН Н.Н. (769)
 ЯКОБСОН, инженер (1204)
 ЯДРИНЦЕВ Н.М. (335, 521)

ПОСТУПЛЕНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ

ИЗ УЧРЕЖДЕНИЙ

1. МУЗЕЙ УДЕЛЬНОГО ВЕДОМСТВА (1907)
2. Из СИБИРСКОЙ ЭКСКУРСИИ (2092)
3. От ЭКСПЕРТНОЙ КОМИССИИ (2771, 2804)
4. От ЗООЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (2458)
5. От МУЗЕЙНОГО ФОНДА (2932, 2950, 2951, 3538, 3698)
6. От правления АН из ПУШКИНСКОГО ДОМА (2962)
7. От МУЗЕЯ ГПУ (3883)
8. От ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ (5049)
9. От АДМИРАЛТЕЙСКОГО МУЗЕЯ (4570)
10. От БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ археографич.-этнографической экспедиции (4176-82)
11. Из РУССКОГО МУЗЕЯ (4571, 4573)
12. Из ЭРМИТАЖА (576, 713, 715, 716а)

13. Из АЗИАТСКОГО МУЗЕЯ (719, 1023); из ИВАН (6308)
14. От ИРГО (739, 906, 2563, 2583, 2584, 6123)
15. Из ПРЕЖНИХ КОЛЛЕКЦИЙ (1820, 4273, 3260)
16. От РУССКОГО КОМИТЕТА ПО ИЗУЧЕНИЮ АЗИИ (1875, 2054, 2475, 2485, 2490, 2580, 2571–2580)
17. От ГМВК (5942, 5943, 5968)
18. Из ГМЭ (5979, 6431)
19. От ЛГУ (5318)
20. Из дворца кн. Бориса Владимировича (2705)

От НЕИЗВЕСТНЫХ СОБИРАТЕЛЕЙ (740, 746, 1269, 2511, 2722 2934, 3960)

ПОКУПКА (5255)

ПЕРЕДАНЫ

В Гос. Эрмитаж на постоянное хранение (Китайский Туркестан) (1719–1725, 2475, 2485, 2490)

СВЕДЕНИЯ О СОБИРАТЕЛЯХ

АЛЕКСАНДЕР Евгений Иванович — торговец антиквариатом. В 1907 г. В.В. Радлов просил разрешения (и получил его) на обмен музейных предметов, не имеющих этнографической ценности (но интересовавших Александра) — мраморные этажерки, сделанные в Японии по европейскому образцу, дублиеты медальонов с изображениями М. Лютера, Фридриха Великого, — и приобретение нужных музею китайских вещей. Так появилась коллекция № 1116.

АЛЕКСЕЕВ Василий Михайлович — выдающийся китаист, академик АН СССР (колл. № 2054).

АЛФЕРАКИ Сергей Николаевич — автор сочинения «Кульджа и Тянь-Шань. Путевые заметки» (опубл. в: Зап. по общ. геогр. ИРГО. 1881. XXIII. 2 отд. Оттиск).

АМСТЕРДАМСКАЯ Л.А. — сотрудник МАЭ.

БАРАДИЙН Банзар Барадиевич (1878–1937) — монголовед и тибетолог, бурятский общественный и государственный деятель, писатель. В 1905–1907 гг. совершил путешествие в Тибет, описанное им в книге «Путешествие в Лавран. 1905–1907 гг.» (СПб., 1908). Лауреат премии Н.М. Пржевальского. Один из лидеров национального движения бурятов. Был репрессирован.

БАСИЛОВ Владимир Николаевич (1936–1997) — сотрудник ИЭАН СССР, специалист по этнографии Средней Азии.

БЕРЕДНИКОВ Яков Иванович (1793–1854) — археолог, редактор трудов археографической комиссии, с 1841 г. — академик.

БОРОДОВСКИЙ Л.И. (1870–1906) — участник экспедиции полковника Путяты.

БУКИНИЧ Дмитрий Демьянович (1882–1939) — инженер-ирригатор, агроном. В 1925 г. сотрудник Туркменводхоза. Вел этнографическую и архео-

логическую работу в Туркмении, в 1936–1937 гг. участвовал в Термезской археологической экспедиции, был в Афганистане. В 1933–1935 гг. работал в Монголии. В МАЭ хранятся его коллекции по Средней Азии (№ 5304 и 5378) и Монголии (№ 5188 и 5303) [Прищепова 2002].

БУРДУКОВ АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1883–1943) — монголовед, составитель монголо-русского и русско-монгольского словарей, автор ряда этнографических работ о монголах, калмыках [Люди и судьбы 2003: 81–82; Кисляков 1996: 67].

ВАСИЛЬЕВ В.Н. — генерал-майор, зав. Азиатской частью Главн. Штаба (1826). Член РКИСВА [Скачков 1977: 464].

ВОРОБЬЕВ Николай Иванович (1869–1919) — в 1907 г. заведовал галереей Петра I в МАЭ. Автор статьи «Опись собрания буддийских статуэток, приобретенных в Сиаме в 1906 г.» [Воробьев 1912].

ГАРНАК Г. — путешественник.

ГЕЙМАН Сергей Вениаминович — в 1914–1915 гг. по командировке Музея был в Парагвайском Чако и Бразильском Матто Гроссо.

ГЕЛЬМЕРСЕН Григорий Петрович (1803–1885) — горный инженер, генерал-лейтенант, академик Петербургской АН (1850), один из организаторов и первый директор (с 1882 г.) Геологического Комитета. Исследователь Алтая.

ГЛУСКИНА Анна Евгеньевна (1904–1994) — японовед-филолог и этнограф. В 1925–1933 гг. — научный сотрудник и зав. отделом Дальнего Востока МАЭ. В 1928 г. командирована в Японию для сбора коллекций для МАЭ.

ГОРБАТОВСКИЙ Константин Захариевич

ГРИГОРЬЕВ Александр Васильевич (1842–1918) — видный деятель РГО. Готовил экспедицию Цыбикова в Тибет.

ДОРЖИЕВ Агван (1853–1938) — бурят, хамбо-лама, ученый, удостоившийся места одного из наставников Далай-ламы XIII, реформатор монгольской письменности в Бурятии, дипломатический посредник между Тибетом и Россией, деятель буддийского обновленческого движения. Основал несколько храмов в Бурятии, буддийскую академию в Калмыкии, был организатором строительства буддийского храма в Санкт-Петербурге. Репрессирован в 1937 г. См. статью о нем в словаре «Буддизм» (1992 г.) и в словаре «Люди и судьбы» [Люди и судьбы 2003: 150–151].

В описи коллекции № 2563 имеется записка Н.В. Кюнера и Зевиной о нем (1916 г.): «В 1901–1903 вывоз костюм тиб. воина и в 1916 г. передал РГО через Овше Норзунова, к-рый бывал также в Тибете в 1901–1903, сопровождал Доржиева. Х.А.Л. Доржиев, будучи ближайшим советником Далай-ламы и совершая многократные поездки в Тибет, имел б. возможности в отношении получения более редких тиб. вещей, что для европ. путешественников было очень трудно или почти невозможно. Вер. панцирь был получен им от Далай-ламы, к-рый совершенно такой же панцирь поднес в подарок англ. королю». Переслал С.Ф. Ольденбургу подарок Далай-ламы XIII, переданный в МАЭ (коллекция № 1425) [Решетов 2004: 130–135].

ДУДИН Самуил Мартинович (1863–1929) — специалист по искусству Средней Азии, художник, фотограф. Участник первой РТЭ 1909–1910 гг.

ЖАМЦАРАНО Цебен Жамцаранович (1880–1942) — востоковед, председатель Комитета наук МНР, автор работ по истории и этнографии Монголии,

чл.-корр. МАЭ, имел от музея «открытый лист». Был репрессирован [Люди и судьбы 2003: 161–163].

ИВАНОВ Алексей Иванович (1877–1937) — китаист, японовед, тангатовед, автор грамматики китайского языка (совм. с Е.Д. Поливановым), трудов по истории, религии, культуре Китая. С 1908 г. — зав. отд. культурных стран Азии. Репрессирован в 1930-е годы [Люди и судьбы 2003: 177–178].

КАЗНАКОВ Александр Николаевич — директор Кавказского музея и Тифлисской публичной библиотеки (см. письмо В.В. Радлову в описи колл. № 1972 — Будда Оточи).

КЕЛЛЕР К. — студент Восточного института во Владивостоке. После пожара во время осады Пекина в 1900 г. раскопал статуэтки буддийских божеств (колл. № 582, 19 пр., куплена музеем в 1900 г.).

КЕРЖИН М. — согласно описи коллекции № 3202, вывез из храма в окрестностях Пекина статуэтку Гуаньинь во время боксерского восстания 1900 г. (Восстание ихэтуаней). См.: Попов П.С. Два месяца осады в Пекине (Дневник 18 мая — 31 июля стар. ст. 1900 г.) // Вестник Европы. 1901. № 2. С. 517–536; № 3. С. 6–37 [Скачков 1977: 342].

КИРИЛЛОВ Николай Васильевич (1860–1921) — врач, исследователь Забайкалья и Дальнего Востока. Член-корреспондент МАЭ. В 1905 г. собрал коллекции по быту народов Сибири, а также Китая, Тибета и Японии.

Автор сочинения «Современное значение тибетской медицины как части ламаистской доктрины» (СПб., 1892). О нем: Петряев Е. Н.В. Кириллов — исследователь Забайкалья. Чита, 1960.

КЛЕМЕНЦ Дмитрий Александрович (1847–1914) — выдающийся путешественник, географ, этнограф, исследователь Сибири и Монголии. За участие в революционном движении отбывал ссылку в Сибирь. По приглашению В.В. Радлова участвовал в Орхонской экспедиции (1891 г.), занимался изучением памятников «Внешней Монголии» (1892 г.). В 1898 г. работал в Турфане. С 1897 г. был зачислен старшим этнографом в МАЭ, работал «по вольному найму» за скромное вознаграждение [Станюкович 1964: 77]. С 1902 г. заведовал этнографическим отделом Русского музея [Решетов 1998].

КОЗЛОВ Петр Кузьмич (1863–1935) — географ, исследователь Центр. Азии, акад. АН УССР (1928 г.). 1907–1909 гг. — Монголо-Сычуаньская экспедиция. Коллекции по буддийскому культу из Хара-Хото и предметы китайской старины, привезенные из этой экспедиции, были распределены между АН и Русским музеем.

В Урге в 1905 г. при встрече с Далай-ламой XIII состоялся обмен хадаками, второй хадак Далай-лама подарил Козлову при прощании (с бронзовым изображением Будды на алмазном престоле).

Большая коллекция буддийской скульптуры, собранная во время путешествий П.К. Козловым, хранится в его Музее-квартире в Петербурге.

КОЗЛОВА Елизавета Владимировна — жена П.К. Козлова, передала в МАЭ бронзовую статуэтку Будды (включена в колл. № 6752), хранящуюся в Особой кладовой МАЭ.

КРАСНОВ Андрей Николаевич (1862–1914) — выдающийся ботаник. Автор книги «Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного путешествия» (СПб., 1898).

КРОТКОВ Николай Николаевич (1869–1919) — в 1894 г. закончил китайско-маньчжурский разряд Восточного факультета Петербургского универси-

тета, ученик В.П. Васильева. Служил рос. Ген. консулом в Урумчи, секретарем в консульствах в Гирине, Цицикаре, Кульдже. Вел раскопки в Турфане и окрестностях Урги. Собрал большую коллекцию староуйгурских и согдийских рукописей. В 1922 г. от Кроткова в МАЭ приняты вещи из Китайского Туркестана (в 1930 г. переданы в Гос. Эрмитаж) [Кисляков 1996].

ЛАДЫЖЕНСКИЙ Михаил Васильевич (1803–1875) — полковник Генерального штаба, пристав 11-й Рос. дух. миссии в Китае. Дневниковые записи Ладыженского, сохранившиеся не полностью, частично были опубликованы (Дневник русского, веденный в Пекине // Библиотека для чтения. 1865. № 3–4. С. 1–23, 125–154).

Собрал в Пекине коллекцию рисунков китайских художников с изображением улиц, зданий, предметов быта (хранится в МАЭ) [Скачков 1977: 185; Кисляков 2005: 52–55, 2001: 69–72].

ЛАРИОНОВА Людмила Владимировна — сотрудник Института стран Азии и Африки (Москва), специалист по тайскому языку.

ЛИНДСТРЕМ Владимир Владимирович — капитан 2 ранга.

ЛУШНИКОВ Александр Алексеевич — потомственный почетный гражданин г. Кяхты.

МОДЗАЛЕВСКИЙ Борис Львович (1874–1928) — чл.-корр. АН, пушкинист.

МУЗЕЙНЫЙ ФОНД — В.А. Прищепова пишет о «преступной деятельности» МФ: «Незначительная часть вещей перешла в Эрмитаж, единицы экземпляров в бывшую Кунсткамеру и в др. музеи <...> В результате деятельности Гос. музейного фонда произошло разбазаривание ценностей, которые могли бы обогатить музеи...» [Прищепова 2000: 95]. Коллекции музея Штиглица перешли в распоряжение Эрмитажа, оттуда в 1924 г. через Музейный фонд некоторые из них были переданы в МАЭ.

В 1929 г. Гос. муз. фонд был ликвидирован.

См.: Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.). СПб., 1992.

НЕБОЛЬСИН Павел Иванович (1817–1893) — исследователь истории, быта и нравов народов Сибири. Автор книги «Покорение Сибири».

НОРЗУНОВ Овше Мучкинович (род. 1874) — в 1898–1901 гг. был в экспедиции в Тибете, разделил с Г.Ц. Цыбиковым славу первого фотографа Лхасы.

ОВЕРМЕЕР-ФИШЕР — чл.-корр. АН, проживал в Джакарте [Станюкович 1964: 56].

ОВСЯННИКОВА — возможно, супруга Филиппа Васильевича Овсянникова (1827–1906) — директора Антропологического музея до 1878 г., когда произошло его слияние с Этнографическим музеем в МАЭ.

ОСОКИН ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ — потомственный почетный гражданин г. Кяхты. Участник Орхонской экспедиции, этнограф, автор книги «Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья» (СПб., 1906). Комментируя активную собирательскую деятельность Осокина и его земляка Лушников, А.М. Решетов писал: «Кяхта — “песчаная Венеция” лежала в начале русской части торгового тракта из Китая и Монголии, купечество там было богатым: у миллионеров доход обозначался семизначными цифрами. Жило в Кяхте в основном просвещенное купечество, не чуждое общественной мысли, охотно откликавшееся на благотворительные дела. Его особенностью

была тяга к просветительству. Поэтому-то Г.М. Осокин и А.А. Лушников отправили свои дары в столичный музей» [Решетов 1987: 124].

ПАЛЛАС Петер Симон (1741–1811) — выдающийся ученый, академик, совершивший путешествие по России и собравший много коллекций, в т.ч. буддийскую бронзовую скульптуру [Станюкович 1964: 23–24, 27, 30; Скачков 1977: 476]. Однако в МАЭ до последнего времени официально числилась одна коллекция с предметами, имеющими отношение к буддийскому культу — № 741 (одежда и головные уборы ламы) [Викторова 1987]. В недавно опубликованной книге «Научное наследие» приводится рапорт (№ 15), отправленный Палласом во время путешествия по России в Академию наук из Яицкого городка 11 августа 1769 г. Паллас пишет о затруднении, в котором он находится, «имея в виду прекрасную коллекцию литых, хорошо позолоченных монгольских и калмыцких идолов или бурханов, которую продает здешний атаман. Императорская Кунсткамера по этой части еще очень бедна, и потому я отобрал около 25 идолов, тех, что лучше всего сохранились и отличаются один от другого. Однако, поскольку их цена выше 200 рублей, я не знаю, как мне поступить, хотя одна только позолота стоит почти столько же. Когда я вернусь из Гурьева, я должен буду принять решение и либо упустить из рук такое превосходное украшение для Кунсткамеры, либо пойти на новый риск, не ведая, как к этому отнесется Императорская Академия наук. До получения дальнейших предписаний я мог бы взять необходимые для такой покупки деньги из прогонных. Если мне удастся заключить торг на том условии, что в случае отказа со стороны Имп. АН идолов заберут обратно, то я без колебаний пойду на эту сделку» [Научное наследие 1993: 89].

На заседании Конференции 25 сентября 1769 г. В.Г. Орлов объявил о своем согласии на приобретение П.С. Палласом 25 калмыцких идолов за указанную в рапорте сумму, поскольку в собрании Кунсткамеры таких экспонатов не было [Протоколы... II: 704–705].

Приложение к рапорту 319 литеры В: «Что касается прекрасной коллекции калмыцких или тибетских идолов, к-рую я предлагал имп. АН в рапорте № 15, рад сообщить теперь надежные сведения. Благодаря посредничеству г. генерал-майора фон Рейнсдорпа владельцы коллекции согласны в течение нескольких месяцев доставить все это собрание в количестве более 80 экземпляров за собственный счет в СПб и предложить купить ее Имп. академии наук. Они очень настаивают на продаже коллекции целиком, а не в розницу. И хотя в последний раз в Оренбурге владельцы просили у меня за всю коллекцию 800 рублей, я знаю-таки наверняка, что они охотно уступили бы все за 400 рублей, этим и следует руководствоваться при покупке» [Научное наследие 1993: 108].

[Протоколы заседаний Конференции Имп. АН 1899].

Благодаря исследованию, проведенному Д.В. Ивановым, «нашлась» коллекция буддийской бронзы, приобретенная П.С. Палласом. Она составляет, как доказывает Д. Иванов, основную часть коллекции, получившей в МАЭ № 719. Рассматривая эту коллекцию в статье «Монгольские фонды МАЭ» (1987) как относящуюся к ранним «китайским и татарским редкостям», упоминаемым И. Бакмейстером [Бакмейстер 1779], Л.Л. Викторова ошибочно относит несколько статуэток из этой коллекции к коллекции № 741.

ПЕСТИНСКИЙ — художник, продал музею за 20 р. бронзового Будду в 1927 г. (№ 3496).

ПОПОВ Павел Степанович (род. 1843) — генеральный консул в Пекине, переводчик с китайского, чл.-корр. АН. Перевел надпись на статуэтке Гуаньинь (№ 890), привезенной в МАЭ Горбатовским.

ПОСЬЕТ Константин Николаевич (1819–1899) — адмирал, гос. деятель. Завещал ряд коллекций, привезенных из путешествий (№ 467, 468, 469, 470, 471). Вместе с И.А. Сытенко организовал в 1893–1894 гг. выставку в Эрмитаже коллекций, привезенных цесаревичем из путешествия на Восток [Прищепова 2000: 16, 36–37]. Местом сбора коллекции № 470, согласно описи, был Гонконг (по мнению Д. Иванова, Калмыкия) [Иванов 2008; Кисляков 2005: 75–82].

ПТИЦЫН Владимир Васильевич (1854–1908) — присяжный поверенный-юрист, этнограф, фольклорист, автор очерков «Селенгинская Даурия» (СПб., 1896), активный деятель Сибирского отделения РГО.

РАДЛОВ Василий Васильевич (1837–1918) — выдающийся ученый, многие годы директор МАЭ. При В.В. Радлове в МАЭ введена новая система регистрации коллекций [Станюкович 1964: 74, 76, 78, 79]. Радлов составил инструкцию по сбору этнографических предметов в поле.

РЕГЕЛЬ Иоанн-Альберт Эдуардович (род. в 1845 г.) — сын директора Ботанического сада в Петербурге. Путешествовал по Кульджинскому краю и Туркестану, Картегину, Дарвазу, Шугнану, Казахстану, Таджикистану, собирал энтомологические, этнографические коллекции, минералы. В МАЭ помимо интересующей нас коллекции № 120 хранятся другие собранные им коллекции — № 148, 5550, 5551, 5649 [Прищепова 2000: 18–19].

РОМАНОВ Николай Александрович (Николай II) — последний российский император. Коллекции подарков, полученных во время путешествия цесаревича Николая по России, были выставлены в 1893–1894 гг. в Эрмитаже, выставка имела благотворительные цели, организована была К.Н. Посьетом и И.А. Сытенко.

РУДНЕВ Андрей Дмитриевич (1878–1958) — о нем см.: [Кисляков 2005: 69–70; Решетов 2004].

РУССКИЙ КОМИТЕТ для изучения Средней и Восточной Азии — создан в 1903 г., в него вошли В.В. Бартольд, Н.И. Веселовский, С.Ф. Ольденбург, Д.А. Клеменц, Л.Я. Штернберг, Ф.И. Щербатской и др. ученые. От Министерства императорского двора — Э.Э. Ухтомский. Комитет публиковал Протоколы заседаний, издавал «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом отношении» (1913, 1914 гг. и др.). Комитету активно помогали русские консулы, работавшие в Западном Китае. Комитет организовал две экспедиции Ольденбурга в Западный Китай [Скачков 1977: 275–277]. Материалы экспедиций направлялись в Азиатский музей и в МАЭ.

СТАЛЬ фон Гольстейн А.А. (1877–1937) — закончил университет в Дерпте. Преподавал в Петербургском ун-те. С 1916 г. в Пекине несколько лет изучал тибето-монгольскую литературу, основал Институт исследования буддийских текстов на санскрите [Иванов 2004: 44; Bibliotheca Buddhica XV 1913].

ТАРЕНЕЦКИЙ Александр Иванович (1845–1905) — собиратель коллекции № 1023 с изображением Будды Оточи на бумаге, поступила от Азиатского музея через акад. Карла Германовича Залемана — из наследства проф. Военно-Медицинской академии академика Таренецкого в дар (при словесных объяснениях К.Г. Залемана (1906 г.) (примеч. в описи колл. № 1023).

ТАРЕНЕЦКАЯ Софья Александровна — жена Таренецкого, передала МАЭ коллекции № 1193, 1194, 1224.

УСПЕНСКИЙ Виктор Матвеевич (род. 1845) — российский консул в Кульдже.

УХТОМСКИЙ Э.Э. (1861–1921) — князь, дипломат, публицист, предприниматель. Служил в департаменте духовных дел иностранных исповеданий, был неоднократно командирован в Среднюю Азию и Сибирь для изучения «инородцев-буддистов». Сопровождал будущего императора Николая II в путешествии на Восток. Написал трехтомное сочинение «Путешествие на Восток Наследника Цесаревича» (СПб., 1893). Был одним из организаторов выставки буддийских вещей, подаренных Николаю Александровичу во время этого путешествия. Содействовал строительству буддийского храма в С.-Петербурге. После революции работал хранителем дальневосточного отдела русского музея.

Э.Э. Ухтомский — один из крупнейших собирателей коллекций буддийской скульптуры в России. В 1889 г. передал в МАЭ коллекцию № 187. В 1926 г. в МАЭ были зарегистрированы собранные им коллекции: под № 3252 (из т.н. «старых поступлений») с 12-ю бронзовыми изделиями, № 3253 — с вырезанными из дерева, № 3260 — также «из старых поступлений», в 1927 г. — № 3561. А. Грюнведель сделал описание коллекции Э.Э. Ухтомского в Библиотека буддизма: Обзор собрания предметов ламаистского культа князя Э.Э. Ухтомского (СПб., 1905).

ХАМБО ЛАМА ЗАРБАИН (1869) — лама Агинского дацана.

ХОЛОДОВСКИЙ Николай Иванович — генерал.

ШИЛЛИНГ фон КАНШТАДТ Павел Львович (1786–1837) — чиновник МИД, чл.-корр. АН, изобретатель электромагнитного телеграфа. Увлекался культурой Китая и Тибета. Организовал издание книг с китайскими иероглифами. Создал «лучший в мире маньчжурский шрифт» [Скачков 1977: 133]. В 1830 г. руководил научной экспедицией на границу с Китаем, в Кяхту — центр русско-китайской торговли, в которой участвовал Н.Я. Бичурин. Подарил МАЭ коллекцию № 710 в 1841 г., собранную в Восточной Сибири [Иванов 2005: 44; Скачков 1977: 103, 108].

ШИШМАРЕВ Яков Парфениевич (род. 1833) — русский консул в Урге, ученик крупнейшего русского китаевода В.П. Васильева, переводчик с маньчжурского языка. Во время Тибетской экспедиции РГО под руководством П.К. Козлова 1899–1901 гг., по словам Козлова, «уважаемый монголами русский генерал спешил засвидетельствовать его полную готовность приютить “дорогих путешественников” под гостеприимным кровом русского консульства».

ШМИДТ Петр Петрович (1869–1938) — закончил китайско-маньчжурское отделение Восточного ф-та СПб ун-та (1896 г.). Был в Китае (1899 г.). С 1899 г. — профессор Восточного института во Владивостоке. Автор грамматики китайского языка («Опыт Мандаринской грамматики с текстом для упражнений. Пособие к изучению разговорного китайского языка пекинского наречия», Владивосток, 1902) и работ по истории Китая.

Купил в пекинском храме Сунь чжусы 33 буддийские иконы (колл. № 761), подарил их МАЭ.

ШНЕЙДЕР Варвара Петровна (1860–1941) — художница, член строительного комитета буддийского храма в Санкт-Петербурге с 1909 г.

ШРЕНК Леопольд Иванович (1826—1894) — исследователь Сибири и Дальнего Востока, автор многочисленных трудов по этнографии, географии, зоологии и пр. С 1888 г. — ординарный академик. Первый директор учрежденного в 1879 г. музея по антропологии и этнографии преимущественно России (с 1879 по 1894 гг.). Ввиду отсутствия достаточных средств для закупки коллекций Л.И. Шренк способствовал пополнению музейных фондов путем дарения (результатом его усилий в этом направлении стали подаренные музеем коллекции Полякова, Миклухи-Маклая, императора Николая II, кн. Ухтомского, проф. Минаева, Штакельберга, политического ссыльного Д.А. Клеменца и др.).

В 1853—1856 гг. путешествовал, по выражению Руссова, «в целях антропологических и этнологических исследований», был в Китае, откуда привез коллекцию № 675. В 1888 г. через Шренка в музей поступили предметы буддийского культа из Монголии академика Г.П. Гельмерсена (№ 178) [Станюкович 1964: 50—52; Решетов 1977: 77].

ШТАКЕЛЬБЕРГ Олаф Романович, барон (род. в 1818 г.) — о нем см.: [Кисляков, 2005: 75—82].

ШУЛЫНГИН Н.Н. — из статьи Руднева «Заметки о технике буддийской иконографии у современных зурачинов (художников) Урги, Забайкалья и Астраханской губернии» (Сб. МАЭ. 1905. Вып. V. С. 5—15): «Неизменно любезный ко мне постоянный житель Урги М.Н. Шулыгин предложил мне свою помощь в деле собирания образцов работ зурачинов. В настоящее время М.Н. прислал в дар Музею таблицы рисунков (копию с таких же таблиц, напечатанных в Академии для сборника изображений “300 бурханов”»).

ЯДРИНЦЕВ Николай Михайлович (1842—1894) — сибирский писатель и общественный деятель, редактор газеты «Восточное обозрение» (80—90-е годы XIX в.). Открыл в 1890 г. в Северной Монголии рунические памятники и в том же году В.В. Радлов организовал Орхонскую экспедицию с целью их изучения.

Библиография

- Азиатский музей — Лен. отделение ИВ АН СССР. М., 1972.
Альбедиль М.Ф. Буддизм. М.; СПб.: Питер, 2006.
Андреев А. Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ, 1992.
Бакаева Э.П. Калмыцкий буддизм — история и современность // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. М., 2008. С. 161—200.
Бакмейстер И. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной СПб Имп. Академии наук, изданный на французском языке Йоганом Бакмейстером, подбиблиотечарем Академии наук, а на российский язык переведенной Васильем Костыговым. СПб., 1779.
Барадийн Б.Б. Цам Миларайбы (Из жизни в Лавране) // Зап. РГО по отд. этнографии. СПб., 1909. Т. 35. С. 157—162.
Беляев О.П. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Ч. 2.
 Буддизм: Словарь. М., 1992.
Викторова Л.Л. Монгольские коллекции МАЭ // Сб. МАЭ. Л., 1980. Т. XXXV. С. 107—113.
Викторова Л.Л. Монгольские фонды МАЭ // Сб. МАЭ. Л. 1987. Т. XLI. С. 102—120.
Владимирцов Б.Я. Буддизм в Тибете и Монголии. СПб., 1919.
Войтов В.Е. Материалы по истории Государственного музея Востока. 1918—1950. Люди. Вещи. Дела. М., 2003 (см. письмо А.В. Седова на имя Е.А. Резвана от 17.06.09).
Волчок Б.Я. Фрагмент мраморного рельефа из индийской коллекции И.П. Минаева // Сб. МАЭ. М.; Л., 1964. Т. XXII. С. 254—259.

- Воробьев Н.И.* Описание собрания буддийских статуэток, приобретенных в Сиаме в 1906 г. // Сб. МАЭ. СПб., 1912. Т. 1. Вып. II.
- Воробьева-Десятовская М.И.* Экспедиция М.М. Березовского. 1905–1906 гг. // Пещеры 1000 Будд: Каталог. СПб., 2008. С. 120.
- Воробьева-Десятовская М.И.* Русские исследователи Хотана // Там же. С. 43.
- Ганевская Э.В., Дубровин А.Ф., Огнева Е.Д.* Пять семей Будды. Металлическая скульптура северного буддизма IX–XIX вв. из собрания ГМВ УРСС. М., 2004.
- Голубев В.В.* Отчет о командировке в Париж на буддийскую выставку // Изв. РАН. 1913. С. 377–382.
- Грюнведель А.* Обзор собрания предметов ламайского культа кн. Э.Э. Ухтомского. СПб., 1905.
- Гумилев Л.Н.* Старобурятская живопись. М., 1975.
- Дудин С.М.* Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Зап. Китая // Сб. МАЭ. Пг., 1918. Т. V. Вып. 1. С. 40–59.
- Ермакова Т.В.* Буддийский мир глазами российских исследователей XIX — первой трети XX в. СПб., 1998.
- Жуковская Н.Л.* К вопросу о семантике некоторых предметов ламаистского культа // Сб. МАЭ. Л., 1987. Т. XLI. С. 137–148.
- Жуковская Н.Л.* Мандала как предмет ламаистского культа // Сб. МАЭ. Л., 1973. Т. 29. С. 71–79.
- Жуковская Н.Л.* Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977.
- Иванов А.И.* Путеводитель по МАЭ им. имп. Петра Великого: Отдел культурных стран Азии. Пг., 1925.
- Иванов А.И.* Сутра «Восхождение Майтреи на небо Тушита» / Тангутский текст издал и китайским переводом снабдил А.И. Иванов. Пг., 1916.
- Иванов Д.В.* Изображение трех Татхагат из коллекции буддийской бронзы МАЭ // 285 лет Петербургской Кунсткамере. СПб., 2000. С. 108–112 (Сб. МАЭ. Т. XLVIII).
- Иванов Д.В.* Необычное изображение бодхисатвы Манджушри // Кюнеровские чтения (1998–2000). СПб., 2001. С. 54–55.
- Иванов Д.В.* Атрибуция некоторых памятников тибетской коллекции МАЭ // Там же. С. 52–54.
- Иванов Д.В.* Работы школы Дзанабазара в коллекциях МАЭ // Сб. МАЭ. СПб., 2004. Т. XLIX.
- Иванов Д.В.* Петр Симон Паллас и формирование первых буддийских коллекций в России // Из века Екатерины Великой. Путешествия и путешественники. СПб., 2007. С. 186–195.
- Иванов Д.В.* Калмыцкие иконы в коллекциях МАЭ (Кунсткамера) РАН: Характерные особенности иконографии и монтировки // Кюнеровский сборник. СПб., 2008. С. 51–52.
- Иванов Д.В.* Два изображения Амитаюса // Радловский сборник. СПб., 2009. С. 214–215.
- Иванов Д.В.* Калмыцкие буддийские предметы в коллекции МАЭ РАН (Кунсткамера) // Буддизм России. СПб., 2009. С. 28–33.
- Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.). СПб., 1992.
- Итс Р.Ф.* Китайские коллекции Петра Кузьмича Козлова в собраниях МАЭ // Сб. МАЭ. Л., 1961. Т. XX. С. 5–29.
- Кисляков В.Н.* Собиратели коллекций МАЭ по традиционной культуре народов Китая (дореволюционный период) // КПК. 1996. Вып. 44. С. 57–74.
- Кисляков В.Н.* Китайские коллекции МАЭ, привезенные членами Российской духовной миссии в 30–40-е гг. XIX в. // Кюнеровские чтения. СПб., 2001. С. 69–72.
- Кисляков В.Н.* Российские морские офицеры-собиратели коллекций МАЭ (Китай, Корея, Япония) // Кюнеровские чтения (2001–2004). СПб., 2005. С. 75–82.
- Кисляков В.Н.* Малоизвестная статья в петербургской прессе 1833 г. о китайской коллекции М.В. Ладыженского, ныне хранящейся в МАЭ // Кюнеровские чтения (2001–2004). СПб., 2005. С. 52–55.
- Кисляков В.Н. А.Д. Руднев и его коллекции в МАЭ // Кюнеровские чтения (2001–2004). СПб., 2005. С. 69–75.*

Кисляков В.Н. Калмыцкие коллекции МАЭ РАН // Кюнеровские чтения (2001–2004). СПб., 2005. С. 61–69.

Краснодембская Н.Г. От Львиного острова до Обители снегов. М., 1983.

Козлов П.К. Монголия и Кам / Тр. Экспедиции Имп. РГО, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. СПб., 1906. Т. 1. Вып. 2.

Куфтин Б.А. Краткий обзор пантеона северного буддизма и ламаизма в связи с историей учения по коллекциям, выставленным в Центральном музее народоведения. М., 1927.

Лавров Л.И. Материалы по иконографии и мифологии Востока // Вестник Азии. Харбин, 1922. № 49. Вып. II. С. 1–133.

Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов-жертв политического террора в советский период. 1917–1991. СПб., 2003.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2.

Минаев И.П. Буддизм: Исследования и материалы. СПб., 1887. Т. 1. Вып. 1–2.

Научное наследие П.С. Палласа. Письма. 1768–1771 гг. СПб., 1993.

Ольденбург С.Ф. Заметки о буддийском искусстве // Восточные заметки. СПб., 1895. С. 337–365.

Ольденбург С.Ф. О некоторых изображениях Майтреи // Материалы по буддийской иконографии. СПб., 1901. С. 1–8 (Сб. МАЭ. т. III).

Ольденбург С.Ф. Материалы по буддийской иконографии // Сб. МАЭ. 1903. Т. IV.

Сборник изображений 300 бурханов / По заказу Азиатского музея с примечаниями издал С.Ф.О. СПб., 1903 Ч. 1. (Bibliotheca Buddica. V).

Путеводитель. по МАЭ. СПб., 1904 (при участии Ольденбурга).

Ольденбург С.Ф. Кульджинские буддийские терракотовые пластинки собрания Н.Н. Кроткова // Изв. Имп. Академии наук. СПб., 1909. С. 563–566.

Ольденбург С.Ф. Первая буддийская выставка в Петербурге. Пг., 1919.

Ольденбург С.Ф. Русские археологические открытия в Восточном Туркестане // Казанский музейный вестник. 1921. № 1–2.

Ольденбург С.Ф. Пещера 1000 Будд // Восток. 1922. № 1.

Ольденбург С.Ф. Искусство в пустыне // 30 дней. 1925. № 1.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям российской империи. СПб., 1809.

Памятники корейской культуры из собрания Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера), Россия. Гос. исследоват. Институт культурного наследия Республики Корея, МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). Тэчжон, 2004.

Петряев Е. Н.В. Кириллов — исследователь Забайкалья. Чита, 1960.

Пиотровский М.Б., Попова И.Ф. Вторая буддийская выставка // Пещеры 1000 Будд: Каталог. СПб., 2008. С. 9–11.

Подгорбунский И.А. Каталог буддийской коллекции Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Отд. XVII. Б/м, б/г. С. 1–83.

Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу // Зап. РГО по отд. этнографии. СПб., 1887.

Попова И.Ф. Первая РТЭ в Карашаре // Пещеры 1000 Будд: Каталог. СПб., 2008. С. 174.

Попова И.Ф. РТЭ С.Ф. Ольденбурга 1914–1915 гг. // Там же. С. 1914–1915.

Попова И.Ф. Основные поступления буддийских памятников в собрание СПб филиала ИВ // Проблемы общей и региональной этнографии (к 75-летию А.М. Решетова). СПб., 2007. С. 287–294.

Прищепова В.А. Коллекции заговорили. СПб., 2000.

Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. СПб., 1899. Т. 2. С. 704–705.

Путеводитель по музею Имп. АН по антропологии и этнографии. СПб., 1891.

Путеводитель по Музею антропологии и этнографии им. Петра Великого. СПб., 1904.

Решетов А.М. Тибетская коллекция МАЭ (духовная культура) // Культура народов Зарубежной Азии. Л., 1973. С. 227–250. (Сб. МАЭ. Т. XXIX).

Решетов А.М. Л.И. Шренк (К 170-летию со дня рождения) // КПК. 1977. Вып. 6–7. С. 77.

Решетов А.М. Монгольский цам по коллекциям МАЭ // Сб. МАЭ. Л., 1987. Т. 41. С. 121–136.

Решетов А.М. Д.А. Клеменц и Музей антропологии и этнографии // Пигмалион музейного дела в России. СПб., 1998.

Решетов А.М. Подарок Далай-ламы XIII. Об одной статуэтке Будды из коллекции МАЭ // КПК. 2004. Вып. 10–11. С. 130–135.

Решетов А.М. А.Д. Руднев (1878–1958): Жизнь и деятельность на родине и в эмиграции // Altaica. IX. М., 2004.

Решетов А.М., Жамцарано Ж.Ц. Наука и политика в судьбе Ц. Жамцарано // Orient. 1998. Вып. 2–3. Исследователи Центральной Азии в судьбах России. С. 5–55. Библиография основных трудов Жамцарано Ц. — там же. С. 90–92.

Решетов А.М. Агван Доржиев и российские востоковеды (к постановке вопроса) // Буддийская традиция. История и современность: Материалы конференции. СПб., 2005. С. 18–24.

Розенберг О.О. О мирозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке: Лекция, читанная на Первой Буддийской выставке в Петербурге. Пг., 1919.

Руднев А.Д. Заметки о технике буддийской иконографии у современных зурачинов (художников) Урги, Забайкалья и Астраханской области // Сб. МАЭ. СПб., 1905. Т. 1. Вып. 5. С. 5–15.

Руднев А.Д. Торжественное шествие молодого и старого тибетского ламы (из «Нового Турнерова путешествия») // Вестник Европы. 1903.

Руссов Ф.К. Путеводитель по Музею Имп. Академии наук по антропологии и этнографии. СПб., 1891.

Руссов Ф.К. Материалы для истории этнографических и антропологических коллекций Императорской академии наук // Сб. МАЭ. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 1.

Самосюк К.Ф. Экспедиция П.К. Козлова в Хара-Хото 1907–1909 гг. // Пещеры 1000 Будд: Каталог. СПб., 2008. С. 313–314.

Самосюк К.Ф. Искусство Хара-Хото // Там же. С. 315–317.

Самосюк К.Ф. Культура и искусство Кучи // Там же. С. 120–123.

Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.

Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953.

Станюкович Т.В. МАЭ за 250 лет // Сб. МАЭ. М.; Л., 1964. Т. XXII. С. 5–150.

Станюкович Т.В. Этнографический музей РГО // ТИЭ. 1977. Т. 104. С. 22–28.

Суслова И.В. Каталог коллекций по разделу «Монголы» // Сб. МАЭ. Л., 1987. Т. XLI. С. 163–170.

Суслова И.В. Каталог коллекций по разделу «Корейцы» // Сб. МАЭ. Л., 1987. Т. XLI. С. 171–175.

Терентьев А.А. Опыт унификации музейного описания буддийских изображений // Использование музейных коллекций в критике буддизма. Л., 1981.

Терентьев А.А. Определитель буддийских изображений. СПб., 2004.

Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891 гг. СПб., 1891–1893. Т. I–III.

Шафрановская Т.К. Кунсткамера и Восток: Первые азиатские коллекции Кунсткамеры, собранные отечественными путешественниками // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 1993. Вып. 1. С. 89–101.

Хижняк О.С. Ступа. Начало формирования буддийского культа. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.

Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета: По дневникам, веденным в 1899–1902 гг. Пг., 1918.

Чугуевский Л.И. Шиллинг Павел Львович // Письменные памятники Востока. 2006. № 1 (4).

Шербатской Ф.И. Философское учение буддизма: Лекция, читанная при открытии Первой Буддийской выставки в Петербурге 24 августа 1919 г. Пг., 1919.

Ivanov D.V. Icons from N.V.Kirilov's collection // Manuscripta Orientalia. 2005. Vol. II. N 2. P. 30–37.

Ivanov D.V. Buddhist Collections of S.-P. Kunstkamera, II-Kalmyk Painting and Bronze from Inner Mongolia // Manuscripta Orientalia. 2005. Vol. II. N 4. P. 36–62.

Ivanov D.V. Kalmyk Thangkas in the Buddhist collection of MAE RAS // *Manuscripta Orientalia*. 2008. Vol. 14. N 2. P. 51–62.

Russow Fr. Beitrage zur Geschichte der Ethnographischen und Anthropologischen Sammlungen der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg // Сб. МАЭ. СПб., 1900. Т. 1.

В.Н. Кисляков

**Материалы к описанию экспонатов МАЭ РАН
по религиозным воззрениям китайцев.
Сведения о собирателях**

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН в настоящее время обладает одной из крупнейших (по крайней мере в нашей стране) коллекций по традиционной культуре народов Восточной Азии. При этом китайский фонд насчитывает в целом более 30 тысяч разнообразных экспонатов. В нем имеются бытовые вещи преимущественно ханьцев, маньчжуров и тибетцев, т.е. народов, населяющих северную часть Китая. Традиционная культура других этносов, населяющих южные и юго-западные районы страны, представлена в МАЭ гораздо менее полно. Это связано с тем, что в течение XVIII–XIX вв. россияне, бывавшие в Китае, путешествовали преимущественно по северным и северо-западным областям, населенным указанными выше народами.

Среди всей этой массы предметов значительную часть составляют экспонаты, так или иначе отражающие традиционные верования народов Китая, прежде всего ханьцев. Эти коллекции собирались на протяжении почти трех столетий. В формировании китайского фонда МАЭ принимали участие несколько поколений российских и зарубежных исследователей, путешественников, дипломатов, государственных и военных деятелей, коллекционеров-любителей и т.д. Коллекции передавались также из различных музеев и других учреждений в качестве даров или по обмену.

Как известно, Кунсткамера, первый отечественный естественно-исторический музей, был основан по указу Петра I в 1714 г. После основания Императорской (Петербургской) Академии наук в 1725 г. Кунсткамера перешла в ее ведение.

Уже в первые десятилетия существования этого музея в нем стали появляться наряду с другими азиатскими коллекциями китайские и монгольские вещи. Среди первых собирателей, о которых имеются сведения, можно назвать имена нескольких людей:

Капитан лейб-гвардии Л.В. Измайлов (1685–1738), который в 1719–1722 гг. возглавлял российское посольство, отправленное Петром I в Китай.

Выходец из Германии врач Д.Г. Мессершмидт (1685—1735), в 1725—1728 гг. по указанию Петра I путешествовавший по Сибири и собравший значительные коллекции, поступившие в Кунсткамеру.

Видный деятель Петровской эпохи, коллекционер и библиофил Я.В. Брюс (1670—1735). Его обширная коллекция книг, астрономических и других инструментов, этнографических предметов, среди которых были и китайские вещи, поступила в Кунсткамеру в 1736 г.

В декабре 1747 г. в Кунсткамере произошел пожар, который уничтожил значительную часть этнографического собрания.

В 1750-х годах Академия наук предприняла энергичные меры по восстановлению утраченных коллекций. С этой целью в Китай был послан лекарь Ф.Л. Елачич с заданием пополнить музейные коллекции.

В это же время в Кунсткамеру поступило собрание покойного иркутского вице-губернатора Л. Ланга, который в первой половине XVIII в. несколько раз посещал Китай с дипломатическими поручениями и по торговым делам.

К концу XVIII в. в Кунсткамере уже имелось довольно большое собрание разнообразных китайских предметов, в том числе и образцы религиозной скульптуры.

В 1818 г. в составе Академии наук был образован отдельный Азиатский музей, куда из Кунсткамеры были переданы все предметы, связанные с азиатскими странами и народами, в том числе, естественно, и Китаем и Монголией.

В 1836 г. был образован академический Этнографический музей. Сюда из Азиатского музея были возвращены азиатские этнографические коллекции.

Период с 1836 по 1879 гг. — время существования академического Этнографического музея. В это время китайский фонд пополнился несколькими крупными коллекциями, в числе которых были и культовые предметы.

Собрание полковника М.В. Ладыженского. В течение десяти лет (с 1821 по 1830 гг.) он был приставом Российской духовной миссии в Пекине и собрал обширную этнографическую коллекцию, которую преподнес Николаю I. Император передал ее в Академию наук, и таким образом она попала в Этнографический музей (№ 667, 683).

В 1841 г. в Этнографический музей поступила коллекция выдающегося русского электротехника и востоковеда П.Л. Шиллинга, переданная его наследниками. П.Л. Шиллинг в начале 1830-х годов ездил в Забайкалье, где и собрал эти коллекции (№ 8, 710).

В 1842 г. из Министерства иностранных дел в Академию наук поступила обширная коллекция, собранная членами упомянутой Российской духовной миссии в Пекине (№ 11, 712).

1850-е годы. В Этнографический музей поступает китайская коллекция (№ 675) от выдающегося зоолога и путешественника Л.И. Шренка, который несколько лет путешествовал по Дальнему Востоку, изучая природу и быт местного населения.

В 1868 г. в Этнографический музей передал свои коллекции З.Ф. Леонтьевский, находившийся в Пекине в составе Российской духовной миссии.

В 1879 г. на базе Этнографического музея и Анатомического кабинета в Петербургской Академии наук был создан Музей антропологии и этнографии, который возглавил упоминавшийся выше Л.И. Шренк.

Этот музей как самостоятельное академическое учреждение существовал в течение более пятидесяти лет (до 1933 г.).

Этот период явился важной вехой в истории формирования современного китайского фонда музея. Сюда поступали многочисленные коллекции от различных собирателей.

Расширению фондов Музея по народам азиатских стран и, в частности, Китая способствовало то обстоятельство, что во главе МАЭ с 1894 г. стоял выдающийся российский востоковед-тюрколог академик В.В. Радлов. С 1903 г. он возглавлял Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии (РКИСВА). Этот Комитет неоднократно организовывал командировки специалистов в страны Азии и в Сибирь. Большинство этих исследователей привозили этнографические коллекции, поступавшие в Музей антропологии и этнографии.

В результате уже в первые годы XX в. МАЭ создается отдел культурных стран Азии во главе с видным синологом начала XX в. А.И. Ивановым. В составе китайского собрания видное место занимали предметы, так или иначе связанные с традиционными верованиями китайцев.

Назовем имена некоторых собирателей.

Приват-доцент факультета восточных языков Петербургского университета В.М. Алексеев в 1911–1912 гг. по заданию РКИСВА совершил поездку в Китай. Оттуда он привез богатейшую этнографическую коллекцию (№ 2054).

Заведующий отделом культурных стран Азии МАЭ А.И. Иванов в 1909 г. ездил в командировку в Китай и Японию. Он также привез богатые этнографические коллекции.

Выдающийся исследователь Центральной Азии и Тибета П.К. Козлов передал в МАЭ свои этнографические коллекции.

Сотрудник Зоологического музея И.С. Поляков в 1881 г. ездил на Сахалин и в Японию. Он также собрал китайскую этнографическую коллекцию.

Адмирал и государственный деятель К.Н. Посыет в 1860–1870-е годы неоднократно совершал плавания на Дальний Восток, откуда привозил разнообразные коллекции. После его смерти эти коллекции по завещанию были переданы в МАЭ.

Приват-доцент факультета восточных языков Петербургского университета А.Д. Руднев в 1910-х годах несколько раз ездил в научные командировки в Монголию и Китай. Наряду с лингвистическими исследованиями он занимался и этнографией местного населения, собирая коллекции, поступившие позже в МАЭ.

Польский и русский революционер-народник В.Л. Серошевский во время ссылки в Сибирь занимался этнографией и лингвистикой, совершил поездки на Сахалин и в Японию. Он также собрал значительную китайскую этнографическую коллекцию.

В 1893 г. в МАЭ поступили этнографические собрания из разных азиатских стран, в том числе и из Китая, от императора Николая II. Эти коллекции были приобретены в 1891 г. во время путешествия цесаревича Николая Александровича по Азии.

Из других собирателей начала XX в. следует упомянуть полковника А.В. Верещагина, участника русско-японской войны, передавшего в МАЭ много китайских вещей, ссыльного революционера Б.О. Пилсудского, соби-

рателя музыкальных инструментов Н.И. Воробьева, антиквара Е.И. Александра, С.А. Таренецкую.

После 1917 г. в течение пятнадцати лет Музей антропологии и этнографии продолжал функционировать как самостоятельное академическое учреждение. За эти годы китайский фонд продолжал расширяться, хотя и не в столь широких масштабах, как раньше.

Из приобретений этого времени, связанных с верованиями китайцев, следует упомянуть поступившие в 1921 г. коллекции общественного деятеля, князя Э.Э. Ухтомского, в конце XIX в. бывавшего на Дальнем Востоке и в Китае.

В начале 1920-х годов в МАЭ поступают собрания от двух организаций — Государственного музейного фонда и Экспертной комиссии. Эти организации занимались распределением предметов искусства, конфискованных у лиц, эмигрировавших после революции за границу.

В 1927 г. в Китае побывал в командировке заведующий отделом Дальнего Востока МАЭ Г.О. Монзель. Он привез этнографические коллекции, в которые входили и культовые предметы.

В 1928 г. в МАЭ поступила богатая коллекция лубочных картин от М. Окулича. Среди этих картин были и картины религиозного содержания.

В 1933 г. Музей антропологии и этнографии был преобразован в Институт археологии, антропологии и этнографии (позже — Институт этнографии) АН СССР. Музей вошел в его состав в качестве одного из структурных подразделений и потерял самостоятельность. Однако пополнение фондов музея продолжалось.

Из собирателей 1930-х годов, в коллекциях которых были предметы, связанные с религией, следует упомянуть Новицкого, от которого в 1935 г. было получено много лубочных картин (№ 5314).

В 1940 г. в МАЭ поступило большое количество экспонатов по народам Зарубежной Азии из Музея этнографии народов СССР. Этот музей был создан в 1932 г. на базе Этнографического отдела Русского музея (основан в 1902 г.). В начале XX в. в этот музей поступали коллекции по народам не только России, но и сопредельных стран. Многие из них были позже переданы в МАЭ.

Среди азиатских коллекций были и китайские собрания, в том числе связанные с религией.

Из китайских приобретений МАЭ в послевоенный период, т.е. во второй половине XX в., следует назвать обширные коллекции, поступившие в 1950 г. из Государственного Музея восточных культур.

В 1960–1970-е годы в музей продолжали поступать разнообразные китайские коллекции, правда, не в таком большом объеме, как в предыдущие годы. Среди них были и предметы, связанные с культовой практикой китайцев.

В 1992 г. музей выделился из Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая и получил статус самостоятельного академического учреждения под названием «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН». В своей деятельности он продолжает традиции прежнего МАЭ, и китайское собрание продолжает доминировать среди других азиатских фондов этого музея.

Характеризуя ту часть китайского собрания МАЭ РАН, которая связана с духовной культурой народов Китая, можно сказать следующее: в китайском фонде представлены образцы одежды священнослужителей, лубочные карти-

ны, скульптура, произведения прикладного искусства, атрибуты религиозных культов и другие предметы, в достаточно полной степени отражающие основные религиозные системы китайцев (конфуцианство, буддизм и даосизм).

СПИСОК КИТАЙСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ МАЭ РАН С КУЛЬТОВЫМИ ПРЕДМЕТАМИ

№ кол-лек-ции	Источник поступления	Год пост.	Народ	Способ получения	Общее кол-во номеров	Общее кол-во предметов	Культовые предметы
8	Шиллинг фон Канштадт Павел Львович	1841	Китайцы	Дар	194	494	Различные культовые предметы
11	Азиатский департамент МИД	1843	Китайцы, тибетцы, непальцы, корейцы	Дар	215	611	Жуи, одежда буддийская, подсвечники и пр.
75	Леонтьевский Захар Федорович	1868	Китайцы, корейцы	Дар	22	31	Четки
162	Поляков Иван Семенович	1886	Китай, Япония	Дар	116	232	Статуэтки, картины и пр.
174	Императорский Эрмитаж	1887	Китайцы	Дар	96	254	Статуэтки, талисманы, картины
311	Николай II	1893	Китайцы	Дар	41	168	Шкатулки, модели, рисунки и пр.
455	Алфераки Сергей Николаевич	1899	Восточный Туркестан	Дар	1	1	Статуэтка
467	Посыет Константин Николаевич	1899	Китайцы	Дар	38	69	Статуэтки
470	Посыет Константин Николаевич	1899	Китайцы	Дар	4	4	Статуэтки
582	Келлер К.	1900	Китайцы	Покупка	19	19	Статуэтки
667	Ладыженский Михаил Васильевич	1831	Китайцы	Дар	295	1011	Жуи, четки, ожерелья и пр.
671	Азиатский Музей Академии наук	1827–1837	Китайцы	Передача	132	162	Статуэтки и пр.

№ кол-лекции	Источник поступления	Год пост.	Народ	Способ получения	Общее кол-во номеров	Общее кол-во предметов	Культовые предметы
673	Азиатский Музей Академии наук	1827—1837	Китайцы	Передача	132	162	Украшения настольные, курильницы, статуэтки и пр.
675	Шренк Леопольд Иванович	1856	Китайцы	Дар	53	101	Лубочные картины, статуэтки, свечи
683	Ладыженский Михаил Васильевич	1831	Китайцы	Дар	19	67	Свечи, гонги, статуэтки, свитки
684	Старые поступления		Китайцы		79	130	Картины
688	Гудзенко Анатолий Николаевич	1902	Китай. Ляодунский полуостров	Дар	179	256	Амулеты и пр.
710	Шиллинг фон Канштадт Павел Львович	1841	Китайцы	Дар	72	204	Статуэтки, картины, иконы и пр.
712	Азиатский Департамент МИД	1842	Китайцы	Передача	1	3	Свеча алтарная
713	Императорский Эрмитаж	1887	Китайцы	Передача	34	37	Статуэтки
722	Шмидт Петр Петрович	1903	Китайцы	Дар	1	1	Картина
748	Шлагинтвейн	1867	Тибетцы	Дар	9	26	Флаги молитвенные, рисунки
761	Шмидт Петр Петрович	1903	Китайцы	Дар	5	39	Картины
775	Серошевский Вацлав Леопольдович	1903	Маньчжуры	Дар	70	90	Картины, иконы, фигуры
776	Ольденбург Сергей Федорович	1903	Китайцы	Дар	2	2	Курильницы
794	Кириллов Николай Васильевич	1903	Китайцы	Дар	19	19	Картины лубочные, иконы и пр.
795	Кириллов Николай Васильевич	1903	Китай, Корея, Япония, Тибет, Забайкалье	Дар	182	278	Лубочные картины, амулет

№ кол-лекции	Источник поступления	Год пост.	Народ	Способ получения	Общее кол-во номеров	Общее кол-во предметов	Культовые предметы
796	Неизвестно	1903	Китайцы	Дар	2	2	Кальки с рисунков
800	Руднев Андрей Дмитриевич	1904	Китайцы	Дар	17	17	Заготовки для аппликаций
803	Торгашев Павел Иванович	1904	Япония, Китай (Маньчжурия)	Дар	6	8	Четки
812	Руднев Андрей Дмитриевич	1904	Китайцы	Дар	2	2	Календарь
817	Ольденбург Сергей Федорович	1904	Калмыки, Восточный Туркестан	Дар	2	2	Амулет буддийский из Хотана
819	Верещагин Александр Васильевич	1904	Китайцы	Дар	39	41	Мраморная доска из храма
853	Ольденбург Сергей Федорович (собиратель — Агван Доржиев)	1904	Тибетцы	Дар	2	2	Свечи курительные
856	Селаври Виктор Иванович	1904	Китайцы	Дар	1	2	Лубочные картины
860	Егоров Василий Петрович	1904	Китайцы	Покупка	1	1	Накидка на храмовую статую
861	Бельченко Андрей Терентьевич	1904	Китайцы	Дар	3	3	Рисунки
875	Крыжановский	1904	Китайцы	Дар	1	1	Амулет
889	Казнаков Александр Николаевич	1904	Индия, Китай, Бирма, Сиам, Япония	Дар	82	96	Статуэтки
890	Горбатовский Константин Захарьевич	1904	Китайцы	Покупка	1	1	Статуэтка
916	Беккер Борис Валентинович	1904	Китай, Япония	Дар	47	54	Театральные персонажи
920	Верещагин Александр Васильевич	1905	Китайцы	Дар	15	24	Курильница, статуэтки

№ кол-лекции	Источник поступления	Год пост.	Народ	Способ получения	Общее кол-во номеров	Общее кол-во предметов	Культовые предметы
931	Александр Евгений Иванович	1905	Китайцы	Дар	7	7	Курильницы
933	Казнаков Александр Николаевич	1905	Тибетцы	Дар	1	1	Образ
1017	Радлова Ирэна Рудольфовна	1906	Китайцы	Дар	4	4	Лубочные картины
1029	Александр Евгений Иванович	1906	Китайцы	Дар	26	36	Картины
1042	Воробьев Николай Иванович	1906	Маньчжуры	Дар	137	175	Амулеты, кольца
1080	Новицкий Евгений Федорович	1907	Маньчжуры	Дар	113	302	Лубочные картины
1090	Пилсудский Бронислав Осипович	1907	Китайцы	Дар	64	64	Лубочные картины
1091	Козлов Петр Кузьмич	1907	Китайцы	Дар	13	13	Картины, иконы
1110	Козлов Петр Кузьмич	1907	Китайцы	Дар	6	6	Рисунки акварельные
1115	Княгиня Лобанова-Ростовская Хариклия Александровна	1907	Китай, Япония	Покупка	1	3	Картины
1116	Александр Евгений Иванович	1907	Китай, Япония, Монголия, Восточный Туркестан	Обмен	32	32	Посуда фарфоровая расписная
1123	Юй Се Юнь	1907	Маньчжуры	Покупка	3	15	Тетрадь с шаманскими текстами и рисунками
1193	Таренецкая Софья Александровна	1907	Китайцы	Покупка	41	47	Статуэтки
1204	Якобсон	1907	Китайцы	Покупка	7	7	Музыкальные инструменты
1205	Барадийн Бадзар Барадиевич	1908	Тибетцы	Дар	1	1	Сумка монаха

№ кол-лекции	Источник поступления	Год пост.	Народ	Способ получения	Общее кол-во номеров	Общее кол-во предметов	Культовые предметы
1211	Бородовская К.Л.	1908	Китайцы	Дар	1	1	Статуэтки
1217	Старые поступления		Китайцы		11	11	Колокольчик ритуальный
1221	Васильев Юрий Михайлович	1908	Китайцы	Дар	14	14	Иконы
1230	Жакович В.М.	1908	Китайцы	Покупка	12	20	Амулеты
1257	Зубчанинов Н.А.	1908	Маньчжуры	Покупка	28	38	Картины
1266	Императорское Русское Географическое Общество	1908	Китайцы, маньчжуры	Дар	13	15	Почетные зонты, флаги, адреса
1269	Рядовой роты дворцовых гренадеров	1908	Китайцы	Покупка	1	1	Статуэтка
1313	Медведев С.А.	1909	Китай	Покупка	138	150	Амулеты, одежда монаха
1395	Черник Георгий Прокофьевич	1909	Китайцы	Дар	20	31	Курильницы, печати, статуэтки
1426	Ольденбург Сергей Федорович	1909	Тибетцы	Дар	3	3	Статуэтки
1489	Радлов Василий Васильевич	1909	Тибетцы	Дар	1	1	Статуэтка
1716	Иванов Алексей Иванович	1910	Китайцы	Покупка	50	50	Маски театральные
1731	Иванов Алексей Иванович	1910	Китайцы	Покупка	20	22	Талисманы
1733	Иванов Алексей Иванович	1910	Китайцы	Покупка	5	5	Модели храмов
1734	Иванов Алесей Иванович	1910	Китайцы	Покупка	13	13	Статуэтки
1739	Иванов Алексей Иванович	1910	Китайцы	Покупка	11	11	Одежда буддийского монаха

№ кол-лекции	Источник поступления	Год пост.	Народ	Способ получения	Общее кол-во номеров	Общее кол-во предметов	Культовые предметы
1740	Иванов Алексей Иванович	1910	Китайцы	Покупка	18	18	Ритуальные предметы, сжигаемые при погребении
1743	Козлов Петр Кузьмич	1910	Тибетцы	Дар	1	1	Лист дерева с изображением Будды
1820	Старые поступления		Китайцы		6	7	Ваджра
1821	Григорьев Александр Васильевич (собира-тель — Козлов Петр Кузьмич)	1911	тибетцы	Дар	13	15	Иконы
1856	Библиотека Главного и Генерального Штаба	1911	Китайцы	Дар	13	14	Акварели
1907	Музей Удельного ведомства	1911	Китай, Япония, Корея, Тибет	Дар	117	241	Картины, свечи, четки и пр.
1911	Чжу У	1911	Китайцы	Дар	3	4	Статуэтки и др.
2054	Алексеев Василий Михайлович	1912	Китайцы	Дар	373	1083	Амулеты, ритуальные предметы и пр.
2144	Серебряков Б.	1914	Китайцы	Покупка	19	25	Музыкальные инструменты, таблица духа
2254	Гейман Сергей Вениаминович	1914	Корея, Китай, Япония	Покупка	19	19	Статуэтка Небесной собаки. Мыльный камень
2307	Иванов Алексей Иванович	1914	Китайцы	Дар	4	11	Лубочные картины
2315	Азиатский Музей Академии наук	1914	Китайцы	Передача	28	28	Лубочные картины
2326	Васильев Юрий Михайлович	1914	Китайцы	Дар	43	44	Печати, картины
2337	Малов Сергей Ефимович	1914	Восточный Туркестан	Дар	33	36	Шаманские атрибуты

№ кол-лекции	Источник поступления	Год пост.	Народ	Способ получения	Общее кол-во номеров	Общее кол-во предметов	Культовые предметы
2365	Гембольт Е.В.	1914	Китайцы	Дар	11	129	Лубочные картины
2369	Козлов Петр Кузьмич	1914	Китайцы	Покупка	6	6	Статуэтки
2370	Модзалевский Борис Львович	1914	Китайцы	Дар	2	3	Икона
2437	Дубровская М.	1915	Китайцы	Покупка	4	4	Картины
2469	Иванов Алексей Иванович	1915	Китайцы	Дар	36	39	Лубочные картины
2502	Боровский Павел	1915	Китайцы	Покупка	32	50	Бумажные фигуры
2611	Барадийн Бадзар Барадиевич	1916	Тибетцы	Дар	13	13	Изображения печатные
2647	Широкогоров Сергей Михайлович	1917	Маньчжуры	Дар	363	414	Амулеты, шаманские атрибуты
2653	Алексеев Сергей Андреевич	1917	Маньчжуры, китайцы	Дар	8	8	Коробочка с рисунками
2694	Кротков Николай Николаевич	1917	Китайцы, Восточный Туркестан	Дар	7	7	Статуэтки
2712	Неизвестно	1919	Китайцы	Покупка	13	13	Курильница, статуэтки
2722	Неизвестно	1919	Китайцы	Покупка	1	1	Статуэтка
2748	Тевяшев Евгений Евгеньевич	1919	Китайцы	Покупка	2	2	Статуэтки
2749	Тевяшев Евгений Евгеньевич	1919	Китайцы	Покупка	1	1	Статуэтка
2754	Кондратьева Н.Н.	1920	Китайцы	Покупка	3	3	Акварель, вазы
2756	Федерация иностранных совдепов	1920	Китайцы	Передано на хранение	18	18	Статуэтки
2757	Пантелеев Л.Ф.	1920	Китайцы	Дар	19	19	Статуэтки
2767	Иеромузо В.М.	1920	Китайцы	Покупка	12	12	Рисунок

№ кол-лекции	Источник поступления	Год пост.	Народ	Способ получения	Общее кол-во номеров	Общее кол-во предметов	Культовые предметы
2770	Приселков Михаил Дмитриевич	1920	Китайцы	Покупка	2	2	Скульптуры
2771	Экспертная Комиссия	1920	Китайцы	Передача	19	19	Вазы, курильницы, статуэтки
2774	Экспертная Комиссия	1920	Китайцы	Передача	2	2	Статуэтки
2789	Экспертная Комиссия	1920	Китайцы	Передача	12	12	Статуэтки
2790	Экспертная Комиссия	1920	Китайцы	Передача	60	60	Модель пагоды, посуда и пр.
2804	Экспертная Комиссия	1920	Китайцы	Передача	4	4	Статуэтки
2845	Сталь-фон Гольстейн Александр Августович	1922	Китайцы	Дар	12	12	Статуэтки
2903	Хирт Фридрих	1923	Китайцы	Передача	15	15	Сосуды, талисманы
2950	Государственный Музейный Фонд	1924	Китайцы	Передача	26	29	Статуэтки
2961	Тевяшев Евгений Евгеньевич	1924	Китайцы	Покупка	1	1	Статуэтка
2964	Маркович Н.	1924	Китайцы	Покупка	6	6	Статуэтки, лубочные картины
3046	Пушкинский Дом Академии наук	1924	Китайцы	Передача	21	24	Вазы фарфоровые декорированные
3200	Васильев Борис Александрович	1925	Китайцы	Дар	1	4	Статуэтки
3202	Кержин	1925	Китайцы	Обмен	1	1	Статуэтка
3245	Ухтомский Эспер Эсперович	1921	Китайцы		25	25	Статуэтки
3246	Ухтомский Эспер Эсперович		Китайцы		178	181	Посуда фарфоровая
3251	Ухтомский Эспер Эсперович		Китайцы		232	233	Ткани и изделия из них декорированные

№ кол-лек-ции	Источник поступления	Год пост.	Народ	Способ получения	Общее кол-во номеров	Общее кол-во предметов	Культовые предметы
3252	Ухтомский Эспер Эсперович		Китайцы		9	9	Курильницы, статуэтки
3253	Ухтомский Эспер Эсперович		Китайцы		65	65	Картины
3254	Ухтомский Эспер Эсперович		Китайцы		93	185	Доски резные
3260	Старые поступления		Буддизм		5	5	Иконы
3429	Тевяшов Евгений Евгеньевич	1927	Китайцы, буддизм	Покупка	1	1	Статуэтка
3445	Страховская Т.И.	1927	Китайцы	Покупка	2	2	Статуэтка
3524	Назимов	1927	Китайцы	Покупка	1	1	Статуэтка
3538	Государственный Музейный Фонд		Китайцы, японцы	Передача	12	13	Статуэтки
3560	Ухтомский Эспер Эсперович		Китайцы		39	64	Различные предметы и изображениями
3561	Ухтомский Эспер Эсперович		Буддизм		12	12	Статуэтки, иконы
3653	Монзелер Георгий Оскарович	1927	Китайцы	Экспедиция	84	183	Амулеты, иконы печатные
3676	Окулич	1927	Китайцы	Покупка	278	278	Лубочные картины
3682	Государственный Музейный Фонд	1928	Китайцы	Передача	14	14	Статуэтки
3807	Фе Е.А.	1928	Маньчжуры	Покупка	7	7	Предметы, снятые с убитого бонзы
3811	Ленинградский Артиллерийский Музей	1928	Китайцы	Обмен	2	2	Статуэтки
3898	Мастерская Золоторевского	1929	Китайцы	Дар	1	1	Статуэтка (муляж)

№ кол-лекции	Источник поступления	Год пост.	Народ	Способ получения	Общее кол-во номеров	Общее кол-во предметов	Культовые предметы
3953	Красноухова Е.П.	1929	Китайцы	Покупка	35	36	Лубочные картины
3961	Неизвестно	1929	Китайцы	Покупка	4	4	Статуэтки
4092	Военно-Морское училище им. М.В. Фрунзе	1930	Китайцы	Дар	21	25	Амулеты
4240	Кирсанова К.П.	1931	Буддизм	Покупка	6	7	Статуэтки
4247	Шляпкин И.А.	1931	Китайцы	Дар	2	2	Акварель
4273	Старые поступления		Тибетцы		54	54	Иконы
4276	Шнейдер Варвара Петровна	1931	Китайцы	Покупка	3	3	Статуэтка
4385	Ленинградский Артиллерийский Музей	1931	Китайцы	Передача	43	50	Четки
4394	ГАИМК	1931	Китайцы	Передача	22	39	Статуэтки
4570	Ленинградский Адмиралтейский / Артиллерийский (?) / Музей	1932	Китайцы	Передача	2	2	Модели пагоды
4571	Государственный Русский Музей	1932	Китайцы	Передача	1	1	Статуэтки
4582	Институт Книги, документа и письма АН СССР	1932	Китайцы	Передача	10	10	Вазы, чаши фарфоровые расписные
4594	Егорова	1932	Китайцы	Покупка	5	5	Картины лубочные
4694	Болдырева	1946	Китай	Покупка	2	2	Картины-свитки
4766	Кулаков Александр Михайлович	1947	Китайцы	Покупка	1	1	Статуэтка

№ кол-лек-ции	Источник поступления	Год пост.	Народ	Способ получения	Общее кол-во номеров	Общее кол-во предметов	Культовые предметы
4767	Протопопова	1947	Китайцы	Покупка	21	24	Коробка, модели, статуэтки
5047	Военно-Медицинская Академия	1933	Китайцы	Передача	73	183	Прибор для гадания в храме, лубочные картины
5155	Бломквист	1933	Китайцы	Покупка	3	3	Статуэтки
5185	Букинич Дмитрий Дементьевич	1933	Китайцы	Дар	55	64	Погребальная церемония
5255	Случайная покупка	1934	Китайцы	Покупка	2	2	Статуэтки
5293	Горбатенко В.А.	1935	Китайцы	Покупка	1	1	Статуэтка
5308	Шнейдер Варвара Петровна	1935	тибетцы	Покупка	3	3	Статуэтка
5314	Новицкий	1935	Китайцы	Покупка	10	10	Лубочные картины
5320	Козлова Елизавета Владимировна	1935	Китайцы	Покупка	90	99	Курильницы, статуэтки и пр.
5349	Устрялов	1935	Китайцы	Покупка	1	1	Статуэтка
5508	Хабаровский музей	1937	Китайцы	Передача	9	9	Вазы, гроб, военный костюм
5529	Баторов Самбу Аюшевич	1937	Тибетцы	Покупка	1	1	Одеяние тибетского ламы
5573	Ольденбург Сергей Федорович	1937	Восточный Туркестан	Дар	1	1	Статуэтка
5581	Тевяшов Евгений Евгеньевич	1937	Китайцы	Покупка	1	1	Картина
5642	Коврин В.Л.	1938	Китайцы	Покупка	3	3	Светильник, курильница
5738	Лосева Ирина Сергеевна	1939	китайцы	Покупка	3	3	Статуэтка, стаканы для кистей
5748	Старые поступления		Тибетцы		1	1	Доска для печатания
5820	Павчинский Р.Э.	1946	Южные монголы	Покупка	5	5	Иконы

№ кол-лекции	Источник поступления	Год пост.	Народ	Способ получения	Общее кол-во номеров	Общее кол-во предметов	Культовые предметы
5846	Максимова М.К.	1946	китайцы	Покупка	1	1	Четки
5942	Государственный Музей восточных культур	1950	Тибетцы	Передача	641	658	Статуэтки, рельефы и пр.
5943	Государственный Музей восточных культур	1950	Китайцы	Передача	138	176	Светильники, курильницы, статуэтки
5949	Государственный Музей восточных культур	1950	Китайцы	Передача	311	311	Статуэтки и пр.
5950	Государственный Музей восточных культур	1950	Китайцы	Передача	176	178	Статуэтки и пр.
5959	Государственный Музей восточных культур	1950	Тибетцы	Передача	59	65	Четки, свитки, молитвенные флаги и пр.
5964	Государственный Музей восточных культур	1950	Китайцы	Передача	139	153	Картины, свитки и пр.
5975	Общество Советско-Китайской дружбы	1950	Китайцы	Дар	45	46	Лубочные картины
5979	Государственный Музей этнографии народов СССР	1940	Тибетцы	Передача	164	274	Хадаки, подвески, амулеты
5980	Государственный Музей этнографии народов СССР	1940	Китайцы	Передача	49	52	Картины, аппликации и пр.

№ кол-лекции	Источник поступления	Год пост.	Народ	Способ получения	Общее кол-во номеров	Общее кол-во предметов	Культовые предметы
5988	Государственный Музей этнографии народов СССР	1940	Китайцы	Передача	150	158	Модели гробов
5990	Государственный Музей этнографии народов СССР	1940	Китайцы	Передача	199	201	Вазы, посуда, украшения
6008	Государственный Музей этнографии народов СССР	1940	Китайцы	Передача	516	516	Фигуры теневого театра
6009	Всесоюзное общество культурных связей с зарубежными странами	1950	Китайцы	Дар	220	225	Вазы, сосуды расписные и пр.
6042	Институт востоковедения АН СССР (Ленинград)	1952	Китайцы	Передача	31	31	Вазы, сосуды, курильницы и пр.
6110	Библиотека АН СССР	1952–1954	Китайцы	Дар	125	225	Рисунки, лубочные картины и пр.
6123	Всесоюзное Географическое общество	1951	Китайцы	Передача	6	18	Скульптура, свечи
6253	Государственный Эрмитаж	1957	Китайцы	Дар	201	212	Статуэтки, вышивка, одежда и пр.
6320	Козлов Андрей Александрович	1957	Китайцы	Дар	2	2	Статуэтка
6416	Гловацкий Георгий Адамович	1959	Китайцы	Дар	176	176	Лубочные картины, аппликации
6567	Динер Евгения Михайловна	1964	Китайцы	Покупка	5	5	Икона, театральные халаты

№ кол-лекции	Источник поступления	Год пост.	Народ	Способ получения	Общее кол-во номеров	Общее кол-во предметов	Культовые предметы
6569	Плечко Лев Алексеевич	1964	Китайцы, тибетцы	Дар, покупка	3	3	Статуэтки
6667	Разные люди	1967, 1968	Китайцы	Дар	215	215	Закладки книжные, конверты, обеденные приборы и пр.
6737	Амурский Областной Музей краеведения (г. Благовещенск)	1976	Китайцы, маньчжуры	Передача	40	43	Шаманская одежда
6742	Разные люди		Китайцы	Дар, покупка	105	113	Картины, вырезки, статуэтки
6752	Разные люди		Китайцы	Дар, покупка	47	50	Одежда декорированная, ширма вышитая, статуэтки, вазы и пр.
6840	Разные люди		Китайцы		21	47	Вырезки бумажные
6914	Разные люди	1982	Китайцы	Дар	10	19	Коробка со свитком, статуэтки
7022	Разные люди		Китайцы, ицзу	Дар, покупка	116	127	Новогодние картинки, игрушки, картины — свитки и пр.
7036	Советский Фонд Культуры	1991	Китайцы	Дар	42	84	Иконы печатные, значки и пр.
7065	Налоговая инспекция Центрального района Санкт-Петербурга	1994	китайцы	Передача	11	14	Курильница, статуэтки и пр.
7186	Рифтин Борис Львович	2001	Китайцы Макао	Дар	9	10	Ритуальные предметы для сжигания на могилах
7210	Арапова Татьяна Борисовна	2002	Китайцы	Дар	21	21	Статуэтки персонажей китайского театра

Примечание. В таблице приводятся обобщающие данные о наличии в той или иной коллекции предметов религиозных культов. Детальный их перечень невозможен из-за объема данной публикации

СПИСОК СОБИРАТЕЛЕЙ КИТАЙСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ С КУЛЬТОВЫМИ ПРЕДМЕТАМИ

Александр Евгений Иванович 931, 1029, 1116
Алексеев Василий Михайлович (1881–1951) 2054
Алексеев Сергей Андреевич 2653
Алфераки Сергей Николаевич 455
Арапова Татьяна Борисовна 7210

Барадийн Бадзар Барадиевич (1878–1937) 1205, 2611
Беккер Борис Валентинович 916
Баторов Самбу Аюшевич 5529
Бельченко Андрей Терентьевич 861
Бломквист 5155
Болдырева 4694
Боровский Павел 2502
Бородовская К.Л. 1211
Букинич Дмитрий Дементьевич (1882–1939) 5185

Васильев Борис Александрович 3200
Васильев Юрий Михайлович 1221, 2326
Верещагин Александр Васильевич (1855–1909) 819, 920
Воробьев Николай Иванович (1869–1919) 1042

Гейман Сергей Вениаминович 2254
Гембольдт Е.В. 2365
Гловацкий Георгий Адамович (1911–1987) 6416
Горбатовский Константин Захарьевич 890
Горбатенко В.А. 5293
Григорьев Александр Васильевич (1842–1908) 1821
Гудзенко Анатолий Николаевич 688

Динер Евгения Михайловна 6567
Доржиев Агван (1858–1938) 853
Дубровская М. 2437

Егоров Василий Петрович 860
Егорова 4594

Жакович В.М. 1230

Зубчанинов Н.А. 1257

Иванов Алексей Иванович (1878—1937) 1716, 1731, 1733, 1734, 1739, 1740, 2307, 2469

Иеромузо В.М. 2767

Казнаков Александр Николаевич 889, 933

Келлер К. 582

Кержин 3202

Кириллов Николай Васильевич (1860—1921) 794, 795

Кирсанова К.П. 4240

Коврин В.Л. 5642

Козлов Андрей Александрович 6320

Козлов Петр Кузьмич (1863—1935) 1091, 1110, 1743, 2369

Козлова Елизавета Владимировна (1892—1975) 5320

Кондратьева Н.Н. 2754

Красноухова Е.П. 3953

Кротков Николай Николаевич (1869—1919) 2694

Крыжановский 875

Кулаков Александр Михайлович 4766

Ладыженский Михаил Васильевич (1803—1875) 667, 683

Леонтьевский Захар Федорович (1799—1874)

Лобанова-Ростовская Хариклия Александровна, княгиня 1115

Лосева Ирина Сергеевна 5738

Максимова М.К. 5846

Малов Сергей Ефимович (1880—1957) 2337

Маркович Н. 2964

Медведев С.А. 1313

Модзалевский Борис Львович (1874—1928) 2370

Монзелер Георгий Оскарович (1900—1959) 3653

Назимов 3524

Неизвестный 796, 2712, 2722, 3961, 5255

Николай II 311

Новицкий 5314

Новицкий Евгений Федорович 1080

Окулич 3682

Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) 776, 817, 1426, 5573

Павчинский Р.Э. 5820

Пантелеев Л.Ф. 2757

Пилсудский Бронислав Осипович (1866—1918) 1090

Плечко Лев Алексеевич 6569

Поляков Иван Семенович (1845—1886) 162

Посьет Константин Николаевич (1819—1898) 467, 470

Приселков Михаил Дмитриевич (1881—1941) 2770

Протопопова 4767

Радлов Василий Васильевич (1837–1918) 1489
Радлова Ирэна Рудольфовна 1029
Рифтин Борис Львович 7186
Руднев Андрей Дмитриевич (1878–1958) 800, 812
Рядовой роты дворцовых гренадеров 1269

Сборные коллекции 6667, 6742, 6752, 6840, 6914, 7022
Селаври Виктор Иванович 856
Серебряков Б. 2144
Серошевский Вацлав Леопольдович (1858–1945) 775
Сталь фон Гольстейн Александр Августович (1877–1937) 2845
Страховская Т.И. 3445

Таренецкая Софья Александровна 1293
Тевяшев Евгений Евгеньевич 2748, 2749, 2961, 3429, 5581
Торгашев Павел Иванович 803

Устрялов 5349
Ухтомский Эспер Эсперович (1861–1921) 3245, 3246, 3251, 3252, 3253, 3254,
3260, 3261

Фе Е.А. 3807

Хирт Фридрих (1845–1927) 2903

Черник Георгий Прокофьевич 1395
Чжу У 1911

Шиллинг фон Канштадт Павел Львович (1787–1837) 8, 710
Широкогоров Сергей Михайлович (1889–1939) 2647
Шлагинтвейн 748
Шляпкин И.А. 4247
Шмидт Петр Петрович (1869–1936) 722, 761
Шнейдер Варвара Петровна (1860–1941) 4276, 5308
Шренк Леопольд Иванович (1826–1894) 675

Юй Се Юнь 1123

Якобсон 1204

Ленинградский Адмиралтейский музей 4570
Азиатский музей Академии наук 671, 673, 2315
Амурский Областной Музей краеведения (г. Благовещенск) 6737
Ленинградский Артиллерийский музей 3811, 4385
Государственный Музей восточных культур 5942, 5943, 5949, 5950, 5959,
5964
Пушкинский Дом Академии наук 3046
Государственный Русский музей 4571

Музей Удельного ведомства 1907
 Хабаровский музей 5508
 Государственный Эрмитаж 174, 713, 6253
 Государственный Музей этнографии народов СССР 5979, 5980, 5988, 5990, 6008
 Государственный Музейный фонд 2950, 3538, 3682
 Экспертная комиссия 2771, 2774, 2789, 2790, 2804
 МАЭ. Старые поступления 684, 1217, 1820, 3260, 4273, 5748
 Азиатский департамент МИД 11, 712
 Военно-медицинская Академия 5047
 Государственная Академия истории материальной культуры 4394
 Библиотека АН СССР 6110
 Библиотека Главного и Генерального штаба 1856
 Институт востоковедения АН СССР (Ленинград) 6042
 Институт книги, документа и письма АН СССР 4582
 Налоговая инспекция Центрального района Санкт-Петербурга 7065
 Мастерская Золоторевского 3898
 Русское (Всесоюзное) Географическое общество 1266, 6123
 Всесоюзное общество культурных связей с зарубежными странами 6009
 Общество советско-китайской дружбы 5975
 Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе 4092
 Федерация иностранных совдепов 2756
 Советский Фонд культуры 7036

КОММЕНТАРИИ

Подробные сведения об истории сложения китайского фонда Музея антропологии и этнографии см.: [Кисляков 1996а; 1996б].

О маньчжурских коллекциях МАЭ см.: [Стариков 1969].

О тибетской коллекции МАЭ см.: [Решетов 1969; 1973].

Описание путешествия Л.В. Измайлова в Пекин имеется в дневнике участника посольства шотландского врача Дж. Белла: [Bell J. 1763]. Русский перевод этой книги: Белёвы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с франц. М. Попова. СПб., при имп. Акад. наук, 1776. Ч. 1. Путь в Персию и Китай. VIII, 250 с.; Ч. 2. Продолжение путешествия в Пекин. 244 с.; Ч. 3. VIII, 246 с.

О Д.Г. Мессершмидте: [Новлянская 1970; 1966]. Дневник его путешествия опубликован: [Messerschmidt 1962–1968]. Об экспедиции см.: [Ширина 1983: 6–15.]

О Я.В. Брюсе см.: [Филимон 2003]. Реестр предметов из коллекции Я.В. Брюса опубликован: [Материалы для истории 1889: 152–245].

О Ф.Л. Елачиче см.: [Шафрановская 1961; 1969].

О Л. Ланге см.: [Шафрановская 1958; 1959; 1960; 1971; 1972; 1974; 1997].

О китайских книгах и вещах, хранившихся в Кунсткамере в XVIII в., см.: [Беляев 1800: 28, 154–160, 160–165, 166–173]. На странице 246 этой работы приведена Итоговая таблица китайских предметов, хранившихся в Кунсткамере в этот период:

Вещей лакированных и по большей части к домашнему употреблению служащих 77

Живописных предметов 18

Вещей металлических 68

Вещей каменных 87

Вещей фарфоровых 10

Вещей деревянных 12

Вещей костяных 4

Разных китайских кукол 45

Платьев и уборов китайских 65

О. Беляев не приводит общего числа китайских предметов в Кунсткамере в конце XVIII в. Эта цифра имеется у Ф.К. Руссова [Russow 1900: 19]: Азия (без России). Китай — 387, Персия — 3.

О восточных коллекциях Кунсткамеры см. также: [Итс 1993; Ксенофонта, Решетов 1980; Меньшикова 2001; Мыльников, Радзюн, Суслова 2000; Шафрановская 1993].

Александр Е.И. — антиквар, посредник между МАЭ и рядом других музеев и собирателей. См. о нем: [Соболева 2007а; 2007б].

Алексеев В.М. — выдающийся отечественный востоковед-китаист, академик, основатель и глава советской синологической школы. Лингвист, литературовед, историк, этнограф. Коллекционер.

О его жизни и деятельности см.: [Литература и культура Китая 1972; Традиционная культура Китая 1983; Алексеев 1982].

В последние годы выпущен двухтомник работ В.М. Алексеева: [Алексеев 2002–2003].

О поездках В.М. Алексеева в Китай см.: [Алексеев 1982: 271–280; Alekseev 1989; Баньковская 1994; Баньковская 1989; 1990; 1990].

О разнообразных коллекциях, привезенных В.М. Алексеевым из Китая, см.: [Меньшиков 1959; Рудова 1960; Алексеев 1966].

Часть китайских лубочных картин, привезенных В.М. Алексеевым, опубликована: [Редкие китайские народные картины 1991].

Об этнографических коллекциях В.М. Алексеева см.: [Решетов 1983; Кисляков 2000, 2001; Иванов 1916; Суслова 1977].

Алфераки Сергей Николаевич — российский зоолог и энтомолог. В 1879 г. ездил в Восточный Туркестан. Позже принимал активное участие в обработке энтомологических коллекций, собранных Н.М. Пржевальским, Г.Н. Потаниным и другими путешественниками. В 1888 г. был награжден Серебряной медалью РГО.

Барадийн Б.Б. — русский и советский тибетолог и монголист. В начале XX в. совершил поездку в Тибет. В 1920–1930-е годы работал в Азиатском музее. В середине 1930-х годов был репрессирован и погиб.

О его научной деятельности см.: [Ольденбург 1908; Автобиография Барадийна Бадзара Барадиевича 1992; Справка КГБ СССР 1992; Люди и судьбы 2003: 53–54].

Бельченко А.Т. — второй драгоман Российской миссии в Пекине [Суслова 1987].

Боровский Павел — студент факультета восточных языков С.-Петербургского университета. Приобрел вещи в Пекине в 1915 г.

Букинич Д.Д. — инженер-ирригатор, долгое время работавший в Средней Азии, краевед, археолог, этнограф. В 1924 г. участвовал в экспедиции Н.И. Вавилова в Афганистан. В первой половине 1930-х годов работал в Монголии, откуда и привез свои коллекции. О нем см.: [Историография 1974: 113–118].

Васильев Б.А. — советский китаист. В 1918 г. поступил на факультет восточных языков Петроградского университета. В 1922 г. окончил этнологическое отделение факультета общественных наук. Ученик В.М. Алексеева. В 1924–1927 гг. находился на дипломатической работе в Китае. Затем был преподавателем Ленинградского Восточного института и сотрудником Азиатского музея АН СССР. В 1937 г. был арестован и расстрелян [Алексеев 1982: 465–466; Баньковская 1993; Васильев, Щуцкий 1993; Люди и судьбы 2003: 91–92].

Верецагин А.В. — участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Ахалтекинской экспедиции 1881 г., подавления восстания ихэтуаней в Китае (1899–1900 гг.). Генерал-майор. Собрал значительные этнографические коллекции [Антонова 2004; Мазурина 2004; Решетов 1992; Дмитриев 2004; Иванов 1914].

Воробьев Н.И. — в начале XX в. совершил путешествие в ряд стран Зарубежной Азии и привез оттуда большие коллекции, поступившие в некоторые музеи Петербурга, в том числе и в МАЭ. О нем см.: [Мазурина 2002].

Григорьев А.В. — окончил естественное отделение физико-математического факультета С.-Петербургского университета. Преподавал в Технологическом институте. Секретарь Русского Географического Общества (1883–1903). Помощник Председателя РГО (1908). Участник нескольких научных экспедиций по России.

О нем: [Памяти Александра Васильевича Григорьева 1909].

Гейман С.В. — участник русской студенческой экспедиции в Южную Америку в 1914–1915 гг. (об этой экспедиции существует большая литература. Библиографию см.: [Манизер 1993]). Остался в Америке. В Россию не вернулся.

Гловацкий Г.А. — китаист, сотрудник Ленчасти Института этнографии АН СССР. С 1934 г. — экскурсовод МАЭ. С 1940 г. — сотрудник отдела Дальнего Востока. Участник войны. С 1945 г. вновь работал в Институте этнографии АН СССР. В 1966–1977 гг. зав. отделом фондов МАЭ. О нем: [Решетов 1995].

В 1959 г. Г.А. Гловацкий ездил в Китай специально для установления контактов с различными научными учреждениями и музеями страны для обмена коллекциями (он вез с собой среднеазиатские вещи). О его поездке и коллекциях: [Гловацкий 1959].

Возвратившись в Ленинград, он передал в Музей привезенную коллекцию. Об этом см.: [Кисляков 2007].

Доржиев Агван — крупный религиозный и общественный деятель Тибета и России конца XIX — первой четверти XX в. Имел высший духовный титул лхарамбаламы. Один из инициаторов строительства буддийского храма в Петербурге [Андреев 1992].

О жизни и деятельности А. Доржиева см.: [Заятуев 1991, 1991; Агван Доржиев 1992; Сафонова 1993; Белов 1994; Предание о кругосветном путешествии 1994; Кулешов 1995; Улымжиев 1995; Раднаев 1995, 1998; Андреев 1998; Решетов 2005].

Иванов А.И. — один из ведущих петербургских синологов начала XX в., преподаватель китайского языка на факультете восточных языков (с 1905 г.), на курсах при Обществе востоковедения (с 1906 г.), в Практической Восточной академии (с 1909 г.), заведующий отделом культурных стран Азии в МАЭ (с 1908 г.). Ездил в Китай и в Японию. Привез оттуда богатые этнографические коллекции. Один из первых ученых, начавших изучение тангутского языка (на основе коллекций памятников письменности, привезенных в начале XX в. П.К. Козловым из Хара-Хото). В 1920-е годы — на дипломатической работе в Китае, затем работал в Москве. В 1937 г. был репрессирован.

О нем см.: [Азиатский музей 1972: Указатель имен; Скачков 1977: Именной указатель; История отечественного востоковедения 1997: Указатель имен; Кисляков 2000].

Казнаков А.Н. — ротмистр гвардии, директор Кавказского музея (Тифлис) [Кавказский календарь на 1905 год 1904: 6].

Кириллов Н.В. — врач, окончил Московский университет. Работал в Забайкалье, на Сахалине, во Владивостоке. Много ездил по Сибири и Дальнему Востоку. Собирал разнообразные коллекции. Активно участвовал в работе местных отделений РГО.

О нем см.: [Николай Васильевич Кириллов 1954; Петряев 1960; Грекова 1998: 81–93, 162–163].

Козлов П.К. — один из крупнейших российских исследователей Центральной Азии. До 1917 г. совершил пять путешествий в Монголию, Тибет и Восточный Туркестан [Овчинникова 1964; Юсупова 2006]. Описание его коллекций: [Итс 1958].

Козлова Е.В. — жена и спутник П.К. Козлова в его последней Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. Орнитолог. Участница ряда экспедиций на Тянь-Шань (1913), в Монголию (1929, 1930), на северо-западное побережье Каспийского моря (1937), работала в Таджикистане (1941–1945).

О ней см.: [Иванов 1975; Нейфельд, Юдин 1981].

О Монголо-Тибетской экспедиции см.: [Козлов 2003]

Кротков Н.Н. — окончил китайско-маньчжурский разряд факультета восточных языков С.-Петербургского университета в 1894 г. Позже находился на

дипломатической работе (секретарь консульства в Гирине, Цицикаре, Кульдже, российский консул в Урумчи) [Яхонтов 1993: 114, 119–121, 125–130]. Архивные материалы Н.Н. Кроткова: [Скачков 1977: 447–448].

Ладыженский М.В. — из дворян Смоленской губ., уроженец Московской губ. Окончил Училище колонновожатых в Москве (1821 г.). Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Полковник. В начале 1830-х годов — пристав Одиннадцатой Российской Духовной миссии в Китае (1830–1840 гг.). В 1840-х годах исполнял обязанности Тобольского гражданского губернатора, а позднее служил в Оренбургской пограничной комиссии. Ушел в отставку в чине генерал-лейтенанта. Умер в Петербурге.

Во время пребывания в Пекине вел дневник (с 1 декабря 1830 г. по 14 апреля 1831 г.), хранящийся ныне в Архиве востоковедов в С.-Петербургском филиале Института востоковедения РАН. Дневник был опубликован в 1907–1913 гг. (см.: [Скачков 1960: 193, № 5244; Хохлов 2001: 103, прим. 9]).

Его китайская коллекция первоначально, в 1833 г., поступила в Азиатский музей, а затем вместе с другими собраниями была передана в Этнографический музей. Краткое описание ее см.: [Кисляков 2001б].

Сообщение о приобретении коллекции появилось в петербургской прессе. См.: [Die Chinesische Sammlung der Obristen Ladyschinsky 1833]. Эта статья перепечатана в: [Das Asiatische Museum 1846: 440–443]. Перевод статьи: [Кисляков 2005].

Леонтьевский З.Ф. — в 1821–1831 гг. был студентом в Х Российской духовной миссии в Пекине. В 1832–1866 гг. работал переводчиком с китайского и маньчжурского языков в Азиатском Департаменте МИД.

О нем: [Скачков 1977; Гаврилова, Егорова 1999: 2–3; Шубина 2001; Леонтьевский 1832; Свиридов 1999].

Малов С.Е. — выдающийся отечественный тюрколог. Член-корреспондент АН СССР. В начале XX в. совершил поездку в Восточный Туркестан. Изучал языки и этнографию местных тюркоязычных народов. Привез ценные этнографические коллекции для МАЭ. После революции изучал письменные памятники древних тюрков.

О жизни и научной деятельности С.Е. Малова см., например: [Тюркологический сборник 1978. Там же приведена библиография его работ].

Описание коллекции С.Е. Малова, привезенной им из путешествия по Восточному Туркестану и переданной в МАЭ: [Малов 1918].

Модзалевский Б.Л. — советский литературовед, член-корреспондент АН СССР (1918). Окончил Петербургский университет (1898). Один из создателей Пушкинского дома. Основные труды посвящены творчеству А.С. Пушкина и людям его времени [Памяти Б.Л. Модзалевского 1928].

Монзелер Г.О. — японовед и китаевед. В 1924–1931 гг. — сотрудник МАЭ (зав. отделом культуры стран Азии). В 1930–1931 гг. преподавал в ЛГУ. В 1934 г. был выслан или сам уехал на Север, где работал в экспедиции на Кольском полуострове. По возвращении работал в различных учебных и научных учреждениях Ленинграда.

О нем см.: [Васильков, Гришина, Перченко 1990].

О поездке Г.О. Монзелера в Китай: [Отчет о деятельности Академии наук 1929: 16–17].

Николай II, будучи наследником престола, в 1890–1891 гг. совершил путешествие вокруг Азии на корабле «Память Азова». Он побывал в различных странах Африки (Египет) и Азии (Индия, Индокитай, Япония), откуда сухим путем через Сибирь вернулся в Петербург. Этнографические коллекции, собранные им во время путешествия, в середине 1890-х годов были переданы в МАЭ [Путешествие Государя Императора Николая II на Дальний Восток 1895; Терюков А.И. 1998].

Ольденбург С.Ф. — выдающийся отечественный востоковед и организатор науки, академик, Непременный Секретарь Академии наук (1904–1929 гг.). В начале XX в. организовал несколько научных археологических экспедиций в Восточный Туркестан и Западный Китай, в результате которых были открыты выдающиеся памятники архитектуры и искусства раннесредневекового Китая. Были привезены уникальные коллекции средневековых китайских рукописей и ксилографов из Дуньхуана (ныне — Дуньхуанский фонд Рукописного отдела С.-Петербургского филиала Института востоковедения РАН), а также археологические и этнографические коллекции для МАЭ, где был образован Особый отдел древностей Восточного и Западного Туркестана, существовавший до начала 1930-х годов, научное курирование которого осуществлял С.Ф. Ольденбург.

О жизни и деятельности С.Ф. Ольденбурга см.: [Станюкович 1986; Скачков, Чижикова 1968; Каганович 2006].

Об экспедициях С.Ф. Ольденбурга: [Назирова 1986].

Об экспедиции 1914–1915 гг. в Восточный Туркестан см.: [Скачков 1993; Меньшиков 1993а, 1993б].

Пилсудский Б.О. — по происхождению поляк. Участник революционного движения конца XIX в. В 1887 г. был приговорен к смертной казни, замененной 15-ю годами каторги. Был сослан на Сахалин, где встретился с Л.Я. Штербергом и начал изучать природу и этнографию местного населения (прежде всего айнов). В начале XX в. участвовал в академической экспедиции на Сахалин, ездил в Японию вместе с В.Л. Серошевским. После освобождения через Японию уехал в США. Затем жил в Кракове, Львове, Париже. Кончил жизнь самоубийством.

В последние десятилетия научное наследие Б.О. Пилсудского активно изучается как на Дальнем Востоке, так и в Польше. См.: [Б.О. Пилсудский 1992; Bronislav Pilsudski 2001]; см. также Известия Института наследия Бронислава Пилсудского, издающиеся в Южно-Сахалинске с 1998 г.

Поляков И.С. — русский зоолог, антрополог и этнограф. Много путешествовал по Европейской России и Сибири. Один из первооткрывателей палеолитических стоянок в Костенках (Воронежская губ.). Был хранителем отдела позвоночных Зоологического музея. Первым описал лошадь Пржевальского.

О нем см.: [Русский биографический словарь 1905: 480–485; Анучин 1952: 96–104; Путешественник-забайкалец 1954; Решетов 2002].

Об археологических исследованиях И.С. Полякова см.: [Формозов 1983; Эпштейн 1991; Никонова 2004].

О путешествиях И.С. Полякова см.: [Гнучева 1940].

Посьет К.Н. — видный общественный и военно-морской деятель России XIX в. Адмирал. Участник русско-японских переговоров 1856—1858 гг. Исследователь морей Дальнего Востока. Наставник Великого князя Алексея Александровича. Министр путей сообщения.

О нем см.: [Общий Морской Список 1900: 260—266].

О коллекциях К.Н. Посьета по странам Восточной Азии в МАЭ см.: [Кисляков 2001в].

Радлов В.В. — выдающийся русский востоковед-тюрколог, историк, этнограф, лингвист. Академик с 1884 г. В 1894—1918 гг. директор Музея антропологии и этнографии Академии наук [Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова 1907; Семидесятипятилетний юбилей со дня рождения академика Василия Васильевича Радлова 1912; Материалы для биографического словаря 1917: 121—136 (имеется библиография его работ); Тюркологический сборник 1972; Биобиблиографический словарь 1989: 194—198; Решетов 1995; Радлов 1989].

Радлова И.Р. — жена Александра Васильевича Радлова, служащего железнодорожного департамента [Весь Петербург 1908: 627].

Рифтин Б.Л. — крупный отечественный китаист, исследователь средневековой культуры Китая. Доктор филологических наук. Академик РАН. Докт. дис. «Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (устные и книжные версии “Троецарствия”)» (М., 1969).

О нем см.: [Меньшиков и др. 1993; Список основных трудов члена-корреспондента РАН Б.Л. Рифтина 1993].

Руднев А.Д. — крупный русский востоковед-монголист начала XX века. Преподаватель факультета восточных языков С.-Петербургского университета. До революции совершил экспедиции в Монголию и Астраханскую губернию, в районы расселения калмыков. В 1917 г. уехал в Финляндию и остался там после установления советско-финской границы.

О нем: [Касьяненко 1981; Российские монголоеды 1997: 111—116; История отечественного востоковедения 1997; Янхунен 2002; Решетов 2004а, 2004б].

О коллекциях А.Д. Руднева в МАЭ см.: [Кисляков 2001а].

Селаври В.И. — врач С.-Петербургского Воспитательного дома [Весь Петербург. 1904: 583].

Серошевский В.Л. — русский и польский ученый, этнограф, историк. В 1879 г. за революционную деятельность был приговорен к высылке на поселение в отдаленные места Сибири. Жил в Якутской области, где занимался изучением быта местного населения. В начале XX в. участвовал в экспедиции РГО на Дальнем Востоке. Вместе с Б.О. Пилсудским ездил в Японию [Свенко 1969; Охлопков 1977; Вацлав Серошевский 2001].

Сталь фон Гольстейн А.А. — русский индолог-санскритолог, ученик Ф.И. Щербатского. В 1903–1904 гг. совершил путешествие в Индию. Позже — приват-доцент факультета восточных языков С.-Петербургского университета, магистр санскритской словесности. После революции эмигрировал. Умер в Китае [Путевые впечатления 1904; Основные работы А.А. Сталь фон Гольстейна 1976; Библиография Индии 1976; Решетов 2001].

Таренецкая С.А. — вдова крупного русского анатома Александра Ивановича Таренецкого (1845–1905 гг.), много лет работавшего в Военно-Медицинской академии в Петербурге. О ней см.: [Бурых 1974: 92–94; Гайворонский 1999: 45–46].

Ухтомский Э.Э. — князь, русский общественный деятель, чиновник Министерства внутренних дел. Ездил в Калмыцкие степи и Забайкалье. Сопровождал цесаревича Николая Александровича (будущего Николая II) в его путешествии вокруг Азии (1890–1891). Подготовил роскошно изданное описание этого путешествия в трех томах. Собрал большую коллекцию предметов ламаистского культа, хранящуюся ныне в нескольких музеях Петербурга, в том числе и в МАЭ [Грюнведель 1905; Ухтомский 1910; Леонов 1985; Хамнаганова 1992; Ратникова, Хамнаганова, Глинский 1992; Альбедиль 1993].

Хирт Ф. — немецкий синолог, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1898). Работал по ведомству морских таможен в Китае (1870–1897). Поддерживал связь с В.В. Радловым, приглашался для работы в Азиатский музей в Петербурге. С 1902 по 1917 гг. — профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке.

О нем см.: [Бартольд 1928; 1977: 765–772].

Шиллинг П.Л. — крупный отечественный ученый, электротехник, изобретатель. Долгое время служил в Азиатском Департаменте МИД. Был знаком с Н.Я. Бичуриным (о. Иакинфом), способствовал его научным трудам. В 1829–1832 гг. совершил экспедицию в Забайкалье. Жил в Кяхте. Собрал значительную коллекцию китайских книг и ксилографов, поступивших в Азиатский музей.

О нем см.: [Яроцкий 1963: 36–60]. О деятельности П.Л. Шиллинга как востоковеда см.: [Яроцкий 1963: 36–60; Азиатский музей 1972: Именной указатель; Скачков 1977: Именной указатель].

Широкогоров С.М. — крупный отечественный этнограф и антрополог. В 1910-е годы — сотрудник МАЭ. Совершил несколько экспедиций от музея на Дальний Восток. Накануне Октябрьской революции вновь уехал в экспедицию. Остался во Владивостоке, где работал в университете. В 1922 г. переехал в Китай. Умер в Пекине [Широкогоров 1923; 2001; 2002; Библиография трудов С.М. Широкогорова 2001; Йохансен 2002; Кузнецов 2001, 2002; Мюльман 2002; Решетов 1989, 2000, 2001; Решетов, Ревуненкова 1999; Широкогоровские чтения 2001].

Шлагинтвейн, пять братьев: Герман (1826–1882), Адольф (1829–1857, казнен в Кашмире), Роберт (1833–1885), Эдуард (1831–1866), Эмиль (1835–?) —

немецкие путешественники, исследователи Центральной Азии и Тибета в 40–50-х годах XIX в.

О них см.: [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона 1903: 661–662].

Шмидт П.П. — крупный русский китаист. Окончил факультет восточных языков С.-Петербургского университета. Несколько лет был сотрудником российского посольства в Пекине. Затем долгое время преподавал в Восточном институте во Владивостоке (в 1918–1920 гг. — ректор). В 1920 г. уехал в Ригу и до своей смерти был профессором Латвийского университета.

О нем см.: [Сем 1978; Стабурова 2001; Решетов 2006, 2008].

Шнейдер В.П. — племянница Ивана Павловича Минаева (1840–1890) — русского индолога, художница. Вместе с сестрой, Александрой Петровной Шнейдер (1863–1942), сохранила архив и другие материалы И.П. Минаева и передала их в различные академические учреждения, в том числе в МАЭ [Бертельс 1967: 115, прим. 3; Люди и судьбы 2003: 423].

Шренк Л.И. — академик. Окончил Дерптский университет. Магистр зоологии. В 1853–1857 гг. совершил путешествие на Дальний Восток, где изучал этнографию народов Приамурья. Директор Академической типографии (1871). Первый директор Музея антропологии и этнографии (1879–1894) [Материалы для истории экспедиций Академии наук 1940: 211–212; Schrenk 1858–1876; Шренк 1883–1903].

О нем см.: [Материалы для биографического словаря 1917: 245–248; Алексеев 1961; Решетов 1997; Сем 2003].

Юй се юнь — маньчжур, от которого А.Д. Руднев получил тетрадь с рисунками, связанными с шаманскими камланиями и некоторые шаманские атрибуты, переданные затем в МАЭ. Подробнее об этом см.: [Решетов 1999].

Об Азиатском Департаменте Министерства иностранных дел России см.: [История отечественного востоковедения 1990: 150–167].

Коллекции, переданные в Этнографический музей из Азиатского Департамента, были привезены членами Российской Духовной Миссии в Пекине. Эта Миссия действовала в Китае с 1715 г. вплоть до 1956 г. Об ее истории см., например: [Православие на Дальнем Востоке 1993; Бэй-гуань 2006].

О вкладе русских миссионеров в изучение этнографии народов Дальнего Востока см., в частности: [Решетов 1993: 106–118].

Краткое описание коллекций см.: [Кисляков 20016].

Азиатский музей Петербургской Академии наук (первоначально Восточный кабинет) был создан в 1818 г. на базе Петровской Кунсткамеры. В первые годы он размещался в здании Кунсткамеры, но в связи с расширением фондов был переведен к середине XIX в. в здание, выстроенное за Главным зданием Академии наук, где он и находился вплоть до революции. В Музей были переданы восточные рукописи, книги и монеты, а также практически все этнографические коллекции, относящиеся к народам Азии (см.: [Опись приобрете-

ям 1865: 81–82]). К началу 1830-х годов Азиатский музей превратился в богатое хранилище рукописных и книжных собраний на восточных языках, поэтому было решено передать другие восточные коллекции в другие музеи. Этнографические экспонаты были возвращены к началу 1840-х годов во вновь созданный Этнографический музей, а затем они перешли в Музей антропологии и этнографии.

Вещи, привезенные из Китая в середине XVIII в., находятся главным образом в коллекциях № 671 и № 673. Коллекция № 2315 была передана из Азиатского музея в МАЭ в апреле 1914 г. по постановлению Историко-филологического отделения АН от 4 декабря 1913 г. Собиратели экспонатов — А.О. Ивановский (Маньчжурия) и Э.В. Бретшнейдер (лубочные картины).

Об атрибуции некоторых китайских экспонатов Кунсткамеры см.: [Ксенофонтова, Решетов 1980]. В настоящее время сотрудник МАЭ РАН И.В. Суслова продолжает эту работу.

Ивановский Алексей Осипович (1863–1903) — преподаватель факультета восточных языков С.-Петербургского университета. В 1889–1891 гг. ездил в Китай.

О нем см.: [Петров 1992; История отечественного востоковедения 1997: 278–287].

Бретшнейдер Эмилий Васильевич (1833–1901) — врач российского посольства в Тегеране (с 1862 г.), врач Русской Духовной миссии в Пекине в 1866–1884 гг., естествоиспытатель.

О нем: [Скачков 1977: 179–181, 330; Пострелова 1986: 159–164; Рисунки животных в альбомах 1963].

Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии был создан в 1903 г. по решению Международного съезда востоковедов с целью всестороннего изучения культуры азиатских народов. Подобные комитеты были образованы и в других европейских странах, однако Русский комитет с самого начала был признан центральным. Поводом для создания подобных учреждений послужило открытие средневековых письменных и архитектурных памятников на территории Центральной Азии в конце XIX в. На протяжении почти пятнадцати лет (1903–1918 гг.) Русский комитет проводил активную деятельность, организуя экспедиции, в том числе и этнографические, в разные страны Азии и на Дальний Восток России. Результатом этих мероприятий явились сборы богатых этнографических коллекций и памятников письменности народов Азии.

Подробно о деятельности Русского Комитета см.: [Назирова 1992].

Ленинградский Артиллерийский музей ведет свою историю от Петербургского Цейхгауза (учрежден Петром Первым в 1703 г.). В 1756 г. вышел указ о присылке в Петербург пушек из монастырей и гарнизонов. В 1775 г. в Петербурге в здании Старого арсенала на Литейном проспекте был открыт Достопамятный зал. В 1868 г. экспозиция была переведена в здание Кронверкского арсенала. В 1869 г. музей был открыт для публики. В 1903 г. музей получил название «Артиллерийский исторический музей». С 1965 г. называется Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Подробнее об истории музея см.: [Российская музейная энциклопедия 2001, I: 36–37].

Коллекции, поступившие в МАЭ из Артиллерийского музея в начале 1930-х годов, были собраны директором Первого Кадетского корпуса генералом графом Федором Евстафьевичем Ангальтом (1732–1794).

О нем см.: [Русский биографический словарь 1900: 108–110; Полководцы, военачальники и военные деятели России 1995, I: 80–83].

Благовещенский музей основан в 1891 г. В 1909 г. передан в ведение Амурского отделения «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта». В середине 1920-х годов состоял из нескольких отделов (естественно-исторического, общественно-экономического, культурно-исторического). Насчитывал более 12 тыс. экспонатов, в том числе в нем хранились этнографические коллекции по маньчжурам, орочонам и другим народностям [Сибирская советская энциклопедия 1929, I: Стлб. 351]. Ныне — Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского (см.: [Да ведают потомки... 1991; Томашик 2001]).

Коллекции были переданы через Зою Васильевну Казакевич (1893–1940), в 1930-е годы сотрудника Института этнографии АН СССР, которая занималась изучением Монголии и Китая. О ней см.: [Люди и судьбы 2003: 188–189].

Музей восточных культур (с 1925 г. — Музей восточных культур, с 1962 г. — Музей искусств народов Востока, с 1991 г. — Музей Востока) был создан в 1919 г. в Москве на базе коллекций П. Щукина, К. Некрасова, А. Фаберже, восточного отдела бывшего Строгановского училища, государственных фондов. Первая экспозиция была развернута в залах Исторического музея. Начиная с 1920-х годов сотрудники музея ведут активную экспедиционную деятельность по сбору экспонатов, проводят археологические раскопки с 1962 г. — в Старом Термезе и на городище Кара-Тепе.

Подробнее об истории музея см.: [Сычева 1978; Российская музейная энциклопедия 2001, I: 121–122].

Коллекция, поступившая в МАЭ из Музея Удельного ведомства, была собрана А.Н. Красновым.

Краснов Андрей Николаевич (1862–1914) — видный русский географ и ботаник. Окончил физико-математический факультет С.-Петербургского университета. Организовал кафедру географии в Харьковском университете. Первый в России доктор географии. Совершил несколько поездок по странам Азии. В начале XX в. был организатором и первым руководителем Батумского ботанического сада.

О нем: [Бейлин, Парнес 1968].

Пушкинский Дом (ныне — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН) был учрежден в 1905 г. после празднования 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина (1899) и проведения юбилейной выставки. Вначале предполагалось соорудить памятник А.С. Пушкину, но затем решили создать музей. Долгое время коллекции хранились в Главном здании АН на Университетской набережной, в 1919 г. ему было предоставлено здание на Тифлисской улице. Там требовался ремонт, и музей временно занял дом Абамелек-Лазаревых

(ул. Халтурина, 22), где находился до 1925 г. С 1927 г. Пушкинский Дом занимает свое нынешнее помещение (наб. Макарова, 4).

Об истории Пушкинского Дома см.: [Басаков 1980; 1988].

Об истории рода Абамелек-Лазаревых, об их роли в отечественной науке и культуре, о последнем представителе рода, последнем владельце дома Семёне Семеновиче Абамелек-Лазареве (1858–1916), о его путешествиях и коллекциях см.: [Базиянц 1995].

Хабаровский музей основан в 1894 г. по инициативе Приамурского отдела РГО. В 1896 г. для него было построено специальное здание. В 1910–1918 гг. и в 1925–1926 гг. директором музея был В.К. Арсеньев. Музей состоял из нескольких отделов, в том числе археологии и этнографии. В середине 1920-х годов в этнографическом отделе было собрано 7719 предметов, главным образом по народностям Приамурья. Были также коллекции по Китаю, Японии, Монголии, Корее (фарфор, вышивка, бронза, предметы ламаистского культа, костюм самурая, костюм китайского военачальника). См.: [Хабаровский музей 1928; Сысоев 1979, Востриков 1989: 27–40].

Центральный Военно-морской музей (Ленинград). Под этим названием существует с 1930 г. Ведет свою историю с 1709 г., когда в здании Адмиралтейства была сооружена «Модельная камора» (чертежная мастерская), которая с 1802 г. находилась в ведении Адмиралтейского Департамента. В 1805–1827 гг. существовал Адмиралтейский музей с модель-камерой, библиотекой и чертежной. В 1827 г. музей был расформирован, причем Натуральный Кабинет и редкости были переданы в Академию наук, а морские инструменты, медали, дубликаты моделей, портреты адмиралов, монеты, картины, часть орудий, одежда и изделия диких народов — в Морской Корпус. В 1867 г. Морской музей и Модельная мастерская были воссозданы и поступили в ведение Морского технического комитета.

Подробнее историю ЦВММ см.: [Морской Музей России 2000].

Государственный музей этнографии народов СССР (под таким названием с 1932 г.) (ныне Российский этнографический музей) ведет свою историю от Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III (основан в 1902 г.). Первым руководителем отдела был Д.А. Клеменц (1902–1909 гг.) [Очерк деятельности Этнографического отдела с 1902 по 1909 г. 1910; Конаков 1968; Шангина 1998].

Государственный музейный фонд сформировался в конце 1921 г. и стал преемником Комиссии по охране, учету и регистрации памятников (действовала с августа 1918 г.). Его окончательное оформление было закончено к началу 1923 г. В его ведении в Москве и Петрограде было более 250 тысяч предметов. Ликвидирован в 1927 г.

См.: [Равикович 1968; Прищепова 1995].

Экспертная Комиссия была создана при Наркомате торговли и промышленности при участии А.М. Горького в 1919 г.

См.: [Равикович 1968].

Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК) ведет свое начало от Императорской Археологической Комиссии (создана в 1859 г.). В 1918 г. ИАК была преобразована в Российскую государственную археологическую комиссию (РГАК) при Народном Комиссариате просвещения РСФСР, а в 1919 г. на ее базе была создана Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК) (с 1926 г. — ГАИМК), центральное археологическое учреждение страны. ГАИМК просуществовала до 1937 г., когда была преобразована в академический Институт истории материальной культуры (ИИМК) (с 1959 г. — Институт археологии АН СССР).

Подробно об истории ГАИМК см.: [Борисковский 1980; Пескарева 1980].

В 1951 г. Библиотека АН СССР организовала в Ленинграде в Доме ученых выставку китайских книг, ксилографов и другой печатной продукции, поступивших из Государственной Пекинской Библиотеки. После закрытия выставки часть экспонатов поступила в МАЭ. См.: [Кюннер, Гловацкий 1952; Стратанович 1953].

Институт книги, документа и письма — научно-исследовательское учреждение, существовавшее в Ленинграде в 1931–1935 гг. Он был образован на базе одноименного музея (создан в сентябре 1930 г.). Последний в свою очередь был создан на основе Музея палеографии АН СССР (1925–1930 гг.) В основу Музея палеографии было положено собрание самых разнообразных предметов культуры европейских и азиатских народов выдающегося отечественного историка и коллекционера Н.П. Лихачева (древнеегипетские стелы, папирусы, клинописные таблички Двуречья, памятники коптского, греческого, латинского, арабского языков, надгробия, пергаменты, бумага, Акты средневековых итальянских городов и государств, китайские гадательные кости и пр.).

В 1935 г. музей был расформирован. Его коллекции разошлись по разным учреждениям и музеям (Эрмитаж, Русский Музей, БАН, Архив АН СССР и др.). В Институте истории АН СССР был создан сектор вспомогательных исторических дисциплин, куда поступило большинство европейских документов из собрания Н.П. Лихачева.

Об Институте и музее см., например: [Свойский 1977].

Высшее Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе.

Создано в 1918 г. на базе Морского кадетского корпуса, который был учрежден в 1715 г. Петром I (Морская академия, или Академия морской гвардии). Корпус был главным центром подготовки морских офицеров в России.

В 2000 г. переименовано в Военно-морской институт — Морской корпус им. Петра Великого.

В 1827 г. после расформирования Морского музеума Адмиралтейского департамента часть коллекций из него была передана в Морской корпус.

Библиография

Автобиография Барадийна Бадзара Барадиевича // Orient. Альманах. Вып. 1. СПб., 1992. С. 116–119.

Азиатский музей — Ленинградская часть Института востоковедения АН СССР. М., 1972.

Алексеев А.И. Ученый и натуралист // Исследователи Сахалина и Курил. Южно-Сахалинск, 1961. С. 18–39.

Алексеев В.М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М., 1966.

Алексеев В.М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982.

Алексеев В.М. Труды по китайской литературе: В двух книгах. М., 2002–2003.

Альбедиль М.Ф. Кунсткамера и буддизм в России // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 1. СПб., 1993. С. 107–113.

Андреев А.И. Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ, 1992.

Андреев А.И. Буддийские ламы из Старой Деревни // Невский Архив. СПб., 1992. С. 314–349.

Андреев А.И. Уход Агвана Доржиева // Orient. Вып. 2–3. Исследователи Центральной Азии в судьбах России. СПб., 1998. С. 93–105.

Антонова Е.В. Александр Верещагин: жизнь и судьба // В.В. Верещагин. Мир. Семья. Война: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 161-й годовщине со дня рождения В.В. Верещагина и 125-летию окончания русско-турецкой кампании 1877–1878 годов. Череповец, 2004. С. 40–44.

Анучин Д.Н. О людях русской науки и культуры. М., 1952.

Б.О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина: Материалы международной научной конференции 31 октября — 2 ноября 1991 г., Южно-Сахалинск: В 2 т. Южно-Сахалинск, 1992.

Базиянц А.П. Над архивом Лазаревых: Очерки. М., 1982.

Баньковская М.В. Заметки к юбилею Бориса Львовича Рифтина // Петербургское востоковедение. Вып. 3. СПб., 1993. С. 394–399.

Баньковская М.В. Китаем очарованный // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 6. С. 143–150; 1990. № 1. С. 138–144; 1990. № 2. С. 195–201.

Баньковская М.В. Семь ярких вспышек // Петербургское востоковедение. Вып. 4. СПб., 1993. С. 416–424.

Баньковская М.В. Этнографическая миссия Китаиста в 1912 г. (от Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии). Китай Приморский (4 мая — 19 августа 1912 г.) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 5–6. СПб., 1994. С. 330–341.

Бартольд В.В. Фридрих Хирт. Некролог // Известия АН СССР. Вып. 1. Отделение гуманитарных наук. 1928. С. 11–20.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. М., 1977.

Баскаков В.Н. Пушкинский дом. 1905–1930–1980: Исторический очерк. Л., 1980.

Баскаков В.Н. Пушкинский дом. Изд. 2-е дополн. Л., 1988.

Белёвы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Перкин, в Дербент и Константинополь. Ч. 1–3 / Пер. с франц. М. Попов. СПб: Тип. при имп. Акад. наук, 1776.

Бейлин И.Г., Парнес В.А. Андрей Николаевич Краснов. М., 1968.

Белов Е.А. Тибетская политика России (1900–1914 гг.) // Восток. 1994. № 2. С. 99–109.

Беляев О. Кабинет Петра Великого. Отделение второе. СПб., 1800.

Бертельс Д.Е. Личный фонд И.П. Минаева // Иван Павлович Минаев: Сборник статей. М., 1967.

Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1989.

Библиография Индии. Дореволюционная и советская литература на русском языке и языках народов СССР, оригинальная и переводная. М., 1976.

Библиография трудов С.М. Широкогорова (составлена Е.Н. Широкогоровой, опубликовано Иноуэ Коичи, дополнена и уточнена А.М. Кузнецовым) // Широкогоров С.М. Избранные работы и материалы. Этнографические исследования. Владивосток, 2001. Кн. 1. Избранное. С. 53–59.

Борисковский П.И. Первые 30 лет Института археологии АН СССР // Институту археологии 60 лет / Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 163. М., 1980. С. 5–10.

Буддизм: Словарь. М., 1992.

- Бурых М.П.* Анатоми России: Библиографический указатель. Харьков, 1974.
- Бэй-гуань.* Краткая история Российской Духовной миссии в Китае. М.; СПб., 2006.
- Васильев Б.А., Щуцкий Ю.К.* Ритм и параллелизм в китайском языке / Подготовка текста к печати, послесловие, примечания А.М. Решетова // Петербургское востоковедение. Вып. 6. СПб., 1993. С. 555–578.
- Васильева О.В.* Собрание китайских рисунков З.Ф. Леонтьевского // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг ГПБ: Сборник научных трудов. Л., 1988. С. 83–90.
- Васильков Я.В., Гришина А.М., Перченко Ф.Ф.* Репрессированное востоковедение. Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20–30-е годы // Народы Азии и Африки. 1990. № 5.
- Вацлав Сорошевский (1858–1845) // Армон Витольд. Польские исследователи культуры якутов: Перевод с польского К.С. Ефремова. М., 2001. С. 81–98.
- Весь Петербург. 1904.
- Весь Петербург. 1908.
- Востриков Л.И.* Привести в известность край. Из истории Приамурского (Хабаровского) филиала Географического общества Союза ССР. Хабаровск, 1989.
- Гаврилова Т.М., Егорова Н.М.* К биографии З.Ф. Леонтьевского // Взгляд из России: Каталог произведений из собрания Ярославского музея. Ярославль, 1999. С. 2–3.
- Гайворонский И.В.* Нормальная анатомия — фундаментальная дисциплина в системе медицинского образования. СПб., 1999.
- Грекова Т.И.* Тибетская медицина в России: история в судьбах и лицах. СПб., 1998.
- Грюнведель А.* Обзор собрания предметов ламайского культа кн. Э.Э. Ухтомского. СПб., 1905.
- Да ведают потомки... К 100-летию Амурского областного краеведческого музея. Благовещенск, 1991.
- Дмитриев С.В.* Китайская коллекция А.В. Верещагина // В.В. Верещагин. Мир. Семья. Война: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 161-й годовщине со дня рождения В.В. Верещагина и 125-летию окончания русско-турецкой кампании 1877–1878 годов. Череповец, 2004. С. 36–40.
- Заятуев Г.Н.* Агван Доржиев — выдающийся буддийский деятель России // 250-летие официального признания буддизма в России. Улан-Удэ, 1991. С. 37–40.
- Заятуев Г.Н.* Цаннит-хамбо Агван Доржиев (1853–1938). Улан-Удэ, 1991.
- Иванов А.И.* Символический орнамент в Китае (описание нефрита из коллекции А.В. Верещагина) // Материалы по этнографии России. СПб., 1914. Т. II. С. 175–178.
- Иванов А.И.* Из музейных материалов по быту китайцев: Головные уборы китайских невест // Сб. МАЭ. Т. III. СПб., 1916. С. 84.
- Иванов А.И.* Исследователь орнитофауны Центральной Азии Е.В. Козлова // Козлова Е.В. Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии / Труды ЗИН АН СССР. Т. 59. Л., 1975. С. 249–250.
- Институту археологии 60 лет / Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 163. М., 1980.
- Историография общественных наук в Узбекистане: Биобиблиографические очерки / Сост. Б.В. Лунин. Ташкент, 1974.
- История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997.
- Итс Р.Ф.* Китайские коллекции П.К. Козлова в собрании МАЭ // Сб. МАЭ. Т. XX. Л., 1958. С. 5–29.
- Итс Р.Ф.* Первые китайские коллекции в России // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 1. СПб., 1993. С. 101–106.
- Йохансен У.* Влияние Сергея Михайловича Широкогорова на немецкую этнологию // ЭО. 2002. № 1. С. 139–143.
- Кавказский календарь на 1905 год. Тифлис, 1904.
- Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург: Опыт биографии. СПб., 2006.
- Касьяненко З.К. А.Д. Руднев* (К 100-летию со дня рождения) // Ученые записки ЛГУ. № 408. Востоковедение. 8. Л., 1981. С. 137–143.
- Кисляков В.Н.* Собиратели китайских коллекций МАЭ РАН (послеоктябрьский период) // Кунсткамера вчера, сегодня, завтра. СПб., 1996а. Т. 1. С. 68–95.

Кисляков В.Н. Собиратели коллекций МАЭ по традиционной культуре народов Китая (дореволюционный период) // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 4–5. СПб., 1996б. С. 57–74.

Кисляков В.Н. Русские синологи начала XX века — собиратели коллекций МАЭ (А.И. Иванов, В.М. Алексеев) // XX научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. 6–7 апреля 1999 г.: Тезисы докладов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 62–64.

Кисляков В.Н. Андрей Дмитриевич Руднев и его коллекции в МАЭ // Кюнеровские чтения (1998–2000): Краткое содержание докладов. СПб., 2001а. С. 69–75.

Кисляков В.Н. Китайские коллекции МАЭ РАН, привезенные членами Российской Духовной миссии в 30–40-е годы XIX в. // Кюнеровские чтения (1998–2000): Краткое содержание докладов. СПб., 2001б. С. 69–72.

Кисляков В.Н. Российские морские офицеры — собиратели коллекций МАЭ (Китай, Корея, Япония) // Кюнеровские чтения (1998–2000): Краткое содержание докладов. СПб., 2001в. С. 75–82.

Кисляков В.Н. Фотоколлекция академика В.М. Алексеева в МАЭ // Кюнеровские чтения (1998–2000): Краткое содержание докладов. СПб., 2001г. С. 73–75.

Кисляков В.Н. Малоизвестная статья в петербургской прессе (1833 г.) о китайской коллекции М.В. Ладыженского, ныне хранящейся в МАЭ // Кюнеровские чтения (2001–2004): Краткое содержание докладов. СПб., 2005. С. 52–55.

Кисляков В.Н. Коллекции по народам Китая конца 1950-х годов в МАЭ РАН (К 95-летию со дня рождения Г.А. Гловацкого) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. СПб., 2007. С. 62–68.

Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова СПб., 1907.

Козлов Петр Кузьмич. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 / Ред.-сост. Т.И. Юсупова. СПб., 2003. (Научное наследство. Т. 30 / Сост. А.И. Андреев).

Конаков А.П. Д.А. Клеменц — основатель Этнографического отдела Русского музея // Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. IV. М., 1968. С. 45–61.

Ксенофонтова Р.А., Решетов А.М. Китайские коллекции Петербургской Кунсткамеры в собрании МАЭ // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. Л., 1980. С. 114–134 (Сб. МАЭ. Т. XXXV).

Кузнецов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров на Дальнем Востоке (1918–1922) // Широкогоров С.М. Избранные работы и материалы. Этнографические исследования. Владивосток, 2001. Кн. 1. Избранное. С. 32–53.

Кузнецов А.М. С.М. Широкогоров и проблемы исследования этноса // Широкогоров С.М. Избранные работы и материалы. Этнографические исследования. Владивосток, 2002. Кн. 2. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. С. 3–34.

Кулешов Н.С. <Рец. на>: John Snelling. Buddhism in Russia. The Story of Agvan Dorzhiev Shasats Emissary to the Tzar. Rochport. 1993 // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 3. С. 154–156.

Кюнер Н.В., Гловацкий Г.А. Выставка китайского лубка // СЭ. 1952. № 1. С. 196–200.

Леонов А.Г. Э.Э. Ухтомский. К истории ламаистского собрания Государственного Эрмитажа // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск, 1985. С. 101–116.

Леонтьевский З.Ф. Путешествия: Кабинет китайских редкостей, принадлежавших З.Ф. Леонтьевскому, члену сменной ныне Российской миссии в Китае // Северная пчела. 1832. № 19, 20, 21.

Литература и культура Китая: Сборник статей к 90-летию со дня рождения академика В.М. Алексеева. М., 1972.

Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Издание подготовили Я.В. Васильков, М.Ю. Соколова. СПб., 2003.

Мазурина В.Н. Николай Иванович Воробьев — собиратель музыкальных инструментов Востока // Музыка Кунсткамеры. К 100-летию Санкт-Петербургского музея музыкальных инструментов. СПб., 2002. С. 143–146.

Мазурина В.Н. Братья Верещагины как любители Востока // В.В. Верещагин. Мир. Семья. Война: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 161-й годовщине со дня рождения В.В. Верещагина и 125-летию окончания русско-турецкой кампании 1877–1878 годов. Череповец, 2004. С. 30–36.

Малов С.Е. Шаманство у сартов Восточного Туркестана (К пояснению коллекции Музея антропологии и этнографии по восточнотуркестанскому шаманству) // Сб. МАЭ. Т. V. Пг, 1918. Вып. 1. С. 1–16.

Манизер Г.Г. Необразилыцы: Доклад, прочитанный в Романо-Германском кружке 10 февраля 1916 года, и материалы к нему / Публикация, вступление и комментарии А.Д. Дридзе // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 2–3. СПб., 1993. С. 301–302.

Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Ч. 2. М–Я. Пг, 1917.

Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 5. (1742–1743). С приложением трех портретов. СПб., 1889.

Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов / Сост. В.Ф. Гнучева. М.; Л., 1940 (Труды Архива АН СССР. Вып. 4).

Меньшиков Л.Н. Китайские коллекции академика В.М. Алексеева (лубок, эстампаж, почтовая бумага и художественный конверт) // Страны и народы Востока. Вып. 1. М., 1959. С. 302–313.

Меньшиков Л.Н. К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914–1915 гг. // Петербургское востоковедение. Вып. 4. СПб., 1993. С. 321–343.

Меньшиков Л.Н. Список трудов по дунхуановедению, опубликованных российскими учеными // Петербургское востоковедение. Вып. 4. СПб., 1993. С. 344–355.

Меньшиков Л.Н., Серебряков Е.А., Баньковская М.В., Ивочкина Н.В., Алимов И.А., Сухачев Н.Л. Борису Львовичу Рифтину исполнилось 60 лет // Петербургское востоковедение. Вып. 3. СПб., 1993. С. 379–382.

Меньшикова М.Л. Рисунки китайских вещей из собрания Кунсткамеры Петра I // Кюнеровские чтения (1998–2000): Краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 128–132.

Морской Музей России. Центральный Военно-морской музей. СПб., 2000.

Мильников А.С., Радзюн А.Б., Суслова И.В. Ораниенбаумская Кунсткамера Петра III. К проблеме реконструкции инкорпорированных музейных собраний // 285 лет Петербургской Кунсткамере. СПб., 2000. С. 34–50 (Сб. МАЭ. Т. XLVIII).

Мюльман В. С.М. Широкогоров. Некролог (с приложением писем, фотографии и библиографии) // ЭО. 2002. № 1. С. 144–155.

Назирова Н.Н. Экспедиции С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан и Западный Китай (обзор архивных материалов) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986. С. 24–34.

Назирова Н.Н. Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М., 1992.

Нейфельд И.А., Юдин К.А. Вклад в науку ленинградских орнитологов Е.В. Козловой, Л.А. Портенко и Б.К. Штеймана // Труды ЗИН АН СССР. Т. 102. Л., 1981. С. 3–33.

Николай Васильевич Кириллов — исследователь Забайкалья и Дальнего Востока // Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954. С. 218–259.

Никонова А.А. О пользе общего дела (документы о коллекции каменных орудий И.С. Полякова) // Невский археолого-этнографический сборник. К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 153–159.

Новлянская М.Г. Филипп Иоганн Страленберг. М.; Л., 1966.

Новлянская М.Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970.

Общий Морской список. Ч. XI. Царствование Николая I. Н–С. СПб., 1900.

Овчинникова Т.Н. П.К. Козлов — исследователь Центральной Азии. М., 1964.

Ольденбург С.Ф. Краткий предварительный отчет о командировке Бадзара Барадиновича Барадина в 1905–1907 гг. // ИРКСВА. 1908. № 8. С. 17–21.

Опись приобретениям с 1720 по 1818 год, которыми положено основание Азиатскому музею // Очерк истории музеев Императорской Академии наук. СПб., 1865. С. 81–82.

Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1928 год. II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1929.

Охлопков В.Е. Новое о Э.К. Пекарском и В.Л. Серошевском (по материалам ЦГА Якутской АССР) // ОИРЭФА. Вып. VII. Л., 1977. С. 99–105.

Очерк деятельности Этнографического Отдела с 1902 по 1909 г. // Материалы по этнографии России. Т. I. СПб., 1910. С. I–XVII.

Памяти Александра Васильевича Григорьева (род. 22 мая 1848 — сконч. 25 октября 1908 г.) // Изв. РГО. Т. 45. 1909. С. 633–638.

Памяти Б.Л. Модзалевского. Биографические даты. Библиография трудов. М., 1928.

Пескарева К.М. К истории создания Российской Академии истории материальной культуры // Институту археологии 60 лет / Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 163. М., 1980. С. 26–32.

Петров В.В. Китайская филология в Петербургском — Ленинградском университете // Точность — история науки. Памяти Виктора Васильевича Петрова: Сборник статей. СПб., 1992.

Петряев Е.Д. Н.В. Кириллов — исследователь Забайкалья и Дальнего Востока. Чита: Читинское книжное изд-во, 1960.

Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т. I. СПб., 1995.

Пострелова Т.А. Рисунки китайских художников из архива Э.В. Бретшнейдера // Материалы конференции «Общество и государство в Китае» XVII. М., 1986. Ч. III. С. 159–164.

Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993.

Предание о кругосветном путешествии, или Повествование о жизни Агвана Доржиева. Улан-Удэ, 1994.

Прищепова В.А. Страницы истории Государственного музейного фонда // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 7. СПб., 1995. С. 217–223.

Путевые впечатления об Индии д. чл. барона А. Сталь-фон-Гольштейна (магистранта по кафедре санскритской словесности С.-Петербургского университета) // Известия РГО. Т. XL. 1904. Вып. 4. С. 557–583.

Путешественник-забайкалец Иван Семенович Поляков (1845–1887) // Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954. С. 176–185.

Путешествие Государя Императора Николая II на Дальний Восток (1890–1891 гг.) / Сост. князь Э.Э. Ухтомский; илл. Н.Н. Каразин. Лейпциг, 1895. Т. 1–3.

Равикович Д.А. Организация музейного дела в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. IV. М., 1968. С. 97–145.

Радлов В.В. Из Сибири. (Страницы дневника). М., 1989.

Раднаев В.Э. «Круглый стол», посвященный Агвану Доржиеву (г. Москва) // Восток. 1995. № 4. С. 199–201.

Раднаев В.Э. Штрихи к портрету Агвана Доржиева (1854–1938) // Восток. 1998. № 4. С. 81–92.

Ратникова А.В., Хамнаганова Е.А., Глинский Е.А. Ламаистские коллекции в собрании «Особой кладовой» Государственного Музея этнографии народов СССР // Orient. Вып. 1. СПб., 1992. С. 57–61.

Редкие китайские народные картины из советских собраний / Сост. и авторы предисловия Б.Л. Рифтин и Ван Шуцунь. СПб.; Пекин, 1991.

Решетов А.М. Тибетская коллекция МАЭ (материальная культура) // Культура народов Зарубежной Азии и Океании. Л., 1969. С. 114–135 (Сб. МАЭ. Т. XXV).

Решетов А.М. Тибетская коллекция МАЭ (духовная культура) // Культура народов Зарубежной Азии. Л., 1973. С. 227–250 (Сб. МАЭ. Т. XXIX).

Решетов А.М. Этнография в кругу научных интересов В.М. Алексеева // Традиционная культура Китая. М., 1983. С. 81–91.

Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров, его жизнь и труды (К 100-летию со дня рождения) // Полевые исследования ГМЭ народов СССР: Тезисы докладов научной сессии. Л., 1989. С. 25–27.

Решетов А.М. Первые китайские коллекции Этнографического отдела Русского музея и их собиратели // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.). СПб., 1992. С. 217–224.

Решетов А.М. Значение трудов членов Российской духовной миссии в Пекине для этнографии // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 106–118.

Решетов А.М. Василий Васильевич Радлов // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 1. СПб., 1995. С. 75–85.

Решетов А.М. Отдание долга. Ч. II. Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР — воинов Великой Отечественной войны // ЭО. 1995. № 3. С. 7–8.

Решетов А.М. Леопольд Иванович Шренк (к 170-летию со дня рождения) // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 6–7. СПб., 1997. С. 72–88.

Решетов А.М., Ревуненкова Е.В. С.М. Широкогоров как исследователь шаманизма // Материалы международного конгресса «Шаманизм и иные традиционные верования и практики». М., 1999. Ч. 1. С. 23–30.

Решетов А.М. Ценный источник для изучения маньчжурского шаманства в собраниях МАЭ // «Избранники духов», «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм. Памяти В.Н. Басилова. М., 1999. С. 98–114.

Решетов А.М. С.М. Широкогоров и археология // Интеграция археологических и антропологических исследований: Сборник научных трудов. Владивосток; Омск, 2000. С. 18–21.

Решетов А.М. А.А. Сталь-Гольштейн — выдающийся российский востоковед // Китай, Россия, страны АТР и перспективы межкультурных отношений в XXI веке. М., 2001. Ч. 2. С. 165–169.

Решетов А.М. Петербургский период жизни и деятельности С.М. Широкогорова // Широкогоров С.М. Избранные работы и материалы. Этнографические исследования. Владивосток, 2001. Кн. 1. Избранное. С. 6–32.

Решетов А.М. И.С. Поляков — ученый — энциклопедист // Вестник Сахалинского музея. № 9. Южно-Сахалинск, 2002. С. 178–193.

Решетов А.М. Андрей Дмитриевич Руднев (1878–1958): Жизнь и деятельность на родине и в эмиграции // Altaica. IX. М., 2004. С. 133–159.

Решетов А.М. Список работ профессора Андрея Дмитриевича Руднева // Altaica. IX. М., 2004. С. 159–164.

Решетов А.М. Агван Доржиев и российские востоковеды (к постановке вопроса) // Буддийская традиция: История и современность: Материалы конференции. СПб., 2005. С. 16–24.

Решетов А.М. Петр Петрович Шмидт как тунгусо-маньчжуровед // Tunguso-sibirica. Bd. 20. Tumen jalafun jecen aku. Manchu Studies in Honour of Giovanni Stary. Wiesbaden, 2006. P. 219–224.

Решетов А.М. «Всю жизнь я занимался научными работами». Выдающийся российский и латвийский ученый П.П. Шмидт (1869–1938) // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР (III Широкогоровские чтения). Владивосток, 2008. С. 141–163.

Рисунки животных в альбомах из фонда Э.В. Бретшнейдера, хранящихся в архиве ЛО ИНА (Сост. Терентьев-Катанский А.П.) // Бюллетень Архива востоковедов. Вып. 3. Л., 1963. С. 289–310.

Рифтин Б.Л. Историческая эпосея и фольклорная традиция в Китае (устные и книжные версии «Троецарствия»). М., 1969.

Российские монголоеды (XVIII — начало XX вв.). Улан-Удэ, 1997.

Рудова М.Л. Коллекция академика В.М. Алексеева // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. 19. Л., 1960. С. 38–41.

Российская музейная энциклопедия. Т. I. А–М. СПб., 2001.

Русский биографический словарь. Т.: Алексинский — Бестужев-Рюмин. СПб., 1900.

Русский биографический словарь. Т. 14. Плавильщиков — Примо. СПб., 1905.

Сафонова Н.К. Мысли о сокровенном (К 140-летию со дня рождения Агвана Доржиева) // Байкал. 1993. № 4. С. 118–126.

Свенко Т. Вацлав Серошевский и его труды о якутах (к 70-летию выхода в свет первой этнографической монографии о якутах) // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1969. № 1. Вып. 1. С. 74–78.

- Свиридов А.А.* Коллекция Захара Федоровича Леонтьевского в собрании МАЭ РАН // Кюнеровские чтения (1995–1997 гг.): Краткое содержание докладов. СПб., 1999. С. 33–35.
- Свойский М.Л.* Музей палеографии // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 211–215.
- Сем Л.И.* Вклад П.П. Шмидта в изучение культуры народов Советского и Зарубежного Дальнего Востока // Культура народов Дальнего Востока СССР (XIX–XX вв.). Владивосток, 1978. С. 100–108.
- Сем Ю.А.* Леопольд Иванович Шренк (1826–1894 гг.). Жизнь и деятельность исследователя Приамурья, Приморья и Сахалина. Южно-Сахалинск, 2003.
- Семидесятипятилетний юбилей со дня рождения академика Василия Васильевича Радлова СПб., 1912.
- Сергей Федорович Ольденбург: Сборник статей. М., 1986.
- Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. А–Ж. Новосибирск, 1929.
- Скачков П.Е.* Библиография Китая. М., 1960.
- Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
- Скачков П.Е., Чижикова К.Л.* Библиография трудов С.Ф. Ольденбурга // Сергей Федорович Ольденбург: Сборник статей. М., 1986. С. 122–153.
- Скачков П.Е.* Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. // Петербургское востоковедение. Вып. 4. СПб., 1993. С. 313–320.
- Соболева Е.С.* Из истории отношений Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и Гамбургского Музея народоведения (Конец XIX — начало XX века) // Санкт-Петербург — Гамбург. Балтийские побратимы. СПб., 2007. С. 178–203.
- Соболева Е.С.* Частные этнографические музеи Гамбурга и коллекционирование в конце XIX — начале XX века // Радловский сборник: Научные экспедиции и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. СПб., 2007. С. 78–84.
- Список основных трудов члена-корреспондента РАН Б.Л. Рифтина // Петербургское востоковедение. Вып. 3. СПб., 1993. С. 383–393.
- Справка КГБ СССР от 1 марта 1990 г. // Orient. Альманах. Вып. 1. СПб., 1992. С. 119–120.
- Стабурова Е.Ю.* Китаеведение в «Моей автобиографии» П.П. Шмидта // Кюнеровские чтения (1998–2000): Краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 201–206.
- Станюкович Т.В.* Деятельность С.Ф. Ольденбурга в области музееведения и этнографии // Сергей Федорович Ольденбург: Сборник статей. М., 1986. С. 84–90.
- Стариков В.С.* Предметы быта и орудия труда маньчжуров в собраниях МАЭ (к вопросу о самобытности материальной культуры маньчжуров) // Культура народов Зарубежной Азии и Океании. Л., 1969. С. 74–113 (Сб. МАЭ. Т. XXV).
- Стратанович Г.Г.* Китайский политический плакат // СЭ. 1953. № 2. С. 193–119.
- Суслова И.В.* Головные украшения китайок и их символика // Одежда народов Зарубежной Азии. Л., 1977. С. 246–264 (Сб. МАЭ. Т. XXXII).
- Суслова И.В.* Коллекция А.Т. Бельченко в МАЭ // Проблемы этнографического музееведения. Всесоюзная научная конференция «Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний»: Тезисы докладов. Омск, 1987. С. 65–67.
- Сысоев В.* Путешествие по музею. Записки краеведа. Хабаровск, 1979.
- Сычева Н.С.* Из истории изучения восточной художественной культуры в СССР. М., 1978.
- Терюков А.И.* Вступительная статья // Путешествие на Восток. СПб., 1998.
- Томашик Г.* Амурский областной краеведческий музей // Все музеи Северо-Запада России. 2001. № 9–10 (21–22). С. 15.
- Традиционная культура Китая: Сборник статей к 100-летию со дня рождения академика В.М. Алексеева. М., 1983.
- Тюркологический сборник 1971. М., 1972.
- Тюркологический сборник 1975. М., 1978.
- Улымжиев Д.Б.* Общественная деятельность Агвана Доржиева // Байкал. 1995. № 6. С. 112–120.
- Ухтомский Д.Э.* Рай Сукавати // Материалы по этнографии России. Т. 1. СПб., 1910. С. 89–92.
- Филимон А.Н.* Я. Брюс. М., 2003.

- Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России. М., 1983.
- Хабаровский музей. Б.м., 1928.
- Хамнаганова Е.А. К истории монгольских коллекций в собраниях Русского музея имени императора Александра III (дореволюционный период) // VI Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1992 г.): Доклады российской делегации. II. Филология, культура, религия. М., 1992. С. 187–193.
- Хохлов А. Пекинский дневник Семёна Черепанова // Восточная коллекция. 2001. Весна. № 2 (5). С. 80–103.
- Шангина И.И. Д.А. Клеменц и Этнографический отдел Русского музея императора Александра III // Пигмалион музейного дела в России. СПб., 1998. С. 94–110.
- Шафрановская Т.К. О поездках Лоренца Ланга в Пекин // Советское китаеведение. 1958. № 4. С. 155–159.
- Шафрановская Т.К., Шафрановский К.И. Приобретение в начале XVIII века китайских книг российским резидентом в Китае Лоренцом Лангом // Страны и народы Востока. Вып. 1. М., 1959. С. 295–301.
- Шафрановская Т.К. Путешествие Лоренца Ланга в 1715–1716 гг. в Пекин и его дневник // Страны и народы Востока. Вып. 2. М., 1960. С. 188–205.
- Шафрановская Т.К. Поездка лекаря Ф. Елачича в 1753–1756 гг. в Пекин для пополнения китайских коллекций Кунсткамеры // Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 2. М., 1961. С. 126–131.
- Шафрановская Т.К. Из истории китайских коллекций Кунсткамеры (Поездка Ф.-Л. Елачича в Китай в 1753–1756 гг.) // Культура народов Зарубежной Азии и Океании. Л., 1969. С. 5–28 (Сб. МАЭ. Т. XXV).
- Шафрановская Т.К. Лоренц Ланг и значение его дневников // Скандинавский сборник. 16. Тарту, 1971. С. 215–223.
- Шафрановская Т.К. Дневники Лоренца Ланга как историко-этнографический источник (Из истории изучения народов Сибири, Монголии и Китая в первой половине XVIII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1972.
- Шафрановская Т.К. Этнографические сведения о Китае в дневниках Л. Ланга // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1972–1973. 23–26 июля 1974 г. Л., 1974. С. 107–108.
- Шафрановская Т.К. Лоренц Ланг и его связь с Петербургской Кунсткамерой // Первые Скандинавские чтения. Этнографические и историко-культурные аспекты. СПб., 1997. С. 170–180.
- Шафрановская Т.К. Кунсткамера и Восток. Первые азиатские коллекции Кунсткамеры, собранные отечественными путешественниками // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 1. СПб., 1993. С. 89–101.
- Ширина Д.А. Летопись экспедиций Академии наук на северо-восток Азии в дореволюционный период. Новосибирск, 1983.
- Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923 (Известия Восточного факультета ДВГУ. LXVII).
- Широкогоров С.М. Избранные работы и материалы. Этнографические исследования. Кн. 1. Избранное. Владивосток, 2001.
- Широкогоров С.М. Избранные работы и материалы. Этнографические исследования. Кн. 2. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Владивосток, 2002.
- Широкогоровские чтения (проблемы антропологии и этнологии): Материалы научной конференции, посвященной 102-й годовщине со времени образования ДВГУ. Владивосток, 18–19 октября 2001 г. Владивосток, 2001.
- Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883–1903. Т. 1–3.
- Шубина С.А. Захар Федорович Леонтьевский (1799–1874) // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 3. Изд-во СПб. ун-та, 2001. С. 99–112.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIX-а. СПб., 1903.
- Эпштейн Е.М. Исследователь Олонецкого края // Поляков И.С. Три путешествия по Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991. С. 5–44.

Юсупова Т.И. П.К. Козлов — выдающийся исследователь Центральной Азии // Санкт-Петербург — Китай: Три века контактов. СПб., 2006. С. 154–168.

Янхунен Ю. Г.Й. Рамстедт и А.Д. Руднев — основатели современной монголистики // Петербург — окно на Восток, 1809–1914 гг. XII-е Российско-Финляндские гуманитарные чтения, Санкт-Петербург, 24–25.10.2002 г.: Программа и тезисы. Helsinki, 2002. С. 49–52 (параллельный текст на финском языке: С. 46–49).

Яроцкий А.В. Павел Львович Шиллинг. 1786–1837. М., 1963.

Яхонтов К.С. Сводный очерк российских материалов по языку и культуре народа сибиряков // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 2–3. СПб., 1993. С. 114–130.

Alekseev V.M. China im Jahre 1907. Ein Reisetagebuch. Leipzig; Weimar, 1989.

Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Von dem Director desselben Dr. Bernh. Dorn. SPb., 1846.

Bell J. Travels from St. Petersburg in Russia, to diverse parts of Asia. Vol. 1–2. Glasgow, 1763.

Bronislav Pilsudski and Futabatei Shimei — an excellent Chapter in the History of Polish- Japanese Relations. 3 IBPC proceedings. (Linguistic and Oriental Studies from Poznan. Monograph Supplement 7). Poznan, 2001.

Die Chinesische Sammlung der Obristen Ladyschinsky // St. Peterburgische Zeitung. 1833. N 148.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. Bd. 1–4. Berlin, 1962–1968.

Russow Fr. Beiträge zur Geschichte der Ethnographischen und Anthropologischen Sammlungen der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg 1900 // Сб. МАЭ. Т. 1. СПб., 1900.

Schrenk L. Reisen und Forschungen im Amur-Lande in den Jahren 1853–1856. Bd. I–IV. SPb., 1858–1876.

Д.В. Иванов

Буддийские коллекции Кунсткамеры XVIII века

Данная работа завершает серию статей, посвященных восстановлению истории формирования буддийских коллекций Кунсткамеры [Иванов 2008, 2009]. Эти коллекции являются не только первыми буддийскими собраниями в России, но и одними из первых в мире.

Собирание буддийских коллекций было неразрывно связано со становлением отечественной науки, изучением Монголии, Тибета и буддизма в России. Хранящиеся в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) РАН буддийские экспонаты обладают большой культурно-исторической ценностью и являются важным источником, позволяющим понять духовную культуру калмыков и бурят в XVIII в.

К сожалению, до недавнего времени большинство экспонатов МАЭ — приемника старейшего музея России Кунсткамеры — оставались неатрибутированными, из-за реформ академических музеев в XIX в. была утрачена важная информация о времени и месте собирания предметов.

В настоящее время нам удалось полностью восстановить историю поступления буддийских культовых предметов в Кунсткамеру. Однако, прежде чем перейти непосредственно к истории формирования буддийского фонда Кунсткамеры XVIII в., необходимо рассмотреть историю появления Азиатского музея и Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН.

КУНСТКАМЕРА И АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ (ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЭКСПОНАТОВ XVIII В.)

Еще в 1733 г. переводчик Коллегии иностранных дел Георгий Якоб Кер [1692–1740] предложил создать Академию или Общество восточных наук и языков в Российской империи [Тихонов 1973: 6–7]. В XVIII в. идея создания в России отдельного востоковедческого центра развития не получила и все

коллекции по культуре различных народов Азии поступали в Кунсткамеру, являвшуюся в это время и главным центром по изучению Востока. Возрождение идеи создания в России «Азиатской академии» приходится на начало XIX в. В 1810 г. граф С.С. Уваров, бывший в это время попечителем Петербургского округа и почетным членом Академии наук выступил с «Проектом Азиатской академии» [Тихонов 1973: 8].

В 1818 г., став президентом Императорской Академии наук, С.С. Уваров просил министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына устроить при Кунсткамере особое отделение для восточных рукописей и предметов под названием «Восточный кабинет» и назначить хранителем этого «кабинета» известного востоковеда академика Х.Д. Френа.

Христиан Данилович (Христиан Мартин) Френ (1782–1851) образование получил в Ростокском, Геттингенском и Тюбингенском университетах. В 1807 г. возглавил кафедру восточных языков в Казанском университете, где преподавал арабский и персидский языки, а также занимался изучением восточной нумизматики [Кононов 1972: 5]. В 1815 г. Х.Д. Френ был избран деканом Историко-филологического факультета Казанского университета, а в 1817 г. он приехал в Петербург, где приступил к изучению нумизматических коллекций и восточных рукописей Кунсткамеры [Там же: 6].

Именно Х.Д. Френ предложил другое название для «Восточного кабинета» Кунсткамеры — «Азиатский музей» [Базиянц 1969: 16–17]. Так началась история «музея в музее». Под Азиатский музей было выделено помещение на первом этаже здания Кунсткамеры, и в него были переданы восточные рукописи, монеты, археологические предметы, а также коллекция калмыцких культовых предметов [Базиянц 1969: 18].

В 1837 г. был сформирован Этнографический музей, в который начали передаваться все предметы из Азиатского музея, кроме восточных рукописей и текстов. Из архивного журнала поступлений Музея антропологии и этнографии известно, что хранители А.Ф. Постельс и Е.И. Шрадер получили от академика Френа все предметы прежнего Азиатского музея, которые, согласно новому распределению, должны войти в состав Этнографического музея [Журнал поступлений 1837–1877: 2].

10 ноября 1879 г. было принято решение о создании Музея антропологии и этнографии на базе Этнографического и Анатомического музеев Императорской Академии наук [Решетов, Станюкович 1980: 6]. К сожалению, к концу XIX в. Музей антропологии и этнографии был самым заброшенным Академическим музеем [Петри 1911: 1]. Это не могло не сказаться на музейной документации, однако первый хранитель МАЭ Ф.К. Руссов на рубеже XIX–XX вв. знал о существовании в собраниях музея предметов, собранных Г.Ф. Миллером и П.С. Палласом в XVIII в. до Кунсткамеры [Russow 1900: 16–17].

О Федоре Карловиче Руссове (1826–1906) — первом хранителе МАЭ — необходимо сказать особо. Ф.К. Руссов в 1842 г. окончил юридическое отделение Петербургского университета. С 1886 по 1899 г. заведовал отделом гравюр и рисунков Эрмитажа. С 1865 по 1905 г. он являлся также сотрудником Этнографического музея (с 1879 г. Музей антропологии и этнографии Академии наук) [Шафрановская 1980: 224]. Ф.К. Руссов составил в 1891 г. путеводитель по МАЭ [Руссов 1891] и опубликовал очень важную работу по истории МАЭ [Russow 1900]. Эта работа своего рода «мостик», соединяющий нас с более ранними

работами о Кунсткамере [Бакмейстер 1779; Беляев 1800]. Так, в 1800 г. Осип Петрович Беляев¹ пишет про собрание «82 мунгальских и калмыцких медных вызолоченных, внутри пустых бурханов или идолов, которые куплены в 1770 году за 1030 рублей и кои как своей редкостью, так и изъяснением знаменитого тибетского богослужения заслуживают примечания зрителей» [Беляев 1800: 151], а в 1900 г. Ф.К. Руссов отмечает, что основа буддийских собраний Академии, была положена Палласом, который приобрел «ламаистскую» скульптуру у казачьего атамана в Яицком городке [Russow 1900: 17].

В начале XX в. в Музее антропологии и этнографии Б.Ф. Адлером была зарегистрирована коллекция № 719, описанная как монгольская коллекция предметов культа, поступивших в 1837 г. из Азиатского музея.

В опись были вложены списки Азиатского музея, но в них информация о собирателях, кроме Г. Эриха, приславшего шесть экспонатов, была опущена. Эта информация не вошла и в опись коллекции № 719. С этого момента имена собирателей, точное место приобретения экспонатов и дата изначального поступления в Кунсткамеру были фактически утрачены. Экспонатов, собранных Г.Ф. Миллером, в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН больше не числилось совсем, а среди буддийских коллекций только одна (№ 741) была описана как поступившая от П.С. Палласа. Причем эта коллекция была сформирована не в XVIII в., а только в начале XX в. Экспонаты были атрибутированы на основании старых этикеток с надписью «Pallas-Buryat». Изначально коллекция включала шесть предметов (шапки ламские). В 1983 г. три предмета (мантия для богослужения, куртка ламская и юбка ламская) были переданы в Музей религии и атеизма. В настоящее время в коллекции № 741 числятся всего три предмета (шапки ламские). Никакой буддийской скульптуры, о которой писали О.П. Беляев и Ф.К. Руссов, в этой коллекции нет. Эти предметы вошли в состав коллекции № 719, потеряв свою первоначальную атрибуцию.

В 1979 г. Л.Л. Викторова перерегистрировала коллекцию № 719 и внесла уточнения, касающиеся атрибуции некоторых экспонатов. Л.Л. Викторова указала, что на некоторых предметах имеются этикетки Кунсткамеры, однако информация о собирателях, времени поступления предметов в Кунсткамеру и месте сбора экспонатов установлена не была [Викторова 1987: 104]. Для того чтобы восстановить эту информацию, необходимо обратиться к источникам, имеющимся в нашем распоряжении. Этих источников немного, но они позволяют восстановить картину передвижения экспонатов.

Большое значение для атрибуции экспонатов XVIII в. имеют старые этикетки Императорской Кунсткамеры. Для нумерации экспонатов в Кунсткамере пользовались номерами, отпечатанными в академической типографии [Станюкович 1953: 156]. Кроме номерных этикеток на предметах встречаются также и текстовые этикетки, которые могут содержать информацию о собирателе, а иногда и название предмета.

На значение этикеток как важнейшего источника по истории формирования коллекций обратили внимание еще в начале XX в., когда именно на основании этикеток была сформирована коллекция № 741, о которой говорилось выше. Позднее к этикеткам как к ценному источнику обращались неодно-

¹ Осип Петрович Беляев (ок. 1763–1807) — поэт, писатель, преподаватель. С 1797 г. унтер-библиотекарь Библиотеки Академии наук.

кратно [Ксенофонтова, Решетов 1980: 133; Викторова 1987: 104; Иванова 2005: 56–62; Белков 2006: 60, 2007: 52–53; Корсун 2007: 104–128].

Другим важным источником является Опись Азиатского музея. Списки вещей из Азиатского музея, относящиеся к буддийским коллекциям, разделены на две статьи: статью VI и статью VII. Статья VI озаглавлена «Мунгальские и калмыцкие бурханы или идола и другия принадлежащие к их идолослужению вещи», а статья VII — «Вещи к мунгальскому и калмыцкому идолослужению принадлежащие». Необходимо отметить, что вся статья VI написана чернилами, а в статье VII чернилами написаны только первые 20 наименований. Позднее, как мы предполагаем, что в период с 1818 по 1837 гг., когда экспонаты находились в Азиатском музее, статья VII была продолжена, но уже карандашом.

Ниже, в разделах, посвященных собирателям, мы рассмотрим принцип, по которому предметы были распределены по этим двум статьям.

Для нас важно отметить, что на полях списков Азиатского музея имеются пометки, сделанные синим карандашом. Эти пометки включают номер предмета и знак в виде креста. Как установила Л.А. Иванова, пометки в виде креста делались Ф.К. Руссовым [Иванова 2007: 22]. Эти пометки позволяют точно соотнести старые номера с современными номерами МАЭ.

Этикетки и Опись Азиатского музея — это единственные документы, которые сохранились непосредственно с XVIII — начала XIX в.

В отделе учета и хранения МАЭ имеются старые книги, списки и журналы, имеющие архивные номера. В этих книгах и журналах предположительно в начале XX в. были зафиксированы даты поступления экспонатов и основные музейные события XVIII–XIX вв. Эти архивные книги оказывают большую помощь при атрибуции предметов XVIII в.

В XVIII в. было опубликовано несколько работ, посвященных Кунсткамере — это первый каталог Кунсткамеры [Musei... 1741–1745], «Палаты Санкт-Петербургской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры» [Палаты... 1741], работы И. Бакмейстера [Бакмейстер 1779] и О.П. Беляева [Беляев 1800].

Наконец, важнейшим источником являются работы самих путешественников-собираателей. Большое значение имеет не только описание путешествий, встреч, контактов, но и гравюры XVIII в., позволившие точно идентифицировать ряд экспонатов.

Рассмотрев сложную историю формирования коллекций МАЭ и основные проблемы, связанные с атрибуцией ранних поступлений, мы возвращаемся к первым дошедшим до наших дней буддийским собраниям Кунсткамеры и к их собирателям. Самые ранние буддийские экспонаты, сохранившиеся до наших дней, были проданы в Кунсткамеру Г.Ф. Миллером в 1748 г.

ГЕРАРД ФРИДРИХ МИЛЛЕР (1748 Г.)

Герард Фридрих Миллер (1705–1783) — выдающийся историк и археограф, участник Второй Камчатской экспедиции Академии наук (1733–1743). Возглавлял Вторую Камчатскую экспедицию легендарный мореплаватель В. Беринг².

² Витус Беринг (1681–1741) — знаменитый путешественник-мореплаватель, руководил Первой и Второй Камчатскими экспедициями. Именем Беринга названы остров, пролив и море на севере Тихого океана, улица в Петербурге.

Г.Ф. Миллер родился в 1705 г. в Герфорде. Его отец был ректором гимназии, в которой Миллер учился. Позднее он продолжил обучение в Лейпцигском университете [Пекарский 1870: 309–310]. В Россию Г.Ф. Миллер приехал в 1725 г.

Задачи Второй Камчатской экспедиции были грандиозны — исследование северных берегов Азиатского материка, изучение природы Сибири, плавание к берегам северо-западной Америки и первое плавание к Японии [Греков 1960: 55]. В состав экспедиции входил Академический отряд, участником которого был Г.Ф. Миллер. Необходимо отметить, что Миллер путешествовал только по Сибири, он не побывал на Камчатке и не принимал участие в плаваниях Второй Камчатской экспедиции [Греков 1960: 130]. Кроме того, с 1734 г. Г.Ф. Миллер был полностью свободен в выборе маршрутов для своих поездок, а с 1737 г. он был полностью освобожден от всякого подчинения В. Берингу.

Академический отряд покинул Петербург в августе 1733 г., а в январе 1734 г. прибыл в Тобольск. Г.Ф. Миллер в ходе экспедиции совершил поездки к верховьям Иртыша, по Енисею и Забайкалью до русско-китайской границы. В Петербург Миллер вернулся только 14 февраля 1743 г., пробыв в экспедиции 10 лет.

В основу трудов Г.Ф. Миллера положены материалы, полученные в процессе работы экспедиции, участником которой он был. В ходе экспедиции он уделял большое внимание географии, этнографии, лингвистике, археологии, истории [Элерт 1990: 15]. Им были обследованы и описаны архивы многих сибирских городов и скопированы хранившиеся там документы [Ученые-исследователи 2006: 150]. Им было обнаружено несколько летописей, включая знаменитую Ремезовскую³.

Материалы экспедиции легли в основу его фундаментального исторического труда «История Сибири», публиковавшегося начиная с 1750 г. и полностью изданного первый раз в 1937 и 1941 гг., а затем в 1999–2000 гг. (издание, подготовленное Вайнштейном). Г.Ф. Миллер — один из основоположников исторической науки в России. Он большое внимание уделял истории калмыков [Миллер 1787, 2000]. Миллера можно также считать одним из основоположников российской педагогической науки. Как пишет Г.И. Смагина, «с первых лет пребывания в России в разносторонней и активной творческой деятельности Миллера появляется педагогическое направление. Он преподавал в Гимназии при Академии наук, около трех лет состоял ректором академического Университета, занимался частной педагогической практикой, участвовал вместе со своим другом А.Ф. Бюшингом в реорганизации немецкой школы Петершуле⁴, в течение четырех лет заведовал учебной частью Морского кадетского корпуса, а по инициативе И.И. Бецкого был привлечен к составлению программ и учебных планов Пажеского корпуса <...> Кроме того, Миллер способствовал становлению Московского университета, используя свои связи с европейским ученым миром, он пригласил в Москву для чтения лекций многих немецких ученых» [Смагина 2007: 103]. По мнению И.Л. Тихонова, Мил-

³ Ремезовская летопись — сибирская летопись, составленная в конце XVII в. Семеном Ульяновичем Ремезовым (1642–1720(?)) основателем первого в Сибири каменного Тобольского Кремля.

⁴ Петершуле — немецкая школа при лютеранской церкви св. Петра. Петершуле, основанная около 1710 г., является старейшей школой в Петербурге.

лера можно считать и основоположником отечественной археологии: «...Миллером были написаны первые научные работы, специально посвященные археологическим памятникам, а соответственно это позволяет нам считать Герарда Фридриха Миллера первым российским ученым, серьезно занявшимся исследованием вещественных памятников прошлого, т.е. археологией» [Тихонов 2007: 95]. Большой вклад был сделан Миллером в изучение истории Москвы и Петербурга, как указывает С.С. Илизаров, «Миллеру принадлежит приоритет в подготовке и публикации первых научных описаний российских столиц — Москвы и Санкт-Петербурга. Обе эти работы были им написаны для изданного в 1773 г. первого русского географического словаря» [Илизаров 2007: 23].

Наконец, Г.Ф. Миллер был одним из первых ученых, собравших коллекцию буддийских культовых предметов, которые и являются предметом настоящей работы. Ценность коллекции Г.Ф. Миллера увеличивает то, что это одна из первых специально собранных научных коллекций предметов буддийского культа не только в России, но и в мире. Как нам удалось выяснить, предметы из собрания Г.Ф. Миллера в настоящее время входят в состав коллекции № 719.

В ходе работы с коллекцией № 719 наше внимание привлекли бирки с надписью «Миллер» на обороте экспоната № 719-86, а также на предмете № 719-85. Нахождение бирок с фамилией Миллера послужило началом углубленного изучения этих экспонатов.

В работе Руссова указано, что в 1748 г. от Г.Ф. Миллера поступили предметы тангутского (тибетского), монгольского и калмыцкого культов [Russow 1900: 16].

В документах Академии наук за 1748 г. приводится «Реестр древностям и другим курioзным вещам, которые я в Сибири за собственные деньги купил», где содержится перечень «вещей, надлежащих к мунгальскому и калмыцкому идолослужению, а именно:

- (1) барабан, которым собирают народ к идолослужению,
- (2) пара медных чашек звонительных,
- (3) медная труба в деревянном футляре,
- (4) медная сиповка,
- (5) небольшой медный колокольчик с тангутской надписью,
- (6) медный инструмент, очир называемый, который суеверию служит к прогнанию злых духов,
- (7) небольшой ручной барабан с шелковым привесом,
- (8) медное молитвенное колесо с брахманской надписью, внутри письменными молитвами наполнено,
- (9) мунгальские четки,
- (10) мунгальский идол на полотне напечатанный,
- (11) малеванная копия мунгальского образа, на котором семь идолов изображены,
- (12) четыре глиняные мунгальские идола, а именно: чигин муне, цаган даринке, нагон даринке, неман дабага, в двух медных футлярах, какие на шее носят,
- (13) пять отчасти печатных, а отчасти письменных амулетов в двух медных и в двух суконных футлярах, которые также на шее носят,

(14) белая шелковая пелена, хадин называемая, которую идольские образа покрывают,

(15) шелковая поцепка к идольским образам.

Сие собрание весьма редких вещей, каких в Европе еще не видано, на которые я чрезвычайный труд и многие подарки употребил, не дорого будет, ежели за все те вещи оптом тридцать рублей поставлю...

Ger. Fridrich Muller» [Материалы для истории Имп. АН, IX, 1897: 11–13]⁵.

На экспонате № 719-86 кроме этикетки «Миллер» сохранилась еще и бирка с типографским печатаным номером «9», над которым карандашом надписан номер VII, что означает, как мы предположили, номер 9 в VII статье старых Списков Азиатского музея. И действительно, под этим номером в списке числится «Малеванная копия мунгальского образа, на котором изображено семь фигур» [Опись Азиатского музея: 14]. Поразительное совпадение с вышеприведенным описанием Миллера: «малеванная копия мунгальского образа, на котором семь идолов изображены».

Обращаясь к статье VII списков Азиатского музея, которая озаглавлена «Вещи к мунгальскому и калмыцкому идолослужению принадлежащие», узнаем, что в этой статье числятся 20 предметов, написанных чернилами:

«(1) Двойной бубен, которым народ созывают к идолослужению.

(2) Пара медных звонительных тарелок.

(3) Медная долгая труба из нескольких колен состоящая.

(4) Медная сиповка.

(5) Небольшой ручной бубен с шелковым привесом, очир называемый, которым мунгалцы по суеверию своему употребляют к прогнанию злых духов.

(6) Круглое медное колесо с брахманскую подписью, внутри письменными молитвами наполнено.

(7) Мунгальские четки с двумя белыми и двумя голубыми пронизками.

(8) Мунгальский женский идол на полотне выпечатанный, с многими лицами, называемый Аюша.

(9) Малеванная копия мунгальского образа, на котором изображено семь фигур.

(10–13) Четыре небольших мунгальских идола, а именно: Чигин Муни, Цаган и Кеногон Тари, Кепеман дабага, в одной круглой, а другой четверугольной медной коробочки, какие на шее носят.

(14) Такой же глиняный женский идол на подобие четверугольной плитке.

(15) Такой же маленький идол.

(16–19) Четыре отчасти печатных, а отчасти письменных амулетов или ладанок, какие мунгалцы на шее носят, в том числе две в четверугольных медных коробочках, а один в красном суконном мешочке, а один небольшой свертком в медной коробочке.

(20) Белая шелкова пелена, ходак называемая, которую мунгалцы покрывают идольские образа» [Опись Азиатского музея: 13].

Сходство реестра Миллера и описи Азиатского музея очевидно. В некоторых отмеченных курсивом местах опись дословно повторяет реестр. В реестре Миллера не упоминаются только предметы № 14, 15 из списков Азиатского

⁵ Разбивка в сплошном списке Г.Ф. Миллера сделана нами для ясности изложения.

музея. Таким образом, в статье VII описи Азиатского музея фактически перечислены экспонаты, поступившие в музей от Г.Ф. Миллера.

В настоящее время МАЭ обладает рядом экспонатов, поступивших в 1748 г. от Г.Ф. Миллера. В представленной ниже таблице сопоставлены реестр Миллера, списки Азиатского музея и экспонаты по современной описи коллекции № 719:

	номер и описание предмета в реестре Миллера	номер и описание предмета в списках Азиатского музея	номер экспоната по описи коллекции № 719
1	«(1) барабан, которым собирают народ к идолослужению»	«(1) «Двойной бубен, <i>которым народ созывают к идолослужению</i> »	719-84
2	«(2) пара медных чашек звонительных»	«(2) <i>Пара медных звонительных тарелок</i> »	719-83/2-1
3	«(3) медная труба в деревянном футляре»	«(3) Медная долгая труба из нескольких колен состоящая»	719-82
4	«(7) небольшой ручной барабан с шелковым привесом».	«(5) Небольшой ручной бубен с шелковым привесом, <i>очир называемый, которым мунгальцы по суеверию своему употребляют к прогнанию злых духов</i> »	719-81
5	«(8) медное молитвенное колесо с брахманской надписью, внутри письменными молитвами наполнено»	«(6) <i>Круглое медное колесо с брахманскую надпись, внутри письменными молитвами наполнено</i> »	719-105
6	«(10) мунгальский идол на полотне напечатанный»	«(8) Мунгальский женский идол на полотне выпечатанный, с многими лицами, называемый Аюша»	719-85
7	«(9) малеванная копия мунгальского образа, на котором семь идолов изображены»	«(9) Малеванная копия мунгальского образа, на котором изображено семь фигур»	719-86
8	«(12) четыре глиняные мунгальские идола , а именно: чигин муне, цаган даринке, нагон даринке, неман дабага, в двух медных футлярах, какие на шее носят, (13) пять отчасти печатных , а отчасти письменных амулетов в двух медных и в двух суконных футлярах, которые также на шее носят».	«(10–13) Четыре небольших мунгальских идола, а именно: Чигин Муни, Цаган и Кеногон Тари, Кепеман дабага, в одной круглой, а другой четверугольной медной коробочки, какие на шее носят».	719-88в, 719-89в, 719-96, 719-97, 719-98, 719-99

В настоящее время, можно утверждать, что этикетки Кунсткамеры использовались и в Азиатском музее. На карандашные пометы, уточняющие место изготовления предметов, обратили внимание Р.А. Ксенофонтова и А.М. Реше-

тов [Ксенофонтова, Решетов 1980: 133]. Можно дополнить, что карандашные пометки делались в Азиатском музее, когда необходимо было внести коррективу или дополнение в старый номер Кунсткамеры. Так, латинская цифра VII означала статью в Описи, к которой относились эти предметы, а когда порядковый номер Азиатского музея не совпадал со старым кунсткамерским номером, то его зачеркивали и рядом приписывали новый.

Необходимо отметить, что все предметы из реестра Миллера совпадают с перечнем предметов в статье VII списков Азиатского музея, а МАЭ обладает ценнейшей коллекцией буддийских культовых предметов, собранных в 1732–1743 гг.

ПЕТР СИМОН ПАЛЛАС (1770 Г.)

Одним из наиболее выдающихся исследователей-путешественников эпохи Екатерины II был Петр Симон Паллас (1741–1811) — классический ученый-энциклопедист XVIII в. Российское правительство в то время было крайне заинтересовано в проведении комплексных географических исследований империи. К весне 1768 г. было организовано пять географических экспедиций. Паллас был назначен руководителем одной из них, однако фактически он наметил маршрут для трех отрядов [Муравьев 1977: 19]. Экспедиция началась в июне 1768 г., и только в июле 1774 г. П.С. Паллас вернулся в Петербург. За то время исследователи побывали в центральной России, Поволжье, Урале и в Сибири. Путешествие Палласа имело колоссальное значение для изучения культуры народов, живших в Российской империи. Им были подробно описаны обычаи, облик, одежда, жилища и верования различных народов, от финнов до монголов. Большое значение имели материалы по повседневной и духовной культуре калмыков [Ученые-исследователи 2006: 170–172]. Особое внимание Паллас уделил буддизму у калмыков. В своей работе «Путешествие по разным провинциям Российской империи» он описывает пантеон северного буддизма, церковную иерархию, представления буддистов о строении мира [Паллас 1809: 490–529].

В ходе экспедиции были собраны многочисленные сведения о минералах Уральских гор, растительном и животном мире, богатейший этнографический материал. Всего П.С. Палласом была опубликована 151 работа по зоологии, ботанике, минералогии, геологии, географии, сельскому хозяйству, медицине, этнографии, нумизматике и археологии, языкознанию, не считая описаний путешествий и переводов [Кеппен 1895: 17–49]. П.С. Паллас оставил описание буддийских культовых предметов, бытовавших у калмыков, и попытался проанализировать структуру буддийского пантеона.

В 1793–1794 гг. Паллас совершил путешествие по южным провинциям Российской империи. В ходе этой экспедиции он посетил центральную Россию, Астрахань, калмыцкие степи, Кавказ, Крым. В фондах МАЭ РАН хранится европейская гравюра № 719-108/9(6). Эта гравюра — иллюстрация к альбому П.С. Палласа о его второй экспедиции [Pallas 1811: 8].

Во время экспедиции 1768–1774 гг. П.С. Палласа сопровождали двое сотрудников Кунсткамеры — чучельник Павел Шумский и рисовальщик Нико-

лай Дмитриев. Практически все материалы, собранные путешественником, предназначались для Кунсткамеры.

Как нам удалось выяснить, большая часть приобретенных П.С. Палласом буддийских предметов также входит в состав коллекции № 719.

В этой связи интересна одна из остановок, совершенных Палласом во время его длительного путешествия.

В августе 1769 г. П.С. Паллас посещает Яицкий городок — административный центр яицкого казачества, расположенный в большой излучине, образованной рекой Яик и впадающей в нее речкой Чаган. В Яицком городке жила вся верхушка яицкого казачества — войсковой атаман, войсковые старшины, два есаула, войсковой дьяк и войсковой писарь. Всего в городке было пятнадцать тысяч казаков, включая находящихся на службе калмыков [Муравьев 1977: 39]. В непосредственной близости от Яицкого городка находились кочевья калмыков, описанные Палласом [Паллас 1809: 455–490]. В Яицком городке местный атаман предложил ему купить коллекцию буддийской скульптуры. Вот как об этом пишет сам Паллас в рапорте в Академию наук: «В таком же затруднении нахожусь я и сейчас, имея в виду прекрасную коллекцию литых, хорошо позолоченных монгольских и калмыцких идолов, или бурханов, которую продает здешний атаман. Императорская Кунсткамера по этой части еще очень бедна, и потому я отобрал около 25 идолов, те, что лучше всего сохранились и отличаются один от другого. Когда я вернусь из Гурьева, я должен буду принять решение и либо упустить из рук такое превосходное украшение для Кунсткамеры, либо пойти на новый риск, не ведая, как к этому отнесется Императорская Академия наук» [Научное наследие 1993: 89]. На заседании Конференции Академии наук 25 сентября 1769 г. было принято решение о закупке 25 калмыцких «идолов» для Кунсткамеры [Протоколы 1899, 2: 704–705]. Из письма Палласа в Академию наук и из протоколов заседаний Конференции Императорской Академии наук следует, что 25 литых позолоченных буддийских статуэток поступили в Кунсткамеру, однако в письме Палласа Г.Ф. Миллеру, датированном 3 апреля 1770 г., говорится уже о восьмидесяти с лишним буддийских скульптурах отправленных в Петербург [Научное наследие 1993: 119]. Именно это собрание имел в виду Ф.К. Руссов, когда в 1900 г. писал, что основа буддийских собраний Академии заложена приобретенной П.С. Палласом скульптурой [Russow 1900: 17].

К сожалению, при регистрации коллекции № 719 эта информация также была утрачена, однако восстановить собрание П.С. Палласа помог сам путешественник, опубликовавший еще в XVIII в. ряд гравюр с изображением буддийских предметов из своей коллекции. П.С. Паллас издал несколько изображений, купленных им предметов, в своих трудах: «Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs» («Путешествие по разным провинциям Российской империи»), «Merkwürdigkeiten der Mordvanen, Kasaken, Kalmücken, Kirgisen, Baschkiren etc.» («Достопримечательности мордвин, казаков, калмыков, киргизов, Башкиров и др.»), «Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften» («Собрание исторических известий о монгольских народах»).

Детальное сравнение опубликованных Палласом изображений с экспонатами из буддийских собраний Кунсткамеры позволяет утверждать, что практически все предметы, купленные Палласом в Яицком городке, хранятся в МАЭ

в составе коллекции № 719. Необходимо отметить, что скульптура из фондов музея сравнивалась с гравюрами XVIII в., однако нам удалось обнаружить особенности постаментов, корон, наличие или отсутствие атрибутов, повреждения, которые дают возможность достаточно точно соотнести эту скульптуру с приобретениями Палласа.

В этой статье публикуются несколько фотографий экспонатов МАЭ с комментариями. Это лишь несколько гравюр и фотографий, но и они позволяют понять, что на гравюрах, опубликованных П.С. Палласом в XVIII в., изображены экспонаты из коллекции № 719.

Рис. 1. Редкое изображение святого, предположительно одного из царей Шамбалы или Махасиддхи (МАЭ. Колл. № 719-40)

Редкое изображение святого, предположительно одного из царей Шамбалы или Махасиддхи. Для нас важно, что на гравюре оно полностью совпадает со скульптурным изображением из коллекций МАЭ.

Полностью совпадают изображения божеств, декор, киот.

Рис. 2. Изображение бодхисаттвы Авалокитешвары (МАЭ. Колл. № 719-102)

Рис. 3. Бодхисаттва Манджушри (МАЭ. Колл. № 719-36)

Четырехрукая форма бодхисаттвы Манджушри. По канону бодхисаттва должен держать в правой нижней руке стрелу, а в левой нижней руке лук. Изображение стрелы и лука отсутствует как на гравюре, так и у скульптуры из коллекции МАЭ.

Рис. 4. Лха-мо (МАЭ. Колл. № 719-59)

У мула на гравюре и на экспонате отсутствуют хвост и левое ухо. На гравюре изображение без постамента. У скульптуры из коллекций МАЭ оригинальный постамент также отсутствует. Деревянный лакированный постамент был явно изготовлен уже в музее.

Необходимо отметить, что если экспонаты, собранные Г.Ф. Миллером, относятся к VII статье Описи Азиатского музея, то предметы, привезенные

П.С. Палласом, перечислены в статье VI, за исключением шести предметов, о которых будет сказано ниже. Причем описание экспонатов в Описи Азиатского музея почти слово в слово повторяет описание «бурханов», купленных Палласом, которое приводит О. Беляев. Так, бодхисаттва Авалокитешвара в обоих случаях обозначен как божество, называемое «писателями-путешественниками Менитопом» [Беляев 1800: 152]. В настоящее время в составе коллекции № 719 мы можем определить 79 буддийских предметов из собрания П.С. Палласа.

Нас, безусловно, интересовали вопросы, как столь обширное и ценное собрание буддийских культовых предметов попало к атаману Яицкого казачьего войска и кто был этот атаман-«коллекционер». Как нам представляется, атаман мог «добыть» эти предметы только у калмыков, проживавших на Яике. Поэтому Паллас называет их калмыцкими «идолами». Необходимо отметить, что у калмыков в XVIII в. бытовали незаурядные и очень дорогие культовые предметы из самых разных уголков буддийского мира. Атаманом Яицкого казачьего войска в интересующий нас период был Петр Васильевич Тамбовцев (1726–1772). П.В. Тамбовцев был избран войсковым атаманом в 1767 г. и оставался им до своей гибели во время восстания в Яицком городке в 1772 г. Как участник восстания яицких казаков П.В. Тамбовцев упоминается у А.С. Пушкина в «Истории Пугачева» [Пушкин 1964: 157].

По всей видимости, в состав этих 79 экспонатов входят и три калмыцких идола из Аблаин-кита, которые в Тобольске Палласу передал капитан Исленьев⁶ [Научное наследие 1993: 152]. В рапорте Палласа от 14 апреля 1771 г. из Челябинска говорится, что он передал профессору Фальку для отправки в Петербург два ящика с калмыцкими идолами, полученными им от капитана Исленьева [Там же: 173]. В отделе учета и хранения МАЭ хранятся также «Выписки из журнала поступлений № I. Касательно коллекций, поступивших в музей до 1837 года». Это несколько непрономерованных листов бумаги с записями о поступлениях, сделанными черными чернилами. Эти «выписки» были скорее всего сделаны в XIX в. В «выписках» за 1771 г. указаны «Три калмыцких идола и др. замечательные вещи, найденные по Иртышу и привезенные из Тобольска Палласом» [Выписки из журнала поступлений № I]. К сожалению, в настоящее время невозможно определить, какие именно три скульптуры происходят из Аблаин-кита.

В состав коллекции № 719 входят также два глиняных позолоченных расписных буддийских образа в деревянных окладах. Один из этих образов был опубликован П.С. Палласом. Мы предполагаем, что второй также был приобретен П.С. Палласом, хотя оба эти образа в VI статье Описи Азиатского музея не упоминаются.

ИОГАНН ИЕРИГ (1782 Г.)

Если вклад П.С. Палласа в российскую науку довольно хорошо исследован [Кеппен 1895; Муравьев 1977; Ученые-исследователи 2006], то деятельность Иоганна Иериго менее известна. Ему посвящена только одна работа [Шафра-

⁶ Иван Иванович Исленьев (1738–1784) — капитан «черного гусарского полка», геодезист, адъютант по Географическому департаменту Петербургской АН (1771).

новская 1965: 155–163]. Между тем И. Иериг на протяжении 15 лет снабжал Императорскую Академию наук ценнейшими материалами по культуре, языку калмыков, а позднее бурят и монголов. Поволжский немец Иоганн Иериг, общаясь с калмыками, самостоятельно занимался изучением монгольского языка и достиг в этом значительных успехов. В 1773 г. И. Иериг впервые встретился с академиком П.С. Палласом в Царицыне и предложил через него свои услуги Академии наук в качестве переводчика. Он был принят на службу и отправился к калмыкам [Там же: 156–157]. В 1775 г. Иериг присылает в Петербург множество материалов о быте и религии калмыков, переводы на немецкий язык калмыцких сказок. Одновременно Иериг продолжал изучать калмыцкий язык и начал учить тибетский. В 1779 г. П.С. Паллас, внимательно следивший за деятельностью И. Иерига, решил, что для дальнейшего изучения монгольского и тибетского языков ему следует отправить в район Селенги.

С 1780 г. Иериг находился в Забайкалье. Основным местом его пребывания стал Гусиноозерский дацан, где он занимался монгольским и тибетским языками под руководством ламы. Иериг занимался составлением монгольского словаря, который он высылал в Петербург по частям, переводом на немецкий язык индийской астрологической рукописи [Шафрановская 1965: 160–161]. Помимо изучения языков и переводов, Иериг собирал различные материалы для Академии наук. Он высылал в Петербург образцы лекарств из Индии и Тибета, травы, семена, минералы, книги, рукописи и, что особенно важно для нас, изображения святых, как оригиналы, так и копии [Там же: 161]. В 90-х годах XVIII в. Иериг работал над грамматикой монгольских языков [Там же: 163]. Иоганна Иерига можно по праву считать одним из основоположников отечественной монголистики.

В составе коллекции № 719 хранятся также шесть буддийских икон одного размера, нарисованных на картоне и заключенных в деревянные позолоченные рамки европейского образца. В Описи Азиатского музея эти экспонаты отмечены как «шесть монгольских идолов, из коих четыре называются Махаранзами, один без имени, и один Бадмасанбова, первые пять раскрашены, а последний простой, в позолоченных рамах, три за стеклом. /от Г. Эриха присланы/» [Опись Азиатского музея: 12]. Это единственная группа предметов, к которой в Описи Азиатского музея указан собиратель.

Автору не известен ни один Г. Эрих, который мог бы прислать в Петербург подобные изображения. Мы предположили, что заглавная буква «Г» обозначает не инициал, а сокращение слова «Господин», и тогда можно думать, что предметы поступили от «Господина Эриха». Единственный исследователь XVIII в., чья фамилия созвучна с Эрихом — это Иоганн Иериг⁷.

Согласно данным архива отдела учета и хранения МАЭ, 27 мая 1782 г. Иериг отправил из Гусино Озера копию изображения Бурхана *Badmagh Sambawa*. При перерегистрации коллекции в 1979 г. предмет № 719-80/6 (6) был описан как заготовка для буддийской иконы, изображающая Падмасамбхаву в деревянной позолоченной рамке [Опись коллекции № 719 1979: 14–15]. В настоя-

⁷ С вопросом о передаче/транслитерации немецких имен на русский язык в XVIII — нач. XIX в. мы обратились на кафедру общего языкознания филологического факультета СПбГУ. Согласно консультации, полученной от Татьяны Владимировны Клубковой, сотрудницы кафедры, в указанный период фамилия Иерига могла быть записана по-русски как Эрих. Мы хотели бы выразить глубокую благодарность Татьяне Владимировне за столь ценную консультацию.

щее время эта «заготовка для иконы» выставлена на экспозиции «Монголия» в шкафу № 19.

«Заготовка» была вынута нами из рамки, которая скрывала края и оборотную сторону изображения, после чего обнаружилось следующее. Первое — рисунок выполнен на европейской бумаге с различной на просвет филигранью изготовителя бумаги. Правда, разобрать рисунок филигрании не позволили технические возможности. Второе — подпись «Joh. Jaehrig» (Иериг (!) под изображением. В правом верхнем углу дата «1782». В нижней части и на обороте рисунка — сопроводительные надписи на немецком языке. Все это позволяет заключить, что экспонат представляет собой копию изображения, выполненную Иоганном Иеригом в 1782 г.

Таким образом, перед нами и есть та самая копия изображения Падмасамбавы, выполненная Иеригом, о которой говорится в Книге поступлений. Допустимо предположить, что все шесть рисунков под № 719-80/6 поступили от И. Иерига. Четыре из них — это изображения Локапал (стражей сторон света), в Описи Азиатского музея они описаны как Махаранзи. В Монголии Локапалы известны как Махараджи.

Кажется возможным ответить и на вопрос, почему эти вещи единственные, которые в Описи Азиатского музея имеют имя собирателя. Мы уже упоминали, что Опись Азиатского музея делится на две части — статью VI и статью VII. Как нам удалось показать, все предметы, относящиеся к статье VII Описи Азиатского музея, были привезены Г.Ф. Миллером в 1748 г. Предметы, перечисленные в статье VI — это приобретения П.С. Палласа [Иванов 2007: 186—195], за исключением шести рисунков Иерига. Поскольку И. Иериг постоянно сотрудничал с П.С. Палласом и все посылаемые Иеригом материалы передавались Палласу [Шафрановская 1965: 161], то при составлении описи эти рисунки были объединены с вещами Палласа. Однако, чтобы отделить их от предметов, собранных самим Палласом, составитель Описи сделал пометку «от Г. Эриха присланы».

В ходе работы удалось выявить экспонаты, которые относятся к наиболее ранним специально собранным музейным коллекциям не только в России, но и в мире. Уместно вспомнить слова Г.Ф. Миллера: «Сие собрание весьма редких вещей, каких в Европе еще не видано, на которые я чрезвычайный труд и многие подарки употребил...».

Эти предметы и в наши дни имеют огромное научное значения, являясь тем немногим, что позволяет восстановить историю буддизма у калмыков и бурят в XVIII в., а также позволяют по-новому посмотреть на проблему атрибуции и датировки произведений буддийского искусства.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАВЮРА XVIII В. В МОНГОЛЬСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ МАЭ

Особое место в составе коллекции № 719 занимают пять европейских гравюр, которые были описаны как европейский рисунок (!) и добавлены в состав монгольской коллекции [Опись коллекции № 719 1979].

Эти гравюры не имеют, как нам удалось установить, никакого отношения к Монголии, а связаны с историей изучения Тибета в XVIII в., однако, по-

скольку они входят в состав рассматриваемой нами коллекции и относятся к XVIII в., для завершения обзора буддийских собраний Кунсткамеры необходимо рассмотреть сами эти гравюры и историю их появления.

«Правда, что некоторые странствующие вероповедники заходили иногда в некоторые части сея земли, но их примечания и наблюдения, сопровождаемые невежеством и суеверием, заключались в весьма тесных пределах, а потому и предания их были основаны на пустых и ложных известиях», — так жестко охарактеризовал рассказы католических миссионеров о Тибете англичанин Стюарт [Новейшее... 1779: 258]. Желание англичан приписать себе славу первопроходцев в труднодоступные районы далекого Тибета понятно, однако открытие Тибета для европейской науки связано именно с деятельностью католических монахов, которые рискуя жизнью в XVII–XVIII вв. совершали длительные и труднейшие путешествия в самую высокогорную страну мира. Иезуиты и капуцины составили первые тибетские словари, описали обычаи тибетцев и заложили основы европейской тибетологии. В МАЭ хранятся несколько гравюр, имеющих непосредственное отношение к этому самому раннему миссионерскому этапу изучения Тибета.

Первым католическим миссионером, которому, возможно, удалось побывать в Тибете, был Одорико Порденоне (ок. 1286–1331), совершивший приблизительно в 1316–1329 гг. путешествие в Китай через Индию. По возвращении в Италию он продиктовал свои воспоминания о путешествии одному из монахов. В 1775 г. Одорико Порденоне был причислен к лику блаженных. Несмотря на успехи миссии Одорико Порденоне в Китае, Тибет оставался еще очень долго удаленной и недоступной для европейцев страной, лишь в 1625 г. Антонио де Андрада основал в Тибете католическую миссию. Де Андрада в возрасте 15 лет вступил в Орден иезуитов в качестве новicia (послушника), а в 1600 г. был направлен в Индию. В 1621 г. де Андрада был назначен главой миссии иезуитов в государстве Великих Моголов, а его резиденция располагалась в Агре. В 1624 г. де Андрада тайно в сопровождении двух слуг, переодевшись индийцем, покинул двор Великого Могола и отправился в Тибет с группой паломников [Соколовский 1926: 18]. В начале августа 1624 г., преодолев множество трудностей, он прибыл в город Цзапаранг в Западном Тибете. Ему удалось добиться аудиенции местного правителя, который принял иезуита достаточно благосклонно. Это вселило в путешественника надежду на основание в Тибете католической миссии. Вернувшись в Агру в ноябре 1624 г., он начал готовиться к организации второго путешествия в Тибет.

Вторая экспедиция Антонио де Андрада в Тибет отправилась из Индии 17 июня 1625 г. На это раз ему удалось пробыть в Тибете не менее двух лет [Там же: 32]. Пользуясь благосклонностью местного правителя, де Андрада развернул активную миссионерскую деятельность. В 1626 г. в Цзапаранге была построена христианская церковь и основана миссия, при которой жили семь иезуитов [Там же: 36]. Такая активная деятельность католических миссионеров вызвала волну возмущения местных лам, которая привела к восстанию в Цзапаранге в 1630 г. Местный правитель был низложен, здание миссии разрушено, а иезуиты были вынуждены покинуть Цзапаранг. Антонио де Андрада не видел гибели миссии, поскольку в 1630 г. он был назначен провинциалом Ордена в Индии и покинул Тибет.

Антонио де Андрада скоропостижно скончался с признаками отравления в 1634 г. Точные обстоятельства его смерти неизвестны, выдвигались предположения о причастности к смерти де Андрада мусульман, португальцев, голландцев [Соколовский 1926: 9].

Антонио де Андрада не писал научных работ о Тибете и о тибетском буддизме, однако он первым из европейцев применил название Thibet, и им было написано несколько деловых отчетов о своем путешествии. Эти отчеты вызвали колоссальный интерес и были переведены на шесть европейских языков в XVII–XVIII вв. [Там же: 12]. Де Андрада, безусловно, знал о Лхасе, но, по всей видимости, никогда в столице Тибета не был.

Только в 1661 г. два других иезуита, Иоганн Грюбер и Альбер Орвиль, путешествуя из Пекина, пересекли тибетское нагорье и стали первыми европейцами, побывавшими в Лхасе.

Дорога к сердцу далекого Тибета, священному городу Далай-лам, была открыта, однако более или менее обосноваться в Лхасе европейским миссионерам удалось только в начале XVIII в. Одним из наиболее выдающихся путешественников-миссионеров этого времени был иезуит Ипполито Дезидери (1684–1733). Ипполито Дезидери родился в Тоскане в 1684 г. и после обучения в 1712 г. он был направлен на Восток с целью восстановить миссию в Цзапаранге, основанную Антонио де Андрада. Однако вместо Цзапаранга Дезидери отправился в Лхасу и в 1715 г., совершив труднейшее зимнее путешествие, достиг столицы Тибета. Ему удалось попасть на прием к фактическому правителю Тибета того времени монгольскому Лавзан-хану. После этого приема Ипполито Дезидери и другой миссионер, капуцин Орацио делла Пенна (1680–1745), получили возможность изучать тибетский язык и буддизм под руководство ученого ламы в одном из наиболее известных и важных буддийских монастырей-университетов Сера [Bargiacchi 2008: 34]. Два католических монаха жили бок о бок с буддийскими монахами, принимали участие в монастырских диспутах. Дезидери получил даже возможность обустроить у себя в келье христианскую часовню и осуществить перевод важнейшего сочинения тибетского буддизма «Лам-рим-чэн-мо» [Ольденбург 1904: 133], а Орацио делла Пенна приступил к созданию тибетско-итальянского словаря.

Про выдающегося путешественника-миссионера начала XVIII в. Орацио делла Пенна необходимо сказать особо. Он был младшим из трех детей в знатной семье Оливери. В 20 лет, получив классическое образование, он удалился в монастырь капуцинов, а в 1703 г. Священная Конгрегация Пропаганды Веры провозгласила создание миссии в Тибете. Орацио делла Пенна подал прошение о назначении его в эту миссию, и его прошение было удовлетворено. Миссионеры отбыли из Италии в 1704 г. и в 1707 г. прибыли в Лхасу.

Капуцинам удалось установить дружеские отношения с высшими тибетскими иерархами и основать католическую миссию, обратив в христианство около 20 тибетцев. Сподвижником Орацио делла Пена был другой монах-капуцин Кассиано Белигатти, прибывший в Тибет в 1738 г.

Дружелюбное сосуществование двух церквей закончилось, когда несколько тибетцев отказались признать священную власть Далай-ламы. Положение миссии стало ухудшаться, и в 1745 г. последние христиане покинули Тибет

и были вынуждены искать убежище в Непале. Орацио делла Пенна скончался в Непале в 1747 г. [Ольденбург 1904: 134].

Отношения двух католических миссионеров, Дезидери и делла Пенны, которые принадлежали к двум разным монашеским Орденам (иезуитов и капуцинов), складывались непросто. Между иезуитами и капуцинами началась борьба за право единолично распространять христианство в Тибете. После долгих интриг и препирательств в 1721 г. Дезидери был вынужден покинуть Лхасу [Там же: 133], а в 1727 г. вернуться в Европу.

Интереснейшие путевые наблюдения Дезидери, его описание Тибета, которое он собирался опубликовать, ждала нелегкая судьба. В Риме в 1732 г. было принято окончательное решение в пользу капуцинов, Дезидери было запрещено покидать Рим, публикация всех его работ была запрещена, а через год Ипполито Дезидери скончался в Риме практически в полном одиночестве.

Однако работы Дезидери не исчезли, уже в середине XVIII в. его рукописи, а также материалы миссионера-капуцина Кассиано Белигатти, соратника Орацио делла Пена, легли в основу изданного в 1762 г. в Риме А. Георги «Алфabetум Тибетанум» [Вигасин 1995: 142]. Так в работе другого католического монаха, который сам в Тибете никогда не был, соединились наблюдения и заметки двух соперничавших между собой Орден — иезуитов и капуцинов.

Практически сразу после издания «Алфabetум Тибетанум» стал основной работой по истории и культуре Тибета. В XVIII в. к «Алфabetум Тибетанум» обращались и работавшие в России ученые [Pallas 1783: 17; Nakman 1783].

В настоящее время в Петербурге экземпляр «Алфabetум Тибетанум» имеется в библиотеке Института восточных рукописей РАН, а в фондах МАЭ в составе коллекции № 719 хранятся пять гравюр из «Алфabetум Тибетанум». В «Алфabetум Тибетанум» из Института восточных рукописей и в издании, находящимся в Нью-Йоркской публичной библиотеке, насчитывается семь гравюр [Georgii 1762].

По описи монгольская (!) коллекция № 719 поступила в МАЭ в 1837 г. из Азиатского музея, но, как нам удалось выяснить ранее, в составе этой коллекции находятся экспонаты из Императорской Кунсткамеры XVIII в. [Иванов 2007, 2008]. Мы можем предположить, что эти пять гравюр также были извлечены из несохранившегося экземпляра «Алфabetум Тибетанум» еще в XVIII в. и из-за редкости и научной ценности включены в состав музейных коллекций Кунсткамеры. Поскольку в XVIII в. изучение тибетского буддизма в России было неразрывно связано с изучением культуры монголоязычных народов, эти гравюры были включены в состав монгольской коллекции.

Все гравюры подписаны именем одного резчика — Алессии Гиардони (sculpt. Alex. Giardoni), который в 1760–1791 гг. работал в Лондоне и Риме [Becker 1907: 590]. Две гравюры имеют имена художников, причем один художник — тибетец (pinxit. Yon-ten-lnya-gi-'b (?), а два других художника — итальянцы (aequ. Paul Anton, Ciccolini delin.). Эту сложную подпись можно расшифровать так — тибетцем был выполнен живописный оригинал, с которого итальянские рисовальщики сделали копию для гравера, который вырезал изображение на доске.

Подписанные таким образом гравюры — это изображение «Колеса Сансары» и буддийской картины мира с горой Меру, мировым океаном и материками.

Это последние экспонаты, которые могут быть отнесены к буддийским собраниям Кунсткамеры XVIII в., сохранившимся до наших дней и хранящимся в фондах МАЭ, хотя точную дату поступления этих гравюр в музей мы назвать не можем.

В настоящее время буддийские экспонаты Кунсткамеры XVIII в. составляют ценнейшую часть монгольского фонда Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН. Мы очень надеемся, что в ближайшее время будет издан полноценный каталог первых буддийских экспонатов старейшего музея России.

Библиография

Базиянц А. Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР. 1818–1968. М., 1969.

Бакмейстер И. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-петербургской имп. Академии наук. СПб., 1779.

Белков П.Л. Гавайские круглые накидки в коллекциях МАЭ РАН и проблемы музейного источниковедения // Радловские чтения: Тезисы докладов. СПб., 2006. С. 59–65.

Белков П.Л. «Дешифровка» музейных каталогов конца XVIII — начала XIX вв. и проблема идентификации предметов из ранних поступлений МАЭ // Радловский сборник. СПб., 2007. С. 45–55.

Беляев О. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Ч. II.

Вигасин А.А. Странствование Филиппа Ефремова // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995. С. 134–261.

Викторова Л.Л. Монгольские фонды МАЭ // Сб. МАЭ. Л., 1987. Т. XLI. С. 102–121.

Выписки из журнала поступлений № I. Касательно коллекций, поступивших в музей до 1837 года / Архив МАЭ РАН. Отдел учета и хранения.

Греков В.И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960.

Журнал поступлений 1719–1836 / Архив МАЭ РАН. Фонд К-IV. Оп. 1. № 2.

Иванов Д.В. Могут ли буддийские культовые предметы быть «куриозными» // Курьез в искусстве и искусство курьеза: Материалы XIV Царскосельской научной конференции. СПб., 2008. С. 139–149.

Иванов Д.В. Петр Симон Паллас и формирование первых буддийских коллекций в России // Из века Екатерины Великой. Путешествия и путешественники: Материалы XIII Царскосельской научной конференции. СПб., 2007. С. 186–195.

Иванова Л.А. Куковская коллекция Кунсткамеры. М., 2005.

Иванова Л.А. Материалы к биографии Федора Карловича Руссова — первого ученого хранителя Музея антропологии и этнографии // Сб. МАЭ. СПб., 2007. Т. LIII. С. 11–33.

Илизаров С.С. Санкт-Петербург и Москва в жизни и творчестве Г.Ф. Миллера // Г.Ф. Миллер и русская культура. СПб., 2007. С. 15–37.

Кеппен Ф.П. Ученые труды П.С. Палласа. СПб., 1895.

Кононов А.Н. Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.

Корсун С.А. Музейные этикетки и проблема атрибуции предметов из старинных коллекций МАЭ // Сб. МАЭ. СПб., 2007. Т. LIII. С. 104–133.

Ксенофонтова Р.А., Решетов А.М. Китайские коллекции Петербургской Кунсткамеры в собрании МАЭ // Сб. МАЭ. Л., 1980. Т. XXXV. С. 114–135.

Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1897. Т. IX.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. II.

Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сие время. СПб., 1787.

Муравьев Вл. Дорогами Российских провинций. Путешествия Петра-Симона Палласа. М., 1977.

Научное наследие П.С. Палласа. Письма. 1768–1771 гг. СПб., 1993.

Новейшее и достоверное описание тибетского государства, доселе европейцам столь мало известного, но столь часто ими упоминаемого, о Далай-ламе, его законах и его поклонниках и пр. сообщенное в 1777 году г. Стюартом в письме к Лондонскому Королевскому ученому обществу, а от оного изданное во втором томе транзакций на 1778 год // Академические известия. СПб., 1779. Ч. 1. С. 257–280.

Ольденбург С.Ф. Новейшая литература о Тибете // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1904. С. 129–168.

Опись Азиатского музея. Статьи VI, VII / МАЭ РАН. Отдел учета и хранения.

Опись коллекции № 719 / Перерегистрировала Л.Л. Викторова. 1979.

Палаты Санкт-Петербургской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры. СПб., 1741.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям российской империи. СПб., 1809.

Пекарский П. История Императорской Академии наук. СПб., 1870. Т. I.

Петри Е.Л. Ф.К. Руссов // Сб. МАЭ. СПб., 1911. Т. 1. Вып. 10.

Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. СПб., 1899. Т. 2.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М., 1964. Т. 8.

Решетов А.М., Станюкович Т.В. К 100-летию создания этнографического и антропологического центра Академии наук // Сб. МАЭ. Л., 1980. Т. XXXV. С. 6–10.

Руссов Ф.К. Путеводитель по Музею Имп. Академии наук по антропологии и этнографии. СПб., 1891.

Смагина Г.И. Г.Ф. Миллер — автор проекта школьной реформы в России 60-х гг. XVIII в. // Г.Ф. Миллер и русская культура. СПб., 2007. С. 103–117.

Соколовский Г.Н. Антонио де Андрада в Тибете // Известия Гос. РГО. Л.; М., 1926. Т. LVIII. Вып. II. С. 3–48.

Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии Наук. М.; Л., 1953.

Тихонов И.И. Сокровища Азиатского музея и их собиратели // Сб. МАЭ. Л., 1973. Т. XXIX. С. 4–33.

Тихонов И.Л. Г.Ф. Миллер как археолог // Г.Ф. Миллер и русская культура. СПб., 2007. С. 84–97.

Ученые-исследователи Калмыкии (XVII — начало XX вв.). Элиста, 2006.

Шафрановская Т.К. I Монголист XVIII века Иоганн Иериг // Страны и народы Востока. М., 1965. Вып. IV. С. 155–163.

Шафрановская Т.К. Первый хранитель МАЭ Ф.К. Руссов // Сборник МАЭ. Л., 1980. Т. XXXV. С. 224–229.

Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1990.

Bargiacchi E.G. A bridge across two cultures. Ippolito Desideri S.J. (1684–1733). Firenze, 2008.

Becker F., Thieme U. Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart. 37 Bde. Leipzig o. J. (Nachdr. d. A. 1907–50).

Georgii A. Alphabetum Tibetanum. Romae, 1762.

Hakman J.F. Nachrichten betreffend die Erdbeschreibung, Geschichte und natürliche Beschaffenheit von Tybet // Neue nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. Bd. IV SPb.; Lpz., 1783.

Musei Imperialis Petropolitanae. Vol. 1–2. SPb., 1741–1745.

Pallas P.S. Des Befchreinbung tangutifchen Büffels // Neue nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. Bd. IV. SPb.; Lpz., 1783. P. 1–28.

Pallas P.S. Merkwürdigkeiten der Mordvanen, Kasaken, Kalmücken, Kirgisen, Baschkiren etc. Frankfurt; Leipzig, 1773.

Pallas P.S. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St.Petersburg, 1773. Т. 1.

Pallas P.S. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St.Petersburg, 1773. Т. 2.

Pallas P.S. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Volkerschaften. Album. St.Petersburg, 1801.

Pallas P.S. Second voyage de Pallais, ou voyages entrepris dans les pays méridionaux de l'Empire de Russie. Paris, 1811.

Russow Fr. Beitrage zur geschichte der Ethnographischen und antropologischen sammlungen der Kaiserligchen akademie der wissenschaften // Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. СПб., 1900. Вып. I.

Д.А. Самсонов

История формирования и характеристика корейского иллюстративного фонда Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого

С тех пор как в парижской лаборатории французского художника Луи Жака Манде Дагера в 30-х годах XIX в. были получены первые опытные образцы «серебряных картин», прототипов нынешних фотографий, фиксация окружающей действительности с помощью светописы стала одним из постоянных спутников человеческой жизни.

С момента появления фотография молниеносно проложила себе дорогу во все сферы деятельности человека. Фотография привлекала быстротой, точностью и, самое важное, объективностью изображения. Именно это позволило ей мгновенно стать ведущим средством документирования. Запечатлев однажды отрезок жизни длиной в десятую долю секунды, фотография способна пронести его сквозь годы, сокрыть от гибели, передать последующим поколениям. Одним словом, стать источником для получения информации о прошлом. Основная притягательность фотографии как источника таится в ее стопроцентной правдивости.

За свою по историческим меркам не очень длинную, но все же более чем полуторавековую историю фотография смогла сохранить и донести до нас бесчисленное количество самых разнообразных событий. Иногда получается так, что фотография, сделанная на память о каком-то событии из личной жизни фотографа, спустя годы приобретает дополнительную ценность. Однако ценность ее не всегда измеряется деньгами. В силу своей правдивости фотография помогает оживить события, которые считались ушедшими безвозвратно.

В свете вышесказанного интересно обратиться к фотографическому прошлому Кореи. Как известно, после открытия страны в 80-х годах XIX в. на Корею устремили свои взоры многие государства. С этого времени заметно возросло число иностранцев, прибывавших из западных стран. Помимо своих путевых заметок и воспоминаний они оставили зарисовки, фотографии о жизни в Корее, тогда еще неизвестной для бóльшего числа иностранцев, а потому казавшейся загадочной.

В фондах российских музеев хранится не один десяток фотографий по Корее. Среди большого числа иллюстративных коллекций по странам Азии в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) имеется немало материала, посвященного Корее. В больших картонных коробках зеленого цвета, удобно расположившихся в деревянных шкафах кабинета № 208 отдела Восточной и Юго-восточной Азии первого музея России, можно отыскать иллюстративные материалы самого разного характера.

Как известно, корейские иллюстративные собрания в МАЭ начали формироваться уже в последней четверти XIX в. и с тех пор постепенно пополняются вот уже больше ста лет. Фотографии представляют собой один из надежных этнографических источников: на них зафиксированы уже ушедшие предметы традиционной культуры Кореи, на их основе можно проследить процессы формирования и трансформации народной культуры, превращение инноваций в традиции и т.д.

В число иллюстративных фондов входят не только фотографии, но и почтовые открытки с видами Сеула и элементами традиционного быта. Самые ранние коллекции датируются второй половиной XIX в. Благодаря авторам этих фотографий нам предоставляется возможность взглянуть на самые разные стороны традиционной корейской жизни (от королевских дворцовых покоев до мастерской ремесленника далекой северной провинции). Кроме того, некоторые фотографии иллюстрируют жизнь корейских переселенцев, перешедших на территорию российского Дальнего Востока во второй половине XIX в. В Советское время иллюстративные коллекции МАЭ дополнились материалами из КНДР, предоставленными как гражданами страны, так и советскими специалистами, проживавшими в этой стране. Также в Музее хранится много материалов, посвященных жизни и повседневному быту корейцев, проживающих в Центральной Азии (Узбекистан, Казахстан). Эти коллекции были собраны в ходе этнографических экспедиций, в которых участвовала Ю.В. Ионова (1924–2009), не один десяток лет проработавшая в МАЭ специалистом по Корее.

На мой взгляд, из хранящихся в фондах Кунсткамеры фотоматериалов наибольший интерес представляют фотографии, созданные на рубеже веков. Как известно период с 80-х годов XIX в. по первое десятилетие XX в. — один из наиболее интересных, противоречивых, динамичных периодов в истории Кореи. Любая дополнительная информация по этому периоду всегда будет представлять большой интерес. Именно поэтому эта статья будет посвящена главным образом материалам, собранным в Корее в конце XIX в. Материалы по жизни и быту корейцев Средней Азии в рамках статьи рассматриваться не будут.

Основная информация по описываемым коллекциям представлена в сводной таблице 1.

Широко известно, что фотоматериалы смело можно назвать уникальным разноплановым историческим источником. Порой при изучении старинных фотографий на первый план выходит исследование не столько самого содержания снимка, сколько история его создания, коллекционирования. Ведь иногда для того, чтобы определить героев, изображенных на снимке, опровергает или подтверждает тот или иной исторический факт данная фотография, необходимо понять когда и зачем она делалась, кем собиралась. Основная за-

Таблица 1

Список иллюстративных коллекций по Корее

№	Номер коллекции	Дата поступления	Собиратель	Примечания
1	162	1886	И.С. Поляков	смешанная
2	1073	1906	Я.И. Трусевич	смешанная
3	1679	1893	К.И. Вебер	
4	1695	до 1888	—	смешанная
5	2513	1914	С.В. Гейман	открытки
6	2685	1918	Н.И. Конрад	смешанная, открытки
7	И-762	1937	З.Н. Матвеев	смешанная, открытки
8	И-1518	1953	А.И. Курдюков	
9	И-1521	1940	С.Н. Сыромятников	
10	И-1737	1955	То Ю Хо	
11	И-2042	из старых поступлений	С.П. Кишенский	

дача статьи — краткое описание фотоколлекций, истории их собирания, а также того исторического контекста, когда снимались эти фотографии.

На данном этапе исследовательской работы наиболее достижимая цель не поиск ответов на конкретные вопросы, а определение круга вопросов, которые можно изучать с помощью фотографий, хранящихся в фондах Кунсткамеры.

Основную ценность этих собраний составляют три коллекции, повествующие о Корее конца XIX в. Это коллекция № 1679, собранная К.И. Вебером, первым поверенным в делах Кореи, коллекция № 1521, составленная С.Н. Сыромятниковым и переданная в Музей его зятем в 1940 г., и коллекция № И-2042, собранная в отдельный альбом. Именно на истории собирания этих коллекций мы и остановимся более подробно, а об истории собирания остальных коллекций скажем лишь несколько слов.

Начать хотелось бы с самых первых поступлений в корейский иллюстративный фонд Кунсткамеры. Отметим, что в 80-е годы XIX в. правительство Российской империи прилагало грандиозные усилия по исследованию Дальневосточных окраин государства и близлежащих стран. Велись систематические исследования флоры и фауны региона, народов, населявших бескрайние просторы Приморского края.

Огромный вклад в исследование восточных пространств нашей страны внес Иван Сергеевич Поляков (1845–1887). С его именем связано и поступление первых четырех фотографий, на которых изображены корейцы.

И.С. Поляков, известный зоолог, антрополог и этнограф, родился в небольшой казачьей станице на реке Аргунь. С малых лет обнаружил блестящие способности к познанию окружающей действительности. В 1863 г. он познакомился с членами Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества, которые позже, в 1866 г., рекомендовали Полякова в качестве натуралиста-препаратора и собирателя гербария в экспедицию по

Нерчинскому округу. Далее Поляков совершает путешествие на лодке по Северо-Западному берегу Байкала, затем, сухим путем, на Тунку, откуда пробрался в отроги Восточного Саяна. Позже Поляков переезжает в Петербург, где в 1874 г. оканчивает университет с дипломом кандидата естественных наук.

Будучи студентом, он совершил в 1871 г., по поручению Географического Общества, поездку на восточный берег Онежского озера для зоогеографических работ. Летом 1873 г. Поляковым была предпринята экспедиция в восточную часть Олонецкой губернии, где им были собраны сведения о быте местного населения. Летом 1874 г. им были исследованы верховья Волги. В 1879 же году Академия наук командировала его в некоторые местности Европейской России, особенно по Оке, Волге и Уралу. Был Поляков и на Кавказе в 1880 г. В апреле 1881 г. он был командирован на о-в Сахалин для зоологических и антропологических исследований. Побывав кроме Сахалина в Японии, Поляков вернулся оттуда в феврале 1885 г. В это время упорная болезнь, следствие злоупотребления спиртными напитками, особенно сильно овладела им, и у него отнялись ноги, руки и плохо работала голова. Полечившись в Москве, он вернулся в Петербург почти здоровый, но ему были запрещены научные занятия и употребление вина. Однако он не был в состоянии удержаться от своей пагубной страсти, и ранней весной 1887 г. слег в постель, был отправлен в больницу, где и умер от хронического воспаления печени 5-го апреля 1887 г.

Именно в 1886 г., после возвращения из Японии, Поляковым в МАЭ была передана большая коллекция иллюстративных материалов, зарегистрированных под номером 162. Большинство фотографий посвящены путешествию Полякова по Японии. Несколько позже из этой коллекции были выделены четыре фотографии, на которых изображены корейцы. Однако на данный момент достоверной информации о том, сам ли Поляков делал эти снимки или же приобретал их у местного населения в Японии или на Сахалине, нет. Сведения о фотографиях, имеющиеся в документах, носят описательный характер и скорее всего были сделаны уже регистратором в 1908 г., а не самим дарителем. Тем не менее существует мнение, еще не подтвержденное документально, что фотографии № 162-362 и № 162-363 (CD, рис. 1) были сделаны в корейских поселениях Приморского края в России.

Как начальный период российско-корейских отношений не может рассматриваться без упоминаний о первом русском поверенном в делах Кореи Карле Ивановиче Вебере, так же и формирование самостоятельного корейского фонда в МАЭ связано с именем этого выдающегося человека.

В 1893 г. Музеем была куплена одна из самых ценных коллекций № 227. Чтобы приобрести ее, хранитель Музея Руссов специально ездил в город Дерпт (ныне Таллин, Эстония). Там в отпуске находился К.И. Вебер. В приобретенную коллекцию входили предметы, собранные им в ходе раскопок в Сеуле, проведенных на месте, где строилось здание русской миссии. Некоторые предметы были куплены у населения, некоторые получены в качестве подарков. Тогда в Музей попала и коллекция фотографий № 1679.

К сожалению, подробное описание фотографий, составленное самим К.И. Вебером, в МАЭ отсутствует. Первая опись была составлена только лишь в 1910 г., спустя 17 лет после поступления коллекции. Регистрация была про-

ведена работником музея К. Щепниковым. Согласно имеющейся описи, коллекция насчитывает семнадцать единиц хранения.

Все входящие в коллекцию фотографии — на белом паспарту, имеют разный размер. Под каждой из них сделаны подписи черными чернилами. Считается, что фотографии были наклеены на паспарту и подписаны несколько позже, чем они были получены и зарегистрированы. Об этом свидетельствует проступающий коллекционный номер 227, написанный на обратной стороне. Три фотографии имеют в правом нижнем углу небольшую квадратную печать красного цвета, расшифровать которую пока не представляется возможным.

В имеющихся документах никакой датировки фотографий не приводится. Однако, опираясь на широко известные факты, можно определить, когда фотографии были сделаны. Известно, что в июле 1882 г., будучи российским консулом в г. Тяньцзине, К.И. Вебер был командирован в Сеул для выяснения условий подписания российско-корейского договора. Как я уже упоминал, коллекция была приобретена в 1893 г., когда Вебер находился в отпуске в своем имении в Эстонии, куда он отправился из Сеула в 1891 г. Таким образом, снимки могли появиться на свет в период с 1882 по 1891 г. Фотографическая коллекция К.И. Вебера является иллюстрацией к первым годам активизации отношений между Россией и Кореей.

Широко известно, что «корейский вопрос» в 80–90-х годах XIX в. занимал особое место во внешней политике Российской империи. В то время Россия была одним из самых активных участников событий, происходивших в Корее. Безусловно, по долгу службы К.И. Вебер находился в самом центре разворачивавшихся тогда событий и был не просто участником, а одним из активных «творцов» новой истории Кореи. Этому способствовал и тот факт, что король Кочжон всегда верил в поддержку России в деле развития Кореи и с особой симпатией относился к поверенному в делах К.И. Веберу. Материалы из отчета подполковника Генерального штаба Ф. Вебеля (1855–1919), посетившего Сеул в 1889 г., свидетельствуют об этом. «Отношения нашего Поверенного в делах (в Сеуле) к Королю носят, по-видимому, характер взаимного расположения. В течение четырехлетнего пребывания <...> Вебера в Сеуле молодой Король имел время привыкнуть к нему более, чем к кому-либо из представителей других держав, которые очень часто менялись» [Пак 2004: 17].

Благодаря тому, что у Вебера сложились такие теплые и доверительные отношения с корейским двором, он смог привести действительно уникальные фотографии.

Условно коллекцию можно разделить на три группы: дипломатическая миссия (6 фотографий), дворец Кёнбоккун (경복궁(景福宮), (3 фото), виды Сеула (8 фото).

На фотографиях мы можем увидеть, как выбиралось место и строилось здание русской миссии в Сеуле. Руины русской миссии до сих пор находятся в Сеуле и зарегистрированы в качестве «Исторического объекта местного значения № 253» (서울특별시 중구 정동(貞洞). 사적 제253 호) (CD, рис. 2). Историческое значение здания русской миссии трудно переоценить. Именно там укрылся король Кочжон в 1896 г., после того как осенью 1895 г. японцы совершили нападение на дворец и убили королеву Мин. Он пробыл на территории миссии около года. Фотографий русской миссии в исследовательской литературе встречается немало. Однако, насколько нам известно, материалов по за-

кладке первого камня и строительству не так много. Серия фотографий иллюстрирует весь процесс строительства русской миссии. С этой точки зрения данные фотографии являются еще и полезным материалом для исследования вопросов по истории Сеула и современной архитектуры в Корее. В тот период на территории Корейского полуострова было воздвигнуто всего несколько каменных зданий, и многие не дожили до наших дней. В связи с этим можно говорить об особой ценности этих материалов.

Кроме того, в коллекции хранится фотография с надписью: «Канцелярия миссии в Сеуле» (CD, рис. 3). Рискнем предположить, что этот снимок мог быть сделан еще до того, как началось строительство основного здания миссии, но после подписания договора в 1884 г. Таким образом, в нашем распоряжении оказывается интересный фотофакт о первых шагах работы дипломатической службы России в Корее. На фотографии — небольшой одноэтажный дом с традиционной черепичной крышей с загнутыми вверх концами, но с кирпичными стенами, застекленными окнами и только одной входной дверью. Несмотря на внешнее сходство с традиционным корейским *ханок*, внешний вид этого дома несколько отличается от традиционного корейского. Очевидно, этот дом был перестроен на европейский лад. Однако для подтверждения выдвинутой версии необходимо обращение к архивным материалам, посвященным первым годам работы миссии.

В фотографиях Вебера перед нами предстает дворец Кёнбоккун, еще не оскверненный преступным убийством японцами королевы Мин. Именно королева была одним из наиболее активных сторонников отношений России и Кореи. Она верила в то, что активные контакты с Россией помогут ее стране в скором времени разрешить клубок проблем, в котором она оказалась, и это принесет позитивные плоды в развитии Кореи. Она настойчиво противостояла японскому влиянию в Корее, что не могло не сказаться на негативном отношении к ней значительной части корейского двора, поддерживавшей отношения с Японией. Ценой прорусской ориентации стала жизнь королевы.

На фотографии Вебера (№ 1679-9) (CD, рис. 4) очень живописно выглядит круглый павильон Хянвончжон (향원정 香遠亭) на острове. При сравнении с современным видом этого павильона можно найти много отличий. Основное из них — внешний вид и расположение мостика к островку. Во времена Вебера мостик был направлен на северную сторону и был дугообразным, а сейчас мостик прямой и смотрит на юг. По мнению некоторых специалистов, направление моста было изменено японцами в начале XX в.

Третья группа фотографий посвящена Сеулу. Шесть отдельных снимков образуют полную панораму Сеула. На них перед нами предстает Сеул конца XIX в. Причем фотографии не только охватывают центральную, дворцовую, часть города, но и включают отдаленные районы. Вместе с тем горный ландшафт, окружающий Сеул, очень хорошо определяется. Благодаря этим снимкам мы можем увидеть расположение столицы в ландшафте и при тщательном рассмотрении планировку города. Широко известно, что после японской аннексии город подвергся серьезной перепланировке, поэтому в дальнейшем при изучении истории Сеула содержание этих снимков может оказаться весьма полезным.

Тематика фотографий из коллекции Вебера весьма ограничена. На них мы видим только здание русской миссии и различные этапы его строительства,

виды дворца Кёнбоккун, общий план Сеула и несколько пейзажей. Однако сама фигура собирателя, его роль в формировании истории Кореи нового времени указывают на то, что эти фотографии обладают определенной исторической значимостью, и позволяют надеяться, что исследование этих материалов будет продолжаться.

Если коллекция Вебера иллюстрирует первый этап российско-корейских отношений, то материалы, о которых речь пойдет ниже, относятся к наиболее интенсивному периоду двухсторонних взаимоотношений.

В МАЭ хранятся несколько коллекций, собирателем которых значится С.Н. Сыромятников. Они были приобретены музеем в 1940 г. у т-ща И.К. Собоневского, зятя С.Н. Сыромятникова. Среди них есть и иллюстративная коллекция И-1521. Всего в коллекции насчитывается 39 фотографий. Фотографии среднего размера наклеены на синий паспарту, а крупноформатные снимки — на красном. Одна фотография на белом паспарту, и одна — без паспарту.

Из текста краткой биографии, опубликованной в первой русской энциклопедии «Брокгауза и Эфрона» в 1907 г. мы узнаем, что С.Н. Сыромятников (1864—1933) — талантливый публицист, историк, востоковед и филолог, свободно владевший многими европейскими языками и несколькими восточными. Он впервые познакомил русскую читающую публику в своих переводах с древнеисландскими сагами, поэзией французских символистов, японскими средневековыми хрониками, произведениями китайских и индийских писателей. Также там сказано, что Сыромятников публиковался под псевдонимом Сигма в крупных петербургских газетах «Новое время» и «Санкт-Петербургские ведомости». Из энциклопедии мы узнаем, что в 1897 г. он принял участие в посольстве кн. Ухтомского и посетил Китай и другие страны Дальнего Востока.

Князь Э.Э. Ухтомский был известным в России ценителем культуры Востока. Он неоднократно участвовал в посольствах на Дальний Восток, в том числе и в 1891 г., сопровождая будущего императора Николая II в его кругосветном девятимесячном путешествии. Считается, что именно с этого момента началась серьезная политическая карьера князя. Отношение к нему современников было неоднозначным. Многие ценили его знания и увлеченность Востоком, но вместе с тем порой отмечали его непоследовательность и даже неаккуратность в ведении дел государственной важности. Несмотря на это, в истории России он остался как один из активных дипломатов, осуществлявших посредническую деятельность в русско-тибетских и особенно русско-китайских делах. Посольство в Китай 1897 г., возглавляемое Э.Э. Ухтомским, было предпринято в качестве ответа на посольство 1896 г. во главе с фактическим министром иностранных дел Китая Ли Хун-чжаном (1823—1901). Тогда Ли Хун-чжан отправился в Санкт-Петербург на секретную встречу с тогда еще цесаревичем Николаем Александровичем.

Китаю была обещана военная помощь против Японии, для чего предполагалось построить железную дорогу к одному из портов на Желтом море. На подписание договора в Пекине и был направлен Ухтомский. Хочется отметить, что с первой половины XIX в. разработка «китайского вопроса» во внешней политике России играла все более существенную роль. Территориальное соприкосновение, начало узаконенных торговых отношений, «опиумные» вой-

ны — все это вело к интенсификации отношений с Китаем. В 90-х годах XIX в. русско-китайские отношения вступили в новую, более активную фазу. Оказав помощь Китаю в урегулировании вопросов японо-китайской войны (1894—1895) русская дипломатия окончательно обозначила конфронтацию с Японией и четко указала на свои интересы в Китае и в целом на Дальнем Востоке. Русские интересы в регионе демонстрируются началом строительства дальневосточной части Транссибирской магистрали (1891) и основанием Русско-китайского банка (1895). Таким образом, роль этого посольства была велика. Однако подробное рассмотрение данного вопроса выходит за рамки статьи. Скажем только, что участие Сыромятникова в этом путешествии свидетельствует о его непосредственном участии в обсуждении и проработках некоторых важных вопросов внешней политики Российской империи.

По воспоминаниям одного из участников посольства, через какое-то время некоторые его члены стали разбредаться по разным направлениям. Через какое-то время решил покинуть миссию и Сыромятников и посетить другие страны Дальнего Востока, в том числе и Корею. Мое предположение основывается на тех статьях, которые опубликованы в газетах. Статьи о путешествии по территории Корейского полуострова были опубликованы в газете «Новое время» в конце 1897 — начале 1898 г.

Очерки рассказывают о том, как их автор прибыл в Корею из Японии, бродил по Пусану, посетил порт Чемульпо (제물포(濟物浦)) (современный город Инчхон) и даже был на аудиенции у короля Кочжона в «королевском городе»!

Начав свой визит на Дальний Восток приездом в Китай, Сыромятников пробыл там около трех месяцев, предположительно с мая по начало августа. Затем он отправился в Японию, где пробыл не более месяца. На протяжении всего путешествия он периодически отправлял свои отчеты в газету «Новое время», которая публиковала их частями. Эти отчеты, по-видимому, составлялись и отправлялись по завершении этапа передвижения. Так, последний отчет по итогам пребывания в Японии, опубликованный в трех октябрьских номерах [Сыромятников 1897: № 7778, 7779, 7780], был отослан из Сеула и датируется 25 августом (по старому стилю) 1897 г. По итогам путешествия по Корее он отослал в газету два больших отчета. Первый датируется 13 сентября (ст. с.) 1897 г., место написания Сеул. Он был опубликован в семи номерах [Сыромятников 1897: № 7783, 7800, 7801, 7808, 7810, 7816, 7835]. Второй датируется 10 октября (ст. с.) 1897 г., местом написания значится Владивосток. Этот отчет был опубликован в четырех номерах [Сыромятников 1897: № 7849, 7850, 7856, 7871]. Эти отчеты публиковались в период с начала ноября 1897 г. по конец января 1898 г. Таким образом, можно предположить, что Сыромятников находился на территории Кореи со второй половины августа по середину октября 1897 г., т.е. около двух месяцев.

1897 — важный год в истории русско-корейских отношений. Как упоминалось выше, после убийства в 1895 г. королевы Мин король Кочжон с февраля 1896 г. укрылся в русской миссии, где прожил почти год до февраля 1897 г. Нахождение в русской миссии позволило королю взять передышку, начать наводить порядок и переводить под свой контроль дела, собрать вокруг себя людей, которых он считал союзниками. Годичное пребывание короля в русской миссии не могло не отразиться положительно на русско-корейских отношениях.

За период с 1896 по 1897 г. были осуществлены важные для развития двусторонних отношений проекты, которые в свою очередь оказали огромное влияние на состояние внутренних дел Кореи. Из России были направлены военные инструкторы для подготовки корейской армии, боевое состояние которой было очень слабым. Был командирован чиновник таможенного ведомства К.А. Алексеев, который позже был назначен главным советником корейского министерства финансов. Обсуждались вопросы об открытии русско-корейского банка и строительстве телеграфных линий. Именно в такой важный период Сыромятников оказался в Корее.

Сыромятников прибыл в Корею из японского города Кобе в Пусан (CD, рис. 5), откуда на том же самом корабле отправился в Чемульпо, а оттуда в Сеул. В Сеуле Сыромятников провел около 20 дней. За это время он успел хорошенько осмотреть Сеул. Он описывает торговые ряды на Чонно, где купил на вес несколько книг по географии и истории Кореи, повстречался с большой каменной черепахой и пагодой, которые сейчас называются Pagoda park, совершил поход на Намсан, познакомился с русскими военными инструкторами, посетил русскую школу Бирюкова¹, был на аудиенции короля Кочжона в малом дворце и побывал также в большом «королевском городке».

Какой же был основной мотив визита Сыромятникова в Корею?

К середине 90-х годов значение Кореи во внешней политике России значительно увеличилось, русско-корейские отношения стали рассматриваться как важные и перспективные. В российском обществе стал появляться особый интерес к Корее и формироваться образ Страны утренней свежести. Для этого необходимы были собственные специалисты по языку и культуре. Материалы по Корее, описывавшие ее географию, историю, культурное своеобразие, выходили небольшими заметками в различных газетах, журналах и даже отдельными тонкими брошюрками. Кроме того, информация о Корее публиковалась и в закрытых изданиях военных ведомств.

Нельзя исключать возможности того, что С.Н. Сыромятников имел особые поручения, отправляясь на Дальний Восток и в Корею.

Целью его поездки, по-видимому, было собрание разнообразной информации о Корее, но в первую очередь материалов, касавшихся корейской культуры. Фотографии, собранные им, свидетельствуют об этом.

Отвечавшие за развитие дальневосточной политики люди отдавали себе отчет в том, что при выработке стратегических схем для поддержания своих интересов в данном регионе нельзя ограничиваться только лишь знаниями по военному делу или по экономике. Требовалось не только знание политических и военных компонентов жизни корейского общества и власти, но и сбор информации о повседневной жизни корейцев. Именно поэтому необходимо было мнение специалиста, который был бы знаком с дальневосточной культурой и мог бы собирать информацию по культуре Кореи. Сыромятников для этой роли подходил как нельзя лучше. Именно ему, как квалифицированному и, главное, увлеченному изучением Востока ученому, было доверено решение

¹ Николай Бирюков (?–1916) — отставной артиллерийский капитан, служивший в Приамурском крае и работавший с корейским переселенцами. Он был приглашен корейцами в Сеул в качестве преподавателя в русскую школу, открытую корейским правительством наподобие уже существовавших американских, английских, французских, японских.

этих задач. Кроме того, он хорошо владел словом, был интересующимся и наблюдательным человеком.

Его публикации в открытой печати были направлены на формирование положительного образа Кореи и формулирование идеи о позитивной роли России в данном регионе. Он один из первых пытался донести до широкой публики в России приобретенные знания о Корее не только в виде ряда опубликованных им статей в газетах. Так, в сохранившихся в архивах отрывках его переписки содержатся упоминания о том, что сразу по возвращении из экспедиции в конце 1897 г. он ходатайствовал о разрешении прочитать в Петербурге публичную лекцию на тему «По Дальнему Востоку. Прошлое, настоящее и будущее Китая, Кореи и Японии», а позже — о чтении лекций по корейской литературе на литературных собраниях («пятницах»), организованных известным русским поэтом и литератором Я.П. Полонским.

Данные утверждения основаны на анализе опубликованных в газетах материалов и работе с музейными коллекциями. Каких-либо документальных свидетельств о специальных назначениях или командировках Сыромятникова в 1897 г. пока не найдено. Большинство моих выводов и предположений строятся исключительно на доступных сохранившихся данных.

Его статьи в газетах выдают вдумчивого, наблюдательного, профессионального специалиста по Востоку. Описания окружающей действительности, будь то природа, культурный ландшафт, общение людей, даны очень профессионально, со знанием и уважением к наблюдаемому. Очевидно, что автор владеет тем материалом, который описывает.

Из публикаций следует, что он планировал объехать весьма обширную территорию как вдоль берегов, так и внутрь страны. «Собираясь на Дальний Восток, я имел в виду главным образом путешествие по Корее. Мне хотелось не только выяснить политическое положение этой страны <...> но мне важно было проехать Кореей вдоль и поперек, чтобы познакомиться с ее естественными условиями, ее народом, ее хозяйством, ее промыслами и торговлей. Кроме того, меня занимали буддийские монастыри в Корее, которая просветила буддизмом Японию. <...> Я знал, что в большом монастыре Тондоса к СЗ от Фузана, в провинции Кёнсан, есть богатая библиотека, в которой хранятся, и может быть не в одном экземпляре, все священные книги буддизма. Поэтому я составил план своего путешествия так, чтобы сочетать изучение страны с посещением буддийских монастырей».

Но, как писал С.Н. Сыромятников, погода и «разные другие обстоятельства, не зависящие от моей воли» не позволили ему реализовать намеченный план. Он ограничился поездкой из Сеула на Кымгансан, а затем на север в Вонсан.

В рукописном отделе библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского университета хранятся книги из собрания С.Н. Сыромятникова. Отобранные им в путешествии по Корее книги косвенно отражают оценку русских ученых того уровня знаний по Корее, который был необходим. Весьма существенно и то, что при изучении этих книг мы получаем комплексное представление о стране: о ее географии, государственном устройстве, истории, языке, быте, религии и культуре, этике населяющего ее народа, т.е. комплекс начальных сведений.

В некоторых статьях Сигма в мягкой, но настойчивой форме указывает на необходимость скорейших действий в Корее, и не только оружием и деньга-

ми, но главным образом деятельностью образовательно-просветительского характера. В своих статьях он постоянно подчеркивает свою нелюбовь к Японии и японцам, отмечая их «агрессивное и злое» стремление возвыситься над другими народами Востока и называя это стремление неловким и неумелым.

Таким образом, еще одна задача, которую ставил в своих публикациях Сыромятников, — не только рассказать о Корее, но и повлиять на общественное мнение в тот самый момент, когда политика России на Дальнем Востоке и в частности в Корее, с одной стороны, имела результативное движение вперед, но с другой — отличалась неопределенностью и даже противоречивостью.

К сожалению, необычайно обширная по тематике и огромная по объему работа, которую вел до самой смерти востоковед Сергей Николаевич Сыромятников, практически неизвестна современным исследователям. В силу сложности тех исторических перипетий, в которые попала в начале XX в. Россия, многое из архивов и даже опубликованных работ оказалось потерянным или сокрытым. Сейчас во многом благодаря усилиям родственника-энтузиаста, внучатого племянника Бориса Николаевича Сыромятникова, удастся по крупицам собирать если даже не сами труды этого выдающегося человека, то хотя бы следы, намеки, упоминания о нем в переписках, газетных объявлениях, воспоминаниях. Многие выдающиеся отечественные востоковеды активно сотрудничали с ним, «опальным» после революции 1917 г. ученым. Драматические события октября 1917 г. в России и хозяйственная разруха, вызванная длительной Гражданской войной (1918–1922), явились главными причинами ухудшения жизни всего населения страны. В том числе и Сыромятникова, который отказался открыто поддерживать советскую власть. Его судьба после революции весьма печальна. Даже его родственники знают о ней мало. Его обширный архив был потерян. Известно, что он с 1924 г. по 1926 г. работал в Ленинградском институте живых восточных языков им. Янукидзе, а в 1925 г. продал свою библиотеку в Ленинградский государственный университет.

Еще до революции Сыромятников познакомился с известным в России китаеведом Василием Михайловичем Алексеевым (1881–1951). Некоторые письма из их переписки были опубликованы. В одном из них, датированном 15 октября 1924 г., Сыромятников приглашает своего коллегу к себе домой по случаю приобретения дров и протапливания квартиры, а заодно «посмотреть коллекцию по Корее Coreana. Есть и коллекция по Японии Japonica. А с 24-го будет давать тепло центральное отопление, и я примусь за мемуары о Корее». Эта фраза свидетельствует о том, что у него была весьма обширная коллекция по странам Востока, часть которой, связанная с Кореей, и поступила в 1940 г. в МАЭ РАН. Интересны также материалы его переписки с Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем (1873–1955), одним из видных политических деятелей первых годов Советской власти, отвечавшего за развитие культуры и науки. В своих письмах он последовательно указывает на важность развития для молодой Советской России вопросов дальневосточной политики в связи с укреплением позиции в регионе Японии. Только такие обрывки информации остались нам от постреволюционной жизни Сыромятникова. Место его захоронения до сих пор не известно. Он умер 10 сентября 1933 г.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что этот человек внес ощутимый вклад в исследование материальной и духовной культуры Кореи.

В целом фотографии из коллекции Сыромятникова можно разделить на две большие части, которые условно можно назвать «постановочные» и «пейзажные». К «постановочным» относятся фотографии, композиция которых носит явно режиссированный характер (CD, рис. 6). Некоторые снимки делались в ателье. Такие фотографии навряд ли были сняты самим Сыромятниковым, они могли быть приобретены им или пересняты из других изданий.

К «пейзажным» относятся фотографии с видами Сеула, корейских улиц, бытовыми сценами и др. Эти фотографии являются своеобразными иллюстрациями посещений Сыромятниковым разнообразных регионов Кореи, его общения с разными слоями корейского населения, от короля, о чем мы узнаем из заметок, до земледельца-поселянина. Однако отсутствие комментариев к фотографиям и даже подписей очень сильно затрудняет их идентификацию.

На фотографиях Сыромятникова мы видим обилие портовых городов, рек и горных пейзажей. Особенно детально и живо предстают улицы корейской столицы, по которым ему не раз приходилось бродить. На фотографиях есть торговые ряды, где продают изделия из латуни (столовые наборы, палочки, ложки, подсвечники *ихоттэ*, светильники *тынгён* и др.) (CD, рис. 7), изделия из соломы (огромное количество соломенных лаптей чипсин, веревки, корзины, циновки, мешки и др.).

Также на фотографиях запечатлены встречи с русскими подданными в Корее. Например, фотография, сделанная на фоне кирпичного дома европейской архитектуры, перед которым расположилась группа сидящих и стоящих небогатых корейцев в ватных *чогори* и *пачжи*, без шляп *кат*, но с повязанными на головах платками. В центре этой группы сидит человек европейской внешности в русской военной форме. Вероятно, это один из русских подданных, прибывший в Корею по служебным делам, военный инструктор или преподаватель (CD, рис. 8).

Особого внимания, на мой взгляд, заслуживает фотография, которая первоначально в музейной описи была определена как «Рыночная площадь». На ней на фоне горы видны длинные строения в корейском традиционном стиле, перед которыми много людей. При первом взгляде это действительно можно назвать рыночной площадью. Однако при подробном рассмотрении контур горы в центре снимка напоминает гору Наксан, с востока прикрывающую дворец Кёнбоккун. В левой части снимка видны несколько попавших в кадр каменных арочных пролетов и деревянные перекрытия, напоминающие ворота Кванхвамун, главные ворота королевского дворца Кёнбоккун. Таким образом, можно смело предположить, что эта фотография была снята на Юкчо, дороге шести министерств (современная дорога Короля Сечжона), т.е. прямо перед дворцом. Внимание большинства людей на фотографии обращено в центр. Там виднеется напоминающий паланкин предмет, который несут несколько людей в траурной одежде, а перед паланкином несут шест с развевающимся полотнищем с иероглифической надписью (неразборчивой). На всех мужчинах на переднем плане фотографии надеты белые (!) шляпы *кат*, которые носили исключительно в дни траура. Таким образом, можно предположить, что это время государственного траура. Из предыдущего повествования ясно, что фотография могла быть сделана во второй половине 1897 г. Известно, что после убийства королевы Мин под давлением японцев она была лишена всех титулов, но затем, после укрытия короля в русской миссии и стабилизации внут-

риполитической ситуации, была реабилитирована и государственные похороны состоялись в ноябре 1897 г. Можно предположить, что этот снимок был сделан возле дворца в 1897 г. в период государственных похорон королевы Мин и, возможно, демонстрирует какое-то связанное с похоронами церемониальное действие.

В коллекции Сыромятникова есть еще одна фотография, где присутствует много людей в траурной одежде, как будто ожидающих начала церемонии (И-1521-22) (CD, рис. 9).

Среди иллюстративных материалов по Корее конца XIX — начала XX в. есть один фотоальбом среднего размера с зеленой обложкой. Сам альбом и фотографии, входящие в него, зарегистрированы как коллекция № И-2042. Зеленая обложка альбома украшена надписью теснением KODAK SOUVENIRS. Всего в альбоме 12 листов и 96 фотографий. На каждой странице размещено по четыре фотографии. Под каждой фотографией имеется надпись-комментарий черными чернилами. Размеры альбома 20×26 см. Размер фотографий небольшой — 7×9,5 см. На форзаце дарственная надпись: «Многоуважаемому Петру Казимировичу Яворовскому. На добрую память. Сер. Кишенский. 4 октября 1900 г.» К сожалению, информации о том, как этот альбом попал в МАЭ и кто был его непосредственным дарителем, не сохранилось. Опись, составленная Ю.В. Ионовой и хранящаяся в МАЭ, датируется только 1977 г. Этот документ содержит детальное описание фотографий и упоминание того, что все они были сделаны в период осенней экспедиции 1898 г. по северу Кореи под руководством Александра Ивановича Звегинцова.

Несмотря на то что опись содержит много информации, в альбоме таится парадоксальное сочетание информативности и загадочности. Информативность альбома заключается в обилии фотографий самого разного характера: виды корейской природы, а также корейских городов и деревень конца XIX в., их жителей, что позволяет взглянуть на уклад жизни корейского общества в один из самых трудных периодов его истории. Загадочность этого альбома формулируется вопросом, который невольно приходит на ум при первом же взгляде на эти снимки: что же привело в корейские города и деревни русских путешественников?

Для ответа на этот вопрос необходимо вновь обратиться к русско-корейским отношениям. Ко второй половине 1898 г. влияние России в Корее стало постепенно угасать. Король Кочжон был вынужден отказаться от помощи военных инструкторов, которые прибыли в Сеул в 1897 г. Советник министерства финансов Алексеев, который был командирован в Сеул для консультаций по экономическим и финансовым вопросам, был отозван, а Русско-Корейский банк фактически прекратил свою работу. Вместе со снижением роли России политическое, экономическое и военное влияние Японии в Корее стало интенсивно развиваться, несмотря на подписание между Россией и Кореей договора от 25 апреля 1898 г. о невовлеченности в корейские дела. Безусловно, основной целью российского правительства было укрепление безопасности России на Дальнем Востоке. Эта цель была тесно связана с «корейским вопросом». Однако постоянное активное участие России в корейских делах вызывало серьезные трения с Японией, с незапамятных времен рассматривавшей Корейский полуостров как зону своего влияния.

Таким образом, с одной стороны, согласно официальной позиции, к середине 1898 г. царское правительство на неопределенное время отказывалось от активной деятельности в Корее и делало попытки к разрядке напряженности в регионе путем полюбовного соглашения с Японией. С другой стороны, в некоторых близких к русскому правительству сферах успела упрочиться мысль о желательности и возможности для России сохранить определенное влияние на Корейском полуострове втайне от Японии.

Активным сторонником и реализатором второго подхода стал отставной офицер Александр Михайлович Безобразов (1855–1931). Одним из его предложений по незаметной вовлеченности в дела Кореи стало приобретение лесной концессии, располагавшейся на русско-корейской границе вдоль рек Туманкан и Амноккан. Эта лесная концессия принадлежала русскому купцу из Владивостока Бриннеру с 1896 г. Однако он не смог организовать выгодного дела и собирался ее продавать. Вот тут-то и возникла идея перекупить у Бриннера эту концессию и под организацией торгового дела сохранить влияние в регионе. Одним словом, использовать эти территории не только для торговых, но и для геополитических и стратегических целей. В ходе ряда операций концессия была приобретена в мае 1898 г.

Следующим шагом было исследование региона, для чего была организована большая экспедиция по северу Кореи. Именно фотографии этой экспедиции и хранятся в альбоме с зеленой обложкой, зарегистрированном под № И-2042.

Вопрос о лесной концессии вызывал много споров и дискуссий в русском правительстве на рубеже столетий [Пак 1997: 81]². В книге «Пролог Русско-Японской войны», вышедшей под редакцией Б.Б. Глинского в 1916 г., мы находим вполне конкретное упоминание об экспедиции в северную Корею именно в связи с лесной концессией Владивостокского купца Бриннера [Там же: 82]³. Необходимо отметить и тот факт, что Б.Б. Глинский издавал эту книгу по материалам архива министра финансов С.Ю. Витте, который был весьма влиятельной фигурой не только в экономической, но и в политической жизни страны в 90-х годах XIX в. и играл заметную роль в разработке программ, направленных на усиление России на Дальнем Востоке. Глинский пишет: «Для обозрения лесных и горных богатств Севера Кореи и с целью определения, насколько можно было бы воспользоваться ими для учреждения устойчивого торгового дела, в страну в конце 1898 г. была отправлена особая экспедиция, во главе со штабс-ротмистром Звегинцовым, в составе подполковника барона Корфа, инженера Михайловского, Сафонова, Кишенского, статского советника Тихонова, надворного советника Юденича и дворянина С.Н. Сыромятникова (он же Сигма, тогдашний публицист “Нового времени”). Кроме того, для объединения работы членов экспедиции на Дальний Восток был командирован тайный советник Непорожнев» [Пролог 1916: 249]. Глинский также пишет, что министр финансов не был посвящен в дело подготовки экспедиции и узнал о ее проведении значительно позже.

В монографии «Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея», написанной и изданной на русском языке в 1997 г., корейский исследователь Пак Чон

² Подробнее см.: [Пак Чон Хё 1997].

³ Подробнее см.: [Пак Чон Хё 1997].

Хё также упоминает об экспедиции в северную Корею под руководством А.И. Звегинцова в связи с вопросом о приобретении лесной концессии Бринера [Пак 1997: 81–84]. В ходе рассуждения автор оперирует информацией, полученной из архивных документов. Он пишет, что 26 февраля (10 марта) 1898 г. граф И.И. Воронцов-Дашков представил «Записку» императору Николаю II. «В документе характеризовалось положение России на Дальнем Востоке и обосновывалась настоятельная необходимость проведения ряда мер для исправления ситуации: 1) перехватить концессию Бринера; 2) отправить особую экспедицию для осмотра лесных богатств Кореи и всестороннего исследования севера этой страны, а также попытаться мирными средствами захватить этот регион <...> 30 апреля (12 мая) великий князь Александр Михайлович и граф И.И. Воронцов-Дашков подали Николаю II “Записку” о необходимости срочной отправки экспедиции в Северную Корею» [Там же: 81]. Далее автор пишет о том, что Николай II одобрил идею с экспедицией и назначил ее исполнительными руководителями А.М. Безобразова и В.М. Вонлярлярского [Там же: 82].

Приводимые цитаты ясно демонстрируют, что осенняя экспедиция 1898 г. была организована при участии влиятельных людей того времени. Упоминание о том, что сам император благословил проведение экспедиции, свидетельствует о большой важности последней. Кроме того, на основе вышеизложенного можно сделать вывод, что экспедиция была тесно связана с деятельностью А.М. Безобразова и В.М. Вонлярлярского — фигур, оказавших заметное влияние на ведение политики Российской империи на Дальнем Востоке. Эта экспедиция по сути дела стала одним из первых плодов работы группы лиц, результаты которой вошли в историю России под весьма неблагозвучным названием «безобразовщина». Описание характера их влияния и его оценка являются предметом отдельного исследования, выходящего за рамки темы, определенной в заглавии статьи.

Тем не менее участие в организации этой экспедиции таких фигур, как А.М. Безобразов, В.М. Вонлярлярский, Великий князь Александр Михайлович и граф И.И. Воронцов-Дашков, побудило нас обратиться к архивным материалам.

В фонде № 917 (Вонлярлярские) Российского государственного исторического архива (РГИА) хранятся два дела, имеющих непосредственное отношение к этой экспедиции.

В деле № 4 хранится «Отчет о ходе ВЫСОЧАЙШЕ возложенного на ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА, дела о Корее в 1898–1899 гг.». Отчет подписан полковником гвардии в отставке Вонлярлярским 1 (14) августа 1899 г. В деле № 5 — финансовые документы по осенней экспедиции 1898 г. и подробные аттестации всех участников экспедиции за подписью Звегинцова (без даты).

Анализ этих документов позволяет увидеть следующую картину.

После встречи в Петербурге в первых числах января 1898 г. полковника Вонлярлярского и вновь назначенного уполномоченным России в Сеуле действительного статского советника Матюнина возникла идея о покупке концессии Бринера. Через высокопоставленных вельмож 26 февраля (10 марта) императору Николаю II была подана «Записка», в которой предлагалось приобрести концессию Бринера, так как «эта концессия давала право проводить

дороги, держать лесную стражу и т.п., словом, хозяйничать в северной Корее. Для осмотра этих лесов могла быть отправлена экспедиция, которая, не возбуждая толков и дипломатических запросов, исследовала бы все стороны северной Корею» [РГИА. Ф. 917. Оп. 1. Д. 4. Л. 1]. В начале мая 1898 г. последовало «ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение на отправление экспедиции с утверждением списка участников» [Там же. Л. 3 об.].

В состав экспедиции «снаряженной для исследования лесов северной Кореи, вошли:

1) Начальник экспедиции — поручик (ныне штабс-ротмистр) Кавалергардского ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ полка Звегинцов.

2) Вице-инспектор Корпуса Лесничих статс. сов. Тихонов.

3) Горный инженер кол. асс. Кишенский.

4) С.Н. Сыромятников (Сигма).

5) Льготный урядник терского казачьего войска Сеоев [Там же].

В конце мая 1898 г. экспедиция вышла из Петербурга, а 12 (25) июня 1898 г. «из Одессы ушла на пароходе Добровольного Флота “Воронеж”» [Там же. Л. 4].

Ввиду обилия предстоящих работ 13 (26) июня 1898 г. Николаю II вновь была подана Записка, «в которой высказывалась крайняя важность изысканий путей сообщения между Владивостоком и Порт-Артуром и необходимость дополнительной экспедиции, в которую вошли бы: офицер, инженеры Путей Сообщения и врач» [Там же. Л. 5].

Список участников 2-ой экспедиции был утвержден Николаем II 25 июня (8 июля) 1898 г.: «В состав этой экспедиции вошли:

1) Ober-офицер для особых поручений при начальнике Закаспийской области, капитан (ныне подполковник) барон Корф (он был откомандирован для сего от Главного Штаба в распоряжение командующего ИМПЕРАТОРСКОЙ Главною Квартирою).

2) Инженер Путей Сообщения кол. сов. Михайловский.

3) Инженер Путей Сообщения кол. секр. Сафонов.

4) Техник Путей Сообщения Борминский.

5) Врач Акифьев.

6) Осетин Бекир Гамазов

Все эти лица отправились из Петербурга сухим путем через Сибирь. Этот путь был выбран для выигрыша времени, так как предполагалась возможность быстро проехать по Сибирской жел. дор. почти до Иркутска, а затем на почтовых и пароходе по р. Амур <...> Последовательными телеграммами, посылаемыми с пути членами экспедиций на имя Вонлярлярского, было известно, что все они благополучно прибыли к месту назначения: поручик Звегинцов прибыл с Кишенским во Владивосток 21 июля (3 августа), а Непорожнев с Тихоновым, Сыромятниковым и Юденичем 28 июля (10 августа) в Сеул. 2-ая экспедиция добралась с трудом до Владивостока к 23 августа (5 сентября), так как была задержана падежом лошадей (сибирской язвой) и мелководьем рек Шилки и Амура <...> Экспедиционный караван выступил из Ново-Киевска 9 (22) сентября несколькими партиями, чтобы охватить возможно больший район. Работы инженеров Путей Сообщения должны были сосредоточиться по руслам, долинам и водоразделам рек Тумень и Ялу, на горном хребте Чан-бо-Шан и на горе Пек-ту-сан; лесничий и горный инженер должны были исследовать, каждый по своей спе-

циальности, возможно большее пространство. Г.г. офицеры должны были собирать статистический, экономический и специально военный материал, и на всех членов экспедиции было возложено производство маршрутных съемок. Выступление экспедиции было задержано особенной продолжительностью дождливого периода в 1898 г.» [Там же. Л. 5–7] (CD, рис. 10).

В своем отчете Вонлярлярский уделяет значительное место описанию организационных проблем, возникших в Петербурге, по его мнению, из-за «недоверия к организаторам дела». Он упоминает также о переписке между ним и министром двора бароном Фредериксом, Вел. кн. Александром Михайловичем, о мнении различных министров о данном мероприятии и о том, что министр финансов Витте посвящен в дело не был [Там же. Л. 3]. Мы не будем подробно останавливаться на отношениях между собой руководства страны, потому что это скорее относится к изучению истории России. Тем не менее хочется отметить, что если все было так, как пишет Вонлярлярский, то после знакомства с этой частью отчета остается чувство глубокого сожаления от того, как легкомысленно и безответственно велись порой дела государственной важности.

Все же «27 октября (9 ноября) инженер Михайловский первый окончил свое задание и вышел в Порт-Артур, выдержав на дороге нападение хулиганов. Остальная экспедиция задержалась в Корее дольше, чем предполагалось» [Там же. Л. 7–8 об.].

В конечном итоге все члены экспедиции благополучно съехались в Петербург и «принялись за составление предварительных отчетов» [Там же. Л. 9].

Некоторое время спустя «члены экспедиции представили предварительные отчеты, прекрасная самоотверженная деятельность участников была вполне выяснена» [Там же. Л. 10 об. — 11].

Затем 9 (22) марта 1899 г. «поручик Звегинцов и инженер Михайловский, и подполковник барон Корф 15 (28) марта имели счастье докладывать ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ свои путевые впечатления. 9 (22) марта 1899 г. Вонлярлярский удостоился услышать из уст ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА МОНАРШЕЕ спасибо за все сделанное, причем ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было выразить удивление, что в такое короткое время было сделано так много» [Там же. Л. 9 об.].

Впечатленный проделанной работой Николай II наградил участников экспедиции. Наградной список выглядел следующим образом: штабс-ротмистр Звегинцов, подполковник барон Корф и коллежский советник Михайловский представлены к награждению орденом Св. Владимира 4-ой степени; С.Н. Сыромятников — к ордену Св. Анны 3-ей степени и подарку по чину; коллежский секретарь Сафонов — к ордену Св. Анны 3-ей степени; статский советник Тихонов — к производству в действительные статские советники; коллежский асессор Кишенский — к производству в надворные советники; врач Акифьев — к ордену Св. Станислава 3-ей степени; техник Борминский — к награждению медалью на Георгиевской ленте с надписью «За храбрость» и почетному потомственному гражданству; Затем 8 человек получили медали с надписью «За усердие» для ношения на груди и 28 человек — денежные вознаграждения всего на 1040 рублей [Там же. Л. 11].

Что же так поразило Государя Императора?

За 94 дня (начало экспедиции 22 сентября 1898 г.) следования по Корее экспедиция смогла пройти по разным направлениям север этой страны и все-

сторонне ее исследовать: «произвела железнодорожные рекогносцировочные изыскания между Владивостоком и Порт-Артуром; исследовала с промерами и составила карту рек Туманган и Амноккан; исследовала леса северной Кореи насколько позволило время; произвела геологические, статистические, экономические, климатические исследования северной Кореи; было привезено много специально военных сведений; добыт обильный материал для карты северной Кореи на основании более 4500 км маршрутной съемки; 11 пунктов определены астрономически; исследован Порт Шестаков (совр. бухта возле мыса Сондо пров. Южная Хамген. — Д.С.) и выяснено его важное положение для России (отчеты инженера Сафонова и врача Акифьева); привезено убеждение, что население северной Кореи ждет прихода русских, весьма им симпатизирует и что японцы не успели завладеть северной Кореей; составлены путевые впечатления по Сибирской жел. дор. и по рекам Амуру, способные дать весьма ценный материал» [Там же. Л. 12 об.].

Результаты работы говорят сами за себя. Их достижению способствовала сложившаяся в коллективе атмосфера. В своем отчете Вонлярлярский отметил, что «вопреки почти обычному явлению, что из экспедиции все участники возвращаются врагами, настоящая экспедиция вернулась сплоченною, дружною, с отсутствием зависти к успехам товарищей и полная энергии продолжать работу, чтобы оправдать доверие посылавших. Дух экспедиции был таков, что, например, капитан барон Корф не только считался помощником поручика Звегинцова, но и был им в действительности. Поручик Звегинцов имел настолько такта, что остальные члены экспедиции, старше его летами и чином, несмотря на некоторую шероховатость в начале путешествия добровольно признали за ним главенство в конце. Обстоятельства создали дисциплину отношений, столь необходимую при ответственной дальней экспедиции. Только благодаря этому духу экспедиция могла сделать то, что сделала и благополучно вернуться домой» [Там же. Л. 9].

Из сказанного видно, что люди, участвовавшие в этой экспедиции, ответственно и профессионально подошли к исполнению поставленных задач. Несмотря на то что организацию этой экспедиции можно назвать продуктом авантюры ряда лиц, приближенных к императору, работа участников путешествия была выполнена на высшем уровне. Они воспринимали свою отправку в Корею как службу Родине, как работу на благо Отечества. Они профессионально выполняли поставленные задачи, как это и подобает русскому офицеру (в самом широком смысле этого слова). Они исполнили свою работу с чувством, долгом, ответственностью перед содеянным.

Вонлярлярский завершает свой отчет, датированный, напомним, 1 (14) августа 1899 г., следующей фразой: «После 18-ти месячных трудов, массы затраченной энергии целой группы лиц, после того как факты оправдали положения организаторов, когда они, по-видимому, заслужили доверия [неразбр.] приходится на всем деле поставить крест...» [Там же. Л. 14—14 об.]. Тем не менее дальнейшее развитие событий показало, что последняя точка в этом деле была поставлена намного позже. Активная деятельность Вонлярлярского и Безобразова продолжалась еще не один год. Однако это уже другая история.

Таким образом, фотографии из зеленого альбома были сделаны в период осенней экспедиции по северу Кореи, начавшейся 22 сентября 1898 г. Началь-

ником экспедиции был поручик кавалергардского полка Александр Иванович Звегинцов (CD, рис. 11). Экспедиция находилась в Корее 94 дня и успела проделать колоссальный объем работ. Был исследован большой и труднопроходимый участок севера Корейского полуострова вдоль рек Тумангана и Амнокана и между городами Нампхо и Вонсан. Основных участников экспедиции было 38 человек, 8 переводчиков и значительное число погонщиков и обозных из местных жителей [Там же. Д. 5]. Для того чтобы исследовать большую территорию, вся экспедиция была поделена на группы (партии). Принцип формирования партий, к сожалению, нигде не обозначен. Однако известно, что существовали две железнодорожные партии, двигавшиеся вдоль русла рек Туманган и Амноккан. Ими руководили Гарин и Сафонов. Были составлены также горная партия во главе с Сергеем Кишенским и лесная партия во главе с Василием Тихоновым, задачи которых были в исследовании лесного и горного богатства края (список всех участников экспедиции приводится в таблице 2). Все участники экспедиции были отмечены государственными наградами или денежными выплатами. Экспедиция была организована по инициативе гвардии полковника в отставке В.М. Вонлярлярского и действительного статского советника А.М. Безобразова, заручившихся при поддержке графа И.И. Воронцова-Дашкова покровительством императора Николая II. В связи с тем что к концу 1898 г. по вопросам ведения политики в отношении Кореи в русском правительстве возникли серьезные разногласия, эта экспедиция носила особый, тайный, характер даже для некоторых влиятельных членов российского правительства. Экспедиция, по мнению ее организаторов, должна была стать одним из шагов, которые помогли бы «завоевать Корею мирным путем» [Там же. Д. 4. Л. 1].

Материалы, полученные в ходе экспедиции, ввиду своей уникальности вылились в ряд выступлений и публикаций трудов стратегической важности.

Эти материалы можно рассматривать как своего рода официально опубликованные отчеты данной экспедиции. Хранящийся в Кунсткамере зеленый альбом и его фотографии не были частью официального отчета. Как известно, фотографии были сделаны горным инженером Сергеем Кишенским и помещены в зеленый альбом, подаренный П.К. Яворовскому, который в экспедиции не участвовал. П.К. Яворовский также был специалистом по горному делу и членом ИРГО (с 8 (21) мая 1896 г.) [Список 1906]. По всей видимости, они состояли в дружеских отношениях, и зеленый альбом был подарен просто «на добрую память». Эти фотографии создавались для того, что бы запечатлеть для себя непосредственные наблюдения, сохранить атмосферу пестрой панорамы из пейзажей, лиц, бытовых эпизодов, которая возникает у путешественника, знакомящегося с жизнью, доселе ему неизвестной. Благодаря этому у нас, жителей XXI в., появляется шанс увидеть корейские пейзажи, повседневную жизнь далекой корейской провинции конца XIX в., настоящие живые лица жителей этой части страны (CD, рис. 12). Через эти снимки у нас появляется возможность собственными глазами взглянуть на особенности жизненного уклада населения северных провинций Кореи (CD, рис. 13).

В таблице 3 приведены названия населенных пунктов северных регионов Корейского полуострова, а в таблице 4 — информация о том, на каких фотографиях представлены участники экспедиции.

Таблица 2

**Схема состава экспедиции по северу Кореи осенью 1898 г.
(по материалам аттестаций участников экспедиции,
составленным А.И. Звегинцовым¹)**

**Начальник экспедиции
ЗВЕГИНЦОВ Александр Иванович
Гвардии Поручик
Конвойный Соев Николай Степанович**

Помощник Начальника Экспедиции БАРОН КОРФ Николай Андреевич Армии Подполковник	Специалист по горной части Кишенский Сергей Павлович. Горный Инженер	Начальник 5-й партии Сыромятников Сергей Николаевич Кандидат Права	Специалист по лесной части Тихонов Василий Андреевич. Вице-Инспектор Корпуса Лесничих
Старший: Гамазов Бекир	Старший: Козлов Егор Наумович	Моргач	Старший: Низовцов
Шаталов Пит	Быстряков Проход	Переводчик: Пак Владимир	Грачик Михаил ²
Куценко Аким	Силин Иван		Гнать Павел
Журавлев Василий	Козлов Дмитрий		Капиткин Пуд
Переводчик: Афанасий Ким			Кахимов Абдул ³
			Колосов Дмитрий
			Борвинский Матвей
1-ая ж/д партия МИХАЙЛОВС- КИЙ НИКОЛАЙ ГЕОРГИЕВИЧ ИНЖЕНЕР П/С	2-ая ж/д партия САФОНОВ АНДРЕЙ ПЛАТОНОВИЧ ИНЖЕНЕР П/С		
Старший: Борминский Николай	Грошев Матвей		
Бибик Павел	Петров Андрей		
Беседин Федор	Бахирев Ульянов		
ХаповАбросим	Федотов Григорий		
Пищальников Иван	Кокорин Платон		

¹ РГИА ф. 917 (Вонлярлярские), оп. 1, д. 5, лл. 39 об — 57

² Числился также в 7-ой партии

³ Числился также в горной партии

Имя	Должность в экспедиции
Акифьев Иван Николаевич	врач экспедиции
Алексеев Иван	Старший в 3-ей парт
Гуляев Николай	Кузнец
Малафеев Иван	участник 7-ой партии
Ким Пётр	Переводчик в 1-ой партии (аттестация)
Ким Пётр	Переводчик: в 3-ей партии
Кен Ча Ни	Переводчик в 4-ой партии
Смирнский Николай (кореец)	переводчик в 6-ой партии
Пантелеймон Цой	Переводчик в 7-ой партии
Цой Пётр	переводчик в 8-ой партии

Комментарии: 1. По опубликованным материалам экспедиции (Приложении № 2) и доступным документам известно, что состав экспедиции был разбит на несколько групп (партий). Тем не менее нигде не удалось найти упоминания о принципе формирования групп (партий). Можно предположить, что группы (партии) формировались исходя из оперативной необходимости.

Наша схема состоит из двух частей: первая представляет собой таблицу, где участники экспедиции располагаются по принадлежности к группе (партии), существование которой удалось точно установить, вторая (куда входят не вошедшие в первую таблицу участники) — список с указанием должности в аттестации.

2. Прописными буквами выделены имена участников экспедиции, которые точно определены на фотографиях, входящих в состав коллекции И-2042 из фондов МАЭ РАН (Кунсткамеры) (Приложение № 5).

Таблица 3

**Некоторые географические названия
из надписей под фотографиями**

пп №№	Название в альбоме	Число фотографий в альбоме	Современное название
1	г. Кегенфу	6 (1-5, 7)	경흥 Кёнхын
2	р. Тумен-ула	2 (1, 4)	두만강 Туманган
3	р. Орунчонь	2 (6, 8)	오룡천 Орёнчхон
4	г. Чонгъ-Сонг	3 (13, 14, 17)	종성 Чонсон
5	г. Кангъ-ёнг	1 (15)	경원 Кёнвон
6	г. Херён	6 (21–25, 28)	회령 Хверён (CD, рис. 14)
7	г. Капсан	12 (43–48, 50–55)	갑산 Капсан (CD, рис. 15)
8	г. Гензан	4 (93–96)	원산 Вонсан

Таблица 4

Участники экспедиции (фотографии в альбоме)

пп №№	Имя	Число фотографий в альбоме
1	Звегинцов А.И.	5 (14, 28, 30, 33, 44)
2	Корф Н.А.	2 (49, 44)
2	Кишенский С.П.	1 (74)
3	Сыромятников С.Н.	3 (3, 5, 41)
4	Сеолев Н.С.	3 (28)
5	Козлов Е.Н.	16 (12, 14, 21–23, 25, 35, 44, 47, 48, 74, 84, 91, 93, 96)
6	Партия Кишенского С.П. (Быстряков П., Силин Н., Козлов Д.)	9 (11, 12, 21, 23, 36, 71, 72, 74, 75)
7	Партия Корфа Н.А. (Гамазов Б., Шаталов П., Куценко А., Журавлев В.)	1 (49)
8	Ким А.	2 (49, 44)

Иллюстративный материал, о котором рассказывалось выше, составляет основу корейского фонда. Тем не менее были единичные поступления, которые также заслуживают быть упомянутыми.

В коллекции по разным регионам под № 1073 есть фотография № 1073-15 под названием «Наказание вора в Корее» (CD, рис. 16). Собиратель этой коллекции — Трусевич Яков Иванович. Известно, что он работал врачом на крейсере русского добровольного флота «Россия» в период с 1878 по 1883 гг. Корабли русского Добровольного флота бороздили южные моря и достигали берегов Дальнего Востока. Вероятно, фотографии были приобретены в ходе одной из поездок за границу.

В смешанной иллюстративной коллекции 1695 имеются четыре фотографии, посвященные Корее. Фотографии наклеены на паспарту с красивыми рамочками золотого тиснения. На фотографиях изображены виды корейской рыболовецкой деревушки: небольшие лодочки, развешенные вдоль берега сети (CD, рис. 17). К сожалению, история поступления этих материалов в МАЭ РАН неизвестна. В имеющихся описях есть краткое упоминание, что фотографии были зарегистрированы в 1910 г. и собраны до 1888 г.

В фондах МАЭ РАН хранятся также коллекции почтовых открыток, изданных в Японии и иллюстрирующих корейский повседневный быт. Как известно, в 1910 г. Корея потеряла независимость и стала частью Японии. Эти материалы также представляют интерес с различных точек зрения. Мы можем рассматривать их как материал по политике Японии в Корее, а также как материалы по состоянию корейского общества в столь непростой период. Однако это задачи для будущих исследований. В рамках данной статьи мы затронем только самые общие факты, касающиеся истории приобретения этих коллекций.

В коллекции почтовых открыток за номером 2513 содержится 11 единиц хранения. Эти открытки были приобретены у Сергея Вениаминовича Геймана в марте 1914 г.

Известно, что С.В. Гейман вошел в историю науки как один из активных участников так называемой «студенческой экспедиции» в Южную Америку. Эта экспедиция была предпринята несколькими молодыми учеными разных специальностей с целью собрать разносторонний материал об этом регионе. Среди участников были и физиолог, и этнограф, и лингвист. Сам С.В. Гейман по специальности был экономистом.

Экспедиция продолжалась почти два года — с сентября 1914 г. по 1916 г. В ходе ее проведения участники предприняли беспрецедентное по тем временам путешествие и смогли собрать огромное количество разностороннего материала. По возвращении в Петербург коллекции были переданы в научные учреждения Петрограда и Москвы — в Зоологический и Этнографический музеи Академии наук, музей Ботанического сада, музей Московского университета, музей сравнительной морфологии имени П.Ф. Лесгафта. Таким образом, можно предположить, что у них были связи с МАЭ РАН.

Однако материалы по Корее в фонд Музея попали раньше начала экспедиции, в марте 1914 г. Вероятнее всего, что С.В. Гейман мог продать материалы для того, чтобы выручить какие-нибудь средства для организации экспедиции. К сожалению, то, как эти материалы попали к Гейману, на данный момент установить не удалось (CD, рис. 18).

Другая коллекция открыток была получена от Н.И. Конрада. На личности Н.И. Конрада хочется остановиться особо. Николай Иосифович Конрад (1891–1970), академик, выдающийся советский востоковед. В 1908 г. он окончил гимназию в Риге и в том же году поступил в Петербургский университет на китайско-корейское отделение. За годы учебы в университете установил тесные связи с Музеем антропологии и этнографии, ставшим к этому времени крупным научным учреждением. В 1912 г. Н.И. Конрад окончил Петербургский университет. В 1913 г. начал педагогическую деятельность в Киеве, в 1914 г. вернулся в Петербург. В этом же году Музеем антропологии и этнографии при поддержке Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии он был командирован в Корею и Японию. Ему было дано задание — собирать коллекции по традиционной культуре Кореи и Японии для МАЭ РАН.

Заметим, что после японской аннексии изучение традиционной культуры Кореи за пределами страны практически не велось. Поэтому командирование в Корею молодого перспективного специалиста преследовало важную цель — увеличить объем знаний по стране. Со времени аннексии Кореи Японией постоянно собирались материалы по экономическому положению страны, но этнографические, лингвистические и археологические исследования продвигались сравнительно медленно. Тем не менее все перечисленные аспекты изучения страны были необходимы специалистам для решения общих научных и практических задач на Дальнем Востоке. Поездка Конрада в Корею и Японию началась в конце 1914 г. и длилась более двух лет [Корейские 1987: 14].

В Корее Конрад находился в конце 1914 — начале 1915 г. и летом 1916 г. Как свидетельствуют архивные материалы, работа Конрада в Корее проходила в трудных условиях. Начало XX в. — время больших испытаний для Кореи. Тотальный кризис, который охватил абсолютно все слои корейского общества,

в итоге привел к потере независимости в 1910 г. С превращением этой страны в колонию Японской империи (1910—1945) исследования русскими и другими европейцами культуры и быта корейцев наталкивались на ряд организационных сложностей. Несмотря на это, Конрад собрал ценный этнографический материал по социальной организации корейцев (семье, роду, системе родства), обычаям, праздникам и религии и, кроме того, значительную этнографическую коллекцию для МАЭ РАН. Известно, что эта коллекция должна была быть отправлена из японского города Цуруга на кораблях Русского Добровольного флота. Однако вследствие невыясненных причин в Санкт-Петербург эта коллекция не пришла, а попытки разыскать ее через несколько лет не увенчались успехом. Видимо, сказалась сложная международная обстановка, связанная с продолжением Первой мировой войны, внутренним положением России, а также напряженные отношения между Россией и Японией. К счастью, часть отчета Конрада была обнаружена Ю.В. Ионовой в Ленинградском отделении архива АН СССР и издана в 1996 г. при активном участии Р.Ш. Джарылгасиновой. Часть иллюстративного материала, собранного Н.И. Конрадом в Корее, как раз и хранится в МАЭ [МАЭ РАН. Оп. 2685] (CD, рис. 19).

На фотографиях мы видим различные бытовые сценки из жизни корейского общества. Все открытки относятся к серии «Корейские обычаи» (The Corean Customs).

В фондах хранится также коллекция открыток И-762, зарегистрированная в 1937 г. Она была приобретена за 30 рублей у Матвеева Зотика Николаевича (1889—1938 гг.). Всего в коллекции 12 открыток.

З.Н. Матвеев был родом из Владивостока. Занимался историей, краеведением, библиографией. В 1908 г. закончил во Владивостоке гимназию, учился в Петербурге в Политехническом институте, но был исключен с третьего курса за участие в студенческих волнениях. После этого он вернулся во Владивосток, где с 1912 г. учился в Восточном институте на японо-китайском отделении, которое окончил в 1916 г. В ходе обучения дважды выезжал в Японию на летнюю языковую практику. Затем учился в Государственном Дальневосточном университете (ГДУ) на историко-филологическом факультете. В этот период он увлекся историей и библиографией Дальнего Востока. В свободное от учебы время занимался практическим библиотековедением. С 1920 г. работал в Учительском институте заведующим библиотекой, а с 1923 г. в ГДУ на кафедре востоковедения читал курс истории Востока и руководил библиотекой университета. В 1929 г. он издал книгу о государстве Бохай, не потерявшую своей актуальности и по сей день. Он активно разрабатывал проблемы библиографии Дальнего Востока, занимался практическим библиотековедением. Во второй половине 1930-х годов переехал в Ленинград. Работал в ИВ АН СССР по теме «Библиография Японии на рус. яз. (1728—1935)». Многогранная работа Матвеева внезапно была прервана — 5 ноября 1937 г. его арестовали, предъявив обвинение в измене Родине. 25 апреля 1938 г. он был расстрелян. Реабилитирован посмертно 20 октября 1956 г.

По всей видимости, открытки были приобретены З.Н. Матвеевым в ходе одной из стажировок в Японии (CD, рис. 20).

В фондах Кунсткамеры хранятся также материалы, на которых изображены виды северной части Корейского полуострова уже после разделения страны на два государства.

К таким материалам относится коллекция фотоотпечатков, сделанных с пленки контр-адмирала А.И. Курдюкова в 1953 г. Регистрировала эти материалы Ю.В. Ионова. На фотографиях мы знакомимся с видами Пхеньяна и его окрестностей (CD, рис. 21, 22, 23). К сожалению, до сих пор остаются невыясненными цели и сроки нахождения А.И. Курдюкова в Северной Корее, а также то, каким образом эти материалы поступили в МАЭ.

В середине 50-х годов XX столетия установились культурные связи с Корейской Народно-Демократической республикой. Дружеские отношения Советского Союза с КНДР способствовали развитию культурных отношений между нашими странами. Благодаря этому произошло пополнение корейского фонда. В 1955 г. МАЭ РАН посетила делегация из Северной Кореи, среди членов которой был То Ю Хо, который преподнес в дар музею небольшую коллекцию фотографий с изображением масок персонажей народного театра регионов Понсан и Хэчжу (CD, рис. 24, 25).

Мы рассказали о большей части корейского иллюстративного фонда. Данная статья является первой попыткой комплексного изучения иллюстраций по культуре Кореи. Очевидно, что при каждом новом обращении к изучению коллекций отчетливо проявляются определенные трудности, нерешенные вопросы. Следующим этапом изучения коллекций должно стать подробное описание самих фотографий и изучение не только истории их собирания, но и самого содержания снимков.

Мы искренне верим, что с выходом нашего диска этот пробел будет восполняться.

Библиография

Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ. (Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XLI). Л., 1987.

Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. М., 2004.

Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея, М., 1997.

Пролог Русско-японской войны: Материалы из архива г. С.Ю. Витте / Под редакцией Б.Б. Глинского. СПб., 1916.

Список членов Императорского Русского Географического Общества, СПб., 1906.

Сыромятников С.Н. Поездка в Японию // Новое время. 22.10. (03.11) 1897. № 7778; 23.10. (04.11) 1897. № 7779; 24.10. (05.11) 1897. № 7780.

Сыромятников С.Н. В Корею // Новое время. 27.10 (8.11) 1897. № 7783; 13 (25) 11. 1897. № 7800; 14 (26) 11 1897. № 7801; 21.11.(3.12) 1897. № 7808; 23.11 (5.12) 1897. № 7810; 29.11.(11.12) 1897. № 7816; 18 (30) 12.1897. № 7835.

Сыромятников С.Н. Внутри Кореи // Новое время. №. 78493, №. 7850, № 7856, № 7871.

Архивные документы

РГИА. Ф. 917. Вонлярляские.

МАЭ РАН. Опись коллекции № 2685.

Подписи к иллюстрациям на CD

Рис. 1. Кореец на корове. МАЭ. Колл. № 162-363.

Рис. 2. Закладка нового здания для русской миссии в Сеуле. МАЭ. Колл. № 1679-7.

Рис. 3. Канцелярия русской миссии в Сеуле. МАЭ. Колл. № 1679-1.

Рис. 4. Вид в королевском городе в Сеуле. МАЭ. Колл. № 1679-9.

Рис. 5. Вид залива и мыса. МАЭ. Колл. № И-1521-1.

Рис. 6. Корейские чиновники. МАЭ. Колл. № И-1521-28.

Рис. 7. Лавка продавца медной посуды. МАЭ. Колл. № И-1521-23.

Рис. 8. Русский офицер в окружении корейцев. МАЭ. Колл. № И-1521-25.

Рис. 9. Ворота Кванхвамун. Дорога шести министерств. Траурная процессия. МАЭ. Колл. № И-1521-22.

Рис. 10. На вершине перевала Кайенён (?). На горизонте едва видны очертания потухшего вулкана Пектусан. МАЭ. Колл. № И-2042-38.

Рис. 11. Начальник экспедиции А.И. Звегинцев, его переводчик (кореец) и урядник Терского казачьего полка Николай Сеоев (осетин) на лошадях. МАЭ. Колл. № И-2042-28.

Рис. 12. Женщина деревни Сипуни (?) с корзиной на голове и с ребенком. МАЭ. Колл. № И-2042-66.

Рис. 13. Кореец с соколом. МАЭ. Колл. И-2042-90.

Рис. 14. Губернатор города Хверён Ким Хунсо и участник экспедиции Егор Наумович Козлов (выпившие). МАЭ. Колл. № И-2042-22.

Рис. 15. Общий вид города Капсан. МАЭ. Колл. № И-2042-43.

Рис. 16. Сцена наказания вора. МАЭ. Колл. № 1073-15.

Рис. 17. Корейские рыбаки. МАЭ. Колл. № 1695-29.

Рис. 18. Похороны леди Ом. МАЭ. Колл. № 2513-3.

Рис. 19. Семья знатного корейца. МАЭ. Колл. № 2685-105.

Рис. 20. Дом общества Христианской молодежи в Сеуле. МАЭ. Колл. № И-762-5.

Рис. 21. Ворота Тэдонмун в Пхеньяне. МАЭ. Колл. № И-1518-3.

Рис. 22. Городские жилища в Пхеньяне. МАЭ. Колл. № И-1518-8.

Рис. 23. Одноэтажный дом в пригороде Пхеньяна. МАЭ. Колл. И-1518-17.

Рис. 24. Маска корейского дворянина. МАЭ. Колл. И-1737-4.

Рис. 25. Маска льва. МАЭ. Колл. № И-1737-21.

А.Ю. Сеницын

Коллекция № 13 из японского собрания МАЭ РАН, ее особенности и история формирования

ЗНАЧИМОСТЬ КОЛЛЕКЦИИ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПАМЯТНИКА И ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Коллекция № 13 из японского собрания МАЭ РАН ввиду специфики составляющих ее предметов и обстоятельств поступления представляет собой особую культурную, научную (историческую и этнографическую) и музейную ценность. Ее следует рассматривать как значимый этнографический источник по японской традиционной культуре начала — первой четверти XIX в. Предметный состав коллекции можно охарактеризовать как произведения японского художественного и декоративно-прикладного искусства эпохи Эдо. Собирателем коллекции является известный голландский коллекционер Иоганн Фредерик ван Овермеер Фишер (1800—1848); первоначальный получатель коллекции — российский император Николай I.

Изначально коллекция состояла не только из японских, но и из ряда индонезийских предметов, которые были выделены в самостоятельную коллекцию № 13 А¹.

Значимость этой коллекции подчеркивает то обстоятельство, что на момент ее поступления в МАЭ Япония все еще оставалась закрытой для внешнего мира, и Россия не была исключением, несмотря на две предпринимавшиеся в 1792—1793 (т.н. «миссия А. Лаксмана») и 1804—1805 (миссия Н.П. Резанова — И.Ф. Крузенштерна) попытки российского правительства (соответственно со стороны императрицы Екатерины II и императора Александра I) побудить бакуфу заключить соглашение об открытии российско-японской торговли. Обе

¹ Индонезийская часть коллекции Овермеера Фишера проходит по отделу Австралии и Океании МАЭ РАН.

эти попытки не принесли желаемых результатов, поэтому пути поступления японских вещей в Россию оставались «окольными»: через Камчатку и Курильские острова, куда иногда наведывались японские суда, как правило, унесенные бурей; многие из этих судов гибли, и члены их экипажей — т.н. *хёрюмин* — долгое время были основными «поставщиками информации» о Японии в России, а спасенные с судов товары и личные вещи экипажа представляли в России японские искусства и ремесла. В МАЭ хранится несколько таких предметов (в составе коллекций № 677 и № 681), которые являются одними из самых ранних японских вещей в России.

Второй путь лежал через Китай, с которым торговый и культурный обмен был облегчен наличием протяженной сухопутной границы и деятельностью Русской православной миссии в Пекине. Многие японские предметы из академических коллекций XVIII — первой половины XIX в. поступили именно через Китай и до сих пор еще проходят по описям китайских коллекций. В этой связи интересны коллекции российского собирателя П.Л. Шиллинга фон Канштадта первой половины XIX в. (коллекции № 8 и № 676, соответственно 1848 и 1841 гг. поступления в МАЭ), в которых многие японские предметы до настоящего времени числились как китайские.

Третий путь был через Голландию и голландских коллекционеров и антикваров, и коллекцию № 13 можно почти безоговорочно отнести именно к этому роду поступлений. Сам факт этого поступления на высочайшее имя императора Николая I свидетельствует и об огромном интересе правительства России к Японии, и о понимании этого интереса в странах Западной Европы. Следует также отметить, что первый российско-японский договор о дружбе и торговле 1855 г. (т.н. Симодский трактат) был заключен именно в царствование Николая I, и присланная Овермеером Фишером коллекция не могла не стать одним из «посылов», стимулировавших правительство интенсифицировать усилия на «японском векторе» российской внешней политики. В этой связи коллекция является еще и одним из свидетельств российско-голландских связей в области развития отношений с Японией и изучения японской культуры. Довольно часто в отечественной литературе встречаются вполне оправданные упреки в адрес офицеров голландской Ост-Индской компании (V.O.C.) за то, что те довольно успешно содействовали формированию негативного отношения к России со стороны властей токугавской Японии, в т.ч. способствовали неудаче первых двух российских миссий в Японию². Однако при этом нельзя не отметить и ту помощь, которую многие служащие V.O.C. оказывали России в изучении Японии и сближении позиций правительств обеих стран при подготовке переговоров 1855 г. И в этой связи имя И.Ф. ван Овермеера Фишера можно поставить в один ряд с именами А.И. Штуцера, выславшего великолепную японскую коллекцию в дар императрице Екатерине II

² В работе Д.М. Позднеева «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материке Азии и России» приводится следующая информация: «Отказ в торговых отношениях [имеется в виду неудача миссии 1804—1805 гг., возглавляемой Н.П. Резановым] <...> Крузенштерн и Лангсдорф, бывший на судне “Нева”, приписывают зависти голландцев, которые полагали, что если торговля между Россией и Японией будет открыта, то голландцы потерпят большие потери, так как их торговля с Японией была до сих пор монопольной. Голландия, таким образом, стояла между двумя государствами и препятствовала их сближению...». Далее там же приводится несколько примеров (со ссылкой на конкретные японские источники) «русофобской» политики голландцев в Японии и их интригах. См.: [Позднеев 1909: 123].

в 1795 г., и Ф. фон Зибольда, выступившего в роли консультанта российского правительства при подготовке миссии адмирала Е.В. Путятина в Японию.

Особое значение этой коллекции состоит еще и в том, что личность ее собирателя, Иоганна Фредерика ван Овермеера Фишера, сама по себе примечательна и в настоящее время вызывает большой интерес среди исследователей японской культуры начала XIX в. Интересна и документация, сопровождающая коллекцию, особенно заметки собирателя, которые не только фиксируют наличие того или иного предмета, но и дают его описание, а также оригинальные общие оценки состояния японской культуры этого периода.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ СОСТАВ КОЛЛЕКЦИИ № 13

Необходимость написания этой статьи определена, в частности, тем, что при ближайшем рассмотрении документального состава коллекции был выявлен ряд проблем, потребовавших особого исследования для их разрешения. Так, выяснилось, что цельной описи коллекции № 13 не существует (таковая была создана лишь в 2007 г.), да и число указанных на титульном листе описи номеров и предметов (40 и 89) не соответствует ни одному из вариантов описи (как т.н. «описи собирателя», так и последующих вариантов). Тот сборный документальный материал, что назывался «описью коллекции № 13», представлял собой набор нескольких самостоятельных документов разного времени, состоящих из листов разного формата, не объединенных сквозной нумерацией. Единой оригинальной «описи собирателя» тоже не было.

Среди них удалось вычленить следующие документы:

1. Оригинальный список поступления 1838 г. (дата в этом документе не указана, а установлена по сопутствующему документу, рассматриваемому ниже), оформленный как рукописная копия пояснительной записки от имени ван Овермеера Фишера на имя «Его Величества Императора Российского (в это время на российском престоле находился Николай I) и пр. ...» на французском языке («*Note raisonnée sur quelque objets de curiosité, tirés des Iles de Japon, et dédiés tres humblement a la Majesté l'Empereur de totes les Russies, etc, etes, etc...*») со списком 63 японских и индонезийских артефактов под 15 номерами (с № 1 по № 15). Фактически это не просто список, а своеобразный каталог с детальным описанием предметов, интересными комментариями и замечаниями, основанными на собственном «японском» опыте собирателя.

Этот документ в прилагаемом русском переводе обозначен как «№ 1».

2. Список предметов, присланных Овермеером Фишером в 1841 г. Список (по-видимому, авторский) составлен на французском языке, однако с «шапкой» на немецком языке и другим почерком, сделанной несколько позже чиновником Академии наук, принимавшим коллекцию³. Этот «Список японских предметов, переданных Овермеер Фишером в начале лета 1841 в Азиатский музей Академии наук» содержит 37 номеров (с № 1 по № 37) с краткими, не более двух строк, комментариями. В этом списке указаны в числе прочих предметов 15 произведений традиционной японской живописи, включая шесть ра-

³ По-видимому, это был Х.Д. Френ (182–1851), основатель и первый директор Азиатского музея в 1818–1848 гг.

бот Кавахара Кэйга из серии «Пейзажи Японии» (*Нихон фу:кэйдзу*) (№ 13–22, 23, 24, 25, 26). В прилагаемом переводе на русский язык документ обозначен как «Список № 2».

3. Письмо Конференции Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук на немецком языке со списком предметов, маркированным как листы 11 и 12.

«21 июля с.г. (1838) я получил, по поручению неперменного секретаря Академии, статского советника Фукса, через Департамент Министерства иностранных дел, 2 ящика с японскими предметами, которые были принесены в дар Академии Оберман Фишером, живущим в Нидерландах. При сем прилагаю для Академии подробный список содержимого упомянутых ящиков.

Что касается присланных Овермеером Фишером предметов, то я считаю своим долгом воздать им заслуженную похвалу, ввиду того, что предметы не только хорошо сохранились, но также бедный объектами японский отдел этнографического кабинета получит порядочные приобретения, которых до сих пор не было в составе кабинета, так как эта посылка состоит из изделий, принадлежащих последнему времени...»⁴

Оригинал документа писан коричневой тушью на клочке бумаги, очень мелким неразборчивым почерком, со множеством исправлений и зачеркиваний. Подпись неразборчива. Скорее всего автором документа был либо Александр Филиппович Постельс (1801–1871), Хранитель Минералогического музея (в 1836 г. именно он представил проект учреждения Этнографического музея), либо И.Г.Ф. Шрадер, назначенный в 1839 г. на должность Внештатного хранителя Этнографического музея [Летопись 2002: 286]. Документ примечателен тем, что точно датирует поступление коллекции: 21 июля 1838 г.

Здесь же прилагаются два списка предметов, сделанных тем же малоразборчивым почерком на немецком языке: 1) японских, 16 номеров и 2) яванских, 13 номеров.

В списке японских предметов уже отсутствует «табакерка из массивного золота», обозначенная под № 1 в первом оригинальном списке Овермеера Фишера, зато под № 16 появляется «шнур из красной бумаги с двумя длинными кистями...», по-видимому, уже отделенный от какого-то предмета и начавший самостоятельное существование. В этом списке на немецком языке под первым номером значатся «стенные часы с корпусом красного дерева мастера Jezso». Также указано, что два номера (№ 11 — «Две книги в оригинальных пестрых обложках» и № 12 — «Коробка, обтянутая пестрой бумагой, содержащая 43 различных монеты») «переданы статскому советнику Фрэнгу» (имеется в виду указанный ниже Х.Д. Френ). Это обстоятельство свидетельствует о том, что японские книги из коллекции Овермеера Фишера должны были находиться в собрании Азиатского музея (ныне — Института востоковедения РАН).

Что касается монет, то они также были переданы Х.Д. Френу ввиду того, что он был ведущим российским нумизматом того периода и создателем отечественной школы академической нумизматики [БСЭ 1978: 249]. Дальнейшее местонахождение этих монет неизвестно. В последующих описях коллекции

⁴ Перевод на русский язык прилагается к Описи № 13 и сделан был, по-видимому, в 1930-х годах сотрудниками отдела культурных стран Азии (Зарубежной Азии). Имеются небольшие несоответствия с немецким оригинальным текстом в части написания имен, фамилий, титулов и т.д.

№ 13 японские монеты не упоминаются. Вполне вероятно, что впоследствии они могли быть переданы в Минцкабинет Императорского Эрмитажа⁵.

4. Вариант описи 1918 г. за подписью «А.И.» (т.е. Китаевед и японовед Алексей Иванович Иванов (1877–1937), сотрудник МАЭ, исполнявший в то время обязанности заведующего отделом культурных стран Азии). Этот документ на шести листах обозначен как «Список коллекции, доставленной и подаренной Овермеером Фишером в 1842 г.». Этот список содержит 46 номеров, включая 39 картин на шелке небольшого формата, числящихся под № 13-34/39.

5. Вариант описи 1939 г. на 11 листах, составленный сотрудниками МАЭ «т. Дубровиной» и «А. Савченко». Этот документ обозначен как «Параллельная опись предметов коллекции № 13 (составлена в 1939 г.)» и содержит 76 номеров, отражающих 76 предметов. Список примечателен тем, что составители предложили новую нумерацию коллекционных предметов, причем соотнесли ее с нумерацией описи 1918 г. Кроме того, в описи 1939 г. указываются размеры большинства предметов и их японское иероглифическое написание. В этой описи также обращается внимание на утрату четырех картин из 39-ти, числящихся под номерами 13-34/39.

6. Переводы на русский язык оригинальных документов на французском и немецком языках, сделанные, как представляется, при подготовке описи 1939 г. Надо отдать должное переводчикам с немецкого языка, сумевшим разобраться в совершенно неразборчивом и неудобочитаемом почерке оригинального документа, который к настоящему времени стал еще менее читаем. Что касается переводов с французского языка оригинальной описи собирателя (документ № 1), то остались непереуевенными самое его начало и конец, где имеет место непосредственное обращение к императору России. Более того, в самом оригинале эти «неполиткорректные» пассажи были зачеркнуты переводчиками крест-накрест, что характерно для общей обстановки 1930-х годов.

Изучение документального состава коллекций позволило сделать следующие выводы:

— Коллекция, присланная И.Ф. ван Овермеером Фишером, была зарегистрирована в МАЭ в 1842 г. В Книге описей по отделу культурных стран Азии была сделана соответствующая запись от 1842 г.: «№ коллекции: 13. Происхождение: От Овермеера-Фишера, 1842 г. Народ: Японцы. Местность: Япония. Способ получения: дар. Количество номеров: 40. Количество предметов: 89. Состав коллекции: быт. Документы при коллекции: Опись собирателя. Примечания: нет. Исключенные нумера: нет» [Книга описей: 1].

— Имели место два поступления коллекционных предметов от И.Ф. ван Овермеера Фишера: поступление 1838 г. на имя Императора Николая I, переданное непосредственно в МАЭ, и поступление 1841 г. в Азиатский музей Академии наук, откуда предметы перешли в МАЭ и были объединены с поступлением 1838 г. в общей коллекции № 13.

— Часть предметов, указанных в оригинальной описи собирателя (а именно: «массивная золотая табакерка», 43 старинные японские монеты, голландско-японский словарь, два набора иллюстрированных книг (в семь и в десять

⁵ В «Протоколах Российской Академии наук» есть следующие записи: 1) от 11 января 1839 г.: «Х.Д. Френ представил роспись китайских и японских монет Азиатского музея, составленную по его предложению бароном С.И. Шодуаром». 2) Х.Д. Френ сообщил о приобретениях Азиатского музея в 1838 г. (цит. по: [Летопись 2002: 281]).

томов) на японском языке) в МАЭ переданы не были. Судьба этих предметов неизвестна и в документации МАЭ (за исключением упомянутых выше монет и двух книг) не отражена. Возможно, некоторые из них хранятся в других учреждениях РАН, в свое время «отпочковавшихся» от старой Петровской Кунсткамеры.

— Обращает на себя внимание обстоятельство, что в разных документах приводится разное число номеров и разное количество предметов.

— Примечательно, что в оригинальных списках И.Ф. ван Овермеера Фишера 35 картин малого формата серии *Нихон фу:дзокудзу* — «Жизнь японцев» (№ 13-34/39-1-35) работы известного японского художника XIX в. Кавахара Кэйга не упомянуты, а первое упоминание о них относится к описи 1918 г., причем дана сопроводительная надпись следующего содержания: «...Коллекция из 23 (исправлено на 39 (красным карандашом, затем — на 36 (синим карандашом) картин, писанных на шелковой материи, представляющих главнейшие моменты жизни от рождения до смерти. В одном не достает 5 листов...». Ниже приписано красным карандашом: «В списке не значится!». Таким образом, 35 картин «этнографической» серии Кавахара Кэйга к поступлениям от Овермеера Фишера 1838 и 1841 гг. отношения не имеют. Их оформление также резко отличается от картин того же автора из оригинальной коллекции Овермеера Фишера:

	Картины Кавахара Кэйга из коллекции Овермеера Фишера	Картины Кавахара Кэйга неизвестного собирателя
Серия	«Пейзажи Японии»	Этнографическая — «Жизнь японцев»
Оправа	Смонтированы в бумажное паспарту с окантовкой из японской парчи желтовато-коричневого цвета, типичной для многих предметов этого поступления.	Не имеют оправы
Этикетаж	Этикетки на французском языке, наклеенные или сделанные в картуше на паспарту коричневой тушью	Подписи на немецком языке сероватыми выцветшими чернилами, сделаны прямо на изображении
Отражение в оригинальной описи собирателя	Указаны в оригинальной описи 1841 г.	Не указаны ни в одном оригинальном документе.

— Во всех вариантах описи указывается наличие только двух «японских сабель», в то время как в фондах отдела Зарубежной Азии МАЭ хранится еще один японский меч, вообще не отраженный ни в одном из двух оригинальных списков Овермеера Фишера, ни в описях 1918 и 1939 гг., но занесенный в каталог хранилища отдела как относящийся к коллекции № 13 — *вакидзаси*, помеченный номером 13-9/2 а, с, d, e, f, g, h, i, j. Очевидно, этот меч также «приблудный» — но, похоже, тоже от «неизвестного собирателя», жившего в Нагасаки (так, *цуба* этого меча в стиле *намбан* изготовлена в Хирадо (в непосредственной близости от Нагасаки), где находилась голландская фактория до перемещения ее на о. Дэдзима).

Наличие значительного числа «лишних предметов» (35 картин и 1 меч), не относящихся к оригинальным поступлениям, заставляет признать обстоятельство, что *коллекцию № 13 следует считать сборной, а собирателями — не только Овермеера Фишера, но и «неизвестного собирателя».*

— Примечательно, что основным заказчиком картин художника Кавахара Кэйга, в т.ч. картин «этнографической» серии, считается не И.Ф. ван Овермеер Фишер, а Филипп фон Зибольд. Однако никаких упоминаний о поступлении предметов из коллекции Филиппа фон Зибольда ни опись № 13, ни какие-либо другие известные документы МАЭ не содержат, и в числе дарителей МАЭ он никогда не значился. Тем не менее сам факт наличия упоминавшихся выше немецких надписей заставляет заподозрить «руку» Ф. Зибольда; да и почерк весьма напоминает надписи Зибольда на картинах «ботанической серии» Кавахара Кэйга (хранящихся, в частности, в библиотеке БИН) [Chernaya 2002: 10]⁶.

Поэтому можно с определенной долей уверенности утверждать, что *«неизвестным собирателем» был Ф. Зибольд (1796–1866)*, хотя никаких прямых документальных свидетельств о приобретении МАЭ коллекций Ф. Зибольда не имеется.

ИНФОРМАЦИЯ О СОБИРАТЕЛЯХ:

Иоганн Фредерик ван Овермеер Фишер родился 28 июля 1800 г. в Нидерландах, в г. Гардервике (провинция Гельдерланд). В 1819 г. поступил на службу в Голландскую Ост-Индскую компанию (Vereenigde Oostindische Compagnie) и отбыл в Батавию (где располагалась штаб-квартира компании), а оттуда — в Японию, в факторию на о. Дэдзима, где зарекомендовал себя упорным и трудолюбивым служащим, получил должность младшего клерка. В 1825 г. был назначен заведующим складом фактории. В первые годы пребывания на Дэдзима Овермееру Фишеру покровительствовал Ян Кок Бломгофф, с 1818 по 1824 гг. занимавший пост главы фактории. В 1822 г. Овермеер Фишер сопровождал Бломгоффа во время очередного визита голландцев в Эдо ко двору 11-го сёгуна Токугава Иэнари (г.ж.: 1773–1841, г. правления: 1787–1837). Во время пребывания в Японии имел постоянную связь с одной из допускавшихся на Дэдзима куртизанок — Кэваи из «чайного дома» Тикугоя в Нагасаки. У Кэваи в 1825 г. родился от Овермеера Фишера ребенок, которого назвали Кайдзи Дзиндзо. По существовавшему в то время порядку, ребенок должен был оставаться с матерью. Овермеер Фишер добился от нагасакских властей разрешения забрать сына на Дэдзима, но ребенок умер в мае следующего года в возрасте 9 месяцев. Смерть сына ввергла Овермеера Фишера в состояние глубокой депрессии. Могила Дзиндзо: на нагасакском кладбище запечатлена на одной из картин Кавахара Кэйга, хранящихся ныне в МАЭ РАН.

В 1830 г. Овермеер Фишер был вынужден покинуть Дэдзима (из-за скандала, связанного с деятельностью Ф. фон Зибольда). Сначала отправился в Батавию, где женился на соотечественнице, а затем с женой вернулся в Нидерланды. Сведений о его супруге и детях не сохранилось.

Овермеер Фишер привез в Голландию обширную коллекцию из 1200 японских и индонезийских предметов. Эта коллекция была очень разнообразной;

⁶ См. иллюстрации 16, 19, 24, 27, 63, 66, 92, 145, 147, 159, 166, 170, 189, 194, 202, 215, 216, 219, 229, 239, 248, 253, 279 и др. Также см. мультимедийный проект: [Visual Encyclopedia].

в нее входили не только произведения искусства (в том числе декоративно-прикладного), но и предметы быта и повседневной жизни (посуда, одежда, головные уборы, курительные и письменные принадлежности), оружие и доспехи, культовые предметы, коллекция монет, книги и т.д. В 1832 г. большая часть его коллекции была приобретена королем Нидерландов Вильямом I для Королевского кабинета редкостей, существовавшего с 1816 по 1883 гг. Овермеер Фишер на собственные средства организовал выставку своих коллекций. Он снабдил ее подробнейшим каталогом, распределив предметы по функциональным категориям, например: «оружие», «доспехи», «церемониальные принадлежности», «музыкальные инструменты», «домашняя утварь» и т.д. Движимый научным и этнографическим интересом, он не только снабжал каждый предмет подробным описанием, но и пытался показать, по возможности, соответствующий этнокультурный контекст [Effert 2000: 6].

Овермеер Фишер проявил себя не только как коллекционер и собиратель, но и как ученый-этнограф, состоял действительным членом различных ученых обществ. В 1833 г. была опубликована его книга «Вклад в изучение Японской Империи»⁷, основанная на личных материалах и впечатлениях автора, полученных во время девятилетнего пребывания в Японии [Fisscher 1832].

В 1833 г. Овермеер Фишер вернулся в Батавию, где получил должность заместителя резидента. В октябре 1836 г. был назначен начальником почтовой службы Компании. В ноябре 1837 г. вышел в почетную отставку и в декабре того же года вернулся в Нидерланды, где получал от Компании скромную пенсию. Пытался заниматься торговлей этнографическими предметами и раритетами из Индонезии и Японии.

Много ездил по Европе, пытаясь налаживать связи с коллекционерами, дарил им в целях популяризации своих коллекций отдельные предметы. В 1838

⁷ В этой книге подробно описываются география Страны Восходящего Солнца, флора и фауна, хозяйство, торговля и ремесла, система правления, законы, система рангов, обычаи народа, праздники и повседневная жизнь, календарь, болезни и их врачевание, военное дело, оружие и доспехи, одежда, архитектура, чайные дома и гостиницы, археологические памятники и т.д. Отдельная глава посвящена описанию о. Дзёсима, появлению голландцев в Японии и вытеснению ими из страны испанцев и португальцев. Книга украшена 15-ю прекрасными раскрашенными вручную (включая сделанными по эскизам знаменитого нагасакского художника Кавахара Кэйга) иллюстрациями, с подписями (в написании самого Овермеера Фишера) и комментариями: 1) фронтиспис: первые мифические жители Японии, *Foeko* и *Senno* (здесь явная ошибка: по идее, должны были быть изображены синтоистские божества Идзанаги и Идзанами, божественная чета, родившая Японские острова и остальных богов. Однако вместо этого помещены персонажи древнекитайского пантеона Фуси (яп. Фукуги) и Шеннун (яп. Дзинно), оба мужского пола. Известны работы Кавахара Кэйга, изображавшие обе эти пары божеств). На фронтисписе также изображены Райдзин и Фудзин (боги грома и ветра); японский журавль над ними держит герб сёгунов Токугава (трилистник мальвы, заключенный в круг); 2) схема Японии с горой Фудзи-сан; 3) японский алфавит катакана; 4) бог долголетия *Tostokt-Samma* (имеется в виду Фукурокудзю:) и бог мудрости *Zjirozjien* (Дзюро:дзин); 5) японская женщина в традиционном облачении (с веером и кошкой); 6) интерьер буддийского храма; 7) знаменитый самурай *Minamoto No Jusits* (имеется в виду Минамото-но Ёсисунэ); 8) японский чиновник с супругой и двумя служанками; 9) бродячие акробаты и музыканты; 10) бог плодородия, покровитель лисиц *Juari Daij Miosin* (Инари); 11) мальчики 5-летнего возраста в церемониальной одежде (церемония *sutu-go-san*); 12) два знаменитых мастера японской гравюры (?); 13) загородный пикник; 14) самурай высокого ранга в церемониальной одежде *asa-kamisimo*; 15) японка в повседневной одежде. В настоящее время эта книга является библиографической редкостью, ее стоимость составляет более 13 000 долларов США. Известен также японский перевод этой книги, изданный в Японии несколькими годами позже, под названием «*Нихон фудзоку бико*».

и 1841 гг. подарил часть своей коллекции Российской Академии наук, в 1838 г. был избран ее иностранным членом [Академия 1974: 327; Летопись 2002: 281]. В 1840 г. переехал в Париж, где провел свои последние годы. Скончался в 1848 г. в Антверпене.

Портрет Овермеера Фишера не сохранился. Так, издание «Академия наук СССР. Персональный состав» публикует имеющиеся портреты действительных, почетных и иностранных членов Санкт-Петербургской императорской академии наук; однако портрет И.Ф. ван Овермеера Фишера заменяет черный квадрат [Академия 1974: 327; Летопись 2002: 281]. Тем не менее в настоящее время доступно опубликованное изображение собирателя в мультимедийном издании международного проекта, посвященного работам известного японского художника Кавахара Кэйга (см.: [Visual Encyclopedia]). Мелкий портрет Овермеера Фишера в полный рост представлен на небольшой картине работы Кавахара Кэйга, где изображается сцена из самодеятельного спектакля, устроенного голландскими служащими на территории фактории на о. Дэдзима. Ныне эта картина является собственностью «Курофунэ хакубуцукан» (Музей «черных кораблей») в г. Нагасаки.

Филипп Франц Балтазар фон Зибольд (1796–1866), выдающийся немецкий японовед и собиратель крупнейшей (св. 5000 пр.) японской коллекции первой четверти XIX в. Род. в г. Вюрцбурге, Бавария; в 1820 г. закончил медицинский ф-т университета Вюрцбурга. В 1823 г. поступил на службу в голландскую Ост-Индскую компанию и в качестве врача фактории был направлен на о. Дэдзима в г. Нагасаки. В 1826 г. участвовал в посещении двора сёгуна Токугава Иэнари, сопровождая главу фактории Иоганна Виллема де Штюллера. Будучи на о. Дэдзима, лечил не только голландцев, но и японских партнеров, включая представителей нагасакских властей, поэтому получил возможность посещать город и даже открыть «курсы» по изучению европейской медицины. Находился в контактах с ведущими японскими учеными (Такахаси Кагэясу, Могами Токунаи, Ито Гэмбоку, Такано Тёэй и др.). Использовал свои контакты для разностороннего изучения Японии и пополнения своей коллекции. На него работал выдающийся нагасакский художник Кавахара Кэйга, сделавший свыше тысячи зарисовок (этнографических, ботанических, зоологических и др.). В 1828 г. был уличен властями в попытке вывезти из Японии запрещенные к вывозу из страны карты (см.: [Красикова 2007: 71–74]), за что был заключен под домашний арест, а в 1829 г. выслан из Японии, где остались его японская жена Отака и малолетняя дочь. С 1830 г. жил в Лейдене, где занимался подготовкой к публикации своих материалов, а также систематизацией и продажей коллекций. В 1837 г. значительная часть его собрания была приобретена правительством Нидерландов и стала основой Лейденского национального музея этнологии. В 1853 г. выступил в роли консультанта российского правительства при подготовке посольства в Японию, так что успех миссии Е.В. Путятина, завершившейся в 1855 г. подписанием Симодского трактата, первого российско-японского договора о дружбе и торговле, отчасти обязан и помощи Ф. Зибольда (см.: [Головнин 2005: 14–17])⁸.

⁸ Ф. фон Зибольд известен и как автор многих фундаментальных научных трудов по Японии, включая: [Siebold 1833; Siebold 1833a; Siebold 1835; Siebold 1838; Siebold 1838a; Siebold 1841; Siebold 1897; Зибольд 1854].

ПРЕДМЕТНЫЙ СОСТАВ КОЛЛЕКЦИИ № 13

Предметы коллекции № 13 представляют собой большую научную ценность; это было очевидно даже в середине XIX в., когда японское искусство, равно как и традиционные японские эстетические принципы, в России только-только начали изучаться. К сожалению, как явствует из сопутствующих коллекции документов, с самого начала она была разделена между разными академическими учреждениями, и поэтому нахождение многих ее оригинальных предметов в настоящее время установить крайне сложно. Однако и в самом Этнографическом музее, куда поступило ядро коллекции, условия хранения были таковы, что собрать всю коллекцию воедино представлялось задачей довольно затруднительной. С течением времени ситуация только усугубилась: коллекция хранилась в разных хранилищах, топография была нарушена, некоторые предметы были либо утрачены, либо ошибочно отнесены к коллекциям совершенно других собирателей; в состав коллекции необъяснимым образом попали предметы из других поступлений; документация не вполне соответствовала предметному составу. Имелись нарушения и в этикетаже. В 1982 и 2007 гг. предпринимались сверки коллекции; свертка 1982 г. выявила отсутствие нескольких предметов; свертка 2007 г. благодаря специальному исследованию в хранилищах МАЭ позволила обнаружить некоторые из «затерявшихся» предметов, они будут оговорены особо.

Статистика: Коллекционных номеров — 40.

Единиц хранения — 138.

Отсутствуют на месте хранения:

№ 13-6 а, б. Чаша *мэсиван* с крышкой.

№ 13-8. Трубка курительная серебряная.

№ 13-30. Пояс *оби*. Япония, XIX в.

№ 13-31. Кимоно женское.

Ошибка в музейной документации: часы № 13-1 были ошибочно зарегистрированы под № 1080-68/2.

Список «лишних» предметов от «неизвестного собирателя», отнесенных к описи № 13 (до 1918 г.), но не относящихся к коллекции И.Ф. ван Овермеера Фишера:

13-9/2 а, б, с, d, e, f, g, h, i, j. Меч *вакидзаси*.

13-34/39 (1-35) — 35 несмонтированных картин на шелке работы Кавахара Кэйга из серии «Жизнь японцев».

Каталог предметов

№ 13-1 а, б, с, d. Часы *макура-докэй* 枕時計 в остекленном футляре, с выдвижным ящичком и заводным ключом. Япония, вторая половина XVIII — начало XIX в. Бронза, золото, латунь, дерево, стекло, лак.

13-1а. Корпус часов. Корпус и механизм выполнены из бронзы (возможно, амальгамированной тонким слоем золота); корпус установлен на деревянную основу, в которой имеется маленький выдвижной ящичек для заводного ключа; прямоугольной формы (напоминающей традиционный японский домик), с четырьмя точеными балясинками, соединяющими верхнюю и нижнюю плас-

тины корпуса («крышу» и «пол»); над корпусом наподобие «башенки» установлен колокольчик из т.н. «белого металла» — *бьякуганэ* (возможно, серебро-содержащего сплава), формой напоминающий полый перевернутый цилиндрический сосудик. На «фасаде» часов имеется круглый циферблат с японскими цифрами (два цикла от 9 до 4 — в точном соответствии со схемой Овермеера Фишера) и ажурной стрелкой, направленной вверх. Стрелка всегда неподвижна, движется же сам циферблат, причем против часовой стрелки. Вокруг циферблата имеется выгравированная виньетка (мотив «пионы и “китайская трава”» — *ботан-то каракуса*); подобная же гравировка имеется и на задней стенке часов.

Кроме циферблата на лицевой стороне в верхней части слева и справа вырезаны два маленьких квадратных окошечка. Левое окошко показывает иероглифы, обозначающие циклических животных (каждый час суток обозначен своим животным); в правом окошечке — соответствующий животному один из десяти т.н. «небесных стволов» (стихий). Можно также сказать, что циферблат на таких часах избыточен: его показание «дублируется» знаком циклического животного, соответствующего изображаемому часу. Минуты и секунды такие часы не отмеряют.

Сохранность: несмотря на поломку механизма часы могут экспонироваться, но без футляра. Желательна консервация.

Размеры: 15×12,4×7,7 см.

История бытования: традиционный японский механический прибор — часы. Типичен для периода Эдо (1600—1868).

Описание часов и циферблата даны самим собирателем в оригинальной описи:

«...Часы работы императорского часовщика Jezco.

Не приходится доказывать, что японцы — довольно хорошие астрономы и умеют определять время года и деление времени; что же касается часового мастерства, то надо признать, что это мастерство, как вообще большинство других механических ремесел, еще далеко не совершенны. Как стенные часы, так и карманные, еще мало употребляются японцами. Первые, хотя и местного изделия, очень дороги; а карманные часы, большими любителями которых они являются, им доставляются из Европы, и их считают предметом роскоши, и потому их носят лишь лица с высоким общественным положением.

Изображенные здесь стенные часы заслуживают некоторого внимания, хотя бы благодаря тому старанию, с которым они изготовлены, и стремлению к точности, которую японцы ценят в вещах, изготовленных механическим способом...

Несмотря на очевидность того факта, что прогресс в области механики мог бы привести к изобилию, государство считает вредными те все потребности, которые не могут быть удовлетворены продуктами сугубо ручного труда. Япония — это страна, где нет рынков, а все производимые продукты потребляются самими же японцами. Государство же заботится лишь о поддержании порядка и мира среди столь огромного населения. Хотя такая система и кажется противоречащей общественным интересам и даже честлюбию человеческого рода, все же, по моему мнению, полезное действие ее достаточно доказано, по край-

ней мере — для этого народа, не нарушаемым миром, который они сохранили уже в течение двух столетий.

Несколько декретов, изданных против роскоши и поддерживающих ручной труд и старательность, постоянно служили предосторожностью; с этой точки зрения понятно, почему этот народ — и отнюдь не из-за легкомысленного пренебрежения собственными интересами — отвергает блага цивилизации и не ценит прогресса в искусстве и науках, созданных в европейских странах.

На циферблате японских стенных часов, в противоположность европейской системе, мы видим, что круг с цифрами движется вокруг стрелки, причем последняя остается в вертикальном положении, показывая час, который бьёт. Круг делает полный оборот в течение 24 часов, и хотя ради удобства и пользуются цифрами для обозначения часов, последние, собственно, называются по 12 знакам зодиака, так что каждый такой знак соответствует двум часам нашего времяисчисления.

Их дни разделены на две части, но неравные, потому что часы должны показывать шесть часов с наступлением дня или ночи, или с восходом и закатом солнца. Таким образом, стенные часы только тогда совпадают с солнечным временем, когда их проверяют, что обычно делается четыре раза в год.

Я не мог получить достаточного объяснения этой системы; очень странно, что [числа на циферблате] начинаются с 9, считая затем назад до 4-х, что составляет половину круга; тоже происходит и со второй половиной, так что цифры 1, 2, 3 вообще не входят в счет. Нарисованный ниже круг дает еще некоторое пояснение циферблата описанных выше часов. При этом цифра 9 совпадает с 12 на наших часах...»

Схема циферблата японских часов из описи И.Ф. ван Овермеера Фишера представлена на CD (рис. 5, 18).

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-1b. Футляр. Стекло, дерево, бронза.

Состояние плохое. Рассохся и рассыпался на составные части.

Размеры: 16,5×13,8×9,2.

№ 13-1c. Выдвижной ящик. Дерево, бронза.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 6,8×4,2×1,4.

№ 13-1d. Заводной ключик. Бронза.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 5,8×2,7 см.

Примечание: При сверке 2007 г. поиск часов из коллекции Овермеера Фишера под номером 13-1 результатов не дал. Однако было выявлено наличие сразу двух японских механических часов, соответствующих описанию Овермеера Фишера, но числящихся под совершенно иными номерами: 1080-68 и 1080-68/2. Обнаружилось и вопиющее несоответствие предметов

и музейных документов: в описи коллекции № 1080 под номером 1080-68 числились китайские «солнечные часы» и давалось следующее их описание: «Солнечные часы. На деревянном диске (6 см диаметр) наклеен бумажный циферблат с китайским иероглифическим компасом. Цифры на циферблате римские». Это описание совершенно не соответствует часам, числящимся под указанным номером. Номера 1080-68/2 в описи вообще не было. Получается, что в период между 1939 г., когда была сделана последняя русскоязычная версия описи № 13, подтвердившая наличие часов, и 1982 г., когда было отмечено их отсутствие на месте хранения, была нарушена топография фондов, и неизвестный сотрудник МАЭ ошибочно нанес на часы японского происхождения не соответствующие им номера китайской коллекции. Таким образом, были обнаружены двое почти одинаковых часов *макура-докэй*, зарегистрированных под ошибочным номером. На настоящий момент источник поступления этих предметов не установлен. Часы под номером 1080-68/2 полностью соответствуют описанию Фишера и описям 1918 и 1939 гг.

№ 13-2 а, b, c, d, e. Судок бэнтобако 弁当箱 для пищи. Япония, начало XIX в. Дерево, бамбук, бамбуковая жилка, лак.

История бытования: такие сосуды служили для сервировки трапезы, в т.ч. на открытом воздухе; в судки помещались различные яства (рис, овощи, рыба и морепродукты, традиционные сладости). Этот сосуд является предметом традиционного декоративно-прикладного искусства — образец художественного плетения.

Место хранения: экспозиция «Япония», шкаф «Плетение».

Сосуд прямоугольной формы, состоит из четырех квадратных коробочек-судков, поставленных одна на другую; нижняя стоит на деревянной подставке, верхняя накрыта крышкой. К основанию приделана прямоугольная дужка, «охватывающая» судки. Основание деревянное, дужка бамбуковая, покрыты черным лаком. Судки из бамбуковой жилки, изнутри окрашены красным лаком; снаружи — натурального золотистого цвета с «вплетенными» в фактуру темными стилизованными иероглифами *дзю* (кит. *шоу*) 壽 — «долгая жизнь» и *фуку* (кит. *фу*) 福 — «счастье».

Сохранность хорошая.

Размеры: 20×17,5×17,5 см.

13-2a. Основание с дужкой. Дерево, бамбук, лак. Сохранность хорошая. Размеры: 20×17,5×17,5 см.

13-2b. Верхний судок. Бамбуковая жилка, лак. Сохранность хорошая. Размеры: 3,4×17,5×17,5 см.

13-2c. Крышка. Бамбуковая жилка, лак. Сохранность хорошая. Размеры: 2,2×17,5×17,5 см.

13-2d. Средний судок. Бамбуковая жилка, лак. Сохранность хорошая. Размеры: 4,5×17,5×17,5 см.

13-2e. Нижний судок. Бамбуковая жилка, лак. Сохранность хорошая. Размеры: 6×17,5×17,5 см.

№ 13-3/2-1. Сосуд лаковый. Япония, начало XIX в. Папье-маше, лак.

Состояние хорошее. Размеры: диаметр 19,7 см, высота 11,5 см.

История бытования: образец традиционной лаковой кухонной утвари. Сосуд имеет форму горшка (котелка *хати* 鉢), с двумя «ушками», покрыт коричневым лаком снаружи, красным лаком внутри (техника *хана-нури* или *нэгоро-нури*). Предмет домашнего обихода.

Место хранения: Особая кладовая.

№ 13-3/2-2. Сосуд лаковый. Япония, начало XIX в. Папье-маше, лак.

Состояние хорошее. Размеры: диаметр 22,5 см, высота 13,5 см.

История бытования: образец традиционной лаковой кухонной утвари. Сосуд имеет форму горшка (котелка *хати* 鉢), с двумя «ушками», покрыт коричневым лаком снаружи, красным лаком внутри (техника *хана-нури* или *нэгоро-нури*). Аналогичен описанному выше, только больше размером.

Место хранения: Особая кладовая.

№ 13-4 а, в. Чайная чаша (в стиле *хаги* (?) на деревянной подставке. Япония, эпоха Эдо (XVII–XVIII в.?).

История бытования: образец традиционной художественной керамической продукции; использовалась как аксессуар для чайных действ.

В описи Овермеера Фишера обозначена как *киёмидзу-яки*. Сопроводительный текст: «Фарфоровая миска на небольшом круглом блюде лакированного дерева. Говорят, что эта миска является реликвией, найденной в земле в окрестностях Миако (т.е. Киото. — А.С.), остатком знаменитого храма в Киёмидзу (т.е. Киёмидзу-дэра. — А.С.), который был разрушен и поглощен землетрясением более двухсот лет назад».

Храм Киёмидзу-дэра в Киото действительно был разрушен землетрясением и до 1633 г. находился в руинах. Если чаша относится к этой эпохе, то действительно представляет собой высокую ценность. Впрочем, у Фишера нет ссылок на источник информации и не описывается способ приобретения чаши. Не исключен вариант, что ему продали в Киото чашу более позднего производства, т.е. изделие конца XVIII — начала XIX в.

В районе Киёмидзу действительно существует старинное производство керамики и фарфора, но по стилю эта чаша более напоминает *хаги-яки* (производства на юго-западе Хонсю).

К сожалению, определенно высказаться сложно, ибо печать и подпись мастера отсутствуют.

Место хранения: экспозиция «Япония», шкаф «Чайная церемония».

13-4 а. Чаша. Керамика, глазурь. Япония, XVII в. (?)

Чайная чаша *тяван* светло-охристого цвета, покрыта кракле, в стиле *хаги-яки* 萩焼. Форма — *ван-нари* 碗形. Состояние хорошее.

Размеры: диаметр 9,2 см, высота 12,5 см.

13-4 в. *Тэммокудай* 天目台 (*тятаку* 茶托) — подставка лаковая. Япония, начало XIX в. Дерево, черный лак.

Подставка круглая, с основанием и центральным круглым отверстием, обрамленным бортиком. Сохранность удовлетворительная. Имеются фрагментарные утраты лакового слоя, небольшие сколы и царапины.

Размеры: диаметр 15,7 см, высота 4 см.

№ 13-5/2-1. Обон — лаковый поднос. Япония, XIX в. Папье-маше, лак, золотая и серебряная фольга.

Поднос декоративный, квадратной формы со скругленными углами, с высокими бортами. Расписан черным и золотым лаком в технике *макиэ* — с добавлением серебряной и золотой фольги и пудры (разновидность техники называется *вадзима-нури* 輪島塗 — по имени г. Вадзима в провинции Исикава, славившегося производством изысканных лаковых изделий). Изображено выходящее растение. В углу приклеена этикетка Фишера — за № 6, 1838 г.

Сохранность удовлетворительная.

Размеры: сторона 35 см; высота борта 5,5 см.

История бытования: Такие подносы представляют собой не столько образец традиционной утвари практического назначения, сколько произведение искусства, служащее украшением интерьера. В практических целях либо вообще не использовались, либо использовались в качестве праздничного аксессуара.

Место хранения: Особая кладовая.

13-5/2-2. Обон — лаковый поднос. Япония, XIX в. Папье-маше, лак, золотая и серебряная фольга.

Поднос декоративный, квадратной формы со скругленными углами, с высокими бортами. Расписан черным и золотым лаком в технике *макиэ* (*вадзима-нури* 輪島塗) — с добавлением серебряной и золотой фольги и пудры. Изображен стебель баклажана с листьями, цветами и плодами. В углу приклеена этикетка Фишера — за № 7, 1838 г.

Сохранность: многочисленные царапины, отслоения и сколы лака, частичные утраты.

Размеры: сторона 35 см; высота борта 5,5 см.

Место хранения: Особая кладовая.

Этот поднос особенно красивый: роспись золотым лаком по черному фону сочетается с использованием золотой и серебряной фольги.

№ 13-6 а, б. Чаша мэсиван 飯碗 с крышкой. Папье-маше, лак. Япония, XIX в.

Опись 1918 г. дает следующее описание: «Чаша снаружи покрыта красным лаком, изнутри — золотым. На крышке золотым лаком изображены птицы. Высота с крышкой — 5,5 см, диаметр верха — 13,3 см, низа — 11,9 см».

Место хранения: Особая кладовая. На месте хранения отсутствует.

№ 13-7. Киот дзуси со статуэткой Будды Шакьямуни (Сяка-нёрай). Япония, XVIII–XIX в. Дерево, лак, бронза.

Сохранность хорошая.

Размеры: высота 23 см, длина 8,5 см, ширина 5,5 см.

История бытования: Дзуси — культовый буддийский аксессуар, напоминающий киот, внутри помещалась фигурка божества, буддийского или синтоистского, реже — сакральный предмет (например, *ваджра* или фаллический столбик). Дзуси могли размещаться как в храмах, так и на домашнем алтаре (дзуси небольшого размера могли также использоваться во время путешествий).

Этот Дзуси 厨子 представляет собой небольшую деревянную лаковую коробочку (снаружи коричневый лак, внутри — золотой) с двумя распашными створками на бронзовых петлях и с бронзовой декоративной отделкой. Внутри на пятиступенчатом пьедестале деревянная статуэтка Будды Гаутамы Шакьямуни (*Сяка-нёрай* 釈迦如来); правая рука изображает жест *абхая-мудра* (*сэ-муиин* 施無畏印), жест даяния; левая рука — жест *варада-мудра* (*ёган-ин* 与願印), жест приветствия. За спиной статуэтки — *мандорла* (*ко:хаи* 光背), «огненная аура». Статуэтка покрыта золотым лаком. Фрагмент декора (над головой статуэтки) окрашен киноварным лаком.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-8. Трубка курительная кисэру 煙管. Япония, XIX в. Серебро, бамбук, лак.

Мундштук *суигути* 吸口 и чашечка *ганкуби* 雁首, серебряные, с резным орнаментом. Средняя часть *рау* 羅宇 — бамбуковая.

Длина 25 см.

Место хранения: предмет на месте хранения отсутствует.

В коллекции имеются три японских меча и футляр *катана-ирэ*. В оригинальной описи Овермеера Фишера приводится следующее рассуждение относительно японских мечей (Опись № 13, перевод с французского):

«№2. Пара сабель. Саблю в Японии можно рассматривать скорее как принадлежность туалета, а не как оружие, если принять во внимание, что прошли целые века с тех пор, как ее вынимали из ножен для военных целей. Но, несмотря на это, мне кажется, что ни одна другая нация не относится с таким уважением и заботой к этому оружию, как японцы, независимо от ранга или профессии. Японец всегда вооружен саблей и, хотя для права ношения ее требуется какой-нибудь гражданский или военный ранг, все же редко встретишь мужчину без сабли. Актеры, рабочие и торговцы, не пользующиеся по причине своего ремесла правом ношения оружия, почти всегда принадлежат к свите кого-либо из сановников, чтобы иметь право в праздничные дни появляться в парадной одежде; очень странно видеть в таких случаях самого последнего поденщика, принимающего участие в кортеже какого-нибудь знатного лица и держащегося так, как будто это — его обычное занятие.

Чиновники императора и все, имеющие какой-либо военный чин, временно носят две сабли на левом боку, на поясе, причем сабли различаются только длиной. Более длинная сабля служит оружием для защиты; ее снимают при входе в дом. Короткая же сабля всегда остается при хозяине — либо сбоку, на поясе, либо ее кладут на циновку или ковер, на котором сидят.

Чтобы показать, с каким уважением японцы относятся к этому оружию, достаточно сказать, что они скорее обойдут вокруг всей комнаты с тем только, чтобы не переступить поверх лежащей на дороге сабли. Нередко встречаешь сабли, которым несколько сот лет, с подлинной хроникой их подвигов; такие сабли являются драгоценностью и почестью всей семьи. Нередко крайне преувеличенные цены на сабли являются следствием их [такого рода] достоинства; но в общем нужно сказать, что японские клинки не имеют себе равных по качеству и красоте.

В стране, где имеется огромное количество сабель, так как несколько миллионов жителей пользуются правом их ношения, запрет на их экспорт под предлогом сохранения тайны их изготовления может показаться неуместным. Однако суеверная привязанность ко всему древнему и в особенности любовь к оружию своих славных предков мне кажется достаточной причиной для того, чтобы экспорт любого оружия считался самым большим преступлением контрбанды и карался смертною казнью».

13-9-A2/2-1 a, b, c, d, e, f, g, h, i. Меч-катана в чехле и ножнах. Япония, XVII–XVIII вв.

История бытования: образец традиционного японского боевого клинкового оружия.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

Состояние удовлетворительное.

Общие размеры (см): 90×8,7×10.

Меч состоит из следующих деталей:

13-9-A2/2-1a. Клинок. Япония, XVIII в. Кованая сталь. Подписи нет.

Форма: *синоги-дзукури*

Киссаки: *тю:- киссаки, фукура-цуку*

Хамон: *тю:-сугуха*

Хвостовик: 2 *мэкуги-ана*.

Состояние удовлетворительное. Полировка клинка нарушена, на лезвии имеются мелкие сколы.

Размеры (см): длина (от *киссаки* до *накаго-дзири*) 80,2; ширина 2,8; высота 0,7.

Нагаса (длина лезвия) 62 см.

Дзори (изгиб лезвия) 1,1 см

13-9-A2/2-1b. Ножны. Япония, XVIII в. Дерево, лак.

Состояние удовлетворительное. Размеры: 77×3,5×3,4 см.

13-9-A2/2-1c. Чехол *катана-ирэ*. Парча. Япония, XVIII в.

Состояние удовлетворительное. Размеры: 107,5×13,5 см.

13-9-A2/2-1d. Цуба — гарда меча. Япония, XVII в. Железо, медь.

Подпись: 埋忠 城州 住 *Умэтада, Дзё:сю:* (пр. Ямасиро) *дзю:*.

Описание: тонкая железная *цуба* круглой формы. *Рё:хицу* отсутствуют. *Ку-тибэни* из красной меди. Декоративный паттерн — *кикко*: 亀甲 — узор из шестигранников, имитирующий рисунок черепашого панциря, — в технике *сукаси*, т.е. перфорации, негативный силуэт.

Состояние удовлетворительное.

Размеры (см): диаметр 8,6; высота 0,3.

13-9-A2/2-1e. *Хабаки* — накладка-стопор. Япония, XVIII в.

Медь.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 3,1×3,1×1,1 см.

13-9-A2/2-1f. *Сэппа* — декоративная прокладка. Япония, XVIII в.

Медь.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 3,7×2,2×0,15 см.

13-9-A2/2-1g. *Сэппа* — декоративная прокладка. Япония, XVIII в.

Медь.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 3,7×2,2×0,15 см.

13-9-A2/2-1h. *Фути* — декоративная деталь оправы. Япония, XVIII в.

Медь.

Подпись: *Ёситака*.

Описание: изображен *тэнгу* 天狗 (лесной демон, леший), в технике гравировки.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 3,8×2,1×1,3 см.

13-9-A2/2-1i. Рукоять *цука*. Япония, XVIII в.

Дерево, лак, галюша, медь, шелковый шнур.

На рукояти также имеются две *мэнуки* (медь, *сякудо*, позолота *хира-дзо:ган*) и *касира* (черный рог, лак).

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 24,3×W 3,7×H 2,9 см.

13-9-A2/2-2 а, b, c, d, e, f, g, h, i. Меч-катана в ножнах и чехле. Япония XVI—XVIII вв.

История бытования: образец традиционного японского боевого клинкового оружия.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

Состояние удовлетворительное.

Общие размеры: 97×W 7,7×10 см.

Состоит из:

13-9-A2/2-2a. Клинок. Япония XVI в. Кованая сталь.

Форма: *синоги-дзукури*

Киссаки: *тю:-киссаки*, *фукура-цуку*

Хамон: *то: ран*

Желоб: *бо-хи*.

Хвостовик: 3 *мэкуги-ана*. Подпись: *Тайра Сигэхиса* 平鎮. (Известен как Тайра Сигэхиса из Бунго или Тоса, активность 1558–1573 гг.⁹)

Состояние удовлетворительное. Полировка клинка нарушена, на лезвии имеются мелкие сколы.

Размеры: 90×3×0,7 см.

⁹ См.: [Hawley 1998, 2: 636]. Кузнец Тайра Сигэхиса по этому изданию имеет «рейтинг» 15 баллов и «код» SHI 799, SHI 800.

Нагаса — длина лезвия 70 см.

Дзори — изгиб лезвия 2 см.

13-9-A2/2-2b. Ножны.

Дерево, лак, шелковый шнур.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 2,6×4×3,6 см.

Длина шнура 130 см.

13-9-A2/2-2c. Чехол *катана-ирэ*. Япония, XVIII в.

Парча.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 100×12 см.

13-9-A2/2-2d. *Цуба* — гарда меча. Япония, XVIII в.

Железо, золотая насечка.

Подпись: 国吉 唐津 住 *Куниёси, Карацу-дзю*: (Карацу — город на сев.-зап. Кю:сю:).

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 7,6×7,2×0,5 см.

13-9-A2/2-2e. *Хабаки* — накладка-стопор. Япония, XVIII в.

Медь.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 2,9×3,2×1,2 см.

13-9-A2/2-2f. *Сэппа* — декоративная прокладка. Япония, XVIII в.

Медь, позолота.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 4,1×2,45×0,1 см.

13-9-A2/2-2g. *Сэппа* — декоративная прокладка. Япония, XVIII в.

Медь, позолота.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 4,1×2,45×0,1 см.

13-9-A2/2-2h. *Фути* — декоративная деталь оправы. Япония, XVIII в.

Медь.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 2,5×2,5×1,2 см.

13-9-A2/2-2i. Рукоять. Япония, XVIII в.

Дерево, лак, галюша, медь, шелковый шнур.

На рукояти также имеются две *мэнуки* (медь, *сякудо*, позолота *хира-дзо:ган*) и *касира* (медь, *сякудо*, золото). Декор — золотая насечка (*хон-дзо:ган*) *каракуса* и аппликация (*така-дзо:ган*) в виде бабочек и листьев.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 22,8×3,8×2,9 см.

13-9/2 а, b, c, d, e, f, g, h, I, j. Меч-вакидзаси. Япония XVII в.

История бытования: образец традиционного японского боевого клинкового оружия. Этот предмет — «лишний», не относящийся к коллекции И.Ф. ван Овермеера Фишера. Собиратель неизвестен.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

Состояние удовлетворительное.

Общие размеры: 58,2×7,5×7,5 см.

Состоит из:

13-9/2 а. Клинок. Кованая сталь. Япония XVI в.

Форма: *синоги-дзукури*

Киссаки: *тю:киссаки*, *фукура-цуку*

Хамон: *тю:-сугуха*

Хвостовик: 1 *мэкуги-ана*

Общая длина: 54,2 см

Длина лезвия (*нагаса*): 54,2 см

Длина *ко-синоги*: 4,5 см

Длина *ёкотэ-гива*: 2,3 см

Киссаки-нагаса: 5 см

Накаго-нагаса: 11,5 см

Ширина клинка: *мото-хаба* 3 см, *саки-хаба* 2,2 см

Толщина клинка: *мото-касанэ* 0,6 см; *саки-касанэ* 0,3 см.

Форма клинка в сечении: *синоги-дзукури*

Форма изгиба (*сори*): *тории-дзори*

Форма вершины клинка (*киссаки*): *тю:*

Форма обуха (*мунэ*): *куригата*

Форма долов: На внутренней стороне два дола, один из которых широкий и короткий, а другой — узкий и длинный.

Эффекты ковки (*хатарак*):

— тип *хамон*: *ко-сугуха* — *мидарэ*

— узор поверхности (*хада*): *масамэ?*

— наличие дополнительных узоров ковки (*ниэ*, *ниои* и т.д.): не видны из-за утраты полировки.

Гравюра (*хоримоно*): на внешней стороне клинка помещено стилизованное изображение меча кэн, обвитого драконом, внизу — бондзи.

Хвостовик (*накаго*): подпись (*мэй*): *Бансю: дзю: Хиромаса* 播磨住播磨 (Хиромаса, живущий в Бансю: (сокращенное название провинции Харима в юго-западной части о. Хонсю, на побережье Внутреннего моря)¹⁰.

— Форма: *куригата*

— патина: темная, серо-бурого цвета.

— число *мэкуги-ана*: 1

¹⁰ См.: [Hawley 1998: 64]. Кузнец Хиромаса из провинции Харима был активен в районе 1532 г., его рейтинг — 15. Код — HIR 275.

Состояние удовлетворительное. Полировка клинка нарушена, на лезвии имеются мелкие сколы, пятна коррозии.

13-9/2b. Ножны. Япония, XVIII в.

Дерево, лак.

Состояние плохое (утраты, сколы, царапины, грязь).

Размеры: 43,2×4,2×3 см.

13-9/2c. Малый нож *когатана*. Япония, XVIII в.

Кованое железо.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 17,2×1,2×0,2 см.

Подпись: *бан ню:до: фу: иссаку корэ* 番入道風一作之 («Это сделано для спутника *ню:до:* [принявшего постриг господина] из провинции Харима»).

13-9/2d. *Кодзука* — декоративная рукоять ножа. Япония, XVIII в.

Медь, *сякудо*, позолота.

Декор: композиция: *оги* и *каракуса*. Техника: *такадзо:ган*, *нанак*о, патина.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 24×1,5×0,6 см.

13-9/2e. *Сэппа* — декоративная прокладка.

Медь, позолота.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 3,9×2,1×0,1 см.

13-9/2f. *Сэппа* — декоративная прокладка.

Медь, позолота.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 3,9×2,1×0,1 см.

13-9/2g. Цуба — гарда меча. Япония, XVII в.

Бронза, позолота.

Подпись: 国重造 平戸 Кунисигэ цукуру, Хирадо (изготовил Кунисигэ из Хирадо).

Мастер Кунисигэ (вторая половина XVII в.) — один из основателей стиля *намбан* («южный варвар») в изготовлении *канамоно* (металлические детали) для *косираэ* (оправы меча) (см.: [Gunsaulus 1923: 73, 174]).

Описание: цуба круглой формы, пластина довольно толстая. Декор — два дракона, играющие в облаках с жемчужиной *хо:дзю*, один дракон — восходящий, мужской (с острием меча *кэн*, выступающим из хвоста), другой — нисходящий, женский. Техника — *такабори*, патина, фрагментарная позолота (например, глаза и язык дракона). На торце — серия повторяющихся знаков, т.н. *намбандзи* — «письмена южных варваров», т.е. имитация латиницы.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 7,3×6,9×0,6 см.

13-9/2h. *Фути* — декоративная деталь оправы.

Медь, *сякудо*, позолота.

Описание: *фути*, как и *касира*, имеет медную основу, на которую наложена фольга из сплава *сякудо* с черной патиной; обработана методом чеканки в стиле *исимэ* — «глаз камня» (имитация шероховатой поверхности камня); сохранилась инкрустация в стиле *хирадзо:ган*; главное украшение, как и на *касира*, — фамильный герб — три листа мальвы в круге (на *касира* представлен не весь герб, а только его часть, смещенная к краю изделия; при этом предполагается, что отсутствующая часть герба как бы находится «вне поля зрения»; это довольно часто встречающийся японский художественный прием).

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 3,9×2,1×1,2 см.

13-9/2i. Рукоять.

Дерево, лак, галюша, медь, позолота, серебрение, шелковый шнур.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 12,5×3,8×2,5 см.

На рукояти также имеются две *мэнуки* (медь, *сякудо*, позолота *хира-дзо:ган*) и *касира* (медь, *сякудо*, золото). Декор: черная патина, позолота (в виде редких пятнышек); поверхность обработана в стиле *мокумэ* — фактура камня; имеется герб — три сердцевидных листа мальвы в круге.

13-9/2j. *Хабаки* (*варихабаки*) — накладка-стопор.

Медь, серебрение.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 2,4×3,2×1,2 см.

13-9 а, б. Катана-дзуцу, футляр для мечей. Япония XVIII–XIX вв.

Дерево, лак, бумага, медь, краска.

Состоит из основания и крышки. Внутри оклеен бумагой с тонкой росписью (на красно-коричневом фоне — разнообразные стилизованные цветы (лотосы, пионы, мандарины, *кара-хана* («китайский цветок») и др.)

Состояние удовлетворительное.

13-9а. Основание.

Размеры: 121×23×8 см.

13-9б. Крышка.

Размеры: 121×23×5 см.

История бытования: образец традиционного японского футляра для хранения и переноски двух мечей, составляющих пару *дайсё*.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-10 а, б, с, d, е/2, g. Модель пассажирской лодки *яката-бунэ* 屋形船¹¹. Япония, XIX в.

¹¹ В описи 1939 г. все три модели ошибочно обозначены *хомаэсэн* 帆前船 — это название относится только к парусным кораблям.

Дерево, бамбуковая жилка, холст, медь, клей, краски.

Модель представляет собой деревянную конструкцию с отдельными съемными деталями — рулем, двумя лестницами, жаровня (утрачена) и ящичком со съемной крышкой. Крыша каюты отклеилась и обозначена собственным номером.

Сохранность: нуждается в реставрации. Тем не менее предмет может экспонироваться с определенными условиями.

13-10a. Корпус лодки. Дерево, медь, клей, краски, бамбуковая жилка.

Палуба набрана из отдельных деталей. Каюта украшена раздвижными переборками, расписанными пионами. Ограждена бортиками. Пол оклеен мелкой циновкой, имитирующей татами. На корме — маленький упор для руля. На корпусе имеются медные детали, в том числе декоративные.

Размеры: 75×20×33,6 см.

13-10b. Крыша каюты. Дерево, клей, медные гвозди.

Размеры: 28×20×5 см.

13-10c. Лестница. Дерево.

Размеры: 12,3×4,2×1,2 см.

13-10d. Лестница. Дерево.

Размеры: 18×4,7×0,7 см.

13-10 e/1, 2. Ящичек со съемной крышкой. Дерево.

Размеры: 6×4,5×4,4 см.

13-10f. Утрачена.

13-10g. Руль. Дерево.

Размеры: 15×8 см.

История бытования: модель традиционного японского малого судна, изготовленная по спецзаказу европейцев как коллекционный предмет, характеризующий традиционный японский водный транспорт эпохи Эдо (1600—1868).

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-11 a, b, c/5, d, e, f, g. Модель пассажирской лодки *яката-бунэ* 屋形船.
Япония, XIX в.

Дерево, бамбуковая жилка, холст, медь, клей.

Модель представляет собой деревянную конструкцию с отдельными съемными деталями — рулем, двумя веслами, якорем (утрачен) и каютой (расклеилась и распалась на отдельные детали, каждая из которых обозначена собственным номером).

Сохранность плохая. Предмет нуждается в реставрации.

В нынешнем виде экспонировать предмет невозможно.

13-11a.

Корпус лодки. Дерево, медь, клей, бамбуковая жилка, веревка.

Снизу корпус окрашен в черный цвет. Палуба набрана из отдельных деталей; в том месте, где должна быть каюта, оклеена мелкой циновкой, имитирующей татами. На корме — характерный кронштейн (в виде ворот) для весла. На корпусе имеются медные детали, в том числе декоративные. Из трюма вытянут конец веревки для якоря, но самого якоря уже нет.

Размеры: 73,5×21,8×20 см.

Примечание: если восстановить каюту, то общая высота будет 25,2 см.

13-11b. Крыша каюты с четырьмя боковыми щитками (готовыми в любой момент оторваться). Дерево, проклеенный холст.

Размеры: длина 31 см, ширина макс. 24,5 см.

13-11 c/5=5. Пять отдельных мелких деревянных деталек — столбиков для поддержки крыши.

Отдельного описания не заслуживают, ибо по сути являются несъемной частью корпуса, отделившейся из-за его поломки.

13-11d. Руль с рукоятью.

Дерево, клей.

Размеры: высота 14,5 см, ширина 12,8 см.

13-11e. Весло.

Дерево, нить.

Размеры: длина 27,6 см, ширина 1 см.

13-11f. Якорь.

Отсутствует

13-11g. Весло.

Дерево.

Размеры: длина 25,7 см, ширина 2,3 см.

История бытования: модель традиционного японского малого судна, изготовленная по спецзаказу европейцев как коллекционный предмет, характеризующий традиционный японский водный транспорт эпохи Эдо (1600—1868).

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-12 а, b, c, d. Модель китобойной лодки кудзира-цури-бунэ 鯨釣船. Япония, XIX в.

Дерево, бамбуковая жилка, железо, медь, клей.

Модель представляет собой деревянную конструкцию с отдельными съемными деталями — рулем (утрачен), веслом (утрачено) двумя баграми, якорем (утрачен) и колышком на веревке.

Сохранность удовлетворительная.

13-12a. Корпус лодки.

Дерево, медь, клей, бамбуковая жилка, веревка.

Снизу корпус окрашен в черный цвет. Палуба набрана из отдельных деталей; имеется каюта с крышей на четырех столбах и двумя боковыми щитками.

Пол оклеен мелкой циновкой, имитирующей татами. На корме — характерный кронштейн (в виде ворот) для рулевого весла (утрачено). На корпусе имеются медные детали, в том числе декоративные. Из трюма вытянут конец веревки для якоря, но самого якоря уже нет. На носу прикреплен веревка с деревянным колышком. В старых описях упоминаются раздвижные перегородки, украшенные росписью, но они утрачены.

Размеры: 62,6×18,5×20,4 см.

13-12b. Деревянный колышке на веревке. Деталь несъемная (она просто отломана), и отдельный номер ей присвоен по большому счету ошибочно.

13-12c. Багор без крюка.

Дерево, железо.

Длина 28,8 см.

13-12d. Багор с крюком.

Дерево, железо.

Длина 23 см.

История бытования: модель традиционного японского малого судна, изготовленная по спецзаказу европейцев как коллекционный предмет, характеризующий традиционный японский водный транспорт эпохи Эдо (1600—1868).

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-13. Дзингаса. Япония, Первая половина XIX в.

Прессованная лакированная ткань (лен или х/б), лак, шелк, медь, вата.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: диаметр 43 см, высота 6 см.

История бытования: аксессуар традиционного самурайского боевого костюма эпохи Эдо (1600—1868), представляет собой облегченный шлем-шляпу. Имеет стилизованный герб в виде иероглифа *мандзи* 卍.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии, ящик 406-2.

№ 13-14 а, б. Пара носков *таби* 足袋 черного цвета. Япония, Первая половина XIX в.

Материя х/б.

Состояние удовлетворительное.

Размеры, см: длина — 17, ширина — 11, высота — 13.

История бытования: *таби* — традиционные носки с отдельным большим пальцем. Используются для хождения по дому или для ношения вместе с сандалиями *гета* или *варадзи*. Аксессуар традиционного японского костюма.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии, ящик 104-III.

№ 13-15. Кисет для табака *табако-ирэ* 煙草入. Япония, Первая половина XIX в.

Прессованная лакированная материя, имитирующая тисненую кожу; медь, лак.

Состояние плохое (разрывы фактуры).

Размеры: 14×8,5 см.

История бытования: традиционный кисет для хранения табака. Носился за поясом на шнурке с бусиной и противовесом — нэцкэ и/или футляром с трубкой (все это отсутствует). Кисет № 13-15 представляет собой художественный предмет, отделанный золотым тиснением, с дизайном «Актеры» по рисунку известного художника и поэта Ханабуса Иттю: 英一蝶 (1652–1724)¹².

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

Предметы под номерами 13-16–13-21 представляют собой серию работ художника [Мори]Ю:сэн, принадлежавшего к известной киотской школе Мори (XVIII–XIX вв.), ответвлению школы Маруяма. Н этих картинах, смонтированных в виде свитков вертикального формата (*какэмоно*), изображены пейзажи центральной части Японии (окрестности Осаки и Киото) в разные времена года. Также изображены японцы, занимающиеся характерными сезонными работами или предающиеся соответствующим сезону развлечениям.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-16. Ю:сэн. «Японский пейзаж — весенний вид». Свиток-*какэмоно*. Живопись на шелке. Монтировка *ямато-хо:гу*, используется парча с орнаментом в стиле *каракуса* (узорочье) с пионами и птицами. Япония. Первая половина XIX в. Шелк, бумага, дерево, кость, тушь, цветные пигменты. Печать и подпись в правом нижнем углу.

Сохранность удовлетворительная.

Размеры: общие (монтировка): 198×64 см; собственно картина: 110,3×51,6 см.

Комментарий Овермеера Фишера (опись № 13): «Paysage Japonais — Vue au Printemps».

Примечание: изображен весенний пейзаж горы Арасияма, покрытой цветущей сакурой. Гора Арасияма близ Киото была популярным местом для любования цветущей сакурой весной (*ханами*) и алыми кленами (*момидзи-гари*) осенью. Эти возвышенные развлечения обычно сопровождались многочисленными пикниками, на которые ходили целыми семьями и большими компаниями, играли на *сямисэнах* и флейтах, беседовали, слагали стихи, а также закусывали и пили сакэ. Здесь изображен один из таких пикников — по-видимому, на берегу реки Ходзугава, близ моста Тогэцукё.

Написанный Ю:сэном пейзаж довольно далек от реального. Художник задался целью не написать реальный вид места, а передать настроение этого времени.

№ 13-17. Ю:сэн. «Вид горы Арасияма». Свиток-*какэмоно*. Живопись на шелке. Монтировка *ямато-хо:гу*. Япония. Первая половина XIX в. Шелк, бумага, дерево, кость, тушь, цветные пигменты. Печать и подпись в левом нижнем углу.

¹² Ханбуса Иттю (1652–1724) — творческий псевдоним Тага Синко, известного художника периода раннего Эдо, работавшего в стиле школы Кано и специализировавшегося на изображении сцен городской жизни. См.: [Japan 1993: 496].

Сохранность удовлетворительная.

Размеры: общие (монтировка): 198×64 см; собственно картины: 109,4×51,3 см.

Прикреплена бирка с комментарием Овермеера Фишера (опись № 13): «Paysage Japonais — vue d'Arasijama».

Примечание: гора Арасияма изображена осенью, когда имеет место любование кленами (*момидзи-гари*). Место — окрестности храма То:фукудзи. Вокруг ручья установлены помосты, на которых отдыхающие японцы любят кленами, пьют сакэ, общаются с дамами. Последние раскладывают лаковые коробки с провизией (*бэнтобако*).

№ 13-18. Ю:сэн. «Японский пейзаж. Сбор чайного листа». Свиток-какэмоно. Живопись на шелке. Япония. Первая половина XIX в. Шелк, бумага, дерево, кость, тушь, цветные пигменты. Печать и подпись в левом нижнем углу.

Сохранность удовлетворительная.

Размеры: общие (монтировка): 198×64,3 см; собственно картины: 110,2×51,7 см.

Комментарий Овермеера Фишера (опись № 13): «Paysage Japonais — Recolte du The».

Примечание: чайные кусты растут под крытыми циновками навесами. Чайный лист женщины собирают в большие плетеные корзины. Одна из женщин отдыхает на расстеленной на земле циновке, пьет чай, курит трубку и одновременно кормит грудью ребенка.

№ 13-19. Ю:сэн. «Японский пейзаж — вид местечка О:хара перед Миако». Свиток-какэмоно. Живопись на шелке. Монтировка *ямато-хо:гу*. Япония. Первая половина XIX в. Шелк, бумага, дерево, кость, тушь, цветные пигменты. Печать и подпись в левом нижнем углу.

Сохранность удовлетворительная.

Размеры: общие (монтировка): 198×64 см; собственно картины: 110,0×51,3 см.

Комментарий Овермеера Фишера (опись № 13): «Paysage Japonais — Vue d'Ohara pres de Miaco».

Примечание: на картине женщины, несущие вязанки с хворостом или тростником. Изображена, по-видимому, деревня О:хара в горах к северо-востоку от Киото, со времен Хэйан славившаяся промыслом древесного угля и хвороста для растопки, который производили и продавали женщины, называвшиеся *охарамэ*.

№ 13-20. Ю:сэн. «Японский пейзаж в окрестностях г. Осака». Свиток-какэмоно. Живопись на шелке. Монтировка *ямато-хо:гу*. Япония. Первая половина XIX в. Шелк, бумага, дерево, кость, тушь, цветные пигменты. Печать и подпись в левом нижнем углу.

Сохранность удовлетворительная.

Размеры: общие (монтировка): 198×64 см; собственно картины: 110,3×51,7 см.

Бирка «Paysage Japonais auz environs de la Ville Ozakka, coll van Overmer Fisscher».

Комментарий Овермеера Фишера (опись № 13): «Paysage Japonais — Aux environs de la ville Ozsakka».

Примечание: изображены чайные домики в одном из «веселых кварталов» в окрестностях Осаки. В чайных домиках развлекаются купцы в сопровождении куртизанок. На переднем плане — родник под крышей; на дальнем плане видны ворота-тории синтоистского храма и буддийский храм с пагодой и *кондо*. По-видимому, вид на гору с двумя вершинами позволял определить, что именно за место было изображено на картине.

№ 13-21. Ю:сэн. «Японский пейзаж с рекой Сё:кава». Свиток-какэмоно. Живопись на шелке. Япония. Первая половина XIX в. Шелк, бумага, дерево, кость, тушь, цветные пигменты. Печать и подпись в правом нижнем углу.

Сохранность удовлетворительная.

Размеры: общие (монтажка): 198×64 см; собственно картины: 110,2×51,7 см.

Бирка «Paysage Japonais — Vue de la Riviere Syokawa».

Примечание: река Сё:кава находится в префектурах Гифу и Тояма; она начинается в горах Хида неподалеку от городка Сё:кава и течет на север, впадая в залив Тояма на западном побережье о. Хонсю. Представляется, что здесь изображена совсем другая река в Осаке или Киото, название которой было искажено Овермеером Фишером.

По-видимому, здесь изображен праздник любования луной — *цукими* (созерцание луны), или *мэйгацу* («яркая луна»). Этот праздник устраивался, в частности, в пятнадцатую ночь восьмой луны, когда зрелище полнолуния считается наиболее впечатляющим. Как и прочие праздники-любования природными красотами, *цукими* сопровождался массовыми пикниками с питием саке и обильными трапезами.

Действие, запечатленное на картине, по-видимому, происходит именно летом, в период июльского зноя (а не осенью, когда также любовались луной 15-го сентября) — одежды участников праздника распахнуты, в руках веера, без которых летний зной просто невыносим; кроме того, помосты для пикника вынесены прямо в реку, чтобы речная прохлада разгоняла духоту.

Действие происходит ночью — на это указывает обилие фонарей и размытость дальнего плана. Лица многих людей повернуты в одну сторону (влево) — очевидно, все они созерцают восход луны.

На фонарях можно различить надписи «Итомэ» и «Мацудайра-я».

Монтажка этой картины несколько отличается от предыдущих цветом (преобладание зеленых тонов) и декоративными мотивами (*мон-дзукури* — изображения различных гербов: пиона, 16-лепестковой хризантемы и цветка *ямабуки* (?), вписанного в контур шестилепесткового цветка сливы). Монтажка *ямато-хо:гу*, декоративный мотив — *мон-дзукури*.

Предметы под номерами 13-22—13-26 — серия работ нагасакского художника Кавахара Кэйга (1786(?)—1860(?)) под общим названием *Нихон фу:кэй-дзу* — «Пейзажи Японии». Заказчик — И.Ф. ван Овермеер Фишер. Смонтированы нетрадиционно для японской живописи — в бумажные паспарту с наклеенной этикеткой на французском языке.

№ 13-22. Кавахара Кэйга. Вид синтоистского храма в окрестностях г. Нагасаки. Альбомный лист. Япония. XIX в. Живопись на шелке. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная.

Размеры: собственно изображения — 55,5×64,5 см; паспарту — 71×80 см.

Комментарий Овермеера Фишера (опись № 13): «Vue d'un temple aux environs de Nangasakki».

Вид г. Нагаски с синтоистским храмом «с высоты птичьего полета». Сам храм изображен справа на заднем плане, в некотором отдалении, на обложенной камнями платформе. Окружен деревянной стеной. Вокруг храма — сосны и цветущая сакура. К храму ведет каменная лестница. Перед ней — ворота-*тории*. Вдали видны горы и серое небо. На переднем плане — две городские улицы; одна ведет к храму (на ней — еще одни ворота-*тории*), другая ей перпендикулярна. На обеих улицах изображены разнообразные лавки и прохожие: всадники, грузчики с тюками, носильщики-*нагамоти*.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-23. Кавахара Кэйга. Зимний городской пейзаж. Альбомный лист. Япония. XIX в. Живопись на шелке. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная.

Размеры: собственно изображения — 52,7×61,5 см; паспарту — 72,8×81,2 см.

Комментарий Овермеера Фишера (опись № 13): «Paysage Japonais — Couvent de Niege».

На картина, по-видимому, зимний вид Нагасаки.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-24. Кавахара Кэйга. Станция на дороге. Альбомный лист. Япония. XIX в. Живопись на шелке. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность плохая (осыпание красочного слоя).

Размеры: собственно изображения 52,2×63,3 см; паспарту — 52,5×63,3 см.

Комментарий Овермеера Фишера (опись № 13): «Paysage Japonais — Relais de voyageurs».

Изображена станция на какой-то большой дороге. В левой части картины — харчевня. Слуги готовят и разносят посетителям еду и чай. Несколько отдыхающих мужчин и женщин. У харчевни — шест с дощечкой; на дощечке — иероглифическая надпись. В левой нижней части — два пустых паланкина; рядом спит большая собака. В самом низу — крыши домов с другой стороны улицы (вид дан сверху). На улочке вдоль харчевни — движение в ту и другую стороны: хозяин с нагруженным слугой; торговцы; буддийский монах (синтоистский священник?) в белой одежде, с посохом и жезлом-*сайхай*, с корзиной за плечами, к корзине прикреплена плетеная шляпа, волосы коротко острижены; в паланкине двое носильщиков несут богатого человека; слуга ведет коня со всадником; еще один слуга хлопочет около двух коней (один из коней оседлан, другой — с поклажей; оседланному коню меняют подкову); тут же играют три собачки (явная пародия на заимствованный из Китая декоративный мотив резвящихся *сиси* («собак Будды»), символизирующих игру стихий Ян и Инь); у харчевни — петух с курицей. Справа — большое дерево. На ветке — клетка с зелено-желтой птичкой. Справа — река; через нее перекинут мост. За рекой — рисовые поля с работающими там людьми. Дорога уходит вдаль, к цепочке гор. На ней — фигурки людей,

уменьшающиеся по мере удаления, что создает эффект перспективы. Небо серое, с белесыми облаками.

Паспарту — грязно-розового цвета.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-25. Кавахара Кэйга. Вид буддийского храма в окрестностях Нагасаки.

Альбомный лист. Япония. XIX в. Живопись на шелке. Печать и подпись отсутствуют. Этикетка на французском языке: «Vue d'un Temple aus Environs de Nagasaki. Coll. Van Overmeer Fisscher».

Сохранность удовлетворительная.

Размеры: 47,5×54,2 см.

В центре изображен внутренний двор храма. За ним — *кондо* (главное здание) с серой крышей. Перед входом — декоративная пальма. Справа — служебные постройки, слева — крытая галерея, примыкающая к *кондо*. На переднем плане — каменная стена с широкой лестницей. У лестницы — монах и храмовый служка. На заднем плане — зеленые деревья и кладбище. На кладбище ведет узкая каменная лестница.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-26. Кавахара Кэйга. Вид кладбища в окрестностях Нагасаки. Альбомный лист. Япония. XIX в. Живопись на шелке. Печать и подпись отсутствуют. Этикетка на французском языке: «Un Cimetriere aus Environs de Nagasaki/ Van Overmeer Fisscher».

Сохранность удовлетворительная.

Размеры: паспарту — 61,7×88,7 см; собственно изображения — 47,5×61,3 см.

Изображено кладбище с каменными могилами. На могилах — иероглифические надписи саркастического содержания («Банзай!», «Сакэ», «Женщины» и т.д.) В левом верхнем углу — на одной из могил подпись красным: «J.F. van Overmeer Fisscher»; чуть ниже — «Takeda Onae». На картине Кавахара Кэйга изобразил могилу сына Овермеера Фишера, Дзэндзо; умершего в младенчестве. Перед могилой — дама в фиолетовом *косодэ* (по-видимому, это дама Кэваи, мать Дзэндзо); за ней — служанка в коричневом полосатом *косодэ* с красным *оби*. В ее руках — связка зеленых веток. Служанка делает знаки рукой головному служке в синем коротком кимоно (поднимается по лестнице с деревянным ведром и черпаком).

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-27. Ракуё Томэи. Шествие императорской процессии. Альбомный лист горизонтального формата. Живопись на шелке. Япония. Первая половина XIX в. Шелк, бумага, цветные краски. Печать и подпись — в правой верхней части. Оригинальная парчовая монтировка нарушена, картина вставлена в бумажное паспарту более позднего происхождения. Приклеена бумажная этикетка с надписью по-французски: «Le Cortege de Dairi ou l'Empereur Ecclesiastique dans le Japon, coll van Overmeer Fisscher».

Сохранность удовлетворительная.

Размеры: паспарту — 61,7×88,7 см; собственно изображения — 47,5×61,3 см.

История бытования: Произведение традиционной японской живописи киотской школы начала XIX в. На картине изображено шествие императорской процессии. Возможно, это свадебная процессия, сопровождающая в императорский дворец (*дайри*) в Киото супругу императора Нинко: (1800–1846, годы правления — 1817–1846). Сам император не покидал пределов дворцовой территории. Возможно, запечатленный на картине эпизод имел место незадолго до посещения Овермеером Фишером Киото в 1822 г. Такого рода шествия (в основном — шествия владетельных князей-даймё:) были излюбленным мотивом многих японских художников. Эта картина примечательна тем, что автор ввел элементы перспективы — человеческие фигурки на дальнем плане меньше, чем на переднем. Обычно же длинные шествия изображались в виде извивающейся змеи, занимавшей все пространство картины; костюмы, оружие, гербы, знамена и прочие аксессуары участников шествий изображались с величайшей тщательностью, однако построение пространства было исключительно плоскостным, без какого-либо противопоставления переднего и дальнего планов.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-28/1. Кимоно. Япония. XIX в. Шелк (газ).

Мужское кимоно из голубого газа с пятью гербами («девять звезд»).

Сохранность плохая (грязь, пятна, мелкие разрывы и утраты, складки).

Размеры: 146×132 см.

История бытования: аксессуар традиционного японского мужского (самурайского) костюма. Такие кимоно (*косодэ*) обычно надевались поверх нательного кимоно и заправлялись в *хакама*. Сверху надевали куртку *хаори* или безрукавку *катагину*.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-28/2. Кимоно. Япония. XIX в. Шелк.

Нижнее кимоно *хада-дзюбан* бледно-зеленого цвета.

Сохранность удовлетворительная; реставрация 1999 г., РЭМ, по гранту Японского фонда.

Размеры: 88,5×118 см.

История бытования: *хада-дзюбан* — нательное кимоно из тонкого легкого шелка. Аксессуар традиционного японского костюма. Носили как мужчины, так и женщины — под верхней одеждой. Это кимоно — мужское.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-29. Шаровары *хакама*. Япония, XIX в. Шелк, материя, китовый ус (*Megaptera novaeangliae*).

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 95×75 см.

История бытования: шаровары *хакама* — часть традиционного японского костюма. Представляют собой нечто среднее между широкой юбкой и штанами; с боков — длинные разрезы; снабжены длинным узким поясом. Носили как мужчины, так и женщины. Эти *хакама* — мужские.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-30. Пояс *оби*. Япония. XIX в. Шелк.

Пояс разноцветный, полосатый, на голубой подкладке.

Состояние хорошее.

Размеры: 361×8 см.

История бытования: широкий пояс — аксессуар традиционного женского костюма. Завязывался сзади декоративными бантами. Этот *оби* — для замужней женщины.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-31. Кимоно женское. Япония. XIX в. Шелк.

Темно-синее кимоно на белой подкладке.

Размеры неизвестны.

На месте хранения отсутствует.

№ 13-32. Накидка *катагину*. Япония. XIX в. Шелк, материя, китовый ус (*Megaptera novaeangliae*).

Накидка голубого цвета, на черной подкладке. Гербы — трилистник мальвы в круге.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 73×75 см.

История бытования: накидка *катагину* вместе с шароварами *хакама* составляет *камисисмо* — официальный (не боевой, но формальный) костюм самурая эпохи Эдо (1600—1868).

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-33. Накидка *дзимбаори*. Япония, XIX в. Шелк, плюш, китовый ус (*Megaptera novaeangliae*), кость коровы домашней.

Накидка снаружи белого цвета (плюш), на черной шелковой подкладке.

Состояние удовлетворительное.

Размеры: 111×66 см.

История бытования: *дзимбаори* — аксессуар боевого самурайского костюма, верхняя накидка; как правило, носится поверх доспехов, реже — поверх *камисимо*. Украшено сзади гербом.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

Предметы под номерами 13-34/39(1)–13-34/39 (35) — серия небольших несмонтированных картин работы известного нагасакского художника Кавахара Кэйга. Представляют собой часть этнографической серии *Нихон фу:дзоку-дзу* («Обычаи японцев»). Иллюстрируют различные аспекты жизни японцев. Заказчик серии — Ф. фон Зибольд.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

№ 13-34/39(1). Кавахара Кэйга. «Аренда дома». Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: 32,3×44,5 см.

№ 13-34/39(2). Школа Кавахара Кэйга. «Аренда дома». Серия «Обычаи японцев». Живопись на шелке; водяные краски, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: 35,0×43,5 см.

Эта пара картин изображает сцену аренды дома для новобрачных отцом жениха. Перед клиентом сидит хозяин дома с японскими счетами (*соробан*) в руках. Картина под номером 13-34/39(2) явно уступает предыдущей: она более плоскостная, на ней не изображена тень, лица персонажей более грубые и лишены характерного «кэйговского» выражения.

№ 13-34/39(3). Кавахара Кэйга. Посещение синтоистского храм для проведения церемонии миямаури. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, золотая пудра, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: общие — 35,0×47,3 см; собственно картины — 35,0×43,5 см.

Сверху на полях картины надпись черной тушью на русском языке в старом правописании: «Молитва надь новорожденнымъ».

Церемония *миямаури* совершается в синтоистских храмах над новорожденными: она призвана защитить младенцев от вредоносных демонов и «показать» их хранителям-ками. В церемонии участвуют отец младенца и его бабушка (мать отца). Они приносят младенца в храм, где жрица-мико-сан совершает церемонию, тряся над ним ритуальными колокольцами. В левой руке жрицы — поднос-самбо, на котором лежит амулет *офудо*. Младенец — в руках бабушки; последняя повязана ритуальной пятицветной лентой. Чуть поодаль — служанка с красным свертком (подарок для жрицы). Отец отдыхает на ступенях храма, наблюдая за церемонией.

№ 13-34/39(4). Кавахара Кэйга. Церемония маэгами-дати (обрезание челки). Серия «Обычаи японцев». Япония, XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, золотая пудра, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: 35,0×43,5 см.

№ 13-34/39(5). Школа Кавахара Кэйга. Церемония маэгами-дати (обрезание челки). Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, золотая пудра, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: общие — 35,5×47,5 см; собственно картины — 32,5×44,2 см.

Церемония *маэгами-дати* проводится над юношами 13–17 лет (в разных местах по-разному) и называется также «церемонией первой мужской прически», ибо подростку сбривают детскую челку и выбривают лоб, как это принято у взрослых мужчин. С этого момента юноша считается мужчиной и обязан вести себя и одеваться как мужчина. Эта церемония считается вступлением во взрослую жизнь, и поэтому очень важным мероприятием в жизни молодого человека. Важность ее подчеркивают символические аксессуары, расставлен-

ные перед *токонома* («нишей красоты», самым сакрально значимым местом в доме) и символизирующие пожелание долгой жизни, богатства и удачи: веер *суэхиро* с прядью волос мальчика, лангуст, блюдо *госики* («4–5 цветов»), ритуальные рисовые пирожные, изображающие плоды персика. В нише висит соответствующий случаю каллиграфический свиток с надписью *Фукурокудзю*: (имя бога долголетия, одного из семи богов удачи). Забавно, что надпись на русском языке на верхних полях картины гласит: «Первая прическа девочки»...

№ 13-34/39(6). Кавахара Кэйга. Церемония Сити-го-сан. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: общие — 34,7×46,0 см; собственно картины — 32,5×43,3 см.

№ 13-34/39(7). Школа Кавахара Кэйга. Церемония Сити-го-сан. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: 32,3×44,3 см.

Подпись на русском языке на полях сверху: «Первая прическа мальчика».

Церемония *сити-го-сан* («семь-пять-три») проводилась для девочек, достигших возраста 7 и 3 лет, и для мальчиков — 5 лет. Имела очистительный смысл. Проводилась 15 ноября. Детей указанного возраста (считавшегося «опасным» и приносящим неудачу) наряжали в церемониальные одежды и приводили в синтоистский храм, где семья просила богов-*ками* защитить детей от «дурных влияний».

На картине изображен момент нарядения детей. Вокруг мальчика хлопочут три дамы; одна (мать?) завязывает ему волосы в пучок; другая, слева (служанка?) протягивает *хаори* с гербами. Рядом — аккуратно сложенные *хакама*. Третья дама справа (бабушка по отцовской линии?) наблюдает за происходящим. В соседней комнате две дамы повязывают пояс-*оби* трехлетней девочке с обритой головой.

Маленький «домик» с крышей — колодец.

№ 13-34/39(8). Кавахара Кэйга. Посещение синтоистского храма для церемонии миямаури. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь, золотая пудра. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: общие — 35,1×46,3 см; собственно картины — 32,3×43,3 см.

Изображен момент входа в синтоистский храм. На его воротах-*тории* надпись: *дзиндзя* («храм»). В храм несут новорожденного — он на руках бабушки (матери отца), накрыт красным ритуальным *косодэ* с декоративным мотивом *оридзури-комацу*, изображающим молодую сосну и оригами в виде журавля. Изображение сосны и журавля — символические пожелания долгой жизни. Отец ребенка держит зонтик. За ним идет служанка с подношением жрице. У носилок *нагамоти* ожидает слуга-носильщик.

На втором плане изображен *тё:дзу* — бассейн с проточной водой. На его краю лежат ковши-*хисяку*, которыми входящие в храм черпают воду для омо-

вения рук и ополаскивания рта. На стенке бассейна надпись: *хо:ёрицуки* — «подношения верующих» (на кит. языке.). Под крышей, накрывающей бассейн, висят бумажные листочки с посвящениями прихожан, например, *дайкон дзё:дзю* — «осуществится большая мечта». (Многие надписи неразборчивы, ибо изображены обратной стороной.)

№ 13-34/39(9). Кавахара Кэйга. Посещение престарелых родителей (70-летие). Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь, золотая пудра. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: 32,4×44,2 см.

По-видимому, здесь изображен 70-летний юбилей (на 60-летний юбилея надевают красные *хаори*). Перед юбилярами — тарелка с ритуальным лангустом, символизирующим долголетие. Другой символ долголетия — статуэтка черепахи — помещен в *токонома*. Надпись на ширме-*бё:бу* — стихи на китайском языке (говорится о луне, ранней весне, песнях и плясках, о красоте невесты).

№ 13-34/39(10). Школа Кавахара Кэйга. Церемония выбора благоприятного дня свадьбы. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: общие — 35,5×46,8 см; собственно картины — 32,5×43,6 см.

№ 13-34/39(11). Кавахара Кэйга. Церемония выбора благоприятного дня свадьбы. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: 32,2×44,1 см.

Слева внизу неразборчивая надпись на немецком языке «Feststellung des Truungstages 79 (?)».

Изображены родители жениха (?), обсуждающие с предсказателем благоприятный день свадьбы. В руке отца жениха — полураскрытый веер-*суэхиро*, символизирующий удачи, в том числе расширение семейства. Перед предсказателем — компас и календарь-*киёми*, где указаны счастливые и несчастливые дни. В корзиночке — набор для сакэ.

№ 13-34/39(12). Кавахара Кэйга. Свадебная церемония. Серия «Обычаи японцев». Япония, XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: общие — 35,0×46,6 см; собственно картины — 32,3×43,2 см.

Сверху на полях надпись по-русски: «Свадьба».

№ 13-34/39(35). Кавахара Кэйга. Свадебная церемония¹³. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь. Альбом-

¹³ Здесь пришлось поставить рядом номера (12) и (35), ибо эти картины представляют собой смысловую пару.

ный лист. Печать и подпись отсутствуют. Внизу неразборчивая надпись на немецком языке и номер листа в коллекции собирателя (№ 52).

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: 32,5×44,5 см.

Изображен момент свадьбы, когда жених и невеста выпивают по три чарки (*сакадзуки*) сакэ (ритуал *сан-сан-кодо*), подтверждая тем самым намерение вступить в брак. Здесь *сакадзуки* — в руках у невесты. Жених сидит слева от нее; между молодыми — ритуальная композиция *бонсэки* — ветвь сосны и фигурки журавлей (пожелание долгой жизни и супружеского счастья); за женихом — символическое изображение горы Шумеру (*сюмисан*); по правую руку от жениха сидят его родители. На переднем плане изображены две гейши в ритуальных синих *косодэ* с декоративным мотивом «тысяча птиц» (*тидори*), символизирующим пожелание многочисленного потомства. Слева показан скрытно наблюдающий за церемонией мужчина — очевидно, слуга из дома невесты, которому ее родители поручили посмотреть, как проходит свадьба (родители невесты в этой церемонии не участвуют). Справа — экран, на котором записаны стихи на китайском языке (видны иероглифы со значением «капля росы на ветке», «аромат», «красота»).

Дом, изображенный на картинах, украшен декоративными панно: с мотивом *ходзю:-мон* — «волшебный шар (заостренный кверху, с языками пламени под ним) исполнения желаний» (№ 13-34/39(35) [БЯРС, 2: 735], с мотивом *нами* — «океанская волна» (№ 13-34(12)).

№ 13-34/39(13). Кавахара Кэйга. Кухня в доме жениха. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: 32,4×44,7 см.

Изображена подготовка ритуальных свадебных блюд.

№ 13-34/39(14). Школа Кавахара Кэйга. Кухня в доме жениха. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют. Сверху на полях надпись на русском языке «Кухня»; внизу надпись на немецком языке «Kuche im Hause d Brautigams N 31».

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: общие — 35,0×47,2 см; собственно картины — 32,5×43,7 см.

Отсутствие теней и характерного выражения на лицах позволяет считать эту картину работой не самого Кавахара Кэйга, а его ученика.

Изображена кухня в доме жениха, где ведется подготовка к свадебному торжеству. В окошке слева виден список блюд (например, надписи *мидзумо-но* — напитки и *суймоно* — суп). Нарисованные лангусты и хвосты рыбы *таи* (морского окуня) являются символами удачи и поздравления (обыгрывается схожесть название рыбы *таи* с словом *мэдэтай* — «поздравление»).

№ 13-34/39(15). Школа Кавахара Кэйга. Шествие невесты в дом жениха. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют. Сверху справа неразборчивая надпись на немецком языке.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: 32,6×44,3 см.

№ 13-34/39(16). Кавахара Кэйга. Шествие невесты в дом жениха. Серия «Обычаи японцев». Япония, XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь, золотая пудра. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют. Сверху на полях надпись на русском языке: «Вынось» (по-видимому, сюжет был интерпретирован как вынос тела покойника).

Изображен один из моментов свадебного ритуала, а именно — шествие невесты в сопровождении слуг и вассалов из дома родителей в дом жениха. Слуги несут в руках фонари с гербами обоих домов. Декоративные мотивы, использовавшиеся в качестве *мон*, можно определить соответственно (слева направо) как «палочки *хаси* на котелке с рисом» (две полосы, заключенные в круг); *кэнкатабами* (мечи *кэн* и цветок травы *катабами* (*окзалис*, *Oxalis corniculata*), *байдзю* (цветок сливы), и *кикё*: (колокольчик японский, *Platicodon grandiflorum*) [БЯРС, 1: 409].

Хотя гербы (*мон*) являлись наследственными для самурайских фамилий, определить по одному лишь гербу фамилию ныне весьма затруднительно: один и тот же *мон* мог использоваться различными фамилиями как в качестве *омо-тэмон* («большой герб»), так и *урамон* («малого герба»). Кроме того, господин мог подарить право ношения своего герба вассалам; собственные *мон* имели и известные художники и актеры кабуки. Да и художник вряд ли намеревался по известным соображениям изобразить конкретные самурайские семейства, так что использовал самые распространенные гербы.

Обе картины весьма напоминают манеру Кавахара Кэйга. По-видимому, он лично приложил руку и к той, и к другой. Но все же на картине под номером 13-34/39(16) лица прописаны более тщательно, что позволяет сделать выбор в пользу именно этого листа.

№ 13-34/39(17). Кавахара Кэйга. Приветствие семьи жениха представителем дома невесты. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь, золотая пудра. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: 32,2×44,0 см.

№ 13-34/39(18). Школа Кавахара Кэйга. Приветствие семьи жениха представителем дома невесты. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь, золотая пудра. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: общие — 35,2×46,5 см; собственно картины — 32,3×43,2 см.

Изображено посещение семьи жениха представителем дома невесты перед свадьбой. В носилках-*нагамоти* — сакэ в качестве церемониального подношения от дома невесты дому жениха. Ситуация изображена с юмором: господа совершают установленный церемониал, слуги же совершенно этим не озабочены. Один из носильщиков прикуривает от фонаря.

На носилках изображен герб дома невесты: *кикё*:—ни го-кэн (5 мечей, помещенных в цветок колокольчика). На картине под номером 13-34/39(18) видна

ширма с каллиграфической надписью (*дзинги* — «долг»). На предыдущей картине на ширме изображен дракон.

Лист 13-34/39(18) — явно ученическая работа: пространственная глубина не проработана, особенно в правой части, где автор-ученик не сумел повторить перспективное построение второго плана. Булыжники на мостовой на этом листе также изображены довольно неумело по сравнению с предыдущим листом.

№ 13-34/39(19). Кавахара Кэйга. Процессия переноса приданого невесты на носилках в дом жениха. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: общие — 35,0×46,5 см; собственно картины — 32,1×43,2 см. Сверху на полях надпись на русском языке: «Вынос» (по-видимому, сюжет был интерпретирован как вынос тела покойника).

Изображено шествие носильщиков, переносящих носилки-*нагамоти* из дома невесты в дом жениха. Носильщиков сопровождают вассалы дома невесты. На носилках — все тот же герб *кэнкикё*.

По-видимому, обе картины выполнены самим Кавахара Кэйга. На первой из них (13-34/39(19)) более тщательно проработаны детали, на второй — лица людей.

№ 13-34/39(20). Кавахара Кэйга. Процессия переноса приданого невесты на носилках в дом жениха. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь, золотая пудра. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют. Внизу справа неразборчивая надпись на немецком языке.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: 32,4×44,2 см.

№ 13-34/39(21). Школа Кавахара Кэйга. Церемония знакомства с невестой. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь, золотая пудра. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют. Внизу справа нечеткая надпись на немецком языке «Verlobung N 46».

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: 32,2×44,1 см.

Изображен момент знакомства невесты и жениха. Молодых людей представляют друг другу под предлогом любования цветущей сакурой. Жених и сват (*накодо*) попивают сакэ, сидя на помосте у ресторанчика (*тя:я*) (на нем надпись: «*мэйси конняку*»¹⁴ — название японского блюда (рис с пастой из корневища растения *конняку* (аморфофаллус)). Сват указывает пальцем на невесту. Невеста в нарядном лиловом *косодэ* с красным *оби*; она в смущении прикрывается рукавом; сопровождающая ее дама указывает веером-*суэхио* на жениха. Слева — табличка-*ко:сацу* с правилами общественного поведения на площади и печатью составивших их чиновника.

Возможно, эта картина была написана учеником Кэйга.

¹⁴ Здесь и далее — иероглифические надписи на картинах этой серии были прочитаны и переведены на английский язык д-ром Яманаси Эмико, научным сотрудником Токийского института культурного наследия Японии.

№ 13-34/39(22). Кавахара Кэйга. Визит врача в дом умирающего старика. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: 32,4×44,3 см.

№ 13-34/39(23). Школа Кавахара Кэйга. Визит врача в дом умирающего старика. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: общие — 35,4 47,0 см; собственно картины — 32,6×43,6 см.

На полях сверху надпись черной тушью на русском языке «Смерть» зачеркнута, карандашом приписано «Посещение больного».

№ 13-34/39(24). Школа Кавахара Кэйга. Дом умершего. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь, золотая пудра. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: общие — 34,6×46,1 см; собственно картины — 32,1×42,8 см.

Сверху на полях надпись на русском языке: «Смерть».

№ 13-34/39(25). Дом умершего. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь, золотая пудра. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют. Внизу справа нечеткая надпись на немецком языке: «Sterbe haus 55».

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: 32,2×44,2 см.

Дом умершего старика самурайского сословия. У постели покойного рыдает его вдова. Монах читает заупокойную молитву. На столике — курения. Рядом — перевернутая ширма *сакаса-бё:бу*. Согласно японскому обычаю, в доме покойного все надписи переворачивают вниз головой. Ширма украшена китайскими каллиграфическими письменами. У ворот дома — носилки-*нагамоти*, откуда выходит пожилой монах высокого ранга (по-видимому, настоятель буддийского храма, к которому «приписан» покойный и в котором будет проходить заупокойная служба). Из ворот спускается сын покойного с красным коробом в руках. По-видимому, это плата за ритуальные услуги. В целом это довольно странная ситуация: монах не должен принимать оплату на дому у «клиента», тем более заранее (в принципе буддийский монах не должен прикасаться к деньгам). Возможно, художник хотел этим высмеять алчность монахов.

На заборе — пара черных воронов, символов смерти и несчастья. Красный клен указывает на время года осень.

Лист 13-34/39(24) — ученическая работа. Лица менее выразительны, пространство прописано хуже; много декоративных черт.

№ 13-34/39(26). Кавахара Кэйга. Церемония омовения умершего (юкан). Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).
Размеры: 32,1×44,8 см.

№ 13-34/39(27). Школа Кавахара Кэйга. Церемония омовения умершего (юкан). Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: общие — 34,8×46,7 см; собственно картины — 32,0×43,4 см.

Сверху на полях надпись на русском языке: «Обмывание покойного».

Изображена церемония *юкан* — обмывание тела покойного и обривание его головы. Согласно буддийскому обычаю, покойного нарекали посмертным монашеским именем и наряжали в ритуальное кимоно, расписанное письмами-*бондзи* (имитация санскритских букв). После такого ритуального очищения тело покойного кремировали в специальном месте на территории храма, а пепел хоронили на кладбище при том же храме.

Лист 13-34/39(27) — работа ученика. Она более декоративная, пространство и тени проработаны хуже, не прорисованы характерные пазы для подвижных *сёдзи*, есть и ряд ошибок: цирюльник, например, наряжен в кимоно с узором, подвязанное красным поясом-*оби*, в то время как во время такой церемонии надевать пестрые одежды, особенно красные, было нельзя, ибо цвет одежды должен был быть строго белым.

№ 13-34/39(28). Кавахара Кэйга. Церемония перед буддийским храмом. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь, золотая пудра. Альбомный лист. Внизу справа нечеткая надпись на немецком языке. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: 32,3×44,5 см.

№ 13-34/39(29). Школа Кавахара Кэйга. Церемония перед буддийским храмом. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь, золотая пудра. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: общие — 34,8×45,8 см; собственно картины — 32,2×43,0 см.

Сверху на полях надпись тушью на русском языке: «Служение буддийских монахов».

Изображена служба монахов перед воротами буддийского храма. Монахи быют в литавры-*тора*. Рядом — стела с иероглифической надписью, запрещающей вход в храм с сакэ и мясом («Не разрешается людям с сакэ и мясом входить в горные врата»). Лист № 13-34/39(29) — очевидная ученическая копия.

№ 13-34/39(30). Кавахара Кэйга. Сцена на кладбище. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: 32,3×44,4 см.

На этом листе (работа самого Кавахара Кэйга) изображена с некоторым сарказмом сцена на кладбище. Рабочие роют могилу для усопшего, не заботясь

о сохранности старых останков. Сын покойного сидит на скамеечке под сенью сосны и наблюдает за работой, покуривая трубочку; рядом с ним — прибор для питья сакэ; в корзинке — большая бутылка сакэ и целый короб с провизией. Рядом на огне закипает чайник.

Примечательны саркастические эпитафии на надгробиях, выделенные красным цветом. На крайнем слева: «[Жизнь] подобна отражению луны в воде озера» (*косуй гэцу кэй*); на крайнем справа: «Молодость — вот настоящее удовольствие» (*вакамоно хон раку*); на центральном обыгрываются две надписи: справа — обычная для буддийского надгробия надпись «Господину Дайидзи (уважительное обращение к упокоившемуся мужчине) — счастливая жизнь и радость» (*ваку сё: ин ю: раку Дайидзи*); справа — выделенная красным саркастическая надпись, пародирующая предыдущую: «Несчастливая, безрадостная жизнь этому низкому человеку!» (*ка сё: ин мураку дайси*).

№ 13-34/39(31). Школа Кавахара Кэйга. Церемония окури-би (сжигание очистительного жертвоприношения перед воротами дома покойного). Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь, золотая пудра. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют. Сверху на полях — надпись на русском языке черной тушью: «Очистительн. жертва после покойника». Внизу слева надпись на немецком языке: «Reinigeng sopfer vord Sterbeause N 59».

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: общие — 35,1×46,6 см; собственно картины — 32,4×43,8 см.

№ 13-34/39(32). Кавахара Кэйга. Церемония окури-би (сжигание очистительного жертвоприношения перед воротами дома покойного). Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: 32,4×44,4 см.

Церемония окури-би — «прощальный огонь» — очистительная церемония сжигания перед воротами дома принадлежностей похоронной церемонии (лист бумаги с молитвой) после похорон. Такая же церемония совершается ежегодно в последние дни праздника *бон* (21–22 июля), посвященного поминовению умерших.

Лист 13-34/39(31) — ученическая работа. Неправильно изображены тени от черепиц на крыше дома. Лицо плачущей женщины (дочери покойного) запачкано каплей черной туши.

№ 13-34/39(33). Кавахара Кэйга. Буддийская церемония (панихида) по покойному. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. Живопись на шелке; водяные краски, тушь, золотая пудра. Япония. XIX в. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: общие — 34,5×46,3 см; собственно картины — 31,9×43,2 см.

На полях сверху надпись на русском языке (карандашом и тушью): «Панихида».

В буддийском храме проводится заупокойная служба по покойному. На кресле восседает настоятель. Монахи читают молитвы у поставца, на котором

расставлены сосуд с цветком лотоса (символом просветления и удачного перерождения в следующей жизни), подсвечник со свечей, курения и табличка-ихай с посмертным именем умершего (*мандзю индэн унтё: сэйтоку дайидзи* — «почивший господин, увенчанный добродетелью и 10 000 заслуг в долгой жизни [следующего перерождения]»). Такое хорошее заупокойное имя стоит очень дорого; поэтому представители семьи покойного принимают пожертвования деньгами в знак сочувствия к покойному, тщательно при этом фиксируя, кто сколько пожертвовал. Флаги в правом нижнем углу украшены речениями из буддийских сутр: «Жизнь окончена... Все живущее умирает...» (*сё:мэцу, сёгё:мудзё:*).

Скорее всего этот лист — ученическая работа.

№ 13-34/39(34). Кавахара Кэйга . Церемония на кладбище. Серия «Обычаи японцев». Япония. XIX в. Живопись на шелке; водяные краски, тушь, золотая пудра. Альбомный лист. Печать и подпись отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная (консервация — 2007 г., БАН).

Размеры: 32,4×44,3 см

Изображен ритуал поминовения усопшего на кладбище. Члены семьи покойного в знак траура носят белые одежды; мужчины не бриты. Глава семьи совершает молитву у небольшого алтаря при входе на кладбище. Слева от него — монах в кимоно с красными рукавами. Два надгробия в левом нижнем углу примечательны саркастическими эпитафиями. На правом: *суйсю гэнтоко:* («напившись сакэ, блевал [вследствие чего и скончался]»); на левом: *инко: сукэбэ:* («развратный любитель секса») *ко:нэн инпяку кудзю: сай* («скончался в возрасте 190 лет»).

Композиционное, цветовое и пространственное решение этого листа очень напоминает стиль Кавахара Кэйга, в то время как манера изображения лиц несколько отличается от его манеры. Возможно, лица и человеческие фигуры «доделывал» ученик художника.

№ 13-35 а, б. Носки *таби* белого цвета. Япония. XIX в. Ткань х/б.

Размеры см: 26,5×11×11 см.

Сохранность удовлетворительная (грязь).

История бытования: предмет традиционного японского костюма. *Таби* носились и как домашняя обувь, и как носки, если надевались вместе с *гэта* или *варадзи*.

№ 13-36. Сэрю:(?) (малоизвестный художник, работавший в манере школы Сидзё:). **Белая цапля над потоком.** Несмонтированный свиток. Япония. Первая половина XIX в. Живопись по шелку. Бумага, шелк, тушь, цветные пигменты. Имеется подпись и печать.

Монтировка: картина вертикального формата, обрамлена шелковой рамкой и бумажным паспарту.

Сохранность удовлетворительная.

Размеры: собственно картины — 88,4×31,7 см, паспарту — 99×57,8 см.

Комментарий Овермеера Фишера (опись № 13): «Tableau representant un oiseau au pied d'un arbre».

История бытования: произведение традиционной японской живописи первой половины XIX в. Школа Сидзё: — ответвление знаменитой киотской школы живописи второй половины эпохи Эдо *Маруяма-Сидзё*.

№ 13-37. Неизвестный художник школы Шен Нанпина (?). Два журавля под сосной. Свиток-*какэмоно*. Япония. Первая половина XIX в. Подпись, печать отсутствуют.

Сохранность удовлетворительная.

Размеры: 105,2 38. см.

На верхнем валике имеется надпись *катаканой*: *синкаусофудэ*.

Название картины по списку Овермеера Фишера (опись № 13): «Un tableau representant 2 oiseau assis sur un arbre».

История бытования: произведение традиционной японской живописи первой половины XIX в. Шен Нанпин — чрезвычайно популярный в Японии живописец второй половины XVIII в., эмигрировавший из Китая в г. Нагасаки и создавший там свою школу живописи; имел множество поклонников и последователей. Его работы отличаются очень чувственным и тонким декоративным стилем.

№ 13-38. Ракуто Корёсай. Битва эпохи войны Гэмпэй. Иллюстрация к «*Хэй-кэ-моногатари*». Альбомный лист на шелке горизонтального формата. Япония. Первая половина XIX в. Живопись на шелке. Шелк, бумага, цветные краски. Подпись: «*Раку-то сандзин Корёсай*» («*Корёсай*, человек с гор к востоку от Киото»).

Монтировка: оригинальная парчовая монтировка нарушена, картина вставлена в бумажное паспарту более позднего происхождения.

Сохранность удовлетворительная.

Размеры: общие — 60,8×117,7 см; собственно картины — 41,6×105,5 см.

Приклеена бумажная этикетка с надписью по-французски: «Tableau Historique du Japon, Combat sur les lords d'une Rivere, coll van Overmeer Fisscher».

История бытования: произведение традиционной японской живописи первой половины XIX в. Ракуто Корёсай — творческий псевдоним, скрывающий истинное имя живописца. Эту картину можно считать шедевром киотской школы.

Комментарий: на картине изображен апогей сражения, ставшего прелюдией к так называемой «войне Гэмпэй» 1180—1185 гг. между могущественными самурайскими кланами Тайра и Минамото. Возмущенный установившейся в стране диктатурой главы рода Тайра *Киёмори* (1118—1181), позволявшего себе вмешиваться в дела императорского двора, восстал принц *Мотихито*. Его поддержали один из лидеров рода Минамото отважный воин и знаменитый поэт *Ёримаса* (1104—1180) и воины-монахи из могущественных буддийских храмов г. Нара. Однако войск у Тайра было во много раз больше, и мятежный принц был вынужден оставить Киото, чтобы укрыться у верных ему монахов в Наре.

По дороге утомленный принц решил отдохнуть в храме Бёдоин; его же соратники встали у моста через быструю и глубокую реку Удзикава. На рассвете 20 июня 1180 г. посланные на поимку принца отряды Тайра числом 28 000 всадников подошли к реке. Стоял густой туман, и вассалы Тайра не заметили, что

воины Минамото разобрали настил моста; они яростно бросились в атаку. Прежде чем командиры Тайра поняли, что произошло, более двухсот их всадников в давке упали с моста в реку, где и нашли свою смерть. Тогда Тайра спешили и еще раз пытались взять мост. Их встретили градом стрел; завязалась перестрелка. Многие воины и с той, и с другой стороны продемонстрировали великое мужество и боевое мастерство.

На этой картине изображен момент, когда на балки моста взошел воин-монах по имени *Цуцун-но Дзёмё Мэйсю* из храма Миидэра и бросил вызов войнам Тайра. Он с поразительной быстротой выпустил во врагов 23 стрелы, и тотчас же 12 самураев упали замертво, а 11 — ранеными. Отбросив лук, монах взял в обе руки свою любимую алебарду-*нагината* и убил ею еще пятерых. Когда древко сломалось, Дзёмё выхватил меч и уложил еще восьмерых воинов Тайра. Наконец, и меч его сломался и упал в реку. И в этот момент через его голову перепрыгнул другой монах-воитель по имени *Итираи* и бросился в гущу самураев Тайра. Он убил многих, но и сам пал от множества ран. Ну а Дзёмё Мэйсю, в чьем панцире было 63 пробоины, сумел пробиться к своим.

Выше по течению — всадники Тайра пытаются переправиться вплавь через реку, чтобы ударить во фланг отряду Минамото Ёримаса.

На картине художник сознательно допустил ряд неточностей. Во-первых, он изобразил прыгающим над мостом не монаха Итираи, а полководца Минамото Ёсицунэ, славившегося своими головокружительными прыжками. Однако в этом сражении Ёсицунэ не участвовал. Во-вторых, неточно изображены гербы и знамена Минамото и Тайра. Кроме того, каменные укрепления наподобие изображенных на картине в эпоху войны Гэмпэй не сооружались. Каменные крепости стали строить гораздо позже.

№ 13-46 а, б, с¹⁵. Засушенный морской конек в деревянной коробке. Япония. XIX в.

На коробке имеется оригинальная этикетка с подписью собирателя и текстом на французском языке: «Un Porffon tres rare nomme par les Japonais (Cheval Marin) Hippocarpus Marinus».

История бытования: подобные препараты в традиционной японской медицине использовались как лекарство для повышения мужской силы.

13-46а. Морской конек.

Состояние удовлетворительное. Размеры: 20×5,5×4.

13-46б. Крышка от коробки. Дерево. Состояние удовлетворительное. Размеры: 22×7×1.

13-46с. Коробка. Дерево. Состояние удовлетворительное. Размеры: 22×7×4,7.

Место хранения: фонды отдела Зарубежной Азии.

¹⁵ Такой интервал между номерами объясняется тем, что номера с 13–39 по 13–45 включительно относятся к индонезийским предметам, проходящим по отдельной описи по отделу Австралии и Океании МАЭ РАН.

Библиография

- Академия наук СССР. Персональный состав. М., 1974. Т. 1.
 БСЭ — Большая советская энциклопедия. М., 1978. Т. 28.
 БЯРС — Большой японско-русский словарь / Под ред. Н.И. Конрада. М., 1970. Т. 1—2.
 Головин П.А., Черная Т.А. «Не нам, а имени твоему». К 150-летию заключения российско-японского мирного договора. К 200-летию адмирала Евфимия Васильевича Путятина // Планетарий. 2005. № 1 (44), январь-февраль.
 Зибольд Ф.Ф. Путешествие по Японии, или Описание Японской империи в физическом, географическом и историческом отношениях. Ф. Зибольд с дополнительными сведениями и известиями из Кемпфера, Фишера, Дёфа и др. СПб., 1854. Т. 1—3.
 Книга описей по отделу культурных стран Азии / МАЭ РАН, отдел ВЮВА. Т. I.
 Красикова О.А. Атлас и карты Японии Ф. фон Зибольда из картографического фонда БАН // Россия и Япония: Сборник научных трудов. СПб., 2007.
 Летопись Российской академии наук. СПб., 2002. Т. II (1803—1860).
 Позднеев Д.М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России. Йокогама, 1909. Т. 2. Ч. 2.
 Chernaya T.A. Preface // Japanese Botanical Art and Illustrations from Siebold's Collection. The Treasures of the Russian Academy of Sciences. The Komarov Botanical Library, St. Petersburg. Catalogue of Exhibition. 2002.
 Effert F. Ethnography in the Margins. Japanese Collections, 1816—1883 // IAS Newsletter Online, June 2000. N. 22.
 Overmeer Fisscher I. F. van. Bijdrage tot de Kennis van het Japansche Rijk». Amsterdam: J. Müller, 1832/3.
 Japan. An Illustrated Encyclopedia. Tokyo, 1993.
 Hawley W.M. Hawley's Japanese Swordsmiths. USA, 1998. Vol. 1.
 Gunsaulus H.C. Japanese Sword-Mounts in the Collection of Field Museum. Chicago, 1923.
 Siebold Ph. Fr., Temmink C.J., de Haan W., Schlegel H. Fauna Japonica. Vol. 1—7. Leiden, 1833—1851.
 Siebold Ph. Fr., Hoffman I. Bibliotheca Japonica. Leiden, 1833—1841.
 Siebold Ph. Fr., Zuccarini J.G. Flora Japonica sive plantae, quas in imperio Japonico collegit, descripsit, ex parte in ipsis locis pingendas curavit Dr. Ph. Fr. de Siebold. Diggesit Dr. J.G. Zuccarini. Lugnudi batavorum, 1835—1841.
 Siebold Ph. Fr. Chinezisch-japanezisches Wörterbuch. Leiden, 1838—1841.
 Siebold Ph. Fr. Voyage au Japon exécuté pendant les années 1823 à 1830, ou description physique, géographique et historique de l'Empire Japonais, des Jézo, des îles Kuriles, Méridionales, de Kafto, de Corée, des îles Liu-Kiu, etc., etc. T. 1—2, Paris, 1838a.
 Siebold Ph. Fr. Catalogus librorum Japan. Leiden, 1841.
 Siebold, Ph. Fr. Nippon: Archiv zur Beschreibung von Japan und dessen neben und schutzländern Jézo mit den südlichen Kurilen, Sachalin, Korea und den Liukiu-inseln. Vol. 1—11. Würzburg, Leipzig. 1897.
 Visual Encyclopedia. Japan in Edo period as witnessed by Keiga Kawahara. Keiga's works in the Netherlands and Japan. Nagasaki, 2006.

Подписи к иллюстрациям на CD

- Рис. 1. Опись И.Ф. ван Овермеера Фишера 1838 г. Лист 1 с обращением к императору России.
 Рис. 2. Опись И.Ф. ван Овермеера Фишера 1838 г. Лист 2.
 Рис. 3. Опись И.Ф. ван Овермеера Фишера 1838 г. Лист 3.
 Рис. 4. Опись И.Ф. ван Овермеера Фишера 1838 г. Лист 4.
 Рис. 5. Опись И.Ф. ван Овермеера Фишера 1838 г. Лист 5 со схемой-рисунком циферблата традиционных японских часов.
 Рис. 6. Опись И.Ф. ван Овермеера Фишера 1838 г. Лист 6.
 Рис. 7. Опись И.Ф. ван Овермеера Фишера 1838 г. Лист 7.
 Рис. 8. Опись И.Ф. ван Овермеера Фишера 1838 г. Лист 8.
 Рис. 9. Опись И.Ф. ван Овермеера Фишера 1838 г. Лист 9 с подписью собирателя.

Рис. 10. Опись И.Ф. ван Овермеера Фишера 1841 г. Лист 1.

Рис. 11. Опись И.Ф. ван Овермеера Фишера 1841 г. Лист 2.

Рис. 12. Предполагаемый «портрет» И.Ф. ван Овермеера Фишера. С картины художника Кавахара Кэйга.

Рис. 12-1. Фронтиспис книги I.F. van Overmeer Fisscher. *Bijdrage tot de Kennis van het Japan-sche Rijk*. Amsterdam, 1832/3.

Рис. 13. Часы *макура-докэй*, инв. номер. МАЭ. Колл. № 13-1.

Рис. 15. Те же часы. Детали. МАЭ. Колл. № 13-1.

Рис. 16. Те же часы. Обратная сторона. МАЭ. Колл. № 13-1.

Рис. 17. Те же часы. Циферблат. МАЭ. Колл. № 13-1.

Рис. 18. Рисунок-схема И.Ф. ван Овермеера Фишера, поясняющая устройство циферблата традиционных японских часов.

Рис. 19. Судок *бэнтобако*. МАЭ. Колл. № 13-2 а, b, c, d, e.

Рис. 20. Сосуд лаковый *камэ*. МАЭ. Колл. № 13-3/2-1.

Рис. 21. Днище того же сосуда. МАЭ. Колл. № 13-3/2-1.

Рис. 22. Сосуд лаковый *камэ*. МАЭ. Колл. № 13-3/2-2.

Рис. 23. Днище того же сосуда. МАЭ. Колл. № 13-3/2-2.

Рис. 24. *Тяван*, чайная чаша, керамика. МАЭ. Колл. № 13-4а.

Рис. 25. *Тэммокудай (тятаку)*, подставка лаковая для чайной чаши. МАЭ. Колл. № 13-4b.

Рис. 26. *Обон* — лаковый поднос с изображением выщегося растения. МАЭ. Колл. № 13-5/2-1.

Рис. 27. *Обон* — лаковый поднос с изображением баклажана. МАЭ. Колл. №.13-5/2-2.

Рис. 28. Лаковый киот *дзуси* со статуэткой Будды Шакьямуни (*Сяка-нёрай*). МАЭ. Колл. № 13-7.

Рис. 29. Этот же *дзуси* в закрытом виде. МАЭ. Колл. №. 13-7.

Рис. 30. Пара мечей *катана* в футляре *катана-дзуцу*.

Рис. 31. Меч *катана* в чехле и ножнах. МАЭ. Колл. №. 13-9-A2/2-1 а, b, c, d, e, f, g, h, i.

Рис. 32. *Цуба* — гарда меча с подписью: 埋忠 城州 住 *Умэтада, Дзё:сю:*. МАЭ. Колл. № 13-9-A2/2-1d.

Рис. 33. *Фути* — декоративная деталь оправы с изображением демона Тэнгу. МАЭ. Колл. №. 13-9-A2/2-1h.

Рис. 34. Меч-*катана* в ножнах и чехле. МАЭ. Колл. №. 13-9-A2/2-2 а, b, c, d, e, f, g, h, i.

Рис. 35. Хвостовик меча с подписью: *Тайра Сигэхиса* 平鎮. МАЭ. Колл. №. 13-9-A2/2-2.

Рис. 36. *Цуба* — гарда меча. Подпись: 国吉 唐津 住 *Куниёси, Карацу-дзю:*. МАЭ. Колл. № 13-9-A2/2-2d.

Рис. 37. *Касира* — декоративная деталь рукояти меча. МАЭ. Колл. №. 13-9-A2/2-2.

Рис. 38. Меч-*вакидзаси*. МАЭ. Колл. №.13-9/2 а, b, c, d, e, f, g, h, i, j.

Рис. 39. Этот же меч в размонтированном виде. МАЭ. Колл. № 13-9/2.

Рис. 40. *Цуба* — гарда меча. Подпись: 国重造 平戸 *Кунисигэ цукуру, Хирадо*. МАЭ. Колл. № 13-9/2g.

Рис. 41. Торец *цуба*. Видны т.н. *намбандзи*. МАЭ. Колл. № 13-9/2g.

Рис. 42. *Касира* — декоративная деталь рукояти меча. МАЭ. Колл. № 13-9/2.

Рис. 43. Нож *когатана* с декоративной рукоятью *кодзука*. МАЭ. Колл. №. 13-9/2 c, d.

Рис. 44. *Катана-дзуцу*, футляр для мечей. МАЭ. Колл. № 13-9 а, b.

Рис. 45. Модель пассажирской лодки *яката-бунэ* 屋形船. МАЭ. Колл. № 13-10 а, b, c, d, e/2, g.

Рис. 46. Модель пассажирской лодки *яката-бунэ* 屋形船. МАЭ. Колл. № 13-11 а, b, c/5, d, e, f, g.

Рис. 47. Модель китобойной лодки *кудзира-цури-бунэ* 鯨釣船. МАЭ. Колл. № 13-12 а, b, c, d.

Рис. 48. Шлем *дзингаса*. Вид сверху. МАЭ. Колл. № 13-13.

Рис. 49. Шлем *дзингаса*. Вид снизу. МАЭ. Колл. № 13-13.

- Рис. 50. Пара носков *таби* черного цвета. МАЭ. Колл. № 13-14 а, б.
- Рис. 51, 51-1. Кисет для табака *табако-урэ*. МАЭ. Колл. № 13-15.
- Рис. 52. Ю:сэн. «Японский пейзаж — весенний вид». Свиток-*какэмоно*. МАЭ. Колл. № 13-16.
- Рис. 53. Ю:сэн. «Вид горы Арасияма». Свиток-*какэмоно*. МАЭ. Колл. № 13-17.
- Рис. 54. Ю:сэн. «Японский пейзаж. Сбор чайного листа». Свиток-*какэмоно*. МАЭ. Колл. № 13-18.
- Рис. 55. Ю:сэн. «Японский пейзаж — вид местечка О:хара перед Миако». Свиток-*какэмоно*. МАЭ. Колл. № 13-19.
- Рис. 56. Ю:сэн. «Японский пейзаж в окрестностях г. Осака». Свиток-*какэмоно*. МАЭ. Колл. № 13-20.
- Рис. 57. Ю:сэн. «Японский пейзаж с рекой Сё:кава». Свиток-*какэмоно*. МАЭ. Колл. № 13-21.
- Рис. 58. Кавахара Кэйга. Вид синтоистского храма в окрестностях г. Нагасаки. Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-22.
- Рис. 59. Кавахара Кэйга. Зимний городской пейзаж. Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-23.
- Рис. 60. Кавахара Кэйга. Станция на дороге. Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-24.
- Рис. 61. Кавахара Кэйга. Вид буддийского храма в окрестностях Нагасаки. Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-25.
- Рис. 62. Кавахара Кэйга. Вид кладбища в окрестностях Нагасаки. Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-26.
- Рис. 62-1. Фрагмент. Могила Дзэндзо: — сына И.Ф. ван Овермеера Фишера. МАЭ. Колл. № 13-26.
- Рис. 63. Ракуё Томэи. Шествие императорской процессии. Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-27.
- Рис. 64. Мужское кимоно из голубого газа с пятью гербами («девять звезд»). МАЭ. Колл. № 13-28/1.
- Рис. 65. Нижнее кимоно *хада-дзюбан*. МАЭ. Колл. № 13-28/2.
- Рис. 66. Шаровары *хакама*. МАЭ. Колл. № 13-29.
- Рис. 67. Пояс *оби*. МАЭ. Колл. № 13-30.
- Рис. 68. Накидка *катагину*. МАЭ. Колл. № 13-32.
- Рис. 69. Накидка *дзимбаори*. МАЭ. Колл. № 13-33.
- Рис. 70. Кавахара Кэйга. «Аренда дома». Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(1).
- Рис. 71. Школа Кавахара Кэйга. «Аренда дома». Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(2).
- Рис. 72. Кавахара Кэйга. Посещение синтоистского храм для проведения церемонии *миямаири*. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(3).
- Рис. 73. Кавахара Кэйга. Церемония *маэгами-дати* (обрезание челки). Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(4).
- Рис. 74. Школа Кавахара Кэйга. Церемония *маэгами-дати* (обрезание челки). Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(5).
- Рис. 75. Кавахара Кэйга. Церемония *Сити-го-сан*. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(6).
- Рис. 76. Школа Кавахара Кэйга. Церемония *Сити-го-сан*. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(7).
- Рис. 77. Кавахара Кэйга. Посещение синтоистского храма для церемонии *миямаири*. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(8).
- Рис. 78. Кавахара Кэйга. Посещение престарелых родителей (70-летие). Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(9).
- Рис. 79. Школа Кавахара Кэйга. Церемония выбора благоприятного дня свадьбы. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(10).
- Рис. 80. Кавахара Кэйга. Церемония выбора благоприятного дня свадьбы. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(11).
- Рис. 81. Кавахара Кэйга. Свадебная церемония. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(12).

Рис. 82. Кавахара Кэйга. Свадебная церемония. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(35).

Рис. 83. Кавахара Кэйга. Кухня в доме жениха. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(13).

Рис. 84. Школа Кавахара Кэйга. Кухня в доме жениха. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(14).

Рис. 85. Школа Кавахара Кэйга. Шествие невесты в дом жениха. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(15).

Рис. 86. Кавахара Кэйга. Шествие невесты в дом жениха. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(16).

Рис. 87. Кавахара Кэйга. Приветствие семьи жениха представителем дома невесты. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(17).

Рис. 88. Школа Кавахара Кэйга. Приветствие семьи жениха представителем дома невесты. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(18).

Рис. 89. Кавахара Кэйга. Процессия переноса приданого невесты на носилках в дом жениха. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(19).

Рис. 90. Кавахара Кэйга. Процессия переноса приданого невесты на носилках в дом жениха. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(20).

Рис. 91. Школа Кавахара Кэйга. Церемония знакомства с невестой. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(21).

Рис. 92. Кавахара Кэйга. Визит врача в дом умирающего старика. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(22).

Рис. 93. Школа Кавахара Кэйга. Визит врача в дом умирающего старика. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(23).

Рис. 94. Школа Кавахара Кэйга. Дом умершего. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(24).

Рис. 95. Дом умершего. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(25).

Рис. 96. Кавахара Кэйга. Церемония омовения умершего (*юкан*). Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(26).

Рис. 97. Школа Кавахара Кэйга. Церемония омовения умершего (*юкан*). Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(27).

Рис. 98. Кавахара Кэйга. Церемония перед буддийским храмом. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(28).

Рис. 99. Школа Кавахара Кэйга. Церемония перед буддийским храмом. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(29).

Рис. 100. Кавахара Кэйга. Сцена на кладбище. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(30).

Рис. 101. Школа Кавахара Кэйга. Церемония *окури-би* (сжигание очистительного жертвоприношения перед воротами дома покойного). Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(31).

Рис. 102. Кавахара Кэйга. Церемония *окури-би* (сжигание очистительного жертвоприношения перед воротами дома покойного). Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(32).

Рис. 103. Кавахара Кэйга. Буддийская церемония (панихида) по покойному. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(33).

Рис. 104. Кавахара Кэйга. Церемония на кладбище. Серия «Обычаи японцев». Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-34/39(34).

Рис. 105. Носки таби белого цвета. МАЭ. Колл. № 13-35 а, б.

Рис. 106. Сэрю:. Белая цапля над потоком. Несмонтированный свиток. МАЭ. Колл. № 13-36.

Рис. 107. Неизвестный художник. Два журавля под сосной. Свиток-*какэмоно*. МАЭ, Колл. № 13-37.

Рис. 108. Ракуто Корёсай. Битва на р. Удзи. Альбомный лист. МАЭ. Колл. № 13-38.

Рис. 109. Ракуто Корёсай. Битва на р. Удзи. Альбомный лист. Фрагмент. МАЭ. Колл. № 13-38.

Рис. 110. Засушенный морской конек в деревянной коробке. МАЭ. Колл. № 13-46 а, б, с.

ТЕКСТЫ

И.А. Алимов

**Сборник Чжу Юя (1075?—после 1119)
«Из бесед в Пинчжоу» —
важный источник сведений о сунском Китае**

Сунская эпоха оставила нам множество разнообразных письменных памятников, заключающих в себе подчас уникальные материалы об истории, духовной и материальной культуре, повседневной жизни китайского общества этого времени. Но особенно среди таких памятников выделяются так называемые сборники бицзи, расцвет которых приходится на X—XIII века: эти удивительные и пока еще малоизученные произведения¹ характеризуются полной авторской свободой как в форме (сборник бицзи мог включать произведения самых разных жанров, сюжетные, бессюжетные, поэтические, деловые), так и в содержании: их авторы, не будучи связаны государственной службой (а многие из бицзи появились на склоне или закате лет авторов²), живя на покое, могли позволить себе не оглядываться на официальную догматику и не затрудняться самоцензурой, делая такие записи, какие считали нужным, и о том, о чем считали нужным. В этом смысле бицзи (по выражению А.С. Мартынова, «литература досуга образованных людей, выведенная из-под догматического контроля»³) — живые свидетельства современников, донесшие до нас такие подробности о жизни сунского Китая, которых нет больше ни в каких других исторических источниках. И один из таких сборников — сборник Чжу Юя.

¹ Сколько мне известно, в настоящее время в России я единственный, кто специально занимается изучением и переводом сунских сборников бицзи: [Алимов 1996; Алимов, Серебряков 2004; Алимов 2009]. Последняя книга — итог моих двадцатилетних изысканий в данной области.

² Случалось и так, что заботу о неофициальном наследии отца брали на себя дети, и именно благодаря их редакторским усилиям ряд сунских бицзи пополнялся еще одним, посмертным, сборником.

³ [Мартынов 1996: 568]. По замечанию ученого, «бицзи несет на себе дополняющую функцию, стараясь включить в свой мир все то, что было вынесено за пределы рассмотрения по догматическим соображениям». Или: «Бицзи, отталкиваясь от стесняющей живую мысль и свободное наблюдение строгой нормативности конфуцианской доктрины, предпочитает сферу смещенного миропорядка».

Чжу Фу 朱服, отец Чжу Юя, как сказано в официальной биографии сунской династийной истории (цз. 347), по второму имени Син-чжун 行中, происходил из Учэна, что в области Хучжоу (совр. пров. Чжэцзян), и, как пишет его сын, родился в 1048 г.: «Мой покойный батюшка родился в десятый день восьмой луны года *моу-цзы* под девизом правления Цин-ли» (фрагм. 145)⁴. Чжу Фу был человек неординарный и сделал типичную для весьма образованного китайского книжника карьеру, то есть, пройдя обучение («восемнадцати лет он испросил позволение [обучаться в] Гуанвэньгуань⁵»), выдержал все экзамены, получил в 1073 г. высшую ученую степень цзиньши и стал служить. Он был *цзеду туйгуанем* (помощник-секретарь генерал-губернатора) в Хуайнани (совр. пров. Хубэй, Аньхой и часть Цзянсу), потом читал лекции в Гоцзыцзянь, занимал пост *боши* (ученый муж) в Тайсюэ, в 1081 г. возглавил палату Цзяньюань⁶, в 1084 г. был назначен *цицзюй шэжэнем* (придворным хроникером), но в следующем году получил назначение в провинцию, на должности, быть может и более доходные, но удаленные от двора, — управлял областями Лучжоу (1091), Шоучжоу и Юаньчжоу. В 1094 г. Чжу Фу был возвращен в столицу и стал *чжуншу шэжэнем*⁷, и именно в это время император направил Чжу Фу с посольством в киданьское государство Ляо (916–1125). По возвращении Чжу Фу вышел указ о назначении его *шиланом* (помощником начальника) в Департамент церемоний. На этом придворная карьера Чжу Фу в очередной раз прервалась и больше не возобновлялась: с 1097 г. он служил исключительно в провинции, правда, не на таких уж и незначительных должностях: с 1099 по 1102 г. Чжу Фу был главнокомандующим в Гуанчжоу, однако на нем самым прискорбным образом сказалась дружба с опальным поэтом Су Ши (蘇軾 1036–1101): он также попал в немилость и был сослан в Хайчжоу на мелкую должность *туаньяньши* (военный инспектор). Умер Чжу Фу в 1102 г. Еще про него известно, что он был талантливый литератор и поэт, но собрание сочинений Чжу Фу ныне утеряно, и мы располагаем лишь тринадцатью его стихотворениями в составе антологии «Цюань Сун ши» (全宋詩 «Все сунские стихотворения»), а также четырнадцатью образцами прозы в составе «Цюань Сун вэнь» (全宋文 «Вся сунская проза»)⁸.

⁴ Цитаты взяты из нижеследующего перевода сборника бицзи Чжу Юя. Под фрагментами применительно к бицзи я понимаю законченные в смысловом отношении отрывки, из которых складывается текст сборника. В современных изданиях эти фрагменты, как правило, пронумерованы текстологами новейшего времени; в оригинале такой нумерации фрагменты не имеют.

⁵ Одно из подразделений Гоцзыцзянь, готовившее соискателей к высшим экзаменам. Гоцзыцзянь — одна из пяти центральных инспекций *цзянь*, в ведении которой находились дела образования и которой были подведомственны семь столичных учебных заведений: Гоцзысюэ (Школа сынов отчества), Тайсюэ (Великое училище), Гуанвэньгуань (Палата развития изящного слова), Сымэньсюэ (Школа четырех ворот), Люйсюэ (Школа права), Шусюэ (Школа каллиграфии) и Суаньсюэ (Школа математики).

⁶ Инспекционная палата. Была учреждена в 1032 г. и подчинялась непосредственно императору. Функции ее были родственны Цензорату — надзирать и докладывать о промахах в управлении всех чиновников, без учета занимаемого ими положения.

⁷ Чиновник Чжуншусэна — Государственной канцелярии, ведавшей делопроизводством и составлением черновиков императорских бумаг.

⁸ Подробнее о Чжу Фу см. цзюань 347 сунской династийной истории, также см.: [Сунжэнь чжуаньцзи: 573].

А вот о сыне его Чжу Юе (朱彧 1075? — после 1119) нам, к сожалению, известно мало что. Официальная его биография в сунской династийной истории отсутствует. Юные годы Чжу Юй провел с матерью, госпожой Ху 胡氏, в Чанчжоу (совр. пров. Цзянсу), потом отец перевез семью в Кайфэн, позже — в Лайчжоу и Жуньчжоу (Цзяньсу). Вместе с отцом жил Чжу Юй и в Гуанчжоу. На склоне лет Чжу Юй купил в Хуангане (административный центр области Хуанчжоу, Хубэй) поместье и назвал его Пинчжоу 萍洲. Вот как сам Чжу Юй описывает эту историю: «Хуанганский простолюдин Дин Шэн-вэй 丁生微 мало-помалу основал свое дело. По характеру [Дин] был человек коварный и хитрый. Он очень разбогател и купил поместье. Когда там копали колодцы, нашли каменную плиту, на поверхности которой виднелись линии, напоминающие иероглифы, — будто чьи-то имя и фамилия. Дин велел сложить текст, [повествующий] о его деяниях, и вырезать его на той плите, чтобы получилась стела. Но вскоре после этого он заболел и умер, а состояние его рассеялось. Я купил поместье — это нынешнее Пинчжоу — с землей и усадьбой» (фрагм. 96). По названию этого поместья Чжу Юй выбрал себе литературный псевдоним Пинчжоу лаопу 萍洲老圃 — Старый огородник из Пинчжоу, отсюда происходит и название его сборника бицзи, написанного здесь же, в Пинчжоу, — 萍洲可談 «Пин чжоу кэ тань», которое, видимо, следует буквально переводить как «Достойное упоминания [из собранного] в Пинчжоу». В.А. Вельгус [Вельгус 1987: 7] предложил удачный перевод: «Из бесед в Пинчжоу»; этого перевода я и придерживаюсь.

В настоящее время мы знаем — кстати, благодаря сборнику «Пин чжоу кэ тань» — гораздо больше о родственниках Чжу Юя, нежели о нем самом. Например, о материнской родне: «Чанчжоуские Ху — мои родственники по матери. У-пин⁹ первым занял пост министра, у кормила власти его сменил Цзун-юй¹⁰, а Цзун-хуэй, Цзун-ши, Цзун-янь и И-сю¹¹ занимали посты в гражданском

⁹ У-пин 武平 — второе имя Ху Су (胡宿 996–1067), сунского сановника и поэта. Ху Су сдал экзамены на цзиньши в 1018 г. и карьеру свою начинал в провинции, однако вскоре оказался при дворе, где служил по исторической части, а также в императорской библиотеке, принимал участие в составлении хроники правления Пяти династий (907–979), потом стал членом придворной академии Ханьлиньюань и в этом качестве был послан служить в провинции (где, в частности, был налоговым эмиссаром сунской провинции Лянчжэ, совр. Чжэцзян). Вернувшись ко двору, Ху Су был назначен секретарем императора, потом был начальником Департамента церемоний и в 1061 г. возглавил цензорат. Позднее Ху Су управлял Ханчжоу (1066), а в 1067 г. был назначен тайцзы шаоши (младший наставник наследника трона), но вступить в должность не успел. Среди современников он славился эрудицией и литературным слогом, как поэт развивался в русле школы «сикунь», тяготел к стихам Ян И. Надпись для могильной стелы Ху Су сделал Оуян Сю (歐陽修 1007–1072).

¹⁰ Ху Цзун-юй (胡宗愈 1029–1094) — сын Ху Су, цзиньши стал в 1059 г., был цензором, но при реформаторе Ван Ань-ши (王安石 1021–1074), взглядов которого не разделял, оказался выслан служить в провинции. В конце 70-х годов XI в. был возвращен ко двору, где тогда шла дискуссия о придворных группировках, подал на высочайшее имя доклад о том, что благородные мужи в группировки не объединяются, однако был к таковой причислен сам. Позднее служил в должностях заместителя начальника Цензората и правого министра в Управлении департаментов. Будучи на службе в Сычуани, снискал любовь тамошних жителей, а последнее назначение — начальником области Динчжоу (Хэбэй) — получил в 1094 г. На этом посту и умер.

¹¹ Ху Цзун-хуэй (胡宗回 XI — нач. XII в.) — племянник Ху Су, получил степень цзиньши без экзамена, за заслуги отца. Был сверщиком текстов в Императорской библиотеке, потом был

и военных ведомств. Четыре сына Цзун-чжи¹² одновременно служили инспекторами в провинциальных управлениях. Состояние семьи Ху возросло не-сказанно. На юго-востоке их прозвали “богатые и знатные Ху”» (фрагм. 163). Или о Ху Цзун-яо 胡宗堯: «В начале годов Цзя-ю (1056–1063) Ху Цзун-яо, моему дяде по материнской линии, подошло время для повышения в чине, и он в числе других семнадцати чиновников был вызван на аудиенцию. Жэнь-цзун (на троне 1023–1063) спросил, из какого рода дядя происходит, и кто-то доложил, что он — сын шумиши Ху Су. Последовал рескрипт: “Отложить повышение в ранге до возвращения из очередного назначения”. Подошел срок — и из-за того что [дядя] превышал меру наказаний и привлекал к ответственности родных и близких преступников, в числе ожидающих повышения в ранге чиновников императорский уполномоченный по оглашению высочайших указов его снова не упомянул. То же самое случилось и на трех других аудиенциях — а прошло более десяти лет. Кто-то из сановников стал снова хлопотать за дядю, но Владыка отвечал: “Этот человек губил Наш народ. Нельзя его повышать!”» (фрагм. 3). Или о другом дяде: «Мой двоюродный дядя по материнской линии Юань Ин-чжун 袁應中 обладал обширными познаниями и в свое время был знаменит. Но он был настолько безобразен с виду, что никто из придворных не осмеливался представить его [трону]» (фрагм. 38). Есть в «Пин чжоу кэ тань» сведения и о других родственниках Чжу Юя (например, об отце и матери говорится в двадцати восьми фрагментах). И почти ничего — о самом Чжу Юе.

Первое упоминание о сборнике Чжу Юя содержится в библиографии сунского Чэнь Чжэнь-суня (陳振孫 1190–1249): «“Пин чжоу кэ Тань”, три цзюани, написал усинский Чжу Юй, [второе имя] У-хо 無或, сын секретаря государственной канцелярии Фу, [второе имя] Син-чжун. Предисловие [датировано] первым годом Сюань-хэ (1119) (ныне предисловие утеряно. — И.А.). [Чжу Юй] взял псевдоним Пинчжоу лаопу — это, вероятно, от названия места в Гуанчжоу, где он жил. Об этом есть в “Ци ань чжи” (齊安志 “Сведения о Циани”), но там вместо Юй стоит Хо 或 и второе имя — У-хо 無惑. Неясно, где правда» [Чэнь Чжэнь-сунь 1987: 334]. Это, пожалуй, самые полные сведения об авторе «Пин чжоу кэ тань», относящиеся к сунскому времени. В сунской династийной истории сказано лишь: «Чжу У-хо. “Пин чжоу кэ Тань”, три цзюани» [Сун ши и вэнь чжи: 126]. Эти же сведения повторяют библиографи-

назначен в придворную палату Лунтүгэ, однако потерял все придворные должности, когда Ху Цзун-юй был причислен к придворной группировке. Некоторое время не служил, но потом получил назначение на должность начальника области. Ху Цзун-ши (胡宗師 XI — нач. XII в.) — еще один племянник Ху Су. Цзиньши стал в годы под девизом правления Цзя-ю (1056–1063) и карьеру начал с должности уездного секретаря, потом служил провинциальным налоговым эмиссаром, возглавлял Департамент налогов, был заместителем налогового эмиссара в Чэнду, а закончил службу на посту сюэши (ученый муж) палаты Лунтүгэ. Ху Цзун-янь (胡宗炎 XI — нач. XII в.) — племянник Ху Су, который, став цзиньши, довольно скоро получил пост в Лунтүгэ, управлял Ичаном, а умер на посту начальника области. Был прекрасным поэтом, которого высоко ценил Оуян Сю. Ху И-сю (胡奕修 1058–1108) — внук Ху Су. Первую должность (уездный секретарь) получил за заслуги отца, много служил при дворе, заведовал соляным налогом в провинциальном масштабе.

¹² Ху Цзун-чжи (胡宗質 XI в.) — второй сын Ху Су. Про него известно, что по службе он дошел до помощника начальника Далисы (Палаты наказаний). Женился на на девице Ши (施氏 1023–1076).

ческий раздел «Вэнь сянь тун као» (文獻通考 «Сводное исследование письменных памятников») Ма Дуань-линя (馬端臨 1250?–1325)¹³ и другие более поздние библиографии.

Судя по имеющимся в сборнике датам и сведениям Чэнь Чжэнь-суня сборник «Пин чжоу кэ тань» был закончен Чжу Юем не ранее 1118–1119 гг. Этого же мнения придерживается и В.А. Вельгус¹⁴.

Позже сборник был, видимо, утерян и сохранился в отрывках. Более подробные сведения об истории текста в позднее время содержатся в «Сы ку цюань шу цзун му» (四庫全書總目 «Генеральный каталог всех книг из четырех хранилищ»)¹⁵: «Пин чжоу кэ Тань», три цзюани, написал сунский Чжу Юй, второе имя Юя — У-хо, из Учэна. Книга эта в «Вэнь сянь тун као» числится [как содержащая] три цзюани, а минский текст, вошедший в изданное Шан Цзюнем «Бай хай»¹⁶, <...> содержит немногим более пятидесяти фрагментов, не наберется и одной цзюани. У Тао Цзун-и (陶宗儀 XIV в.) в «Шо фу» (說郛 «Окрест речений») — и того меньше. Видимо, на долгое время текст сей был утрачен. Цзюнь и другие собрали вместе извлеченное из прочих сочинений с тем, чтобы хоть в таком виде сохранить единый текст, но ни у кого из них не получилось трех полных цзюаней. И только в «Юн лэ да дянь»¹⁷ разрозненных фрагментов оказалось настолько много, что, выбрав их и сведя воедино, мы и получили вновь текст в три цзюани. Фрагменты эти были приведены в поря-

¹³ «Вэнь сянь тун као» (348 цзюаней) состоит из 24 тематических разделов и является продолжением исторического сочинения «Тун дянь» (通典 «Свод уложений») танского Ду Ю (杜佑 735–812), заканчивающегося на годах под девизом правления Тянь-бао (742–755). Ма Дуань-линь трудился над «Вэнь сянь тун као» с 1285 по 1307 г.

¹⁴ Краткая словарная статья В.А. Вельгуса для «A Sung Bibliography» ([Sung: 333–334]; то же на рус. яз. см.: [Вельгус 1987: 7–8]) и предисловие Ли Вэй-го к последнему изданию текста сборника Чжу Юя [Чжу Юй 1989: 1–6] — единственные известные мне работы, посвященные специально «Пин чжоу кэ тань». Недавно я узнал о том, что китайский специалист Чжэн Юй 鄭宇 под руководством Ли Вэй-го в 2006 г. защитил диссертацию под названием «“Пинчжоу кэтань” янцзю» (萍洲可談研究 «Изучение “Пинчжоу кэтань”»), и это исследование в качестве приложения вошло в переиздание «Пин чжоу кэ тань» в издательстве 大象出版社 в том же году, но данная работа, к великому сожалению, осталась мне недоступна.

¹⁵ Глобальная цинская библиография императорского книгохранилища, в основе которой лежит берущий начало в VI в. принцип распределения и классификации книг в старых китайских библиотеках: сы ку 四庫, «четыре хранилища», т.е. конфуцианские классики (經 цзин), историки (史 ши), философы (子 цзы), сборники (集 цзи). Впервые издана в 1790–1794 гг.

¹⁶ «Бай хай» (稗海 «Море пустяков») — минская книжная серия, изданная в 1573–1620 гг. текстологом и библиофилом Шан Цзюнем (商濬 вт. пол. XVI — перв. пол. XVII в.) и объединившая 74 произведения общим числом 448 цзюаней; преобладали в ней танские и сунские сборники: неофициальные исторические сочинения, сборники бицзи и пр.

¹⁷ Пожалуй, самое грандиозное собрание в истории китайской письменной культуры, по крайней мере — самое большое по объему (22 87 цзюаней в 11 095 томах). Было подготовлено по августейшему распоряжению минского двора в период с 1403 по 1404 г. (годы под девизом правления Юн-лэ, 1403–1424, откуда и название) комиссией из 147 ученых в главе с Се Цзином (解縉 1369–1415) и представляло собой свод всех известных на то время сочинений в самых разных областях (конфуцианству, даосизму, буддизму, истории, философии, астрономии, географии, медицине и т. д.). В 1405 г., опять же по августейшему повелению было основательно переработано — для этого было задействовано почти три тысячи человек, составителей и переписчиков; таким образом, годом окончательной работы над «Юн лэ да дянь» считается 1408 г. Однако позднее оригинал «Юн лэ да дянь» был утрачен и к концу XIX в. сохранилось лишь 600 томов, часть из которых была вывезена за пределы Китая во время международной оккупации Пекина в 1860 и 1900 г. Благодаря усилиям китайских ученых к настоящему времени объем известного текста энциклопедии составляет 797 цзюаней.

док и упорядочены так, дабы [текст] приблизить к первоначальному виду» [Чжу Юй 1989: 70]. Именно в издании книжной серии «Сы ку цюань шу» сборник «Пин чжоу кэ тань» приобрел максимально приближенный к первоначальному вид — три цзюани и наибольшее количество сохранившихся фрагментов (как пишут сами цинские редакторы, «из каждых десяти фрагментов удалось добыть восемь-девять»).

Остается только добавить, что из «Бай хай» было взято 55 фрагментов — и это самое раннее из известных нам ныне изданий «Пин чжоу кэ тань»; а из «Юн лэ да дянь» — более 180 (часть этих фрагментов дублировала содержащиеся в «Бай хай»). Современное же шанхайское издание критического текста выполнено Ли Вэй-го (李偉國 р. 1948), взявшим за основу наиболее полную и аутентичную ксилографию, вошедшую в серию «Мо хай цзинь ху»¹⁸, и сравнившим ее с текстом из «Бай хай» и изданием «Сы ку цюань шу». Таким образом, ныне известный сборник «Пин чжоу кэ тань» состоит из трех цзюаней, которые включают в себя сто восемьдесят семь фрагментов, еще два фрагмента добавлены Ли Вэй-го в приложении (они извлечены из «Юн лэ да дянь» и «Сун хуэй яо цзи гао» 宋會要輯稿 «Первичная рукопись собранных извлечений из “Сводов установлений [династии] Сунн”»), т.е. всего в сборнике 189 фрагментов¹⁹.

Хронологические рамки «Пин чжоу кэ тань», судя по присутствующим в тексте датам, охватывают период с 1056 по 1118 г.; в составе сборника доминируют бессюжетные короткие заметки, редки сюжетные отрывки и полностью отсутствуют крупные сюжетные произведения. И несмотря на то что сборник этот невелик по объему, он содержит множество если не уникальных, то по крайней мере очень ценных материалов. Стараниями позднейших редакторов, сводивших найденные в «Юн лэ да дянь» и других сочинениях разрозненные отрывки воедино, в трех цзюанях нынешнего текста «Пин чжоу кэ тань» просматривается даже некоторое тематическое разнообразие. Так, большинство фрагментов первой цзюани сборника посвящено тем или иным сторонам жизни служилого сословия, его высших кругов и даже императорской семьи; по числу упоминаний несомненным лидером среди сунских императоров является Шэнь-цзун (на троне 1067–1085)²⁰. В этой цзюани говорится и о принятых в сунское время установлениях для чиновников, разъясняется смысл тех или иных названий учреждений, должностей, рангов, иерархических структур.

Весьма информативны записи, касающиеся сложившихся традиций в чиновном сословии: «В отношении чиновничества у цзайсяна (первого министра. — И. А.) установлены твердые правила. В зале Дутан имеют право сидеть

¹⁸ Серия «Мо хай цзинь ху» (墨海金壺 «Море туши в золотом чайнике») была предпринята в 1817 г. Чжан Хай-пэном (張海鵬 XIX в.), цинским библиофилом, оставившим мысли о службе ради работы в домашней библиотеке. Серия состоит из четырех традиционных разделов (каноны 經, истории 史, философы 子 и сборники 集) и включает в себя 115 различных сочинений в 722 цзюанях.

¹⁹ Это, собственно, уже упоминавшееся выше издание — [Чжу Юй 1989]. Также сборник Чжу Юя издавался и на Тайване, например, в 1975 г. в издательстве «Тайвань шаньу иньшугуань» 台灣商務印書館.

²⁰ Он фигурирует во фрагментах 1, 2, 10, 11, 32, 33, 34, 36, 39, 47, 62, 88, 131, 133 и 150.

высшие столичные чиновники *цзингуань*, *сюаньжэнь* же докладывают стоя. На приемах в частной резиденции [цзайсяна] дозволено сидеть даже сюаньжэнь — ведь их принимают как гостей» (фрагм. 6). Встречаются и забавные эпизоды: «В годы Юань-фэн [императору] в специальном докладе сообщили, что во время дворцовых испытаний какой-то старик — ему уже перевалило за семьдесят — в экзаменационном сочинении написал: “Ваш подданный стар и не в состоянии слагать изящные строки. Нижайше желаю Вашему Величеству долгих-долгих лет жизни!” Выслушав это, Владыка, растроганный искренностью старика, особым указом произвел его в чиновники низшего ранга и пожаловал пропитание до конца дней его» (фрагм. 46).

Но гораздо большую ценность для исследователя представляют сведения, сообщаемые во второй цзюани «Пин чжоу кэ тань» и касающиеся юга сунского Китая, конкретно — Гуанчжоу, располагавшегося на его территории так называемого «чужеземного квартала», населенного по большей части мусульманами, в том числе выходцами из арабских стран, а также сведения, касающиеся торговли с заморскими странами. «Когда торговые суда собираются отплыть, то, дойдя до отмели Жучжоу, задерживаются там для прощания и только после этого получают разрешение отплыть. Это называют “выпустить в море”. Возвращаясь, суда причаливают у отмели, радостно отмечают благополучное прибытие и выставляют сторожевым солдатам угощение — вино и мясо, а потом под охраной направляются к Гуанчжоу. Там суда причаливают у сторожевой башни Шибосы (Управление торговых кораблей), и из Инспекции присылают солдат для досмотра. Это называется “поместить в загон”. Потом на корабль прибывают налоговый инспектор и инспектор Шибосы. Они осматривают товары и определяют сумму налога. Это называется “взимать часть”» (фрагм. 66).

Весьма интересны и подробности китайского мореходства того времени: «Капитан корабля сведущ в географии, ночью он наблюдает звезды, днем — солнце, в непогоду ориентируется по компасу или с помощью крюка, привязанного к веревке в десять чжанов, достает со дна грунт, нюхает его и так определяет местонахождение судна» (фрагм. 68). В отечественной синологии еще В.А. Вельгус обратил внимание на то, что именно в этом фрагменте содержится первое упоминание об использовании китайцами компаса на морских судах для навигации [Вельгус 1987: 8]. Есть в этой цзюани и сообщения о неких выходцах из-за океана, негроидах, использовавшихся в Гуанчжоу в качестве рабов: «В богатых домах Гуанчжоу многие держат *гуйну* — дьявольских рабов. Сила их необычайна, и они могут поднять несколько сот цзиней. Язык и чувства их непостижимы, нрава они простодушного, не убегают. Их еще называют дикарями. Кожа у них черная, как тушь, губы красные, зубы белые, волосы курчавые и рыжие. Они бывают обоего пола, а родина их находится в горах за морем. Едят мясо животных» (фрагм. 72). Важность подобных фрагментов усиливает то обстоятельство, что все они суть личные наблюдения автора или живые впечатления от рассказов его отца²¹, а не результат книжных изысканий и обобщения знаний предшественников; это сунский юг глазами очевидца.

²¹ Чжу Фу, отец Чжу Юя — один из источников заслуживающей безусловного для Чжу Юя доверия информации и один из самых частых персонажей «Пин чжоу кэ тань»: он фигурирует в двадцати семи фрагментах сборника. Чжу Фу, как мы помним, служил в Гуанчжоу в 1099—1102 гг., и Чжу Юй был там вместе с ним.

Что же до третьей цзюани «Пин чжоу кэ тань», то в ней преобладают фрагменты сверхъестественного или необычайного характера: записи удивительных случаев, вещих снов, сбывшихся предсказаний. «При императоре Хуэй-цзуне, в годы Да-гуань, в Циндунлу у одного крестьянина корова отелилась цилинем. Деревенские жители не поняли, [что это цилинь], сочли его вредным и забили палками. Власти же, узнав об этом происшествии, провели расследование, и оказалось — действительно благовестное существо! Донесли Владыке. И тогда во все провинции были разосланы рисунки, изображающие цилиня, чтобы крестьяне знали, как он выглядит. Тому же, у кого появится цилинь, была обещана щедрая награда» (фрагм. 126). Или: «Сыну Цай Юань-ду вдруг открылось, что в предыдущем рождении он жил в семье Ван из Даньяна, что в области Жуньчжоу. [Цай] навестил Ванов, и все подтвердилось. Еще была жива бывшая жена его сына; мальчик встретился с ней и заговорил как со старой знакомой. А восьми или девяти лет он постепенно втянулся в мирскую жизнь и мало-помалу забыл о прошлом» (фрагм. 152). Кажется, в подобных описаниях нет ничего выдающегося; зато именно в этой цзюани мы находим подробности из жизни великого сунского ученого-энциклопедиста Шэнь Ко (沈括 1032–1096) (фрагм. 183). Следует подчеркнуть, что именно Чжу Юй донес до нас имена сыновей Шэнь Ко — Цин-чжи 清直 и Бо-и 博毅, и благодаря его подробному повествованию мы сегодня знаем, как непросто и местами трагически складывалась личная жизнь великого сунского ученого²². Есть в этой цзюани и записи интересных и поучительных случаев из жизни других выдающихся личностей сунской эпохи.

Сборник «Пин чжоу кэ тань», таким образом, является интереснейшим памятником своего времени, это собрание сохранило до наших дней ценнейшие сведения из жизни сунского общества и из биографий старших современников автора; по выражению В.А. Вельгуса, «у Чжу Юя немало <...> таких сведений, которых не найти ни в справочниках, ни в других книгах» [Вельгус 1987: 8]. «Пин чжоу кэ тань» — важный источник для изучения китайских торговых связей и истории ислама в Китае.

Ниже читатель найдет комментированный перевод ряда репрезентативных фрагментов из этого сборника.

(1) В годы Юань-фэн, когда мой покойный батюшка служил на должности правого историка, император Шэнь-цзун, отправляя чиновников бороться с разливом реки Синьхэ, что в области Чучжоу, лично дал им такие наставления: «Жители юго-востока не любят чрезмерных повинностей, и вы должны заботиться о судьбе солдат и народа». Сколь просты и уместны были слова великого государя!

Примечания

Годы Юань-фэн — 1078–1086.

Правый историк 右史 — так в сунское время по традиции продолжали называть должность *цицзюй шэжэнь*. В годы Юань-фэн и позже (с 1067 г.) в обязанности исполняюще-

²² Следует также добавить, что среди всех известных сунских сановников чаще всех Чжу Юй обращается к жизненному пути или авторитету Су Ши (16 фрагментов) и Ван Ань-ши (11 фрагментов). Упоминания прочих единичны.

го ее чиновника входило, постоянно находясь при особе императора, записывать высочайшие речи для последующего составления хроники царствования.

Область Чучжоу — располагалась на территории, занимаемой совр. пров. Цзянси.

(2) На шестой год Юань-фэн во время зимних жертвоприношений мой покойный батюшка руководил высочайшим выездом. Подали императорский экипаж, [и оказалось, что туда] забыли положить одеяла и тюфяки. [Батюшка] тут же послал за недостающим. Владыка, увидев, [в чем задержка], обратился к свите и заговорил о другом. Через самое короткое время тюфяки были доставлены. Тогда [Владыка] взошел в экипаж, и этот случай никому не был поставлен в вину. Вот какова была мудрость [Владыки]!

Примечание

Шестой год Юань-фэн — 1083. Под Владыкой здесь подразумевается император Шэнь-цзун.

(3) В начале годов Цзя-ю Ху Цзун-яо 胡宗堯, моему дяде по материнской линии, подошло время для повышения в чине, и он в числе других семнадцати чиновников был вызван на аудиенцию. Жэнь-цзун спросил, из какого рода дядя происходит, и кто-то доложил, что он — сын шумиши Ху Су. Последовал рескрипт: «Отложить повышение в ранге до возвращения из очередного назначения». Подошел срок — и из-за того что [дядя] превышал меру наказаний и привлекал к ответственности родных и близких преступников, в числе ожидающих повышения в ранге чиновников императорский уполномоченный по оглашению высочайших указов его снова не упомянул. То же самое случилось и на трех других аудиенциях — а прошло более десяти лет.

Кто-то из сановников стал снова хлопотать за дядю, но Владыка отвечал: «Этот человек губил Наш народ. Нельзя его повышать!»

Примечания

Годы Цзя-ю — 1056–1063.

Повышение в чине — В сунское время в Китае существовало девять рангов для чиновников, каждый ранг включал в себя от двух до четырех степеней. Для получения следующего ранга чиновнику было мало просто выждать определенное количество времени — он еще обязан был пройти через многочисленные аттестации и подтвердить свою, так сказать, профпригодность. Немалую роль тут играли и рекомендации от влиятельных столичных чиновников (и в сунское время правила для предоставления таких рекомендаций были весьма тщательно разработаны: было, например, строго регламентировано, сколько таких рекомендаций может дать лицо определенного ранга). Рекомендованные находились в прямой зависимости от положения рекомендующих: стоило последним впасть в немилость, и подобная участь ждала, как правило, и их протеже.

Шумиши Ху Су — сколько мне известно, сунский сановник Ху Су (胡宿 996–1067) в 1061 г. был назначен на пост шуми фуши — заместителя начальника (но не шумиши, т.е. начальника) Шумиюаня, Высшего военного совета страны.

(6) В отношении чиновничества у цзайсяна установлены твердые правила. В зале Дутан имеют право сидеть высшие столичные чиновники цзингуань, сюаньжэнь же докладывают стоя. На приемах в частной резиденции [цзайсяна] дозволено сидеть даже сюаньжэнь — ведь их принимают как гостей. Высшим военным и гражданским чиновникам подают чай, скамеечку для ног, зимой

ставят печку, летом обмахивают опахалом. Это называется «прислуживать вершащим дела». А прочим чиновникам подают лишь чай, и это называют «прислуживать не вершащим дела».

Примечания

Цзайсян — примерный аналог первого министра. В русской переводческой традиции — «премьер-министр» или «первый министр» (чаще всего), а также просто «министр» и даже «канцлер». Все это до определенной степени верно по сути, ибо цзайсян, изначально будучи верховным советником императора, которому принадлежала абсолютная верховная власть в Поднебесной, получал из рук Владыки достаточно полномочий, чтобы единолично вершить судьбы страны. Между тем при дворе существовали, как правило, две такие должности, и тут при переводе на русский язык кроется основной подвох, ибо было ли в европейской истории такое время, когда в одной стране действовали бы сразу два премьер-министра?

Дутан — так в начале правления сунской династии называли главный зал Чжуншунэна (Государственной канцелярии), где происходили заседания. Впоследствии был переименован в Чжэншитан.

Цзингуань... сюаньжэнь — грубо говоря, при Сун все придворные чины ниже цзайсяна в общем назывались *цзингуань*, т.е. «столичные чиновники»; при этом они делились на две главные категории: те, кто присутствуют на высочайших аудиенциях, назывались *чаогуань* «придворные», а прочие — в том числе низшие столичные чины вроде служащих Императорской библиотеки — были просто *цзингуань*. Общее же название для низших гражданских чиновников, служивших в том числе в аппаратах Управления областями и уездами, было *сюаньжэнь*, т.е. «отобранные», и этим названием они обязаны тому обстоятельству, что их отбирали (*сюань* 選) и утверждали на должности в Департаменте чинов, тогда как назначения чиновников столичных проходили через Чжуншунэн. Для перехода из категории сюаньжэнь в цзингуань требовалось пройти довольно тщательную аттестацию и экзамены.

(7) Чай распространился при династии Тан. Вкус его сначала горек, потом сладок. Поздно собранный чай называют *мин* 茗. По распространенному сейчас обычаю гостю, когда он только пришел, дают выпить чая, а перед уходом угощают отваром. Отвар готовится из измельченных лекарственных средств и ароматных трав, подают его теплым или холодным и всегда кладут в него траву солодку. Такой отвар широко распространен в Поднебесной.

А когда мой покойный батюшка был послом в Ляо, тамошние жители по своим обычаям встречали его отваром, а провожали — чаем. Даже на пиру у них и то сначала дают выпить воды и лишь потом вносят лакомства. Желают сделать супротив того, как в Срединном государстве, но на деле это противоречит природе вещей.

Примечания

В Китае чай появился в III—VI веках, а в повседневный обиход вошел в VII—XIII веках, при династии Сун его стали включать в число основных товаров первой необходимости. В 780 г. в правящих кругах серьезно обсуждалась перспектива введения налога на чай, и с середины IX в. была учреждена государственная чайная монополия. Ли Гоу (李構 1009—1059) писал: «Из всех товаров в Поднебесной чай появился позднее других <...> В древности чая не знали. Он появился в районе к югу от Янцзы, распространился по всей Поднебесной и в последнее время овладел ею. Нет ни природного, ни простолодина, который не пристрастился бы к чаю; его употребляют все — богатые, знатные, бедные и низкие» (цит. по: [Крюков 1984: 147]). Торговля чаем с северными кочевыми племенами в это время стала существенной статьей бюджета страны. При этом надо принять во внимание, что и сам чай, и способ его приготовления в сунское время существенно отличались от известных нам те-

перь: листья сушили, растирали в порошок и уже из него приготавливали брикеты (*бинча*) или плитки (*туаньча*), в которые часто добавляли различные ароматические присадки вроде имбиря или душистого перца; потом, по мере необходимости, брикеты растирали, но не заваривали кипятком, а варили как суп и разливали из котла в чашки. Существует достаточное количество письменных памятников, прямо посвященных чаю, например широко известный «Ча цзин» (茶經 «Трактат о чае») танского Лу Юя (陸羽 733—804), «Ча лу» (茶錄 «Записи о чае») упомянутого здесь Цай Сяна (см. ниже), «Да гуань ча лунь» (大觀茶論 «Рассуждения о чае годов Да-гуань») сунского императора Хуэй-цзуна, и др., а также и современных специальных научных работ, см., например: [Шэнь Дун-мэй 1999; Хуан Тунь-цзюэ 2001 и др.]

Ля о — государственное образование киданей, существовало с 916 по 1125 г. Отец Чжу Юя, Чжу Фу, был отправлен с посольством к Ляо в 1094 г.

(11) Цзя-ван [по имени] Хао, младший брат Юй-лина, имел пристрастие к чтению книг. В годы Юань-фэн он несколько раз подавал доклады с рассуждениями о делах управления. Кто-то из секретарей заметил ему с укором:

— Ведь вы, великий князь, младший брат Сына Неба, вы — не из ряда слуг у ног Владыки. Вы, как говорится, душой блуждаете среди тысяч томов, и оттого расцвела ваша добродетель. Но вот уже несколько раз вы высказываете [свои особые] суждения, а это не может не беспокоить вдовствующую императрицу!

Цзя-ван испугался, осознал [глубину своей дерзости] и с тех пор стал интересоваться только медицинскими сочинениями, обсуждал с приближенными исключительно рецепты отваров и настоев. Императорский двор по достоинству оценил его страсть к древности и даже издал специальный эдикт, восхваляющий [великого князя]. И доныне у лекарей в ходу «Собрание рецептов Цзя-вана» 嘉王集方.

Примечание

Цзя-ван 嘉王 — в данном случае имеется в виду Чжао Хао (趙昊 XI в.), младший брат императора Шэнь-цзуна (Юй-линя), от названия его усыпальницы Юнъюлин). Носил почетное звание *тайбао* (средний из трех наставников наследника престола; звание реальной власти не давало); по службе дошел до поста цзедуши Хэнхая. По свидетельству современников, был крайне добродетелен, испытывал огромную тягу к учености. Неплохо рисовал. Прекрасно стрелял из лука. Умер сорока семи лет от роду.

(12) В годы Си-нин впервые вышел указ о том, чтобы в экзаменах участвовала и высшая знать; в годы Да-гуань в дворцовых испытаниях приняли участие некоторые евнухи; на восьмой год Чжэн-хэ в дворцовых экзаменах приняли участие императорские отпрыски. Из знати первым выдержавшим такой экзамен стал Лин-шо; из евнухов первым стал Лян Ши-чэн; из императорских родственников — Цзя-ван [по имени] Кай.

Рассказывают, что дворцовые экзамены для чиновников называли «испытаниями в закрытом зале» и обычно не обнародовали имена первых среди выдержавших их. Когда на экзаменационной доске года *моу-суй* первым оказался Цзя-ван, вторым — *дэншилан* Ван Мао 王昴, третьим — Янь Тянь-сюань 顏天選, Владыка повелел: «Экзаменаторы первым определили быть Цзя-вану [по имени] Кай, но [Мы] не хотим, чтобы он стал первым в Поднебесной, и посему пусть список возглавит второй среди выдержавших». Так и вышло, что объявлять выдержавших испытания в закрытом зале начали с Ван Мао.

Примечания

Годы Си-нин — 1068–1077.

Годы Да-гуань — 1107–1110.

Восьмой год Чжэн-хэ — 1118.

Лин-шо — Имеется в виду Чжао Лин-шо (趙令鑠 1048—?), потомок в пятом поколении основателя сунской династии императора Тай-цзу; после сдачи экзаменов служил на разных должностях и дослужился до поста дайчжи палаты Баовэньгэ.

Год моу-сюй — 1118.

Цзя-ван 嘉王 — имеется в виду Чжао Кай (趙楷 XII в.), третий сын императора Хуэй-цзуна. После того как в 1118 г. он выдержал экзамен, двор пожаловал ему титул Юнь-вана 鄆王 и ряд высоких должностей. Был хорошим художником, специализировавшимся в жанре «цветы и птицы».

«Экзамены в закрытом зале» — экзамены для действующих чиновников на предмет переаттестации и повышения в ранге (понижения, увольнения со службы). Проводились в запертом помещении, отсюда и название. Сначала чиновник-соискатель должен был подать прошение двору, получить разрешение для прохождения таких экзаменов, а уж потом явиться в Департамент церемоний, заведовавший проведением «экзаменов в закрытом зале». Первоначально не прошедшие такие экзамены просто освобождались от должности, а прошедшие — не награждались никакой степенью, но могли рассчитывать на повышение. С 992 г. прошедшим эти экзамены действующим чиновникам стали даровать степень цзиньши. С 1018 г. соискатели были обязаны сначала получить подтверждение своей профпригодности у вышестоящего начальства, а уж потом допускались к экзаменам. В 1026 г. это положение было ликвидировано — система много раз менялась.

Дэншилан — почетный титул чиновника девятого ранга второй степени.

(13) Императорских дочерей называют *гунчжу* (принцесса), а императорских зятьев производят в должность *фума дувэй* (управляющий пристяжными императорского выезда). Близких родственниц называют *цзюньчжу*, то есть принцессы первого ранга, и *сяньчжу*, то есть принцессы второго ранга, а их мужей в просторечии называют *цзюньма* и *сяньма*, в чем нет никакого смысла.

Женщин в нынешнем императорском роду всегда было много. В Приказе, ведающем делами императорской родни, несколько десятков чиновников занимались только их брачными делами, и поначалу эти браки не ограничивались лишь кругом высшей знати. Многие из богатых домов обращались со сватовством к императорским родственницам, чтобы получить чин и тем повысить престиж семьи, да еще и с [императорской фамилией] породниться. Доходило до того, что столичные богатеи вроде датунских Чжанов в своей семье имели более тридцати сяньчжу!

Примечание

Гунчжу (公主 «принцесса») — титул дочерей императора, к которому прибавлялось название земельного пожалования (например, Циян гунчжу и т.д.). Появление термина восходит к периоду Чжаньго (475–221 до н. э.). Сестры же императора носили титул *чангунчжу* 長公主 «старшая принцесса», а тетушки — *дачан гунчжу* 大長公主 «великая старшая принцесса». В 1126 г. разнообразные титулы для дочерей, сестер и тетушек императорского дома были заменены единым *дици* 帝姬. Мужья гунчжу согласно обычаю назначались на должность *фума дувэй* (управляющий пристяжными императорского выезда), позволявшую входить в императорскую свиту, но реальной власти не дававшую. Титулы *цзюньчжу* 郡主 и *сяньчжу* 縣主 («владычица такого-то округа» и «владычица такого-то уезда») давались дочерям представителей императорского рода ближних кругов родства (например, дядьев и братьев). Бессмысленность, о которой говорит Чжу Юй, связана с тем, что если вполне распространенное в сунское время сокращение *фума* (от *фума дувэй*) восходит к вполне понятной должности, то *цзюньма* (郡馬 букв.: «областная лошадь») или *сяньма* (縣馬 «уездная лошадь») суть продукт бессмысленной аналогии, даже не сокращения.

(15) При нынешней династии только те, у кого есть один из пяти рангов знатности — *гун*, *хоу*, *бо*, *цзы* и *нань*, — могут обладать также титулом *кайго* соответствующего округа или уезда, а что до тех, кто пожалован титулом *гогун*, то их называют «гун такого-то удела». Сначала жалуют маленькие уделы, потом — большие и так отмечают возросшую добродетель. Но бывает, что долго не жалуют следующее владение.

Вот Вэнь Янь-бо сначала был пожалован титулом Луго-гун и тридцать лет после этого не удостоивался другого пожалования, а Ван Ань-ши сначала получил титул Шуго-гун, потом — Цзинго-гун и посмертно был возведен в ранг Шу-вана. Ему было два пожалования. Цай Цзин был пожалован титулом Цзяго-гун, потом — Вэйго-гун, Чуго-гун, Луго-гун, всего четыремя. Да потом еще — Чэньго-гун, но этого господин не принял. Хэ Чжи-чжун был пожалован титулом Жунго-гун и пять лет после этого не удостоивался нового пожалования. Он опочил на служебном посту, и посмертно ему был дарован титул Циньюаньцзюнь-ван, но такое случается редко.

В начале годов Юань-ю Сыма Гуан был пожалован титулом Вэньго-гун 溫國公. Знатоки видят в этом намек на то, что к его прямоте и принципиальности следовало бы добавить еще и *вэнь* 溫 «мягкость». У Дун-по в стихотворении «Песнь о конопле» говорится: «Пожалован владением в Вэнь, чтобы прославить прямоту и добродетель».

В начале годов Чун-нин Цзэн Бу за злоупотребления был снят с министерского поста и сослан на должность *сыху цаньцзюня* в область Ляньчжоу. Знатоки говорят, что название области — Лянь 廉 «неподкупность» — выбрано было в укор его продажности. Но думали ли об этом власти предрежащие на самом деле?

Примечания

К а й г о — высший почетный титул, делавший его обладателя носителем высшего титула знатности *гун* 公 и дававший ему в кормление не менее пятисот крестьянских дворов.

В э н ь Я н ь - б о (文彦博 1006–1097) — сунский сановник и политик, которому за заслуги был пожалован титул Луго-гуна 潞國公. Экзамен на степень цзиньши успешно сдал в 1027 г. Служил при дворе четырех императоров и неоднократно занимал посты министерского ранга (в общей сложности около пятидесяти лет). В 1051 г., будучи цзайсяном, рекомендовал будущего реформатора Ван Ань-ши императору, что не помешало им впоследствии стать политическими противниками (так, в 1072 г. между Ван Ань-ши и Вэнь Янь-бо состоялась напряженная дискуссия по поводу реформы в торговле, в результате которой Вэнь Янь-бо был вынужден подать в отставку).

В а н А н ь - ш и (王安石 1021–1074) — сунский министр и литератор, в первую очередь известен проведенными им реформами, которые в упрощенной форме суть следующие: усиление ирригационных работ в стране; предоставление крестьянам ссуд под будущий урожай; освобождение от трудовых повинностей путем внесения за это особого налога; полный перемер земельных наделов с целью обеспечить равномерный сбор налогов; организация торговли под государственным наблюдением; государственное регулирование цен и денежного обращения; учреждение сил местной самообороны (*баоцзя*); установление для всех, охваченных баоцзя, конной повинности; установление постоянных должностей командующих местными войсками; создание военных arsenалов. Научная литература, посвященная реформам Ван Ань-ши, довольно обширна. Из работ на русском языке см., например: [Иванов 1909; Лапина 1970].

Ц а й Ц з и н (蔡京 1047–1126) — сунский сановник, реформатор и литератор. Экзамен на степень цзиньши сдал в 1070 г. и начал служить. После возвращения из посольства к ляоскому двору был назначен чжуншу шэжэнем. В 1084 г. был поставлен управлять Кай-фэном. После этого был выслан противником реформ Ван Ань-ши Сыма Гуаном служить в провинцию, но в 1093 г., после воцарения на троне императора Чжэ-цзуна, который вер-

нулся к реформам своего отца, был возвращен в столицу, получил назначение в придворную академию Ханьлиньюань, стал начальником Департамента налогов и сборов, принял участие в составлении династийной истории. Много раз занимал высокие посты при дворе, четыре раза находился во главе исполнительной власти. Титул Луго-гуна получил в 1112 г. Жизнь окончил в ссылке. Был прекрасный каллиграф — считается одним из четырех лучших северосунских мастеров. До наших дней дошло семнадцать стихотворений Цай Цина.

Хэ Чжи-чжун (何執中 1044–1117) — сунский сановник. Сдав экзамены на степень цзиньши, службу начинал с должности начальника уезда и уже на ней явил многочисленные управленческие таланты. Много и плодотворно служил при дворе: в 1105 г. был назначен на пост правого министра в Государственной канцелярии, в 1112 г. стал первым министром.

Годы Юань-ю — 1086–1093.

Сыма Гуан (司馬光 1019–1086) — великий сунский историк. Стал цзиньши в 1038 г., службу начал с должности областного судьи. Вскоре получил назначение в столицу, на пост лектора в Гоцзыцзянь, а в 1046 г. его назначили сверщиком текстов в императорское книгохранилище. Сыма Гуан и в дальнейшем много и успешно служил, занимал высокие посты (в частности, был директором Цензората), а также был членом придворной академии Ханьлиньюань (1068). Выступил против реформ Ван Ань-ши и в 1070 г. попросился на службу за пределы столицы, в провинцию. Будучи в Лояне, взялся за работу над «Цзы чжи тун цзянь» (資治通鑑 «Зерцало всеобщее, управлению помогающее»). С приходом к власти императора Чжэ-цзуна, в 1086 г., стал первым министром и положил конец реформам Ван Ань-ши. Император пожаловал ему посты *шаншу цзопуе* (первый заместитель начальника Шаншушэна) и *мэнься шилана* (помощник начальника Мэньсяшэна, Императорской канцелярии), но в том же году Сыма Гуан умер. Посмертно ему был дарован пост *тайши* (наставник императора).

Дун-по — имеется в виду великий сунский литератор, поэт и художник Су Ши (蘇軾 1036–1101), литературный псевдоним которого был Дун-по цзюйши 東坡居士.

Годы Чун-нин — 1102–1106.

Цзэн Бу (曾布 1036–1107) — сунский сановник и реформатор, младший брат знаменитого литератора Цзэн Гуна (曾鞏 1019–1083). Экзамен на цзиньши сдал вместе с братом в 1057 г. Принимал участие в разработке реформ, которые проводил Ван Ань-ши (например, системы баоцзя), однако позднее стал противодействовать его реформам и открыто перешел в стан их противников. Член придворной академии Ханьлиньюань. При императоре Чжэ-цзуне возглавлял Шумиюань, позднее занимал ряд постов министерского ранга. Благодаря усилиям Цай Цина был отстранен от власти и послан служить в провинции, где на посту начальника области Жуньчжоу (совр. пров. Цзянсу) и умер.

Сыхуцаньцзюнь — сокр. от *сыхуцаньцзюньши*, областной чиновник, заведовавший подворными списками населения, сбором налогов и их хранением.

Область Ляньчжоу — располагалась на территории, занимаемой совр. Гуанси-чжуанским автономным районом.

(17) Установления таковы: у чиновников третьего ранга с жалованьем, но без должности (*цзилугуань* 寄祿官) — пурпурная одежда и золотая рыбка на поясе; пятого ранга — малиновая одежда и серебряная рыбка. Чиновники на должности (*чжишигуань* 職事官), даже если и занимают высокое положение, не имеют на это права без особого пожалования. Но даже если и есть такое пожалование, а чиновник не обладает рангом таким же, как цзилугуань, то он носит рыбку на поясе только при исполнении служебных обязанностей. Для цзилугуань это необязательно.

А некоторые из служащих в провинции чиновников «заимствуют» цвет одежды, но не носят на поясе рыбок. Это называется «одолжить цвет». Когда кому-то пожаловано [право носить одежду такого-то] цвета, говорят, что «пожалован цвет». Эмиссары по перевозке налогов в столицу, их заместители,

надзиратели за наказаниями и тюрьмами, командующие областными войсками «заимствуют» только малиновый цвет, помощники провинциальных налоговых эмиссаров и помощники начальников областей тоже носят малиновое.

Начиная с первых годов Чун-нин среди учрежденных ранее [чиновников] *тицзюй* [были установлены] различия: заимствовать малиновый цвет могли лишь [*тицзюй*] *сюэши* и [*тицзюй*] *чанпин*, а прочие носили одежду положенного по рангу цвета. После того как [чиновники *тицзюй*] были объединены [с прочими] «заимствовавшими» цвет, они, «дождавшись срока возвращения, облачались в одежды того цвета, который носили ранее». Распроставшись с двором и покинув пределы столицы, они носили одежду «заимствованного» цвета, а вернувшись на службу в столицу, облачались в цвет, соответствующий рангу. По нынешним порядкам «заимствующие цвет», как и в былые времена, носят рыбку на пояс.

Когда Люй Гун-чжу служил начальником области, он «заимствовал» пурпурный цвет, а позже, заняв вакантный пост помощника провинциального эмиссара, по рангу уже не имел права носить пурпурное, но все равно продолжал облачаться в платье этого цвета.

Когда Ма Юй-цин 馬餘慶 управлял областью Пэнчжоу, он носил пурпурное платье. Потом он вернулся в департамент за новым назначением. По табели о рангах ему полагался пост помощника начальника области, но Ма, боясь потерять «заимствованный» цвет, не захотел принять такое назначение, попросился в отставку и сохранил за собой пурпурное платье.

Обычно те, кому по рангу не положено «заимствовать» цвет, сами на это не осмеливаются.

Примечания

Золотая рыбка на поясе — принадлежность официального чиновничьего платья, своеобразный знак отличия. Представляет собой отдаленно напоминающую рыбку подвеску, материал (золото или серебро) которой определялся рангом чиновника. Обычай носить такие подвески как атрибут официального платья появился при династии Тан, в Сун же сохранился как знак особого отличия, а не как общепринятая норма для чиновников определенного ранга.

Тицзюй — система *тицзюй* была учреждена в ходе реформ Ван Ань-ши для укрепления власти и надзора за ходом реформ на местах; сначала чиновники *тицзюй* появились в Хэбэе и Шэньси, а затем и по всей стране. В каждую провинцию назначался специальный чиновник, здесь названный сокращенно *тицзюй чанпин*. К основной его задаче относился надзор и контроль над деятельностью местной администрации, а при необходимости — и принятие важных решений в интересах реформ в обход этой администрации. *Тицзюй сюэши* (сы) занимался делами образования в масштабах провинции, области, уезда, инспектировал местные учебные заведения и проверял деятельность ответственных за образование чиновников; должность существовала с 1103 по 1121 г.

Люй Гун-чжу (呂公著 1018–1089) — сунский сановник, политик, литератор. Сын Люй И-цзяня. Первую должность получил, воспользовавшись правом «тени» за заслуги отца. Выдержав экзамен на степень цзиньши, получил назначение в область Инчжоу, где свел знакомство с Оуян Сю. Потом служил при дворе — был *сюэши* палаты Лунтугэ, членом придворной академии Ханьлиньюань. В 1068 г. был поставлен управлять Кайфэном. Занимал много важных придворных должностей. Будучи вначале сторонником умеренных реформ, постепенно перешел в лагерь противников Ван Ань-ши; находясь в 1086 г. на министерском посту, во многом способствовал уничтожению начинаний последнего. До наших дней дошло восемнадцать стихотворений Люй Гун-чжу — в составе «Цюань сун ши».

Область Пэнчжоу — располагалась на территории, занимаемой совр. пров. Сычуань.

(22) Среди столичных чиновников только первый министр и императорские родственники ездят под зонтами — их называют *чжун гай* 重蓋 «тяжелый покров». А в прежние времена за лошадьми [всех служащих] от чжичжигао до служащих Инспекций носили большие круглые опахала и [едуших] закрывали ими от солнца. В годы Шао-шэн Владыка, будучи на угловой башне во дворце, увидел, что за чиновничьими лошадьми носят опахала, и спросил, как они это называют. Евнух ошибочно отвечал, что это веера, и Владыка изрек: «Не следует Нашим подданным этим пользоваться!»

С тех пор опахала запретили.

Примечание

Г о д ы Ш а о - ш э н — 1094–1097.

(24) «Жуновы сиденья», 狨座, [подушки для сидения, изготовленные из шкуры животного *жун*], дозволяется иметь только высшим сановникам — не ниже чжичжигао у гражданских чинов и генерал-губернаторов у военных. На таких подушках положено сидеть с девятой луны — и так вплоть до третьей. Установленного дня нет, и как только станет известно, что первый министр уже стал садиться на такую подушку, то и все начинают ими пользоваться. И заканчивают так же.

Животное жун напоминает большую обезьяну и живет в [Сы]чуани. Самая длинная шерсть у него на спине, по цвету она похожа на желтое золото. Жунов ловят и делают [из их шкурок] подушки. Из нескольких десятков шкурок выходит одна подушка, и цена ее достигает ста тысяч. С обратной стороны на подушку ставят пурпурный тонкий шелк, окантовывают парчой, тканной [узором в виде] четырех беркутов. Особых отличий тут не бывает.

В годы Чжэн-хэ одного сановника, у которого давно подошел срок повышения по службе, должны были назначить на пост чжичжигао. Он заранее заказал себе подушку из меха жуна, но этого показалось ему мало: он, опережая события, стал уже ею пользоваться — и получил отставку!

Говорят, мех жуна, если на нем сидеть, не мнет одежды. Мой покойный батюшка, будучи послан в Ляо, занимал пост чжичжигао и сидел на жуновой подушке. Потомки же военных чинов сидят на подушках из пурпурного шелка. Рассказывают, что чиновник, не будучи чжичжигао, мог сидеть на жуновой подушке и под открытым зонтом, в золотом поясе и с золотой рыбкой только по специальному указу. Так, в годы Да-гуань вышел указ о том, что имеют право сидеть на жуновой подушке *либу шаншу* Чжэн Юнь-чжун 鄭允中 и генерал-губернатор Фэннина Тун Гуань.

Примечания

Ж у н — так называемый Рокселланов ринопитек (*Rhinopithecus roxellanae* Milne-Edwards, 1870), небольшая мартишкообразная обезьяна, которая встречается в Южном и Центральном Китае (в том числе в Сычуани) и обитает в горных лесах на высоте около 3400 м над уровнем моря. Она же — сычуаньская золотая обезьяна. Долгое время находилась на грани вымирания, пока китайские власти не создали в районах ее проживания сеть заповедников; нынешняя популяция жунов составляет более пяти тысяч особей.

Г о д ы Д а - г у а н ь — 1107–1110.

Л и б у ш а н ш у — начальник Департамента церемоний.

Т у н Г у а н ь (童貫 1054–1126) — сунский сановник и военачальник, традиционной китайской историографией относимый к категории «сановников-предателей» (奸臣 *цзянь-чэнь*). Начиная как императорский евнух, потакал вкусам Хуэй-цзуна, отличившись тем,

что усиленно добывал для него редкие произведения искусства, до которых император был весьма охоч. Способствовал возвышению Цай Цина, каковой, в свою очередь, продвинул Тун Гуаня по военной службе, а вскоре сделал начальником Шумиюаня. Военная власть в стране была в руках Тун Гуаня около двадцати лет. В 1126 г., когда цзиньские войска вторглись в Китай, Тун Гуань бросил войска и бежал, за что и был казнен.

(29) Когда в годы Юань-ю началось «движение к прежнему», мой покойный батюшка был не в ладах с Су Чэ.

Батюшка управлял Лучжоу, когда У Чоу 吳儔, человек из окружения [Су] Чэ, был назначен в его область заведующим делами образования. [У Чоу] стал говорить о том, что батюшка привечает земляков в областном училище, как на постоялом дворе, доверяет им толковать [учащимся] смысл канонов, — а [Су] Чэ поддержал [У Чоу] при дворе, и батюшку понизили, послав управлять областью Шоучжоу.

Впоследствии в Гуанчжоу батюшка случайно встретился с Дун-по, и они, как говорится, показали друг другу свои сочинения, и [это] было сочтено проступком. Фань Чжи-суй сложил стихотворение цы «Осуждение», и там говорилось:

Льстиво дружбу свел с Ши и Чэ,
В близости тесной им подпевал.
Угодливо подстраивался к Ань и Ли,
Выдвинутся тайно мечтал.

Кто-то рассказал Фаню о том, что вышло у батюшки с [Су] Чэ, и Фань на это отвечал:

— Я и сам об этом знаю. Но ведь существуют законы стихосложения — я хотел избежать односторонности и соблюсти параллелизм!

А ведь Фань учился у моего покойного батюшки! Некоторые стали подозревать, что он, как говорится, повернулся спиной к своему учителю. Но что до государственных дел, то здесь Фань своими поступками показывал, что он не из тех, кто, что называется, угодливо швыряет камни.

Примечания

«Движение к прежнему» — в 1074 г. под давлением Сыма Гуана Ван Ань-ши был смещен со своего поста, и к власти пришли консерваторы. И хотя через девять месяцев Ван Ань-ши был восстановлен, потом снова смещен, а реформы так или иначе продолжались вплоть до смерти императора Шэнь-цзуна (то есть до 1085 г.), но с приходом в 1086 г. к власти малолетнего Чжэ-цзуна, регентшей при котором стала императрица Гао, первым министром был назначен Сыма Гуан; по его представлению на прежние посты были возвращены все те, кто был удален от двора стараниями Ван Ань-ши, а проведение реформ было полностью прекращено. Именно это и имеется в виду в данном фрагменте.

Лучжоу, Шоучжоу — области, располагавшиеся на территории совр. пров. Аньхой. Известно, что Чжу Фу был назначен начальником Лучжоу в 1091 г.

[Это] было сочтено проступком — имеются в виду дружеские отношения с Су Ши (литературный псевдоним Дун-по цзюйши), который в то время был в опале. Су Чэ (蘇轍 1039—1112) — его младший брат. Чжу Фу тоже пострадал: был послан в Хайчжоу даже не начальником области, но на должность *туаньяньши* (военный инспектор).

Фань Чжи-суй (范致虛 ?—1129) — сунский чиновник и поэт. Цзиньши стал в 1088 г. Занимал должность боши в столичном училище Тайсюэ, потом из-за наговора недоброжелателей был вынужден на некоторое время оставить службу. Вернулся ко двору лишь с вступлением на трон императора Хуэй-цзуна (то есть после 1101 г.) — был заместителем начальника Чжуншушэна и цензором, потом — заместителем начальника Военного

департамента. Управлял рядом областей, потерпел два поражения от чжурчжэней. Умер, возвращаясь ко двору из ссылки. До наших дней дошло два его стихотворения.

(31) Цянь Юй (второе имя Дэ-сюнь) был назначен историографом-летописцем и в конце годов Юань-фу сделал выпад против Цзэн Бу, подав несколько докладов Владыке, прямых и резких.

Тут как раз заболел его сын. Сын скончался ночью, а наутро [Дэ-сюню] было назначено прибыть на аудиенцию. Дэ-сюнь бросил все домашние дела и поехал ко двору. И лишь вернувшись, принялся оплакивать сына. При дворе ему очень сочувствовали.

[Цзэн] Бу потерпел поражение, и Дэ-сюнь был назначен на пост министра. В стихах об этом сказано так:

В трудный момент личным горем пренебрег.

По сыну скорбя, жалость он подавил.

Вскоре Дэ-сюнь был переведен на должность *гунбу шаншу*, но, что называется, утерял путь к слуху [правителя], подчиненные стали выступать против [Дэ-сюня], говоря, что он скрыл траур по сыну в корыстных целях, и это Дэ-сюню поставили в вину. Было сложено даже несколько стихотворений, укоряющих его в стремлении сделать карьеру. Говорили даже:

Скрыл траур, об аудиенции прося.

Докучал пустяками на открытой террасе.

[После этого] Дэ-сюнь надолго устранился от дел. [Он] окончил жизнь на [должности] заведующего дворцовыми кумирнями.

Примечания

Цянь Юй (錢通 1050—1121, Дэ-сюнь 德循) — сунский чиновник. Успешно сдал экзамены на степень цзиньши в 1076 г. и пройдя по списку выдержавших первым, был назначен туйгуанем в провинцию. Будучи судебным чиновником в Юэчжоу, прославился тем, что за два дня очистил местную тюрьму от правонарушителей, решив все их дела. Историографом-летописцем был назначен в 1101 г. По службе дошел до поста начальника Департамента работ (*гунбу шаншу*). Погиб от рук разбойников в ссылке.

Годы Юань-фу — 1098—1100.

Гунбу шаншу — начальник Департамента работ.

(32) Когда Шу Дань был начальником в Линьхае, однажды какой-то лучник напился пьян и принялся буяннить во дворе. Шу велел побить его розгами — не помогло. Тогда [Шу] велел взять большие батоги. [Лучник] заорал, что ему хотят сломать позвоночник. Шу велел служащим бить его по спине. «Вы не посмеете убить меня!» — заорал еще громче [лучник]. Тут Шу выхватил меч и обезглавил его.

[На Шу] подали жалобу, и она дошла до Владыки. А двор в то время как раз искал необычных людей, [Шу] сочли [человеком] бесстрашным, и императорской канцелярии было поручено проверить [обстоятельства его дела].

Шу обладал величественной внешностью, эрудицией, был скор на язык и понравился Ван Цзин-гуну с первого взгляда. [Ван Цзин-гун] представил [Шу] императору, последовал указ — [Шу] стремительно возвысился и в кратчайший срок достиг поста начальника Цензората, хотя то, что он убил лучника, и вызвало немалый гнев.

Когда первый министр Ван Гуй был начальником в столице, он послал чиновников, чтобы те доставили ему банную бочку прямо в Восточное управле-

ние. Шу, человек щепетильный, считал это проступком, а позже и сам оказался под следствием — Шу вменялось в вину, что он жжет в своем доме казенные свечи, стремясь на этом сэкономить. Шэнь-цзун, считая эту вину маловероятной, заметил:

— Да мог ли Дань красть свечи!

— Если Шу Дань был равнодушен к свечам, тогда и Ван Гуй не любил деревянные бочки для купания! — отвечал кто-то из свиты.

[Шу Дань] был наказан по справедливости, слава его иссякла, и карьера кончилась. [Он] поселился на родине, жил очень бедно, добывая пропитание преподаванием и получая за это сушеное мясо. Так прошло восемнадцать лет.

В годы Юань-ю установилось правление «из-за занавеса», было учреждено Управление Сулисо, и начали, что называется, отмывать от грязи тех, кто имел проступки перед прежним правителем. Мелкие людишки наперебой кинулись оправдывать себя и, невзирая на лица, свирепствовали в наказаниях, чтобы доказать свою преданность новому правлению. И лишь Шу [Дань] ни слова не сказал в свое оправдание и по-прежнему оставался в забвении.

В годы Шао-шэн на Шу вновь обратили внимание и мало-помалу стали привлекать его к службе, но он еще опасался всеобщего негодования. В год *гэн-чэнь*, как говорится, взлетел дракон, и [Шу] наконец был назначен командиром укрепленного лагеря, а тут как раз варвары в Цзин стали учинять злодеяния, Шу перевели на должность главнокомандующего в Нанькан, назначили придворным советником, но он умер, не успев вступить в должность.

Примечания

Шу Дань (舒亶 1041–1103) — сунский чиновник и литератор. Стал цзиньши в 1065 г., службу начал с помощника начальника уезда (собственно, об этом и идет речь в начале этого фрагмента — Шу Дань был в Л и н ь х а е (Чжэцзян) *взем*, заместителем начальника уезда по военным и полицейским вопросам), а в 1080 г. был уже начальником Цензората, в 1081 г. стал чжичжигао и был назначен преподавать в Гоцзыцзянь. После этого с Шу Данем действительно случилась вышеописанная неприятная история, в результате чего более десяти лет он был не у дел и к службе вернулся лишь в 1094 г. Известно, что в 1102 г. Шу Дань был поставлен во главе военного округа в Н а н ь к а н е (Хубэй), потом управлял Цзиннанью и вошел в число служащих палаты Лунтугэ, но вскоре умер. Он считается прекрасным поэтом, однако среди современников его стихи не были широко известны; до наших дней дошло собрание его сочинений в четырех цзюанях — поздняя реконструкция.

В а н Ц и н - г у н — то есть Ван Ань-ши.

В а н Г у й (王珪 1019–1085) — сунский сановник и литератор. Блестяще выдержав в 1042 г. экзамены на цзиньши, был послан тунпанем в Янчжоу. Постепенно продвигаясь по служебной лестнице, занимал посты инспектора по налогам солью и железом, чжичжигао, члена придворной академии Ханьлиньюань, начальника Кайфэна. В 1070 г. стал каньчжи чжэнши, в 1085 г. — вторым заместителем начальника Шаншүшэна. Был пожалован титулом Циго-гуна 岐國公. Считается весьма крупным литератором, создавшим собственную школу. Собрание его сочинений насчитывало сто цзюаней, но было утеряно, поздняя реконструкция составляет 70 цзюаней стихов и прозы; отдельно известно его собрание так называемых «дворцовых стихов» в сто произведений.

В о с т о ч н о е у п р а в л е н и е — так в сунское время называли Чжуншүшэн и Мэньсүшэн (Совет двора).

П р а в л е н и е «из-за занавеса» — здесь: период с 1086 по 1093 г., когда страной фактически управляла вдовствующая императрица Гао, регентша при малолетнем императоре после смерти Шэнь-цзуна.

Управление Сулисо — было учреждено в 1086 г. для разбора и пересмотра чиновничьих дел, поступивших с 1068 по 1085 г., т.е. в период проведения реформ Ван Ань-ши.

Год гэн-чэнь — 1100; в этом году на трон взойшел («взлетел дракон») император Хуэй-цзун.

(34) Существует обычай: когда опочит цзайсян, император осчастлививает своим присутствием церемонию принесения в жертву предкам вина в его доме, и если он в это время отогнет полог и посмотрит на тело усопшего, то всю привезенную для церемонии императорскую золотую посуду дарят семье покойного, а если [император] не подойдет к пологу, то [чиновники] забирают [посуду] обратно.

В годы Юань-фэн первый министр У Чун опочил в своей частной резиденции. Владыка осчастливил церемонию своим присутствием. Супруга У Чуна госпожа Ли босиком вышла в зал и, склонив голову, проговорила:

— У Чун был беден, два сына его — всего лишь чиновники второго класса. Прошу выдать денег на проведение траура, как обычно полагается чжичжигао.

[Владыка] милостиво позволил. Но так как из-за появления [госпожи Ли] церемония оказалась несколько смятой, [он] не подошел к пологу, и когда императорский поезд убыл, чиновники собрали посуду, чаши и увезли [их]. Положенная сумма была исчислена и выплачена сыновьям покойного.

Потому и говорят, что нельзя получить больше того, что чиновнику положено.

Примечание

У Чун (吳充 1021–1080) — сунский чиновник. Экзамены на степень цзиньши сдал в 1038 г., еще не достигнув совершеннолетия, и был назначен на пост уездного секретаря. Преподавал в Гоцзыцзянь. Много служил в провинции. В 1068 г. стал чжичжигао, цензором, членом придворной академии Ханьлиньюань. В 1070 г. был назначен заместителем начальника Шумиюаня, а в 1075 г. — начальником Шумиюаня. В 1076 г., после ухода от власти Ван Ань-ши, как один из активных противников его реформ, стал инициатором возвращения ко двору других противников реформ (Сыма Гуана и пр.), а также принял участие в редактировании хроник правления с целью придать деятельности Ван Ань-ши негативный характер. На пост цзайсяна был выдвинут в 1076 г., вместе с Ван Гуем, но в 1080 г. получил с этого поста отставку.

(36) Мой покойный батюшка жил в бедности. В годы Юань-фэн он долго служил на должности историографа-летописца, так что не хватало, как говорится, лакомых блюд для родни. [Тогда батюшка] стал проситься на вакантное место в провинции.

Император Шэнь-цзун знал о его затруднениях. В это время он как раз намеревался даровать [одной наложнице] титул *гуйфэй* — супруги второго класса. По обычаю приказ о присвоении титула подносит чжичжигао, а оглашает — первый министр, тут же вдруг против установленных правил подносить указ назначили батюшку, а оглашать — *мэнься шилана* Чжан Дуня. Императорский свитский Фэн Цзун-дао 馮宗道 доверительно сообщил батюшке:

— Владыке ведомо, что вы нуждаетесь в средствах. Это очень почетная церемония, и после вас щедро наградят.

Но когда дошло до дела, батюшку, вопреки ожиданиям, наградили не так, как одаривают подносящих указ, а лишь вином и едой!

Примечание

Ч ж а н Д у н ь (章惇 1035—1105) — сунский сановник и эрудит. Стал цзиньши в 1059 г. Пользовался покровительством Ван Ань-ши, при Чжэ-цзуне был начальником Шумиюаня, но потом за связь с опальным Су Чэ был выслан служить в провинцию, после того же как Чжэ-цзун взял бразды правления в собственные руки (то есть после 1094 г.), он был возвращен ко двору и назначен в Шаншушэн, а также помощником начальника Мэньсяшэна (*мэнься шиляном*), удостоен титула Шэньго-гуна 申國公. Умер в ссылке.

(38) Мой двоюродный дядя по материнской линии Юань Ин-чжун 袁應中 обладал обширными познаниями и в свое время был знаменит. Но он был настолько безобразен с виду, что никто из придворных не осмеливался представить его [трону].

В годы Шао-шэн Цай Юань-ду замолвил за дядю словечко и получил дозволение привести его на аудиенцию. А у Юаня были вздернутые, как у коршуна, плечи, высокий лоб и острый подбородок, на лице — много черных пятен: издали казалось, что его забрызгали тушью. Голос — хриплый, да еще уский выговор...

Едва взглянув на Юаня, Чжэ-цзун объявил его великим уродом. Юань в замешательстве не смог произнести ни слова и ушел ни с чем. Чиновники злословили, что Юань получил указ об уродстве.

Примечания

Ц а й Ю а н ь - д у — сунский сановник Цай Бянь (蔡卞 1058—1117), второе имя которого было Юань-ду 元度. Младший брат сунского министра и реформатора Цай Цина (蔡京 1047—1126). Был женат на дочери Ван Ань-ши. Экзамен на степень цзиньши успешно сдал в 1070 г., вместе со старшим братом. Был лектором в Гоцзыцзянь, цензором, начальником Чжуншушэна, ездил посольством к Ляо, был членом придворной академии Ханьлинь-юань. Не сойдясь со старшим братом во взглядах на политику управления, отправился служить в провинции. В годы Шао-шэн дослужился до заместителя начальника Шаншушэна.

Г о д ы Ш а о - ш э н — 1094—1097.

(40) По нынешним установлениям, в центре и провинциях служащим хранилищ, судебным и тюремным чиновникам, провинциальным инспекторам, начальникам областей и уездов, попечителям учебных заведений в свободные дни позволено принимать гостей и делать визиты. В столице же членам Цензората, чиновникам из свиты императора и выше в свободные от службы дни разрешено принимать визитеров, но не допускается выезжать с визитами. Это называется «запрет на визиты». Зато *шидафу* визиты ввели в ранг неперемennого своего долга, и каждый свободный день они вручают визитные карточки с рассвета до заката, объезжая дома высокопоставленных лиц. А в столице и ее окрестностях множество частных резиденций, одни — далеко, другие — ближе, так что за целый день [шидафу], хотя [они и] стараются изо всех сил, удастся посетить лишь несколько десятков домов. Нередко [шидафу] просят привратника принять визитную карточку с тем, чтобы имя визитера хотя бы включили в список гостей, а на личной встрече с хозяином уже и не настаивают. Привратники же, получив карточку, или выбрасывают ее, или забывают передать для включения в список, так что лучше, конечно, увидеться с хозяином лично. А у ворот особо знатных особ привратники требуют подношений, на малую сумму даже и не глядят — легко попасть впросак!

Когда Цзя Гун-гунь 賈公衮, родом из Синго, вернулся из столицы, я стал его расспрашивать о тамошних ценах, и Цзя отвечал:

— Все сильно вздорожало, только шифафу — дешево! — Он, верно, имел в виду тех, которые непременно стремятся выдвинуться.

А еще я слышал, что однажды, когда Цай Юань-чан (он тогда служил в Мэньсяшэне) просматривал список визитеров, он обнаружил имя одного придворного — каждый раз оно было первым, и так на протяжении нескольких месяцев! Удивившись, Юань-чан вызвал визитера к себе, побеседовал — оказалось, достойный человек. Юань-чан рекомендовал его, и он стал крупным чиновником.

Учащийся Тайсюэ Янь Тянь-сюань 顏天選 третьим выдержал экзамены и решил нанести визит Юань-чану. Но увидеть [его Тянь-сюаню] не удалось, и он следом за чиновниками прокрался в Даошиюань. Юань-чан как раз принимал посетителей. Чиновники, видя, что [Тянь-сюань] не из числа местных служащих, стали подталкивать его [к выходу]. Тянь-сюань не желал выходить, тогда чиновники попытались потихоньку вывести его под руки, но Тянь-сюань ухватился за колонну и закричал:

— Янь Тянь-сюань явился на аудиенцию к наставнику наследника престола! И стал отбиваться от чиновников. Потом вдруг повалился наземь.

Юань-чан повелел подвести его к себе и сказал:

— Вы, господин, молоды, выдержали высокий экзамен — а так своим положением не дорожите. Ведь Даоши[юань] и Гоши[юань] — учреждения одного ранга, так что же вы врываетесь сюда!

Тянь-сюань покраснел как рак и вышел. Его отправили в Кайфэнское управление для определения степени вины и, специальным указом изъав [его] имя [из списков чиновников], сослали на жительство под надзор в область Шэчжоу. С тех пор обычаи у ученых мужей стали понемногу меняться [к лучшему].

Примечания

Ш и д а ф у — в данном случае имеется в виду служилое сословие как таковое: и те средние и мелкие чиновники, которые уже имеют какие-то должности, но стремятся, благодаря удачной протекции, обрести должности большие; и находящиеся не у дел чиновники, стремящиеся счастливым случаем возобновить службу, или только собирающиеся начать служебную карьеру молодые ученые.

С и н г о — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Цзянси.

Ц а й Ю а н ь - ч а н — имеется в виду сунский сановник Цай Цзин, второе имя которого было Юань-чан 元長.

Д а о ш и ю а н ь — по-видимому, это Даолуюань, Управление, ведавшее вопросами, связанными с даосским учением, даосами и т.п., однако полной уверенности в этом у меня нет, а доступные справочники однозначного ответа не дают.

Г о ш и ю а н ь — начало этому учреждению было положено в 987 г., когда стала создаваться официальная хроника правления основателя сунской династии и на месте Шигуаня, Исторической палаты, было выстроено Управление составления истории, Сюшиюань. В 1090 г. учреждение получило название Гошиюань (Управление государственной истории), в нем был упорядочен чиновничий штат и оно стало подчиняться Мэньсяшэну и непосредственно цайсянью. Периодически те или иные функции по исторической части у Гошиюаня то отнимали, то вновь возвращали, но в целом здесь составлялись хроники правлений различных императоров, так называемые «правдивые записи» 實錄, а также велась подготовка к написанию династийной истории.

О б л а с т ь Ш э ч ж о у — располагалась на территории, занимаемой совр. пров. Аньхой.

(43) Цай Цзин-фань 蔡景藩 и Янь Юань-сянь в возрасте шести-семи лет на правах «божественных отроков» прислуживали в Восточных дворцах юному Жэнь-цзуну. Юань-сянь с юных лет был принципиальным и прямым, а Цай — лживым и мягким. Каждый раз, когда наследник престола проходил через ворота, Цай бросался наземь, чтобы наследнику легче было, встав ему на спину, перешагнуть порог. Когда же наследник вступил на престол, то оказал свое благоволение Юань-сяню и даже назначил его первым министром. А Цай так и не удостоился большой должности и лишь по старой памяти был назначен начальником округа. Цай никогда не управлял по закону, на него все время подавали жалобы с просьбой о смещении, но Владыка, которому имя Цая было знакомо, всегда говорил: «Цай — старый Наш придворный, поэтому повелеваем перевести его в другое место».

Когда в начале годов Юань-фу [Цай] решил оставить службу, ему было уже восемьдесят лет. Провинциальный инспектор поддержал его [просьбу об отставке]. В прощальном послании Цая все говорилось в таком роде: «Мне уже восемьдесят лет, и семьдесят пять из них я ем чиновничий хлеб».

Я же про это скажу: в жизни, конечно, можно сделать карьеру, но чтоб такую долгую — редко!

Примечания

Янь Юань-сянь — сунский поэт, эрудит и чиновник Янь Шу (晏殊 991–1055), второе имя которого было Юань-сянь 元獻, действительно в начале годов правления под девизом Цзин-дэ (1004–1007) выдержал экзамены для талантливых мальчиков и получил звание *шэньтун* «божественный отрок»; позднее император Чжэнь-цзун повелел ему участвовать в экзаменах на степень цзиньши, даровал ему эту степень и определил служить по исторической части. В 1022 г. Янь был назначен в Цензорат, потом в Шумиюань, а в 1043 г. возглавил Департамент наказаний. Много сделал для развития частной школы (или академии) в области Интянь (Хэнань) — воспитал множество учеников, с которыми не терял связей в течение всей жизни и которых активно привлекал на службу, когда достиг высоких постов при дворе. Талантливый поэт, при этом проза его, по признанию современников, отличалась особым изяществом и тонкостью стиля. Много служил и был дружен с разными знаменитостями.

Перешагнуть порог... — в традиционном китайском доме дверной порог был довольно высокий, сантиметров тридцать, а то и выше, так что перешагнуть его и взрослому-то человеку было не столь просто, не говоря о ребенке.

Годы Юань-фу — 1098–1100.

(45) В Жаочжоу «божественный отрок» из семьи Ду, как говорится, сбросил грубую одежду. Отец послал его в Управление — с благодарностью. Мальчику исполнилось всего восемь или девять лет, и ожидавшие приема сочли его простым ребенком.

— Что, пришел поучиться искусству управления или просто грамоте? — с улыбкой спросил кто-то.

— Нет! — отвечал Ду. — Пришел доложить о себе господину министру и спросить, не будет ли каких поручений по дому.

Спрашивавший прикусил язык.

Примечания

Жаочжоу — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Цзянси.

Сбросил грубую одежду — поступил на службу.

(46) В годы Юань-фэн [императору] в специальном докладе сообщили, что во время дворцовых испытаний какой-то старик — ему уже перевалило за семьдесят — в экзаменационном сочинении написал: «Ваш подданный стар и не в состоянии слагать изящные строки. Низжайше желаю Вашему Величеству долгих-долгих лет жизни!»

Выслушав это, Владыка, растроганный искренностью старика, особым указом произвел его в чиновники низшего ранга и пожаловал пропитание до конца дней его.

(52) Однажды Цзы-чжань сказал моему покойному батюшке: «Когда в записях появляется удвоение иероглифа, обычно после первого знака пишут маленькое *эр* 二, «два». Среди народных песен *юэфу* есть «Сээр дяогэ» 瑟二調歌, «Песнь под гусли *сээр*». Обычно я писал тут *сэсэ* 瑟瑟, но потом приехал в Хайнань и там встретил одного клейменого солдата, который говорил, что был главой класса гуслей *сээр* в придворной школе актеров. С тех пор я знаю, что следует тут писать *сээр* 瑟二, а не *сэсэ* 瑟瑟».

Цзы-чжань, человек обширных познаний, был бодр и крепок даже в глубокой старости, и этот случай для него характерен. И я сам посетил актерскую школу и поинтересовался названием «сээр». [Мне] объяснили, что в каждом музыкальном разряде 色 у них второго по порядку музыканта называют *сэ эр* 色二 «второй в разряде», [например:] *ди эр* — вторая флейта *ди*, *чжэн эр* — вторые гусли *чжэн*. Так же и с гусями *сэ*.

Так и не знаю, как же на самом деле.

Примечание

Ц з ы - ч ж а н ь — второе имя Су Ши.

(56) В годы Юань-фэн старший цензор Шу Дань за проступок был исключен из чиновничьих списков. Карьера его прервалась. Шу нанял лодку, чтобы плыть на восток, на родину.

А в это время ко двору был вызван буддийский монах Цы-бэнь 慈本. Его хотели поселить на подворье Хуэйлинь. Цы-бэню было позволено ехать на почтовых лошадях.

Кто-то, узнав об этом и сочтя подобное необычайным, в шутку составил такие парные строки:

Министр в лодке из столицы отплывает.

Монах на лошадях в столицу мчится.

(57) В годы Да-гуань, когда члены придворной академии Ханьлинь преподносили двору новогодние благопожелания, какой-то сюэши сложил такие строки:

Духи все и покойные предки

пусть пребывают в покое и радости.

Деревья и травы, птицы и звери

пусть в изобилии будут!

Парой для «покойных предков» он взял «птиц и зверей», а так — не должнo, и это в конце концов сочли проступком.

Примечание

Г о д ы Д а - г у а н ь — 1107–1110.

(59) В начале годов Сюань-хэ в Цзинчжоу некий мелкий чиновник в буддийском монастыре увидел странные цветы, названия которых не знал.

— Их аромат настолько силен, что и близко не подойдешь! — сказал ему буддийский монах. По этому случаю чиновник сложил стихи:

Горные цветы, красные, зеленые,

На закате дня особенно красивы.

Мне название их неведомо —

Ядовитые, лучше не трогать их.

Потом кто-то, ссылаясь на эти стихи, оговорил автора перед налоговым эмиссаром Су:

— В Хунани все главные должностные лица в Управлении перевозок налогов носят одежду малинового цвета, а остальные — зеленую и никто — пурпурную. Вы, господин, среди нас самый старший, один не происходите из чиновничьей семьи и несколько раз терпели понижение в должности. Этот человек пишет про горные цветы, а на самом деле хочет посмеяться над вами, господин!

Су обуял дикий гнев, но потом [он] все же не стал наказывать того чиновника.

Примечания

Г о д ы С ю а н ь - х э — 1119–1125.

Ц з и н ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Хубэй.

(60) Когда Ван Цзе-фу жил в Цзиньлине, он сложил стихотворение «Курган господина Се», где говорилось:

Второе имя мое — такое же, как у Се.

Пред окнами моими — могильный его курган.

Ушел Се, родился я, курган во владеньях моих.

И хоть фамилия мне не Се, он — образец для меня.

Это была могила цзиньского поэта Се Аня.

Второе имя Се Аня было Ань-ши, а Цзе-фу тоже звали Ань-ши.

Примечания

В а н Ц з е - ф у — имеется в виду Ван Ань-ши. В Цзиньлине (совр. Нанкин) поселился после 1077 г., выйдя в отставку.

С е А н ь (謝安 320–385) — цзиньский политик, полководец, каллиграф и поэт. Уже в раннем возрасте прославился знаниями и выдающимися способностями. Юность провел в общении со знаменитостями, а интерес к службе проявил довольно поздно — примерно с 359 г., после того как его младший брат Се Вань (謝萬 320–361), к тому времени уже давно служивший, потерпел крупное военное поражение в северном походе. Довольно скоро Се Ань занял крупные посты и приобрел при цзиньском дворе большое влияние, чему способствовал и ряд крупных побед, одержанных под его руководством (в частности, над кочевниками на реке Фэйшуй в 383 г.). Второе имя Се Аня действительно было Ань-ши 安石.

(61) Су Цзы-чжань был послан управлять Хуанчжоу. Он поселился на Восточном склоне (Дунпо), построил там Снежный зал и взял себе псевдоним Дун-по цзюйши — Отшельник с Восточного склона. Поэтому потомки стали звать Цзы-чжаня Дун-по. То место ныне находится во владениях буддийского храма.

Когда Цзы-жань в годы Юань-ю управлял Ханчжоу, он соорудил на озере Сиху большую дамбу, и люди прозвали ее «Дамба господина Су». Подчиненные Су высекли на каменной стеле текст, повествующий об этом. Но кое-кто в то время из зависти к высокому положению Цзы-чжана стал произносить вместо *ти* 堤 «дамба» — *ди* 低 «низкий», «дурной». Вскоре Цзы-чжань был переведен на службу в другое место.

А когда госпожа Мэн сделалась императрицей, столичные жители на одежде и украшениях стали изображать пару цикад, имея в виду семью Мэн, и знатоки утверждали, что под цикадой *чань* 蟬 следует понимать [буддийское] учение *чань* 禪. Лишь много времени спустя эта мода наконец прошла.

Примечания

Хуанчжоу — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Хубэй. Как известно, Су Ши попал сюда в 1080 г., будучи в опале, и служил в Хуанчжоу на довольно ничтожной должности заместителя военного инспектора.

Императрица Мэн (孟皇后 1073–1131) — супруга императора Чжэ-цзуна, была выбрана ему в жены вдовствующей императрицей и императрицей-матерью, сама стала императрицей в 1092 г. Была отослана от двора в 1096 г. в результате интриги любимой наложницы Чжэ-цзуна, формально — за то, что ее сестра прибегла к помощи даосского мага для исцеления одной из великих княжон, после чего стали поговаривать, что сама императрица знает с духами, а Чжэ-цзун не был намерен терпеть такое. Вернулась во дворцы после смерти Чжэ-цзуна, в 1100 г., но через два года, опять же в результате интриг, снова была отправлена в ссылку. Стала жертвой эпидемической болезни.

(64) В столице при продаже наложниц каждые пять тысяч монет называли один *гэ* 箇. За красавиц брали тридцать-пятьдесят *гэ*. А в последние годы знать все больше ценит у женщины умение петь да красоту, и цена самой дорогой наложницы достигает пяти тысяч связок монет. На *гэ* при этом монеты больше не считают.

При заключении брачного контракта родители и родственники тоже непременно требуют денег, и эти деньги называют «мелочь на расходы». При нынешней династии знатные семьи подыскивают себе зятьев на экзаменационном дворе среди выдержавших провинциальные экзамены. Не спрашивают ни о гороскопе, ни о родословной, и это называется «ловить зятя у экзаменационной доски». Деньги же при этом называют «мелочь для ловли», они идут на покрытие столичных расходов зятя.

В последнее время богатые купцы, вульгарные простолюдины и зажиточные горожане тоже стали «выхватывать» для своих дочек женихов «от экзаменационной доски». Чтобы привлечь ученых и заставить их снизойти [до них], они щедры на деньги. Жениху дают более тысячи связок монет! Когда же заключают брачный контракт, родне жениха тоже дают «мелочь на расходы», и часто из-за этой суммы выходят споры, но договор вяжет крепкими узами, будто официальный судебный иск. Ну к чему такое недоверие!

Примечание

Связка монет — как известно, медные монеты в старом Китае имели в центре четырехугольное отверстие для нанизывания на шнурок — в связку. Единицей счета и обращения выступала, как правило, связка в тысячу монет.

(65) Издревле в Гуанчжоуском управлении Шибосы существовала должность *тицзюй шибоши*, находившаяся в подчинении у [местного] генерал-гу-

бернатора. Во времена основателя династии эта должность называлась *шибо-ши*. Шибосы существовали в приморских областях — в Цюаньчжоу, что в провинции Фуцзянь, в Минчжоу и Ханчжоу, что в Лянчжэ.

В начале годов Чун-нин в этих трех провинциях были учреждены должности чиновников *тицзюй шибоши*. Самым процветающим портом был Гуанчжоу. Когда кто-нибудь из чиновников начинал обирать [купцов], торговые люди переходили в другое место, так что эти три провинции знавали времена и расцвета, и упадка. Потом императорский двор объединил цюаньчжоуское и гуанчжоуское Шибосы и перевел оба в Гуанчжоу. Не все торговцы сочли это удобным.

Примечания

Ш и б о с ы — управление торговых кораблей. Известно, что учреждение с таким названием существовало еще при династии Тан — оно было лишь в Гуанчжоу и контролировало всю приморскую торговлю юга Китая. Как свидетельствует сунская династийная история, при этой династии Шибосы было учреждено в Гуанчжоу в 971 г., а потом, вслед за развитием морской торговли, аналогичные управления были созданы и в других городах — в Ханчжоу, Минчжоу (совр. Нинбо в Чжэцзяне), Цюаньчжоу, Мичжоу (Шаньдун) и во многих других местах. Во главе Шибосы стоял чиновник *тицзюй шибоши* (он же просто *ш и б о ш и* или еще проще — *боши*, правительственный уполномоченный Управления торговых кораблей), должность которого поначалу исполнял или один из высших местных чинов, или один из высших чинов чжуаньюньши провинции; позднее на эту должность стали назначаться отдельные чиновники, у которых был необходимый для работы штат подчиненных. К основным функциям Шибосы относились: надзор за морской торговлей, освидетельствование грузов и взимание пошлины, лишь после уплаты которой владельцы грузов получали официальное разрешение на торговлю; централизованное хранение и продажа полученных в качестве пошлины товаров, для чего в ведении Шибосы были казенные склады, а также силы и средства, необходимые для отправки части товаров в столицу (впрочем, некоторые товары реализовывались прямо на месте, без отправки куда-либо); надзор за экспортом — в частности, за теми категориями товаров, вывоз которых за пределы Поднебесной в сунское время был запрещен (медные монеты, оружие и пр.), а также выдача разрешения на внешнюю торговлю; обязанность встречать и отправлять прибывающие и убывающие морские суда с соблюдением всех установленных порядков и процедур. Кроме того, в непререкаемую обязанность Шибосы входил надзор за иностранными поселениями на территории Поднебесной, поддержание взаимоотношений с их старейшинами и главами, регулирование экономических и прочих вопросов, решение вопросов об имуществе умерших на территории Поднебесной иностранных купцов и т.п. Доходы от деятельности Шибосы составляли в сунской казне не последнюю часть: все же пошлина составляла одну десятую от всех ввозимых товаров (подробнее см., напр.: [Ци И 1988: 178–199]).

Т р и п р о в и н ц и и — имеются в виду сунские провинции Чжэдун, Чжэси (Лянчжэ) и Фуцзянь.

Г о д ы Ч у н - н и н — 1102–1106.

(66) В Гуанчжоу от Сяохай до отмели Жучжоу семьсот ли. На отмели расположена Ванбо сюньзяньсы, Инспекция [по надзору] за прибывающими кораблями, ее еще называют *и ван* — Первая инспекция. Немного севернее находятся Вторая и Третья инспекции. А минуешь отмель — и уже открытое море.

Когда торговые суда собираются отплывать, то, дойдя до отмели Жучжоу, задерживаются там для прощания и только после этого получают разрешение отплыть. Это называют «выпустить в море». Возвращаясь, суда причаливают у отмели, радостно отмечают благополучное прибытие и выставляют сторожевым солдатам угощение — вино и мясо, а потом судно под охраной направляется к Гуанчжоу. В Гуанчжоу суда причаливают у сторожевой башни Шибосы,

и из Инспекции присылают солдат для досмотра. Это называется «поместить в загон». Потом на корабль прибывают налоговый инспектор и инспектор Шибосы. Они осматривают товары и определяют сумму налога. Это называется «взимать часть». Из десяти частей жемчуга и «мозга дракона» высшего качества взимают одну часть, а черепаших панцирей или древесины цезальпинии низкого качества — три части. Излишки взыскиваются в пользу казенной торговли, а оставшимися после этого товарами купец может распоряжаться по своему разумению. Все слоновьи бивни весом в тридцать цзиней и более, а также мастика поступают на казенный рынок, поскольку на эти товары установлена монополия. Купцы, привезшие сколь-нибудь большие слоновьи бивни, обязаны их взвесить, и те, что в весе менее трех цзиней, могут продаваться свободно, а поскольку на казенном рынке цены низкие, то от такой торговли получается для купцов большой убыток, и они огорчаются. Тех же из торговцев, которые, приплыв и не пройдя еще [процедуры] «взимания части», посмеют потихоньку пускать товары в оборот, считают преступниками, хотя бы они продали из товаров самую малость, и конфискуют все. Поэтому никто из купцов не осмеливается своевольничать.

Примечание

«Мозг дракона» — китайское название камфоры.

(67) Близ помещения гуанчжоуского Шибосы у самой воды стоит терем Хайшаньлоу — он расположен как раз напротив Пяти отмелей. Протока перед Хайшаньлоу зовется Сяохай, Маленькое море, и ширина ее немногим больше *чжана*. Здесь моряки берут запасы воды для морских плаваний: вода эта не портится. Если же к этой воде добавить еще и колодезную, то сохранить в запасе ее не удастся, в воде заводятся насекомые, уж не знаю почему.

Купеческие суда уходят с северным ветром в одиннадцатой-двенадцатой луне и возвращаются с южным ветром в пятой-шестой луне. Ведь корабль — что деревянная мерка в один *доу*, без ветра плыть не может. На судне устанавливают мачту и вешают на нее косой парус, так что на одном конце получается будто створка от ворот. Парус на местном говоре зовут *цзяту* 加突.

В море плавают, полагаясь не только на попутный ветер. Когда корабль отходит от берега и дует ветер с суши, то можно плыть, а если ветер встречный — корабль относит обратно. Про это говорят, что ветер дует с трех сторон. При встречном ветре можно удержать корабль на месте, бросив якорь. А гуанчжоуский военный наместник в шестую луну возносит моления о ветре духу Фэн-луну.

Примечания

Ч ж а н — мера длины, более 3 м.

Д о у — мера объема для сыпучих веществ, ок. 10,35 л.

Д у х Ф э н - л у н (Фэнлун-шэнь) — божество облаков, покровитель ветра. Интересно, что у разных китайских приморских городов были свои покровители ветра, к которым с молитвами обращались главы местных администраций; в Цюаньчжоу, например, молились Тунюань-вану, т.е. Князю, обеспечивающему дальний путь.

(68) Порядок таков: на больших кораблях, берущих на борт несколько сотен человек, и на маленьких, где сто с небольшим человек, из самых богатых купцов назначают начальника, его заместителя и помощников. Шибосы выда-

ет начальнику письменное разрешение палками приводить спутников к повиновению и описывать добро тех, кто умер [в пути].

Купцы говорят, что если судно большое и людей на нем много, тогда еще можно идти в плавание — за морями много разбойников, и они хватают каждого, кто не является гостем их страны. Если корабль приплывет в Чжаньчэн или, сбившись с пути, по ошибке окажется в Чжэньла, то все товары [там] отбирают, а самих путников вяжут веревками и продают, при этом приговаривая: «Вы здесь не появляйтесь!» Да еще в странах за морями хотя и не взимают торговых пошлин, но все равно требуют, как они это называют, «приносить дары» и отбирают [эти дары], невзирая на то, много [на судне] товаров или мало. Поэтому плавать на маленьких судах невыгодно.

Суда имеют в длину несколько десятков чжанов. Торговцы делят товары на малые части и раздают своим людям. Те хранят товары, а ночью спят на них. Среди товаров много фарфоровых изделий, маленькие уложены в большие, так что и пустого места нет.

В море [путники] опасаются не шторма, а только — сесть на мель. Коли, как говорят, «приблизиться к мелководью», потом уже корабль с мели не снять. Если вдруг открывается течь и ликвидировать ее не удастся, то посылают рабов *гуйну* с ножами заделать пробоину снаружи. Гуйну превосходно плавают и видят в воде совершенно отчетливо.

Капитан корабля сведущ в географии, ночью он наблюдает звезды, днем — солнце, в непогоду ориентируется по компасу или с помощью крюка, привязанного к веревке в десять чжанов, достает со дна грунт, нюхает его и так определяет местонахождение судна.

В море не бывает дождя, а если вдруг пойдет дождь, то, значит, близко земля. Торговцы говорят, что когда устанавливается безветрие, морская вода напоминает зеркало.

Мореплаватели ловят рыбу. Берут громадный, размером в руку, крюк, привязывают к нему в качестве приманки курицу или утку, чтобы большая рыба ее заглотила. Полдня рыба водит судно за собой, прежде чем ослабеет, и к ней можно [будет] хоть немного приблизиться. Но схватить рыбу можно только еще через полдня. Если же вдруг налетит ветер, рыбу бросают. Пойманная рыба может оказаться несъедобной, и тогда ей распарывают брюхо в поисках мелких съедобных рыб, которых большая пожрала. Обычно их в брюхе несколько десятков, и каждая весит много цзиней! Большие морские рыбы всегда плавают следом за кораблем и пожирают все, что с него бросают в море.

Если кто-то из путников на судне, заболев, окажется на грани смерти, обычно его, еще не испутившего последний вздох, заворачивают в толстую циновку и бросают в воду. Чтобы тело скорее ушло на глубину, к циновке привязывают глиняные кувшины с пресной водой. Но только тело оказывается в воде, как стая рыб тут же разрывает циновку, и на глубину покойный погружаться не успевает.

В море водится рыба-пила. Она длиной в сто десять чжанов, и у нее на носу имеется костяная пила. Повстречав судно, эта рыба разрезает его своим носом с такой легкостью, будто выдергивает [сухое дерево].

Случается, что во время плаванья вдруг вдали появляются нагромождения гор, покрытые высохшими деревьями. Если, по мнению капитана, раньше тут никаких гор не было, то это — дракон. Нужно отрезать [прясть] волос и сжечь

вместе с рыбьей чешуей и костями. Тогда горы начинают медленно исчезать под водой. Но опасность [эта] очень велика, и немногим повезло от нее убе-речься.

Торговцы почитают иноземных буддийских монахов и говорят, что если в плавании в трудный час к ним обратиться с молитвой, то монахи появляются из пустоты и всегда помогают. Прибыв в Гуанчжоу, торговцы устраивают для [тамошних] монахов угощение и делают пожертвования. Называют это «при-ношения архатам».

Примечания

Ч ж а н ь ч э н — государство Тямпа, Тьямпа (или Чампа, 192–1697), основанное тья-ми (или чамами, потомки которых ныне в основном проживают в Южном Вьетнаме и в Кам-пучии), первоначально в китайских источниках называвшееся Линьи, а позже — Чжаньчэн и располагавшееся на территории центральной и южной части современного Вьетнама. У Чжоу Цюй-фэя (周去非 ? —п осле 1178) в «Лин вай дай да» (岭外代答 «Вместо ответа [на вопросы о землях юго-запада] за горными хребтами»): «Чжаньчэн — это Линьи [времен] Хань <...> Во времена Тан называлась Хуаньван. Место, где живет правитель, называлось Чжаньчэн («город Чжань»), отсюда и название <...> Почва — один белый песок. Земли, ко-торую можно было бы обрабатывать, крайне мало. Нет овец, свиней, овощей, зелени. Люди живут сбором благовоний. В стране нет рынков. Земли обширные, людей мало. Во множе-стве покупают рабов, [вывозят на] морских судах людей в качестве товара <...> При [импе-раторе] Чжэ-цзуне в двенадцатый месяц первого года Юань-ю (1086) привезли дань. Был указ: “Пожаловать денег — 2600 связок. Их [стремление] измениться к лучшему и обуздать [нрав] достойно похвалы”» (пер. М.Ю. Ульянова в кн.: [Чжоу Цюй-фэй 2001: 139–140]).

Ч ж э н ь л а — кхмерское государственное образование Камбуджадеша, существовав-шее на полуострове Чжуннань с VII по XVII в. н.э. У Чжоу Цюй-фэя: «Страна Чжэньла дальше, чем Чжаньчэн, но ближе, чем [другие] иноземцы <...> На севере прилегает к Чжань-чэну. Больше всего добывают известные благовония <...> Буддийские и даосские монахи этой страны сильны в заговаривании духов <...> В стране виден тот предел Неба, на котором извечно существуют немногочисленные “рубцы”. Тамошние люди говорят, что это то мес-то, до которого в старину не дошла Нюйва» (пер. М.Ю. Ульянова в кн.: [Чжоу Цюй-фэй 2001: 140]).

Г у й н у — см. прим. к фрагм. 72.

В непогоду ориентируется по компасу — это, собственно, самое раннее китайское письменное свидетельство применения компаса в мореплавании.

Архат — посвященный буддийский монах, достигший низшей ступени святости и стоящий на пороге перехода в состояние бодхисаттвы.

(69) Тех из северян, кто, уплыв за море, в том же году не вернулся обратно, называют *чжу фань* — поселившиеся у чужеземцев, а тех чужеземцев, которые приплыли в Гуанчжоу и в том же году не вернулись обратно, называют *чжу тан* — поселившиеся в стране Тан.

Если гуанчжоусец сделает долги и проценты по ним сравнятся с [перво-начальной] суммой, то он обычно подражается на судно, идущее за море, и по возвращении расплачивается с займодавцами. Такой человек может прожить за морем, не возвращаясь, хоть десять лет подряд, проценты [за это время] начисляются в прежнем размере. Богатеи пользуются [положе-нием своих должников], дают им шелк и гончарные изделия, а стоимость [этих товаров] прибавляют к сумме прежнего долга, и проценты исчисля-ются во много раз большие. Гуанчжоуские власти следят за тем, чтобы дол-говые обязательства были выгодны, а Шибосы издает [относительно этого] специальные указы.

Примечание

Страна Тан — т.е. Китай. Эпоха Тан — время бурного расцвета китайского государства и культуры, отсюда и иносказание. Оно, кстати, распространено и в наши дни, в том числе среди китайцев, живущих в эмиграции.

(70) В гуанчжоуском «чужеземном квартале» живут все прибывающие из заморских стран. Из их же числа назначается над ними начальник. Начальник этот заведует в квартале делами управления, особо следит за тем, чтобы чужеземные торговцы платили дань. Для этого у него в подчинении есть чиновники-иностранцы. Одежда, обувь, памятные дощечки у этих чиновников такие же, как и у жителей Поднебесной. Если в чужеземном квартале совершается преступление, то приглашают следователя из Гуанчжоу — и преступника высылают из квартала. Провинившегося привязывают к деревянной лестнице и бьют тростниковыми палками — от пяток до макушки. Тростниковые палки ломаются после третьего удара. Чужеземцы не носят штаны и чулки, сидят прямо на земле. Удары по ягодицам для них болезненны, а вот ударов по спине они не боятся. Если же преступление серьезное, то дело разбирают в Гуанчжоу.

Иноземцы одеваются иначе, чем жители Поднебесной, а едят и пьют то же самое.

Примечание

«Чужеземный квартал» (蕃坊 *фань фан*) — как ясно из вышесказанного, это место компактного проживания иностранцев. Как правило, такие кварталы располагались в городских пригородах: так, в сунское время чужеземный квартал в Гуанчжоу был на северном берегу Чжужяна, в юго-западном предместье, а в Цюаньчжоу — неподалеку от Цзиньцзяна, к югу от города. Иностранцев в этих кварталах было много: так, в Гуанчжоу единовременно проживало более десяти тысяч иностранцев, большинство из них — выходцы из арабских стран, одни жили там постоянно, другие приезжали и уезжали посезонно, вместе с караванами судов. Заинтересованные в торговле сунские власти относились к чужеземным кварталам вполне терпимо, позволяя приезжим исповедовать там свою религию, придерживаться своих обычаев, в том числе и в архитектуре (так, в Гуанчжоу сохранилась одна из самых старых на территории КНР мечетей, построенная еще в начале правления династии Тан; правда, в 1343 г. она сгорела, но через семь лет была восстановлена; с 1996 г. это охраняемый государством объект культурного наследия). Для поддержания порядка и надзора за законностью в чужеземных кварталах из числа его жителей избирался так называемый *фаньчжан* 蕃長, заседавший в местном подобии ямэня — *фаньчжансы* 蕃長司. Однако же самостоятельно вершить правосудие этот человек права не имел и был обязан, как и сказано в данном фрагменте, передавать преступника местной китайской администрации. Та же, разобрав обстоятельства дела и найдя, что преступление не относится к разряду тяжких, как правило, возвращала преступника обратно с тем, чтобы его наказали в соответствии с обычаями его страны; в случае же совершения тяжкого преступления нарушитель попадал в жернова китайского правосудия. Также *фаньчжан* был обязан во всем содействовать китайским властям — в первую очередь в торговых вопросах и, поскольку обычно это был человек, пользующийся у соплеменников авторитетом, курировать религиозные вопросы чужеземного квартала.

(71) Во всех странах, что лежат к югу, за морем, есть правители. Самая большая страна — Саньфоци. У [тамошних жителей] есть своя письменность, они превосходно считают. Купцы говорят, что там тоже умеют предсказывать солнечные и лунные затмения, но китайцы не понимают, что сказано в их книгах.

В землях [Саньфоци] много сандалового дерева и мастики, это китайцы покупают. Когда нагруженный мастикой корабль из Саньфоци прибывает в Срединное государство, то, поскольку Шибосы объявило монополию на торговлю этим товаром, после отделения пошлины он весь поступает на казенные торговые пункты. А в последнее время в Саньфоци также объявили монополию на сандал и купцов обязали продавать это дерево тамошнему правителю. Цена возросла в несколько раз, и никто из чужеземцев не осмеливается тайно вывозить сандаловое дерево.

Политика [Саньфоци] вполне разумна. Эта страна находится как раз на юге за морем, а к западу очень далеко лежит Даши. Китайцы, направляющиеся в Даши, добираются до Саньфоци, там ремонтируют корабли и меняют товары, а дальше везут на продажу ткани, и это считается самым выгодным.

Примечание

Саньфоци — Шривиджая (Шривиджайя, Сривиджайя, 200—1400), древнее малайское царство, во владения которого входил Малайский архипелаг и побережье Юго-Восточной Азии, а центром была Суматра. Государство с высокой культурой и развитой торговлей, где процветал буддизм ваджняны. Подробнее см.: [Чжао Жугуа 1996]. У Чжоу Цюй-фэй: «Страна Саньфоци расположена в центре Южного моря, является местом пересечения водных путей всех иноземцев. С востока — из всех стран Шэпо (страны яванского мира. — И.А.), с запада — из всех стран Даши (страны арабо-мусульманского мира. — И.А.), а также [из страны] Гуйлинь нет таких, кто миновал бы ее границы, плывя в Срединное государство. В стране ничего не производится, а люди привычны к сражениям и штурмам. Втирают в тело снадобье — клинок не может поранить. В штурме на суше, в сражении на воде решительно атакуют — нет никого, кто [устоял бы] пред ними <...> Если появится такое [судно], которое не зайдет в эту страну, то непременно выводят войско и полностью уничтожают его. Благодаря этому страна богата рогом носорога, слоновой костью, жемчугом, благовониями, снадобьями. По тамошнему обычаю вяжут плоты и живут, плавая на воде <...> Основатель династии [Сун] положил начало [связям с этой страной]» (пер. М.Ю. Ульянова в кн.: [Чжоу Цюй-фэй 2001: 141—142]).

(72) В богатых домах Гуанчжоу многие держат *гуйну* — дьявольских рабов. Сила их необычайна, и они могут поднять несколько сот цзиней. Язык и чувства их непостижимы, нрава они простодушного, не убегают. Их еще называют дикарями. Кожа у них черная, как тушь, губы красные, зубы белые, волосы курчавые и рыжие. Они бывают обоего пола, а родина их находится в горах за морем. Едят мясо животных.

Когда гуйну берут в дом, то кормят пищей, приготовленной на огне, и у них после этого несколько дней — лишь жидкие испражнения. Это называют — «сменить кишки». После кое-кто из гуйну умирает, а тех, которые выживут, можно держать в доме. Гуйну, долго живущие среди людей, обретают способность понимать человеческую речь, но сами говорить не умеют.

А есть еще дикари, [живущие] неподалеку от моря, так они плавают в воде с открытыми глазами. Их называют *куньлуньну*, куньлуньские рабы.

Примечание

Гуйну (鬼奴 «дьявольские рабы») — по выражению Э. Шеффера, «являются подлинной загадкой»: они могли принадлежать «к какому-нибудь негроидному племени папуасов или меланезийцев, а их волосы могли быть побелены, как это принято у некоторых племен и в наши дни. Можно допустить, что некоторые из этих темнокожих были африканскими неграми» [Шефер 1981: 382]. Определенности нет, равно как и с упомянутыми ниже кунь-

луньскими рабами 崑崙奴, о которых из текста ясно, что они и *гуйну*, кажется, не одно и то же (хотя выше, во фрагм. 68, о *гуйну*, как и здесь о *куньлуньну*, сказано, что они прекрасно плавают). Однако же о *куньлуньну* мы как будто располагаем более обширной информацией: так, тот же Шеффер пишет, что *куньлунь* надо возводить к слову *курунг*, т.е. это «невольники из страны Курунг Бнам <...> древнекамбоджийского названия, соответствующего санскритскому Шайлараджа и символизирующего господство Кхмера над священной космической горой <...> Они более всего славились своими талантами как пловцы, так как умели нырять в воду с открытыми глазами и доставать со дна брошенные туда предметы» [Шеффер 1981: 71], т.е. под *куньлуньну* здесь понимаются некие выходцы из Индонезии. В.А. Вельгус замечает, что название «куньлунь» после VI в. в Китае «распространилось на жителей Камбоджи, южной части Бирмы, мон-кхмеров, на людей и корабли Малайского архипелага и народы, населяющие Азиатский материк и о-ва Южных Морей вплоть до берегов Восточной Африки <...> *Куньлунь* стало нарицательным словом в китайском языке и обозначало ‘черный’. Этим словом называли всех смуглых людей, всякого “черного” человека, по-видимому, всех людей негроидной расы в Азии, а иногда и на Восточноафриканском побережье» [Вельгус 1978: 139–140].

(73) Обычаи в Гуанчжоу смешанные. Женщины [тут] сильные, а мужчины — слабые. Женщины в возрасте восемнадцати-девятнадцати лет собирают волосы в узел, который перевязывают черной шелковой нитью, носят черные длиннополые *баньби*, называемые *юцзе бэйцзы*, «*бэйцзы* для прогулок по улицам».

Примечание

Баньби — род повседневной женской верхней наплечной одежды, распашной, длиннополой, без ворота, с укороченными рукавами узкого или широкого кроя; практически то же, что и *бэйцзы*, у которой рукава могли быть и укороченными, и длинными. Подробнее см.: [Чжунго фэнсу: 116—118].

(76) Однажды, когда я был в Гуанчжоу, по случаю пира в областном Управлении собралось много чужеземцев. *Фаньчжан* пригласил одного человека [из страны] Саньфоци — тот, мол, прекрасно читает «Сутру Царя павлинов». Я всегда считал, что буддийские сочинения, называемые *чжэньянь* (真言 мантры), невозможно уразуметь, а смысл их крайне тёмный, и поэтому обрадовался случаю услышать [такое сочинение] и велел тому человеку начать декламацию. Чужеземец сложил руки за спиной, оперся о колонну и стал кричать — звук его голоса был подобен бульканью кипятка в кувшине, ничего похожего на известные в мире «Мантры павлина». Я понял, что это — перевод той сутры, оттого-то они такие разные, а молва считает это сочинение безвозвратно канувшим. Не знаю уж, как души умерших и духи Поднебесной разберут, о чем там речь!

Примечание

«Сутра Царя павлинов» (孔雀明王經 «Кунцюэ минван цзин») — «Маха маюра раджа сутра», «Царственная сутра павлина», тантрический текст, содержащий набор мантр и примеры их применения.

(78) В пещере Билодун, что в Инчжоу, есть сталактиты. Пастухи овец часто бывают там. Говорят, что среди тех овец, которые отведали сталактитовой воды, некоторые становятся белыми, как сталактиты, и мясо их очень способствует преодолению дряхлости. Таких овец называют *жуян* 乳羊. Но распознать их можно только после того, как забьешь. Овцы *жуян* очень редки и в год попадают одна-две. Начальник округа преподносит их в дар главнокомандующему и инспекторам провинциального управления.

Примечание

И н ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Гуандун.

(79) При Хань из-за птицы *шэньцюэ* поменяли девиз правления, но в книгах ничего не говорится о том, как она выглядит. В Гуаннани считают, что *шэньцюэ* бывает красная или белая, но в стае попадает непременно и пятицветная. Стая *шэньцюэ* садится на очень высокие, от десяти чжанов и выше, деревья. Гнезд не вьют. Питаются росой и ветром. С силками приблизиться к ним невозможно.

Будучи в храме Цаосисы, я не раз видел этих птиц. Они внезапно прилетают и неожиданно исчезают, щебечут, как простые птицы, а окраска у них яркая. Я расспрашивал людей: никому еще не удавалось поймать [такую птицу].

Примечания

Шэньцюэ 神雀 — это феникс; однако, судя по нижеследующему описанию, а также принимая во внимание то обстоятельство, что в реальной жизни фениксы как будто не встречаются, но Чжу Юй «не раз видел этих птиц», я склоняюсь к тому, что под *шэньцюэ* здесь имеется в виду какой-то вид попугаев.

Гуаннань — южная часть сунской пров. Гуаннаньсилу, учрежденная в 1110 г.

(80) В южных заморских странах водится *даогуацюэ* — «птица, висящая вниз головой»: перья на хвосте пятицветные, напоминает попугая, но маленькая, как воробей, ночью висит вниз головой. Люди, которые держат *даогуацюэ*, кормят их выдержанным в меду просом и сахарным тростником. [Эти птицы] не выносят холода и в Поднебесной часто гибнут,дохнут и от неправильного кормления. В годы Юань-фу их впервые привезли в столицу — тогда за одну просили пятьсот тысяч монет. У Дун-по в стихотворении «Слива мэй» сказано: «Феникс *яо* в перьях зеленых, вниз головой висящий». Наверное, про эту птицу.

Примечание

Даогуацюэ 倒掛雀 — это совершенно определенно некий попугай. По крайней мере, на выпущенной на Тайване марке, воспроизводящей хранящуюся в местном Гугуне картину, данная птица выглядит очень похоже на попугая.

(81) В Гуанчжоу я купил белого попугая. Мне его хвалили как умеющего говорить. Я стал слушать, но попугай говорил только по-иноземному или щебетал, как обычная птица. Зря только время потратили на его обучение! Я посмеялся и вернул птицу хозяину.

(83) В ущелье Цинюанься, что в гуанчжоуской области Инчжоу, есть Сяолунцзы, Храм маленьких драконов. Я там бывал. В храме несколько помещений, он стоит среди гор и ручьев — удивительной красоты место! А драконы — это змеи. Одна цвета самородного золота — князь; другая цвета красной тканой парчи — его супруга; змеи синего и зеленого цвета — чиновники; одна желтого цвета — посыльный. Была там еще маленькая змейка, такого, как князь, цвета — его наследник. Змеи извиваются в лаковом коробе. Подойдешь посмотреть — их то видно, то нет. Преудивительно! По сравнению с обычными эти змеи тоньше и длиннее, у них гневные глаза и высокий лоб, людей они не боятся. Окраска ярче, чем краски художников. Если обратиться к змеям с молит-

вой, они выползают на курильницу, и огонь в ней тухнет, или же поедают жертвенные фрукты и вино.

(84) Жители Минь и Чжэ едят лягушек, жители Хусяна едят *гэцзе* — это [те же] лягушки, [только] больше. В Срединной равнине каждое упоминание о том, что на юго-востоке едят лягушек, вызывало раньше смех. Но вот некий человек отправился служить в Чжэ, поймал там двух лягушек, высушил их лапки и дал своим родственникам под видом вяленой перепелятины, а после того как они съели, сказал им правду. Тогда над юго-востоком стали издеваться меньше.

А в Гуаннани едят змей и на рынках продают змеиную похлебку. Чао-юнь, наложница Дун-по, приехав вместе с супругом в Хуэйчжоу, куда его перевели служить, однажды послала старого слугу купить этой похлебке, думая, что там морепродукты. [Потом] спросила, из чего он, и оказалось — из змеи. Чао-юнь стошнило, после она болела несколько месяцев, а потом все-таки умерла.

Варвары из Цюнгвани ловят и едят всяких тварей — мух и комаров, других насекомых, дождевых червей. Кладут их в бамбуковую палку и пекут на огне, а потом разламывают бамбук и едят. В последний год моего пребывания в Гуанчжоу из иноземного квартала прислали яства, сильно приправленные черной патокой и мозгами кабарги. Если там и была редкая рыба, то обязательно — вонючая и горькая. Только жареные ростки бамбука с квашеными овощами и можно было есть.

Когда мой покойный батюшка был послом в Ляо, ему принесли чашку молочной каши — страшно дорогой. Но каша была приправлена жареным растительным маслом — в рот взять невозможно! Батюшка просил убрать масло, но его не слушали. Тогда батюшка отдал чашку слуге, чтобы тот перелил масло в другую посуду и взял себе, а сам с тех пор заказывал только постную кашу.

На юге едят больше соли, а на севере больше едят кислое. Варвары четырех сторон и некультурные селяне любят сладкое, а на Срединной равнине и в горах едят постное. Среди пяти вкусов лишь горькое в пищу не годится.

Примечания

Минь и Чжэ — территория совр. пров. Чжэцзян и Фуцзянь.

Хусянь — имеется в виду территория совр. пров. Хунань.

Гэцзе 蛤蚧 — один из самых крупных представителей семейства gekkonov, Геккон токи (*Gekko gekko*). Взрослый самец может достигать в длину более тридцати см. Обитает в основном в Юго-Восточной Азии и активно используется в пищу — сушеным, вяленым, в виде спиртовых настоек, пр. Как средство традиционной медицины используется, в частности, для увеличения мужской потенции.

Над юго-востоком стали издеваться меньше — региональные различия издревле существовали между южными и северными китайцами и в языке, и в обычаях, и в этнографии питания. Китайский юг в сравнении с сотрясаемым набегами кочевников севером был сравнительно спокоен и устойчив, а север, как справедливо отмечают исследователи, был к тому же подвержен культурному влиянию пришлых завоевателей в самых разных областях, от одежды до пищи (тема необычности, даже губительности южной пищи для северных желудков красной нитью проходит через китайскую литературу), и часто это давало повод северянам и южанам подтрунивать и даже издеваться друг над другом. Общий очерк отличий южан от северян на русском языке см., например в кн.: [Крюков 1984].

Чао-юнь — речь идет о Ван Чао-юнь (王朝雲 1063–1096), любимой наложнице Су Ши, которую он приобрел в Ханчжоу. В предисловии к посвященному ей стихотворению

Су Ши писал: «В доме моем было несколько наложниц, и за четыре-пять лет они одна за другой со мной расстались, и лишь Чао-юнь одна отправилась со мною в путь на юг» [Сань Су: 2355]. Чао-юнь прожила в доме Су Ши двадцать три года, «поначалу грамоте не знала, а потом вдруг выучилась премудрости книжной да и каллиграфией вчерне овладела» [Там же: 2489]. Известно, что Чао-юнь умерла в Хуэйчжоу и была похоронена на южном склоне Гушани у озера Сиху. Су Ши сложил эпитафию для ее могилы.

Хуэйчжоу, Цюньгуань — области, располагавшиеся на территории совр. пров. Гуандун.

Когда мой покойный батюшка был послом в Ляо... — Чжу Фуездил в Ляо в 1094 г.

Варвары четырех сторон — грубо говоря, согласно традиционной китайской концепции мироустройства, Поднебесная империя находилась в центре мира и со всех сторон была окружена так называемыми варварами, то есть народами, не имеющими представления о правильном управлении государством, о настоящих нормах морали и вообще об истинных ценностях; правители этих народов традиционно рассматривались китайскими императорами в качестве вассалов, хотя часто об этом даже не подозревали; «некультурными» в сравнении с жителями Поднебесной варвары были вовсе не по злему своему умыслу, а от природы, потому что им никто не рассказал, как — правильно; и в задачу владык Поднебесной входило научить варваров правильному, а достичь этого мирным путем удавалось далеко не всегда. На деле ситуация, конечно, была гораздо сложнее, и я здесь намеренно ее упрощаю.

(85) Ван Ши-лян 王士良, помощник начальника Медицинского управления из Гуанчжоу, умер в первый год Юань-ю, а через три дня — воскрес. Он рассказал, что был препровожден в загробное управление. Ши-ляня ввели в зал, где сидел человек в бледно-фиолетовой одежде, подобный небесному чиновнику. Чиновник принялся спрашивать Ши-ляня о том, как тот некогда продал кому-то яд, и [купивший] отравил свою жену, но Ши-лян это отрицал. Служащий провозгласил: «Это было в начале четвертого года Си-нин!» Чиновник углубился в бумаги, а Ши-лян твердил: «Ничего такого не было!» Тут чиновник хлопнул по столу: «Да ведь это было в Хуанчжоу, а тут ошибочно написано Гуанчжоу!» — и велел отправить Ши-ляня обратно.

Когда Ши-лян вышел, служащий повел его на галерею и со словами «На будущий год в Гуаннани будет мор, пользуйтесь этим лекарством» протянул Ши-лянцу рецепт. Тот прочитал, а это — порошок *гоутэнсань*, что лечит от мора, из книги «Рецепты Бо Цзи». Прочитав рецепт, Ши-лян украдкой спросил у окружающих, где он находится, и кто-то ответил, что это управление бессмертного, ведающего всеми лекарствами Поднебесной.

Как раз в это время Гуанчжоу управлял Цай Юань-ду. Узнав о том, что случилось с Ши-лянем, он вызвал его к себе, чтобы подробно обо всем расспросить, а секретарю велел записывать.

Пришла весна, и разразился большой мор. Но когда больных лечили порошком *гоутэнсань*, им становилось лучше.

— Я с юных лет изучаю медицину и вот на четвертый год Си-нин применил свои лекарства для лечения. В мире мрака обо всем записано [заранее], как можно не верить!

Примечания

Первый год Юань-ю — 1086.

Четвертый год Си-нин — 1071.

Порошок *гоутэнсань* 鉤藤散 — некое снадобье, содержащее корень ункарии клюволистной (*гоутэн* 鉤藤, *Uncaria rhynchophylla* Jack.), небольшого дерева семейства мариновых, произрастающего в тропическом поясе Японии, на крайнем китайском юге,

а также в Индии и Вьетнаме. Обладает противолихорадочным и седативным действием. Компонент многих лекарств традиционной китайской медицины. Используются корни и стебли.

«Рецепты Бо Цзи» (博濟方 «Бо Цзи фан») — сочинение сунского Ван Гуя (王袞 XI в.), который, судя по тому, что сказано в предисловии, более двадцати лет собирал травы и занимался врачеванием. Из известных ему более чем тысячи рецептов Ван для этой книги отобрал около пятисот самых лучших, из которых до наших дней дошло триста. Впервые книга была напечатана в 1047 г., в минское время была утеряна и ныне мы располагаем цинской реконструкцией.

(86) В годы Юань-ю житель иноземного гуанчжоуского квартала по фамилии Лю 劉 женился на дочери члена императорского рода. По службе [Лю] достиг поста старшего офицера дворцовой стражи. Лю умер, а сыновей-наследников не оставил. Родственники стали требовать раздела имущества и послали даже бить в «барабан, взывающий к слуху».

При дворе только тогда и узнали, что женщина из императорского рода вышла замуж за варвара — и [впредь] наложили на это запрет. Если в трех поколениях был хоть один чиновник — только тогда разрешали брать замуж женщин из императорского рода.

(91) На [коньках] крыш дворцов устанавливают «совиные клювы», а поданные [на своих домах] не смеют [так делать], и поэтому устанавливают головы зверей. Говорят, это уберегает от пожара.

Ныне на домах всех жителей Гуанчжоу есть звериные головы; в области Хуанчжоу они есть только на крышах казенных резиденций и храмов, а на крышах частных домов их нет. Говорят, боятся этим накликать пожар. Расстояние всего-то в сто ли, а обычаи — совсем разные.

Примечание

«Совиные клювы» 鴟吻 — своеобразные обереги от пожаров. Данный обычай восходит как минимум к ханьскому времени, когда похожие обереги стали водружать на крыши дворцов: считалось, что это изображение морского чудовища 螭, чей хвост, будучи воплощением силы воды, предотвращает возникновение пожара и вообще отгоняет огонь. С течением времени форма оберегов изменилась настолько, что в просторечии их стали называть уже совиными клювами (*чивэнь*, что, кстати, в современном чтении весьма напоминает «хвост чудовища чи», *чивэй*), хотя существовало и поверье, что хвост *чи* по виду похож на совиный клюв. Меч суть добавление более позднее, и, опять же согласно преданию, это волшебный меч цзиньского даоса-мага Сюй Сюня (許遜 239–374), призванный, с одной стороны, не дать сове и ее противопожарному клюву сбежать с крыши и уклониться от защиты дома от нежелательного возгорания, а с другой — отпугивать от жилища всякую нечисть, которая боится волшебного меча Сюй Сюня по определению.

(94) Когда я был в Мян[чжоу] и Э[чжоу], то слышал рассказы о том, как Чжан Гуай-яй начинал службу в должности начальника Чунъяна. До наших дней ему делают там обильные жертвоприношения, а убежденные сединой старцы еще могут порассказать о том, как [Чжан] управлял.

Однажды [Чжан] встретил какого-то простолюдина, продававшего за городскими воротами пучки овощей. Оказалось, что это крестьянин из предместья. Гуай-яй велел дать ему сорок палок и сказал:

— У тебя ведь есть земля, а ты торгуешь овощами! Лентяй!

Узнав об этом, чунъянские крестьяне стали возделывать свои поля с еще большим усердием.

В другой раз Гуай-яй послал чиновников выяснить, кто из крестьян имеет чайные посадки, и повелел сажать [там вместо чая] тутовые деревья. Утерев выгоду от продажи чая, крестьяне очень тужили, однако, из боязни не смея медлить, подчинились этому приказу. А через несколько лет после того, как Гуай-яй уехал из Чунъяна, императорский двор ввел монополию [на чай], и если у кого были чайные посадки, то [владельцы] должны были вносить [в казну] плату. И лишь в Чунъяне чая не оказалось, и [жители] избежали разорения.

Уездный город от областного [центра] отделяло четыреста ли, и водного сообщения не было. Рис в область носили на себе. С каждого ху получалось по шесть-семь доу, а с богатых брали налог в сто ху — все это выходило очень трудно и разорительно. Гуай-яй представил доклад, предлагая в уезде Гаюань разрешить выплачивать налог не рисом, а тонким шелком, и население Чунъяна получило возможность носить [в область] более легкую поклажу. А к тому времени выросли посаженные ранее тутовые деревья. Благодаря этому шелку [Чунъян] оказался первым на юго-востоке по полученной выгоде. Сейчас [те места] процветают еще больше.

Примечания

Мянь[чжоу] и Э[чжоу] — области, располагавшиеся на территории совр. пров. Хубэй. Чунъян — уезд в области Эчжоу; Чжан Юн был назначен его начальником в 980 г., это была первая должность будущего министра.

Ху — мера объема, немногим более 50 л.

(95) Чжуцзяо Дун из Хуанчжоу был очень богат. В год *цзи-чоу* Да-гуань случился неурожай, и Дун решил накормить голодающих рисом, а для малых детей [велел] готовить рисовую кашу. Когда все было разложено по порциям и расставлено, голодающие толпой ринулись [к еде]. Заставить их соблюдать порядок не представлялось возможным. Дуна свалили наземь и сильно помяли в давке. Домашние говорили, что Дуну следовало подать жалобу, но он не обратил [на это происшествие] никакого внимания. На другой день он снова приготовил еду, но соорудил из брусьев ограждение, чтобы выдерживать очередность. Больше беспорядков не было. Более ста дней Дун без усталости кормил людей.

Люйцю Пятнадцатый, деревенский житель из Хуангана, также имел большие запасы зерна, но когда случался неурожайный год, он тут же поднимал цену на зерно. Люди его не любили. В старости Люйцю поразил внезапный недуг: он перестал принимать пищу и ел только бараний помет. Домашние, жалея старика, давали ему рисовые катышки, сделанные на манер бараньего дерьма, но Люйцю отбрасывал их, лишь взяв в руки. Прошло несколько месяцев, и старик умер. А ведь раньше он заискивал перед Буддой и многое из своих запасов жертвовал лушаньским монахам. Он боялся, что проступки его чрезвычайны, и надеялся служением Будде немного облегчить свою участь, но это — невозможно.

Примечания

Чжуцзяо — областной чиновник без каких-либо обязанностей и полномочий, но, разумеется, с окладом; такая должность давалась двором в качестве поощрения ученым лю-

дам — выходцам из данной области, или, напротив, на нее назначались переведенные с более высоких и властных должностей проштрафившиеся чиновники.

Ху а н ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Хубэй. Административным центром области был город Хуанган.

Г о д ц з и - ч о у... Д а - г у а н ь — 1109.

(96) Хуанганский простолюдин Дин Шэн-вэй 丁生微 мало-помалу основал свое дело. По характеру [Дин] был человек коварный и хитрый. Он очень разбогател и купил поместье. Когда там копали колодцы, нашли каменную плиту, на поверхности которой виднелись линии, напоминающие иероглифы — будто чьи-то имя и фамилия. Дин велел сложить текст, [повествующий] о его деяниях, и вырезать его на той плите, чтобы получилась стела. Но вскоре после этого он заболел и умер, а состояние его рассеялось.

Я купил поместье — это нынешнее Пинчжоу — с землей и усадьбой.

Произошедшее, видно, было предопределено заранее, и к плите следовало отнестись бережно, тогда удалось бы избежать беды.

(104) Когда жители Гаоли бывают в Чанчжоу, они покупают у тамошних жителей голубей и выпускают их на волю. А голуби знают дорогу домой и стремятся назад, поэтому чанчжоусцы боятся, что их голубей не будут покупать или заставят вернуть деньги.

Еще покупают голубей, чтобы выпускать по случаю дня рождения. Чанчжоусцы наперебой выпускают голубей. После покупки птиц сажают в плетенки и в лодке увозят далеко в море, и там, когда наступает день рождения, выпускают. Если голуби возвращаются, это считается предвестием удачи.

Примечания

Г а о л и — имеется в виду Корея.

Ч а н ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Цзянсу.

(107) Когда мой покойный батюшка управлял Дунлаем, он послал купить сто тысяч ляннов хлопка для подарков императору. В это время из уездов стали поступать настойчивые просьбы строжайшим образом запретить частные рынки.

— Но ведь тогда торговля захиреет, и мы не сможем совершить нужные закупки! — сказал батюшка. — А какова цена хлопка?

— Каждый лян — сто монет, — ответили ему.

Батюшка велел добавить к этому еще двадцать монет и обратился ко всем начальникам [уездов] с просьбой собрать деньги и около ворот уездных городов [устроить] такие рынки, и на них в любом количестве скупать без промедления весь хлопок.

Дней через десять со всех сторон, привлеченные выгодой, потянулись люди, и необходимый хлопок был куплен. Кто-то выразил опасение, что заплаченные сверх цены деньги ввели власти в большой расход, но батюшка возразил:

— На рынке всегда так происходит. Это не твердые, [установленные] двором, цены.

Примечание

Д у н л а й — одно из старых названий области Лайчжоу, располагавшейся на территории совр. пров. Шаньдун. Чжу Фу управлял этой областью в начале девяностых годов XI в.

(108) В начале годов Чун-нин в обращение были выпущены большие монеты — достоинством в десять маленьких монет, но по весу соответствующие трем маленьким. Потом, чтобы уравнивать вес и стоимость, было велено на юго-востоке считать эти монеты за пять маленьких, дешевле, чем на северо-востоке. Потом, поскольку положить конец разбойному использованию таких монет, отлитых частным образом, не представлялось возможным, цена для всех них была установлена повсеместно в три маленьких. Противоречия между весом и стоимостью были устранены, и только тогда установился порядок.

В дворцовом казначействе в то время монеты хранились без счета, и изменение стоимости привело к большим убыткам.

Однажды утром из ворот Дунхуамэнь столицы вылетели всадники, криком оповещая [жителей] предместий о том, что большие монеты обесцениваются до трех маленьких. Новость мгновенно разнеслась повсюду. Богатым не на чем стало греть руки.

В Кайфэнском управлении, получив указ, для частных ломбардов установили срок в пять дней, когда заклад можно было получить по прежней стоимости. Простые люди тут же бросились за выгодой. Владельцы же ломбардов были недовольны этим приказом и исподволь сопротивлялись ему. Тогда власти установили тяжелые наказания. А один сметливый богач уже после того, как определенный властями срок вышел, по своей инициативе еще пять дней продолжал выдавать заклады по старой стоимости, и, как говорится, его ворота отметили большой доской. При дворе, узнав об этом, занесли имя богача в анналы.

Мой двоюродный дядя по отцу — его звали Бин 炳 — жил тогда в Хучжоу, к западу от моста Ифэнцяо. У него, как говорится, для погони за прибылью было скоплено несколько сотен связок монет. И вот, как только началась реформа с большими монетами, кто-то из его сыновей или домочадцев узнал новость первым. Он стал просить дядю поторопиться и обменять деньги на товары, но дядя лишь посмеялся и ничего не ответил.

Потом же спросил:

— Так что, эти деньги теперь нельзя использовать [по старой стоимости]?

— Да, — отвечал тот человек.

— Я пострадал. Но ведь и другие пострадали, — рассудил дядя. — Что тут поделаешь!

Так он потерял все, впоследствии больше ничего не скопил, но никогда нимало не раскаивался в своем поступке.

Примечания

Б о л ь ш и е м о н е т ы — первый сунский опыт по выпуску «больших монет» относится к 1041 г., когда из-за войны с Си Ся стала ощущаться серьезная нехватка наличности; монеты, как водится, содержали в названии девиз правления — «Цин ли чжун бао» 慶曆重寶. Второй раз выпуск больших монет, опять же по причине военных действий, произошел при Хуэй-цзуне (кстати, каллиграфия для надписи на монетах была выполнена его рукой), в годы под девизом правления Чун-нин (1102–1106), когда были выпущены «Чун нин тун бао» 崇寧通寶, по предписанной стоимости приравненные к десяти малым монетам. Все это не привело к ожидаемым результатам, а напротив — поставило экономику империи в весьма сложное положение и лишь затруднило денежное обращение. Простые люди относились к большим монетам с недоверием и предпочитали им привычные мелкие (их попросту прятали на черный день), но главным бичом рынка стали многочисленные частные мастерские, тут же взявшиеся незаконным образом чеканить монеты большей стоимости, часто пуская

для этого в переплавку монеты маленькие (последствия их деятельности наглядно видны и в наши дни, когда на нумизматическом рынке полно больших монет периода Чун-нин и весьма проблематично найти маленькие монеты того же периода). В результате большие монеты довольно быстро обесценились, что были вынуждены официально признать и при дворе.

Отметили большой доской — то есть на воротах его дома была повешена специальная доска с возвещающей о добродетелях и заслугах надписью.

Ху ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Чжэцзян.

(111) В последнее время камни *цюаньши* 拳石 сделались такими дорогими, что стоимость их стала неисчислима. У жившего в годы правления Тай-пин Го Сян-чжэна 郭祥正 был в свое время такой камень — размером в *чи* с небольшим, очень похожий на горный хребет с девятью вершинами, а внизу — будто обрыв. Дун-по назвал его «девять цветов в чайнике». Камень этот ценился необычайно. Я слышал, он и доныне хранится в императорском дворце.

В собрание сочинений Дун-по входит «Дар удивительных камней». Там говорится о камнях, найденных в Хуанчжоу, куда Дун-по был послан служить с понижением. Я побывал в том месте, где он жил. Позади дома — гора, она называется Похушань (Разбиваемая озером). Камни были найдены на этой горе. Каждый год, когда сходит паводок, крестьяне ходят сюда за камнями. Попадают прозрачные пестрые, с цветными прожилками камешки — из них делают кольца, серьги, безделушки, головные украшения. Но обычно эти камни слишком мелкие, и годятся они только для того, чтобы положить их в плоску с водой, где разводят айры.

Примечания

Годы Тай-пин — 976–983.

Чи — мера длины, ок. 30 см.

«Дар удивительных камней» (怪石供 «Гуай ши гун») — сочинение Су Ши, в котором он описывает камни своей коллекции. И в его бицзи есть запись, почти дословно цитирующая некоторые фразы из «Гуай ши гун»: «На берегах там множество камешков: попадают теплые самоцветы, вроде яшмы, темно-красные, желтые, а попадают в мелких узорах, будто кто-то водил пальцем — кругами. Я туда ездил несколько раз и всего собрал двести семьдесят камней — некоторые большие, размером в жужуб, а маленькие — те как зерна эвриалы. А еще нашел старинное бронзовое блюдо. Сложил в него камни, омыл водой: [камни] блестят прелестно! Один был в форме тигриной головы — с пастью, носом, глазами, изо всех самый крупный», только в «Гуай ши гун» названо другое число собранных Су Ши камней — 298 [Сань Су: 2342].

(112) Лю Чан очень заботился о своем дворце и хотел собрать там удивительной формы камни. Он объявил, что за камни будет прощать проступки. И тогда один богач, совершивший преступление, доставил ему водным путем из Лянчжэ купленные там камни. В старом парке на отмели Яочжоу, к западу от города, до сих пор сохранились девять камней, из них каждый высотой в несколько чжанов. Называются [они] «Камни Девяти Светил».

Примечание

Лю Чан (劉鋹 943–980) — последний правитель династии Южная Хань (917–971) эпохи Пяти династий, владения которой располагались на территории Гуаннани (совр. пров. Гуанси и Гуандун). Описанные здесь камни можно видеть и в наши дни в парке Цзю-яюань в Гуанчжоу. В сунское время на этом месте находилось поместье служившего в провинции чжуаньюнши, поместье посещали многие известные литераторы — надписи, сделанные пятьюдесятью девятью гостями, вырезаны здесь в камне.

(114) Самые лучшие писчие кисти — из кроликовой шерсти. Знатоки ценят кисти из шерсти белки или орангутана, но в удобстве при письме они не идут в сравнение с кроличьими. В Гуаннани не водятся кролики, и пользуются там куриными перьями. Перья плоские, писать ими невозможно, разве только крайность придет. Нынешние мастера [по изготовлению] кистей — семья Чжугэ 諸葛氏 из Сюаньчжоу и Сюй 許氏 из Чанчжоу. Они передают свое ремесло из поколения в поколение. Все еще славятся в мире ученики Чэн Аньдао 成安道 из Аньлу и Ли Чжэня 李展 из Ияна.

А еще жители Сюань[чжоу] искусно играют на бамбуковых флейтах, чисто и прекрасно — заслушаешься! Некоторые делают флейты из тростника, они особо ценятся за легкость.

Из Гаоли посылают людей в Чанчжоу для торговли кистями. Только лишь судно получает разрешение на разгрузку товаров, как кисти раскупают, и столь стремительно, что даже наполовину лысая кисть почитается удачным приобретением!

Примечания

С ю а н ь ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Аньхой.

Ч а н ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Цзянсу.

А н ь л у — уезд, располагавшийся на территории совр. пров. Хэбэй.

И я н — уезд, располагавшийся на территории совр. пров. Хэнань.

(115) Е Тао весьма увлекался облавными шашками, и Цзе-фу даже сложил стихи, в которых строго осуждал его. Но Е так и не смог победить своего пристрастия. Многие игроки, увлекшись [игрой, и] думать забывают о других делах, бедные ли, знатные — находясь в плену своей страсти, они порой лишаются средств к существованию. Вот почему при Тан шашки осуждающе называли «деревянной лисой», имея в виду, что они повергают людей в сладостное омрачение — прямо как лисы.

Примечания

Е Т а о (葉濤 XI в.) — сунский чиновник. Экзамены на цзиньши сдал в годы под девизом правления Си-нин (1068—1077). Ученик Ван Ань-ши. На рубеже веков служил сверщиком текстов, принимал участие в написании хроники правления императора Шэнь-цзуна, служил в Чжуншунэне. Потом впал в немилость и был выслан в провинцию. Службу закончил на посту дайчжи палаты Лунтугэ.

«Д е р е в я н н а я л и с а» — согласно китайским представлениям, лиса — животное, способное оборачиваться человеком и вступать в таком виде в контакт с настоящими людьми. В старой китайской литературе был весьма популярен мотив прихода волшебной девы-лисы к молодому ученому с целью вступить с ним в постоянный сексуальный контакт, дабы восполнить недостаток светлого начала в лисьем организме; для ученого же итогом таких взаимоотношений становилось, как правило, истощение до последней степени, немощь и в конечном итоге смерть. Иной исход в подавляющем числе подобных случаев попросту невозможен, поскольку лиса, настав на свою жертву волшебное омрачение, пьет из него жизненные силы, а человек даже и не подозревает об этом, нежась в прелести фальшивой реальности (подробнее о «лисьих» мотивах в сунской новелле чуаньци см. мою работу: [Алимов 1993]). Так и в случае с Е Тао: шашки настолько завораживали его, что он, будто лисой омраченный, вовсе не замечал окружающее.

(118) В области Чэньчжоу растут необычайные пионы *шаояо*. В последние годы эти цветы стали доставлять [ко двору]. Из Чэнь[чжоу] в столицу, за триста ли, привозят их на лошадях всего за один день и одну ночь. Делают так: после

того как цветок срезан, стебель вставляют в пропитанную медом тростинку, слегка подсушивают на солнце и, когда цветок откроется, кладут в бамбуковый короб. [В столице] достают цветы, часть стебля с тростинкой срезают и втыкают ненадолго в сырую землю, а потом подвешивают на веревочках вниз головками. Цветы выглядят так, будто их только срезали.

Примечания

Область Чэньчжоу — располагалась на территории, занимаемой совр. пров. Хунань.

Пион шаояо 芍藥 — пион молочноцветковый (*Paeonia Lactiflora*), многолетнее растение с мощным корневищем, на стебле, в отличие от других пионов, имеется три или больше цветков, устойчив к засухе и морозу, произрастает в Корее, Северо-Восточном, Северном и Северо-Западном Китае. Используется в традиционной китайской медицине. Одним из самых крупных центров разведения этих пионов в старом Китае традиционно была область Янчжоу (Цзянсу).

(119) Столичные жители шьют летнюю [легкую] одежду из фучжоуского шелкового крепа *ляньхуаша* (蓮花紗 «лотосовый»). Ляньхуа очень высоко ценится. Эту ткань делают на четырех женских подворьях буддийского монастыря Ляньхуасы, и секрет ее изготовления запрещено передавать посторонним. В год на каждом подворье изготавливают лишь около ста штук ткани, и этого недостаточно даже для поставок высшим сановникам при дворе и в провинциях. Ткань ляньхуа делают и во многих домах, не относящихся к монастырю, и ее тоже берут — для восполнения нужного количества. Жители столицы, покупающие ляньхуа, умеют отличить ткань, сделанную в монастыре, от сделанной вне его, и цена последней уступает настоящей в двадцать-тридцать раз.

Примечание

Фучжоу — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Цзянси.

(122) Столичный чиновник Сун Юн-чэнь 宋用臣 в годы Си-нин служил при дворе. Острым умом своим он заслужил похвалу Владыки. [Сун] был человек в высшей степени изобретательный.

В годы Юань-ю он был назначен в Шэчжоу. В области как раз изготавливали громадный барабан, изукрашенный золотом. Но вот когда барабан был уже совсем готов, с одной стороны отломилась ручка-кольцо. Хотели отпилить ее совсем, но жаль было труда мастеров. Тогда Сун внес предложение, как починить кольцо: под ним укрепить нечто вроде пружины замка, в днище барабана проделать отверстия, очень узкие, вбить туда концы ручки, и когда они войдут, зафиксировать пружиной. После этого ручка будет в порядке.

Многие поступки [Суна] были вроде этого.

Примечания

Годы Юань-ю — 1086—1093.

Шэчжоу — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Аньхой.

(123) На юго-востоке птичий крик считается дурным предзнаменованием, а сорочье стрекотание — добрым. Поэтому сороку называют еще «радующая». А вот в Шаньдуне я видел, как люди, услышав стрекотание сорок, плюются, а крику птиц радуются. Не понимаю, почему так сложились обычаи.

(124) Яо Ю рассказывал, что когда-то служил помощником окружного начальника в Цзэчжоу. Эта область занимает важное место в горах Тайхан[шань], и там есть такие места, где чиновники никогда не бывали.

Местные жители страдали от тигров, и [власти] послали Яо Ю в горы вознести моление о защите от напасти. Яо поехал туда и остановился на ночлег у подножия гор. Он увидел, что дома тамошних жителей окружены [частоколом] из вкопанных в землю больших бревен. Ему объяснили, что это — заграждения от тигров.

Стал спускаться вечер. Появилась стая в несколько десятков тигров — они шли степенно и важно, глядя на человеческие жилища с презрением, а люди и домашние животные тряслись от ужаса.

Когда рассвело, Яо, набросив одежды из белого шелка, поднялся в горы, достиг самой вершины и там обнаружил дощатую хижину, а в ней — камень с высеченной на нем надписью. Яо принес жертвы, снял копию с надписи на камне и вернулся назад.

Примечания

Я о Ю (姚祐 кон. XI — перв. пол. XII в.) — сунский чиновник. Цзиньши успешно стал в годы под девизом правления Юань-фэн (1086—1093), был цензором, управлял рядом областей, а венцом его карьеры стал пост начальника Департамента работ.

Ц з э ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Шаньси.

(125) В Чжэньчжоу [есть место], где на протяжении десяти с лишним ли — сплошь тигриные логова, они здесь и там в заросшей яркими и пестрыми цветами долине. Путники, идущие дорогой [через эту долину], пересекают ее группами, иначе может случиться несчастье. Цзинчжоуский Сунь Вэй 孫偉 (второе имя Ци-фу 奇甫) управлял областью Чжэнь[чжоу] и обо всем мне подробно рассказал. Как же власти, [в ведении которых] находятся такие места, где человек вдруг может стать жертвой тигра, не проявляют о путниках заботы!

Примечание

Ч ж э н ь ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Сычуань.

(126) При императоре Хуэй-цзуне, в годы Да-гуань, в Цзиндунлу у одного крестьянина корова отелилась цилинем. Деревенские жители не поняли, [что это цилинь], сочли его вредным и забили палками. Власти же, узнав об этом происшествии, провели расследование, и оказалось — действительно известное существо! Донесли Владыке. И тогда во все провинции были разосланы рисунки, изображающие цилиня, чтобы крестьяне знали, как он выглядит. Тому же, у кого появится цилинь, была обещана щедрая награда.

Примечания

Г о д ы Д а - г у а н ь — 1007—1110.

Ц з и н д у н л у — сунская провинция с административным центром в Сунчжоу, занимала юго-восток совр. пров. Шаньдун, часть Хэнани и западные земли Цзянси. Несколько раз Цзиндунлу делили на две отдельные провинции (Цзиндундунлу и Цзиндунсилу), но потом сливали обратно, в единую административную единицу.

(127) В годы Юань-ю кто-то привез в столицу морскую тварь, которую называл хайгэ 海哥 «морской брат». Столичные жители наперебой бросились

смотреть на нее. Рыбак держал хайгэ в загоне. Получив деньги, он звал хайгэ, тот откликался и всплывал. Так рыбак каждый день зарабатывал немалые деньги. Звали его к себе и из многих знатных семей.

Однажды рыбак приехал к императорскому зятю Ли и в его саду выпустил хайгэ в пруд. Стал звать хайгэ, но тот не появлялся. В пруд закинули сеть, стали искать, но как ни старались — хайгэ исчез.

Парки и пруды Ли были настолько великолепны, что, говорят, императорский двор жаловал его жилище особой любовью и что [пруду] Тайге и [дворцу] Писян далеко до владений Ли.

Хайгэ же — это, верно, морской тюлень. У него окраска, как у тюленя, нет хвоста, четыре лапы — передние две подобны рукам, а задние срослись с хвостом в одно целое. В приморских областях Дэнчжоу и Лайчжоу таких тюленей великое множество, их шкуры красят в зеленый цвет и делают из них упряжь и седла. Но тогда в столице тюленя посчитали за диковинку, которая лишь копошится, как червь, а больше ничего и не может. Знатные люди платили по тысяче золотом, чтобы разок на него взглянуть, а потом дрожали от страха. Выходит, тот тюлень появился преждевременно!

Примечания

Т а й г э — искусственный пруд, располагавшийся на территории дворцового комплекса Дамингун в столице танского Китая, г. Чанъани (ныне Сиань). Дамингун состоял из двух частей — передней и задней, и задняя представляла из себя парк, центром которого и был пруд Тайге. Выкопан в 662 г.

П и с я н — дворцовый комплекс времен династии Хань.

(133) В годы Си-нин начальника области Чанчжоу вызвали ко двору. Чиновник этот был очень хорошо осведомлен о современных делах и интригах. Ему предстояло сделать доклад, и так как покровитель его (говорят, это был Цзе-фу) обладал влиянием среди сановников, Владыка должен был остаться [тем докладом] доволен.

Но на приеме Владыка сначала задал вопрос [этому чиновнику], на каком удалении от центра [области Чанчжоу] находится гора Сишань. [Начальник области] был не готов и затруднился с ответом. Гора Сишань в уезде Усисянь области Чанчжоу, как известно, в просторечии зовется Хуэйшань, а географического описания [своей области] начальник не читал. Откуда ему было знать!

Владыка взглянул на приближенных и молвил:

— Служит начальником области, а не знает, какие горы и реки находятся в ее границах. Можно представить, как он управляет! — Дал ему отставку от должности и больше и слова сказать не позволил.

Примечание

Ч а н ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Цзянсу. Гора Сишань расположена западнее совр. города Уси, и рядом с ней есть также гора Хуэйшань; в прежние времена и ту и другую горы часто называли Хуэйшань.

(134) Ян Цзе (Цы-гун) был увлечен учением Будды. Однажды на аудиенции Шэнь-цзун стал подробно расспрашивать его о сущности буддизма. Ян отвечал скупой и сказал, что буддизм полезен главным образом для самосовершенствования.

Когда Ян возвращался [из дворца домой], над ним смеялись. Кто-то сказал с укором, что вот Ян учился всю жизнь, а когда выпала ему удача лицезреть Владыку, знаний хватило, только чтобы поддакивать.

— Императорский двор отчетливо видит, где истина. Я боялся обидеть моего уважаемого наставника и не посмел сболтнуть лишнее, — отвечал на это Ян.

Примечание

Я н Ц з е (楊傑, второе имя Цы-гун 次公, XI в.) — сунский чиновник. Экзамен на степень цзиньши выдержал в 1059 г. При Шэнь-цзуне, в годы правления под девизом Юань-ю (1086—1093), был назначен *юаньвайланом* в Департамент церемоний. Служил и в провинции — был начальником области, главой тюремных учреждений в Лянчжэ.

(136) Когда Сыма Вэнь-гун жил на покое в Западной столице, он послал однажды старого солдата продать свою верховую лошадь.

— У этой лошади летом открывается легочное недомогание. Будешь продавать, так заранее предупреди! — наказал он солдату.

Солдат про себя посмеялся над этим, и выполнил он наказ или нет — неизвестно.

Примечание

Сыма Вэнь-гун — имеется в виду Сыма Гуан. В Западной столице, то есть в Лояне, Сыма Гуан поселился в 1070 г., после отставки, последовавшей в результате прихода к власти Ван Ань-ши. Именно здесь Сыма Гуан работал над своим знаменитым историческим сочинением «Цзы чжи тун цзянь» (資治通鑑 «Зерцало всеобщее, управлению помогающее»).

(137) Сложив с себя бразды правления, Фу Чжэн-гун вернулся в Западную столицу. Однажды в простом халате он верхом на ослике выехал в предместье. Там Чжэн-гун столкнулся с уездным полицейским чиновником из Шуйнани, столичным жителем. Выезд его был очень пышный. Бегущие впереди солдаты кричали: «Всадникам спешиться!»

А господин Фу знай хлестал плеткой осла, направляя его вперед. Крики солдат гремели все ближе.

— Не желаете спешиваться, так назовите ваш чин! — набросились на господина. Он снова хлестнул осла и отвечал, что его имя — Би. Солдат не понял, кто перед ним, и доложил начальнику:

— Там, впереди, какой-то человек на осле упрямо лезет поперек дороги. Я его спросил о чине, но он не ответил, а лишь сказал, что [его зовут] Би.

Начальник понял, в чем тут дело, и воскликнул:

— Да ведь это министр! — и как был, с копьём в руках, спрыгнул с лошади. Он простерся ниц слева от дороги и, дождавшись, когда господин подъехал, доложил:

— Чиновник из Шуйнани челом бьет!

Господин лишь хлестнул осла и уехал.

Примечания

Фу Чжэн-гун — речь идет о знаменитом сунском министре Фу Би (富弼 1004—1083), которому в 1062 г. был за заслуги пожалован титул Чжэнго-гун. Подал в отставку с поста цзайсяна в 1069 г.

Шуйнань — земли к югу от реки Лошуй, на которой стоит г. Лоян.

(139) Ван Цзин-гун ушел на отдых и поселился в Цзиньлине, как говорится, связал тростник у подножия горы Чжуншань. Опираясь на посох, Цзин-гун гулял по [окрестным] деревьям.

Цзин-гун очень сблизился с одним старым крестьянином по фамилии Чжан и каждый раз, проходя мимо ворот его дома, окликал его: «Господин Чжан!» И Чжан отзывался: «Господин министр!»

Но вот однажды Цзин-гун вдруг со смехом заметил ему:

— А ведь если бы я и сейчас служил на посту министра, то мы с тобой различались бы только фамилиями!

Примечание

Цзиньлин — совр. г. Нанкин. Ван Ань-ши был окончательно отправлен в отставку с поста цзайсяна в 1076 г.

(140) Фума дувэй Ли Дуань-юань жил вместе с прочими императорскими родственниками. Более всего он почитал внимательность и почтительность, а когда потерял зрение, стал еще более внимателен и осторожен в общении со знатными отпрысками. Потому до конца своих дней он и прожил без печали.

Одно время в столице пользовалась спросом чудодейственная вода из кумирни Эр-лана, что в западной части Чуаньчжоу. Эта вода излечивала болезни. Ли же не верил в души умерших и в духов. Когда его внук захворал, домашние тайно послали за водой Эр-лана. Ли, узнав об этом, страшно рассердился, побил сына тростью и сказал ему:

— Если твоему сыну действительно суждено умереть, то как Эр-лан сумеет помочь и оживить его?! А если он этого не может, к чему же тебе вода?

Примечания

Ли Дуань-юань (李端愿 ?–1091) — сунский придворный. За заслуги родителей был пожалован браком с дочерью императора. Занимал ряд крупных придворных постов, в том числе наставника наследника трона.

Эр-лан — речь идет о духе Эр-лане (он же Эр-лан-шэнь 二郎神, Гуанькоу-шэнь 灌口神). Предание гласит, что этим духом стал сын сычуаньского правителя Ли Бина (李冰 III в. до н. э.). Ли Бин был послан управлять Шу (Сычуанью). Будучи на этой должности, он вместе с сыном сделал много полезного для Шу. С самим Ли Бином и с его сыном Эр-ланом связаны легенды, имеющие большое количество вариантов: как Эр-лан уничтожил на охоте злобного тигра, наносившего вред местному населению; как, пользуясь советами отца, Эр-лан (или сам Ли Бин?) призвал к порядку и обуздал дракона (духа) реки Янцзы, творившего безобразия и собиравшего дань красивыми девушками, но, к сожалению, все эти предания дошли до нас лишь в поздних записях (см. подробнее: [Юань Кэ 1985: 5; Юань Кэ 1987: 188–191], а также с. 329–330 — комментарий Б. Л. Рифтина, содержащий цитаты из разных письменных памятников). Культ духа Эр-лана получил развитие в начале сунского времени; во время правления императора Хуэй-цзуна (на троне 1101–1125) духу был дарован титул чжэнь-цзюня (правда ненадолго: явившись во сне одному из приближенных императора, Эр-лан посветовал, что, будучи чжэньцзюнем и имея титул вана, он получал жертвоприношения мясом, чем был доволен, а теперь — исключительно постной пищей. Эр-лан попросил вернуть ему прежний титул, что и было сделано). При Сун храмы в его честь были выстроены по всему течению Янцзы и в некоторых других местах, духу стали приписывать самый широкий спектр волшебных свойств, в которые, впрочем, верили далеко не все, о чем говорит приведенный выше фрагмент. Интересный эпизод содержится в «Вэнь сян тун као» Ма Дуань-линя: «На седьмой год под девизом Чжэн-хэ последовал указ отремонтировать скит Шэньбагуань, тот, что в просторечии называют [кумирней] духа Эр-лана. Столичные жители, по простоте своей [думая, что от храма ничего не останется] уже с весны начали — и мужчины

и женщины — таскать к храму землю, как бы в дар [божеству]. В кучи земли втыкали таблички с надписями: “Землю жертвует такой-то”, появились головные украшения в форме бесов, которые показывали, что [их обладатель] сделал земельный взнос. Некто доложил Цай Цзину: “Дарить землю, делать земельный взнос — какие вульгарные выражения!” Спустя несколько дней вышел запрещающий это указ» (цит. по: [Чжоу Чэн 1988: 273]).

Ч у а н ь ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Хэнань.

(142) Мой покойный батюшка в начале годов Шао-шэн познакомился с Мэн Цзаем, отцом императрицы. В то время у Тай-лина еще не было наследника, и однажды он посетил дворец Цзинлингун, чтобы возжечь там благовоения. Его сопровождали все придворные. Вдруг Мэн Цзай испустил тяжелый вздох. Кто-то спросил его, в чем дело, и Мэн отвечал:

— Все ждут наследника трона, а вот подойдет срок, и родится принцесса!

Вернувшись [из дворца], батюшка рассказал об этом домашним и добавил:

— Мэн Цзаю не суждено долго пребывать в богатстве и знатности!

Так и произошло. Мэн Цзай в конце концов был отправлен от двора.

Примечания

М э н Ц з а й (孟 в XI в.) — отец императрицы Мэн (孟皇后 1073—1131), супруги императора Чжэ-цзуна.

Т а й - л и н — имеется в виду сунский император Чжэ-цзун (на троне 1086—1100), усыпальница которого называлась Юнтайлин.

Ц з и н л и н г у н — даосский храм, располагавшийся на территории квартала Тайпинфан в Кайфэне, был построен в 1012 г., название Цзинлингун полчил в 1038 г. При Северной Сун храм этот был весьма обширен: разнообразных сооружений (залов, теремов, павильонов, подворий и т. п.) на его территории насчитывалось свыше двух тысяч трехсот.

(145) Мой покойный батюшка родился в десятый день восьмой луны года *моу-цзы* под девизом правления Цин-ли. Восемнадцати лет он испросил позволение [обучаться в] Гуанвэньгуань.

Однажды, будучи на берегу Бяньхэ, [батюшка] услышал о некоем Чжане, умеющем предсказывать судьбу по звуку голоса. Батюшка тотчас нанес ему визит.

Лишь батюшка, [войдя], кашлянул, как Чжан тут же произнес:

— О, да мы старые знакомые! Два десятка лет не встречались.

Батюшка про себя усмехнулся: что за ерунда! Узнав же, где [батюшка] родился, [Чжан] сказал:

— Ну, конечно, вы, господин, — сын министра Чжу!

Батюшка опешил, а Чжан продолжал:

— В день двойной девятки восьмого года Цин-ли [ваш отец] был удостоен назначения на пост министра и устроил по этому случаю пир. На завтра [я] пришел к нему с поздравлениями и узнал, что в тот день исполнился ровно месяц со дня вашего рождения! [Меня] пригласили на праздник по этому случаю. Министр Чжу велел показать [вас гостям], и мне так понравился ваш голос, что я до сих пор не забыл его, а ведь — считая на пальцах — прошло [с того времени] семнадцать лет!

И еще он добавил:

— На этих экзаменах успеха не добьетесь, а вот через шесть лет станете первым в Поднебесной!

Ни в одном слове не ошибся.

И посейчас на Бяньхэ тоже встречаются «Чжаны, слушающие голос» — присвоившие себе это некогда славное имя.

Примечания

Г о д м о у - ц з ы... Ц и н - л и — 1048.

Г у а н в э н ь г у а н ь — одно из трех подразделений Гоцзяцзянь, готовившее соискателей к экзаменам на степень цзиньши. Для поступления в число учащихся требовалось сдать экзамены. В 1057 г. выдержавших их и поступивших в Гуанвэньгуань было 600 человек. Потом деятельность Гуанвэньгуань была приостановлена и возобновлена лишь в 1092 г., когда из 2400 соискателей поступить смогли всего 240. В 1094 г. Гуанвэньгуань было упразднено.

Д в о й н а я д е в я т к а — то есть девятый день девятой луны. В этот день отмечался традиционный китайский праздник с таким же названием; было принято любоваться осенними хризантемами, подниматься на возвышенности и пить там вино с лепестками хризантем — считалось, что такое вино отвращает беды и продлевает жизнь.

(146) Когда в детстве я вместе с матушкой жил в Чанчжоу, там прославился гаданием по книгам сючай Цянь. Он узнавал фамилии в трех поколениях, фамилии жен для мужей и фамилии мужей для жен — и все безошибочно.

Моя старшая сестра вышла замуж в семью У, а потом еще раз — в семью Шэнь, но Цянь по своим книгам определил, что фамилия ее мужа — У, и все тогда удивлялись этой ошибке. Но вот через несколько лет сестра получила от Шэня развод, была отправлена домой и ее просватали за У Куань-фу 吳寬夫. Непонятно, как гадание могло попасть прямо в точку? Людей ведь так много, неужели иероглифы в нескольких книгах говорят о каждом?!

(148) Когда Вэнь Лу-гун был в Бэйчжоу, ему там гадал на бирках некий Хуан Дянь 黃璵. На куске узорного шелка он написал: «В девяносто два года счастьем придет конец». Шелк хранился в доме [Вэня].

И что оказывается: господин служил с двадцати восьми лет, управлял Чэнду, в сорок два года усмирил злодеев в Бэйчжоу, когда ему было за пятьдесят, сделался цзайсяном. Его никогда не понижали в должности, даже удержанием из жалованья не наказывали. В начале годов Юань-ю господин был назначен на пост *пинчжан цзюньго чжунши* и долго служил на этом посту, а потом стал *тайши* и генерал-губернатором Хэдуна и поселился в Западной столице.

В первый год Шао-шэн господину исполнилось девяносто два года, и за своевольные мысли он был понижен до поста *тайцзы шаобао*. Из Хэнаньского управления к нему послали чиновника за секирой и жезлом, но [господин] немногим более чем через месяц умер.

Примечание

В э н ь Л у - г у н — сунский сановник Вэнь Янь-бо (文彦博 1006–1097), в 1058 г. пожалованный титулом Луго-гуна 潞國公. В течение пятидесяти лет карьера его действительно была практически безоблачна. В 1048 г. в Бэйчжоу он принимал участие в подавлении мятежа Ван Цзэ (王則 ?–1048) и в том же году первый раз стал цзайсяном, второй раз — в 1055 г. (то есть все же в возрасте сорока двух и сорока девяти лет, а не «за пятьдесят»). Пост *тайши* (наставник императора) Вэнь впервые получил в 1080 г. (второй раз — в 1090 г.), а почетный пост *пинчжан цзюньго чжунши* (главный в разборе касающихся страны и армии дел) — в 1086 г. Несколько позднее он действительно стал *тайцзы шаобао* (младший опекун наследника престола), но после 1094 г. («п е р в ы й г о д Ш а о - ш э н») был удален от двора и умер в провинции.

(149) Хэ Чжи-чжун [был в семье] пятым.

В юности его взяли однажды к предсказателю погадать о будущем. Гадальщик спросил:

— Вы в семье уж не пятый ли?

— Да, — отвечал Хэ.

Гадальщик хлопнул в ладоши, громко рассмеялся и объявил, что у Хэ необычайная судьба:

— Радостное событие ждет вас, господин, всякий раз, когда вы столкнетесь с числом пять!

На пятый год Си-нин Хэ был рекомендован в столицу на экзамены и в списке выдержавших значился пятым по счету. В пятьдесят пять лет был включен в императорскую свиту, на пятый год Чун-нин был назначен цзайсяном. Каждое перемещение по службе или рождение ребенка случалось у Хэ или на пятый год, или в пятую луну, или на пятый день. Так сбылось предсказание.

Примечания

Пятый год Си-нин — 1072.

Пятый год Чун-нин — 1106. В этом году Хэ Чжи-чжун (何執中 1044—1117) был назначен первым заместителем начальника Шаншушэна, то есть на должность министерского ранга. Цзайсяном же он стал в 1112 г., то есть на второй год под девизом правления Чжэн-хэ.

(150) Ци Шань 戚山 из области Хучжоу в конце годов Цзя-ю увидел во сне человека с нефритовой табличкой в руках. Человек показал Ци табличку, и там было сказано: «При таком-то Владыке ты выдержишь экзамен». Ци все время обсуждал этот сон с родными.

В годы Чжи-пин на трон вззошел [новый император], но имя его не совпало с увиденным во сне, и Ци сказал, [что сон] — не вещий. Но вскоре драконом взмыл ввысь Шэнь-цзун, и его имя точно совпало с [предсказанным]. Земляки [Ци], знавшие эту историю, решили, что [во сне к нему] являлся дух.

Но Ци не попал в число рекомендованных на экзамены и очень переживал, как вдруг пришел указ о продлении испытаний на год и об освобождении от [провинциальных экзаменов]. В Хучжоу освобожден оказался только Ци, и на следующий год, минуя провинциальные экзамены, он получил ученую степень [цзиньши].

Примечания

Область Хучжоу — располагалась на территории, занимаемой совр. пров. Чжэцзян.

Годы Цзя-ю — 1056—1063.

Годы Чжи-пин — 1064—1067. Первый (и единственный) девиз правления императора Ин-цзуна. Следующий сунский император, Шэнь-цун, «драконом взмыл» в 1068 г.

(152) Сыну Цай Юань-ду вдруг открылось, что в предыдущем рождении он жил в семье Ван из Даньяна, что в области Жуньчжоу. [Цай] навестил Ванов, и все подтвердилось. Еще была жива бывшая жена его сына; мальчик встретился с ней и заговорил как со старой знакомой. А восьми или девяти лет он постепенно втянулся в мирскую жизнь и мало-помалу забыл о прошлом.

У Ли Сань-ли 李三禮 из Юнцю родилась дочь, Сяо-ши 小師. В возрасте нескольких лет она вдруг сказала:

— Я — Сян-фу 享甫, сын Лэй Цзэ 雷澤, начальника уездной тюрьмы в Хуан-нани области Хуанчжоу, семнадцати лет от роду заболел и умер!

Торговцы скотом из Юнцю часто бывали в Хуанпи. Они расспросили местных, и оказалось, что такой Лэй действительно существует. Потом он и сам приехал посмотреть на Сяо-ши. Та, лишь увидев, назвала Цзэ отцом. В восьмой год Чжэн-хэ Сяо-ши приехала в Хуанпи и, рыдая, обняла свою прежнюю мать. Несколько раз она заговаривала о былом с тамошними жителями, ни в чем не ошибаясь.

Примечание

Восьмой год Чжэн-хэ — 1118.

(154) Чжу Чжай-лан, что из Аньцзи в Хучжоу, некогда путешествовал по Чичжоу, и цишаньский даос Чжан вручил ему лист белой бумаги, а также велел отыскать «чернобрового».

— [У него] тушью наколоты брови. Он еще часто ходит вместе с нищими, — объяснил даос.

Позже Чжу в родном селе увидел в толпе нищих человека с именно такой наколкой и подозвал его. Чернобровый поначалу стал браниться, но когда Чжу показал ему бумагу, что дал даос, улыбнулся и спросил:

— Все ли благополучно у почтенного Чжана?

До этого все лицо [у него] было в слюнях и грязи, он казался таким бедным, просто умирал от голода, а вот улыбнулся — и стал одухотворенным, возвышенным, совсем не тронутым мирской суетой человеком, словно из знатного дома!

— У тебя нет, как говорится, святой кости, — сказал нищий Чжу. — Ты богат, так что искусства желтого и белого для награды будет недостаточно. Но я владею секретом, с помощью которого можно продлить срок жизни.

Он научил Чжу своему секрету и ушел.

С тех пор Чжу стал много есть и пить и сорок лет подряд совсем не старел. В год и-ю под девизом правления Чун-нин он заболел, нанял лодку и отправился в Усин повидать Лю Тао 劉燾, а Лю в то время как раз собрался в Сиань, и они разминулись. Чжу не мог его ждать и позвал к себе скорее дядю [Лю] — И-чжуна 翼中, передал секрет [«чернобрового»] ему, а потом велел разворачивать лодку и плыть домой. Дядя И-чжун после этого сильно окреп. О каком способе долголетия идет здесь речь — неизвестно.

Примечания

Ч и ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Аньхой.

Цишаньский даос — то есть живущий на горе Цишань (Аньхой, недалеко от Гуйчи).

Нет... святой кости — то есть не суждено стать бессмертным.

Искусство желтого и белого — имеются в виду алхимические способы превращения камней и предметов в золото и серебро.

Усин — город в совр. пров. Чжэцзян.

Год и-ю... — 1105.

(155) Жао Гун 饒珙 из Фучжоу еще до того, как сдал экзамены, повстречал некоего последователя учения Будды, который сказал ему:

— Ваша судьба сложится совершенно так же, как у Цуя, паньгуаня области Жуньчжоу!

Жао ему не очень-то поверил. Но вот в возрасте сорока лет он по милостивому распоряжению двора был послан паньгуанем в область Жуньчжоу, а этой областью как раз в то время управлял мой покойный батюшка.

Через год с небольшим после вступления в должность Жао в своей резиденции обнаружил вырезанный на камне список паньгуаней этой области и среди них — имя паньгуаня Цуя! И пояснение: «Власти даровали должность юаньвайлана, вступил в должность тогда-то, оставил должность тогда-то». Вспомнив о том, что ему когда-то было сказано, Жао велел разыскать старейшего [в Управлении] чиновника и спросил его, что стало с тем Цуем после отставки.

— После того как ему на смену прибыл [другой чиновник], Цуй поехал в Янчжоу и там скончался, — отвечал старик.

Жао пришел в волнение — и тут как раз ему пришло повеление об отставке. Мой покойный батюшка, узнав обо всем этом, приложил все старания, чтобы помочь Жао, но тому так и не удалось избежать судьбы.

Примечания

Ф у ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Цзянси.

Ж у н ь ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Цзянсу.

(157) Передают, что раньше очень много было странствующих поборников справедливости. А ныне о них не слышно. Покойная матушка рассказывала мне о происшествии с Чжан Да-цином 張大卿 из Чанчжоу. Не о таком ли это человеке?

В свое время Чжан приобрел служанку лет тридцати с небольшим. Она хотя и не блистала красотой, но ее облик и суждения выдавали человека необычного. С собой служанка принесла плетенный из ивовых прутьев сундук, крепко перевязанный веревкой. Она все время повторяла, что сундук нельзя открывать.

Через десять с чем-то дней Чжан заметил, что служанки нигде нет. А среди ночи она вдруг выпрыгнула откуда-то сверху в окно! Чжан про себя удивился, но ничего не сказал.

Прошло больше года, и служанка родила дочь. Чжан же, заранее все приготовив, подождал, пока она уйдет, открыл ее сундук и стал смотреть. Оказалось, что там хранится короткий меч, черная безрукавка — и все.

Вернувшись, женщина поняла, что [ее сундук открывали], и, разозлившись, крикнула:

— Почему вы не послушали меня!

Она схватила безрукавку, накинула на себя, потом взмахом меча отрубила голову дочери и внезапно взвилась ввысь. Чжан кинулся было за нею, но женщина уже пропала. И до сего дня в семье Чжанов приносят ей жертвы на домашнем алтаре, и там же хранится ее ивовый сундук.

Примечание

Странствующие поборники справедливости — частые персонажи танских новелл *чуаньци*; аналогами их в реальной жизни были, видимо, люди, владеющие боевым искусством или даже обладающие волшебными свойствами и выше всего в жизни ставящие долг и справедливость, а не богатство и знатность. Как правило, они странствуют, ничем не выдавая своих свойств или устремлений, и наводят по своему разумению справедливый порядок; часто это — тайные мстители, карающие совершивших злодеяние.

(158) [Вера в] духа Цзы-гу, о котором передают с древности, особенно расцвела в последнее время. В начале годов Сюань-хэ культ этот запретили, и только тогда все прекратилось.

Я сам однажды наблюдал, как вызывали Цзы-гу. Ее дух чертит палочкой для еды, привязанной к веревке, которую за концы держат двое, а если прикрепить к палочке кисть, то дух может и на бумаге писать. Цзы-гу отвечает на заданные вопросы. Себя она называет «Великой святой с Пэнляя», и ее сопровождают множество девушек и юношей, и один из них, по имени Бо-чжун 伯仲, пишет иероглифы весьма искусно, а в игре в шахматы среди людей ему нет равных.

Когда я был в Наньхае, то повстречал там некоего человека, одетого как находящийся не у дел конфуцианец. Он умел вызывать Цзы-гу, и в моем кабинете Цзы-гу сложила мне такие стихи:

Книжную мудрость всю вы постигли
с древних до наших времен.
Основа тому — не только талант, но трудолюбие тоже.
Ныне коль феникса сын вас призовет в свой чертог,
Повсюду великое умиротворение воцарится вмиг!

Тот человек не владел литературным слогом, так что без вмешательства духа, подозреваю, не обошлось. Но странно — когда другие, не знающие грамоты люди вызывают Цзы-гу, она не пишет, а лишь выводит причудливо изогнутые линии на золе или песке. Почему бы это?

Примечание

Феникса сын — речь, видимо, о наследнике трона.

(160) Шичжун Чжан Шэн начинал службу по части контроля за налогами. Поговаривали, будто в помещении этого ведомства обитает нечистая сила. Чиновники там ночевать не осмеливались.

Но вот прибыл Чжан и один заночевал в присутствии. После полуночи вдруг кто-то как схватит его за ногу — а пальцы ледяные! [Чжан] тут же вскочил, обошел все здание до самого верха и снова улегся... Так повторялось четыре раза. Тогда Чжан притворился спящим — и внезапно схватил пристававшего: на ощупь показалось, [что он держит] огромную волосатую руку. [Чжан] зажмурился, не смея смотреть, и вцепился в эту руку изо всех сил. Прокричал петух, и [существо] заговорило человеческим голосом — сначала голос гремел как гром, потом сделался тише.

— Вы, господин, дослужитесь до шичжуна, будете давать советы императору. А я и так страдаю, так сжалюсь, отпустите меня!

Чжан не обращал внимания — и вдруг почувствовал, что волосатая рука постепенно становится все тоньше. К рассвету она вовсе исчезла. После этого и чудеса прекратились.

Чжан часто наставительно говаривал сослуживцам:

— Вот [я тогда] ночью глаз не открыл — и не испугался.

Муж моей старшей сестры раньше был зятем Чжана и поведал мне об этом случае по-родственному — тут все правда!

Примечание

Чжан Шэн (張昇 992–1077) — сунский сановник. Экзамен на степень цзиньши успешно выдержал в 1015 г. и стал служить. В 1055 г. был назначен в Цензорат, несколько позднее стал начальником Шумиюаня, на склоне лет хотел отказаться от службы, но двор не отпустил его, позволив по состоянию здоровья являться в присутствие раз в три дня, а также даровал ему почетный пост *тайцзы тайши* (наставника наследника трона). Прожил восемьдесят шесть лет.

(161) В год *гуй-чоу* под девизом правления Си-нин мой покойный батюшка держал экзамены. Сын Неба сначала хотел присудить ему первое место, но под влиянием фаворитов отдал батюшке лишь второе. Дедушка был этим очень недоволен.

Один старый буддийский монах с горы Даотаншань в Хучжоу сказал дедушке:

— Здесь человек не властен. Гора Даотаншань (Храмовая гора) находится в южной части вашей области, а гора Вэньбишань (гора Литературного мастерства) — самая низкая в области, так что тут не может появиться на свет первейший в Поднебесной.

Монах этот жил подаяниями. За горой Даотаншань он соорудил пагоду, издалека она напоминала формой кисть для письма. Закончив строительство, монах сказал местным жителям:

— Через тридцать лет [из вашей области] выйдет чжуаньюань!

Цзя Ань-чжай в годы Да-гуань, Мо Чоу в годы Чжэн-хэ — друг за другом стали на экзаменах первыми в Поднебесной. Эта моя семейная история — чистая правда.

Примечания

Год *гуй-чоу*... — 1073.

Здесь человек не властен... — ниже речь идет о традиционных китайских представлениях о том, что рельеф местности оказывает решающее влияние как на ее судьбу, так и на судьбу населяющих эту местность людей, то есть, проще говоря, о геомантии, занимавшей одно из центральных мест в повседневной жизни старого китайского общества. В данном случае монах объясняет неудачу отца Чжу Юя на экзаменах тем, что гора Вэньбишань, будучи самой низкой в его родных местах, негативно влияет на исход экзаменационных дел местных жителей; для компенсации воздействия горы монах построил пагоду, формой напоминающую кисть, после чего баланс природных сил местности дал возможность ее жителям получать высшие места в экзаменационных списках. Так и произошло.

Цзя Ань-чжай (賈安宅 XII в.) — сунский чиновник, в 1109 г. (то есть на третий год под девизом правления Да-гуань) действительно прошел первым по списку выдержавших дворцовые испытания. По службе дошел до поста начальника Департамента налогов и сборов. Служил при трех императорах — Хуэй-цзуне, Цинь-цзуне и Гао-цзуне.

Мо Чоу (莫儔 1089–1164) — сунский сановник. Прошел первым по списку выдержавших экзамен на степень цзиньши в 1113 г., ему тогда было всего двадцать четыре года. Много и плодотворно служил при дворе, в том числе был начальником Чжуншунэна, членом придворной академии Ханьлиньюань, чжичжигао, начальником Департамента чинов. Потом был удален от двора и с тех пор больше карьеры не делал.

(164) Мой дедушка жил к западу от областного города в Хучжоу. Вокруг усадьбы он устроил сад и насадил там фруктовые [деревья]. Одна слива была особенно хороша. А в доме жила тетушка — с детства она любила поесть. И поскольку тетушка пользовалась особым расположением [дедушки], никто дру-

гой не смел собирать плоды с той сливы. Домашние прозвали дерево «слива тетушки».

Через несколько десятков лет семья дедушки обеднела и не могла уже содержать это имение. Тетушка вышла замуж за Дин Вэя, который в то время стал крупным чиновником, получил в управление округ и разбогател. Дин купил те земли и построил поместье. Тетушка была еще в добром здравии. По-прежнему она собирала сливы с того самого дерева.

Примечание

Мой дедушка — то есть сунский чиновник и ученый Чжу Линь (朱臨 XI в.). Про Чжу Линя известно, что в молодости он учился у известного сунского наставника Ху Юаня и под его руководством изучал «Чунь цю»; по свидетельству современников, Чжу Линь был в этой области самый выдающийся ученик Ху Юаня. После него остались два сочинения с рассуждениями о «Чунь цю», а по службе Чжу Линь дошел до поста мишучэна (служащий Мишучэна).

(166) Супруга Цзин-гуна госпожа У была болезненно добродетельна. Она опасалась не только за свою чистоту, но переживала и за других. Как-то в бытность супругов в Цзяннине пришло время выдавать замуж старшую дочь. Госпожа на радостях приготовила в подарок зятю одежды из тонкого узорного шелка — все вещи редкие и ценные. Но вдруг оказалось, что в сундук, куда сложили одежду, залезла кошка и спит там! Госпожа кликнула служанку, приказала взять все вещи, отнести за купальню и бросить там без употребления. Вещи гнили, но никто не осмеливался взять их.

Когда мой покойный дедушка дошел до крайней бедности, принял отставку и потерял жалованье, то все деньги стал тратить на вино. Сыновья его ходили бедно одетые. Мой покойный батюшка, вспоминая об этом с болью, все свое жалованье раздавал братьям и родственникам, а себе из него за всю жизнь не скопил ни монетки. Дядья мои жили только за счет его милостей, иных средств к существованию не имели. В старости [батюшка] был разжалован. Содержание ему платить перестали, и родственники впали в ужас. Сам батюшка и все пять моих дядьев потеряли источник средств.

Вот я и думаю, что если бы моего деда и Цзин-гуна поменять местами, так вряд ли госпожа У стала бы проявлять такую брезгливость!

Примечание

Цзяннин — имеется в виду город в одноименном уезде, располагавшемся на территории совр. пров. Цзянсу.

(167) Передают, что если у женщины родится существо, похожее на беса, и та, исполняясь отвращения, убьет его, то бес улетает, но по ночам возвращается пить материнское молоко, и от этого женщина сильно недужит. В народе [такого беса] зовут *ханьба*. [Ханьба] бывают женского и мужского пола, девочки таскают вещи из дома, а мальчики, наоборот, — приносят чужие.

Чу Юй-ши (Хэ-фу) был знаменитый ученый и прекрасный лекарь. Знатные люди наперебой приглашали его [к себе]. [Чу же,] по характеру человек независимый и свободолюбивый, терпеть не мог аристократов. Когда кто-то из знати приглашал его для врачевания, [Чу] заламывал такую непомерную цену, что и помыслить страшно, а все полученные [таким образом] деньги

тут же раздавал нуждающимся. Выше прочих Хэ-фу ставил Хуан Тин-цзяня [по прозвищу] Шань-гу и как-то заметил: «Шань-гу такой почтительный сын, я преклоняюсь перед ним». Если у Хэ-фу случалась хорошая тушь, отборная бумага или какая-то удивительная безделушка, он непременно отсылал их Шань-гу. Шань-гу даже сказал однажды некоему придворному: «Чу Хэ-фу для меня все равно что мальчик ханьба». При этом присутствовал некто, пострадавший от [поборов] Хэ-фу: «А для моего дома он — все равно что девочка ханьба!»

Примечания

Существо, похожее на беса (鬼形 *гуй син*) — слово *гуй* (букв.: «душа умершего») имеет много русских переводных эквивалентов, варьирующихся в зависимости от контекста, здесь: некое отвратительное, по виду принадлежащее к темным силам, обладающее злыми свойствами существо, скорее всего, просто уродец.

Ханьба 旱魃 — букв.: «демон засухи». Сведения о нем встречаются еще в «Ши цзин» («Книга Песен»). В «Шэнь и цзин» («Книга о чудесах духов») о нем сказано: «В южной стороне есть человек в два-три чи ростом, нагой, глаза — на макушке. Бегаёт быстро, как ветер. Имя ему Ба. В стране, где он появляется, настает большая засуха, земля краснеет на тысячи ли...» [Тай-пин юй лань: 3921]. По поводу происхождения названия см. «Шань хай цзин» («Книга гор и морей»), где сказано, что Ба — имя небесной девы, дочери императора Хуанди, спустившейся на землю и поразившей Чи-ю жаром, но не сумевшей вознестись обратно и оставшейся жить на земле — «там, где поселилась она, дождь не шел» (разд. «Дахуан бэй-цзин». С. 66—7а).

Чу Юй-ши (初虞世, второе имя Хэ-фу и 甫 XI в.) — известный сунский врач, эрудит, литератор. Сначала жил на горе Линцюаньшань (Хэнань), потом постригся в буддийские монахи. Специалист по древним медицинским трактатам «Су вэнь» (素問 «Простые вопросы») и «Нань цзин» (難經 «Канон трудного»). Пользовался большой известностью у современников. Автор двух десятков медицинских сочинений, до наших дней дошедших в скудных отрывках.

Хуан Тин-цзянь (黃庭堅 1045—1105) — известный сунский поэт, каллиграф, кол-лекционер, литературный псевдоним которого был Шань-гу 山谷. Став в 1067 г. цзиньши, получил назначение помощником начальника уезда. В 1072 г. был назначен в Гоцзыцзянь преподавать, но в 1080 г. был выслан в провинцию начальником уезда. Позднее принимал участие в составлении хроники правления Шэнь-цзуна, по окончании работы над которой в 1091 г. получил назначение на пост цзицзюй шэжэня. В 1094 г., в результате придворных интриг, был опять выслан служить в провинцию (в Сычуань), потом, в 1102 г., был начальником области, но через девять дней был от службы освобожден, а в 1103 г. имя Хуан Тин-цзяня было вычеркнуто из списков чиновников. Умер в ссылке. Друг Су Ши (как поэтов их объединяли в «Су Хуан») и противник реформ Ван Ань-ши. Лидер цзянсийской поэтической школы, теоретик поэзии, изучению творчества которого посвящено множество работ. Сохранилось более тысячи девятистот стихотворений Хуан Тин-цзяня, а также собрание его сочинений «Шань гу цзи» (山谷集 «Собрание Шань-гу») в 67 цзюанях. Как каллиграф известен в числе так называемых «четырёх сунских мастеров», посвятив изучению каллиграфии более тридцати лет жизни, достиг больших успехов в скорописи.

(170) Когда Ван Дэ-юн стал министром, его за смуглый цвет кожи прозвали «черный министр». Однажды он состязался с северным послом в стрельбе из лука. Посол попал в цель. «Черный министр» достал стрелу со стальным нако-нечником и с первого же выстрела расколол стрелу посла. В народе стрелу про-звали «раскалывающей древки».

Яо Линь, тоже превосходный стрелок, десять лет служил начальником дворцовой стражи и на состязаниях по стрельбе из лука неоднократно достаивался высочайших наград.

В начале годов Чун-нин Ван Энью посчастливилось занять место начальника дворцовой стражи. Он не упражнялся в стрельбе и каждый год на состязаниях оставался в числе слабейших.

[Однажды] актеры в высочайшем присутствии давали представление. Сначала вышел один, со стрелой в руках, и сказал:

— Раскалывающая древки стрела «черного министра». Продается за три миллиона монет.

Потом появился другой, с большой стрелой в руках, и сказал:

— Не знающая поражений стрела старого Яо. Продается за три миллиона монет.

Потом два актера вкатили целую тележку стрел и сказали:

— Тележка стрел. Каждая — по монете.

— А чьи это стрелы, что так дешево? — спросил кто-то.

— Не достигающие цели стрелы Ван Эня, — был ответ.

Примечания

Ван Дэ-юнь (王德用 987–1065) — сунский чиновник и военачальник. Карьеру начал с должности областного воеводы, потом служил в дворцовой охране, возглавлял Шумиюань, был цзедуши. По отзывам современников, обладал довольно свирепой внешностью и смуглой кожей лица — говорили, что в этом смысле он напоминал основателя сунской династии; был отчаянно храбр — имя его наводило ужас на воинственных соседей.

Яо Линь (姚麟 XI в.) — сунский чиновник и военачальник, вместе со своим старшим братом Яо Сы (姚兕 XI в.) прославился победами над тангутами (современники называли их «два Яо»). Служил в дворцовой гвардии, был цзедуши.

Ван Энь (王恩 XI в. — нач. XII в.) — сунский чиновник, согласно историческим источникам, сделавший карьеру именно благодаря меткости стрельбы из лука; не совсем понятно, почему тут говорится обратное. Служил при Шэнь-цзуне, Чжэ-цзуне и Хуэй-цзуне, нанес несколько поражений тангутам. Карьеру закончил на посту провинциального генерал-губернатора.

(175) В годы Юань-ю жил один сановник, не буду называть его имя. Отец его был послан с понижением в должности в Чжуй и там умер. Гроб с телом остался не перевезенным на родину.

[И вот сановник,] достигнув знатности, пересек море с тем, чтобы забрать гроб. А уже прошло несколько десятков лет, и никто не знал, где его искать. В буддийском монастыре, правда, хранилось несколько гробов, но в них были лишь сухие кости и [не было] никаких указаний на то, чьи они.

Тогда сановник взял первый попавшийся гроб, отвез на родину и захоронил рядом с останками матери. Позже выяснилось, что он по ошибке увез гроб с останками какого-то монаха.

В начале годов Шао-шэн про это говорили: хочешь поступить благородно, так не проверив — не делай!

Примечание

Чжуй — уезд, располагавшийся на территории совр. пров. Гуандун, другое название Чжулу.

(183) Шэнь Ко, второе имя Цунь-чжун, как говорится, войдя в Сад кистей и побывав у пограничных валов, приобрел известность.

На старости лет [он] женился на госпоже Чжан, [женщине] злобной и жестокой. Цунь-чжун не мог с ней совладать, и, бывало, она ругала и била его

и таскала за усы по земле, а дети, видя это, рыдали, поднимали отца на ноги, по волосам его сочилась кровь, и они, громко плача, жалели [Цунь-чжуна], Цунь-чжун же ни разу на [Чжан] не рассердился.

Моя вторая младшая сестра вышла замуж за его сына Цин-чжи 清直, и злобная Чжан стала выживать ее. Она выгнала старшего сына Цунь-чжуна — Бо-и 博毅, родившегося от прежней жены. Узнав, что Цунь-чжун время от времени делает сыну подарки, Чжан взбеленилась еще больше, стала наговаривать на Бо-и, будто он лелеет злые помыслы и вообще невежа, так что Цунь-чжун в наказание отослал его в Сючжоу. А еще Чжан временами являлась в присутственное место, [где служил Цунь-чжун], и во всеуслышание поносила своего супруга. Все стремились убраться прочь и не попадаться ей на дороге.

Покойный батюшка, узнав обо всем этом, очень испугался за судьбу моей сестры и забрал ее обратно домой.

Цунь-чжун более десяти лет не служил и лишь в начале годов Шао-шэн снова испросил назначение и получил пост заведующего дворцовыми храмами. Тут госпожа Чжан заболела и умерла, и все бросились поздравлять Цунь-чжуна, но он был очень опечален и не находил себе места. Проплывая в лодке по Цзяну, он даже хотел броситься в воду, но сопровождающие удержали. Горе его было так велико, что скоро Цунь-чжун оставил службу. Удивляются: всю жизнь Чжан причиняла ему столько горя, вот он освободился от такого несчастья — что ж горевать? Я же полагаю, что злобная ревность этой женщины была вовсе не такой обыкновенной и после смерти душа ее продолжала быть связанной с Цунь-чжуном.

Примечания

Войдя в Сад кистей — то есть послужив при дворе на значительных должностях (например, в придворной академии Ханьлиньюань); ...побывав у пограничных валов — то есть побывав на крупных провинциальных постах (в том числе на границе с воинственными северными соседями). Все это происходило и с Шэнь Ко.

Тут госпожа Чжан заболела и умерла... — это случилось в 1094 г.

Сючжоу — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Цзянсу.

(184) Жена Ху Цзун-фу 胡宗甫, госпожа Чжан, была очень ревнива.

В годы Юань-фэн [господин Ху] служил в столице, и моя матушка часто бывала в их доме. Однажды у стола прислуживала, поднося вино, девица по имени Юнь-ин 雲英. Хозяин и она переглядывались и улыбались друг другу. Заметив это, госпожа Чжан исполнилась к девушке ненависти. Почувствовав нехорошее, Юнь-ин той же ночью повесилась в отхожем месте. Домашние в испуге доложили об этом, но госпожа Чжан продолжала пить вино как ни в чем ни бывало. Матушке все это не понравилось, и она вернулась домой.

А на другой год вдруг заболела любимая дочь госпожи Чжан. Голосом повесившейся служанки она стала выговаривать [госпоже Чжан]:

— Из-за тебя я умерла, а тебе и дела было мало; как могла ты продолжать есть, пить и веселиться, узнав о моей смерти?! Теперь муж твой непременно умрет, и все твои дети последуют за ним, и род твой не продолжится — вот отмщение за мои страдания!

Вскоре после этого [действительно] Цзун-фу умер, а госпоже Чжан пришлось покинуть столицу и вернуться в Чанчжоу. Все три ее сына тоже умерли. Так она и жены сыновей стали вдовами.

Саму госпожу Чжан в преклонные годы поразил недуг — она все металась на ложе и жалобно стонала, не могла сама ни есть, ни пить, а когда вспоминала о своем поступке, то лишь беззвучно лила слезы. Так она мучилась добрый десяток лет, прежде чем умерла.

Примечание

Ч а н ж о у — область, в которой Чжу Юй жил в юные годы; располагалась на территории совр. пров. Цзянсу.

(185) Ван Шао, будучи на службе в Сихэ, злоупотреблял там казнями. На склоне лет, управляя Хунчжоу, он обратился к учению Будды.

— В прошлом я не ведал истины, — сказал он однажды старейшине буддийской общины Цзу-синю 祖心, — и совершил немало преступлений. Теперь же истина мне открылась. Как искупить мне проступки свои?

Цзу-синь отвечал:

— Предположим, бедняк взял в долг, потом разбогател. Кредитор пришел за долгом. Надо ли отдавать?

— Конечно, — отвечал Ван.

— Ну, а если вы poznали истину, почему же кредиторы должны прощать вам долги?

Вскоре Ван, пораженный недугом, скончался.

Примечания

В а н Ш а о (王韶 1030–1081) — сунский чиновник и военачальник. Отличался хитроумием, был природный стратег. Цзиньши стал в 1057 г. Службу начал с должности уездного секретаря. В 1068 г. был направлен на северную границу, где добился мира с племенами цянов, проводя политику их умиротворения и привлечения на сторону сунского государства. Тот же успех Ван Шао удалось повторить и в 1072 г., когда на стороне Сун были 120 тысяч цянов во главе с племенным вождем, за что он и был поставлен во главе всех местных войск. При дворе служил заместителем начальника Шумиюаня, но довольно быстро был отправлен в отставку с этого поста и поставлен управлять областью Хунчжоу (располагалась на территории совр. пров. Шаньси). Там он заболел и скоропостижно скончался в возрасте пятидесяти двух лет.

С и х э — уезд, располагавшийся на территории совр. пров. Шаньси.

Библиография

Алимов И.А. Китайский культ лисы и «Удивительная встреча в Западном Шу» Ли Сяньмина // Петербургское востоковедение. СПб., 1993. Вып. 3.

Алимов И.А. Вслед за кистью. Материалы к истории сунских авторских сборников бицзи. Исследования. Переводы. СПб., 1996. Ч. 1.

Алимов И.А. Лес записей: китайские авторские сборники X–XIII вв. в очерках и переводах. СПб., 2009.

Алимов И.А., Серебряков Е. А. Вслед за кистью. Материалы к истории сунских авторских сборников бицзи. Исследования. Переводы. СПб., 2004. Ч. 2.

Вельгус В.А. Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов: Китайские источники ранее XI в.. М., 1978.

Вельгус В.А. Средневековый Китай: Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. М., 1987.

Иванов А.И. Ван Ань-ши и его реформы. XI в. СПб., 1909.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984.

Лопина З.Г. Политическая борьба в средневековом Китае (40–70-е годы XI в.). М., 1970.

Мартынов А. С. Кисть и досуг «совершенного мужа» («Цзюнь-цзы»): Заметки о книге И. А. Алимова «Вслед за кистью». Ч. 1. СПб., 1996 // Петербургское востоковедение. СПб., 1997. Вып. 9.

Сань Су цюань вэнь. Полное собрание сочинений трех Су. Пекин, 2001.

Сунжэнь чжуаньцзи цзыляо соинь / Ван Дэ-и цэндин (Указатель биографических материалов лиц, живших при Сун / Под общей ред. Ван Дэ-и. Пекин, 1988. Т. 1.

Сун ши и вэнь чжи. Бу фу бянь (Сведения о литературе из истории [династии] Сун, дополненные и расширенные). Пекин, 1958.

Тай-пин юй лань / Ли Фан дэн бянь (Императорское обозрение годов Тай-пин / Сост. Ли Фан и др.). Пекин, 1960. Т. 4.

Хуан Тунь-цзюэ. Лунь Сундай чафадэ дицю чаи (О территориальных отличиях в способах употребления чая при династии Сун) // Юньнань шэхуэй кэсюэ (Общественные науки Юньнани). 2001. № 5.

Ци И. Чжунго ханхай ши (История китайского мореходства). Пекин, 1988.

Чжао Жугуа. «Чжу фань чжи» (1225 г.): (Сообщение о государстве Шривиджая) / Предисл. и пер. М. Ю. Ульянова // Восток. 1996. № 6.

Чжоу Цюй-фэй. За хребтами. Вместо ответов / Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. М.Ю. Ульянова. М., 2001.

Чжоу Чэн. Сун дун цзин као (Разыскания о восточной сунской столице). Пекин, 1988.

Чжунго фэнсу тунши. Сундай цзюань (Общая история китайских обычаев. Сунский том). Шанхай, 2001.

Чэнь Чжэнь-сунь. Чжи чжай шу лу цзе ти / Сюй Сяо-мань, Гу Мэй-хуа цзяодянь (Аннотированные заметки о книгах из кабинета Чжи-чжая / Крит. текст Сюй Сяо-маня и Гу Мэй-хуа). Шанхай, 1987. С. 334.

Чжу Юй. Пин чжоу кэ тань // Чэнь Ши-дао. Хоу-шань тань цун; Чжу Юй. Пин чжоу кэ тань / Ли Вэй-го цзяодянь (Чэнь Ши-дао. Собрание бесед Хоу-шаня; Чжу Юй. Из бесед в Пинчжоу / Крит. текст Ли Вэй-го). Шанхай, 1989.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда: Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М., 1981.

Шэнь Дун-мэй. Сундайдэ чайнь цзишу (Искусство чаепития в сунскую эпоху) // Чжунго ши яньцзю (Исслед. по кит. истории). 1999. № 4.

Юань Кэ. Чжунго шэньхуа чуаньшо цыдянь (Словарь китайских мифов и легенд). Шанхай, 1985.

Юань Кэ. Мифы Древнего Китая / Пер. с кит. Е.И. Лубо-Лесниченко, Е.В. Пузицкого и В.Ф. Сорокина. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1987.

A Sung Bibliography. Hongkong, 1978.

Научное издание

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Вещи, история коллекций, тексты

**Сборник Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН**

Том LV

Редакторы М.В. Банкович, М.А. Ильина
Корректор К.С. Оверина
Верстка Н.И. Пашковской

Подписано к печати 20.12.2009
Формат 70×108/16. Бумага офсетная.
Гарнитура NewtonC. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Усл. печ. л. 36. Уч.-изд. л. 39.
Заказ № 910.

Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.spb.ru

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004. Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24

ISBN 978-5-02-025593-7

